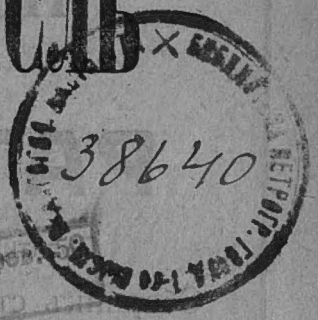
РУССКАЯ МЫСЛЬ



ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

КНИГА V.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1911.

НОВЫЯ КНИГИ:

ПЕТРЪ СТРУВЕ.

PATRIOTICA.

Политика, культура, религія, соціализмъ.

Сборникъ статей за пять лѣтъ (1905—1910 г.).

Въ числѣ статей между прочимъ напечатаны:

„Великая Россія“, „Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія“, „Интеллигенція и революція“, „Интеллигенція и національное лицо“, „Герценъ“ и „Левъ Толстой“.

Стр. 619. Ц. **3** р.

Изданіе Д. Е. ЖУКОВСКАГО.

С. Л. Франкъ.

ФИЛОСОФІЯ и ЖИЗНЬ.

Этюды и наброски по философіи культуры.

Содержаніе: „Ницше и этика любви къ дальнему“.—„Проблема власти“.—„Философскія предпосылки деспотизма“.—„Личность и вещь“.—„Этика нигилизма“ и друг.

Стр. 389. Ц. 2 р.

Изд. Д. Е. Жуковскаго.

Складъ изданій: Спб. т-во „Обществ. Польза“, Невскій, 40, кв. 43. Москва, складъ журн. „Русск. Мысль“, Ваганьковскій пер., 3.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. СТИХИ. **Николая Бернера, А. Баранова, Нат. Крандіевской, Ю. Балтрушайтиса** 1

II. АЛЕКСАНДРЪ I. Романъ. Часть первая. — **Д. С. Мережковскаго** 5

III. ЯБЛОНИ ЦВѢТУТЪ. Романъ.—**О. Миртова.** *Продолженіе* . 54

IV. ГОРОДЪ НАДВИГАЕТСЯ. Романъ **Клары Фибихъ**. Съ нѣмецкаго.—Перев. **Ф. О. Ельяшевичъ.** *Продолженіе* . . 78

V. О ТОМЪ, ЧЕГО НЕ БЫЛО.—**А. К. Герцыкъ** 130

VI. ШЕРИДАНЪ. Романъ **Люси Деларю-Мардрюсъ**. Съ французскаго.—Перев. **Нины Петровской.** *Продолженіе* 147

VII. СОВРЕМЕННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО И АГРАРНАЯ ЭВОЛЮЦІЯ.—**А. А. Кауфмана.** *Окончаніе* 1

VIII. ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ВЪ 80-ХЪ ГОДАХЪ.—**В. Я. Богучарскаго.** *Окончаніе* 22

IX. ДОСТОЕВСКІЙ И РОМАНЪ-ТРАГЕДІЯ.—**Вячеслава Иванова.** 46

X. СТАРООБРЯДЧЕСТВО И ПРАВОСЛАВІЕ.—**Д. В. Философова** 62

XI. САМОБЫТНОСТЬ СТАРООБРЯДЧЕСТВА. — **А. Мельникова** 72

XII. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЖИТЕЛЬСТВѢ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССІИ.—**Юлія Гессена** 82

XIII. ШЕВЧЕНКО.—**К. И. Чуковскаго.** *Окончаніе* 99

XIV. ПЕРЕМѢНА ДЕКОРАЦІЙ. Письмо изъ Франціи.—**А. Щепетева** 111

Стр.

XV. КЪ ВОПРОСУ О САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ УКРАИНСКОЙ КУЛЬТУРѢ. Письмо въ редакцію.—**Украинца** 131

XVI. ПО ИТАЛІИ. Сицилія.—**Петра Рысса** 147

XVII. МАТЕРІАЛЫ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ. I. Три неизданныхъ стихотворенія И. С. Никитина. II. Изъ писемъ К. П. Побѣдоносцева 156

XVIII. ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ. Обзоры и замѣтки. **I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.** 1. Политическая жизнь Россіи. **А. С. Изгоева.**—2. Подоходный налогъ въ Россіи.—**М. И. Фридмана. II. Литература и искусство.** 1. Волна пошлости. **Д. В. Философова.**—2. Театральныя замѣтки. **А. А. Кивеветтера.**—3. Художественные итоги зимы 1910—1911 г. (Москва). **Максимиліана Волошина.**—4. Книга о современномъ театрѣ. **А. Койранскаго. III. Естествознаніе.** О русскихъ работахъ по зоогеографіи. **М. А. Мензбира. IV. Некрологъ:** А. И. Георгіевскій и др. 1

XIX. КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Критико-библіографическій отдѣлъ. I. Книги:** Исторія литературы и литературная критика.—Исторія, мемуары.—Правовѣдѣніе.—Философія.—Политическая экономія и статистика.—Педагогика и народное образованіе.—Естествознаніе. **II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ въ теченіе апрѣля 1911 г.** 189

XX. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

---

1. Редакція для пріема и выдачи рукописей съ мая открыта только по *пятницамъ* отъ 2—4 час. дня. (Москва, Ваганьковскій п., 3.)

2. Редакція принимаетъ только рукописи, переписанныя на машинкѣ или совершенно четко перомъ; рукописи неразборчивыя не читаются.

3. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ.

4. Мелкія рукописи (меньше 1 печатнаго листа) и рукописи стихотвореній не сохраняются, и редакція рекомендуетъ авторамъ такихъ произведеній оставлять у себя ихъ коіи.

5. По поводу мелкихъ рукописей и стихотвореній редакція не вступаетъ съ гг. авторами ни въ переговоры, ни въ переписку, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Авторы такихъ произведеній, не получившіе отвѣта въ теченіе 2 мѣсяцевъ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

6. Обратная пересылка рукописей по почтѣ производится за счетъ гг. авторовъ и притомъ исключительно *заказной* бандеролью.

Стихи.

1.

Этюдъ.

Весна поетъ... Весна поетъ закатомъ,
Какъ жемчугъ блѣдно кружево листвы,
И зыбко-зеленъ бархатъ муравы,
И воздухъ прянъ пьянящимъ ароматомъ.

Весна поетъ о шорохѣ крылатомъ,
О неземной причудливости ласкъ...
Весна зоветъ меня безумнымъ братомъ
Въ стихійномъ хороводѣ буйныхъ пляскъ.

И бредитъ духъ на праздникѣ богатомъ,
Трепещетъ небо сказкой синихъ струй...
Я окруженъ тоской высокихъ туй,
И чудно море свѣтится закатомъ.

2.

У моря.

Сердце пьетъ прозрачность моря
И соленыхъ струекъ влагу.
Вѣтру далей вздохомъ вторя,
На пескѣ уставшій лягу.

Дремныхъ волнъ сѣдую пляску
Буду слушать въ пѣсняхъ воли,
И навѣетъ вечеръ сказку
Въ тайнѣ сумрачныхъ раздолій.

Станутъ тихо пѣть сирены
Гимнъ, печалью озаренный.
Волны блескомъ нѣжной пѣны
Заласкаютъ островъ сонный.

Николай Бернеръ.

3.

На влагѣ тихаго прилива
Дрожала первая звѣзда;
Однообразно и тоскливо
Перекликались поѣзда.

И въ мигъ, исполненный печали
Давно оплаканныхъ потерь,
Одежды смутно прошуршали,
Безшумно распахнулась дверь.

Дыша вечерними цвѣтами,
И безмятежна и чиста,
Ты нераскрытыми устами
Нашла умолкшія уста...

4.

Б. Садовскому.

Поля небесныя румяны
И предразсвѣтно-высоки,
Но тихи смутные туманы
У холодѣющей рѣки.

Не скоро вѣтеръ утомленный
Въ окно метнетъ ползучій хмель
И воздухъ, сонный, упоенный,
Пронижетъ дальняя свирѣль...

Уснуло давнее страданье,
Въ усталомъ сердцѣ нѣтъ огня,
И такъ отрадно ожиданье
Еще невѣдомаго дня.

А. Барановъ.

5.

Весна.

Полна причудливыхъ и вѣтреныхъ утѣхъ,
Весна кружится въ рощѣ пробужденной
И теплою рукою обнаженной
Свѣваетъ вкругъ себя забытый солнцемъ снѣгъ.

И разливается хмельная синева
Отъ ясныхъ глазъ ея, и вѣтеръ усмиренный
Летитъ къ ея ногамъ, покорный и влюбленный,
И выпрямляется замерзшая трава.

А тамъ, навстрѣчу ей, призывный шумъ встаетъ,
И море темное, и въ пѣнѣ, и въ сверканьи,
Ей шлетъ апрѣльскихъ волнъ соленое дыханье
И звуковъ буйныхъ пестрый хороводъ.

Нат. Крандіевская.

6.

Сѣятель.

Древнимъ плугомъ поле взрыто...
Будутъ зерна въ глубинѣ!
Ширь пустынная открыта
Зеленѣющей веснѣ...

Въ древнемъ полѣ, надъ оврагомъ,
Вѣковой своей тропой,
Съ зыбкой ношей, мѣрнымъ шагомъ,
Бродитъ сѣятель слѣпой...

Онъ безсмертною десницей,
Исполняя свой завѣтъ,
Сѣетъ плевелы съ пшеницей,
Хлѣбъ людской и Божій цвѣтъ...

Будетъ годъ ли урожайный,
Иль безплодье ждетъ зерно,—
Произвола вѣчной тайны
Старцу вѣдать не дано...

Онъ лишь мѣрно, горстью полной,
Разсыпаетъ вдоль межи
Лѣтній трепетъ, шелестъ, волны,
Звонъ и пѣнье въ полѣ ржи...

Изъ лукошка рокового,
Онъ лишь сѣетъ даръ творца,
Скудный свѣтъ людского крова
И проклятіе жнеца...

Ю. Балтрушайтисъ.

АЛЕКСАНДРЪ I. [1])

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Очки погубили карьеру князя Валерьяна Михайловича Голицына.

— Поди-ка сюда, карбонарій! За ушко да на солнышко. Разскажи, чего напроказилъ. Что за исторія съ очками, а? Весь городъ говоритъ, а я и не знаю...—подставилъ бритую щеку для поцѣлуя князю Валерьяну дядя его, старичокъ лысенькій, кругленькій, катавшійся, какъ шарикъ, на короткихъ ножкахъ; все лицо въ мягкихъ бабьихъ морщинахъ, какія бываютъ у старыхъ актеровъ и царедворцевъ;—министръ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ св. синода, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Когда князь Валерьянъ, послѣ двухлѣтняго отсутствія,—онъ только что вернулся изъ чужихъ краевъ,—вошелъ въ министерскую пріемную, большую, мрачную комнату съ окнами на Михайловскій замокъ, такъ и пахнуло на него запахомъ прошлаго, вѣчною скукою повторяющихся сновъ.

На томъ же мѣстѣ опустилась подъ нимъ ослабѣвшая пружина въ старомъ кожаномъ креслѣ. Такъ же на канцелярскомъ зеленомъ сукнѣ стола лежали запрещенныя духовною цензурою книги; „О вредѣ грибовъ“, прочелъ онъ заглавіе одной изъ нихъ: грибы постная пища, догадался, нельзя сомнѣваться въ ихъ пользѣ. Тѣми же снимками со всѣхъ изображеній Спасителя, какія только существуютъ на свѣтѣ, увѣшаны были стѣны пріем-

---

[1]) Предлагаемый историческій романъ Д. С. Мережковскаго печатается въ *Русской Мысли* не отрывками, какъ первоначально было обѣщано читателямъ, а полностью. Нѣкоторые отрывки изъ печатаемой здѣсь части романа были помѣщены въ газетѣ *Русское Слово*. *Редакція.*

ной: ликъ Господень превращенъ въ обойный узоръ. Такъ же рдѣла въ глубинѣ сосѣдней комнаты-молельни темно-красная лампада, въ видѣ кроваваго сердца. Такъ же пахло застарѣлымъ, точно покойницкимъ, ладаномъ.

— Помилосердствуйте, дядюшка! Вы уже двадцатый меня объ этомъ сегодня спрашиваете, — посмотрѣлъ князь Валерьянъ на стараго князя изъ-подъ знаменитыхъ очковъ съ тонкою усмѣшкою на сухомъ, желчномъ и умномъ лицѣ, напоминавшемъ лицо Грибоѣдова.

— Да ну же, ну, говори толкомъ, въ чемъ дѣло?

— Дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ. На вчерашнемъ дворцовомъ выходѣ въ очкахъ явился. Отвыкъ отъ здѣшнихъ порядковъ: изъ памяти вонъ, что въ присутствіи особъ высочайшихъ ношеніе очковъ не дозволено.

— Поздравляю, племянничекъ. Камеръ-юнкеръ въ очкахъ! И свой карьеръ испортилъ, и меня, старика, подвелъ. Да еще въ такую минуту...

— Изъ-за очковъ паденіе министерства, что ли?

— Не шути, мой другъ, не доведутъ тебя до добра эти шутки.

— Что за шутки! Завтра къ Аракчееву являться. Ежели въ крѣпость или въ телѣжку посадятъ съ фельдъегеремъ, только на васъ и надѣюсь, дядюшка.

— Не надѣйся, душа моя! Я отъ тебя отступился: совѣтовъ не слушаешь, самъ лѣзешь въ петлю. Думаешь, не знаетъ начальство, какая у васъ каша заваривается? Все знаетъ, мой милый, все. Погоди-ка, ужо выведутъ васъ на чистую воду, господа карбонаріи!... А письмо-то, письмо? Это еще что такое? Откровенничать вздумалъ по почтѣ. Ужъ если такъ приспичило, можно бы, чай, и съ оказіей...

Въ перехваченномъ тайной полиціей и представленномъ государю письмѣ князь Валерьянъ называлъ Аракчеева „гадиной“. Князь Александръ Николаевичъ ненавидѣлъ Аракчеева; не кланялся съ нимъ даже во дворцѣ, въ присутствіи государя. Князь Валерьянъ зналъ, что за это письмо дядя готовъ простить ему многое.

— Я всегда полагалъ, ваше сіятельство,—проговорилъ онъ съ еще болѣе тонкой усмѣшкой на слегка поблѣднѣвшихъ губахъ,— что заглядывать въ частныя письма все равно, что у дверей подслушивать...

Старикъ зашикалъ, замахалъ руками.

— Если желаете, сударь, продолжать со мною знакомство, позвольте выбирать выраженія ваши,—сказалъ онъ по-французски.

— Виноватъ, ваше сіятельство, но, право же, мочи нѣтъ! Вся кровь въ желчь превращается. Я понимаю, что можно здоровому человѣку привыкнуть въ желтомъ домѣ жить съ сумасшедшими, но честному съ подлецами въ лакейской—нельзя...

— Вы очень измѣнились, мой милый, очень измѣнились,— покачалъ головою дядюшка.—И скажу прямо, не къ лучшему. Эти заграничныя знакомства вамъ не впрокъ...

„Успѣли-таки донести, мерзавцы!“ подумалъ князь Валерьянъ. Заграничное знакомство былъ вольнодумный философъ Чаадаевъ, съ которымъ онъ сблизился во время своего пребыванія въ Парижѣ.

— Я вижу, дорогой мой, вы все еще не можете освободиться отъ самого себя и обратиться въ то ничто, которое едино способно творить волю Господню,—завелъ дядюшка глаза къ небу.— Какъ блудный сынъ, покинули вы отчій домъ и рады питаться свиными рожками на поляхъ иноплеменниковъ...

„Свиные рожки—конституція“, догадался князь Валерьянъ.

Долго еще говорилъ дядюшка объ Іисусѣ сладчайшемъ, о совлеченіи ветхаго Адама и воскрешеніи Лазаря, о состояніи Маріи, долженствующемъ замѣнить состояніе Марѳы, о божественной росѣ и воздыханьяхъ голубицы.

Князь Валерьянъ слушалъ съ тоскою. „Тюлевый бы чепчикъ съ рюшками тебѣ на лысенку, и точь въ точь Крюденерша пророчица!“ думалъ онъ, глядя на стараго князя.

— Всякая власть отъ Бога. Христіанинъ и возмутитель противъ власти, отъ Бога установленной, есть совершенное противорѣчіе,—кончилъ дядюшка тѣмъ, чѣмъ кончались всѣ подобныя проповѣди.

— А вѣдь я и забылъ, ваше сіятельство,—успѣлъ, наконецъ, вставить князь Валерьянъ,—порученіе отъ Марьи Антоновны...

Взялъ со стола свертокъ, развязалъ и подалъ, не безъ камеръюнкерской ловкости, шелковую подушечку изъ тѣхъ, какія употреблялись для колѣнопреклоненій во время молитвы, съ вышитымъ пламенѣющимъ сердцемъ Іисусовымъ.

— Собственными ручками вышить изволили. Пусть, говорятъ, будетъ князю память о другѣ вѣрномъ всегда, особенно же нынѣ, въ претерпѣваемыхъ имъ безвинно гоненіяхъ.

— Ахъ, милая, милая! Вотъ истинная дщерь Израиля!—умилился дядюшка.—Будешь у нея сегодня на концертѣ Вьельгорскаго?

— Буду.

— Ну, такъ скажи ей, что завтра же пріѣду расцѣловать ручки.

Въ любовныхъ ссорахъ государя съ Марьей Антоновной Нарышкиной князь Александръ Николаевичъ Голицынъ былъ всегдашнимъ примирителемъ, за что злые языки называли его „старою сводней“. „Тридцатилѣтній другъ царевъ, угождая плоти, міру и діаволу, князь всегда былъ заодно съ царемъ, въ такихъ дѣлахъ, о нихъ же нельзя и глаголати“, обличалъ его архимандритъ Фотій.

— И еще порученьице, дядюшка: узнать о министерскихъ дѣлахъ, о козняхъ враговъ.

— Самъ разскажу ей... А, впрочемъ, вы, можетъ быть, тамъ больше нашего знаете? Ну-ка, что слышалъ? Разсказывай!

— Много ходитъ слуховъ. Говорятъ, министерства вашего дни сочтены; въ заговорѣ, будто, о. Фотій съ Аракчеевымъ.

— И съ Магницкимъ.

— Быть не можетъ! Магницкій — сынъ о Христѣ возлюбленный... А вѣдь говорилъ я вамъ, дядюшка: берегитесь Магницкаго. Шельма, какихъ свѣтъ не видалъ,—помѣсь курицы съ гіеною.

— Какъ, какъ? Курица съ гіеною? Недурно! Ты иногда бываешь остроуменъ, мой милый...

— А помните, ваше сіятельство, какъ исцѣляли бѣсноватаго?— спросилъ князь Валерьянъ.

— Да, представь себѣ, кто бы могъ подумать? Мошенники. Ну, да что Магницкій. Богъ съ нимъ. А вотъ о. Фотій, о. Фотій,— какой сюрпризъ!...

Сбѣгалъ въ кабинетъ и вернулся съ двумя письмами.

— Читай.

„Ваше сіятельство, высокочтимый князь! Ты и я—какъ тѣло и душа. Сердце одно мы. Христосъ посреди насъ и есть будетъ“, кончалось одно письмо, отъ Фотія.

Другое—черновикъ, отвѣтъ Голицына:

„Высокопреподобный отче Фотій! Свиданія съ вами жажду, какъ холодной воды въ жаркій день. Орошаюсь слезами и прошу у Господа крылъ голубиныхъ, чтобы летѣть къ вамъ. Воистину, Христосъ посреди насъ“.

— Ахъ, дядюшка, дядюшка, погубитъ васъ доброе сердце!— едва удержался князь Валерьянъ отъ злораднаго смѣха.

— Богъ милостивъ, мой другъ. Сколько люди меня ни обманываютъ, а я въ дуракахъ не бывалъ. Такъ вотъ и нынче. Министерство отнять хотятъ. Да я радешенекъ! Только того и желаю, чтобы на свободѣ подумать о спасеньи души...

Опять завелъ глаза къ небу.

— У государя—вотъ у кого доброе сердце,—вздохнулъ съ умиленіемъ.—Ну, *тотъ* этимъ и пользуется...

„Тотъ“ былъ Аракчеевъ: старый князь такъ ненавидѣлъ его, что никогда не называлъ по имени.

— Подойдетъ тихохонько, склонитъ голову на бокъ и пригорюнится: „государь батюшка, ваше величество, одолѣли меня, старика, немощи, увольте въ отставку“...

Князь Валерьянъ взглянулъ на дядюшку и замеръ отъ удивленія: мягкія бабьи морщины сдѣлались жесткими, глаза потухли, щеки впали, лицо вытянулось—живой Аракчеевъ. Но исчезло видѣніе—и опять сидѣлъ передъ нимъ благочестивый проповѣдникъ; только гдѣ-то, въ самой глубинѣ глазъ, искрилась шалость.

Вспомнился князю Валерьяну разсказъ, слышанный отъ самого дядюшки, какъ однажды въ юности, еще камеръ-пажемъ, побился онъ объ закладъ, что дернетъ за косу императора Павла. И, дѣйствительно, стоя за государевымъ стуломъ, во время обѣда, изловчился, дернулъ. Государь обернулся. „Ваше величество, коса покривилась, я исправилъ“. „А, спасибо, дружокъ“.

— Такъ-то, мой милый,—продолжалъ дядюшка.—Говоря между нами, это министерство просвѣщенія у меня вотъ гдѣ! Сытъ по горло. Не министерство, а гнѣздо демонское, котораго очистить нельзя, развѣ ангелъ съ неба сойдетъ. Всѣ училища превратились въ школы разврата. Новая философія изрыгнула адскія лжемудрствованія, и уже стоитъ среди Европы съ поднятымъ кинжаломъ. Кричатъ: науки! науки! А мы, христіане, знаемъ, что въ злохудожную душу не внидетъ премудрость, нижѐ обитаетъ въ тѣлеси, повинномъ грѣху. И что можно сдѣлать добраго книгами? Все уже написано. Буква мертвитъ, а духъ животворитъ... Я бы, мой другъ, всѣ книги сжегъ!—закончилъ онъ съ тою же рѣзвостью, съ которою, должно быть, дергалъ императора за косу.

„Ахъ, шалунъ, шалунъ!—думалъ князь Валерьянъ.—Сколько зла надѣлалъ, а вѣдь вотъ невиненъ, какъ дитя новорожденное“.

— Ты что на меня такъ уставился? Аль не по шерсткѣ?... Ничего, братъ, стерпится, слюбится. Ты еще вернешься къ намъ...

Посмотрѣлъ на часы.

— Въ Синодъ пора. Два архіерея ждутъ. Ну, Господь съ тобой. Дай перекрещу. Вотъ такъ,—теперь не бойся, ничего тебѣ *тотъ* не сдѣлаетъ. А право же, возвращайся-ка къ намъ, блудный сынокъ!

— Нѣтъ ужъ, дядюшка, куда мнѣ? Горбатаго развѣ могилка исправитъ.

— Не могилка, а дѣвица Турчанинова.

— Какая дѣвица?

— Не слышалъ? Удивительно. Исцѣляетъ взглядомъ горбатыхъ и глухонѣмыхъ. Я собственными глазами видѣлъ сына генерала Толя, съ одной ногой короче другой, и представь себѣ, черезъ мѣсяцъ ноги сравнялись. Силу эту уподобить можно помпѣ или—какъ это?—насосу, что ли, извлекающему изъ натуры магнетизмъ животный... Сейчасъ некогда. Потомъ разскажу. Хочешь, къ ней съѣздимъ?

— Съ удовольствіемъ. Можетъ быть, и меня выправитъ.

— А ты что думалъ? Богу все возможно. Или не вѣришь?

— Вѣрю, дядюшка. А только знаете, что мнѣ иногда въ голову приходитъ: если бы самъ Христосъ сталъ творить чудеса и проповѣдывать на Адмиралтейской или Дворцовой площади, тутъ и до Пилата не дошло бы дѣло, а первый квартальный взялъ бы Его на съѣзжую. И архіереи не заступились бы...

„Ни вы, ни вы, ваше сіятельство!“ едва не сорвалось у него съ языка. И не дожидаясь отвѣта, выбѣжалъ изъ комнаты.

Старый князь только пожалъ плечами.

— Безпутная голова, а сердце доброе. Жаль, что скверно кончитъ!

II.

Вскорѣ послѣ Аустерлица появилось въ иностранныхъ газетахъ извѣстье изъ Петербурга: „госпожа Нарышкина побѣдила всѣхъ своихъ соперницъ. Государь былъ у нея въ первый же день по своемъ возвращеніи изъ арміи. Доселѣ связь была тайной; теперь же Нарышкина выставляетъ ее на показъ и всѣ передъ ней на колѣняхъ. Эта открытая связь мучитъ императрицу“.

Однажды на придворномъ балу императрица спросила Марью Антоновну объ ея здоровьѣ.—Не совсѣмъ хорошо,—отвѣтила та,—я, кажется, беременна.

Обѣ знали, отъ кого.

Шла рѣчь о разводѣ.

Но за двадцать лѣтъ къ этому всѣ привыкли, и уже никто не удивлялся. Марья Антоновна была такъ хороша, что не хватало духа осудить ея любовника.

„Разиня ротъ, стоялъ я въ театрѣ передъ ея ложей и преглупымъ образомъ дивился красотѣ ея, до того совершенной, что она казалось неестественной, невозможной“, вспоминалъ черезъ много лѣтъ одинъ изъ ея поклонниковъ.

„Скажи ей, что она ангелъ,—писалъ Кутузовъ женѣ,—и что если я боготворю женщинъ, то для того только, что она—сего пола: а еслибъ она мужчиной была, тогда бы всѣ женщины были мнѣ равнодушны".

Всѣхъ Аспазія милѣй
Черными очей огнями,
Грудью пышною своей...
Она чувствуетъ, вздыхаетъ,
Нѣжная видна душа;
И сама того не знаетъ,
Чѣмъ всѣхъ болѣ хороша,—

пѣлъ ее старикъ Державинъ.

Никто не удивлялся и тому, что у мужа Марьи Антоновны, Дмитрія Львовича Нарышкина, двѣ должности: явная — оберъ-гофмейстера и тайная—„снисходительнаго мужа" или, какъ шутники говорили, „великаго мастера масонской ложи рогоносцевъ". Добродѣтельная императрица Марія Ѳеодоровна писала добродѣтельной супругѣ Марьѣ Антоновнѣ: „Супругъ вашъ доставляетъ мнѣ удовольствіе, говоря о васъ съ чувствами такой любви, коей, полагаю, немногія жены, подобно вамъ, похвалиться могутъ".

Любовникъ, впрочемъ, былъ не менѣе снисходителенъ, чѣмъ мужъ. Однажды засталъ онъ Марью Антоновну врасплохъ со своимъ адъютантомъ Ожаровскимъ. Но она сумѣла убѣдить государя, что ничего не было, и онъ повѣрилъ ей больше, чѣмъ глазамъ своимъ.

. . . . . .

Обѣ дочери государя отъ Елисаветы Алексѣевны умерли въ младенчествѣ. Первая дочь отъ Марьи Антоновны умерла тоже. Вторая, Софья, осталась въ живыхъ, но съ дѣтства была слаба грудью. Опасались чахотки. Этотъ послѣдній и единственный ребенокъ, котораго Александръ считалъ своимъ,—о чемъ, однако, спорили,—маленькая Софочка была его любимицей.

Благодаря дядюшкѣ своему, старому другу дома, князь Валерьянъ Михайловичъ принятъ былъ у Нарышкиныхъ, какъ родной. Софья любила его, какъ сестра. Онъ—ее больше, чѣмъ братъ, хотя самъ того не зналъ. Надолго разлучались,—Софью часто увозили на югъ,—какъ будто забывали другъ друга, но сходились опять, какъ родные.

— Лучшаго жениха не надо для Софочки,—говорила Марья Антоновна.

Но на Веронскомъ конгрессѣ государь представилъ ей другого

жениха, графа Андрея Петровича Шувалова, только что зачисленнаго въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, молодого дипломата меттерниховской школы.

Какъ всѣ Шуваловы, графъ Андрей былъ искателенъ, ловокъ и вкрадчивъ. Втируша, тихоня, ласковый теленокъ, который двухъ матокъ сосетъ. Такіе, впрочемъ, государю нравились.

Старая графиня, мать жениха, долго жившая въ Италіи, перешла въ католичество. Римскіе отцы-іезуиты начали свадьбу, а парижскіе шарлатаны кончили. Мэсмерово лѣченіе тогда снова входило въ моду. Принялись лѣчить и Софу. Графъ Андрей магнетизировалъ ее, по предписанію ясновидящихъ. Пятнадцатилѣтняя дѣвочка, почти ребенокъ, отдала ему руку свою, какъ отдала бы ее первому встрѣчному, по слову отца, сама не зная, что̀ дѣлаетъ.

Князь Валерьянъ, тоже бывшій тогда въ Веронѣ,—только утративъ Софью, понялъ, какъ ее любилъ. Онъ уѣхалъ въ Парижъ къ Чаадаеву. Бесѣды съ мудрецомъ не утѣшили его, но дали ему надежду замѣнить любовь къ женщинѣ любовью къ Богу и къ отечеству.

Года черезъ два, съ дозволенія ясновидящихъ, Софью привезли въ Петербургъ, гдѣ назначена была свадьба. Зимой начались обычныя среды у Нарышкиныхъ, на Фонтанкѣ, близъ Аничкина моста.

Урожденная княгиня Святополкъ-Четвертинская, Марья Антоновна была ревностной полькой и собирала вокругъ себя польскихъ патріотовъ. Увѣряли, будто конституціей Польша обязана ей. И русскіе либералы видѣли въ ней свою заступницу. Салонъ ея былъ единственнымъ мѣстомъ въ Петербургѣ, гдѣ можно было говорить свободно не только о вредѣ взятокъ, но и о самомъ Аракчеевѣ, котораго она ненавидѣла.

По средамъ, въ Великомъ посту, у Нарышкиныхъ давались концерты. Въ ту среду, въ которую собрался къ нимъ князь Валерьянъ въ первый разъ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, назначенъ былъ концертъ знаменитаго музыканта-любителя, графа Михаила Вьельгорскаго.

Когда князь Валерьянъ вошелъ въ бѣлый залъ съ колоннами и огромнымъ, во всю стѣну, зеркаломъ, отражавшимъ портретъ юнаго императора Александра Павловича,—первая половина концерта кончилась, и послѣдній звукъ віолончели замеръ, какъ человѣческое рыданіе. Послышались рукоплесканія, шумъ отодвигаемыхъ стульевъ, шорохъ дамскихъ платьевъ и жужжащій

говоръ толпы. Раззолоченные арапы высоко поднимали надъ головами гостей подносы съ мороженымъ и поправляли восковыя свѣчи въ жирондоляхъ.

Голицынъ увидалъ издали своего пріятеля, лейбъ-гвардіи полковника, князя Сергѣя Трубецкого, директора Сѣверной Управы Тайнаго Общества, и хотѣлъ подойти къ нему, чтобы переговорить окончательно о своемъ, уже почти рѣшенномъ, поступленіи въ члены Общества, но раздумалъ: рѣшилъ—потомъ.

Опять, какъ давеча, въ пріемной у дядюшки, пахнуло на него знакомымъ запахомъ прошлаго, вѣчною скукою повторяющихся сновъ.

Все такъ же, какъ два года назадъ. Такъ же воскликнула, повторяя видимо заученную фразу, пожилая дама съ голыми, костлявыми плечами:

— Графъ Михаилъ играетъ, какъ ангелы на концертахъ у Господа Бога!

Такъ же склонился и шепчетъ что-то на ухо графинѣ Еленѣ Радзивиллъ о. Розавенна, іезуитъ, молодой, красивый итальянецъ, идолъ петербургскихъ дамъ, похожій, въ своей шелковой черной сутанѣ, на чернаго, гладкаго кота, который, выгнувъ спину, ласково мурлычитъ; нельзя понять, любезничаетъ или исповѣдуетъ; съ одинаковымъ искусствомъ передаетъ любовныя записочки и причащаетъ изъ тайной дароносицы, тутъ же на великосвѣтскихъ раутахъ, своихъ поклонницъ, новообращенныхъ въ католичество. „Ушкомъ“ прозвали графиню Елену за то, что она краснѣла не лицомъ, а однимъ изъ своихъ прелестныхъ, какъ перламутровыя раковинки, ушекъ. И теперь, подъ ласковымъ шопотомъ о. Розавенны, недаромъ у нея краснѣетъ ушко: можетъ быть, по примѣру хорошенькой графини Куракиной, сожжетъ себѣ пальчикъ на свѣчкѣ, чтобы уподобиться христіанскимъ мученицамъ. А девяностолѣтняя бабушка Архарова, въ пунцовомъ халдейскомъ тюрбанѣ, съ ярко-зелеными перьями, нарумяненная, похожая на свою собственную моську, которая вѣчно храпитъ у нея на колѣняхъ,—смотритъ ехидно въ лорнетъ на эту парочку—отца-іезуита съ графиней Ушкомъ—и, должно быть, готовитъ злую сплетню.

На своемъ обычномъ мѣстѣ, поближе къ печкѣ, сидитъ баснописецъ Крыловъ. Видно, какъ пришелъ,—завалился въ кресло, чтобы не вставать до самаго ужина: „спасибо хозяюшкѣ-умницѣ, что мѣсто мое не занято; тутъ потеплѣе“. Въ поношенномъ, просторномъ, какъ халатъ, фракѣ табачнаго цвѣта, съ мѣдными пуговицами и потускнѣвшей орденской звѣздой,—эта огромная туша

кажется необходимой мебелью. Руки уперлись въ колѣни, потому что уже не сходятся на брюхѣ. Ротъ слегка перекошенъ отъ бывшаго два года назадъ удара. Лицо жирное, бѣлое, расползшееся, какъ опара въ квашнѣ, ничего не выражающее,—развѣ только, что жаренаго гуся съ груздями за обѣдомъ объѣлся и ожидаетъ поросенка подъ хрѣномъ къ ужину, несмотря на Великій постъ: „у меня, грѣшнаго,—говаривалъ,—по натурѣ своей, желудокъ къ посту неудобенъ". Дремлетъ. Иногда пріоткроетъ одинъ глазъ, посмотритъ изъ-подъ нависшей брови, прислушается, усмѣхнется, не безъ тонкаго лукавства—и опять дремлетъ:

Не движась, я смотрю на суету мірскую
И философствую сквозь сонъ.

А подойдетъ къ нему сановникъ въ золотомъ шитьѣ: „какъ ваше драгоцѣнное, Иванъ Андреевичъ?"—и дремоты какъ не бывало: вскочитъ вдругъ съ косолапою ловкостью, легкостью медвѣдя, подъ барабанъ танцующаго на ярмаркѣ, изогнется весь, разсыпаясь въ учтивостяхъ,—вотъ-вотъ въ плечико его превосходительство чмокнетъ. Потомъ опять завалится—дремлетъ.

Такъ и пышало на Голицына отъ этой крыловской туши, какъ изъ печки, роднымъ тепломъ, роднымъ удушьемъ. Вспоминалось слово Пушкина: „Крыловъ—представитель русскаго духа; не ручаюсь, чтобы онъ отчасти не вонялъ: въ старину нашъ народъ назывался *смердъ*". И, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, въ замороженномъ приличіи большого свѣта, въ благоуханіяхъ пармской фіалки и букэ-а-ля-марешаль, эта отечественная непристойность напоминала запахъ рыбнаго садка у Пантелеймонскаго моста или гнилой капусты изъ погребовъ Пустого рынка.

— Давно ли, батюшка, изъ чужихъ краевъ?—поздоровался Крыловъ съ Голицынымъ, проговоривъ это съ такою лѣнью въ голосѣ, что, видно было, его самого въ чужіе края калачемъ не заманишь.

— Въ старыхъ-то зданіяхъ, Иванъ Андреевичъ, всегда клопамъ водъ,—продолжалъ начатый разговоръ князь Нелединскій-Мелецкій, секретарь императрицы Маріи Ѳеодоровны, директоръ карточной экспедиціи, маленькій, пузатенькій старичекъ, похожій на старую бабу.—Вотъ и въ Зимнемъ дворцѣ, и въ Аничкиномъ, и въ Царскомъ—клоповъ тьма-тьмущая, никакъ не выведутъ...

Почему-то всегда такіе несвѣтскіе разговоры заводились около Ивана Андреевича.

— Да и у насъ въ Публичной библіотекѣ, клоповъ не обе-

решься, а зданіе-то новое. Отъ книгъ, что ли? Книга, говорятъ, клопа родитъ,—замѣтилъ Крыловъ.

— Была у меня въ Москвѣ, у Харитонья, фатерка изрядненькая,—улыбнулся Нелединскій пріятному воспоминанію,—и свѣтленько, и тепленько — словомъ, всѣмъ хорошо. А клоповъ такая пропасть, какъ нигдѣ я не видывалъ. „Что это, говорю хозяйскому приказчику, какая у васъ въ домѣ нечисть?“ А онъ: „извольте, говоритъ, сударь, посмотрѣть — на стѣнкѣ билетъ противъ клоповъ“. Велѣлъ принести. Какое-нибудь, думаю, средство, или клоповщика мѣстожительство. И что же, представьте себѣ, на билетѣ написано? Святого священномученика Діонисія Ареопагита!

— Н-да, точно, Ареопагитъ клопу изводчикъ,—промямлилъ Крыловъ, зѣвая и крестя ротъ.—Ежели который человѣкъ вѣритъ, то по вѣрѣ ему и бываетъ...

— А меня почечуй, батюшки, замучилъ,—не разслышавъ, о чемъ говорятъ, зашамкалъ другой старичокъ, сенаторъ, дряхлый-предряхлый, съ отвислой губой.—И еще маленькіе вертижцы...

— Какіе вертижцы?—спросилъ Нелединскій съ досадой.

— Вертижцы... когда голова кругомъ идетъ... Помню, во дни блаженной памяти Екатерины матушки...—началъ онъ и, какъ всегда, не кончилъ: его никто не слушалъ; со своимъ почечуемъ-геморроемъ онъ лѣзъ ко всѣмъ, даже, по разсѣянности, къ дамамъ.

— Опять разболталъ! И какой тебя чортъ за языкъ дергаетъ?—выговаривалъ князь Вяземскій Александру Ивановичу Тургеневу.—Ну, можно ли такія письма въ клубѣ показывать? Разблаговѣстятъ по городу, попадетъ въ тайную полицію—и поминай Сверчка какъ звали... Правду онъ говоритъ: „чортъ меня догадалъ родиться въ Россіи съ душой и съ талантомъ“!...

Голицынъ прислушался. Онъ зналъ, что Сверчокъ—арзамасское прозвище Пушкина. Вмѣстѣ съ Тургеневымъ и Вяземскимъ случалось ему не разъ хлопотать у дядюшки за ссыльнаго коллежскаго секретаря Пушкина.

— Слышали, князь?—обратился къ нему Вяземскій.

— Нѣтъ. Какое письмо?

— А вотъ какое,—зашепталъ ему Тургеневъ на ухо знаменитыя строки, которыя такъ часто повторялъ, что затвердилъ ихъ наизустъ: „ты хочешь знать, что̀ я дѣлаю. Беру уроки чистаго аѳеизма. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастью, болѣе всего правдоподобная“.

— Ну, посудите сами, князь, неужели за такой вздоръ?...

— Да ты гдѣ живешь, братецъ, на лунѣ, что ли?—опять загорячился Вяземскій.—Будто не знаешь, что нынче въ Россіи за какой угодно вздоръ...

— Ну, не ворчи, полно, не буду... А Сверчокъ-то, говорятъ, опять въ пухъ проигрался?

— Мало ли врутъ. Вотъ распустили намедни слухъ, будто застрѣлился...

— Ну, нѣтъ, не застрѣлится,—усмѣхнулся Тургеневъ,—словечко-то его помнишь: „только бы жить!“ Кто другой, а Пушкинъ, небось, не застрѣлится...

Подошелъ хозяинъ, Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ. Одѣтый по-старинному, въ пудрѣ, въ чулкахъ и башмакахъ съ красными каблучками—настоящій маркизъ Людовика XV. Иногда судорога дергала лицо его, такъ что онъ языкъ высовывалъ, точно поддразнивалъ; но все же величественъ, какъ старый пѣтухъ, хотя и съ продолбленной головой, а шагающій съ важностью.

— А вашъ-то пострѣлъ Пушкинъ опять пресмѣшные стишки сочинилъ, слышали?—присоединился онъ къ собесѣдникамъ.

— А ну-ка, ну?—залюбопытствовалъ Тургеневъ и подставилъ ухо съ жадностью.

По знаку Дмитрія Львовича, головы сблизились, и онъ прошепталъ съ игривой улыбкой прошлаго вѣка:

Свободъ хотѣли вы,—свободы вамъ даны:
Изъ узкихъ сдѣлали широкіе штаны.

— Да это не Пушкина!—разсмѣялся Вяземскій.—Сказалъ бы я вамъ стишки, да боюсь, не прогнѣвались бы ваше высокопревосходительство: ужъ очень вольные...

— Ничего, ничего, говори, князь, — ободрилъ его Дмитрій Львовичъ.—Я вольные стишки люблю. Вѣдь и мы, сударь, небось, въ наше время наизусть Баркова знали!

Глядя на портретъ государя съ такимъ вольномысленнымъ видомъ, какъ будто дѣлалъ революцію, Вяземскій прочелъ:

Воспитанный подъ барабаномъ,
Нашъ .... былъ бравымъ капитаномъ,
Подъ Аустерлицемъ онъ бѣжалъ,
Въ двѣнадцатомъ году—дрожалъ;
За то былъ фрунтовой профессоръ.
Но фрунтъ герою надоѣлъ;
Теперь коллежскій онъ асессоръ,
По части иностранныхъ дѣлъ.

Нарышкинъ тихонько захлопалъ въ ладоши и высунулъ языкъ отъ удовольствія: былъ вѣрноподданный и сердечный другъ царя, но недаромъ, видно, учился у Баркова вольномыслію.

— А докторъ говоритъ, одышка отъ гречневой каши,—жаловался Нелединскій Крылову.—И такъ я отъ этихъ удушій ослабъ, такъ ослабъ, что надо бы за мной приставить маму...

— А у меня все маленькіе вертижцы...—зашамкалъ опять старичокъ.

— Плюнь-ка ты на докторовъ, князенька!—вдругъ оживился Крыловъ, даже оба глаза раскрылъ.—Возьми съ меня примѣръ: чуть задуритъ желудокъ,—вдвое наѣмся, а тамъ онъ себѣ, какъ хочешь, развѣдывайся. У Степаниды Петровны, на масляной, передъ самымъ обѣдомъ,—рубцы и потрохъ у нея готовятся ангельскіе,—такъ подвело, что хоть вонъ бѣги. Да вспомнилъ, что на Щукиномъ—грузди отмѣнные. Только что доложилъ о томъ, Степанида Петровна, матушка, сію-жъ минуту,—пошли ей Господь здоровья, кормилицѣ,—спосылала на Щукинъ верхомъ, и грузди поспѣли къ жаркому. Принялъ я порцію, въ шести груздяхъ состоящую, и съ тѣхъ поръ свѣтъ увидѣлъ. А ты говоришь, доктора!...

Вяземскій вольнодумничалъ уже не въ стихахъ, а въ прозѣ, говорилъ о „затменіи свыше“, о цензурныхъ неистовствахъ, которыя дошли до того, что нельзя сказать „голая истина“, потому что не пристойно лицу женскаго пола являться голымъ; о запрещеніи Филаретова Катехизиса; объ изувѣрствахъ Магницкаго, который предлагалъ разрушить до основанія Казанскій университетъ и заставилъ профессоровъ похоронить весь анатомическій кабинетъ, трупы, скелеты и человѣческихъ уродцевъ, потому что находилъ „мерзкимъ и богопротивнымъ употреблять человѣка, образъ и подобіе Божіе, на анатомическіе препараты“, вслѣдствіе чего заказаны были гробы, въ коихъ помѣстили препараты и, по отпѣтіи панихиды, въ торжественномъ шествіи понесли ихъ на кладбище.

Слушая однимъ ухомъ Крылова, другимъ Вяземскаго, Голицынъ сравнивалъ обоихъ, и ему казалось, что пылающій свободомысліемъ Вяземскій лопнетъ, какъ мыльный пузырь, а чугунный дѣдушка Крыловъ не поколеблется. Неужели же это лицо—опара, изъ квашни расползшаяся—лицо всей Россіи?—думалъ онъ со смѣхомъ и ужасомъ.

Но пересталъ думать, увидя на другомъ концѣ залы Марью Антоновну съ графомъ Шуваловымъ.

На ней — всегдашнее простое, бѣлое платье, туника съ прямыми складками, какъ на древнихъ изваяніяхъ. Старая мода, а

на ней—новая, вѣчная. Никакихъ украшеній, только вмѣсто пряжки на плечѣ—камея-хризолитъ, подарокъ императрицы Жозефины, да гирлянда незабудокъ въ черныхъ волосахъ. Лѣтъ за сорокъ, а все еще плѣнительна. Сегодня особенно. Не вторая, а двадцатая молодость. Глубокая ясность осеннихъ закатовъ, душистая зрѣлость осеннихъ плодовъ.

Всѣхъ Аспазія милѣй
Черными очей огнями.

Сегодня — чернѣе, огненнѣе, чѣмъ когда-либо. „Минерва въ часъ похоти“, назвалъ ее кто-то. Рѣсницы стыдливо опущены, и во всѣхъ движеніяхъ—тоже стыдливость, опущенность, какъ въ томномъ трепетѣ плакучихъ ивъ.

„Что съ нею?“ удивлялся Голицынъ. Онъ зналъ ее хорошо: недаромъ былъ почти влюбленъ въ нее когда-то. Зналъ, что такой, какъ сегодня, она бываетъ всегда, когда мѣняетъ любовника. Кто же теперь?

Вглядѣлся пристальнѣй въ Шувалова. Лицо красивое до наглости, какъ у Платона Зубова, героя „постельныхъ услугъ“. По этому лицу хотѣлось вѣрить ходившимъ о немъ слухамъ, будто бралъ онъ деньги у старыхъ женщинъ и отказался отъ поединка за дѣло чести. Безукоризненный англійскій фракъ съ преувеличенно-узкой, по послѣдней модѣ, таліей; точеныя ножки, затянутыя въ черный атласъ; галстучекъ, завязанный небрежно, по-шатобріановски; хохолокъ, взбитый тщательно, по-меттерниховски,—все въ немъ было отвратительно Голицыну. „А хорошо бы подержать у барьера, подъ пистолетомъ эту смазливую рожицу!“ подумалъ онъ съ ненавистью.

И вдругъ показалось ему, что на слишкомъ ласковый блескъ въ глазахъ Марьи Антоновны глаза Шувалова отвѣтили такимъ же блескомъ.

„Такъ вотъ кто!—промелькнула у Голицына мысль, которая ему самому показалась нелѣпой.—Мать—съ женихомъ дочери!... Съ ума я схожу, что ли?“

Насильно отвелъ глаза въ другую сторону и увидѣлъ Софью. Она разговаривала съ княземъ Трубецкимъ. Для нея одной пришелъ сюда Голицынъ, но какъ-будто испугался,—спрятался отъ нея за колонну и, по тому, какъ забилось у него сердце, какъ не хотѣлъ давеча говорить съ Трубецкимъ о Тайномъ Обществѣ,—вдругъ понялъ, что все еще не исполнилъ совѣтовъ мудреца Чаадаева — не замѣнилъ любви къ женщинѣ любовью къ отечеству.

— Принимая вещи даже въ самой строгой сцептикѣ, должно, полагаю, согласиться, что въ Россіи не можетъ быть хуже того, что есть,—заговорилъ князь Козловскій, отвѣчая Вяземскому, въ постепенно расширяющемся кругѣ собесѣдниковъ.

Козловскій, бывшій посланникъ въ Сардиніи, „за неосновательность поступковъ“ отъ службы уволенный, былъ полу-полякъ, тайный католикъ и, по слухамъ, даже іезуитъ, но въ то же время человѣкъ вольнаго образа мыслей въ политикѣ. Наружностью—не то Бурбонъ, не то Фальстафъ. Дородства не меньшаго, чѣмъ дѣдушка Крыловъ, но живой, бойкій, подвижный. Когда говорилъ о политикѣ, не только лицо его, но и вся тюленья туша трепетала, какъ будто искрилась умомъ. Въ такія минуты влюблялись въ него даже молоденькія женщины.

— Освободили Европу, Россію возвеличили! „Съ нами Богъ!“ А у князя Меттерниха на посылкахъ бѣгаемъ. Каланчой пожарной сдѣлалась россійская политика. Стережемъ, не загорится ли гдѣ, и скачемъ, высуня языкъ, по всей Европѣ, съ конгресса на конгрессъ, заливая чужіе пожары собственной кровью. Революція здѣсь, революція тамъ. Ужъ не ошиблись ли народы, низложивъ Бонапарта? Вмѣсто одного великаго тирана—сотни маленькихъ. Льва свалили и достались волкамъ на добычу...

— За то, говорятъ, правленіе нынче законное,—поддразнилъ его Вяземскій.

— Законное? Гдѣ? Видѣли, князь, на Литейномъ вывѣску: Комиссія составленія законовъ. Буква С выпала: Комиссія... оставленія законовъ. Не вѣрнѣе ли такъ? Не пора ли оставить законы? Къ чему они, когда скрижали ихъ о первый камень самовластья разбиваются?...

Ударилъ жирнымъ кулакомъ по жирной ладони съ демократической яростью. Фальстафъ превратился въ Мирабо. А дамы слушали съ такой же пріятностью, какъ давеча Вьельгорскаго. Второй концертъ не хуже перваго.

— Да, сударь, въ Россіи нѣтъ законовъ!—гремѣлъ Козловскій, какъ съ трибуны.—Указы, то отъ любимца-истопника исходящіе, то отъ курляндца-берейтора, то отъ турка-брадобрея, то отъ Аракчеева, нельзя считать законами: это только право сильнаго, анархія, гдѣ лучше задушить, чѣмъ быть задушеннымъ. Мы какъ Донъ-Кишоты дѣйствуемъ: освобождая другихъ, сами стонемъ подъ ненавистнымъ игомъ...

— Да за это, батюшка, на съѣзжую!—прошипѣла Архарова, и зеленыя перья на пунцовомъ токѣ грозно заколебались, моська на ея колѣняхъ проснулась съ ворчаніемъ. Крыловъ тоже про-

снулся, зашевелился съ такимъ видомъ, что откуда-то сквознякъ. А панъ Вышковскій, и панъ Хлоповскій, и панъ Храповицкій, и панъ Салтыкъ хлопали въ ладоши, какъ на Варшавскомъ сеймѣ: bravo! bravo! bravissimo!" Тургеневъ наклонилъ голову, загнувъ ухо ладонью руки, чтобы не пропустить ни слова, запомнить и разнести по городу. Вяземскій наслаждался и завидовалъ. Ушко графини Елены пылало. О. Розавенна рѣшилъ о Козловскомъ по Жозефу де-Местру: „университетскій Пугачевъ". Дмитрій Львовичъ высовывалъ языкъ отъ восхищенія, а Марья Антоновна улыбалась, какъ добрая хозяйка, радуясь, что гости довольны.

Голицынъ смотрѣлъ на Софью. Она тихонько подошла, присѣла на кончикъ стула, положила на колѣни худенькія дѣтскія ручки,—казалось, пальцы должны быть въ чернилахъ, какъ у школьницы,—и, вытянувъ шею, никого не видя, вся замерла, неподвижная, устремленная, какъ стрѣла на тетивѣ. Глаза ясновидящей. „Человѣкъ съ нечистою совѣстью не могъ бы въ нихъ смотрѣть", сказалъ однажды Голицынъ объ этихъ глазахъ. Вся не отъ міра сего. Слишкомъ хрупкая, тонкая, прозрачная. Кажется, душа видна сквозь тѣло, какъ огонь сквозь алебастръ: вотъ-вотъ не выдержатъ стѣнки лампады, огонь разобьетъ ихъ и вырвется наружу.

Голицыну вспомнилось то, что онъ слышалъ о ней: какъ тринадцатилѣтняя дѣвочка носила поясъ, вываренный въ соли, разъѣдавшій тѣло; стояла на солнцѣ, пока кожа на лицѣ не трескалась; хотѣла убѣжать въ монастырь, принять постриженіе и странствовать въ мужской одеждѣ, подъ именемъ умершаго юнаго послушника Назарія.

Для такихъ, какъ она, отъ слова до дѣла—только шагъ. И теперь для нея одной въ этой толпѣ рѣчь Козловскаго—не музыка, а проповѣдь.

— Суровость покойнаго императора Павла, безъ обмана, безъ лести, не въ тысячу ли разъ сноснѣе того, что мы терпимъ въ наши дни?—продолжалъ Козловскій все вдохновеннѣе.—Не вздыхаемъ ли о временахъ Павловыхъ, терпя, чего терпѣть безъ подлости не можно? Всякій день оскорбляется у насъ человѣчество, правосудіе, просвѣщеніе—все, что мѣшаетъ землѣ превратиться въ пустыню или вертепъ разбойничій... Когда видишь всѣ мерзости, на каждомъ шагу въ Россіи совершающіяся, хочется бѣжать за тридевять земель!...

Бабушка Архарова встала, гнѣвная, собираясь уходить, и моська на рукахъ ея, поджавъ хвостъ, залаяла. Крыловъ тоже привсталъ, но, должно быть, вспомнивъ объ ужинѣ, снова опу-

стился въ кресло и только рукой махнулъ. У Нелединскаго сдѣлалась одышка хуже, чѣмъ отъ гречневой каши. Старичокъ съ вертижцами, казалось, готовъ былъ упасть въ обморокъ. А паны повскакали и захлопали неистово—видно было по лицамъ ихъ: „еще Польска не сгинѣла“.

Но звукъ віолончели раздался—и все затихло, успокоилось, словно кто-то пролилъ масло на бурныя волны.

Вьельгорскій игралъ духовный концертъ Гайдна. Слышался ангельскій хоръ. И рабство, свобода, Россія, политика—все земное вдругъ сдѣлалось ничтожнымъ. Казалось, по хрустальной лѣстницѣ, звенящей и поющей, какъ солнечный дождь, златокрылые, со златыми ведрами, восходятъ и нисходятъ ангелы.

Голицынъ подошелъ къ Софьѣ. Но она не замѣтила его, погруженная въ мысли свои или музыку.

— Софья Дмитріевна...

Обернулась, вздрогнула.

— Вы... здѣсь, Валичка?... А я и не знала, Господи!...

Вся покраснѣла отъ радости. На вопросъ его о здоровьи отвѣтила по-французски, совсѣмъ какъ большая свѣтская барышня:

— Не надо о моемъ здоровьи, ради Бога. Разскажите-ка лучше о вашихъ очкахъ...

А глаза, полные дѣтскимъ восторгомъ, говорили другое, родное, милое, старое.

Несмотря на модную, сложную прическу, на парижское длинное платье попелиноваго сѣро-серебристаго газа съ вышитымъ зеленымъ верескомъ,—видно было по глазамъ, что она все та же маленькая дѣвочка въ коротенькомъ бѣломъ платьицѣ, въ соломенной шляпкѣ-мармоткѣ, голубоглазая, пепельнокудрая, съ которой онъ бѣгалъ въ горѣлки въ селѣ Покровскомъ, подмосковной Нарышкиныхъ, удилъ пескарей въ пруду за теплицами и читалъ Людмилу Жуковскаго.

Ахъ, невѣста, гдѣ твой милый?
Гдѣ вѣнчальный твой вѣнецъ?
Домъ твой гробъ; женихъ мертвецъ,—

прочла непонимающимъ дѣтскимъ голоскомъ и вдругъ задумалась, какъ будто поняла,—выронила книгу, поблѣднѣла, закинула ему тоненькія руки на шею и вся прижалась довѣрчиво: „какъ страшно, Валичка!“ Тогда въ первый разъ поцѣловалъ онъ ее, не какъ братъ сестру:

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ,
Ты, моя Свѣтлана!

Все та же, родная, любимая, вѣчная, Богомъ данная, сестра и невѣста вмѣстѣ. А Шуваловъ? Ну, чтожъ, пусть Шуваловъ. „А ну ее къ чорту, эту парикмахерскую куклу!“ подумалъ онъ, уже безъ малѣйшей ревности. Зналъ, что ея не отнимутъ у него сорокъ тысячъ Шуваловыхъ.

Отошли вмѣстѣ на другой конецъ залы и сѣли рядомъ у большого зеркала, противъ портрета юнаго императора: семнадцатилѣтній, улыбающійся мальчикъ похожъ былъ на голубоглазую, пепельнокудрую дѣвочку. Говорили шепотомъ, подъ музыку, подъ пѣвучіе звоны солнечнаго ливня, который лили на землю золотыя ведра ангеловъ, восходящихъ и нисходящихъ по хрустальной лѣстницѣ. Чувствовали оба, что не говорили бы такъ, еслибъ не музыка.

— Правда, что вы карбонаріемъ сдѣлались?

— Что значитъ карбонарій, Софья Дмитріевна?

— Какая Софья Дмитріевна?—поправила она съ ребяческимъ кокетствомъ въ улыбкѣ и строгою лаской въ глазахъ.—Забыли Верону? Забыли Покровское? Забыли все?

— Ничего не забылъ, Софочка... Ахъ, еслибъ вы знали!... Ну, да что говорить?... Вы же знаете...

— Что значитъ карбонарій?—перебила она его, съ дѣтскимъ усиліемъ мысли сдвинувъ тонкія брови.—Карбонаріи—тѣ, кто противъ Бога и царей, мнѣ еще намедни Михаилъ Евграфычъ объяснилъ...

Михаилъ Евграфовичъ Лобановъ былъ Софьинъ учитель русскаго языка, ревностный поклонникъ Магницкаго.

— А развѣ нельзя быть противъ царей съ Богомъ?—усмѣхнулся Голицынъ.

— Не знаю,—задумалась она.—Нѣтъ, нельзя... у насъ въ Россіи нельзя. Спросите нянюшку Прокофьевну, и Филатыча дворецкаго, и дѣдушку Власія, покровскаго пчельника,—помните, онъ такой умный,—и самого дѣдушку Крылова,—онъ вѣдь тоже умница... Ну, чего вы смѣетесь? Я сказать не умѣю. Но это такъ: всѣ скажутъ, что въ Россіи царь отъ Бога.

— А почему же правда, что всѣ говорятъ? И развѣ одна Россія на свѣтѣ?... По-итальянски карбонаріи значитъ *угольщики*. Это простые добрые люди, которые въ Бога вѣруютъ не меньше нашего и хотятъ свободы отечеству отъ чужеземнаго ига.

— Да развѣ у насъ чужеземное иго?

— А слышали, что говорилъ Козловскій?

— Козловскій—полякъ: они всѣ ненавидятъ Россію, готовы сдѣлать ей всякое зло. А вѣдь вы ее любите?

— Не знаю, люблю ли, но можно, и любя, ненавидѣть. И чья вина, что наша любовь похожа на ненависть?... Только лучше не надо объ этомъ, милая, право, не надо... Посмотрите-ка на дѣдушку Крылова. Вотъ, кто чужеземнаго ига не чувствуетъ! Когда его спросили однажды, какое по-русски самое нѣжное слово, онъ отвѣтилъ, не задумавшись: „кормилецъ мой“. Какая рожа, Господи, какая рожа! А уменъ, еще бы! Можетъ быть, умнѣе насъ всѣхъ... Только вотъ никакъ не рѣшитъ:

Не больше ли вреда, чѣмъ пользы отъ наукъ?

— Зачѣмъ вы?... Не надо, не смѣйтесь.

— Да я не смѣюсь, Софья. Мнѣ страшно...

— Слушайте, Валичка, голубчикъ, скажите, скажите мнѣ все, что думаете! Со мной никто никогда не говоритъ объ этомъ, а мнѣ такъ нужно, если бы вы знали... такъ нужно!...

— Что сказать?

— Все, все! Почему въ Россіи чужеземное иго? Почему любовь похожа на ненависть? Почему вамъ страшно?...

Онъ взглянулъ на нее и опять, какъ давеча, увидѣлъ въ лицѣ ея неподвижную стремительность: стрѣла на тетивѣ слишкомъ натянутой. Понялъ, что отъ того, что скажетъ, будутъ зависѣть ихъ общія судьбы. Душа ея обнажена передъ нимъ, беззащитна, и, можетъ быть, слова его пройдутъ ее, какъ мечъ; будутъ подобны убійству. Но нельзя молчать.

И онъ заговорилъ уже не подъ музыку, а противъ музыки: она—о небесномъ, онъ—о земномъ, о великой неправдѣ земли, о человѣческомъ рабствѣ.

Говорилъ о русскихъ помѣщикахъ-извергахъ, которые раздаютъ борзыхъ щенятъ по деревнямъ своимъ для прокормленія грудью крестьянокъ. Не всѣ ли мы эти щенки, а Россія раба, кормящая грудью щенятъ? Говорилъ о баринѣ, который сѣкъ восьмилѣтнюю дворовую дѣвочку до крови, а потомъ барыня приказывала ей слизывать языкомъ кровь съ пола. Не вся ли Россія эта дѣвочка? О княгинѣ помѣщицѣ, которая велѣла старостѣ отбирать каждый день по семи здоровыхъ дѣвокъ и присылать на господскій дворъ. Тамъ надѣвали на нихъ упряжь, впрягали въ шарабанъ; молоденькая княжна садилась на козла, рядомъ съ собой сажала кучера, брала въ руки вожжи, хлыстъ и отправлялась кататься; вернувшись домой, кричала: „Мама! мама! овса лошадямъ!“ Мама выходила; приносили кульки орѣховъ, пряниковъ, конфетъ, насыпали въ колоду и подгоняли дѣвокъ; онѣ должны были стоять у колоды и ѣсть. Не все ли величье Россіи, ея побѣдоносное шествіе—катанье на семеркѣ бабъ?

Онъ говорилъ,—и съ жалобнымъ звономъ хрустальная лѣстница рушилась, и въ черную пропасть падали ангелы. Онъ видѣлъ, какъ лицо Софьи блѣднѣетъ, но уже не могъ остановиться: чувствовалъ восторгъ разрушенія, насилія, убійства. Вѣчная правда земли—противъ вѣчной правды небесъ.

— Почему же не скажете вы всего государю?—прошептала Софья, когда онъ умолкъ.—Вѣдь не вы одинъ такъ думаете?

— Не я одинъ.

— Ну, такъ вы должны сказать ему все...

Онъ взглянулъ на портретъ государя, такой похожій на нее,—и вдругъ ему обоихъ стало жалко, страшно за обоихъ. Но опять—небесная музыка, опять хрустальная лѣстница—и восторгъ святого разрушенія, святого насилія, святого убійства.

— А вы, Софья, почему государю не скажете?

— Развѣ онъ меня послушаетъ? Я для него ребенокъ...

— Ну, такъ и мы всѣ ребята, щенята: сосемъ рабью грудь и пищимъ, а когда надоѣстъ нашъ пискъ, удавятъ какъ щенятъ...

Послѣдній звукъ віолончели замеръ; послѣдніе осколки хрустальной лѣстницы рухнули—и наступило молчаніе, мракъ. И во мракѣ—бѣлое, жирное, какъ опара, изъ квашни расползшаяся—лицо Крылова,—лицо всей рабьей земли: „долго ли до поросенка подъ хрѣномъ?“

Въ лицѣ Софьи было такое страданіе, такой ужасъ, что Валеріанъ самъ ужаснулся тому, что сдѣлалъ.

— Софочка, милая...

— Нѣтъ, оставьте, не надо, не надо, молчите! Потомъ...—проговорила она, еще больше блѣднѣя; быстро встала и пошла отъ него. Онъ хотѣлъ было итти за ней, но почувствовалъ, что не надо—лучше оставить одну. Ужаснулся. Но радость была сильнѣе, чѣмъ ужасъ. Радость о томъ, что теперь любовь къ Софьѣ и любовь къ свободѣ для него уже одна любовь.

Захотѣлось играть, шалить, какъ школьнику. Подсѣлъ къ дѣдушкѣ Крылову и шепнулъ ему на ухо съ таинственнымъ видомъ:

— Все ли съ огурцами, дѣдушка?

— Ну, ну, чего тебѣ? Какихъ огурцовъ?—покосился тотъ недовѣрчиво.

— Изъ вашей же басни, Иванъ Андреевичъ. Помните, *Огородникъ и Философъ*.

У Огородника взошло все и поспѣло,
А Философъ—
Безъ огурцовъ.

Это вѣдь о насъ, глупенькихъ. А вы, дѣдушка, умница—единственный въ Россіи философъ съ огурцами...

— Ну, ладно, ладно, братъ, ступай-ка, не замай дѣдушку.

— А только какъ бы и вамъ безъ огурцовъ не остаться?—не унимался Голицынъ.—У дядюшки-то моего, въ министерствѣ, знаете что? На баснописца Крылова доносъ...

И разсказалъ, немного преувеличивая, то, что дѣйствительно было. Филаретъ Московскій, составитель Катехизиса, предлагалъ запретить большую часть басенъ Крылова за глумленіе надъ святыми, такъ какъ въ этихъ басняхъ названы христіанскими именами безсловесныя животныя: медвѣдь—Мишкою, козелъ—Ваською, кошка—Машкой, а самое нечистое животное, свинья—Февроньей.

Крыловъ остолбенѣлъ, вытаращилъ глаза, и ротъ у него перекосился такъ, что, казалось, вотъ-вотъ сдѣлается съ нимъ второй ударъ. Голицынъ уже и самъ не радъ былъ шуткѣ своей.

Подошла Марья Антоновна и, когда узнала, въ чемъ дѣло, разсмѣялась.

— Крылышко, миленькій, какъ же вы не видите, что онъ пугаетъ васъ нарочно? Никакого доноса нѣтъ, а еслибъ и было что, развѣ мы васъ въ обиду дадимъ?

— Матушка!... Марья Антоновна!... Кормилица!... — лепеталъ Крыловъ, и цѣловалъ ей руки, и готовъ былъ повалиться въ ноги.

Долго еще не могъ успокоиться, все крестился, чурался, отплевывался:

— Ахти! Ахти!... Грѣхъ-то какой!... Февронья-Хавронья... А мнѣ и невдомекъ... Господи, Матерь Царица Небесная!...

Наконецъ, позвали ужинать. Только войдя въ столовую и увидѣвъ поросенка, который, оскаливъ мордочку, улыбнулся ему ласково, какъ внучекъ дѣдушкѣ,—Иванъ Андреевичъ успокоился окончательно, выпилъ рюмку водки, подвязалъ салфетку, и опять воцарилась на лицѣ его ясность невозмутимая:

А мнѣ что говорить ни станутъ,—
Я буду все твердить свое:
Что впереди—Богъ вѣсть, а что мое—мое.

Уходя отъ Нарышкиныхъ, Голицынъ встрѣтился на лѣстницѣ съ княземъ Трубецкимъ и сказалъ ему, что о своемъ поступленіи въ Тайное Общество завтра, послѣ свиданія съ Аракчеевымъ, дастъ рѣшительный отвѣтъ.

III.

„Милый другъ Софа, сегодня я не приду къ вамъ, какъ обѣщалъ. Я усталъ на заупокойной обѣднѣ и, хотя ногѣ моей лучше, но она всетаки даетъ себя чувствовать. Штофрегенъ говорилъ мнѣ, что вы опять больны. Онъ жалуется, что вы недостаточно бережетесь. Еслибъ вы знали, какъ это огорчаетъ меня. Прошу васъ, дитя мое, исполняйте совѣты медиковъ въ точности: всякая неосторожность въ здѣшнемъ климатѣ можетъ быть для васъ пагубной. Будьте же умницей, слушайтесь докторовъ и лѣчитесь, какъ слѣдуетъ. Только что выберу свободную минуту, пріѣду къ вамъ и надѣюсь видѣть васъ уже здоровой. Императрица Елисавета цѣлуетъ васъ. Медальонъ съ ея портретомъ почти готовъ; я самъ привезу его вамъ. Храни васъ Богъ и Матерь Его Пречистая.

Вашъ папа.

11 марта, 1824 г.
С.-Петербургъ.

Это письмо государя, написанное по-французски, передала Софьѣ старая няня, Василиса Прокофьевна. Когда Софья прочла его, ей захотѣлось плакать. Но стыдно было няни.

— Ну, хорошо, ступай,—проговорила она, едва удерживая слезы.

— Лѣкарство принять извольте, барышня.

Съ рѣшительнымъ видомъ Прокофьевна взяла склянку съ лѣкарствомъ и ложку.

— Не надо, оставь. Потомъ. Сама приму. Ступай же.

— Давеча не приняли. И теперь не хотите.

— Ахъ, няня, няня. Господи, какая несносная!... Да ступай же, говорятъ тебѣ, ступай!...—прикрикнула Софья, и слезы дѣтскаго упрямства, дѣтской обиды задрожали въ голосѣ.

Но старушка не уходила и, наливъ лѣкарство въ ложку, продолжала ворчать:

— Докторъ, небось, велѣлъ аккуратно, а вы что? И маменькѣ обѣщали и папенькѣ...

Поднесла къ самымъ губамъ ея до краевъ полную ложку.

— Сейчасъ принять извольте.

Ложка дрожала въ старыхъ рукахъ, вотъ-вотъ расплещется. Когда Софья представила себѣ, что проглотитъ мутно-желтую густую жидкость, съ отвратительно-знакомымъ вкусомъ, вкусомъ болѣзни, ей показалось, что ее стошнитъ. Склоненное надъ нею, съ поджатымъ, ввалившимся ртомъ, сморщенное лицо старушки,

незапамятно-родное, милое, все, до послѣдней морщинки, нѣжно любимое,—вдругъ сдѣлалось ненавистнымъ, тошнымъ, какъ вкусъ лѣкарства. Ей казалось, что она больна не отъ болѣзни, а отъ няни, отъ мамы, отъ доктора, отъ Шувалова, отъ всѣхъ, кто къ ней пристаетъ, мучаетъ ее. Злобно оттолкнула протянутую руку. Ложка упала на полъ, лѣкарство пролилось.

— Матерь, Царица Небесная!—взахалась Прокофьевна.—Коверъ залили! Ужо Филатычъ увидитъ... Что же это такое, Господи? Что за ребенокъ! Ни лаской, ни сердцемъ! Погоди-ка, сударыня, вотъ ужо скажу папенькѣ...

„Какому папенькѣ?“ подумала Софья. Няня называла когда-то Дмитрія Львовича папенькой, теперь—государя, а прежняго папеньку—дяденькой или просто бариномъ,—его превосходительствомъ; только иногда путалась и стыдилась. Развѣ она маленькая? Развѣ не знаетъ всего? Чего же стыдиться? Два, такъ два.

Старушка вышла. Слава Богу, теперь можно подумать, поплакать. Но только что усѣлась поудобнѣе, поджала подъ себя ноги, закуталась въ старенькій нянинъ платокъ и начала думать,—послышались старческіе, шаркающіе шаги. Прокофьевна вернулась съ полотенцемъ. Крехтя, опустилась на колѣни, вытерла полъ и опять начала наливать лѣкарство въ ложку. Софья вскочила, вырвала у нея склянку, бросила ее въ каминъ,—бутылка разбилась въ дребезги, лѣкарство зашипѣло на горящихъ угольяхъ,—и закричала, затопала:

— Вонъ! Вонъ! Вонъ!

— Воля ваша, Софья Дмитріевна, а только, какъ заболѣете опять, сляжете,—хуже будетъ. Богъ вамъ судья, не жалѣете вы папеньку...

— И не жалѣю, и заболѣю, и слягу, и умру, умру, подохну!... И пусть! Такъ мнѣ и нужно. Оставьте меня, оставьте!... Ради Бога, не мучьте... Не могу я больше, не могу... Уходи же! уходи! уходи!

Бросилась лицомъ въ подушку, зарыдала; худенькія плечи задергались отъ разрывающей судороги кашля.

Когда успокоилась и подняла лицо, няни уже не было въ комнатѣ. На носовомъ платкѣ увидѣла привычное алое пятнышко. Надо будетъ спрятать отъ няни, отъ мамы, отъ папы, отъ доктора, отъ всѣхъ. А то опять пойдутъ разговоры: кровью кашляетъ, на югъ везти. А лучше умереть, чѣмъ уѣхать сейчасъ.

Жаль няню. За что обидѣла? Гдѣ-нибудь плачетъ теперь. Пойти помириться. Но когда встала, почувствовала, что ноги подкашиваются, въ глазахъ темнѣетъ. А, можетъ быть, это день такой

темный? На дворѣ безконечная мартовская оттепель съ мокрымъ снѣгомъ.

Опять опустилась на диванъ, поближе къ огню, усѣлась „какорою“, какъ говорила няня, подобрала ноги, руками обняла колѣни, съежилась вся, сдѣлалась маленькой, съ головой закуталась въ платокъ.

Перечла письмо. Поцѣловала то мѣсто, гдѣ сказано объ императрицѣ Елисаветѣ. Вспомнила свои рѣдкія, словно запретныя и влюбленныя, встрѣчи съ нею, то въ церкви, то во время прогулки на набережной, въ Лѣтнемъ саду или на Крестовскомъ островѣ; вспоминала ея усталое, почти старое, но все еще прекрасное, не женское, а дѣвичье лицо; благоуханную свѣжесть, какъ будто не духовъ отъ платья, а отъ нея самой, какъ отъ цвѣтка; торопливыя, словно тоже запретныя и влюбленныя, ласки; теплоту поцѣлуевъ и слезъ ея на лицѣ своемъ и робкіе взоры, которыми оглядывалась императрица, какъ будто боялась, чтобы ихъ не увидѣли вмѣстѣ; и почти безумный, жадный, страстный шопотъ: „дѣвочка моя милая, любишь ли ты меня хоть чуточку?“ и свой отвѣтный, такой же безумный, страстный шопотъ: „люблю... мама! мама! мамочка!...“—и такое при этомъ счастье, какое бываетъ только во снѣ. Тогда, ребенкомъ, сама не понимала, что̀ говоритъ; потомъ поняла. Да, другая настоящая мама, какъ другой настоящій отецъ. Два отца, двѣ матери. Но она вѣдь знаетъ, что настоящая мама одна. Такъ почему же?... Нѣтъ, лучше объ этомъ не думать. Страшно.

Хотѣлось опять кашлять, но удерживалась, а то будетъ кровь; если много, то не спрячешь. Вспомнилась крошечная обезьянка Тинька, ея любимица, которая не вынесла петербургской зимы, простудилась, долго кашляла, дрожала отъ озноба, вся скорчившись и сидя тоже какорою, поближе къ огню; глядѣла на всѣхъ жалкими дѣтскими глазами, какъ-то странно, по-птичьи, языкомъ щелкала и, наконецъ, умерла отъ чахотки.

Тинькой ее прозвала няня, потому что нѣсколько похожа была на эту обезьянку Софьина француженка, мадамъ д'Аттиньи; няня звала ее тоже Тинькою, не долюбливая обѣихъ—мартышку, похожую на чорта, и мадаму, похожую на вѣдьму. Ходили слухи, будто въ ранней молодости, еще во время Великой Революціи, мадамъ д'Аттиньи была первосвященницей Авиньонскаго тайнаго общества, основаннаго графомъ Ѳадеемъ Грабянкою, который занимался черной магіей. Черезъ него мадамъ д'Аттиньи, Великая Матерь боговъ, Геката, Діана, Царица неба и ада, современная хаосу, какъ называли ее адепты, поступила гувернанткой къ На-

рышкинымъ. Умерла въ глубокой старости. Передъ смертью впала въ дѣтство, сморщилась, ссохлась и сдѣлась еще больше похожа на обезьяну.

Всю ночь сегодня въ бреду Софьѣ снилась Тинька, не то мадама, не то мартышка: бѣгаетъ, будто, прыгаетъ по комнатѣ, языкомъ щелкаетъ: „я—Геката, я—Діана, я—Великая Матерь боговъ!“ потомъ вдругъ вскочила ей на грудь, стала душить. Снилось также, что дѣдушка Крыловъ сѣчетъ маленькую дѣвочку до крови и кричитъ ей: „Тинька, Тинька, слижи кровь языкомъ!“ и дѣвочка, ползая на карачкахъ, по полу, сморщивается, ссыхается, становится Тинькою и языкомъ слизываетъ кровь. А потомъ, будто множество маленькихъ, черненькихъ полу-щенятъ, полумартышекъ присосалось къ бѣлымъ, толстымъ грудямъ бабы Ненилы, покровской скотницы. Вотъ и сейчасъ, кажется, забралась къ ней Тинька подъ платокъ и холодной лапкой щекочетъ ей горло, такъ что хочется кашлять до крови.

Очнулась. Съ усиліемъ открыла глаза. Поняла, что бредитъ. Неужели, и правда, заболѣетъ, сляжетъ опять, какъ въ прошломъ году, до самаго лѣта, такъ и не увидитъ „настоящей мамы“. Нѣтъ, вздоръ, не надо поддаваться болѣзни. Вотъ угрѣлась, и прошелъ ознобъ. Только жарко, душно подъ платкомъ. Скинула его, встала, подошла къ окну.

Окно зеркальное, въ полукругломъ балконѣ-фонарикѣ, выходящемъ на Фонтанку. Посмотрѣла въ обѣ стороны, къ Симеоновскому мосту и къ Невскому; не промелькнетъ ли знакомая, темно-синяя карета съ бородатымъ кучеромъ Ильею? Намедни тоже папа писалъ, что не будетъ, а потомъ пріѣхалъ.

Кареты не было. А тянулись похоронныя дроги съ маленькимъ гробикомъ, сосновымъ, бѣлымъ, парчой не прикрытымъ: вмѣсто парчи—сѣрый мокрый снѣгъ. За гробикомъ шелъ старый, плѣшивый, красноносый чиновникъ въ куцей шинелишкѣ, похожей на женскій салопъ; шатался, какъ пьяный, не то отъ горя, не то отъ водки; крошечная дѣвочка вела его за руку, должно быть, сестрица покойника. По ухабамъ и ямамъ раскачивались дроги такъ, что вотъ-вотъ гробикъ свалится въ грязь.

Небо мутно-желтое съ темно-сѣрыми пятнами, какъ паучье брюхо. И сыплется оттуда изморозь, не то льдистый дождь, не то мокрый ледъ, какъ будто сочится гной. Оттепельный черный, страшный городъ похожъ на трупъ, съ котораго сорвали саванъ. И трупнымъ запахомъ проникаетъ мутно-желтый, удушливо-ѣдкій туманъ сквозь окно въ комнату, сжимаетъ горло, саднитъ грудь такъ, что нечѣмъ дышать. А на другой сторонѣ Фонтанки, на

челѣ казеннаго зданія, Екатерининскаго института, паритъ съ распростертыми крыльями двуглавый орелъ. Надъ черной петербургской слякотью, надъ чернымъ, оголеннымъ трупомъ кажется онъ зловѣщимъ и нелѣпо-торжественнымъ.

Опять подкосились ноги, потемнѣло въ глазахъ. Оперлась о подножіе бюста. Это былъ снимокъ съ торвальдсенова мрамора—изваяніе императора Александра I.

Когда прошла темнота въ глазахъ, вглядѣлась въ мраморъ. Онъ ей не нравился. Родное лицо казалось чужимъ. Напоминало видѣнныхъ въ музеяхъ древнихъ римскихъ императоровъ, Траяна, Антонина, Марка-Аврелія: та же печально-покорная, какъ бы вечерняя, ясность и благость въ чертахъ. Пухлыя бритыя щеки съ ямочками; короткій, тупой, упрямый носъ; плѣшивый, крутой лобъ; на лбу суровая, почти жестокая морщинка, а на извилистыхъ, тонкихъ, немного вдавленныхъ, какъ будто старушечьихъ, губахъ неподвижно-любезная улыбка.

Взглянула, сравнивая, на висѣвшій въ той же комнатѣ портретъ императрицы Екатерины. Да, у обоихъ, у внучка и бабушки, одна улыбка. Двусмысленное противорѣчіе между этою слишкомъ ласковой улыбкою губъ и жестокой морщиною лба.

Вспомнилось, какъ бывало, ребенкомъ, когда долго не видала отца и соскучивалась по немъ, тайкомъ отъ всѣхъ, подходила къ бюсту, взбиралась на стулъ, становилась на цыпочки и, закрывъ глаза, цѣловала холодный мраморъ, пока не теплѣлъ онъ, какъ будто отвѣчалъ на ея поцѣлуй поцѣлуемъ.

Такъ и теперь прижалась къ нему жаркой щекой. Но тотчасъ отняла ее: ознобъ пробѣжалъ по тѣлу, какъ холодъ смерти; въ мутно-желтомъ свѣтѣ дня желтизна мрамора напоминала тѣло покойника. Слѣпыми бѣлыми зрачками смотрѣла на нее страшная кукла съ двусмысленной улыбкой.

Софья закрыла глаза, стараясь увидѣть живое лицо его, но не могла. Сдѣлалось такъ больно, что, казалось, умретъ, если не увидитъ его, живого, сейчасъ.

Внизу, у крыльца, послышался стукъ кареты. „Папа! Папа!“ Бросилась къ окну. Но это была карета Шувалова. Онъ вошелъ въ подъѣздъ. Неужели сюда, къ ней? Прислушалась. По далекому хлопанью дверей поняла, что прошелъ къ мамѣ. Слава Богу!

Продолжала смотрѣть на улицу, все еще надѣясь. Тамъ громыхали только телѣги мясниковъ, должно быть, прямо съ бойни. Изъ-подъ мокрыхъ рогожъ торчали окровавленныя, раскаряченныя туши. Ей казалось, что она слышитъ запахъ сырого мяса. видитъ, какъ теплая красная кровь капаетъ на черную грязь.

Зажмурила глаза, чтобы не видѣть. Съ трудомъ волоча ноги, вернулась на диванъ у камина, повалилась въ изнеможеніи, но не закрывала глазъ, чтобы опять не начался бредъ, смотрѣла пристально сквозь открытыя двери въ сосѣднюю, бѣлую залу съ колоннами, гдѣ вчера давался концертъ. Почти противъ двери большое зеркало, въ которомъ отражался портретъ юнаго императора. Изъ таинственной, зеркально-темной, какъ будто подводной, глубины улыбался ей все той же вѣчной, двусмысленной улыбкою голубоглазый, пепельнокудрый мальчикъ.

О чемъ она уже давно хотѣла подумать? Да, о Шуваловѣ и Голицынѣ. Почему графъ Андрей непонятный, ненужный, далекій—ея женихъ, а не Валичка родной, близкій? Дурочкой была, когда согласилась: ничего не знала; теперь знаетъ, что значитъ быть замужемъ.

Въ прошломъ году, въ Парижѣ, во время укладки вещей,—мамы не было дома,—попалась ей въ руки маленькая золотообрѣзаная книжечка въ пергаментѣ, антверпенское изданіе съ непристойными картинками. Долго разсматривала ихъ, удивлялась, ужасалась, но не понимала. Вдругъ поняла все или почти все. Поняла, почему, много лѣтъ назадъ, когда разъ нечаянно вошла въ комнату, тогдашній маминъ другъ, молодой генералъ-адъютантъ Ожаровскій вскочилъ, испуганный, красный, растрепанный, похожій на непристойную картинку, и мама на нее закричала, едва не прибила, неизвѣстно за что. Поняла, почему и другіе безчисленные мамины друзья, чужіе люди, становились какъ будто родными; сажали ее, Софочку, къ себѣ на колѣни, ласкали, называли своей дочкою, а ей было скучно, страшно отъ этихъ ласкъ. Вспомнила разсказъ въ старинномъ московскомъ „Журналѣ для милыхъ“: какъ Аглантинъ и Аннушка купались вмѣстѣ въ рѣчкѣ, подобно Адонису и Венерѣ; а потомъ, когда Аннушка горько о чемъ-то заплакала, Аглантинъ ее утѣшалъ: „я тебя увѣряю, мой другъ, что ты называешь грѣхомъ то, что только есть наслажденіе натуральное“.

Тогда, послѣ тѣхъ антверпенскихъ картинокъ, заболѣла отъ ужаса и отвращенія къ матери, къ Шувалову, къ себѣ, ко всѣмъ людямъ, ко всему міру. Одинъ Валичка казался ей чистымъ, и она была увѣрена, что онъ бы понялъ ее. „Натуральное наслажденіе!“ Если такова натура и самъ Богъ устроилъ такъ, то она не хочетъ міра, не хочетъ Бога. Ей казалось, что она больна и, можетъ быть, умретъ не отъ болѣзни, а отъ этого.

Въ сосѣдней бѣлой залѣ послышались приближающіеся голоса: Шуваловъ, мама. Софья вскочила, чтобы убѣжать: не могла

ихъ видѣть сейчасъ. Но вдругъ остановилась, окаменѣла, глядя широко раскрытыми глазами въ глубину зеркала. Опять бредитъ, что ли? Нѣтъ, слишкомъ ясно видитъ то, что видитъ: Шуваловъ цѣлуетъ Марью Антоновну, и у обоихъ такія лица, какъ тогда, когда Софья вошла нечаянно въ комнату, гдѣ Ожаровскій дѣлалъ что-то съ мамою. Непристойная картинка. Женихъ съ матерью. А голубоглазый мальчикъ улыбался имъ двусмысленной улыбкою.

Съ тихимъ стономъ, протянувъ руки впередъ, какъ будто защищаясь отъ привидѣнія, Софья упала навзничь на диванъ. Все помутилось, поплыло въ глазахъ ея, и сама она плыла, утопала въ бездонной глубинѣ зеркала.

Очнулась. Увидѣла надъ собой лицо матери и опять лишилась чувствъ.

Но матери уже не было въ комнатѣ, когда очнулась во второй разъ, окончательно. Послышались шаркающіе шаги Прокофьевны и вдругъ вблизи знакомый голосъ:

— Да скоро ли докторъ?

— Папа! Папа!

Онъ обернулъ къ ней лицо, испуганное, блѣдное, бросился къ дивану, сталъ на колѣни и, наклонившись надъ ней, поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Ну, слава Богу! слава Богу!...—перекрестился.—Софочка, милая... вотъ напугала-то!...

Обвивъ ему шею руками, она вся прижималась къ нему, цѣплялась за него, какъ утопающая.

— Папа! Папа! Папа! Вѣдь вотъ знала же я, что придешь!... Какъ ждала, Господи! Вотъ вѣдь ты, папа?... ты?... ты?...

Немного приподнялась, отстранилась и всего оглядывала, ощупывала, какъ будто желала убѣдиться, что это онъ. Да, онъ, живой, настоящій, не холодная мертвая кукла, не древній римскій императоръ, а живой, родной, теплый, настоящій папа. Оглядывала, ощупывала, трогала пальцами. Вотъ пухлыя бритыя щеки съ ямочками, съ двумя полосками золотистыхъ бакеновъ, и мягкій, раздвоенный подбородокъ, и гладкій, плѣшивый лобъ съ остатками бѣлокурыхъ, вьющихся волосъ, начесанныхъ кверху; и между нависшими бровями морщинка, не гнѣвная, а только грустная, жалкая; и жалкіе, грустные, дѣтскіе прозрачно-голубые глаза; и на губахъ, прелестно очерченныхъ, юныхъ, улыбка не лукавая, а плѣнительно-нѣжная, тоже дѣтская, безпомощная. И сутулыя плечи, немного наклоненныя впередъ; и тучный, но все еще стройный станъ, затянутый въ узкій темно-зеленый кавалер-

гардскій мундиръ съ серебряными погонами; и стройныя, словно изваянныя, ноги въ лакированныхъ ботфортахъ съ острыми кончиками. Да, весь родной, любимый, возлюбленный.

Опять прижалась къ нему, полузакрывъ глаза, улыбаясь.

— Ну, вотъ видишь, дружокъ: не надо было вставать; докторъ правду говорилъ: лежала бы—ничего бы не было.

— Да ничего и нѣтъ, папа! Я совсѣмъ здорова. Маленькій жаръ. Пройдетъ.

— Ну гдѣ же здорова? Вонъ кашляешь, голова горячая и руки, какъ ледъ. Будь умницей, пойдемъ-ка, лягъ: сейчасъ докторъ придетъ.

— Зачѣмъ докторъ?—заговорила она по-французски, изрѣдка вставляя русскія слова, какъ обыкновенно говорила съ нимъ.— Я не буду больна, не буду кашлять. Только не уходите, ради Бога, не уходите! Не могу я безъ васъ. Если бы вы знали, какъ страшно, какъ страшно!...

— Да что тутъ было? Что такое? Скажи...

— Нѣтъ, не надо. Не говорите, не спрашивайте! Ничего не надо. Только бы такъ съ вами долго, долго, всегда. И все хорошо будетъ, все пройдетъ. И никого не надо. Только вы и мама... охъ, нѣтъ, нѣтъ... не та, а другая, настоящая мама...

Онъ думалъ, что она бредитъ; но, вглядѣвшись въ лицо ея, понялъ, что это не бредъ.

— Что ты, Софа? Господь съ тобой! Развѣ можно такъ о матери? За это Богъ накажетъ...

— Не мать! не мать! И пусть меня накажетъ Богъ! Не могу я больше, не могу, не хочу!... Страшно... гадко... Папа, папочка, возьми меня отсюда! Развѣ не видишь, что я не могу...

Зарыдала и, бросившись къ нему на шею, опять охватила его руками, уцѣпилась за него, какъ утопающая.

— Ну, полно же, полно, дружокъ. О чемъ ты? Вѣдь я же тебѣ обѣщалъ: когда выйду въ отставку, уѣдемъ съ тобой и будемъ всегда вмѣстѣ...

— Да, папа, ты обѣщалъ, помнишь? Только когда же, Господи?...

Заглянула ему въ глаза пристально. Увидѣла, что онъ думаетъ или сейчасъ думалъ о другомъ, о своемъ,—можетъ быть, такомъ же страшномъ, какъ и то, что было съ нею. О чемъ же? Вдругъ вспомнила: 11 марта годовщина смерти императора Павла I. Знала, какой это день для него; знала, что дѣдушка умеръ не своею смертью, и что отецъ всегда объ этомъ думаетъ, мучается этимъ, хотя никогда ни съ кѣмъ не говоритъ. Если и не

знала всего, то угадывала. Сколько разъ хотѣла заговорить, спросить; но не смѣла. И теперь не посмѣла. Только повторила вслухъ:

— 11 марта, 11 марта....

Онъ смотрѣлъ на нее такъ же пристально, какъ она, и по лицу его пробѣжала тѣнь; появилось, какъ въ мраморномъ ликѣ, двусмысленное противорѣчіе между слишкомъ суровою морщиною лба и слишкомъ ласковой улыбкою губъ.

— Вы сегодня въ церкви, папа... заупокойная обѣдня длинная... устали, измучились?... А тутъ еще я... И нога болитъ? Вѣдь болитъ, а?

— Нѣтъ, ничего.

— Ну, зачѣмъ пріѣхали? Сидѣли бы дома... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, хорошо, что пріѣхалъ! Охъ, хорошо, Господи! Я бы тутъ умерла безъ тебя!...

Онъ больше не разспрашивалъ. Оба чувствовали, что между ними то, о чемъ нельзя говорить: лучше понимать и жалѣть безъ словъ. Онъ былъ такъ же одинокъ и безпомощенъ, какъ она; такъ же за нее цѣплялся, какъ утопающій.

Одной рукой держалъ ей голову, другой—тихонько гладилъ волосы, качалъ, баюкая.

Опять, улыбаясь, полузакрыла глаза, дышала все тише и тише, но заснуть боялась, чтобы не ушелъ во снѣ. И сквозь дремоту казалось ей, что въ селѣ Покровскомъ, у пруда, за теплицами, тринадцатилѣтняя дѣвочка въ коротенькомъ бѣломъ платьицѣ, вмѣстѣ съ братомъ—женихомъ возлюбленнымъ, читаетъ старую, страшную, милую сказку:

Конченъ путь, ко мнѣ, Людмила!
Намъ постель—темна могила,
Завѣсъ—саванъ гробовой!
Сладко спать въ землѣ сырой...

— Папочка... Валичка...—шептала въ полуснѣ.

И кто—отецъ любимый, кто—женихъ возлюбленный, уже не могла отличить. Оба одно. И любить вмѣстѣ обоихъ.

IV.

Свиданье съ Аракчеевымъ было страшно князю Валеріану, хотя онъ и смѣялся надъ нимъ.

Зналъ, что у государева любимца — бѣлые листы бумаги, бланки за царскою подписью; онъ могъ вписать въ нихъ, что

угодно—чины, ордена, или заточеніе въ крѣпость, ссылку, каторгу. Могъ также оскорбить, ударить—и чѣмъ ему отвѣтить?

„Я другъ царя,—говаривалъ,—и на меня жаловаться можно только Богу".

Нѣсколько лѣтъ назадъ, прошелъ слухъ, будто сочинителя Пушкина высѣкли розгами въ тайной полиціи. Лучшіе друзья поэта передавали объ этомъ съ добродушной веселостью. „Можетъ ли быть?" сомнѣвались одни. — „Очень просто, — объясняли другіе:—половица опускная, какъ на сценѣ люкъ, куда черти проваливаются; станешь на нее и до половины тѣла опустишься, а внизу, въ подпольѣ, съ обѣихъ сторонъ по голому тѣлу розгами—чикъ, чикъ, чикъ. Поди-ка жалуйся!

Да что поэтъ или камеръ-юнкеръ, когда великіе князья трепетали передъ Зміемъ. Преображенскимъ офицеромъ, стоя на караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ, князь Валеріанъ увидѣлъ однажды, какъ Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ, тогда еще совсѣмъ юные, сидя на подоконникѣ, ребячились, шалили съ молодыми флигель-адъютантами; вдругъ кто-то произнесъ шопотомъ: „Аракчеевъ!" и великіе князья, соскочивъ съ подоконника, вытянулись, какъ солдаты, руки по швамъ.

Да, страшно. Но подъ страхомъ—надежда.

Года два тому назадъ, Голицынъ подалъ государю записку объ освобожденіи крестьянъ и о конституціи, какъ о близкомъ будущемъ, волѣ самого императора, съ высоты престола объявленной.

О запискѣ съ тѣхъ поръ ни слуху, ни духу, какъ въ воду канула. Да онъ уже и самъ не вѣрилъ въ мечты свои, зналъ, что надѣяться не на что. А всетаки надѣялся, ждалъ чуда. Что, если государь пожелаетъ видѣть его,—онъ скажетъ ему все,—и тотъ пойметъ.

Вспоминалъ портретъ юнаго императора: бѣлые, въ пудрѣ, вьющіеся волосы, цвѣтъ кожи блѣдно-розовый, какъ отливъ перламутра, темноголубые глаза съ поволокою, прелестная, какъ будто не совсѣмъ проснувшаяся, улыбка дѣтскихъ губъ. Похожъ на Софью, какъ братъ на сестру.

Иногда Голицыну снилось это лицо, и не зналъ онъ, чье оно, отца или дочери,—но во снѣ влюбленъ былъ въ обоихъ вмѣстѣ, какъ нѣкогда влюблена была вся Россія въ прекраснаго отрока.

— Я желалъ бы видѣть всюду республики: это единственная форма правленія, сообразная съ правами человѣчества!—говаривалъ онъ съ этою дѣтскою улыбкою. А потомъ, послѣ чугуевской бойни, гдѣ проводили людей сквозь строй шпицрутеномъ

по двѣнадцати тысячъ разъ,— плакалъ на груди Аракчеева „Другъ, Алексѣй Андреевичъ, я знаю, чего это стоило твоему чувствительному сердцу!“

Отецъ Софьи и другъ Аракчеева, республика и шпицрутены, ожиданіе чуда и ожиданіе розогъ—все смѣшалось, какъ въ бреду, въ мысляхъ Голицына. Чтобы отвязаться отъ нихъ, легъ спать.

Дурной сонъ приснился: похоронное шествіе; въ открытыхъ гробахъ—скелеты и уродцы въ банкахъ со спиртомъ; все знакомыя лица—старые пріятели, члены Тайнаго Общества. Онъ и самъ плаваетъ въ спирту, похожій на блѣдную личинку, гомункулъ въ очкахъ.

Проснувшись, долго не могъ понять, что̀ это было; наконецъ, понялъ: профессора Казанскаго университета хоронили анатомическій кабинетъ, по предложенію Магницкаго.

Когда на слѣдующій день, въ назначенное время, къ шести часамъ вечера, князь Валеріанъ вошелъ во флигель-адъютантскую комнату Зимняго дворца, находившіеся тамъ генералъ-адъютанты, Уваровъ, Закревскій, князь Меньшиковъ, Орловъ, привѣтствовали его особенно ласково.

— За твое здоровье, князенька, свѣчку пудовую: обругалъ подлеца, какъ слѣдуетъ!—пожалъ ему руку Меньшиковъ.

— Воистину, *гадина!*—воскликнулъ Орловъ.

— Змій!—добавилъ Закревскій.

— Ну, какой *змій*? Просто *ночанка!*—возразилъ Уваровъ и разсказалъ, какъ у одного мужика въ Грузинѣ нашли въ платьѣ высушенную летучую мышь, „ночанку“, которую носилъ онъ при себѣ для того, будто бы, чтобы извести колдовствомъ Аракчеева; а тотъ засѣкъ его до смерти, приговаривая: „буду я тебѣ самъ ночанкою!“—Такъ вотъ и для всей Россіи ночанкою сдѣлался.

— И неужели же никого не найдется, чтобы открыть государю глаза на этого изверга!—заключилъ Уваровъ.

Изъ пріотворенной двери высунулъ голову съ плоскимъ, деревяннымъ, кукольнымъ лицомъ, адъютантъ Аракчеева, нѣмецъ Клейнмихель.

— Пожалуйте, князь.

Голицынъ вошелъ въ Секретарскую, большую темную комнату съ окнами на дворцовый дворъ.

У стола, крытаго зеленымъ сукномъ, сидѣлъ Аракчеевъ. Передъ нимъ стоялъ старый генералъ, можетъ быть, одинъ изъ боевыхъ генераловъ двѣнадцатаго года, сподвижниковъ Багратіона и Раевскаго въ тѣхъ славныхъ бояхъ, въ которыхъ царскій лю-

бимецъ не принималъ участія „по слабости нервовъ“. Слушая выговоръ, какъ школьникъ, виновато горбилъ онъ спину и вбиралъ голову въ плечи; не видя лица его—онъ стоялъ къ нему спиною,—Голицынъ видѣлъ, по гладкой и красной, какъ личико новорожденнаго, лысинѣ, по вздувшейся надъ воротникомъ, сине-багровой складкѣ шеи, что старикъ ни живъ, ни мертвъ.

— Не думаете ли вы, сударь, отлынять отъ службы, видя, что у меня камеръ-юнкерствовать не можно?—говорилъ Аракчеевъ гнусавымъ, ровнымъ, тихимъ, почти шопотнымъ голосомъ: нельзя говорить громко въ покояхъ государевыхъ.—Предписаніе за нумеромъ тысяча восемьсотъ семьдесятъ третьимъ, которое поставило, будто бы, васъ въ невозможность исполнять обязанность вашу въ точности, совсѣмъ не требуетъ отъ вашего превосходительства никакихъ невозможностей, коихъ, впрочемъ, по службѣ и быть не должно...

Видно было, что можетъ говорить такъ, не переводя духа, не измѣняя выраженія лица и голоса, часъ, два, три — сколько угодно.

Голицыну случалось видѣть Аракчеева. Но теперь вглядывался онъ съ особеннымъ любопытствомъ, какъ будто видѣлъ его въ первый разъ.

Лѣтъ за пятьдесятъ. Высокъ ростомъ, сутулъ, костлявъ, жилистъ. Поношенный артиллерійскій темнозеленый мундиръ; между двухъ верхнихъ пуговицъ—маленькій, какъ образокъ, портретъ покойнаго императора Павла I. Лицо—не военное, а чиновничье. Впалыя бритыя щеки; тонкія губы; толстый носъ, слегка вздернутый и красноватый, какъ будто въ вѣчномъ насморкѣ. Ни ума, ни глупости, ни доброты, ни злобы—ничего въ этомъ лицѣ, кромѣ скуки. Полуоткрытыя надъ мутными глазами вѣки дѣлали его похожимъ на человѣка, который только что проснулся и сейчасъ опять заснетъ.

— Я люблю, чтобы всѣ дѣла шли порядочно, скоро, но порядочно; а иныя дѣла и скоро дѣлать вредно. Все сіе дано намъ отъ Бога на разсужденіе, ибо хорошее на свѣтѣ не можетъ быть безъ дурного, и всегда болѣе дурного, чѣмъ хорошаго...

За окномъ шелъ мокрый снѣгъ. Въ комнату вползали сѣрыя, какъ паутина, сумерки. И въ сѣрой паутинѣ сумерекъ, въ сѣрой паутинѣ словъ была скука нездѣшняя, которой, должно быть, въ гробахъ своихъ скучаютъ мертвые. Страшно было отъ скуки.

Аракчеевъ кивнулъ головой въ знакъ того, что аудіенція кончена. Пыхтя и отдуваясь, потный и красный, какъ изъ бани, генералъ вышелъ изъ комнаты.

Голицынъ подошелъ къ столу.

— Князя Александра Николаевича племянничекъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Ну, князь, два дѣла къ вамъ. Первое: за ношеніе очковъ въ присутствіи особъ августѣйшихъ государь повелѣлъ сдѣлать вамъ замѣчаніе строжайшее. Второе—касательно записки вашей...

Подалъ ему бумагу, на которой большими буквами, краснымъ карандашомъ, его, Аракчеева, собственной рукой написано было съ тремя ошибками въ пяти словахъ: „васвратить бумаги сіи по ненадабію въ оныхъ".

— Вы ужъ на меня, старика, не погнѣвайтесь,—посмотрѣлъ ему не въ глаза, а въ брови—никогда не смотрѣлъ собесѣднику прямо въ глаза,—и лицо его вдругъ сдѣлалось ехидно-ласковымъ.—Я—человѣкъ простой, неученый. Какъ бѣдный новгородскій дворянинъ, совершенно по-русски воспитанъ. У дьячка учился грамотѣ, по часослову: мудрено ли, что мало знаю? Вотъ и въ запискѣ вашей,—при простомъ умѣ моемъ, никакъ въ толкъ не возьму,—о какой конституціи писано? Сколько лѣтъ на свѣтѣ живши, о томъ не слыхалъ и полагалъ доселѣ, что у насъ въ Россіи правленіе самодержавное...

Опять нескончаемая паутина словъ; опять страшно, скучно нездѣшнею скукою.

Вдругъ всталъ, перешелъ отъ стола къ камину и поманилъ Голицына пальцемъ: не хотѣлъ, должно быть, чтобы адъютантъ слышалъ. Когда Голицынъ подошелъ, взялъ его за пуговицу и зашепталъ почти на ухо, еще ласковѣй, вкрадчивѣй:

— Я всегда, ваше сіятельство, въ ономъ несчастливъ, что обо мнѣ дурно публика думаетъ. Ну, да вѣдь и то сказать: одинъ умный человѣкъ спрашивалъ: сколько дураковъ нужно, чтобы составить публику? Посему и не весьма опасаюсь санктъ-петербургскаго праздноглаголанія: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ. Была бы совѣсть чиста... Вещица сія, изволите видѣть, какъ называется?

— Экранъ, ваше сіятельство.

— Экранъ, да-съ. Ну, такъ вотъ и вашъ покорный слуга все равно, что экранъ; за моей спиной что ни дѣлается, а моимъ лицомъ все покрывается. Валятъ на меня, какъ на мертваго... И ругаютъ за все: Аракчеевъ — злодѣй, Аракчеевъ — извергъ, Аракчеевъ—*гадина*. А вся-то вина моя, что никому не льщу, по прямому моему характеру, да волю государя императора исполняю въ точности. Что велитъ, то и дѣлаю. Хоть конституцію, хоть самую республику, велитъ—и сдѣлаю... Мнѣ что?

„А вѣдь не глупъ, — удивился Голицынъ.—Только что̀ ему отъ меня надо?“

— Вотъ и дядюшка вашъ, князь Александръ Николаичъ, меня, старика, не жалуетъ. А я зла никому не помню, по закону евангельскому: любите ненавидящихъ васъ. И въ тебѣ, голубчикъ, князь Валерьянъ Михайловичъ, увѣренъ, что ты меня полюбишь, видя, что я съ тобой обхожусь, какъ истинный христьянинъ...

Умолкъ—и вѣки, надъ мутными глазами полузакрытыя, закрылъ совсѣмъ, какъ будто забылъ о собесѣдникѣ и, угрѣвшись у камина, стоя задремалъ. Голицынъ тоже молчалъ, разсматривая лицо его вблизи. Замѣтилъ неожиданную въ этомъ лицѣ странную, мягкую на раздвоенномъ подбородкѣ ямочку и почему-то не могъ отвести отъ нея глазъ. Вспомнилось ему „чувствительное сердце“ Аракчеева, котораго пожалѣлъ государь послѣ чугуевской бойни; вспомнилась также дворовая дѣвка, Настя Минкина, которая, въ минуты нѣжности, цѣловала Аракчеева, должно быть, въ эту самую ямочку.

Вдругъ медленно-медленно пріоткрылъ одинъ глазъ, какъ будто исподтишка подмигивая, и посмотрѣлъ Голицыну опять не въ глаза, а въ брови.

— А что, князь, давно ли вы членомъ Тайнаго Общества?— спросилъ въ упоръ.

— О какомъ тайномъ обществѣ ваше сіятельство говорить изволите?—отвѣтилъ Голицынъ съ такимъ спокойнымъ недоумѣніемъ, что самъ себѣ удивился; но сердце у него упало,—подумалъ: „начинается!“

— Не знаете? Ну, а мы все знаемъ, все знаемъ, и не только о васъ, но и о дядюшкѣ...

— Дядюшка—въ Тайномъ Обществѣ!...—не удержался Голицынъ и, хотя спохватился тотчасъ, но было поздно.

— Что же такъ удивились, если ничего не знаете? А, можетъ, и знаете что̀, да забыли? А?

— Еслибъ и зналъ что̀, ваше сіятельство, то не могъ бы ничего сказать, не бывъ подлецомъ и доносчикомъ!—поблѣднѣлъ Голицынъ уже не отъ страха, а отъ злобы.

— Ну, полно, князь, полно. Не хочешь, и не надо. Я вѣдь съ тобой, какъ отецъ, говорю, тебѣ же добра желаючи, чтобы сдѣлать изъ тебя, по уму твоему, государю человѣка полезнаго. Очки—пустое. А ты на хорошемъ счету: по Веронскому конгрессу помнитъ тебя государь вмѣстѣ съ графомъ Шуваловымъ, женихомъ Софьи Дмитріевны, и всегда отзываться изволитъ ми-

лостиво. Сегодня—камеръ-юнкеръ, завтра—камергеръ. Ни за что я, дружокъ, тому не повѣрю, что есть такой на свѣтѣ камеръ-юнкеръ, который не желалъ бы камергеромъ сдѣлаться... Подумай, князь, подумай хорошенечко. Утро вечера мудренѣе. Да пріѣзжай-ка въ Грузино—тамъ потолкуемъ. Посѣти старика, милости просимъ, я очень желаю видѣть ваше сіятельство у себя въ Грузинской пустынѣ...

„Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!“ вспомнился Голицыну рылѣевскій стихъ, когда къ двумъ протянутымъ пальцамъ Аракчеева—знакъ рѣдкой милости—прикоснулся онъ, чувствуя, что этою ласкою хуже, чѣмъ розгою, высѣченъ.

Пріемъ кончился. Клейнмихель ушелъ.

Аракчеевъ, подойдя на цыпочкахъ, словно крадучись, къ двери въ первую изъ двухъ залъ, которыя отдѣляли Секретарскую отъ кабинета государева, пріотворилъ дверь осторожно и позвалъ шопотомъ:

— Ефимычъ? А, Ефимычъ?

— Здѣсь, ваше сіятельство,—тѣмъ же осторожнымъ шопотомъ отвѣтилъ государевъ камердинеръ, Мельниковъ.

— Не звалъ государь?

— Никакъ нѣтъ.

— Никого не было?

— Никого.

Все такъ же крадучись, на цыпочкахъ, прошли обѣ пустынныя залы. Когда половица скрипнула подъ ногой Мельникова, Аракчеевъ замахалъ на него руками. Во всѣхъ движеніяхъ его была безшумно-шуршащая мягкость летучей мыши—ночанки.

Остановившись у двери кабинета, затаивъ дыханье, какъ будто умирающій былъ тамъ за дверью, прислушались. Сперва Мельниковъ, потомъ Аракчеевъ наклонился привычно-ловкимъ движеніемъ къ замочной скважинѣ и приложилъ къ ней глазъ: государь сидѣлъ одинъ, читая книгу. Переглянулись молча.

Опять вернулись въ Секретарскую.

— Проводи о. Фотія, чтобъ никто не видалъ.

— Слушаю-съ, ваше сіятельство.

— Князевой кареты съ набережной не было?

— Не было.

— А съ Эрмитажа?

— И оттуда не было. Вездѣ люди поставлены: не пропустятъ.

— Смотри же: если что, сейчасъ доложи.

— Будьте покойны, ваше сіятельство.

— Да кучеру Ильѣ скажи, не забудь: ежели государь на Фонтанку поѣдетъ,—курьера ко мнѣ на Литейную тотчасъ же.

На Фонтанку—значило: къ министру духовныхъ дѣлъ, князю Александру Николаевичу Голицыну.

Аракчеевъ вынулъ изъ кармана золотую табакерку и сунулъ въ руку Мельникова. Тотъ не понялъ, открылъ ее, понюхалъ съ такимъ благоговѣніемъ, какъ будто къ мощамъ приложился, и хотѣлъ отдать.

— Возьми, Ефимычъ, на память.

— Ваше сіятельство! И такъ милостями осыпанъ... Не знаю какъ за васъ Бога молить...—поцѣловалъ ему руку Мельниковъ.

— Смотри же, братецъ, чтобъ все въ аккуратѣ было.

— Будьте покойны, ваше сіятельство.

Когда камердинеръ ушелъ, Аракчеевъ сѣлъ въ кресло у камина и вынулъ изъ портфеля письмо Настеньки:

„Любезный мой отецъ и благодѣтель, батюшка, ваше сіятельство! Нѣтъ васъ — нѣтъ для меня веселья и утѣшенья, окромѣ слезъ: все плачу да плачу; воображаю, мой отецъ, что выходите изъ спальни и цѣлуете меня за сюрпризъ. А подумаю, что васъ нѣтъ, — такъ слезами и зальюсь. Если вы останетесь еще долго тамъ одинъ, то лучше ужъ прямо къ вамъ на Литейную въ телѣжкѣ пріѣду, чѣмъ представлять васъ каждую минуту съ растерзаннымъ сердцемъ. А у насъ, батюшка, на мызѣ благополучно. Люди здоровы, а также прочій скотъ и птицы. Только въ молошникѣ разбилъ крышку фарфоровую Матюшка, и я его за то высѣкла. И Нефеда, и Ѳиногена повара, по вашему, отецъ, приказу, также высѣкла хорошенечко. А француженка и осенняя фаворитка отелились на прошлой недѣлѣ. Въ оранжерейныхъ рамахъ стекла вставили. А соленой телятины двѣ кадушки попортились; я людямъ на кухню сдала. Поберегите себя, душа моя, ради Христа! Въ сырую погоду не выходите. На молоденькихъ не заглядывайся, дружокъ! Часто въ васъ сомнѣваюсь, зная вашъ карахтеръ непостоянный, но все вамъ прощаю, по любви моей: ежели мнѣ васъ не любить, то недостойна я и по землѣ ходить.—Вашего сіятельства по гробъ жизни своей слуга вѣчная—*Настя*.—И за галстучекъ тоже цѣлую“.

Закрывъ глаза съ томною улыбкою, представилъ себѣ, какъ она цѣлуетъ его за галстукъ, въ подбородокъ, въ самую ямочку. Задремалъ. Послышалась музыка вѣтра въ *эоловой арфѣ* на одной изъ грузинскихъ башенъ, и въ этой музыкѣ—баюкающій голосъ Настеньки: „почивайте, батюшка, покойно,—вашему слабому здоровью нуженъ покой...“

Вздрогнулъ, очнулся. Неровѣнъ часъ—пропуститъ Голицына.

Чтобы отогнать дремоту, принялся считать въ умѣ: сколько нужно метелокъ для грузинской мызы: въ кухню господскую—по 2 въ недѣлю—104 штуки въ годъ; въ службы людскія по 5—260 въ годъ; въ оранжереи, конюшни, флигеля—всего 1,890 въ годъ; на 5 лѣтъ—9,450, на 25—47,250.

Задача была слишкомъ простая. Придумалъ посложнѣе: сколько надо щебенки для шоссейной дороги отъ Грузина до Чудова.

Въ каждой кучѣ: въ вышину—3 аршина 7 вершковъ; въ окружности—6 аршинъ 13 вершковъ; по откосу—4 аршина 9 вершковъ. Трудно было сосчитать въ умѣ. Взялъ клочокъ бумаги, карандашикъ обгрызанный и началъ дѣлать выкладки, ставя цифры какъ можно тѣснѣе, такъ чтобы все умѣстилось на одномъ клочкѣ: былъ скупъ на бумагу.

Хорошо стало, тихо, спокойно, безгорестно-безрадостно, какъ въ вѣчности.

Вдругъ, въ самой серединѣ выкладокъ, когда расчетъ подходилъ уже къ милліонамъ кубическихъ вершковъ, пріотворилась дверь изъ Флигель-адъютантской.

— Ваше сіятельство, отъ его высочества, великаго князя,—доложилъ Клейнмихель.

— Я тебѣ, чортовъ сынъ, говорилъ: въ шею гони!—бросился на него Аракчеевъ, выругался нехорошимъ словомъ и поднялъ руку.

Клейнмихель не шелохнулся, подставляя безчувственно-кукольное лицо свое: казалось, ударъ прозвучитъ по лицу, какъ по дереву.

Аракчеевъ опустилъ руку и только прибавилъ неистовымъ шопотомъ:

— Вонъ!

Вернулся въ кресло у камина. Но уже не могъ продолжать счетъ: помѣшали—запутался. Огорчился, почувствовалъ сердцебіеніе и разстройство нервовъ.

— О, Богъ мой, Богъ мой!—тяжело вздыхалъ,—минутки не дадутъ покоя!

Принялъ миндально-анисовыхъ капель. Отдохнулъ, успокоился и опять погрузился въ выкладки.

Опять хорошо стало, тихо-тихо, безрадостно-безгорестно, какъ будто никогда ничего не было, нѣтъ и не будетъ, кромѣ совершенно тождественныхъ, правильныхъ, единообразныхъ каменныхъ кучъ, уходящихъ, по обѣимъ сторонамъ шоссейной дороги, въ безконечную даль.

Послѣ свиданія съ Аракчеевымъ, князь Валеріанъ поѣхалъ къ своему пріятелю, князю Сергѣю Петровичу Трубецкому, директору Сѣверной Управы Тайнаго Общества, объявилъ ему о своемъ рѣшеніи поступить въ члены Общества и черезъ нѣсколько дней былъ принятъ.

V.

„Прекрасная Юлія, вздыхая о возлюбленномъ своемъ Ліодорѣ, бродитъ кротчайшими шагами, блѣдная, унылая, съ поникшей головой, въ мрачной пустотѣ березовой рощи, гдѣ осенній Борей осыпаетъ землю пожелтѣвшими листьями; картина осени вливаетъ въ составъ растерзаннаго существа ея нѣчто мрачнѣйшее, нежели самая мрачная меланхолія“.

„Ліодоръ и Юлія, или награжденная постоянность, сельская повѣсть“. Бывало, во дни императора Павла, сидя подъ арестомъ на Гатчинской гауптвахтѣ, въ долгіе осенніе вечера, отъ скуки читывалъ Александръ Павловичъ такіе же точно романы и повѣсти. Потомъ уже было не до книгъ. Иногда цѣлые годы ничего, кромѣ газетныхъ вырѣзокъ да военныхъ реляцій, въ руки не бралъ. Но во время послѣдней болѣзни опять пристрастился къ чтенію.

Чѣмъ романы скучнѣе, глупѣе, стариннѣе, тѣмъ успокоительнѣй. Какъ старыя дѣтскія пѣсенки, баюкаютъ. Пожелтѣвшія страницы шуршатъ, какъ пожелтѣвшіе листья осени, и осенью пахнетъ отъ нихъ—сладостно-унылымъ запахомъ прошлаго—того, что было юностью и стало стариной почти незапамятной. Двадцать пять лѣтъ, а какъ будто два съ половиной столѣтія,—такъ все измѣнилось, такъ постарѣло все, постарѣлъ онъ самъ.

„Прошла зима, и возлюбленный Ліодоръ вернулся къ прекрасной Юліи. Отдыхая при корнѣ черемухъ благоухающихъ, обоняли они весеннія амбры. Кроткая луна плавала въ эмальной гемисферѣ.

— „Коль восхитителенъ ѳеатръ младыхъ прелестей натуры!— восклицала Юлія, въ объятіяхъ своего Ліодора предаваясь живѣйшей томности“.

— „О, священная природа, — отвѣтствовалъ Ліодоръ, — токмо во храмѣ твоемъ человѣкъ добродѣтельный можетъ существенно блаженствовать. Хотѣлъ бы я съ чувствительностью прижать весь міръ къ моему меланхолическому сердцу, такъ же какъ прижимаю тебя, о Юлія!...“

Читалъ, сидя въ покойномъ креслѣ и протянувъ больную ногу

на подставку съ мягкимъ сафьяннымъ валикомъ—устройство, придуманное императрицей Елисаветой Алексѣевной, которая ухаживала за нимъ во время болѣзни.

Рожистое воспаленіе на лѣвой ногѣ—была первая, за всю его жизнь, опасная болѣзнь. Язва доходила до берцовой кости, и врачи одно время опасались антонова огня. Теперь зажило все. Но надо было беречься. Нога все еще болѣла иногда, опухала послѣ долгаго стоянія, какъ сегодня въ церкви, во время заупокойной обѣдни. Сегодня—двадцать третья годовщина смерти императора Павла I: 11 марта 1801—11 марта 1824 года.

„Одной ногой въ могилѣ“, усмѣхнулся онъ, глядя на свою протянутую ногу, той грустной усмѣшкой надъ самимъ собою, которая являлась у него въ послѣднее время все чаще.

Отъ слишкомъ долгой неподвижности нога затекала, нѣмѣла. Надо было перемѣнить положеніе. Но встать, пошевельнуться—лѣнь.

Въ пять назначилъ себѣ приняться за работу; пробило пять, половина шестого, шесть, а онъ все откладывалъ.

Теперь, послѣ болѣзни, часто находила на него эта непобѣдимая лѣнь, подобная страшному, смертному сну, желаніе сидѣть такъ, цѣлыми часами, не двигаясь, уставивъ глаза въ одну точку, ничего не дѣлая, ни о чемъ не думая, только чувствуя, что душа затекаетъ, нѣмѣетъ, какъ отсиженная нога, и бѣгаютъ въ умѣ, какъ мурашки въ тѣлѣ, маленькія мысли, случайныя слова, Богъ вѣсть когда и гдѣ слышанныя, прилипшія къ памяти, назойливыя. Все одна и та же, безконечно, однозвучно тикаетъ да тикаетъ въ ушахъ, какъ маятникъ, глупая пѣсенка. Одинъ стихъ забылъ; старался вспомнить и не могъ; выходила безсмыслица:

Но на счастье прочно...
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Какая риѳма на полынь? Простынь? пустынь? аминь? Нѣтъ, безсмыслица. Но чѣмъ безсмысленнѣй, тѣмъ прилипчивѣй.

Или еще другое. Давеча, когда Елисавета Алексѣевна совѣтовала ему, вмѣсто скучныхъ русскихъ романовъ, читать Вальтеръ-Скотта, вспомнился ему анекдотъ Константина Павловича, большого любителя такихъ вздоровъ: какъ уѣздная барыня-старушка, слушая разговоръ о Вальтеръ-Скоттѣ, удивилась: „конечно, господинъ Вольтеръ большой вольнодумецъ, но право же, *скотомъ* нельзя его назвать“.—„Вальтеръ-Скоттъ, Вольтеръ скотъ; Вальтеръ-Скоттъ, Вольтеръ скотъ“,—если повторять быстро, съ

удареніемъ на первомъ слогѣ, выходитъ, въ самомъ дѣлѣ, похоже.

„А воспаленіе-то сдѣлалось тамъ, гдѣ нога уже болѣла разъ", подумалъ вдругъ и вспомнилъ, какъ, года три назадъ, на кавалерійскихъ маневрахъ шальная лошадь зашибла ему ударомъ копыта это самое мѣсто—берцовую кость лѣвой ноги. Такъ и въ душѣ больное мѣсто, кажется, совсѣмъ зажило, а потомъ вдругъ опять заболитъ: ушибъ на ушибъ, рана на рану—хуже всего: можетъ антоновъ огонь сдѣлаться. Нѣтъ, не надо, не надо объ этомъ. Ужъ лучше—„Вальтеръ-Скоттъ, Вольтеръ скотъ".

Но на счастье прочно...
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Всталъ, потянулся и медленно-медленно, судорожно, до боли въ скулахъ, зѣвнулъ. „Иногда бываетъ тяжеле зѣвать, чѣмъ плакать,—пришла ему давняя мысль.—Кто знаетъ, можетъ быть, въ аду—не плачь и скрежетъ зубовъ, а только зѣвота, скука—вѣчность скуки?"

Часы опять пробили. „Который часъ?—Вѣчность. Кто это сказалъ? Да, сумасшедшій поэтъ Батюшковъ, — намедни Жуковскій разсказывалъ. Часъ на часъ, вѣчность на вѣчность, рана на рану—11 марта, 11 марта... Нѣтъ, не надо, не надо..."

Подошелъ къ столу, сѣлъ, хотѣлъ начать работу. Но замѣтилъ пыль на малахитовой чернильницѣ. Слугамъ не позволялъ сметать пыль со столовъ, чтобъ не рылись въ бумагахъ. Стеръ замшевой тряпочкой. Замѣтилъ также, что одинъ изъ двухъ канделябровъ по обѣимъ сторонамъ часовъ на каминѣ снятъ. Нарушенный порядокъ въ комнатѣ мѣшалъ ему работать. Отыскивая недостающій канделябръ, оглядывалъ комнату близорукими глазами въ лорнетъ, старенькій, простенькій, черепаховый, всегда хранившійся за обшлагомъ рукава.

Кабинетъ былъ угловая зала окнами на Неву и Адмиралтейство. Ни рѣзьбы, ни позолоты. Сѣрыя голыя стѣны. На потолкѣ—темно-зеленою краской живопись въ древне-римскомъ вкусѣ: крылатыя побѣды, трофеи, колесницы, всадники. Мебель краснаго лака, съ бронзою, наполеоновской имперіи; при малѣйшемъ пятнышкѣ или царапинѣ замѣнялась новою; вся въ чехлахъ, дешевенькихъ, бланжевыхъ съ розовыми полосками, три раза въ годъ мытыхъ. Паркетъ гладкій и скользкій, какъ ледъ. Большой письменный столъ въ простѣнкѣ между окнами, а посерединѣ—столики маленькіе, вродѣ ломберныхъ, крытые зеленымъ сукномъ,

какъ въ канцеляріяхъ; на каждомъ—дѣла особаго вѣдомства, одинаковыя чернильницы и одинаковыя пачки гусиныхъ перьевъ очиненныхъ заново: перо, употребленное разъ, хотя бы только для подписи, замѣнялось новымъ; за этимъ слѣдилъ камердинеръ Мельниковъ, получавшій три тысячи въ годъ за чинку перьевъ. И подъ каждымъ столомъ одинаковый коврикъ, красный, съ голубыми разводами. Всюду чистые платки и замшевыя тряпочки для сметанія пыли. Два камина, одинъ противъ другого, тоже одинаковые: бюстъ Паллады—на одномъ, бюстъ Юноны—на другомъ; часы съ бронзовымъ Ахиллесомъ и часы съ бронзовымъ Гекторомъ; канделябры здѣсь и канделябры тамъ. Все одинаково, правильно, соотвѣтственно, единообразно. „Я люблю единообразіе во всемъ“, говорилъ Аракчеевъ и повторялъ Александръ.

Отыскалъ, наконецъ, канделябръ на кругломъ шахматномъ столикѣ, въ дальнемъ углу. Отнесъ и поставилъ на мѣсто.

Вдругъ вспомнилъ недостающій стихъ:

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь:
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Это удовлетворило его такъ же, какъ поставленный на мѣсто канделябръ. Теперь все въ порядкѣ. Опять сѣлъ за столъ.

Передъ нимъ лежали двѣ записки члена Государственнаго Совѣта, адмирала Мордвинова о смертной казни и о кнутѣ.

„Прошло болѣе семидесяти лѣтъ, какъ смертная казнь отмѣнена въ Россіи,—писалъ Мордвиновъ.—Возстановленіе оной казни въ ново-издаваемомъ уголовномъ уставѣ, при царствованіи императора Александра I, приводитъ меня въ смущеніе и содроганіе. Я не дерзаю и помыслить, что казнь сія, при благополучномъ его величества правленіи, сдѣлалась нужнѣе, нежели въ то время, когда была отмѣнена.

„Да, нужнѣе, — подумалъ, — если будетъ судъ надъ *ними*...“

Сморщился, какъ отъ внезапной боли, поскорѣе отложилъ записку о казни и сталъ читать другую—о кнутѣ.

„Съ того знаменитаго для человѣчества времени, когда всѣ народы европейскіе отмѣнили пытки, одна Россія сохранила у себя кнутъ, что даетъ поводъ народамъ иностраннымъ заключать, что отечество наше находится еще въ состояніи варварскомъ. Кнутъ есть мучительное орудіе, которое раздираетъ человѣческое тѣло, отрываетъ мясо отъ костей, метаетъ по воздуху брызги крови и потоками оной обливаетъ тѣло; мученіе лютѣйшее изъ

всѣхъ извѣстныхъ, ибо всѣ другія менѣе бываютъ продолжительны; тогда какъ для двадцати ударовъ кнута нуженъ цѣлый часъ; при многочисленности же ударовъ мученіе продолжается отъ восходящаго до заходящаго солнца".

Предлагалось „уничтожить навсегда кнутъ, орудіе казни, несоотвѣтственной настоящей степени просвѣщенія и благонравія русскаго народа".

Семь лѣтъ назадъ по высочайшему повелѣнію предложено было Государственному Совѣту уничтожить кнутъ; въ семь лѣтъ ничего не сдѣлано, и если опять предложить, пройдетъ еще семь лѣтъ,—и ничего не сдѣлаютъ.

Не проще ли взять перо, обмакнуть въ чернила и написать тутъ же, на поляхъ записки: „Быть по сему"? Ужъ если нельзя и этого, то на что самодержавіе? А вотъ нельзя. Быть по сему, быть по сему—и ничему не быть.

Что Аракчеевъ скажетъ? То, что уже говорилъ: „доложу вамъ, батюшка: Мордвиновъ—пустой человѣкъ. Поговорю съ нимъ, но напередъ знаю, что ничего добраго не услышу". А старички-сенаторы, столпы отечества, во всѣхъ углахъ зашушукаютъ: „нельзя Россіи быть безъ кнута!" Если ихъ послушать, то окажется, что конецъ кнута—начало революціи.

Вспомнилъ указъ о снятіи шлагбаумовъ, никому ненужныхъ, кромѣ пьяныхъ инвалидовъ, чтобы клянчить на водку съ проѣзжихъ да срывать верхи съ колясокъ. Указъ готовъ былъ къ подписи, но государь подумалъ и не подписалъ. „Какъ ни мудри,—все будетъ по-старому", говоритъ Аракчеевъ и правъ. Стоитъ ли ворошить кучу?

— „Покрасили бы комнату",—сказалъ кто-то баснописцу Крылову, увидѣвъ сальное отъ головы его пятно на стѣнѣ.

— „Эхъ, братецъ, выведешь одно, будетъ другое. Не накрасишься".

Такъ и онъ. Ни сальныхъ, ни кровавыхъ пятенъ уже не мечтаетъ вывести. Мечталъ объ отмѣнѣ самодержавія—и вотъ не отмѣнилъ шлагбаумовъ, не отмѣнитъ кнута. „Какъ ни мудри,—все будетъ по-старому".

Но вѣрилъ же когда-то, что все будетъ по-новому. „Что бы ни говорили обо мнѣ,—я въ душѣ республиканецъ, и никогда не привыкну царствовать деспотомъ". Если не отрекся отъ самодержавія тотчасъ же, какъ вступилъ на престолъ, то только потому, что раньше хотѣлъ, даруя свободу Россіи, произвести лучшую изъ всѣхъ революцій—властью законною. Помѣшало Наполеоново нашествіе. Но, по освобожденіи отъ врага внѣшняго, не вернулся

ли къ мысли объ освобожденіи внутреннемъ? Что же такое—Священный Союзъ, главное дѣло жизни его, какъ не послѣднее освобожденіе народовъ? Евангеліе—вмѣсто законовъ; власть Божія—вмѣсто власти человѣческой. Вѣрилъ: когда всѣ цари земные сложатъ вѣнцы свои къ ногамъ единаго Царя Небеснаго, да будетъ Самодержцемъ народовъ христіанскихъ не кто иной, какъ самъ Христосъ, тогда, наконецъ, совершится молитва Господня: да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя на землѣ, какъ на небѣ.

Да, вѣрилъ и донынѣ вѣритъ. Но, какъ ни мудри, все будетъ по-старому.

— „Болтовня безобидная, памятникъ пустой и звонкій", говорилъ Меттернихъ о Священномъ Союзѣ.

Евангеліе—Евангеліемъ, а кнутъ—кнутомъ.

Пусть же брызги крови по воздуху мечутся, мясо отъ костей отрывается,—въ часъ двадцать ударовъ, въ три минуты ударъ,—и такъ отъ восходящаго до заходящаго солнца. Можетъ быть, и сейчасъ, пока онъ думаетъ...

Но если не отмѣнить, то хоть смягчить?... Смягчить кнутъ? „Кнутъ на ватѣ"—вспомнилось ему изъ доносовъ тайной полиціи чье-то слово о немъ. Любилъ подслушивать и собирать такія словечки—посыпать солью раны свои.

Вспомнилъ и то, какъ, приготовляясь къ рѣчи о конституціи на Польскомъ сеймѣ, учился красивымъ движеніямъ тѣла и выраженіямъ лица, точно актеръ передъ зеркаломъ,—и вдругъ вошелъ адъютантъ. Теперь еще, вспоминая, краснѣетъ. Когда потомъ называли Польскую конституцію „зеркальной",—онъ зналъ почему.

„Господинъ Александръ, по природѣ своей, великій актеръ, любитель красивыхъ тѣлодвиженій", говорила о немъ Бабушка.

Неужели—такъ? Неужели все въ немъ—ложь, обманъ, красивое тѣлодвиженіе, любованіе собой передъ зеркаломъ? И послѣдняя правда—то, что сейчасъ подступаетъ ему къ сердцу тошнотой смертною—презрѣнье къ себѣ?

Хоть бы ужасъ! Но ужаса нѣтъ, а только скука—вѣчность скуки, та зѣвота, которая хуже, чѣмъ плачъ и скрежетъ зубовъ.

А можетъ быть, и лучше, покойнѣе такъ? Вернуться бы въ кресло, усѣсться поудобнѣе, протянуть больную ногу на подушку и приняться опять за „Іодора и Юлію"; или уставиться глазами въ одну точку, ничего не дѣлая, ни о чемъ не думая, пока душа опять не затечетъ, не онѣмѣетъ, какъ отсиженная нога, и малень-

кія мысли въ умѣ, какъ мурашки въ тѣлѣ, не забѣгаютъ: „Вальтеръ-Скоттъ, Вольтеръ скотъ“...

Съ неимовѣрнымъ усиліемъ всталъ, торопливо, какъ будто боясь, что не хватитъ рѣшимости, подошелъ къ столу въ простѣнкѣ между окнами, торопливо-торопливо отперъ ящикъ и вынулъ бумаги.

То былъ доносъ генерала Бенкендорфа и его, государя, собственная записка о тайномъ обществѣ.

Доносъ подробнѣйшій: вся исторія общества, его зарожденіе, развитіе, раздѣленіе на двѣ Управы, Сѣверную въ Петербургѣ и Южную въ Тульчинѣ, Васильковѣ, Каменкѣ; имена директоровъ и главныхъ членовъ; цѣли: у Сѣверныхъ—ограниченіе монархіи, у Южныхъ—республика; способы дѣйствія: у однихъ—тайная проповѣдь, у другихъ—военный бунтъ и революція съ цареубійствомъ.

Легко было по этому доносу схватить всѣхъ заговорщиковъ и уничтожить заговоръ: протянуть только руку и взять, какъ гнѣздо птенцовъ.

Четыре года назадъ, былъ поданъ доносъ и четыре года пролежалъ въ столѣ, нетронутый. Прочелъ его, положилъ въ ящикъ, заперъ на ключъ и не вынималъ съ тѣхъ поръ. Какъ будто забылъ. Ничего не сдѣлалъ, никому не сказалъ. Бенкендорфа избѣгалъ явно, въ глаза ему не смотрѣлъ, точно гнѣвался, а тотъ не могъ понять, за что немилость.

Какъ будто забылъ,—но не забывалъ. Какъ преступникъ, не думая о своемъ преступленіи, чувствуетъ его во снѣ и наяву; какъ неизлѣчимо больной, не думая о своей болѣзни, никогда ея не забываетъ,—такъ не забывалъ и онъ, за всѣ эти четыре года, ни на одинъ день, ни на одинъ часъ, ни на одну минуту.

Тогда же, при первомъ чтеніи, началъ было составлять записку для себя самого, чтобы успокоить, отдалить и выяснить свои собственныя, слишкомъ страшныя, близкія и смутныя мысли, а также для Аракчеева, которому хотѣлъ сказать все; тогда хотѣлъ, потомъ уже не могъ. Но едва началъ писать, какъ почувствовалъ, что нѣтъ силъ: думать трудно, а говорить и писать невозможно.

Перечелъ доносъ и взглянулъ на первыя слова неоконченной записки:

„Есть слухи, что пагубный духъ вольномыслія разлитъ или, по крайней мѣрѣ, сильно ужъ разливается между войсками... Зараженіе умовъ генеральное...“

И еще въ другомъ мѣстѣ по-французски:

„Эти господа хотятъ меня застращать; они обладаютъ огромными средствами: кого угодно могутъ возвысить или уронить. Дѣло идетъ объ изысканіи средствъ для борьбы съ такъ называемымъ *духомъ времени*,—духомъ сатанинскимъ, распространяющимъ господство зла быстро и тайно, какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи. Одинъ только Спаситель можетъ доставить это средство Своимъ божественнымъ словомъ. Воззовемъ же къ Нему изъ глубины нашихъ сердецъ, да пошлетъ Онъ намъ Духа Своего Святого. Карбонаріи разсѣяны всюду. Но съ помощью Божественнаго Промысла я буду посредникомъ для огражденія Европы, а слѣдовательно, и Россіи отъ язвы революціи“...

И теперь такъ же, какъ тогда, почувствовалъ, что продолжать нѣтъ силъ. Надо терпѣть, молчать, скрывать отъ всѣхъ эту страшную и постыдную язву.

Онъ зналъ, что̀ дѣлаетъ; зналъ, что ни дня, ни часа, ни минуты медлить нельзя; что за эти четыре года заговоръ неимовѣрно усилился; что онъ, бездѣйствуя, потворствуетъ злу, губитъ Россію и за это дастъ отвѣтъ Богу. Все зналъ и ничего не дѣлалъ.

И чѣмъ утѣшалъ себя, чѣмъ оправдывалъ?

Всегда носилъ въ карманѣ записную книжку, подарокъ князя Меттерниха, главнаго совѣтника своего въ борьбѣ съ революціей; на первой страницѣ вмѣсто заглавія: „Не давать ходу“,—и далѣе въ азбучномъ порядкѣ—списокъ лицъ подозрительныхъ въ Европѣ и въ Россіи. Меттернихъ началъ, Александръ продолжалъ. Когда представляли ему новое лицо, справлялся о немъ по „Сибиллиной книгѣ“, какъ называла ее Марья Антоновна,—и если находилъ имя,—не давалъ ходу, преслѣдовалъ тайно или явно. Были въ спискахъ и члены Тайнаго Общества; за четыре года много именъ прибавилось, которыхъ въ доносѣ Бенкендорфа не было. И вотъ чѣмъ утѣшался: „всѣ они,—думалъ,—у меня въ рукахъ; когда наступитъ время, уничтожу всѣхъ“.

Такъ и теперь попробовалъ утѣшиться: досталъ изъ кармана книжку, перечелъ списокъ. На букву Г прибавилъ: „Камеръ-юнкеръ Голицынъ—въ очкахъ“.

„Вотъ бы съ кѣмъ поговорить. Онъ Софьинъ другъ: не можетъ быть и мнѣ врагомъ. Обличить, пристыдить, довести до раскаянія. Сначала—его, а потомъ и другихъ. Кто знаетъ, можетъ быть, преувеличено? Никакого заговора нѣтъ, а только дѣтская шалость? Подождать—само пройдетъ“.

Утѣшался, но не утѣшился. Похоже было на то, какъ если-бъ кто-нибудь, видя чумной нарывъ на тѣлѣ своемъ, говорилъ себѣ:

это ничего,—такъ, прыщикъ, само пройдетъ. Теперь уже зналъ, что само не пройдетъ, и что эта книжечка—противъ Тайнаго Общества—тряпочка съ масломъ на чумной нарывъ.

И Крыловъ, опять Крыловъ, лѣнтяй—лѣнтяю, вспомнился. Надъ самымъ диваномъ, гдѣ обыкновенно сиживалъ Крыловъ, большая, въ тяжелой рамѣ, картина висѣла наискось, съ одного гвоздя сорвалась и на другомъ едва держалась.

— „Берегитесь, Иванъ Андреевичъ, убьетъ!“

— „Небось, по закону механики, кривую линію опишетъ, падая: какъ разъ мимо головы пролетитъ“.

„Пролетитъ мимо“, думалъ когда-то и онъ о заговорѣ. Но теперь зналъ, что—не мимо.

Во время болѣзни, ожидая смерти, понялъ, что нельзя оставлять Россіи такого наслѣдства, и далъ себѣ клятву, если выживетъ, рѣшить, наконецъ, что-нибудь о Тайномъ Обществѣ, что-нибудь сдѣлать. И вотъ именно сегодняшній день, самый для него святой и страшный—11 марта—назначилъ себѣ, чтобы рѣшить.

Что же? Судъ? Казнь?

— „Не мнѣ ихъ судить и казнить: я самъ раздѣлялъ и поощрялъ нѣкогда всѣ эти мысли, я самъ больше всѣхъ виноватъ“,—сорвалось у него съ языка, при первыхъ слухахъ о Тайномъ Обществѣ, которые сообщилъ ему, еще раньше доноса бенкендорфова, генералъ Васильчиковъ.

Да, первый и главный членъ Тайнаго Общества—онъ самъ. „Негласный комитетъ“, собиравшійся здѣсь же, въ покояхъ Зимняго дворца,—пять молодыхъ заговорщиковъ—Чарторыжскій, Новосильцевъ, Кочубей, Строгановъ и онъ, императоръ Александръ Павловичъ,—вотъ колыбель Тайнаго Общества.

Къ бенкендорфову доносу приложенъ былъ уставъ Союза Благоденствія. Цѣли союза: ограниченіе монархіи, народное представительство, уничтоженіе крѣпостного права, гласность судовъ, свобода тисненія, свобода совѣсти,—все, чего желалъ онъ самъ.

Сколько разъ говорилъ: желалъ бы сдѣлать то и то, но гдѣ люди? Кѣмъ я возьмусь? Вотъ кѣмъ. Вотъ люди. Сами шли къ нему, но онъ ихъ отвергъ. И если пойдутъ мимо, противъ него, кто виноватъ?

Говорилъ—услышали. Училъ—учились. Повелѣлъ—исполнили. Онъ измѣнилъ тому, во что вѣрилъ,—они остались вѣрными. За что же ихъ судить? За что казнить? Если имъ на шею петлю, ему—жерновъ мельничный за соблазнъ малыхъ сихъ. Судить ихъ—себя судить. Казнить ихъ—себя казнить.

Онъ—отецъ; они—дѣти. И казнь ихъ будетъ не казнь, а убійство

дѣтей. Отцеубійствомъ началось, дѣтоубійствомъ кончится. Взошелъ на престолъ черезъ кровь и черезъ кровь сойдетъ. 11 марта,—11 марта.

Такъ вотъ ужасъ, который онъ зналъ,—пробужденіе отъ страшнаго смертнаго сна. Что еще жива душа его, онъ только и зналъ по этому ужасу.

Нѣтъ, никогда ничего не рѣшитъ, ничего не сдѣлаетъ. Будь что будетъ,—молчать, терпѣть, скрывать до конца страшную и постыдную язву.

Собралъ бумаги, положилъ ихъ опять въ тотъ же ящикъ стола и заперъ съ такимъ чувствомъ, что уже никогда не вынетъ.

На самомъ днѣ замѣтилъ отдѣльный листокъ очень старой пожелтѣвшей бумаги—чье-то письмо. Зналъ чье, къ кому, о чемъ. Хотѣлъ было перечесть, но раздумалъ, рѣшилъ—потомъ; оставилъ въ ящикѣ, только положилъ на виду, сверху, такъ, чтобы найти тотчасъ, когда надо будетъ.

Подошелъ къ окну, посмотрѣлъ. Прояснило,—должно быть, подморозило. Мокрый снѣгъ пересталъ. Слышался желѣзный скрежетъ скребковъ: счищали снѣгъ съ набережной—знакомый петербургскій звукъ, напоминающій весеннюю оттепель. Посыпали гранитныя плиты желтымъ пескомъ: государь любилъ весеннія прогулки по набережной. Черезъ бѣлую скатерть Невы перевозъ подтаявшій, съ наклоненными елками, уже чернѣлъ по-весеннему. Свѣтлый шпиль Петропавловской крѣпости пересѣкалъ темно-лиловыя полосы тучъ и блѣдно-зеленыя полосы неба, тоже весенняго. А тамъ, на западѣ, надъ многоколонною биржею, похожей на древній храмъ, небо еще блѣднѣе, зеленѣе, золотистѣе,—бездонно-ясное, бездонно-грустное, какъ чей-то взоръ. Чей?

„Не надо, не надо“... хотѣлъ сказать еще разъ, но уже не могъ,—вспомнилъ все.

То былъ послѣдній, наканунѣ страшной ночи, семейный обѣдъ императора Павла I; всѣ они, жена и дѣти, думали, что онъ сумасшедшій; а онъ, отецъ, думалъ, что они—убійцы. Но ѣли, пили, говорили, шутили, какъ ни въ чемъ не бывало. Только на прощаніе Павелъ подошелъ къ Александру, обнялъ его, поцѣловалъ, перекрестилъ, положилъ ему обѣ руки на плечи и посмотрѣлъ прямо въ глаза, долго-долго, съ такой любовью, какъ никогда. Одинъ мигъ казалось обоимъ, что они другъ другу скажутъ все и все простятъ.

И вотъ опять блѣдно-зеленое небо смотритъ ему прямо въ душу, бездонно-ясное, бездонно-грустное, какъ тотъ послѣдній взоръ. Но теперь уже нельзя сказать, нельзя простить.

И кажется, тотъ мигъ и этотъ—одинъ; между ними нѣтъ времени, какъ будто время шло не впередъ, а назадъ: наступало прошлое, наступило, пришло—и уже никогда не уйдетъ. И двадцать три года жизни—Наполеонъ, пожаръ Москвы, взятіе Парижа, побѣды, слава, величіе,—все исчезло, какъ сонъ,—ничего не было, а было, есть и будетъ одно—вотъ этотъ вѣчный мигъ.

Теперь только понялъ, почему не можетъ судить и казнить заговорщиковъ.

Повалился на стулъ и закрылъ лицо руками.

Кто-то постучался въ дверь. Вздрогнулъ, обернулся, поблѣднѣлъ такъ, какъ въ ту страшную ночь.

Откликнулся не сразу. Но когда черезъ нѣсколько минутъ вошелъ камердинеръ Мельниковъ со свѣчами—уже стемнѣло—и съ докладомъ объ архимандритѣ Фотіѣ, государь сидѣлъ опять въ креслѣ, какъ давеча, протянувъ больную ногу на подушку, съ книгой въ рукахъ, и лицо его было такъ спокойно, что никто не догадался бы, что онъ сейчасъ думалъ и чувствовалъ.

Д. Мережковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЯБЛОНИ ЦВѢТУТЪ. [1])

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IX.

Оказалось, что у Тусеньки есть подруга. Ужъ гдѣ-то онѣ познакомились тамъ! И напрасно, значитъ, Марѳа Ивановна была такъ увѣрена, что Тусенька всегда у нея на глазахъ. Знакомство, очевидно, произошло не въ тотъ день, когда онѣ въ первый разъ вдвоемъ появились въ саду, а, навѣрное, гораздо раньше; по крайней мѣрѣ, у обѣихъ былъ очень хлопотливый видъ.

Степѣ даже почти показалось, что эта свѣтлоглазая Варенька такъ всегда и расхаживала здѣсь, подъ яблонями, только прежде онъ ея почему-то не замѣтилъ.

И сначала она ему понравилась... Съ виду она была очень нѣженькая, съ мягкими волосами, собранными сзади въ смѣшную косичку (хвостикъ у крысы—замѣтилъ про себя Степа.) Почти бѣлые, какъ у ея куклы, по обѣ стороны узенькаго личика, они спереди висѣли еще неровными прядками, и очень смѣшныя были у нея губы—толстыя, твердо сложенныя, совсѣмъ не подходили къ тоненькому носику, словно ихъ взяли для Вареньки съ другого какого-то лица.

Докторъ Данъ, который въ прошломъ году лѣчилъ ее отъ кори, утверждалъ, что когда-нибудь кто-нибудь отдастъ полцарства за Варенькины губы и, вообще, женщина изъ нея выйдетъ такая, что за нее не жаль будетъ отдать и цѣлое царство. Но извѣстно, что докторъ Данъ, вообще, не скупился на царства и готовъ былъ отдать по-цѣлому за каждую женщину. Что

---

[1]) *Русская Мысль*, 1911 г., кн. IV.

же касается Вареньки, то здѣсь очень легко можно было потеряться въ догадкахъ. Ея застѣнчивые глазки были холоднаго голубого цвѣта, и вскорѣ Степа замѣтилъ, что Варенька смотритъ неласково и только взглядываетъ, а не смотритъ, и что глаза у нея не холодные даже, а просто недобрые. Странная тоже была у нея манера смѣяться — потихонечку, съ оглядкой, внезапно обрывая себя, словно Варенька не считала нужнымъ доставлять кому-нибудь удовольствіе своимъ смѣхомъ. И, вообще, замѣтно было, что она не желаетъ ни съ кѣмъ особенно сближаться. Всегда на ней были такія хорошенькія платьица, и являлась она съ великолѣпной куклой... Словомъ, въ новой личности, появившейся на дорожкахъ сада, Степа вскорѣ открылъ массу непріятныхъ свойствъ.

— Подумаешь, принцесса какая!

Зато Марѳа Ивановна очень дорожила новымъ знакомствомъ. Покойный отецъ Вареньки былъ докторомъ—что изъ этого слѣдовало и какія тайныя соображенія были у Марѳы Ивановны, неизвѣстно, но только она стала больше заботиться о туалетахъ Тусеньки, у которой—вотъ ужъ дѣйствительно—не было никакихъ соображеній! Совершенно безкорыстно она влюбилась въ свою Вареньку и ея куклу. Въ присутствіи этихъ двухъ особъ мордочка Тусеньки сіяла глупо-блаженной улыбкой.

Во всѣхъ играхъ иниціатива принадлежала Варенькѣ—одной ей. Власть была неограниченная. Варенька командовала съ такимъ видомъ, словно въ эту бѣленькую дѣвочку переселился духъ самой Екатерины Великой.

— Подумаешь, какая!—возмущался Степа и дразнилъ ее:— крыса!

Это очень не нравилось Варенькѣ. Вообще, она терпѣть не могла, когда кто-нибудь вмѣшивался въ ихъ игры. Вся она проявлялась какъ-то исподтишка: наединѣ съ Тусенькой была и предпріимчива и оживлена, но достаточно было Степѣ появиться, какъ носъ Вареньки исчезалъ въ кружевахъ передника, коса, длиною въ палецъ, принимала горизонтальное положеніе, и Варенька способна была, на зло всѣмъ, простоять такъ, съ опущенной головой, пока не подкосятся ноги. Это приводило въ отчаяніе Тусеньку. Можетъ быть, она опасалась, что подруга ея прорастетъ и пуститъ корни въ землю? Во всякомъ случаѣ, она съ такимъ ожесточеніемъ бросалась на Степу, что онъ спѣшилъ уйти куда-нибудь подальше.

Тогда Варенька моментально сбрасывала шкурку и продолжала игру, какъ ни въ чемъ не бывало.

На восторженное поклоненіе своей подруги она отвѣчала съ большой осторожностью—не очень спѣшила связать себя узами дружбы. Во-первыхъ, у Тусеньки всегда были пятна на передникѣ, и, кромѣ того, не всякому можетъ нравиться, если у кого-нибудь волосы торчатъ, какъ щетинка отъ сапожной щетки. Втайнѣ Варенька очень гордилась своимъ хвостикомъ, не доходившимъ и до половины шейки. Не нравилась ей также эта манера за все хвататься руками. Пыль на дорогѣ Тусенька загребала пригоршнями и это ей было даже пріятно! а потомъ трогать куклу или косу. Правда, все это сопровождалось визгливыми словечками, выражавшими страстную любовь; тѣмъ не менѣе, приходилось остерегаться шершавыхъ, красныхъ рукъ, хранившихъ слѣды всевозможныхъ вещей. И Варенька остерегалась. Безъ состраданія она отказывала Тусенькѣ во многихъ удовольствіяхъ.

— Нѣтъ,—говорила она,—я сама, у тебя не совсѣмъ чистыя руки.

Чтобы имѣть право одѣвать куклу, частенько теперь Тусенька бѣгала въ кухню мыть свои руки. Но такъ какъ Варенька всегда замѣчала грязные подтеки между пальцами, то все успѣвала сдѣлать сама: надѣвала куклѣ чулочки или что-нибудь еще такое—страшно пріятное, и Тусенька напрасно только тратила время на мытье рукъ.

Но самымъ любимымъ занятіемъ Вареньки было—лѣчить. А потому Тусенька вѣчно ходила съ обвязанной головой, обмотаннымъ горломъ, забинтованными ногами, или подолгу лежала на скамеечкѣ подъ яблоней съ компрессомъ на глазахъ. Было отъ чего прійти въ отчаяніе! Но Тусенька являла собою терпѣніе и кротость...

Приходилось, конечно, доктору иногда напоминать ей, что съ больной ногой, съ больнымъ горломъ и раненой рукой никто не въ состояніи такъ прыгать. А если Тусенька вдругъ выражала протестъ и всетаки прыгала, Варенька грозила никогда больше не играть съ ней въ больныхъ и доктора и, вообще, ни во что не играть; въ крайнемъ случаѣ, забирала свою куклу и отправлялась домой.

И тогда, во всей ея фигурѣ, въ бѣломъ хвостикѣ, въ побѣдоносной походкѣ, въ этой особенной манерѣ ступать сначала на пятку, будто она уже носила высокіе каблуки, даже въ скрипѣ песка подъ ея изящными туфельками, даже въ этомъ раскачиваніи оборками коротенькаго платья и, особенно, въ профилѣ куклы, смотрящей изъ-за плеча—въ обѣихъ было столько тогда безповоротной рѣшимости, что забинтованная Тусенька возвра-

щала ихъ съ полдороги и со слезами давала обѣщаніе лежать смирно и дѣлать все, что Варенька пожелаетъ.

Степа возмущался. Если Марѳа Ивановна, со свойственнымъ ей добродушіемъ, говорила о Варенькѣ, что „навѣрное, быть ей когда-нибудь докторшей“, Степа горячо протестовалъ и даже чувствовалъ себя почему-то обиженнымъ.

— Плохая дѣвчонка, просто!—возражалъ онъ съ несвойственной ему живостью и, противъ обыкновенія, употребляя именно то слово, какое хотѣлъ—плохая дѣвчонка!—такъ какъ не зналъ еще тогда слова: деспотка.

Дѣйствительно, жалко было смотрѣть на Тусеньку. Не успѣетъ бѣдняжка выйти изъ одной лѣчебницы, какъ ужъ попадаетъ въ другую. Или по цѣлымъ часамъ просиживаетъ въ клѣткѣ, изображая изъ себя дикаго звѣря, плача тихонько отъ скуки.

Въ звѣрей тоже очень любила играть Варенька. Съ невозмутимымъ видомъ она расхаживала передъ клѣткой—т.-е. бокомъ поставленнымъ ящикомъ — и добросовѣстно сторожила, чтобы звѣрь не выскочилъ, пожалуй, и „не разорвалъ на куски всѣхъ людей“.

Физіономія у сидящей въ клѣткѣ Тусеньки была добродушная и, въ тѣ минуты, унылая; глазки, хотя черные и блестящіе, но очень ласковые, какіе были у покойнаго отца, а красный ротъ до того маленькій, что странно какъ пролѣзала въ него вишня, а не то—чтобы разорвать всѣхъ людей. Развѣ только щетинка надъ низенькимъ лбомъ могла бы зародить мысль о звѣрѣ—да и то съ большой натяжкой!

Но Варенька обладала способностью изъ мимолетнаго штриха реальной жизни создать цѣлый фантастическій міръ и жить въ немъ съ такою же полнотой, какъ и въ дѣйствительномъ мірѣ. И никогда Варенька не останавливалась на полпути: если ты—звѣрь, то ужъ со всѣми звѣрскими принадлежностями, и сторожить тебя нужно, какъ слѣдуетъ, хотя, можетъ быть, это гораздо скучнѣй, чѣмъ самой сидѣть въ ящикѣ...

Она даже находила нужнымъ изрѣдка подхлестывать Тусеньку хлыстикомъ, какъ настоящій содержатель звѣринца—слегка, вѣроятно,—Тусенька не сообщала о своихъ ощущеніяхъ.

Было у Степы, чѣмъ возмущаться!

Варенька бросала въ клѣтку камешки, чтобы Тусенька ихъ ѣла. Еще съ бо̀льшимъ удовольствіемъ она, конечно, давала бы ей настоящее сырое мясо, если бы можно было эту дѣйствительность внести въ фантазію—вообще, она ничего не имѣла противъ дѣйствительности, но прекрасно могла обходиться безъ нея. Такъ

легко, вѣдь, камни вообразить мясомъ, изъ котораго сочится „настоящая кровь“. И воздухъ, ласковый весенній воздухъ она легко воображала рѣшеткой и бывала не только недовольна, но даже какъ бы сбита съ толку, если Тусенька, по окончаніи игры, радостно выскакивала изъ ящика, не дожидаясь, пока сторожъ отворитъ воображаемымъ ключемъ воображаемую дверь.

Одну секунду Варенька чувствовала себя такъ, какъ если бы ее грубо разбудили отъ сна. Потомъ—ссорилась.

Однажды Степа увидѣлъ, что Тусенька плачетъ въ ящикѣ, а Варенька прехладнокровно стоитъ съ ружьемъ на часахъ.

— Такъ почему же ты не вылѣзешь оттуда?—спросилъ онъ съ недоумѣніемъ.

— Да-а-а,—протянула Тусенька и покачала головой, какъ бы укоряя Степу за то, что, самъ наслаждаясь полной свободой, онъ еще дразнитъ ее.—Я, вѣдь, въ клѣткѣ,—пояснила она и, грязными ладонями размазывая слезы, добавила покорно:—Тогда она не будетъ со мною играть...

Озадаченный Степа подумалъ съ минуту и вдругъ расхохотался. Потомъ, какъ бы вспомнивъ о Варенькѣ, посмотрѣлъ на нее очень внимательно.

— Ну... однако ты... какая...—произнесъ онъ неопредѣленнымъ тономъ.

Замѣтивъ ея смущеніе, онъ почувствовалъ себя въ роли судьи и нахмурилъ брови.

Два немигающихъ глаза смотрѣли на него снизу вверхъ, румянецъ разбѣжался подъ волосы, подъ кружево воротничка, на уши; глаза становились все свѣтлѣй и свѣтлѣй и уже нельзя было опустить ихъ, потому что они до краевъ наполнились слезами.

— Вотъ такъ сторожъ-гренадеръ!—вдругъ нелѣпо вскрикнулъ Степа и расхохотался на весь садъ—заржалъ, какъ, навѣрное, сказалъ бы дѣдъ Ѳедя.

Потомъ произнесъ тономъ справедливости:

— Ты, небось, сама не сядешь въ клѣтку... Все себѣ лучшее берешь.

И, неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ, Степа положилъ руку на ея волосы—точь въ точь, какъ однажды отецъ Іоаннъ положилъ руку на его волосы.

— Ну, ничего, Варенька, ничего...

Ощущеніе подъ ладонью теплой головки оказалось такимъ неожиданно пріятнымъ, что онъ и почувствовалъ себя, какъ могъ бы чувствовать о. Іоаннъ—такимъ же добрымъ и ласковымъ.

Изящная Варенька грубо задергала локтями, вывернулась изъ-подъ его руки, и слезы такъ и посыпались на передникъ. Губы, приподнятыя подбородкомъ, стали безобразно огромныя.

Степа ничего не успѣлъ сообразить, какъ „звѣрь“ выскочилъ изъ клѣтки и бросился на него.

— Тусенька! ты на меня!?

Издали можно было подумать, что они играютъ въ пятнашки. Степа старался увернуться. Тусенька прыгала, какъ свирѣпый мопсъ, который во что бы то ни стало желаетъ схватить за носъ—била Степу въ животъ кулаками, Степа хохоталъ и поражался.

— Такъ вотъ какъ!...

Когда же Варенька, предоставивъ имъ сводить счеты, преспокойно стала собирать свои вещи, черный звѣрь пришелъ въ такую ярость, что Степа, оторвавъ ее, наконецъ, отъ себя, какъ цѣпкій репяхъ, убѣжалъ подальше.

Съ тѣхъ поръ подруга являлась значительно рѣже. Кончилось тѣмъ, что обѣ онѣ основали свою резиденцію на выгонѣ, у межи, въ уютной канавкѣ, заросшей травой, и тамъ, защищенныя съ одной стороны спѣющей рожью, наслаждались, какъ хотѣли...

X.

Два школьныхъ пріятеля Степы—Костя и Моисей—не часто его навѣщали.

Моисей, въ интересахъ устроенія земной жизни, все свободное время проводилъ въ мастерской отца и усердно строчилъ на машинкѣ сметанные для кого-то пиджаки и брюки; а другой пріятель—Костя—не чувствовалъ особенной потребности въ постоянномъ обществѣ Степы.

На Степу онъ обратилъ вниманіе и приблизилъ къ себѣ только благодаря инциденту съ черненькимъ Моисеемъ, котораго Степа разъ навсегда освободилъ отъ гоненія мальчишекъ своими увѣсистыми христіанскими кулаками.

Никакихъ теорій, конечно, на этотъ счетъ еще не сложилось у Степы — вовсе онъ не былъ іудофиломъ, но переживаемое въ церкви настроеніе и ночныя молитвы, во время которыхъ все чаще онъ ощущалъ какую-то внезапную прикосновенность къ Богу, — весь этотъ полусознательный свѣтлый міръ окрасилъ окружающую жизнь, какъ невидимое, еще невосшедшее солнце окрашиваетъ небосклонъ.

Любовь къ Христу постепенно обратилась у него въ нѣжную

страсть. Онъ вспомнилъ о Христѣ съ умиленіемъ и грустью, какъ объ отсутствующемъ, незамѣнимомъ другѣ, на свиданіе съ которымъ нѣтъ надежды. Къ завѣтамъ Христа онъ относился, какъ относятся къ завѣщанной волѣ умершаго друга. Было даже нѣчто похожее на чувство собственности: какъ будто завѣты свои Христосъ оставилъ только ему одному. И ни единой минуты Степа не сомнѣвался, что Онъ не позволилъ бы школьникамъ дразнить Моисея жиденкомъ.

А потому, предупредивъ о своемъ намѣреніи избить кое-кого, если не оставятъ, наконецъ, Моисея въ покоѣ, Степа выполнилъ угрозу въ точности. Зато онъ получилъ въ полное свое распоряженіе не только признательное сердце Моисея, но съ тѣхъ поръ даже и мыслительныя способности Моисея были предоставлены къ услугамъ Степы. Сначала Моисей просто рѣшалъ за Степу ариѳметическія задачи, вскорѣ, однако, подумалъ о будущемъ, и не только о своемъ, какъ свойственно Моисею, но также о будущемъ Степы, и задался цѣлью раскрыть передъ Степой математическія тайны.

— Ты посмотри только,—говорилъ онъ, нервно мигая изсиня-черными рѣсницами,—какъ можетъ быть это интересно знать... Вѣдь, если изъ одного крана бассейна выливается въ минуту сорокъ ведеръ, а въ то время какъ изъ другого...

— Не знаю, почему это тебѣ интересно!—задумчиво вопрошалъ Степа, наблюдая, какъ на лбу у Моисея, отъ того, что онъ высоко поднимаетъ брови, набѣгаютъ три глубокихъ складочки.— Вообще, не понимаю, зачѣмъ нужно это знать...

— Какъ зачѣмъ?!—удивлялся Моисей, и на лбу у него набѣгало двумя складочками больше.—Ну, можетъ быть, ты хочешь постоянно получать единицы?... Или, можетъ быть, ты вовсе и не хочешь быть образованнымъ человѣкомъ?

Послѣ нѣкотораго колебанія Степа приносилъ себя въ жертву Моисею.

— Ну, ладно, объясни,—говорилъ онъ со вздохомъ.

Но гораздо больше, чѣмъ бассейны, интересовали его волосы Моисея—торчащіе надъ низкимъ лбомъ, синіе отъ черноты, безпокойные какіе-то, живые, какъ весь Моисей, и вся физіономія Моисея, высматривающая, выжидающая, вѣчно служила предметомъ изученія Степы.

Физіономія, дѣйствительно, была интересная. Голова, сильно сдавленная у висковъ, казалось, приспособлена была для того, чтобы глубже врѣзаться въ жизнь. Казалось, Моисей ждалъ только момента, чтобы сдѣлать прыжокъ, и сдѣлаетъ его на-

вѣрняка. Недаромъ этотъ маленькій гиксъ умудрился вынырнуть здѣсь, въ захолустьи Россіи, въ саду Марѳы Ивановны...

И упорный Моисей научилъ-таки Степу рѣшать задачи на бассейны. Но дальше этой взаимной услуги сближеніе ихъ не пошло.

Степа не то, чтобы не хотѣлъ, но просто не догадывался указать Моисею хотя бы щелочку въ свой душевный міръ. Были двѣ-три случайныя попытки, но Моисей, который весь былъ проникнутъ мечтой о гимназіи, объ университетѣ, вообще, объ устроеніи жизни, никогда не интересовался вопросомъ о смерти. И въ дѣтствѣ, и потомъ, когда онъ выросъ, разговоры объ этихъ двухъ предметахъ — смерть и Богъ — всегда казались Моисею праздными, и относился онъ къ нимъ, какъ относятся къ давнымъ-давно кѣмъ-то рѣшенной задачѣ, не болѣе трудной, чѣмъ задачи на бассейны.

Въ общей сложности, несмотря на признательность, которую чувствовалъ этотъ маленькій еврей къ Степѣ, несмотря даже на чуть замѣтный оттѣнокъ искательства въ манерѣ его, все же внутренно онъ относился съ своему русскому другу очень покровительственно.

Разсѣянность, отсутствіе интереса къ ученію и абсолютное отсутствіе діалектическихъ способностей у Степы,—все это Моисей разъ навсегда объяснилъ вялостью ума. И хотя часто ему бывало досадно и неловко за Степу, какъ бываетъ неловко за любимаго брата, тѣмъ не мѣнѣе, внутренно они такъ далеко отстояли другъ отъ друга, что удивительно даже, какимъ чудомъ эти двѣ головы, одна—свѣтловолосая, тяжеловѣсная, какъ бы переполненная клубками запутанныхъ, неясныхъ мыслей, и другая—черная и острая, сдавленная у висковъ, словно для того, чтобы легче врѣзаться въ жизнь, какимъ образомъ они, такіе разные, склонились надъ одной чертвертушкой бумаги, тогда какъ внутренно ихъ раздѣляютъ неизмѣримыя пространства...

Какъ бы дойдя до извѣстной черты, они остановились. Каждому изъ нихъ даже казалось, что лучшаго друга онъ не можетъ найти ни въ комъ другомъ. Но въ дружбѣ, какъ и въ любви, непремѣнно долженъ быть элементъ влюбленности. А живой, энергичный еврей не могъ не презирать этого русскаго вахлака, любимымъ занятіемъ котораго было—валяться въ травѣ.

Знакомство со Степой принесло Моисею много радости. По субботамъ, когда шитье въ мастерской прекращалось, онъ шелъ въ садъ къ Марѳѣ Ивановнѣ, довѣрчиво шелъ къ Степѣ; ему нравились и его садъ, и маленькая Тусенька, и особенно его ра-

душная, тихая мать, которая подъ воскресенье пекла вкусныя булочки; слухъ Моисея, оглушенный стукомъ швейной машинки, услаждался тишиной прозябанія въ саду, щебетаніемъ дѣвочки, задумчивыми и, какъ часто казалось Моисею, праздными вопросами Степы, и тихими, не очень глубокими вздохами Маріи Ивановны. Онъ отдыхалъ здѣсь. Этотъ садъ, и неторопливый, размѣренный ходъ жизни въ немъ навѣвали успокоеніе... Деревья набрасывали зеленую, усыпляющую сѣть, и безпокойный, изворотливый Моисей нерѣдко вдругъ засыпалъ на травѣ и спалъ сладко и тихо въ то время, какъ Степа задумчиво покусывалъ стебелекъ, неопредѣленно глядя передъ собой или читая книжку, взятую у Кости.

Нерѣдко Моисей завидовалъ Степѣ—его спокойной жизни, его физической силѣ, всему, что представляетъ гарантію отъ гоненія, чему втайнѣ можетъ завидовать еврей... И завидовалъ, и чуточку презиралъ. Къ Степѣ не было у него и тѣни влюбленности—этого волшебнаго ключа, который раскрываетъ тайники души.

Никогда бы Моисей не сказалъ Степѣ о своей зависти, которую онъ честно отгонялъ отъ себя... Онъ хвалилъ его садъ, его яблони, онъ восхищался его матерью и говорилъ, что если бы всѣ русскіе были такіе, какъ Марѳа Ивановна, тогда хорошо было бы жить...

Говорилъ еще о томъ, что сейчасъ, конечно, ему плохо, и отцу его плохо, и всѣмъ родственникамъ его плохо, но если они съ отцомъ заработаютъ на ученье, то онъ кончитъ университетъ и будетъ адвокатомъ. А тогда онъ много-много заработаетъ денегъ и купитъ даже бо́льшій садъ, чѣмъ этотъ...

— А если ты раньше умрешь?—задалъ ему Степа одинъ изъ своихъ вопросовъ, задумчво глядя въ просвѣты деревьевъ.—Такъ и не будетъ у тебя сада...

— Я буду жить до семидесяти лѣтъ...

— А если твой отецъ умретъ и если...

— Отецъ мой тоже будетъ жить семьдесятъ лѣтъ,—холодно обрывалъ Моисей, пряча взглядъ своихъ черныхъ, близко поставленныхъ глазъ, стыдясь за этого тупицу, который, по странному недоразумѣнію, оказался любимымъ товарищемъ такого умнаго человѣка, какимъ чувствовалъ себя Моисей и какимъ его считали всѣ родственники.

Но Степа не унимался.

— Ну, почему же ты знаешь, сколько лѣтъ проживешь на землѣ?

— Почему я знаю? Мнѣ кукушка сказала. Я спросилъ, и она прокукукала семьдесятъ разъ; потомъ спросилъ, сколько папаша, и она тоже прокукукала семьдесятъ разъ.

Скосивъ глаза на Степу, Моисей чуть замѣтно усмѣхается, а у Степы такое лицо, будто медленно передъ его мысленнымъ взоромъ протекаютъ всѣ подробности переговоровъ съ кукушкой—сама кукушка тамъ гдѣ-то, на деревѣ, въ концѣ сада, и нѣсколько хриповатый голосъ Моисея, вопрошающій... можетъ быть, Моисей тоже думаетъ о смерти... и семидесятикратное кукуканье—спеціально для папаши; и Моисей, который, вотъ, лежитъ на травѣ, закинувъ руки подъ голову...

— Ну, да, конечно, ты этого не можешь знать,—со вздохомъ произноситъ Степа, и разговоръ надолго прекращается.

И чѣмъ старше они становились, тѣмъ рѣже возникали разговоры. Даже когда передъ Степой неожиданно открылась одна очень важная сторона жизни, несмотря на растерянность и страхъ, онъ обратился къ умному Моисею лишь послѣ того, какъ первое впечатлѣніе улеглось...

Несравненно легче онъ могъ бы сблизиться съ Костей. Но Костя важничалъ немножко. Да и старше онъ былъ года на два. Въ карманѣ онъ носилъ какія-то таинственныя книжечки и посѣщалъ даже тайный кружокъ. Зимой онъ долженъ былъ совсѣмъ уѣхать изъ города, чтобы поступить въ пятый классъ гимназіи, а пока что, онъ взялъ на себя добровольную миссію—развивать Степу.

— Изъ тебя, Степа, можетъ выйти, ого, какой человѣкъ! Ужъ я, братъ, никогда не ошибаюсь въ людяхъ.

Тонъ и многозначительный взглядъ, какимъ Костя сопровождалъ свои предсказанія, вызывали у Степы такое ощущеніе, какъ если бы его тихонечко приподняли надъ землей и пустили летать. И жутко, и радостно.

Онъ былъ увѣренъ, что Костя имѣетъ въ виду то самое назначеніе Божіе и ту его, Степину, роль, какую онъ чувствовалъ въ моменты религіознаго экстаза. И проницательность Кости восхищала его.

А Костя, замѣчая, какъ радостно блѣднѣетъ Степа отъ этихъ его словъ, не скупился на слова...

Славный былъ этотъ Костя. Надъ губой у него уже пробивались золотые волосики; впрочемъ, они давно пробивались, чуть не съ шести лѣтъ, но послѣднее время Костя пощипывалъ ихъ во время разговора...

Первая книжка, которую Костя далъ Степѣ, были „Историче-

скія письма“ Лаврова... Да, это былъ неудачный выборъ. Костя и самъ навѣрняка зналъ, что тринадцатилѣтнему Степѣ, пожалуй, не понять этой книжки, но самъ Костя такъ любилъ ее и при всей своей сдержанности былъ такъ нетерпѣливъ, что всетаки далъ.

— Вотъ, если ты поймешь,—сказалъ онъ,—тогда, дѣйствительно...

И, подавая книжку Степѣ, который протянулъ за нею почему-то обѣ руки, Костя строго прибавилъ:

— Только, знаешь, если ты сразу не поймешь, не бросай все-таки,—и все еще не выпуская книги, такъ что съ полминуты оба держали ее съ двухъ концовъ, Костя испытующе спросилъ:—Ты, вообще, знаешь что-нибудь... о положеніи народа?

— Народа?—повторилъ Степа и смотрѣлъ на Костю большими, задумчивыми глазами, чувствуя, что книга упирается.

— Ты, вообще, что-нибудь читалъ такое?...

— Такое?

— Ну, хорошо! Возьми, тамъ посмотримъ... Только смотри, заверни ее хорошенько и, знаешь...

Но тутъ же самъ принялся заворачивать простенькій переплетъ ея въ газетную бумагу, а Степа молча, съ интересомъ, наблюдалъ, какъ его тонкіе загорѣлые пальцы ловко загибали по краямъ бумагу и какъ въ одну какую-нибудь минуту книга аккуратно переодѣлась.

— Какія у тебя руки...—сказалъ Степа и хотѣлъ прибавить—красивыя, но сразу не поймалъ слова, такъ какъ подумалъ, что, когда вырастетъ, тоже будетъ носить черную рубаху съ обшлагами на пуговицахъ, какъ у Кости.—Хорошо ты это сдѣлалъ,—добавилъ онъ спустя минуту и такимъ тономъ, словно вся процедура заворачиванія переплета увеличила въ глазахъ его цѣнность книги.

Онъ и принялъ ее, какъ если бы то было живое существо—обѣими руками, съ бережной благодарностью...

Въ томъ, что онъ прекрасно пойметъ „Историческія письма“, Степа ничуть не сомнѣвался, такъ какъ рѣшилъ читать внимательно. Волновала же его мысль, что именно изъ этой книги онъ, можетъ быть, узнаетъ о смерти и о Богѣ. Два слова, произнесенныя Костей—„положеніе народа“,—моментально нарисовали передъ нимъ картину несмѣтныхъ толпъ народныхъ, идущихъ куда-то по безконечнымъ равнинамъ...

Но не успѣлъ онъ забраться въ свой вишнякъ и прочитать нѣсколько строкъ, какъ услышалъ, что Костя зоветъ его, бѣгая по саду. Ему показалось, что Костя встревоженъ.

Оставивъ книгу въ травѣ, Степа торопливо вылѣзъ изъ кустовъ.

— Вотъ что,—крикнулъ Костя еще издали, идя напрямикъ по скошенной травѣ и ловко нагибаясь подъ яблонями,—я тебѣ другую принесъ, сейчасъ тебѣ эта больше годится. А гдѣ же та?—воскликнулъ онъ.

Степа не отвѣтилъ, такъ какъ заинтересовался новой книгой, которую Костя держалъ въ рукахъ.

Сразу же было видно, что это очень интересная книга—толстая, въ темно-лиловомъ переплетѣ съ виньеткой изъ ландышей и розовыхъ бутоновъ вокругъ женскаго профиля... Золотыми буквами было написано: „Сочиненія Толстого“.

Разсматривая ее издали, Степа рѣшалъ вопросъ, почему и ее Костя не завернулъ въ бумагу?

— А гдѣ же та?—нетерпѣливо повторилъ Костя.

Разсѣянно указавъ подбородкомъ на кусты, Степа протянулъ руку къ Толстому.

— Ну, вотъ! давай тебѣ послѣ этого!—закричалъ Костя такъ сердито, что Степа сразу очнулся.—Зачѣмъ же ты бросаешь такія книжки, чортъ знаетъ, гдѣ?!

И только когда Степа вытащилъ „Историческія письма“ изъ чащи вишняка, Костя, убѣдившись, что книга въ полной сохранности, повеселѣлъ и сталъ расхваливать Толстого.

— Это, знаешь, великолѣпная вещь. И, главное, нужно быть круглымъ идіотомъ, чтобы не понять. Ну, а до Лаврова ты еще, братъ, не доросъ.

Онъ такъ говорилъ, будто Степа самъ, безъ спроса, взялъ „Историческія письма“. Потомъ на прощанье провелъ ладонью по затылку Степы снизу вверхъ, и, не сдѣлавъ никакихъ распоряженій насчетъ того, чтобы Толстой былъ тщательно завернутъ, бодро посвистывая, унесъ Лаврова изъ сада Маѳы Ивановны, точно здѣсь ему совсѣмъ не надлежало быть...

А Степа, стоя на дорожкѣ, открылъ книгу и началъ читать „Дѣтство“ Толстого.

XI.

Солнце припекло затылокъ. Ноги совсѣмъ уже не могли стоять. Наконецъ, машинально, не отрываясь отъ книги, Степа наугадъ, ослѣпленный, побрелъ въ свой вишнякъ. Тамъ, подъ низкимъ сводомъ листьевъ, устроившись поудобнѣе, лежа на травѣ, подперевъ голову руками, онъ снова началъ съ первой страницы,

какъ бы не вѣря глазамъ своимъ или рѣшивъ наслаждаться съ полнымъ комфортомъ, чтобы ужъ ничто не мѣшало, ни ноги, ни руки, чтобъ даже совсѣмъ отрѣшиться отъ собственнаго тѣла и только вбирать душою этотъ странный міръ чужой души, какъ сухая, горячая земля вбираетъ въ себя дождь...

Каждый изъ насъ является для другого Посланникомъ Жизни, обязаннымъ въ точности исполнить только то, что велѣно ему—не больше и не меньше. Каждый, кто сказалъ другому хотя бы одно слово, кто хотя бы только взглянулъ пристально—исполнилъ Ея назначеніе... незамѣтно заставивъ свернуть въ сторону или толкнувъ быстрѣе по пути, какъ дуновеніе вѣтра толкаетъ былинку на степной дорогѣ.

Моисей прошелъ въ жизни мимо Степы только, быть можетъ, для того, чтобы выучить его рѣшать задачи на бассейны. Можетъ быть, и еще для чего-нибудь.

Костѣ же, безъ сомнѣнія, назначено было, проходя, поколебать почву подъ ногами Степы и, чудесно раздробивъ его маленькое „я“, окунуть сразу въ нѣсколько міровъ и бросить на землю съ широко-раскрытыми, восторженными глазами... Это нужно было для чего-то, и Костя исполнилъ безъ разсужденій, слѣпо, даже не зная о томъ...

Надъ головою Степы сплетались вѣтви кустарника; тамъ, выше, вѣтеръ шумѣлъ соснами и летѣло небо, разорванное на голубые, синіе лоскутья, расцвѣченное флагами облаковъ—все неслось невѣдомо куда; гдѣ-то что-то шумѣло, гдѣ-то раздавались чьи-то голоса, кажется, Тусеньки, Маріи Ивановны—раздавались, но не слышались: для Степы, подъ зеленымъ сводомъ, тишину нарушали лишь голоса тѣхъ, кто вышелъ изъ книги и расположился здѣсь, подъ вѣтками, какъ у себя дома. Солнце блѣдными золотыми пятнами скользило по ихъ лицамъ и по его лицу, по рукамъ его, и пахло теплой травой—чѣмъ-то знакомымъ, пріятнымъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ точно изъ другого конца узкаго корридора, который имѣлъ чудесное свойство вдругъ сокращаться, и бывали моменты, когда почти можно было ощупать халатъ Карла Ивановича и смѣшную кисточку никогда прежде не виданнаго колпака... Можно было видѣть, какъ солнце прыгаетъ на одѣялѣ Николеньки, когда онъ сердито отворачивается къ стѣнѣ; даже видѣть ползущую муху на стѣнѣ и хитрую улыбку на добромъ лицѣ Карла Ивановича и слышать шарканье туфель, звукъ хлопушки и странный смѣхъ сквозь слезы Николеньки...

Поднявъ голову, очарованный, Степа смотритъ передъ собой на вѣточки кустарника, на верхушки сосенъ, которыя мгновенно—

какъ только онъ взглянетъ на нихъ—принимаютъ прежнее положеніе—тихо качаются, тихонько шелестятъ—и одну секунду не можетъ понять Степа, чей это голосъ ворвался въ комнату Николеньки и, вспугнувъ его и Карла Ивановича, заставилъ замереть ихъ въ одной позѣ, точно заколдованныхъ.

И самъ точно заколдованный, идетъ Степа на зовъ матери, чувствуя себя такъ, какъ если бы распахнулась дверь, передъ которой онъ долго стоялъ, шаря впотьмахъ. Онъ словно выросъ тамъ за одинъ часъ, проведенный въ комнатѣ Николеньки—вдругъ сразу выросъ на нѣсколько лѣтъ.

Съ этого дня полетѣла странная жизнь.

Стали раскрываться передъ Степой человѣческія души—длинная вереница таинственныхъ міровъ—и новыя, удивительныя слова зазвучали подъ вѣтками старыхъ яблонь.

Надъ новымъ какимъ-нибудь словомъ онъ подолгу останавливался, не въ силахъ перейти къ другому. Часто глаза его не могли слѣдить за строчками и взглядъ принималъ тупое выраженіе. Нѣкоторыхъ словъ онъ совершенно не понималъ, но онито и казались ему самыми интересными—какъ бы закутанными фигурами въ таинственныхъ маскахъ. Онъ былъ увѣренъ, что они означаютъ именно то, что нужно ему—можетъ быть, самое главное, самое нужное. Но Костя сказалъ, что только идіотъ не пойметъ эту книгу... И онъ не спрашивалъ у Кости. Старался только запомнить непонятныя слова, чтобы при случаѣ узнать о нихъ.

Степа не читалъ, а всасывалъ въ себя. Подолгу оглядывалъ со всѣхъ сторонъ каждаго встрѣчнаго въ книгѣ, какъ бывало это съ нимъ и въ дѣйствительной жизни.

Впрочемъ, теперь все для него слилось въ одну жизнь. Онъ серьезно безпокоился о дальнѣйшей судьбѣ бѣдняги Карла Ивановича, котораго выбросили на улицу послѣ долголѣтней службы. Можетъ быть, теперь уже умеръ Карлъ Ивановичъ! Онъ сердился на Николеньку, на этого притворщика, какъ онъ мысленно его называлъ, за то, что Николенька ни разу не подумалъ помочь Карлу Ивановичу, старому и больному. Вѣдь, черезъ нѣсколько лѣтъ, думалъ Степа, опуская лицо на страницы книги и, закрывъ глаза, слушая шелестъ деревьевъ,—черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Николенька выросъ, онъ могъ бы тогда разыскать Карла Ивановича...

Непріязнь свою къ Николенькѣ онъ незамѣтно для себя перенесъ на самого Толстого. Потому, можетъ быть, что не сумѣлъ отдѣлить „я“ автора отъ „я“ героя или, можетъ быть, потому, что

Костя сразу выдѣлилъ автора, какъ замѣчательнаго человѣка. Сначала онъ смутно угадывалъ, что Толстой любитъ Николеньку. Потомъ онъ рѣшилъ, что авторъ любуется этимъ пустымъ, тщеславнымъ мальчишкой, какимъ Николенька казался Степѣ,—любуется этимъ ломакой, который только и думаетъ о томъ, какъ бы въ глазахъ другихъ казаться хорошимъ. Смутно мелькала мысль, что, любуясь Николенькой, Толстой, въ сущности, любуется собой и только потому такъ охотно сознается въ своихъ проступкахъ и дурныхъ мысляхъ, что считаетъ красивымъ сознаваться и хочетъ быть „замѣчательнымъ человѣкомъ“. Но въ то же время покаяніемъ своимъ Николенька дѣлаетъ всегда такъ, что совершонная гадость становится вовсе даже не гадостью, и остается только красивая храбрость покаянія.

И такъ какъ извивы толстовской души были чужды еще простодушному Степѣ, то временами онъ относился къ Толстому, какъ рабъ относится къ властелину—невольно пригибался подъ бичемъ его художественной силы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безотчетно презиралъ его всей силой дѣтской свѣжей души и даже ненавидѣлъ,—какъ еще никого никогда не ненавидѣлъ изъ людей.

И, вмѣстѣ съ хорошимъ, что дала ему эта книга,—вмѣстѣ съ пробужденіемъ критической мысли и художественнаго чувства—Толстой внесъ въ его психику новый элементъ мутной злобы—подобной взбаломученной тинѣ, затемнившей ясную поверхность озерка.

Самыя непріятныя страницы для него были тѣ, въ которыхъ онъ узналъ собственныя религіозныя настроенія: ошеломило открытіе, что у „дрянного“ Николеньки было тоже какое-то единеніе съ Богомъ.

...Значитъ, не только у меня! Значитъ, я вовсе, можетъ быть, и не посланъ на землю, какъ Христосъ... И даже не посланъ для того, чтобы совершить какое-нибудь великое дѣло...

И надолго оставляя книжку, склонивъ лицо къ страницамъ или бродя безцѣльно по саду, онъ чувствовалъ какое-то разочарованіе, недовольство, робость, почти страхъ, какъ если бы земля, по которой онъ шелъ неспѣша и спокойно — твердая, знакомая земля,—вдругъ слегка заколебалась.

Когда умерла мать Николеньки, Степа плакалъ, и горе самого Николеньки показалось ему слишкомъ слабымъ. Онъ даже оскорбился за умершую и, вообще, за всѣхъ умершихъ, о которыхъ позабыли.

Подолгу, даже чаще, чѣмъ послѣ похоронъ дѣда Ѳеди, онъ останавливался на мысли о смерти, но теперь въ отношеніи его

къ смерти появилась какая-то странная, волнующая двойственность.

Несмотря на то, что мать Николеньки умерла и самъ же онъ оплакивалъ ее, тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ видѣть, какъ она улыбается и щекочетъ Николеньку, когда тотъ, одѣтый, заснулъ въ креслѣ. Ясно видитъ и слышитъ ея тихій смѣхъ и чувствуетъ (и знаетъ), что она вѣчно такъ будетъ смѣяться; но... вмѣстѣ съ тѣмъ, знаетъ (и чувствуетъ), что она умерла—умерла и живетъ. И были моменты, когда разумъ не успѣвалъ прокладывать границъ между дѣйствительной и воображаемой жизнью, и терялся въ сомнѣніяхъ. Что же такое это—смерть?

...Какъ будто вовсе и нѣтъ ея, думалъ Степа. Еслибы тогда не зарыли дѣда Ѳедю въ землю...

Не могъ также Степа простить Николенькѣ, что онъ не вымолилъ у Бога жизни своей матери. Вѣдь, передъ силой желанія и мольбы Богъ не устоялъ бы!

Что, если бы умирала его мать или Тусенька... Ну, нѣтъ!

Но, вмѣстѣ съ гордой увѣренностью, что онъ-то ужъ не позволилъ бы имъ умереть, являлась и тревога и интересъ къ этому моменту; какъ бы онъ чувствовалъ себя и какъ бы онъ проявилъ себя, если бы умирала его собственная мать?

На вопросъ Кости, понравилась ли ему книжка, Степа отвѣтилъ:

— Да, т.-е. не очень...

— Не очень?—изумился Костя.—Что же ты скажешь о ней?

Степа молчалъ.

— Ты все понялъ?

— Все...—сказалъ Степа, но, вспомнивъ о притворствѣ Николеньки, замѣтно покраснѣлъ.—Нѣкоторыя слова не понялъ...

— Ну, слова—пустяки, главное—сущность. Что же ты можешь сказать, вообще, объ этомъ произведеніи?

Но Степа молчалъ и видъ имѣлъ хотя радостный (это относилось къ заявленію, что отдѣльныя слова — пустяки), но смущенный. Костя многозначительно свистнулъ.

— Ну, братъ! надо разбираться въ прочитанномъ; это, вѣдь, все равно, что въ пустую бочку.

Ни передъ кѣмъ Степа не чувствовалъ себя такъ плохо, какъ тогда передъ Костей. Что, если Костя подумаетъ, что онъ идіотъ? И онъ произнесъ, наконецъ, путая слова:

— Онъ очень ужъ, Николенька, раскрываетъ всѣ свои гадости...

— Ого! Ты что же, думаешь, что это плохо?—строго спросилъ Костя.

— Да, потому что онъ—какъ фарисей...

— Что за идіотство!—удивился Костя,—при чемъ здѣсь фарисей? Эхъ ты, башка!

И ласково смазавъ Степу по затылку снизу вверхъ, сказалъ:

— Ну, ладно!

Этимъ и закончился ихъ разговоръ о Толстомъ.

XII.

О нашествіи людей, которые поселились въ вишнякѣ и, заполонивъ садъ, какъ бы смѣшались съ деревьями, Марѳа Ивановна не имѣла никакого представленія, хотя сама постоянно бывала въ саду неотлучно. Но Марѳа Ивановна стала замѣчать какія-то странности въ Степѣ. То онъ ходилъ, „какъ неживой"—по собственному ея выраженію—съ тусклымъ взглядомъ или въ грустной задумчивости, то, напротивъ, ни съ того, ни съ сего вдругъ оживлялся и былъ такъ внимателенъ, такъ ласковъ.

Послѣднее время—можетъ быть, потому, что Степа былъ крѣпокъ и строенъ, какъ молодой дубокъ, и некуда ему было дѣвать своихъ силъ,—а, можетъ быть, потому, что въ противоположность Николенькѣ Иртеньеву онъ рѣшилъ быть хорошимъ на дѣлѣ, а не только на словахъ,—но теперь онъ много помогалъ въ дѣлахъ маленькаго хозяйства, которое до сихъ поръ Марѳа Ивановна несла исключительно на своихъ плечахъ.

Таскалъ воду изъ колодца, рубилъ дрова, перетаскивалъ тяжести, вродѣ мѣшковъ съ картофелемъ или кадушекъ для огурцовъ, и даже особенно полюбилъ этотъ родъ занятій, а въ отвѣтъ на робкіе протесты матери увѣрялъ, что силы у него отъ этого только прибавляются, и хвастался мускулами:

— Вотъ, посмотрите!

И вытягивалъ, а потомъ какъ-то особенно,—не совсѣмъ понятно для Марѳы Ивановны—медленно сгибалъ руку и заставлялъ Марѳу Ивановну пощупать.

— Видите, какой набѣгаетъ твердый клубокъ—это силища!

Охотно онъ также перетаскивалъ мебель изъ комнаты въ комнату, доставляя этимъ особенное удовольствіе Марѳѣ Ивановнѣ, у которой была-таки эта страстишка—вѣчно дѣлать перестановку въ своемъ домикѣ, низкомъ и старомъ, какъ грибъ, изъѣденный червями. Этимъ, можетъ быть, она удовлетворяла естественную потребность въ новизнѣ, заложенную въ каждомъ человѣкѣ.

Замѣчая, какъ охотно Степа помогалъ ей, Марѳа Ивановна рѣшила, что Степочка пошелъ въ нее.

...Тоже любитъ, чтобы все было какъ-нибудь получше... — думала она, а Степочкѣ говорила:

— Трудно тебѣ, Степочка, право, не нужно, я сама...

И, отъ времени до времени, когда Степа не былъ занятъ книгой или чѣмъ-нибудь по хозяйству, они вмѣстѣ переставляли мебель. Это вносило всегда много шуму въ домикъ и стоило большихъ усилій. Марѳа Ивановна чувствовала себя потомъ совсѣмъ разбитой. А такъ какъ, черезъ нѣсколько дней, шкафы и комоды, совершивъ круговоротъ, возвращались снова на прежнее мѣсто, чтобы опять путешествовать въ непродолжительномъ времени, то оба они — Марѳа Ивановна и Степа — уподоблялись двумъ Сизифамъ, сами не зная о томъ.

Да, шкафамъ и комодамъ не стоялось на мѣстѣ. Можно было подумать, что имъ хочется совсѣмъ выйти изъ тѣснаго домика и разбрестись по саду.

Все, конечно, имѣетъ свою коренную причину, все захвачено цѣпью, изъ которой не выбросишь ни одного звена... Почему-нибудь да не втерпежъ было тяжелой мебели въ домикѣ Марѳы Ивановны...

И странно, если нѣтъ у народа такой примѣты, что слишкомъ частыя перестановки въ домѣ предвѣщаютъ несчастье или, скажемъ, какое-нибудь чрезвычайное событіе. Вѣдь, примѣты — сны народные. Какъ и сны, онѣ складываются безсознательно, представляя собою логическій выводъ изъ неуловимыхъ подсознательныхъ наблюденій и являясь какъ бы идеальной проекціей фактовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что мебель стала усиленно путешествовать по всему дому. Но, конечно, пришла она въ движеніе именно потому, что садъ затолпился тѣнями, душами—живыми и умершими; что за каждымъ деревомъ стоялъ кто-нибудь невидимый и видимый въ одно и то же время, и нельзя ужъ было отличить тѣнь ствола отъ его тѣни; что все такъ слилось, и жизнь деревьевъ и жизнь воображаемыхъ людей, такъ все переплелось и безшумно зашумѣло, что Степа вдругъ впадалъ въ непонятный восторгъ до слезъ умиленія, будто ему вспрыснули подъ кожу возбуждающій газъ, и радостно способствовалъ передвиженію мебели. Конечно, все это такъ, но творческая энергія, наполнившая садъ невидимыми существами и сдвигавшая, съ помощью Степы, неодушевленные комоды, должна была во что-нибудь разрѣшиться, хотя бы на зло всѣмъ мудрецамъ, отвергающимъ народные предразсудки. Если ужъ дошло до того, что мебели не стоится на мѣстѣ, значитъ, виситъ что-то въ воздухѣ!

Степа былъ счастливъ. Вмѣстѣ съ Костей пришелъ въ садъ и залѣзъ къ нему въ вишнякъ самъ Диккенсъ.

И навелъ съ собою такую кучу милыхъ людей, что Степа только диву давался. Милая Пеготти, напримѣръ!

Ну, какъ она похожа была на Матрешу, которая приходила стирать къ нимъ бѣлье! Такая же ласковая и потѣшная. Жаль, что Диккенсъ не сказалъ точно,—какого роста Пеготти—тогда бы не оставалось никакихъ сомнѣній, что Матреша—она и есть. Передъ корытомъ Матреша всегда стояла на скамеечкѣ, такъ какъ была коротконожка, и разница между ними, навѣрное, была только въ томъ, что пуговицы на кофточкѣ у Пеготти сзади, а у Матреши—спереди.

— Пеготти,—сказалъ Степа,—почему пуговочки у васъ на кофточкѣ теперь спереди, а не сзади?

Матреша, которая въ лѣтнее время всегда стирала въ саду, подъ липами, подняла распаренное лицо отъ корыта и засмѣялась.

Странно онъ сталъ ее называть!...

— У меня и были всегда спереди. Чего это вамъ въ голову пришло, Степочка!—И вразумительно добавила:—Это только у барынь пуговицы сзади, у которыхъ горничныя и все такое, а куда же намъ...

„Странно,—думалъ Степа, отходя отъ Матреши и безцѣльно шатаясь по саду,—кто же застегивалъ платье Пеготти? не звала же она для этого каждый разъ Давида Копперфильда?“

И Степа улыбался, сбивая свѣжимъ хлыстикомъ пуховки одуванчиковъ.

Но Марѳа Ивановна запретила Степѣ называть Матрешу такимъ глупымъ словомъ—Пеготти. Отозвала однажды его въ сторону и запретила.

— Не лошадь она тебѣ какая-нибудь. И что ты вѣчно выдумываешь, Степочка... Нельзя обижать бѣдную женщину...

Въ отвѣтъ на это Степа сталъ хохотать, какъ идіотъ.

— Значитъ, ты—бабушка Бетси Тротвудъ!... старая ворчунья Бетси Тротвудъ! она тоже находила, что Пеготти—лошадиное имя.

Онъ пришелъ въ восторгъ отъ этого внезапнаго вплетенія въ собственную жизнь той, другой, воображаемой.

Марѳа Ивановна посмотрѣла на него съ безпокойствомъ.

Вскорѣ, впрочемъ, разсѣялись ея страхи насчетъ умственныхъ способностей сына.

Результатомъ этого маленькаго инцидента съ Пеготти было то, что на другой день, вечеромъ, передъ заходомъ солнца, Марѳа

Ивановна сидѣла на крыльцѣ, въ саду, и читала—Давида Копперфильда. Степочка посовѣтовалъ.

И какого ей еще нужно было царства небеснаго!... Степочка тоже читалъ — тамъ, гдѣ-нибудь, въ вишнякѣ; Тусенька играла въ куклы съ Варенькой, на выгонѣ; а сама Марѳа Ивановна, которая считала себя обиженной судьбой, которая столькихъ похоронила, сама Марѳа Ивановна каждый вечеръ сидитъ себѣ на крылечкѣ и наслаждается Давидомъ Копперфильдомъ. И, Боже мой! какъ часто она теперь плачетъ! Сплошь проплакала всю книгу! Плакала долго, съ чувствомъ, съ разстановкой, и какія то были пріятныя слезы!

Въ комическихъ мѣстахъ Марѳа Ивановна улыбалась и чуть-чуть укоризненно качала головой.

— И выдумаетъ же, Господи!—иногда говорила она, адресуясь, очевидно, къ самому Диккенсу.

Умилительно было видѣть эту фигуру, согнувшуюся въ уютномъ уголкѣ крыльца, съ книжкой на колѣняхъ. Благодаря приподнятымъ бровямъ и грустному выраженію глазъ, видъ она имѣла всегда скорбно-недоумѣвающій—и когда роняла слезы на страницы, и когда улыбалась. Платокъ носовой всегда наготовѣ; впрочемъ, сначала онъ часто валялся на нижней ступенькѣ и, конечно, не давалъ о себѣ знать, когда Марѳа Ивановна, не отрываясь отъ книжки, шарила сердито по сторонамъ.

— А, штобъ тебя!...

Но, однажды, попалъ случайно къ ней подъ мышку, и это оказалось удобнымъ для обоихъ. Словомъ, Марѳа Ивановна вся ушла въ романы. И даже чуточку стала оттягивать исполненіе хозяйственныхъ обязанностей, и даже препиралась съ сыномъ за очередь на книгу.

Степа вдвойнѣ былъ доволенъ. Но, мало-по-малу, онъ усвоилъ какую-то новую, снисходительную нотку въ разговорѣ съ матерью.

— Ну что? замѣчательно?—спрашивалъ онъ, присаживаясь на крылечко, и трепалъ ее по плечу покровительственно.—Увлекаешься?

Но Марѳа Ивановна, вообще, не склонна была къ восхищенію, да и не могла удовлетворить потребности Степы—хорошенечко обо всѣхъ поразсуждать. Стоило ей поднять глаза отъ страницы, какъ жизнь принимала издавнія формы, захлопывалась дверца, и книга оставалась книгой. Никакихъ переплетеній и смѣшеній у Марѳы Ивановны не происходило: хорошо, да, но только нельзя же всему вѣрить...

На шутливый вопросъ Степы, не есть ли Матреша та самая Пеготти, Марѳа Ивановна отвѣтила, что Степочка выдумываетъ глупости.

— Ну, а всетаки—похожа она на Пеготти?

Этого тоже Марѳа Ивановна не могла знать; Пеготти она никогда не видѣла, да такой и не было вовсе... Тѣмъ не менѣе, всетаки обидѣлась за сравненіе ее съ ворчуньей-бабушкой.

— Ну, развѣ же я такая? сумасшедшая эта Бетси... Что же у меня есть такого?

И въ ту минуту, когда она это говорила, Степа замѣтилъ, что носъ у его мамы немножко курносенькій, и когда она чуточку недовольна, то почему-то вдругъ напоминаетъ старую, добрую собачку. И Степа снисходительно поцѣловалъ ее.

Жизнь ихъ все больше и больше раздвапвалась. Въ то время, какъ Марѳа Ивановна пріятно развлекалась, плача надъ книгой, сидя на крыльцѣ своего домика, Степа летѣлъ стремительно невѣдомо куда, и въ одинъ какой-нибудь мѣсяцъ отошелъ отъ Марѳы Ивановны за многія тысячи верстъ.

Во что обратилась его жизнь съ тѣхъ поръ, какъ онъ познакомился съ Диккенсомъ, трудно сказать. Бѣдный счастливчикъ этотъ Степа! Онъ обладалъ рѣдкимъ талантомъ осязать невидимое. Онъ не зналъ различія между существующимъ и созданнымъ фантазіей. Такъ тѣсно всѣ его обступили—и нынѣ живущіе и никогда не жившіе—Іисусъ Христосъ, отецъ Іоаннъ, Пеготти, Давидъ Копперфильдъ, его очаровательная маменька, которую звали прелестнымъ именемъ—Клара; его собственная мать, которая, къ сожалѣнію, не обладала такимъ прелестнымъ именемъ; малютка Эмми, Тусенька, Варенька, мистеръ Диккъ, отправляющій въ облака записочки на хвостѣ бумажнаго змѣя; бабушка Бетси и Костя,—все это были одинаково живые люди, отличавшіеся одинъ отъ другого только степенью любви къ нимъ... Его расширенному сердцу становилось тѣсно и больно временами. Иногда, за какой-нибудь день, ему приходилось переживать жизнь и смерть кого-нибудь любимаго. Да, онъ не зналъ различія между дѣйствительностью и фантазіей.

Что касается Диккенса, о, это было совсѣмъ не то, что Толстой. Степа готовъ былъ цѣловать руку Диккенса за каждую написанную имъ строчку, и мало ли, что Костя увѣрялъ, будто Диккенсъ уже умеръ!

Во-первыхъ, Костя могъ ошибаться, во-вторыхъ, совершенно невозможно допустить, чтобы тотъ, чья душа какъ бы слилась съ его душой, чье каждое слово звучало такъ ясно, какъ если

бы произнесено было здѣсь, въ саду, кто ежеминутно заставляетъ слушать свой голосъ, совершенно невозможно было понять, чтобы этотъ человѣкъ уже умеръ.

Степа попалъ въ заколдованный кругъ, какъ бы являясь жертвой таинственнаго фокуса, не будучи въ силахъ—теперь даже больше, чѣмъ прежде—отдѣлить смерть отъ жизни.

— А, можетъ быть, онъ не умеръ?—робко возражалъ Степа по поводу Диккенса.

— Да я навѣрное знаю. Вотъ чудакъ!...

Костя пожималъ плечами и удивленно улыбался, глядя на взволнованное лицо Степы.

Къ счастью, Степа не умѣлъ выражать своихъ мыслей. Все такъ и оставалось невысказаннымъ въ глубинахъ взволнованной души, назрѣвало, ширилось и самостоятельно давало плоды, какіе-то странные, фантастическіе плоды, которые вдругъ срывались, какъ срывается съ отягченной вѣтки зрѣлое яблоко, чтобы сгорѣть на солнцѣ, въ травѣ.

И во всемъ его существѣ происходила какая-то пламенная работа, развивалась энергія, ищущая выхода.

Угловатость появилась въ движеніяхъ, какъ будто онъ не привыкъ еще справляться со своими выросшими руками и ногами, со всѣмъ своимъ тѣломъ, которое стало пріобрѣтать какую-то едва уловимую напряженность и даже какую-то новую, едва замѣтную, окраску, запахъ особенный—не общій дѣтскій, а какой-то уже свой собственный. И хотя по-дѣтски еще торчали на макушкѣ его волосы, но былъ онъ уже высокій, и выраженіе его глазъ, въ общемъ, было задумчивое, а временами—тревожное, и чувствовалъ онъ себя такъ, какъ если бы что-то должно было случиться помимо его воли.

И кое-что, дѣйствительно, случилось, тамъ, въ вишнякѣ.

Вишнякъ то и былъ во всемъ виноватъ—его тишина, отдаленность, всѣ эти запахи и звоны и, особенно, это преломленіе теплыхъ лучей сквозь зеленую сѣть, особенно—эта пригрѣтость и живая влажность земли... Неизвѣстно, впрочемъ, кто виноватъ! Но, съ появленіемъ Агнесы, а, главное, Доры, стало происходить тамъ нѣчто особенное.

Чтеніе замедлилось. Гораздо чаще Степа лежалъ теперь, уткнувъ лицо въ траву, и слушалъ птицъ, не различая ихъ голосовъ, отдаваясь звукамъ безвольно, какъ музыкѣ отдаются натянутыя струны... Или смотрѣлъ сквозь листья, на голубые клочки неба и не видѣлъ ихъ, но блаженно чему-то улыбался, и въ тѣлѣ у него бывало ощущеніе—внезапной слабости, нѣжащей и сладкой

до того, что слезы умиленія зеленоватой пеленой заволакивали солнце... И когда Давидъ Копперфильдъ заявлялъ, что они съ Дорой цѣловались, въ ту же минуту розовые пальчики Доры начинали скользить по лицу Степы, и, не испытывая никакой ревности къ Давиду Копперфильду, онъ ловилъ губами теплые пальчики Доры, и тихіе поцѣлуи, легкіе и неуловимые, какъ солнечныя пятна, скользящія по лицу его, заставляли блѣднѣть его губы и клали прозрачныя тѣни вокругъ тускнѣющихъ глазъ...

Но, въ первый разъ, это былъ только невинный толчокъ, нечаянно сдѣланный Дорой... Ощущеніе, вызванное имъ, незамѣтно исчезло, оставивъ по себѣ лишь задумчивость. А потомъ оно являлось независимо отъ Доры, какъ результатъ всякаго волненія, всякаго остраго интереса—и вдругъ, однажды, налетѣло, подобно знойному вихрю, ослѣпило, зажгло... Глаза мгновенно все отразили въ странномъ смѣшеніи, всѣ звуки сада внезапно оборвались, все исчезло—дѣйствительные и воображаемые люди, исчезла виновница Дора, уплыли деревья и остро ощущалась только—земля...

...Влажная, теплая, какъ его собственное тѣло, она вошла внутрь его, насквозь пронизавъ его своимъ запахомъ... Только землю видѣли глаза его и ощупывали его пальцы, и—безсмысленно дико, какъ если бы то было живое существо, распластавъ руки, онъ припалъ къ землѣ, какъ бы чувствуя себя частицей ея и ощущая подъ своими губами ея отвѣтныя губы...

И что-то жестокое и, въ то же время, нѣжное—вырвало изъ глубины его существа невѣдомое слово—онъ не могъ бы повторить его черезъ нѣсколько мгновеній, оно прошло сквозь него изъ нѣдръ земли и одинаково звучало, какъ „милая“ и какъ слово „Богъ“.

И, какъ случается въ моментъ экстаза, когда истина вдругъ становится видна сама собой,—на мгновенье чья-то рука откинула будто уголъ завѣсы...

Еще все тѣло было охвачено трепетомъ, какой бываетъ въ деревѣ послѣ грозы, но тревогу передъ невѣдомымъ смѣнила уже трусливая радость, что знаетъ объ этомъ только земля.

Онъ приподнялся, и вѣтки кустарника коснулись его головы. Была растерянность, слабость, какъ отъ надлома—какая бываетъ, вѣроятно, въ тѣлѣ цыпленка, когда треснетъ надъ нимъ скорлупа.

Долго сидѣлъ, охвативъ колѣни руками, силясь понять...

Прислушивался къ голосамъ, доносившимся со стороны дома. Если бы кто-нибудь подошелъ въ эту минуту, онъ забился бы подальше въ кусты, прячась, какъ животное.

XIII.

Наступилъ короткій періодъ беззастѣнчивыхъ, цѣломудренныхъ наблюденій надъ всѣмъ сущимъ—надъ насѣкомыми въ травѣ и надъ людьми. Многое, чего онъ раньше не замѣчалъ, вызывало теперь мучительный интересъ. Скоро періодъ исканій смѣнился другимъ—началось подглядыванье, подслушиванье, потому что достаточно было школьникамъ замѣтить въ Степѣ интересъ къ нѣкоторымъ наблюденіямъ, какъ они моментально его просвѣтили.

И съ той поры безгрѣшный отрокъ, цѣломудренно отдававшійся землѣ,—притянутый ея соками, какъ плоть отъ ея плоти,—сталъ грѣшить сознательно... Какъ тяжела была эта зима, на пятнадцатомъ году его! Мысль о смерти смѣнялась размышленіемъ о мерзостяхъ жизни; молитвы—жгучимъ вихремъ, предъ которымъ падало его изступленное тѣло и возставала душа...

Не чувствовалось единенія съ Богомъ... Богъ отодвинулся отъ него.

А тутъ еще отецъ Іоаннъ вспомнилъ о своемъ намѣреньи набрать учениковъ для пѣнія въ церкви, и у Степы не оказалось голоса. Онъ принялъ это, какъ наказаніе Божіе.

...Теперь ужъ не сомнѣвался больше, что онъ не посланъ на землю, какъ Христосъ... Онъ, просто, грязный мальчишка, прячущій отъ людей настоящее лицо свое...

Стали говорить, что Степа возмужалъ и кажется гораздо старше своихъ лѣтъ. Но—похудѣлъ. И между собой говорили, что подъ глазами у него „такіе синяки“, и спрашивали—не боленъ ли онъ?

Онъ отвѣчалъ, что здоровъ, и притворялся веселымъ. О, какъ онъ теперь понималъ Николеньку въ его притворствѣ! Теперь онъ зналъ, что есть вещи, о которыхъ нельзя разсказать, несмотря на всю храбрость, и уже былъ убѣжденъ, что толстовскій Николенька только дѣлалъ видъ, будто искрененъ до конца.

На людяхъ Степа смѣялся веселыми щелочками, а когда бывалъ одинъ, въ саду, свободно раскрывалъ глаза свои и мрачно задумывался..

О. Миртовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ГОРОДЪ НАДВИГАЕТСЯ. [1])

Романъ Клары Фибихъ.

Съ нѣмецкаго.

(Die vor den Toren. Roman von C. Viebig. Berlin, 1910.)

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Архитекторъ изъ Берлина строилъ новую виллу для Ленгника. Она быстро росла, но все еще недостаточно быстро для Пауля Ленгника. Собственными руками готовъ онъ былъ носить камни, на своей широкой спинѣ тащить бревна. Его Этель не должна долго оставаться въ низкихъ, темныхъ комнатахъ. Онъ понукалъ и подгонялъ рабочихъ: первый мальчикъ, наслѣдникъ рода, долженъ родиться въ новой виллѣ.—

Раннимъ утромъ видѣла уже старуха Ленгникъ своего Пауля въ высокихъ сапогахъ на постройкѣ; вечеромъ онъ уходилъ послѣднимъ. Онъ не заходилъ даже къ Кикебушу выпить кружку пива ни утромъ, ни вечеромъ. Громко раздавались его приказанія по двору. И она злилась. Какъ только можно будетъ перебраться въ виллу, Пауль проектировалъ снести старый передній домъ и устроить здѣсь красивый садъ. Но больше всего злилась мать, что сынъ дѣлалъ все безъ ея совѣта. Правда, онъ былъ совершеннолѣтній, хозяинъ своего имущества, но какимъ образомъ онъ сталъ вдругъ такимъ самостоятельнымъ? Безвыходно сидѣла она въ своемъ заднемъ флигелѣ, нѣмая отъ изумленія.

Что она не могла теперь видѣть улицу, контролировать деревню съ помощью своего шпіона, къ этому старуха относилась хладнокровно, но что ея сынъ позволялъ себѣ такъ распоряжаться, этого она не прощала молодой женщинѣ. Она одна во всемъ виновата. Она, не принесшая въ домъ ни одной копейки,

---

[1]) *Русская Мысль*, кн. III и IV 1911 г.

всѣ драгоцѣнности которой—серьги, ожерелья, цѣпочка, браслеты, все, чѣмъ надѣлилъ ее отецъ—были фальшивыя!

Это обнаружилось шесть недѣль послѣ свадьбы; большой брилліантъ въ одной изъ серегъ молодой женщины сидѣлъ непрочно въ оправѣ. Этель была нездорова и не могла везти серьгу въ городъ, Пауль былъ занятъ на постройкѣ, работнику боялись довѣрить такую драгоцѣнность, и Рика поѣхала сама.

Съ высоко поднятой головой вошла она въ магазинъ, не торопясь подняла свою верхнюю юбку, вытащила изъ потайного кармана нижней юбки серьгу и положила ее ювелиру на столъ. Лучъ свѣта падалъ на большой брилліантъ, онъ отливалъ зеленымъ, голубымъ и краснымъ.

— Вставьте его въ оправу!—Она говорила небрежно, со всѣмъ достоинствомъ, которое даетъ обладаніе такимъ брилліантомъ. Тогда ювелиръ сказалъ:—Великолѣпная имитація,—и, улыбаясь, подставилъ брилліантъ подъ лучъ солнца.—Переливается совсѣмъ, какъ настоящій!

Какъ—не настоящій?! Глубоко униженная ушла изъ магазина Рика. Сначала она разсмѣялась, но потомъ принуждена была повѣрить—онъ былъ придворный ювелиръ—и какой ему интересъ утверждать, что камень фальшивый?! Весь длинный путь домой она прошла пѣшкомъ, чтобы дать себѣ время успокоиться.

Но голосъ ея еще дрожалъ, когда она входила въ комнату къ невѣсткѣ:

— Отъ кого ты получила эти серьги?

— Отъ папы!

Изумленно подняла молодая женщина свои усталые глаза; она лежала на старомъ диванѣ изъ конскаго волоса. Пауль обложилъ его подушками, чтобы ей было удобнѣе.

— Отъ твоего отца? Благодарю покорно!—Старуха бросила серьгу на столъ съ такой злобой, что камень окончательно выскочилъ изъ оправы и закатился въ щель.—Такое дермо!

Что случилось?! Этель блѣднѣла и краснѣла. Она сильно испугалась.

— Онъ фальшивый, фальшивый! Мѣдный грошъ ему цѣна.

И когда Этель, ни слова не отвѣчая, съ изумленіемъ продолжала смотрѣть на свекровь, старуха разъярилась еще больше.

Чего она глазѣетъ и представляется невинной? Какъ она смѣла провести ихъ, опозорить ихъ, выдать фальшивые брилліанты за настоящіе. Все больше горячилась старуха. Всѣ остальныя драгоцѣнности тоже, вѣроятно, фальшивыя! Что?

— Я получила ихъ отъ папы,—шепнула Этель и низко опустила голову.

Что же ей оставалось еще сказать? О, Боже, какъ ужасно кричала эта женщина!

Пауль пришелъ съ постройки. Онъ услышалъ издали возбужденный голосъ матери. Что здѣсь случилось?

Старуха бросилась къ нему и схватила его за жилетъ: что онъ на это скажетъ? Серьги оказались фальшивыми, имитаціей! Всѣ драгоцѣнности были фальшивыя! И приданаго у нея тоже никакого не было, ни на грошъ! Хорошо они попались! Возмущенная, оскорбленная и подавленная своей собственной глупостью, старуха забыла всякую деликатность.

Но Пауль подошелъ къ своей женѣ, которая тихо плакала, дрожа, какъ птичка, преслѣдуемая кошкой. Онъ обнялъ ее и гнѣвно набросился на мать:

— Чего ты такъ кипятишься? Что тебѣ за дѣло? Пусть все будетъ фальшивое, мнѣ все равно! Этель, не плачь, не плачь же! Я куплю тебѣ другія драгоцѣнности—все, что ты захочешь! Ахъ, ты сердишься на меня?

Тогда Рика, не говоря ни слова, вышла изъ комнаты. Но она почувствовала уколъ въ груди, который поразилъ ее въ самое сердце.

Пауль былъ по уши влюбленъ въ свою молодую жену, такъ влюбленъ, что для него ничего болѣе не существовало. Онъ настолько потерялъ голову, что даже не стоило сообщать ему все, что постепенно выходило наружу. Этотъ мистеръ Броунъ оказался настоящимъ проходимцемъ! Вольная птица, которому взрослая дочь стояла на пути. Онъ увезъ съ собой особу изъ Вальгаллы, особу, которая танцуетъ въ короткой юбочкѣ, подбрасываетъ ноги и поетъ непристойныя пѣсни. Онъ хотѣлъ даже на ней жениться, разсказывали люди. Самъ мистеръ Броунъ не подавалъ никакихъ вѣстей о себѣ. Благородные родственнички!

Глухая злоба накипала въ душѣ Рики. Она стыдилась выходить на улицу; какъ филинъ, который боится свѣта, сидѣла она въ своемъ заднемъ флигелѣ. Она рѣдко приходила въ передній домъ. И когда новая вилла была готова, она заходила туда тоже не чаще.

Пауль добился своего, его молодая жена родила первенца въ свѣтлыхъ комнатахъ. Мать предложила ухаживать за невѣсткой и смотрѣть за хозяйствомъ, пока Этель будетъ лежать, но Пауль отклонилъ ея услуги. Онъ можетъ самъ обо всемъ заботиться, и жена чувствовала себя прекрасно.

Кто могъ ожидать отъ этой пигалицы, отъ этой восковой куклы, что она перенесетъ все такъ легко! Другія, болѣе сильныя, болѣе здоровыя, должны были мучиться вдвое и втрое ужаснѣе. Старуха Ленгникъ сама еще отлично помнила, какія страданія ей пришлось вынести при рожденіи Пауля, и она ощущала нѣчто вродѣ зависти: да, этой англичанкѣ безсовѣстно везетъ во всемъ!

Высокая и худая, съ холодными глазами на морщинистомъ лицѣ, стояла старуха у колыбели новорожденнаго. Онъ лежалъ въ матрасикѣ, на бѣлоснѣжныхъ, обшитыхъ прошивками подушкахъ, ребенокъ съ нѣжной головкой; это не былъ черепъ Пауля. Она долго смотрѣла на малютку, но чувства бабушки не пробуждались въ ней. Можетъ быть, позднѣе, когда мальчикъ подрастетъ,—нѣтъ, никогда!

Она рѣзко отвернулась. И ребенокъ тоже отниметъ у нея часть ея сына—послѣднюю часть. Все остальное *та* уже отняла! Она бросила мрачный взглядъ черезъ открытую дверь въ сосѣднюю комнату, гдѣ лежала молодая мать. На ея постели сидѣлъ мужъ, сіяя счастіемъ, нѣжно сжимая ея руку въ своей.

И къ рожденію внука мистеръ Броунъ ничего не написалъ; на извѣщеніе молодого отца и нацарапанныя карандашомъ слова дочери, онъ отвѣтилъ только короткой телеграммой. И пришла она не изъ Лондона, а изъ Ливерпуля: „Many good wishes“. Больше ничего. Это огорчило Этель. Что бы ни говорила свекровь объ отцѣ, думать о немъ дочь не переставала. Пусть ея серьги были имитаціей, даже всѣ ея драгоцѣнности—вѣдь онъ хотѣлъ только доставить ей удовольствіе. Да она и не нуждалась теперь въ нихъ; Пауль положилъ ей на кровать брилліантовую брошку за перваго сына, очень большую. Но прежнія драгоцѣнности были красивѣе.

Въ Темпльгофѣ Этель не съ кѣмъ было перекинуться словомъ. Она обращалась со всѣми привѣтливо, и всѣ относились къ ней ласково, но здѣшнія женщины были совсѣмъ другія. Ганна Бадекова нравилась ей больше всѣхъ, хотя и была родственница ея свекрови. Дружескіе поклоны посылались изъ новой виллы въ Бадековскій домъ; молодая бѣлокурая головка охотно кивала старой сѣдой головѣ, но дальше дѣло не шло. У Этель не было никого, кромѣ мужа.

Пауль съ своей стороны прилагалъ всѣ старанія, онъ исполнялъ малѣйшія желанія своей жены, но въ глазахъ молодой женщины виднѣлась еще затаенная тоска. Теперь у нея было все: домашній очагъ, о которомъ она раньше никогда и не меч-

тала — она уже спокойно могла смотрѣть, какъ вѣтеръ гонитъ листья по улицѣ—хорошій мужъ и милый прелестный ребенокъ, протягивающій къ ней свои ручонки, и все же! Ея душа хотѣла расправить крылья, но можно ли было летать здѣсь?!

Этель проводила много времени за роялемъ. Мужъ охотно слушалъ ее, особенно по вечерамъ; потомъ Пауль засыпалъ подъ музыку, такъ какъ курить въ ея комнатѣ онъ не рѣшался.

Если бы здѣсь были уши,—уши, которыя слышали. Но Пауль говорилъ:

— Сыграй-ка что-нибудь веселенькое!—Охотнѣе всего онъ слушалъ танцы, и она играла танцы на блютнеровскомъ роялѣ, который мужъ ей купилъ.—

Ни одинъ человѣкъ въ Темпльгофѣ не думалъ, что этотъ бракъ окажется такимъ удачнымъ: Пауль—такая разиня, а жена еще англичанка! Но молодые люди были дѣйствительно счастливы другъ съ другомъ. Это видно было по Паулю, онъ сіялъ, онъ вдругъ поумнѣлъ. У Кикебуша онъ совсѣмъ не показывался, а прежде сиживалъ тамъ частенько. Можетъ быть, для него было хорошо, что изящная женщина не выносила запаха трактира. Да, въ ея маленькихъ ручкахъ была сила, она крѣпко держала бразды правленія! Своимъ большимъ хозяйствомъ онъ занимался теперь прилежно и разумно, заботился о немъ гораздо больше, чѣмъ можно было ожидать. И какой роскошный домъ онъ себѣ выстроилъ!

Вилла Пауля Ленгника часто служила темой для разговоровъ; это было событіе для Темпльгофа. Но теперь и Готфридъ Литцовъ могъ построить себѣ виллу гораздо болѣе красивую, гораздо болѣе великолѣпную. Онъ продалъ необыкновенно удачно! Какъ огонь распространилась эта новость по деревнѣ.

. . . . . .

На-ряду съ англійской компаніей по скупкѣ земель основалась берлинская компанія на акціяхъ. Теперь, когда земля представляла предметъ вожделѣнія, когда пробудилась страсть къ строительству, какъ никогда раньше до войны, казалось просто смѣшнымъ предоставлять англичанамъ всю прибыль. Кромѣ того, военное вѣдомство искало подходящій участокъ въ двадцать четыре морга, по крайней мѣрѣ. Предполагалось построить новый гарнизонный лазаретъ,—лазаретъ въ широкомъ стилѣ на шестьсотъ больныхъ, съ изолировочными бараками, съ зимними помѣщеніями и лѣтними павильонами, съ кухнями и квартирами для служащихъ, съ виллами для старшаго врача и главнаго смотрителя.

Готфридъ Литцовъ даже во снѣ не видѣлъ, что его капустный огородъ окажется когда-нибудь такимъ цѣннымъ. Онъ не стремился продавать и рѣшился на это только послѣ нѣкоторыхъ колебаній. Можетъ быть, это была лишь хитрость съ его стороны, чтобы заставить себя просить?!

Сто девяносто три тысячи талеровъ—вотъ такъ цифра! И все это за нѣсколько участковъ, которыми владѣлъ Литцовъ за березовой рощицей въ сторонѣ Стараго-Шенеберга.

Онъ обязанъ былъ это сдѣлать ради своихъ дѣтей. Такъ утверждала Лена. Она говорила это ему, когда они утромъ вставали, когда вечеромъ ложились, она повторяла это въ особенности, когда ему хотѣлось спать. Чтобы дѣти не могли когда-нибудь упрекнуть его! Въ присутствіи старухи Бадековой Лена, правда, молчала. Она была хорошая дочь и понимала, что матери тяжело разставаться со своей старой собственностью, но должны ли они, молодые, страдать отъ причудъ стариковъ?

Іоганнъ соглашался съ сестрой, но только въ душѣ, съ матерью нельзя было говорить о продажѣ, она выходила изъ себя и сердилась или грустила, а это еще хуже. Когда-нибудь очередь дойдетъ и до него, утѣшалъ себя Іоганнъ.

Готфридъ продалъ землю, но вступить въ акціонеры берлинской компаніи по скупкѣ земель не захотѣлъ. Онъ отказался получить въ уплату акціи.

— Я отдаю свою землю на наличныя, и деньги хочу получить чистоганомъ, то-есть хорошей прусской рентой я, пожалуй, удовольствуюсь,—сказалъ онъ съ лукавымъ видомъ, засунувъ руки въ карманы штановъ. Онъ стоялъ, широко разставивъ ноги.— Иначе ничего не выйдетъ съ нашимъ дѣломъ! Предложеніе, сдѣланное ему по доброжелательству, продать и остальную землю компаніи и стать крупнымъ акціонеромъ, онъ отклонилъ съ негодованіемъ:

— А что я тогда буду дѣлать? Вѣчно сидѣть у Кикебуша? Нѣтъ! Покамѣстъ я буду еще сажать свою капусту. И вообще!— Онъ высоко поднялъ плечи, лукаво сверкнулъ глазами и разразился громкимъ хохотомъ:—Нѣтъ, такая глупость!

И въ наблюдательный совѣтъ онъ не хотѣлъ вступить:

— Нѣтъ, нѣтъ, пускай другіе этимъ занимаются!

Свой женѣ онъ сказалъ:

— Я ничего не понимаю во всѣхъ этихъ вещахъ, но я скажу тебѣ одно: хватитъ съ насъ, если одинъ въ семьѣ тратитъ деньги на пустяки!

Лена отлично понимала, на кого онъ намекаетъ; она задум-

чиво качала головой: да, съ Яковомъ заботъ не мало! Онъ не только снесъ свой домъ до перваго этажа и возвелъ новую постройку, такую неимовѣрно высокую, что, глядя на нее, всегда приходило въ голову: да выдержитъ ли это старый домъ!? но пустился еще и въ другія предпріятія. Яковъ оказался участникомъ въ первомъ альтенбургскомъ сахарномъ заводѣ, въ каменноугольной и сельскохозяйственной компаніи. Проспектъ былъ составленъ великолѣпно:

„Къ наиболѣе благословеннымъ равнинамъ нашего германскаго отечества принадлежитъ западный округъ Саксонско-Альтенбургскаго герцогства. Необычайное плодородіе его почвы всѣми признано. Но онъ скрываетъ въ себѣ и драгоцѣнныя подземныя богатства—пласты бураго угля рѣдкой глубины, открывающіе перспективы для широкаго промышленнаго развитія. Нужна только предпріимчивая и умѣлая рука, чтобы быстро достигнуть прочнаго расцвѣта“...

И въ такомъ родѣ шло дальше заманчивое описаніе и умопомрачительное вычисленіе барышей. Акціонерамъ въ качествѣ минимума было обѣщано десять процентовъ.

Яковъ прислалъ проспектъ сестрамъ и братьямъ. Онъ носился кромѣ того съ мыслью основать потребительное общество на акціяхъ.

— А всетаки онъ долженъ быть ужасно уменъ,—съ тайнымъ восхищеніемъ сказала Лена, несмотря на свою озабоченность.

— Ничуть не бывало!

Готфридъ тихонько свистнулъ.

— Если бы онъ былъ уменъ, онъ не взвалилъ бы себѣ столько ипотекъ на шею. Хотѣлъ бы я знать, откуда онъ беретъ деньги на постройку; Маріанна говоритъ, что онъ у нея больше не просилъ. Теперь ему вѣчно надо думать, чтобы во-время уплатить всѣ эти проценты. А если хоть *одна* квартира не сдастся, что тогда? Но теперь всѣ такъ. Каждый хочетъ загребать деньги и основываетъ всякія компаніи, кто во что гораздъ, будь то пава иль ворона.— Онъ пожалъ плечами и запряталъ руки въ карманы штановъ.— Я ничего не понимаю во всѣхъ этихъ вещахъ. Меня все это нисколько не интересуетъ, но я думаю, что эти пять милліардовъ не принесли намъ добра!

— Какъ такъ?—спросила Лена,—но это же не имѣетъ никакого отношенія къ Якову?

— Ахъ, всѣ они сошли съ ума отъ этихъ денегъ,—сердито сказалъ Литцовъ и оборвалъ разговоръ.

Въ Темпльгофѣ лихорадка переживаемаго времени чувство-

валась столь же сильно, какъ въ самомъ Берлинѣ. Акціи, акціи, акціи такъ и жужжали въ воздухѣ; онѣ были, какъ мухи, которыя всегда возвращались, сколько бы ихъ ни гнали. Теперь особенно хорошимъ помѣщеніемъ капитала считались акціи конно-желѣзной дороги. Образовалась акціонерная компанія конно-желѣзныхъ дорогъ „Берлинъ — Темпльгофъ“. Вокзалъ былъ выстроенъ на темпльгофской землѣ. Крестьянинъ Ганеманъ желалъ бы одинъ захватить всѣ акціи: вотъ это предпріятіе! Весь свѣтъ будетъ теперь кататься изъ Берлина въ Темпльгофъ, а темпльгофцы будутъ ѣздить въ Берлинъ. Это принесетъ другіе барыши, чѣмъ медленный, тряскій омнибусъ!

На очереди было еще много другихъ хорошихъ предпріятій. Извѣстный прежде пивоваренный заводъ Гопфа на шоссе, ставшій уже акціонерной компаніей, теперь значительно расширялся и все еще покупалъ землю. Дѣдушка Шелльнакъ, вѣроятно, былъ дѣйствительно близокъ къ своему концу, если ужъ онъ не имѣлъ силы отвѣтить нѣтъ, когда сынъ предложилъ ему послѣдовать примѣру другихъ. Людеки тоже продали свою землю компаніи, парцеллировавшей землю, чтобы строить дома; улица была уже намѣчена: „У Темпльгофской горы“. Но всѣхъ превзошелъ Готфридъ Литцовъ. Девяносто тысячъ талеровъ потребовала старуха Ленгникъ за свои земли у шоссейной дороги на Брицъ—тому прошло не болѣе двухъ лѣтъ—а онъ получилъ уже болѣе, чѣмъ вдвое! Пятью стами талеровъ оплачивалась теперь квадратная рута [1]) песка.—

Рика Ленгникъ была совершенно оглушена, узнавъ о продажѣ Литцова. Эту новость ей преподнесли не безъ нѣкотораго злорадства. Долго сидѣла она неподвижно. Она не сразу сообразила, что ей говорили; ей мерещилась только какая-то большая сумма. Но потомъ она вскочила: что, сто девяносто три тысячи талеровъ? А она, что она получила? Бездѣлицу!

Оба кулака подняла она на воздухъ и зарычала:—А я, я?! Я обманута!—Она потрясала поднятыми кулаками.

Но тотъ, къ кому относилась ея угроза, котораго она схватила бы теперь за горло, если бы онъ стоялъ передъ ней, и трясла бы, какъ трясутъ дерево, чтобы опали листья, тотъ ускользнулъ отъ нея. Цѣлый свѣтъ лежалъ между ними. Мистеръ Броунъ надняхъ кратко сообщилъ своей дочери: онъ ѣдетъ въ Австралію, дѣлается тамъ коннозаводчикомъ. Ленгникъ рѣзко разсмѣялась: онъ коннозаводчикомъ? Мошенникъ. На висѣлицу его! На первомъ кривомъ сучкѣ надо повѣсить такого обманщика!

[1]) Рута=12 футовъ.—*Прим. перев.*

— Я обманута, обманута!—Дальше она не могла ни о чемъ думать. Но потомъ, постепенно въ ея душѣ выросло чувство,—чувство огромной несправедливости, которая была совершена по отношенію къ ней. Развѣ ея поля были хуже капустныхъ огородовъ Литцова? Развѣ они не были такъ же удобно расположены, какъ его? Нѣтъ, гораздо лучше!

Какъ безумная, вылетѣла она на улицу. Люди, видѣвшіе ее, удивлялись: чего это старуха Ленгникъ бѣжитъ, какъ сумасшедшая?!

Она бѣжала по направленію къ шоссейной дорогѣ на Брицъ. Тамъ лежали проданныя ею поля, все еще какъ прежде, то-есть они были необработаны, но кое-что изъ посѣяннаго въ былые годы пробивалось изъ земли. Оброненныя сѣмена дали ростки, нѣсколько стеблей скудно проросли и уже висѣли переломленные; тутъ и тамъ пробивался картофель, росъ чахлый кустъ. Цвѣла дикая ромашка и всюду возвышалась ползучая сорная трава, все заглушая.

Она бросилась на колѣни, обѣими руками вырывая сорную траву: это были ея поля, ея драгоцѣнныя поля! Она зарылась руками въ верхній рыхлый слой песка и раскапывала его: а, все это было золото, все золото! Но отъ нея оно ускользнуло. Съ проклятіемъ отбросила она далеко отъ себя пересыпающійся черезъ пальцы легкій песокъ. Она громко заплакала. Потомъ вскочила, дико озираясь кругомъ: обманута, позорно обманута—на комъ она это вымѣститъ?!

Безцѣльно бродила она по широкому полю, она хотѣла уходить себя до усталости. Сажень за саженью проходила она, моргенъ за моргеномъ. Ага, вотъ литцовскіе капустные огороды. Еще росли тамъ его бѣлая и красная капуста, его рѣпа, картофель, но уже было огорожено мѣсто для постройки. Между кочанами капусты бродили люди, мужчины съ палками и топтали все. Не все ли ему равно теперь—какая важность, помятые овощи—онъ получилъ за нихъ золото, большой урожай золотомъ!

Сердце сжалось у нея, горькій вкусъ ощущался во рту и ложился на языкъ, нёбо пересохло. Она задыхалась и стонала. Ноги отказывались служить, но она не шла домой, она не могла разстаться съ этимъ видомъ. Ея глаза безпокойно блуждали кругомъ, не могли оторваться отъ капустнаго поля. Такъ за это, за эти нѣсколько кочерыжекъ получилъ Литцовъ столько денегъ?! Ея поля были больше—больше земли,—но ему заплатили вдвое дороже, чѣмъ ей!

Безпомощное отчаяніе овладѣло женщиной: кто отдастъ ей ея

поля, которыя выманилъ у нея этотъ обманщикъ! Теперь она могла бы продать ихъ выгоднѣе. Но поля нельзя было получить обратно, если бы она захотѣла даже вернуть эти девяносто тысячъ талеровъ. Девяносто тысячъ талеровъ—какая это была теперь ничтожная сумма за нихъ! Скоро они будутъ стоить девятьсотъ тысячъ талеровъ! Представленія о суммахъ росли въ ея разстроенномъ воображеніи, росли безгранично, она видѣла передъ собой тысячи, но всѣ онѣ стекались сюда, сюда. Она была обманута! Ея лицо кривилось отъ злобы.

Когда мужчины, производившіе вычисленія, приблизились къ ней, она бросила на нихъ взглядъ, внушавшій ужасъ.

Что это за сумасшедшая старая женщина стоитъ тамъ, какъ пугало, съ поднятыми руками?

Наконецъ, Рика Ленгникъ ушла. Медленно плелась она домой. Но она отправилась не черезъ дворъ, въ свой старый домъ, а прямо въ новую виллу. Какъ чужая вошла она туда, но не постучала, какъ у чужихъ, а ворвалась съ шумомъ.

Этель была одна. Она сидѣла у рояля, около нея стояла коляска съ маленькимъ.

— Бэби уже слушаетъ!—улыбаясь, воскликнула она, не подымая глазъ отъ клавишъ.

Она думала, что это Пауль входилъ съ такой поспѣшностью. Чтобы доставить ему удовольствіе, она сейчасъ же перешла отъ мечтательнаго шопеновскаго ноктюрна къ скачущей полькѣ, она хотѣла привѣтствовать мужа пріятными для его уха звуками.

— Пауль дома?—жестко спросилъ голосъ старухи Ленгникъ.

Молодая женщина вздрогнула. Съ тѣхъ поръ, какъ свекровь напала тогда на нее за драгоцѣнности, она не могла отдѣлаться отъ чувства робости, страха, который не пропадалъ, хотя старуха послѣ той исторіи была съ ней привѣтливѣе. Этель не довѣряла этой привѣтливости.

Поспѣшно встала она отъ рояля и пошла навстрѣчу гостьѣ.

— Ты хочешь видѣть Пауля? Онъ ушелъ, но долженъ скоро вернуться. Пожалуйста, присядь! Онъ можетъ сейчасъ же прійти къ тебѣ, если тебѣ это пріятнѣе,—прибавила она застѣнчиво.

Свекровь упорно молчала и не садилась.

Что ей надо? Чѣмъ она опять недовольна? Дыханіе остановилось у молодой женщины, она не находила больше словъ. Старуха стояла неподвижно, громадная, худая. Этель казалась себѣ самой совсѣмъ маленькой. Хоть бы Пауль пришелъ поскорѣй!

Со страхомъ смотрѣла бѣдняжка на высокую фигуру; на лицѣ старухи была туча, глаза глядѣли мрачно. Молодая женщина

ощущала этотъ темный взглядъ какъ что-то пронизывающее. Невольно укрылась она за коляску ребенка; она нервно прижимала свои нѣжныя руки ко лбу.

Свекровь все еще молчала, но испуганная молодая женщина охотнѣе предпочла бы громкую брань. Лучше бы старуха прямо сказала, въ чемъ она опять провинилась! Что гнѣвъ матери относился именно къ *ней*, это она чувствовала.

Передъ взволнованными глазами испуганной Этель мрачная фигура старухи выростала, становилась грознѣе и грознѣе, пріобрѣтала нечеловѣческіе размѣры. И она все вытягивалась и выростала.

— Что я сдѣлала?—дрожа прошептала Этель.

Тогда неподвижно-грозная, мрачная фигура старухи ожила. Однимъ шагомъ приблизилась Ленгникъ къ невѣсткѣ, тяжело ударила ея рука по постелькѣ ребенка, такъ что весь пухъ сбился въ одно мѣсто.

— Ты одна во всемъ виновата, ты!

Этель не разсказала мужу про свой страхъ. Когда онъ вернулся домой и, стоя на колѣняхъ передъ диваномъ, цѣловалъ ея устало висящую руку, неловко гладилъ ея узкое лицо своей широкой рукой, могла ли она ему сказать тогда, что его мать внушала ей такой ужасъ? Это слишкомъ огорчило бы его. И въ концѣ-концовъ глупо съ ея стороны бояться такъ по-ребячьи! Эта старая крестьянка была груба на словахъ, но въ поступкахъ—нѣтъ, свекровь никогда ей ничего худого не сдѣлала!

Этель рѣшительно попыталась поднять свою опущенную голову, на которой она теперь всегда чувствовала давленіе чьей-то тяжелой руки, и старалась улыбнуться:

— Я нервна, Пауль, я чувствую себя не важно. Не обращай вниманія на мои слезы. Теперь уже все прошло!

Она поцѣловала его.

И онъ былъ счастливъ. Онъ не замѣчалъ, что ея улыбка была вынужденная, что она вздрагивала при каждомъ шагѣ въ сѣняхъ. У Этель повышенная чувствительность—она слабенькая, такъ сказалъ и докторъ,—но это пройдетъ, это стоитъ въ связи съ ея положеніемъ.

Этой осенью они ожидали второго ребенка. Если бы онъ только не появился на свѣтъ какъ разъ въ то время, когда Пауля не не будетъ дома!

Молодой Ленгникъ призывался на маневры. Онъ подавалъ прошеніе объ отсрочкѣ,—но будетъ ли его просьба уважена? Ну, въ крайнемъ случаѣ здѣсь остается мать!

Заложивъ руки въ карманы, посвистывая, шелъ Пауль черезъ дворъ; Этель сказала, что мать хочетъ его видѣть, и послала мужа къ свекрови.

Рика Ленгникъ лежала въ постели. Никогда еще не случалось, чтобы она ложилась среди бѣлаго дня; по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ сынъ помнилъ себя. И онъ страшно испугался.

— Что съ тобой, матушка?

Но она только молча сдѣлала отстраняющій жестъ рукой. Ея лицо было совершенно блѣдно, желто-зеленое, носъ заострился; холодный потъ выступилъ на лбу. Съ ней сдѣлался припадокъ желчныхъ коликъ; пришлось позвать доктора.

Первый разъ въ своей жизни Рика Ленгникъ лежала больная. Невѣстка сидѣла у ея постели, подавала ей капли, клала компрессы, и это было труднѣе переносить, чѣмъ самыя ужасныя страданія. Боли, терзавшія ея тѣло, не пугали старуху. Она сжимала губы, когда наступалъ припадокъ, и подавляла стоны,—ну, да, теперь она сломлена, но скоро опять станетъ на ноги! Но она совсѣмъ не могла сдерживаться при мысли о томъ, *почему* она лежала. Обманутая отцомъ, который повѣсилъ ей на шею эту куклу, она должна была теперь терпѣть, чтобы дочь этого негодяя сидѣла у ея постели! Она громко застонала.

— Тебѣ опять плохо?—сострадательно спросила Этель и осторожно перемѣнила ей компрессъ.

Въ безсильной злобѣ больная оперлась ногами о спинку постели, ея рука подъ одѣяломъ судорожно сжалась въ кулакъ: только бы имѣть силу, такую силу, чтобы вышвырнуть эту! Она громко стонала; она даже не сознавала, какъ громко она стонала.

Пауль не могъ видѣть страданій матери, онъ выбѣжалъ изъ комнаты. Руки невѣстки поддерживали и подымали старуху. Удивительно, съ какой ловкостью продѣлывала это Этель. Пауль, опасавшійся, что жена его надорвется, пригласилъ сидѣлку. Но тогда-то и наступила истинная мука для Рики: та, которую она не могла видѣть, которую она схватила бы за ея золотистые волосы и выволокла изъ дому, та, которую она ненавидѣла,—да, теперь она ее ненавидѣла!—та была ей теперь нужна. Какое адское мученіе! И за это она ненавидѣла ее вдвойнѣ.

Какъ неловко и жестко подымали ее грубыя руки дорого оплачиваемой сидѣлки! Какъ привязанный на цѣпи сердитый песъ, ворчала больная. Не легко было за ней ухаживать.

Сидѣлка вздыхала: ничѣмъ-то ей не угодишь! Она ушла бы, если бы ее не удерживала хорошая плата богатаго Ленгника. Но

она мстила за себя больной и сплетничала о ней по всей деревнѣ.

Въ Темпльгофѣ смѣялись: собственнымъ ядомъ отравилась Рика, сто девяносто три тысячи талеровъ Литцова пришлись ей слишкомъ солоно! Не подавилась бы она этой пилюлей, которую ей пришлось проглотить!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Не помогло Паулю Ленгнику его прошеніе; онъ долженъ былъ отправиться; шесть недѣль длились маневры. Но онъ оставался поблизости, и это было утѣшеніе; сначала они стояли въ Кенигсъ-Вустергаузенѣ, оттуда онъ могъ пріѣзжать по воскресеньямъ навѣщать свою жену. А, можетъ быть, она еще проходитъ до его возвращенія!

И тѣмъ не менѣе ему было тяжело разставаться съ ней. Онъ не долженъ былъ обнаруживать этого передъ Этель, потому что ей тоже было тяжело. Лишь только онъ упоминалъ о разлукѣ, глаза ея тотчасъ наполнялись слезами; она спала плохо по ночамъ, ее мучили тяжелые сны.

Въ послѣдній вечеръ передъ отъѣздомъ Пауль Ленгникъ стоялъ съ матерью на дворѣ. Солнце клонилось къ закату.

Наверху, на кровлѣ большого амбара, упражнялись молодые аисты; скоро имъ уже улетать, а они еще недостаточно ловки. Аистъ-отецъ стоялъ на одной ногѣ и наблюдалъ, аистиха громкимъ хлопаньемъ крыльевъ обучала своихъ птенцовъ. Они качались въ воздухѣ какъ пьяные!

Пауль расхохотался: это было невѣроятно смѣшно.

Но Рика Ленгникъ оставалась серьезной. Даже тѣнь улыбки не скользнула по ея лицу. Мрачно были устремлены ея глаза на кровлю амбара и остановились на колесѣ, которое прикрѣпилъ когда-то наверху Пауль—что̀ съ аистами, для ихъ привлеченія. Это всегда приносило счастье.

Птицы счастья были еще здѣсь, всегда на старомъ мѣстѣ, никогда еще онѣ не улетали навсегда. И если онѣ теперь улетятъ, весной онѣ опять вернутся въ родное гнѣздо. Старуха Ленгникъ глубоко вздохнула; точно зарница пробѣжала по ея лицу: покуда птицы строятъ тамъ наверху свои гнѣзда, до тѣхъ поръ всѣ желанія Ленгниковъ исполняются.

Она оглянулась на виллу. Глаза ея были еще мрачны, но потомъ вдругъ просвѣтлѣли, какъ темная ночь отъ отдаленныхъ молній. Она опять посмотрѣла наверхъ къ аистамъ, пристально:

кто знаетъ! Сегодня живъ, завтра мертвъ! *Еще* оставалась надежда.

— Смотри за ней хорошо, матушка!—сказалъ сынъ.

— Буду.

— И если Этель сляжетъ, какъ знать!—испуганное выраженіе появилось на лицѣ молодого человѣка.—Ты знаешь, какая она слабенькая, смотри тогда вдвойнѣ. Да, матушка?

Онъ не сводилъ съ нея умоляющаго взгляда.

Она кивнула головой:

— Буду.

Ему все еще было недостаточно. Онъ взялъ ее за руку, его большіе водянисто-голубые глаза, какъ у ребенка, искали глазъ матери:

— Матушка, не правда ли, ты обѣщаешь мнѣ это?

— Ну, да же, да!

Она выдернула у него свою руку. Она все еще смотрѣла на амбаръ и избѣгала его глазъ. Какъ онъ любилъ эту восковую куклу, это жалкое созданіе! Ему нечего безпокоиться: волосъ она ей не вырветъ и глазъ не выцарапаетъ. Хотя она и виновата въ томъ, что—ахъ, въ чемъ только *она* не виновата! Ея Пауль, который всегда повиновался матери, который никогда-никогда не думалъ иначе, чѣмъ она, теперь онъ думалъ только о своей женѣ!

Тотъ же горькій вкусъ, отъ котораго она тогда такъ заболѣла, сдавилъ горло старухи. Но она подавила его. Что-то горячее залило глаза,—проклятіе, какъ слѣпило солнце! Она поспѣшно вытерла глаза рукой; затуманенный взоръ опять прояснился. Кто знаетъ, можетъ быть! Пристальный взглядъ старухи становился все пристальнѣе; неподвижно, не мигая, смотрѣли ея глаза наверхъ, на гнѣздо аистовъ, какъ пламенемъ, озаренное теперь краснымъ блескомъ заходящаго солнца. Пожаръ не прогналъ отсюда птицъ, и смерть ихъ тоже не прогонитъ! Она глубоко вздохнула. Теперь она улыбнулась, но въ улыбкѣ ея было что-то жестокое.

— Будетъ ли это пріятно ей, что ты *меня* оставляешь присматривать здѣсь, этого я не знаю,—сказала она.

— Ахъ, матушка, не будь сейчасъ такой! Этель такая милая и добрая. Не надо всегда обижаться!

Развѣ она обидчива? Рика Ленгникъ не знала за собой такого недостатка. Что это Паулю показалось! Она коротко разсмѣялась.—Ну, будь спокоенъ, мы ужъ какъ-нибудь поладимъ!

Молодой человѣкъ облегченно вздохнулъ. Съ благодарной сердечностью, которую мать уже давно въ немъ не предполагала, сынъ схватилъ ее за руку:

— Ахъ, да, смотри же за всѣмъ хорошо!—Онъ оглядѣлся кругомъ долгимъ взглядомъ, точно не могъ оторваться. — Эти проклятые маневры! Знаешь, матушка, тогда мнѣ легче было итти на войну, чѣмъ завтра на маневры. Ужасно глупо! Онъ покачалъ головой, надъ самимъ собой.

Онъ все еще не выпускалъ руки матери, онъ буквально цѣплялся за нее. Старуха чувствовала, какъ дрожали его пальцы и видѣла его жалкую физіономію. Да, Пауль—еще мальчикъ, несмотря на свою женитьбу и на то, что онъ скоро будетъ отцомъ двухъ дѣтей! Она почувствовала вдругъ свое превосходство, и это привело ее въ хорошее настроеніе. Теперь она могла смѣяться. Громко раздавался ея голосъ по двору, точно мужской басъ.

Молодая женщина, укладывавшая въ спальнѣ чемоданъ Пауля, испуганно вздрогнула: кто такъ смѣется? Она подошла къ окну. Въ этотъ моментъ свекровь проходила съ Паулемъ черезъ дворъ. Женщина была выше мужчины; она давала отъ себя исполинскую тѣнь.

Еще болѣе поблѣднѣвъ, безшумно отошла Этель отъ окна; ей вдругъ стало холодно, ее охватилъ ужасъ. Солнце скрылось, оно сразу исчезло за старымъ амбаромъ. Тѣни широко легли повсюду.

. . . . . .

Рика Ленгникъ взяла въ свои руки бразды правленія. Это доставляло ей удовольствіе. Такъ вотъ какъ шло хозяйство у молодыхъ людей! Благодарю покорно! Больше она ничего не говорила, она и этого не говорила громко, она говорила это только про себя. Но родильница читала это на ея лицѣ своими большими испуганными глазами.

Все опять обошлось хорошо, хотя, страннымъ образомъ, не такъ хорошо, какъ въ первый разъ. Маленькая дѣвочка явилась на свѣтъ Божій немножко слишкомъ рано и немножко слишкомъ скоро. Этель какъ разъ писала письмо, длинное письмо своему мужу, не можетъ ли онъ пріѣхать въ слѣдующее воскресенье, хотя бы только на два часа! Она плакала при этомъ. Посреди нѣ ей пришлось прекратить писанье. Часъ спустя кричалъ уже ребенокъ.

Ленгникъ не пришлось посылать за врачомъ, и Паулю она могла телеграфировать:

„Дѣвочка, все благополучно“.

Но къ вечеру молодая женщина потребовала доктора.

— Ну, вотъ, къ чему еще?

Она еще не успѣла за нимъ послать, какъ Этель снова спросила:

— Скоро ли пріѣдетъ докторъ?

Это было прямо невыносимо. Какія нѣжности! Ворча покорилась свекровь. Но когда работникъ пришелъ къ доктору Шмидту, его какъ разъ вызвали куда-то за городъ.

— Ну, такъ онъ пріѣдетъ завтра утромъ,—сказала старуха.— Что ему тутъ дѣлать! Ты же совсѣмъ здорова!

Да, конечно она была здорова, но тѣмъ не менѣе молодая женщина ощущала горячую потребность въ помощи. Она была слаба, какъ ребенокъ, нѣтъ, еще гораздо слабѣе; совершенно беззащитна. Неподвижно лежала она на своемъ мученическомъ ложѣ, точно связанная по рукамъ и ногамъ.

Сидѣлку отослали спать, старуха сама хотѣла дежурить ночь у невѣстки; вѣдь она обѣщала Паулю слѣдить за всѣмъ сама. Горѣла ночная лампочка, давая слабый свѣтъ, нельзя было даже вязать; время шло страшно медленно. Глаза у старухи слипались,—родильница не шевелилась,—тогда она прилегла на кровать Пауля.

Этель, слегка задремавшая отъ слабости, проснулась. Ее разбудило хрипѣніе; она не понимала сначала, откуда это. Отъ слабости она не могла подняться, не могла и ясно соображать. У нея вырвался дрожащій вздохъ. Тогда хрипѣнье прекратилось.

Грубо проворчала старуха:

— Ну, чего еще?

Потомъ хрипѣнье возобновилось съ новой силой. Старуха храпѣла. Точно пила проходила по твердому дереву, точно гладили желѣзнымъ терпугомъ, точно шипѣли ржавые часы.

Этель не могла больше дремать. О, это было ужасно! На постели, гдѣ лежалъ всегда Пауль, здѣсь, такъ близко отъ нея находилась женщина, которая внушала ей ужасъ; теперь вдвое большій ужасъ. Страшная близость удручала ее. Дыханіе храпѣвшей касалось ея лица; оно было какъ буря. Несказанное чувство ужаса овладѣло одинокой женщиной. Она собрала всю энергію, на которую была способна: чего бояться?! Но она все-таки боялась, хотя и не сознавала причины. Было такъ темно! Ночная лампочка погасла. Тѣни ночи подползли еще ближе.

„Свѣта, свѣта!“ — стонало все въ Этель, но она не рѣшалась сказать это громко. Если она позоветъ, храпящая старуха проснется и опять скажетъ: „ну, чего еще!“ Нервный страхъ передъ этимъ грубымъ голосомъ удерживалъ молодую женщину. Лучше лежать въ темнотѣ, какъ въ черной могилѣ, чѣмъ слышать этотъ голосъ!

Этель плакала. Безмолвныя слезы слабости непрестанно бѣ-

жали по ея лицу. Ни одной секунды не могла она радоваться появленію маленькой дѣвочки. Да, если бы Пауль былъ здѣсь! Никогда не думала она, что можетъ полюбить его *такъ* сильно! Тогда она приняла его руку изъ желанія получить родину, избѣжать необходимости переѣзжать съ мѣста на мѣсто, нигдѣ не быть дома; отецъ всюду оставался лишь на короткое время.

Безпокойно блуждали ея мысли: въ чемъ лежала причина: въ отцѣ или въ другихъ? И всегда, когда приходилось мѣнять, когда надо было бросать одно, чтобы приниматься за другое, это сопровождалось безобразными непріятностями. Ахъ! И драгоцѣнности ея были фальшивыя, а онъ подарилъ ихъ ей за настоящія. Ахъ! теперь она понимала, почему мать, о которой у нея сохранились воспоминанія только со времени ранняго дѣтства, такъ много плакала. Но злымъ отецъ никогда не былъ, о, нѣтъ, онъ не злой,—злой это нѣчто совсѣмъ другое!

Невольно повернула Этель голову въ сторону другой постели: тамъ лежала злая *она*, съ холодными глазами, со взорами, которые пронизывали, которые кололи ненавистью. Что ей сдѣлала Этель? Когда же наступитъ утро!

Мысли ни на минуту не давали ей покоя, и безконечно томилась она этой темной ночью. Слабо пищала новорожденная. Бѣдная дѣвочка,—если у тебя не будетъ матери?! Нѣтъ,—въ слезахъ гнала отъ себя Этель эту мысль,—она должна жить, ради Пауля, ради дѣтей, несмотря на то, что эта женщина, такъ безчувственно храпящая, въ то время, какъ она терзается муками, желаетъ ей смерти. Да, она желаетъ ей смерти!

Въ лихорадочномъ возбужденіи, среди темной ночи укрѣплялась она въ этой мысли. Фантазія ея разыгралась. Слабое сердце стало биться быстрѣе, пульсъ стучалъ какъ молотокъ, въ вискахъ кололо. Ей хотѣлось вскочить, убѣжать,—но увы,—она не могла! Въ туманной полудремѣ пролежала она такъ до утра.

. . . . . .

По комнатамъ новой виллы дѣловитымъ шагомъ ходила старуха Ленгникъ. Бархатныхъ туфель она не носила. На ней были грубые кожаные башмаки, непрестанно скрипѣвшіе.

Къ чему вся эта дрянь?! Неодобрительно разсматривала она картины на стѣнахъ, цвѣтные обои, скатерти и салфеточки, вазы и бездѣлушки, все, что любовь Пауля къ женѣ собрала здѣсь. Съ силой захлопнула она рояль; онъ стоялъ открытымъ. Этель играла на немъ еще въ послѣдній день.

Съ такимъ стукомъ захлопнулась крышка, что больная въ

спальнѣ закрыла глаза въ полуобморокѣ: что это тамъ, удары молотка? Глухіе и пустые? Ахъ, это заколачиваютъ гробъ!

У рояля стояла старуха, нѣсколько разъ для вѣрности крѣпко ударяя по немъ кулакомъ: внутри отдавалось звономъ; струны жалобно, испуганно дрожали. Вотъ такъ хозяйство; совершенно невѣроятное хозяйство! Зналъ бы покойный Ленгникъ, какъ здѣсь управляются съ его деньгами! Давно пора уже положить этому конецъ.

Это она сейчасъ же скажетъ Паулю, если онъ пріѣдетъ въ воскресенье: кухарка, эта дерзкая тварь, должна быть выгнана! Сейчасъ же. Лучше старуха сама будетъ стоять на кухнѣ и варить, чѣмъ видѣть, какъ эта расточительница чиститъ картофель. Половину картофелины она срѣзаетъ вмѣстѣ съ кожей! И какое масло она употребляетъ! Точно нельзя брать свиное сало для жаркого и печенья и бараній жиръ для овощей! Такая наглость говорить еще при этомъ: „этого не ѣстъ наша мадамъ!“ Точно она родилась съ серебряной ложкой во рту, эта англійская нищая, у которой не было даже рубашки на тѣлѣ, только фальшивые брилліанты!

Туда и обратно, изъ кухни въ комнату больной, изъ комнаты больной въ кухню, ходила Рика Ленгникъ. Она разсуждала вслухъ.

— Ахъ, перестань пожалуйста,—просила слабая женщина въ постели.—Когда я встану, я постараюсь...—Она запнулась.

Ее пронзилъ взглядъ, подъ которымъ она свернулась, какъ ребенокъ, боящійся побоевъ. Она натянула на себя одѣяло. Она закрыла глаза; больше всего ей хотѣлось бы закрыть уши: ничего не видѣть, ничего не слышать!

Но она слышала, какъ свекровь подходила къ шкапамъ и ящикамъ, какъ она отпирала ихъ и рылась: трахъ, трахъ,—закрывались ящики и захлопывались дверцы шкаповъ.

Охваченная нервнымъ безпокойствомъ, лежала родильница; она не рѣшалась заснуть. Что дѣлаетъ теперь свекровь? Куда опять направляется этотъ тяжелый шагъ, который стучитъ по паркету, какъ по сухой землѣ. Сонъ бѣжалъ глазъ Этель. Она все прислушивалась: не раздается ли гдѣ-нибудь опять этотъ голосъ, который такъ кричитъ и бранится? Теперь, сверху, съ кухни! Теперь, рядомъ изъ дѣтской! Ахъ, когда же пріѣдетъ Пауль!

— Пауль! Пауль!

Тихонько, чтобы она не слышала! Испуганно подавила больная свой тоскливый вздохъ. Скоро, скоро, онъ пріѣдетъ въ воскресенье! Тогда она отдохнетъ въ его объятіяхъ—о, она такъ ра-

довалась ему! Онъ крѣпко держитъ ее у своей груди; въ ней бьется сердце, оно бьется только для Этель.

Нѣжный румянецъ появился на блѣдномъ страдальческомъ лицѣ. Молодая женщина застѣнчиво улыбнулась: тогда она скажетъ ему то, чего никогда еще не говорила, не говорила, когда была невѣстой и не говорила въ день свадьбы. Теперь она можетъ это сказать, теперь это правда:

— Я тебя очень люблю!

Нѣжный румянецъ усилился, сталъ яркимъ. На щекахъ родильницы горѣли двѣ розы.

— Гм, лихорадка!—задумчиво сказалъ врачъ.

Не велика важность! Старуха не обратила большого вниманія на его слова.

— Это часто бываетъ!

Но лихорадка усиливалась.

Теперь молодая женщина не слышала уже тяжелыхъ шаговъ свекрови, не слышала, какъ она ходила по всѣмъ комнатамъ, всюду рылась, всѣхъ бранила. Въ ея ушахъ звучали другіе звуки, слова любви, блаженно-интимныя. Ея мысли не блуждали уже въ безпорядкѣ, онѣ успокоились.

Тихо, счастливая, лежала Этель. Ея глаза видѣли широкія дали. Теперь ея душа развернула крылья, теперь она могла летать.

. . . . . .

Мужу была послана телеграмма. Онъ пріѣхалъ еще до воскресенья, о которомъ такъ мечталъ. Но пріѣхалъ слишкомъ поздно.

Съ болѣзненнымъ стономъ, какъ раненый звѣрь, бросился Пауль Ленгникъ къ смертному ложу своей молодой жены. Въ отчаяніи потрясалъ онъ сжатыми кулаками, онъ дико вылъ:

— Почему ты не смотрѣла за ней? Мать, мать!

— Я смотрѣла!—сказала тогда старуха.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Ганна Бадекова вздохнула, узнавъ о смерти молодой женщины:

— Молодые умираютъ, старые остаются!

Да, да, какъ ни хороша жизнь, въ концѣ-концовъ отъ нея всетаки устаешь!

Всѣ готовились къ погребальному торжеству. Это были „большія“ похороны. Цѣлый часъ звонили въ колокола. Весь Темпльгофъ принималъ участіе въ выносѣ тѣла. Новая вилла была вся

окружена людьми. Многіе вошли въ комнату посмотрѣть въ послѣдній разъ на англичанку.

Этель Броунъ лежала въ гробу въ большой комнатѣ около своего рояля. Она лежала въ дорогомъ гробу. Крышка гроба съ серебряной обшивкой и ангельскими головками лежала тутъ же на полу. Сейчасъ должны были заколачивать.

Среди любопытныхъ стояла и Гульда Литцова. Дѣвочка пробралась сюда, воспользовавшись случаемъ войти въ красивую комнату, откуда неслись къ ней однажды прекрасные звуки, гдѣ она видѣла свѣтлое сіяніе, великій отблескъ счастья. Вотъ и красные обои, золотыя рамы на картинахъ, большія канделябры со свѣчами! А вотъ и она—она!

Безпокойно-любопытный взглядъ Гульды остановился; она придвинулась еще на одинъ шагъ. Совсѣмъ близко стояла дѣвочка отъ сказочной принцессы, она пожирала ее глазами.

На Этель было бѣлое платье сегодня—красивое—изъ шелка. Какъ оно должно шуршать! Спереди платье было застегнуто брилліантовой брошкой—да, Ленгники могли себѣ это позволить, они такъ богаты! А на головѣ миртовый вѣнокъ, съ бѣлыми цвѣточками и восковыми почками.

Рика Ленгникъ украсила невѣстку. Она сама надѣла на нее подвѣнечное платье, бѣлые атласные башмаки, ажурные чулки и, какъ тогда, въ день свадьбы, тяжелой рукой положила вѣнокъ на ея голову. Старуха подумала обо всемъ, позаботилась обо всемъ; она не забыла даже вложить въ сложенныя руки умершей обшитый кружевами свадебный носовой платокъ.

Дѣвочка все видѣла. Длинныя рѣсницы, которыя лежали на нѣжныхъ щекахъ; только слегка закрытыя вѣки. Навѣрно сейчасъ раскроются глаза! И какой привѣтливый ротъ, точно онъ сейчасъ хочетъ улыбнуться. О, она была такъ мила, такъ прекрасна!

Гульда не испытывала никакого ужаса передъ смертью. Она была въ восторгѣ. Только бы немножко румянцу на щекахъ, и бѣлая женщина лежала бы совсѣмъ, какъ спящая царевна, о которой написано въ книгѣ сказокъ. Спящая царевна такъ же лежала въ гробу, потому что ее хотѣла погубить злая королева, но семь карликовъ, печально сторожившіе гробъ, увидали однажды, какъ спящая царевна—ахъ!

Неожиданный ужасъ овладѣлъ ребенкомъ: этотъ гробъ, здѣсь, былъ не стеклянный!

Нѣсколько черныхъ мужчинъ вошли въ комнату, они подняли съ пола крышку гроба, съ большимъ трудомъ: она была большая

тяжелая и толстая, изъ дубоваго дерева. Они положили ее на спящую царевну.

— Ухъ!

Сдавленный стонъ ужаса вырвался изъ груди ребенка: ахъ, теперь она уже *никогда* не встанетъ! Гульда вдругъ ощутила ужасъ смерти и отчаянно заплакала.

— Пст! Тише! Вонъ!

Чья-то рука схватила ее и вытолкнула изъ комнаты.

Раздались глухіе удары молотка: заколачивали гробъ.

. . . . . .

Не переставая гудѣлъ темпльгофскій колоколъ. Кладбище было слишкомъ мало, чтобы вмѣстить всѣхъ, шедшихъ за гробомъ.

Если бы Ленгники не имѣли здѣсь своего наслѣдственнаго мѣста, молодой женщинѣ пришлось бы лежать на новомъ кладбищѣ; на старомъ уже не продавались мѣста. Все было занято.

Между могилами густо стояла толпа; мужчины съ шляпами въ рукахъ, женщины съ носовыми платками у глазъ. Пѣли пѣвчіе, было очень трогательно. Дѣти осаждали кладбищенскія ворота, причетникъ хотѣлъ ихъ прогнать, но это ему не удалось. А на вѣтвяхъ деревьевъ темпльгофскаго парка, принадлежащаго теперь англичанамъ, сидѣли верхомъ болѣе взрослые парнишки и смотрѣли на похороны.

Послѣдній стихъ „такъ рѣшено Высшимъ Судіей“ замеръ, проповѣдникъ сказалъ заключительное слово. Гробъ на веревкахъ опустили въ могилу.

Рика Ленгникъ оглянулась на Пауля; могильщикъ подавалъ ему лопату съ землей, но онъ не прикасался къ ней. Голова Пауля свѣшивалась на грудь, онъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ; нѣсколько мужчинъ держали его подъ руки, они едва его поддерживали. Тогда подошла *она* твердымъ шагомъ и вмѣсто него бросила три первыя пригоршни на гробъ. Она забирала полныя руки, жестко стучала сухая земля; глухо отдалось внизу, изъ могилы донеслась точно громкая жалоба. Но старуха спокойно отошла.

Она опять была прежняя. Болѣзнь, такъ жестоко сразившая ее нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, не оставила никакихъ слѣдовъ; она снова имѣла прежній видъ, худая, но крѣпкая, съ деревенскимъ румянцемъ, прорѣзаннымъ синими жилками, на лицѣ. Она подала руку всѣмъ, несшимъ гробъ; священника поблагодарила въ приличествующихъ словахъ за прекрасную рѣчь. Все какъ подобало. Только когда Пауль вырвался изъ рукъ державшихъ его мужчинъ и съ крикомъ хотѣлъ броситься за своей женой въ

незакрытую еще могилу, она поблѣднѣла на секунду. Она прикусила себѣ губы.

Вѣроятно, ей было очень тяжело, что ея единственнаго сына постигло такое горе! Легкими всхлипываніями сопровождали сострадательныя женщины дикія рыданія молодого вдовца.

Онъ далъ матери увести себя. Она со всѣми раскланялась и пошла съ нимъ одна, медленно, къ выходу. Его голова лежала на ея плечѣ...

Всѣ остальные тоже ушли. Медленно очищалось кладбище. Вотъ случай, о которомъ нельзя было достаточно наговориться. Какой видъ имѣлъ бѣдняга! Какъ сумасшедшій, совершенно обезумѣвшій отъ горя. Дѣйствительно, ужасно потерять жену такую молодую,—съ которой былъ такъ счастливъ! Что онъ будетъ теперь дѣлать съ двумя маленькими дѣтьми? Ему придется второй разъ жениться,

Но другіе, поумнѣй, качали головами: развѣ старуха Ленгникъ потерпитъ какую-нибудь невѣстку! Съ англичанкой дѣло еще ладилось, она была кроткое созданіе,—но съ другой?!

Готфридъ Литцовъ взялъ свою жену подъ руку:

— Пойдемъ, Леночка, домой. У меня сосетъ подъ ложечкой. Брр! Я думаю, мнѣ слѣдуетъ пропустить рюмочку кюмеля. Меня знобитъ!

Чета Литцовыхъ хотѣла увести съ собой мать выпить съ ними за компанію рюмочку кюмеля—она все равно проходитъ мимо нихъ,—но Бадекова отказалась.

— Я еще похожу здѣсь, погляжу,—сказала она.

— Ну, тутъ тебѣ уже все до капельки извѣстно, матушка,—замѣтилъ Готфридъ.

Но Лена шепнула ему:

— Она хочетъ быть одна. На нее теперь нападаютъ такія причуды!

Всѣ ушли, только Ганна Бадекова осталась. Медленно проходила она между могилами. Она останавливалась то здѣсь, то тамъ, ея любопытство привлекъ камень, кривой и уже наполовину обросшій темнымъ плющемъ, она раздвинула въ сторону вьющіяся вѣтви и разобрала 1529 годъ. Да, это тоже былъ Бадековъ! Гюргенъ Бадековъ, церковный регентъ и блаженной памяти староста Темпльгофа. Здѣсь кругомъ лежали они всѣ. Цѣлый родъ. Будутъ ли они и дальше лежать здѣсь? Нѣтъ. Только она займетъ еще откупленное мѣсто у стѣны, которую заложилъ покойный дѣдушка ея свекра; больше сюда уже никто не попадетъ. И во-

обще они врядъ ли будутъ лежать въ Темпльгофѣ—можетъ быть, еще Іоганнъ,—кто знаетъ, куда разсѣются остальные?!

Горькое чувство поднялось въ старой женщинѣ, она усиленно старалась подавить его: нѣтъ, она не хочетъ быть несправедливой. Всегда такъ бываетъ, что дѣти не похожи на отцовъ; они и не могутъ быть такими, жизнь теперь совсѣмъ другая! И картина здѣсь растилается другая; прежде тутъ виднѣлись только раскидистые деревья темпльгофскаго сада позади маленькой церковки да темный оврагъ вокругъ рва, да на улицѣ, передъ каменными воротами деревенскій прудъ въ поросшей травой котловинѣ, а направо и налѣво лишь сады и поля; здѣсь прежде было слышно только добродушное кваканье лягушекъ лѣтомъ и осенью веселый стукъ въ амбарахъ,—а теперь, все иное и звуки долетали тоже совсѣмъ другіе. Въ прошломъ году еще въ это время усердно молотили! Тщетно прислушивалась старая женщина: ничего подобнаго не слышалось теперь. На поля уже не свозили удобренія, ихъ не обрабатывали для зимняго посѣва.

И тамъ, за березовой рощицей по дорогѣ къ Шенебергу, на поляхъ Готфрида не видно красивой капусты! Все уничтожено, люди топтали ногами огородъ. Боже милосердый! Ужасъ вдругъ охватилъ Бадекову: неужели они начнутъ строить уже теперь?!

И еще печальнѣе, чѣмъ то, что она видѣла и слышала, были предчувствія въ ея душѣ: здѣсь когда-нибудь будутъ стоять высокіе дома вмѣсто низкихъ; здѣсь все станетъ инымъ. Темпльгофъ отдавалъ свою землю. Но тогда и деревня уже не будетъ стоять крѣпко. Дѣти Темпльгофа—ея собственныя дѣти—уже не хотятъ быть крестьянами. Лена и ея мужъ, вѣроятно, тоже захотятъ построить себѣ виллу. Невѣстка Грета недавно сказала ей:

— Матушка, когда вы умрете, Іоганнъ продастъ все, мы переѣдемъ въ Берлинъ.

Августа и Яковъ уже живутъ тамъ. Ахъ, а Мика?

Безотчетный страхъ задрожалъ вдругъ въ лицѣ женщины. Она стояла у могилы своего мужа передъ доской, на которой золотыми буквами были написаны день рожденія и день смерти, а сверху:

Блаженны усопшіе!

Механически нагнулась она, обрывая сухіе листья на кустахъ рододендрона, стоявшихъ уже въ почкахъ въ ожиданіи весны, выламывая испортившіеся цвѣты изъ вѣнка искусственныхъ розъ, которыми она всегда украшала могилу мужа. Съ Микой неладно; съ этой дѣвушкой совсѣмъ невозможно справиться. Вѣчно она убѣгала куда-то; и становилась съ каждымъ днемъ глупѣе!

— Бадековъ,—громко сказала женщина, становясь на колѣни и кладя руку на то мѣсто могильнаго холма, гдѣ должно было быть изголовье,—скажи мнѣ, почему эта дѣвушка вышла такой странной? Мнѣ страшно за нее!

Изъ глубины огорченнаго материнскаго сердца вырвался вздохъ. Но отецъ тамъ внизу не вторилъ ея вздохамъ.

Тогда она поднялась съ колѣнъ, разгладила платье и стряхнула съ него землю.

— Прощай, Бадековъ!

Она кивнула своему мужу. Еще одинъ внимательный взглядъ кругомъ: все ли здѣсь въ порядкѣ? Она покинула кладбище.

Медленно, точно утомленная, шла она посреди липъ. Направо стоялъ домъ Готфрида, она перешла на лѣвую сторону: они ее увидятъ и силой затащатъ къ себѣ, а она—нѣтъ, ей не хотѣлось теперь заходить.

Передъ домомъ Карла Литцова сидѣла его маленькая дочь; старуха удивилась: было уже довольно свѣжо, падали листья, а дѣвочка сидѣла на каменныхъ ступенькахъ въ ситцевомъ платьишкѣ!

Гульда держала въ рукѣ книгу; налѣво сидѣла черная такса, направо—другая. Гладко причесанная черная головка была низко наклонена, ребенокъ читалъ таксамъ пѣвучимъ голосомъ:

„И когда злая королева спросила зеркальце:

Скажи мнѣ, зеркальце, скорѣй,
Кто на свѣтѣ всѣхъ милѣй,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣй?

зеркальце сказало въ отвѣтъ:

Ты, королева, всѣхъ прекраснѣй!

Тогда королева обрадовалась въ своемъ сердцѣ, потому что падчерица ея была мертва...“

Старуха Бадекова покачала головой, проходя мимо: что за глупый вздоръ! Она никогда не давала своимъ дѣтямъ читать сказки. А между тѣмъ въ этомъ вздорѣ было что-то справедливое—она вдругъ смутилась. Кажется, Рика не особенно горевала по своей молодой невѣсткѣ. Да, теперь она опять стала хозяйкой, полновластной, и это ей, очевидно, было по вкусу!

Задумчивый взглядъ бросила Ганна на домъ смерти. Сзади, за новой виллой подымалась крыша стараго амбара, гнѣздо въ немъ было пусто.

Дома Бадекову ждалъ сюрпризъ. Въ комнатѣ у окна сидѣла Августа Пашке.

— Нѣтъ, вотъ кто тутъ!—мать всплеснула руками,—я тебя совсѣмъ не ждала. Ну, снимай шляпу и пальто, не сиди же такъ. Мы только что похоронили бѣдную молоденькую женщину съ новой виллы. Но тебѣ я очень рада!

Было что-то сердечное въ томъ, какъ Ганна Бадекова привѣтствовала свою Августу. Дочь приходила рѣдко. Мать сама сняла ей шляпу:

— Вотъ такъ, дитя, ну, теперь садись на диванъ. Я побѣгу скорѣй сварить тебѣ кофе. У тебя совсѣмъ холодныя руки!

— Не надо, мама. Я тоже пойду съ тобой,—нерѣшительно прибавила Августа.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставайся тутъ. Помнишь, прежде тебѣ не разрѣшалось сидѣть на этомъ диванѣ. А теперь ты можешь!

Старуха торопливо побѣжала на кухню, Мики тамъ не было. Она сама быстро растопила печку.

Августа въ это время оставалась въ комнатѣ. Она была ей такъ знакома. На томъ же самомъ мѣстѣ стояла та же чашка, на стѣнѣ въ той же рамкѣ висѣла та же фотографія. Каждый стулъ стоялъ на своемъ мѣстѣ. Здѣсь, на диванѣ, положены тѣ же вязаныя салфеточки, которыя были ей знакомы столько лѣтъ; и та же подушка лежала тутъ, вышитая зелеными крестиками и съ бисерной собакой посрединѣ. Только на зеркальной подставкѣ появилась новость: фотографія Августы съ мужемъ. Они снялись вскорѣ послѣ свадьбы въ свадебномъ нарядѣ. Но и съ тѣхъ поръ прошло уже тоже почти около трехъ лѣтъ!

Августа встала, взяла въ руки карточку и смотрѣла на нее испуганными глазами. Это нехорошая карточка, совсѣмъ неудачная! Она вздрогнула. Какой старой она здѣсь казалась. Но Юліусъ былъ очень красивъ. Онъ красивъ и теперь. Она улыбнулась уныло. Принесетъ ли она ему надежду, что мать имъ поможетъ? Надежду, надежду—нѣтъ, онъ хотѣлъ твердую увѣренность.

— Смотри, принеси непремѣнно деньги! Десять тысячъ марокъ по крайней мѣрѣ. Я *долженъ* ихъ имѣть. Я хочу ихъ имѣть.— Онъ топнулъ ногой.—Для чего же я женился на богатой? Если ты даже *этого* не можешь?

— Да, да,—согласилась она,—я сейчасъ иду.

Она надѣялась получить отъ него на дорогу поцѣлуй, но не дождалась. Почему онъ не поцѣловалъ ее! Тогда она не чувствовала бы себя теперь такой робкой, напротивъ,—мужественной; тогда ей было бы безразлично, сердится ли на нее мать, весь міръ,—только бы ее любилъ мужъ.

Дверь скрипнула, Августа вздрогнула. Фотографія выпала изъ ея рукъ и зазвенѣла по полу.

— Ахъ, Густа,—укоризненно сказала старуха, подбирая осколки.—Такая хорошая карточка!

— Я совсѣмъ не нахожу ея хорошей!—У Августы побѣлѣли губы.—Я похожа здѣсь на бабушку. Брось, брось, мама!—Она мѣшала собирать осколки стоящей на колѣняхъ матери.—Вымети все это и брось въ печку!

— И не подумаю!—Бадекова все подобрала и осторожно вытаскивала теперь застрявшіе между фотографіей и рамкой осколки стекла.—Смотри, ой, какая жалость, ты вся исцарапана!

Августа вырвала у нея изъ рукъ карточку.

— Она мнѣ противна, я не могу ея видѣть!

— Человѣкъ не можетъ выглядѣть иначе, чѣмъ онъ есть. Оставь, Густа, пусть у меня и такая будетъ!

Дочь ничего не отвѣчала. Она сидѣла молча. Ей и кофе не хотѣлось пить, она только мѣшала ложечкой въ своей чашкѣ.

Бадекова смотрѣла на нее нѣкоторое время.

— Ну,—сказала она, наконецъ,—зачѣмъ же ты собственно пришла?

— Я?!

Августа старалась принять равнодушный видъ.

— Да, ты. Что у тебя есть что-то на сердцѣ, это всякій слѣпой увидитъ. Говори же, что тебѣ надо?

Мать не спускала проницательныхъ глазъ съ дочери.

Она поблѣднѣла.

— Деньги,—сказала она тихо.

— Деньги—зачѣмъ?—Бадекова тоже поблѣднѣла: неужели ея берлинскія дѣти приходятъ къ ней только за деньгами!—Деньги—зачѣмъ тебѣ нужны деньги?

Впрочемъ, чего она такъ испугалась? Августа, вѣроятно, захотѣла преподнести мужу какой-нибудь необычайный подарокъ къ Рождеству—вѣдь сигарное дѣло идетъ такъ хорошо! Мать успокоилась.

— Юліусъ потерялъ. На биржѣ,—шептала блѣдная женщина. Ее съ трудомъ можно было понять.

Но „потерялъ“ и „на биржѣ“—это Бадекова поняла въ одну минуту.

— Что?—она крѣпко ударила рукой по столу,—биржевымъ игрокомъ сдѣлался еще ко всему этотъ прохвостъ!

Это вырвалась у нея нечаянно. Она не хотѣла обижать Августу, но у нея невольно сорвалось съ языка то слово, какимъ

семья обыкновенно называла Юліуса Пашке. Она была возмущена. Тридцать тысячъ талеровъ, приданое ея дочери, уплыли! Но еще больше, чѣмъ этотъ фактъ, возмущалъ ее видъ Августы. Какъ она сидитъ! Совершенно согнулась, какъ старая женщина, и во взглядѣ, который она съ робкой мольбой подняла на мать, было что-то душу раздирающее.

— Юліусу не повезло!—Это должно было звучать вызывающе. Августа хотѣла откинуть голову назадъ, но затаенная скорбь сейчасъ же пригнула эту голову книзу.—Другіе играютъ тоже на биржѣ—весь свѣтъ играетъ теперь на биржѣ,—бормотала она.—У него есть другъ, который такимъ образомъ сильно разбогатѣлъ. Ахъ, это господинъ Розенталь увлекъ его за собою!

— Ну, конечно! Не сваливай вину на другихъ!—Бадекова произнесла это строго.—Нежеланіе работать и желаніе быстро разбогатѣть соблазнили его. Да, да.—Она коротко засмѣялась и посмотрѣла на свои руки, оставшіяся рабочими руками, несмотря на старость, снявшую съ крестьянки всю тяжелую работу.—Разбогатѣть нельзя въ одну минуту. Ну, скажи только, какъ ты могла допустить, чтобы твой мужъ игралъ на биржѣ?

— Я ему говорила, чтобы онъ лучше не дѣлалъ этого, но...

— Ты дура!—Бадекова окончательно разсердилась.—Твои это деньги или не твои, а?

Августа не отвѣчала. Все ниже опускалась ея голова; точно у нея была переломана спина, такъ она перегибалась напередъ.

Мать раскричалась; вообще она не была вспыльчива—что касается денегъ, то съ этимъ можно еще примириться, Августа получитъ въ свое время достаточно—но обходится ли хорошо этотъ Пашке, этотъ прохвостъ, съ ея дочерью? Чувство состраданія охватило вдругъ Ганну Бадекову. Она сѣла рядомъ съ дочерью и положила ея голову къ себѣ на плечо.

Августа тихо плакала.

— Ну, Густа, Густочка!—Она гладила ее по опущенной головѣ.—Ну, ну, Густочка!

Глубокое внутреннее рыданіе потрясало тщедушную фигурку.

Матери стало страшно.

— Развѣ онъ плохо съ тобою обращается, Густа?

Августа сдержалась. Она перестала рыдать и поспѣшно выпрямилась, яркая краска залила ея истощенное лицо.

— У тебя есть еще мать,—мягко сказала Бадекова,—сюда ты всегда можешь прійти. Твоя кровать еще стоитъ наверху, ложись на нее. А Пашке,—ну, мы посмотримъ!

Августа закричала:

— Плохо! Мой мужъ плохо со мной обращается?!—Она разразилась истерическимъ смѣхомъ, похожимъ на рыданіе.—Юліусъ очаровательно—да, очаровательно обращается со мной—онъ меня очень любитъ—очень любитъ—любитъ—очень любитъ!

Она не уставала увѣрять въ этомъ.

— Ну, тогда все прекрасно,—сказала Бадекова.

Она видѣла свою дочь, красную отъ стыда, она видѣла безпокойный страхъ въ ея глазахъ. Августа лгала? Или же бѣдняга сама себя старалась увѣрить въ этомъ? Мать ничего не сказала. Зачѣмъ еще больше разстраивать Августу? Если она такъ непремѣнно хотѣла—она всегда была упряма, какъ норовистая лошадь,—такъ пусть сама и расхлебываетъ.

Августа перестала плакать. Ея глаза сверкали.

— Хочешь ты намъ помочь?—твердо сказала она.—Юліусъ купилъ по совѣту Розенталя кашау-одербергскія акціи—онѣ стояли уже довольно высоко—онѣ быстро подымались—всѣ думали, что онѣ подымутся еще выше.

— Ты говоришь совсѣмъ какъ дѣловой человѣкъ!—Бадекова кивала головой.—Ну, а потомъ?

— Потомъ Юліусъ, конечно, сейчасъ же продалъ. Но потомъ...—она запнулась.

— Потомъ—трахъ!—Старуха встала съ дивана.—Такой конецъ въ порядкѣ вещей. Пускай не спекулируетъ! Я тебѣ вотъ что скажу, дочь моя!—Маленькая фигурка энергично выпрямилась.—Отъ меня вы ничего не получите!

Августа широко раскрыла глаза. Съ ужасомъ смотрѣла она на мать.

— Нѣтъ, дитя мое!—Бадекова отрицательно качала головой.—Мнѣ слишкомъ жалко бросать на это мои денежки!

— Я тоже имѣю деньги!—вспыхнула Августа.

— Пока всѣ деньги еще мои. И слава Богу,—отвѣтила старуха спокойно.—Благодаря Бадекову. Если бы онъ не назначилъ сначала *меня* наслѣдницей, а васъ только потомъ—ну! Кто знаетъ, какъ ты будешь благодарна когда-нибудь, что я говорю тебѣ сейчасъ: нѣтъ!

Августа рѣзко разсмѣялась; она тоже вскочила и стояла передъ матерью.

— Ты дѣйствительно говоришь нѣтъ? Якову ты же давала. И если бы онъ сейчасъ пришелъ, онъ получилъ бы, онъ...—она опять зарыдала,—онъ получилъ бы на... вѣр...

— Навѣрно, тоже нѣтъ,—докончила Бадекова. Скрытое горе прорвалось у старухи, въ ея спокойномъ голосѣ задрожали ду-

шевныя муки:—Дѣти, дѣти, что же мнѣ дѣлать? Весь свѣтъ сошелъ съ ума, и вы тоже. Я могу помочь вамъ только однимъ, я отнынѣ всегда буду говорить вамъ: нѣтъ!

— Мама!—Августа схватила ее за обѣ руки, до боли сжимая ихъ въ отчаяніи и страхѣ:—я не могу вернуться домой безъ денегъ. Я не смѣю вернуться домой. Юліусъ—о Боже, Юліусъ—онъ будетъ внѣ себя. Онъ—мама, мама!

Она громко расплакалась.

— По крайней мѣрѣ, десять тысячъ талеровъ дай мнѣ!

— Ни одного пфенига!—неумолимо стояла маленькая женщина.

Августа упала на диванъ, закрывая обѣими руками лицо.

Теперь заговорила мать:

— Но ко мнѣ ты можешь прійти, Густа, во всякое время!

Она сдѣлала движеніе, раскрывающее объятія.

Но дочь не видѣла этого движенія или не хотѣла видѣть. Обиженная, она закричала:

— Я никогда не вернусь, никогда, никогда, никогда, знай это! Я остаюсь у моего Юліуса, я принадлежу моему Юліусу. Вы всѣ его ругаете, вы всѣ его не понимаете, но я его въ обиду не дамъ. Я—я люблю его! Она схватила свою шляпу и свою мантильку:—Я ухожу!

Она дико выбѣжала изъ комнаты, прежде чѣмъ мать пришла въ себя. Въ сѣняхъ она задержалась на секунду—не позоветъ ли мать обратно?

Но Бадекова не вернула ея. Сложивъ руки на груди, она оставалась въ комнатѣ на томъ же мѣстѣ, гдѣ она стояла, когда дочь выскочила, какъ дикая. Ей надо было собраться съ мыслями. Это былъ такой натискъ—ахъ, она едва устояла!

Она глубоко вздохнула, сердце ея сильно ныло. Ахъ, Августа можетъ подумать, что мать ее не любитъ!

. . . . . .

— Мать ничего не говоритъ объ Августѣ; хорошо ли ей живется?—говорила Маріанна Бадекова.—Она была въ гостяхъ у Іоганна. Обо всѣхъ братьяхъ и сестрахъ было уже переговорено.

Кругленькая и розовая сидѣла милліонерша со своими ясными глазами и привѣтливымъ ртомъ, на нее было любо смотрѣть. Вѣроятно, такой видъ имѣла старуха Бадекова, когда была молода. Богатая вдова носила плюшевый сакъ и шляпу со страусовыми перьями по новой модѣ.

— Не нуждается ли Августа въ деньгахъ? Что за важность! Я могу ей дать. Я сейчасъ же пойду напротивъ, поговорю съ матерью!

Она встала.

Но невѣстка Грета, сидѣвшая рядомъ на диванѣ, не дала ей встать, а Іоганнъ сказалъ:

— Оставь лучше, Маріанна. Матери это будетъ непріятно. Сколько долженъ тебѣ Яковъ?

— Ахъ, не будемъ говорить объ этомъ!

Жизнерадостная вдова покраснѣла, какъ молоденькая дѣвушка.

— Оставь, Іоганнъ, оставь! Яковъ такой хорошій малый, и кто знаетъ... мечтательное выраженіе скользнуло въ ея веселыхъ глазкахъ—въ концѣ-концовъ я усыновлю одного изъ его многочисленныхъ дѣтей!

— Ну, да, у него ихъ достаточно!—Іоганнъ принужденно разсмѣялся. Онъ смотрѣлъ серьезно.—Какъ бы я ни желалъ тебѣ ребенка—но!—Онъ покачалъ головой.—Съ матерью, съ Юліей, не очень-то сговоришься!

— Она такъ необразованна,—сказала фрау Грета,—на ней сказывается ея происхожденіе. Нѣтъ, какъ могъ Яковъ жениться *на такой!*

— Это тоже одна изъ его штукъ, — съ досадой сказалъ Іоганнъ. По поводу Якова слишкомъ часто приходилось качать головой. Правда, Юлія была тогда красивой дѣвушкой и аккуратно вела хозяйство холостому человѣку, но зачѣмъ же ему понадобилось сейчасъ же жениться.

— Но онъ поступилъ только какъ порядочный человѣкъ,— возразила Маріанна.

— Ну, да, конечно!—Іоганнъ почесалъ себѣ затылокъ.—Мы тоже всѣ держимся очень порядочно съ ней!

— Но она всетаки чувствуетъ себя нехорошо въ семьѣ,—сказала Грета.—Она чувствуетъ, что здѣсь ей не мѣсто!—Урожденная Шелльнакъ вздернула носикъ. На свою невѣстку Маріанну, къ которой она вообще чувствовала большое уваженіе, она поглядѣла теперь даже съ состраданіемъ:—Только какъ порядочный человѣкъ, говоришь ты? Ты тоже заразилась отъ Якова его новомодными идеями? Ну, онъ здорово попался. Она только и умѣетъ, что рожать дѣтей и рожать дѣтей; во-первыхъ, это стоитъ много денегъ, и, во-вторыхъ, становится скучнымъ подъ конецъ. Я думаю, Якову это давно уже прискучило!

Іоганнъ съ восторгомъ смотрѣлъ на свою жену: вотъ такъ умница! Это она унаслѣдовала отъ своего дѣдушки; старикъ Шелльнакъ еще теперь слышалъ, какъ трава растетъ, хотя уже не могъ встать со своего кресла. Іоганнъ кивнулъ головой:— Грета права. Къ тому же Яковъ не чувствуетъ склонности къ

своему ремеслу—онъ никогда не сидѣлъ съ матерью на базарѣ. Что, Грета,—онъ подмигнулъ своей женѣ, желая пошутить, но довольно неудачно,—когда мы здѣсь продадимъ, мы откроемъ въ Берлинѣ большой магазинъ?

— Этого мнѣ только недоставало!—Она не сразу поняла его шутку и уже собиралась разсердиться, но потомъ добавила:—Мы будемъ жить съ нашихъ денегъ, а наши мальчики будутъ учиться.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

— Нѣтъ, виллу я не буду строить,—говорилъ Готфридъ Литцовъ своей женѣ.—Мнѣ стало страшно послѣ Пауля, вилла не принесла ему счастья. И потомъ это стоитъ много денегъ и еще больше шума и возни!

Лена не была съ нимъ согласна. Она твердо разсчитывала въ недалекомъ будущемъ переселиться въ красивый новый домъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Готфридъ продалъ землю, прошла осень, прошла зима, а теперь когда наступитъ весна, отлично можно начать строить. Она уже давно нащупывала почву, однако, ея Готфридъ оставался глухъ.

Но сегодня она его поприжметъ. Ночью ей снился прекрасный сонъ, а передъ тѣмъ она нарочно сдѣлала небольшой обходъ, чтобы пройти мимо виллы Ленгника, и эта вилла опять сильно намозолила ей глаза. Ея старый, нуждающійся въ перестройкѣ ящикъ, совсѣмъ пересталъ ей нравиться.

— Ну, когда же ты начнешь?—Она ласково отвела прядь волосъ отъ его глазъ.

— Совсѣмъ не начну, мнѣ очень уютно здѣсь. Строить я совсѣмъ не буду!

— Нѣтъ, видали вы такого человѣка!—Она всплеснула руками. Уютно! Изъ-за того только, чтобы не имѣть немножко пыли и неудобствъ при постройкѣ! Развѣ это уютно, когда приходится такъ мучиться со всѣми устарѣвшими приспособленіями въ этомъ противномъ старомъ домѣ? Каждое ведро воды приходится накачивать и тащить со двора, и это прямо не въ моготу; и никакого стока. Все нужно выносить во дворъ. А когда становится холодно и надо немного дольше посидѣть въ досчатомъ домикѣ, рядомъ съ навозной ямой, тамъ можно замерзнуть. И такъ страшно итти, когда уже не совсѣмъ свѣтло. И нигдѣ нѣтъ газа! У Ленгниковъ уже газъ въ кухнѣ и въ столовой. Въ Темпльгофѣ вообще скоро будетъ газовое освѣщеніе подъ липами. Ей же при-

ходилось возиться съ керосиномъ, а потомъ за что ни возьмешься, вездѣ керосиновыя пятна. И лампы такъ плохо горятъ, что вообще ничего не видно! Она все больше горячилась и, наконецъ, пришла въ полное негодованіе.

— Ну, ну, Леночка,—сказалъ онъ, обнимая ее.—Если у насъ такъ темно, то не замѣчательно ли, какъ ты всетаки разсмотрѣла, какой я великолѣпный малый!

— Ахъ, ты!—Она ласково погладила его по щекѣ. Но потомъ опять заговорила серьезно:—Нѣтъ, дѣйствительно, она уже не можетъ больше терпѣть. У нихъ теперь такъ много денегъ, которыя свалились имъ съ неба, можно себѣ что-нибудь и позволить, а онъ не хочетъ!

— Я вставлю тебѣ стекла въ сѣняхъ,—сказалъ онъ,—тамъ ты можешь чистить горохъ и штопать чулки даже и въ вѣтреную погоду!

Нѣтъ, она не согласна; это они уже давно могли сдѣлать, стеклянную веранду. Для этого не надо имѣть много денегъ! Она надулась.

Онъ хотѣлъ умиротворить жену нѣжной шуткой, и крѣпко ущипнулъ ее. Но тутъ ему не повезло

— Оставь меня въ покоѣ!—Она была Бадекова, всѣ Бадековы отличались настойчивостью. Захлопнувъ за собой дверь, она побѣжала въ спальню, схватила свой капюшонъ и пелерину и убѣжала, одѣваясь на ходу, красная отъ злости. Нѣтъ, теперь она уйдетъ—къ матери!

Когда она приближалась къ материнскому дому, ей вдругъ пришло въ голову: что она скажетъ матери? И она вошла уже не столь рѣшительно.

Бадекова чистила картофель; она всегда чистила для себя и для сына. Лена была довольна, что мать работала,—тогда старуха не будетъ смотрѣть такъ проницательно,—и сейчасъ же подсѣла къ ней помогать чистить. Ей невольно приходило въ голову: какъ представляетъ себѣ мать ея приходъ въ будни, передъ обѣдомъ, среди бѣлаго дня?

Но старуха сказала:

— Такъ, ну, теперь довольно,—и пошла относить картофель къ Іоганну.

Лена осталась одна. Она привыкла работать: за что теперь взяться? Тщетно искала она себѣ работы. Все здѣсь блестѣло чистотой. Даже капуста стояла приготовленная съ вечера, ее оставалось только подогрѣть, а кусочекъ мяса самъ собой тушился въ горшкѣ — что-то они готовятъ тамъ дома? Но нѣтъ, она не

уйдетъ, останется здѣсь къ обѣду, пускай Готфридъ посмотритъ, будетъ ли ему по вкусу обѣдъ безъ нея.

Совершенно разстроенная, сѣла она на скамеечку. Мать все еще не возвращалась. Было порядочно скучно. Теперь дома пришли изъ школы дѣти, Іоганна всегда сейчасъ же спрашивала: „гдѣ мама?“, а Фрицъ прибѣгалъ въ кухню, поднималъ крышку съ каждаго горшка, и ей приходилось хлопать его по пальцамъ. Какъ будутъ удивляться дѣти, гдѣ это пропадаетъ мать. Право, здѣсь можно потерять всякій аппетитъ!

Что-то подкатило ей къ горлу и сидѣло тамъ, какъ пробка. Къ счастью, пришла Мика, по крайней мѣрѣ, можно было съ ней побраниться.

— Гдѣ ты пропадаешь по цѣлымъ днямъ? Бросаешь на мать всю работу, а сама лѣнтяйничаешь. Гдѣ ты была?

Мика разсмѣялась ей въ лицо, совершенно безсмысленно. Она совсѣмъ не обидѣлась, что старшая сестра ее ругала, и, продолжая смѣяться, вышла изъ кухни въ столовую, встала тамъ передъ зеркаломъ и стала разглядывать себя.

Глупая, пустая дѣвушка! Лена была въ самомъ дурномъ настроеніи. Тѣмъ не менѣе, когда мать возвратилась, она спросила ее:

— Можно мнѣ остаться у васъ обѣдать?

Говоря это, она не рѣшалась посмотрѣть на мать, ожидая, что та потребуетъ, наконецъ, объясненія.

Но Бадекова отвѣтила совершенно спокойно:

— Конечно. Оставайся съ нами!

Она какъ будто не находила ничего особеннаго въ томъ, что Лена обѣдала сегодня съ нею, а не со своими дѣтьми и мужемъ.

Лена почувствовала нѣкоторое разочарованіе: Боже, ей такъ хотѣлось пожаловаться матери, какъ трудно ей жилось въ старомъ, неудобномъ домѣ! Но вѣдь и здѣсь было не иначе! Это вдругъ пришло ей въ голову. Въ то же время она сообразила, что мать, конечно, будетъ противъ новой постройки. Какъ глупо было прійти сюда; но нѣтъ, домой она всетаки не пойдетъ.

Послѣ обѣда мать сѣла въ кресло у печки и вскорѣ задремала. Дочь сѣла къ окну. Что дѣлать? Помогать на кухнѣ Микѣ мыть посуду? Боже, за такую малость не стоило даже приниматься! Вязать? Она не взяла съ собою вязанья. Ужасно глупо, отчего она не захватила съ собой хотя бы такую работу! Готфриду очень нужны новые носки.

Одолѣваемая скукой, она смотрѣла на улицу. Она чувствовала себя здѣсь безконечно лишней. Съ тоскою смотрѣли ея глаза

внизъ по улицѣ—не идетъ ли кто-нибудь звать ее домой? Неужели она никому, никому не нужна?

Ея глаза стали наполняться слезами; приходилось смотрѣть не мигая, чтобы онѣ не побѣжали по щекамъ. Она почувствовала на себѣ чей-то взглядъ. Она повернула голову—мать не спала и внимательно смотрѣла на нее.

Лена сдѣлалась пунцовая: о ужасъ, теперь начнется!

— Ну, теперь пойдемъ,—ласково сказала старуха, встала, подошла къ комоду, вынула оттуда вязаный платочекъ на голову и накинула на плечи сложенную угломъ большую шаль. Она взяла дочь за руку.

Но Лена заупрямилась:

— Нѣтъ, я не пойду. Нѣтъ, я останусь здѣсь!

Ганна Бадекова разсмѣялась:

— Ты, значитъ, не замужняя женщина, что? Развѣ ты строптивая корова, которая бѣгаетъ по деревнѣ, пока не сломаетъ себѣ голову? Вы пообѣдаете часомъ позже, это ничего. Ты придешь теперь аккуратъ во́-время домой. Ну, живо, чтобы твой Готфридъ не замѣтилъ, какая ты дурочка!—энергично тащила она дочь за собою.

И Лена дала себя увести.

— Леночка,— говорилъ вечеромъ Готфридъ Литцовъ своей женѣ,—что же мнѣ, никакъ строить?

Она бросилась ему на шею; онъ не зналъ, смѣется она или плачетъ.

— Ну, ну,—говорилъ онъ улыбаясь и похлопывая ее по спинѣ.—Нѣтъ, я всетаки этого не сдѣлаю. Но знаешь что, Леночка? Я закажу твой и свой портретъ. Во всю величину и масляными красками. У самаго перваго художника. У Антона фонъ Вернера, вотъ какъ! Пускай стоитъ, что стоитъ! У нашихъ дѣтей останется хорошая память, а тебѣ уже сейчасъ будетъ подарокъ для твоей гостиной!

Такую гостиную получили всѣ дочери Бадековой, всѣ три совершенно одинаковую. Гарнитура—диванъ и два кресла ярко синяго плюша; ядовито зеленый коверъ, зеркало въ позолоченной рамѣ; передъ диваномъ выдвижной столъ, на которомъ лежала красная суконная скатерть съ золотисто-желтымъ греческимъ бордюромъ. Посрединѣ стола стояла алебастровая чаша, въ которую клали всѣ поздравленія ко дню рожденія, къ новому году, всѣ приглашенія на свадьбы и извѣщенія о рожденіяхъ, когда-либо получаемыя. На подзеркальникѣ стоялъ большой бу-

кетъ изъ павлиньихъ перьевъ, въ него были воткнуты искусственные розы и васильки. На стѣнѣ, около которой стоялъ диванъ, висѣли карточки родственниковъ, а справа и слѣва отъ зеркала красовалось по олеографіи въ широкихъ золотыхъ рамахъ: „Прощаніе ополченца“ и „Маленькіе поздравители“.

Здѣсь какъ разъ было мѣсто для двухъ портретовъ! Фрау Литцова оглядывала стѣны: можетъ быть, ихъ лучше повѣсить въ другомъ мѣстѣ? Собственно жалко закрывать такъ стѣны! Только въ прошломъ году оклеили ихъ новыми обоями, ярко синими, въ цвѣтъ мебели, и съ такими хорошенькими букетиками изъ розовыхъ бутоновъ.

Фрау Лена сняла сегодня бѣлые холщевые чехлы съ дивана и креселъ, раздвинула столъ, вставила въ него двѣ доски и стерла всюду пыль: отодвинула ближе къ стѣнѣ высокіе сѣрые каменные горшки, обвязанные свиными пузырями и длинными рядами стоявшіе подъ обоими окнами.

Здѣсь очень хорошо сохранялось варенье, такъ какъ обыкновенно тутъ не топили. Но сегодня она затопила. Затхлая теплота чувствовалась уже въ рѣдко провѣтриваемой комнатѣ, въ которой никогда никто не сидѣлъ.

Лена дѣловито бѣгала туда и сюда, у нея была полна голова заботъ. Сегодня вечеромъ явится вся семья, а ей надо еще начинить трехъ гусей и посмотрѣть, какъ будутъ снимать кожу съ толстыхъ угрей, которые долженъ былъ принести ей работникъ.

— Готфридъ,—сказалъ Іоганнъ,—намъ уже давно пора поговорить объ Августѣ. И заняться немножко Яковомъ!

— А, судебное засѣданіе. Ладно!

— Позови насъ къ себѣ, зять. Мнѣ было бы непріятно ради матери—въ ея собственномъ домѣ, тогда это выходитъ, какъ будто они ея гости—а мать, мать—она всегда такая.

— Да, да, я ужъ понимаю,—смѣясь перебилъ Готфридъ запинающагося оратора. — Мать должна имъ прочитать основательную проповѣдь. Отлично!

Августу не позвали, это дѣло лучше обсудить безъ нея. Но Якова пригласили, и онъ обѣщалъ прійти; присутствіе его жены не было необходимо.

Въ половинѣ седьмого всѣ уже собрались. Дѣтей рано уложили, ставни закрыли, никто не могъ подслушать. Теперь можно было начинать.

За столомъ, уже накрытымъ, сидѣла старуха Бадекова; сегодня на ней былъ надѣтъ парадный чепчикъ съ золотыми кружевами.

Маріанна сидѣла въ креслѣ въ черномъ шелковомъ платьѣ. Молодая вдова одѣвалась всегда, когда только было возможно, въ шелкъ, туго обтягивавшій ея полный бюстъ. Готфридъ испытывалъ всегда непреодолимое желаніе немножко побарабанить по этой груди.

Обѣ женщины сидѣли чинно и молчаливо.

Мѣсто рядомъ съ старухой Бадековой на диванѣ заняла жена Якова; она казалась еще болѣе истощенной и состарѣвшейся рядомъ съ пышной свѣжестью милліонерши. Юлія являлась чрезвычайно рѣдко въ Темпльгофъ. Но ее здѣсь встрѣтили какъ подобало, и она осталась довольна.

— Ну, наконецъ-то и вы изволили показаться у насъ!—сказалъ Литцовъ.—Мнѣ кажется, съ тѣхъ поръ, какъ вы осчастливили Якова, за всѣ семь лѣтъ вы не были здѣсь и семи разъ!

— Это не моя вина,—отвѣтила она поспѣшно.

Разговоръ не клеился.

Безпокойно бѣгали глаза Юліи по комнатѣ. Она старалась прочесть на лицахъ, нравится ли она, производитъ ли она надлежащее впечатлѣніе? Она всегда была неувѣрена.

Она долго колебалась: итти или не итти? Ей не хотѣлось итти. Но Яковъ посовѣтовалъ остаться дома, и именно потому она пошла. Теперь она его жена, а то, что она была раньше служанкой, никого не касается. И никто не долженъ замѣтить, что ребенкомъ она стерегла босикомъ гусей у богатой жены эконома и служила дѣвочкой на побѣгушкахъ у маленькаго лавочника совсѣмъ далеко на Пренцлауэръ-Алле первое время своего переѣзда въ городъ. Теперь она барыня, теперь у ея мужа большой магазинъ, теперь она жила въ собственномъ домѣ, теперь она одѣвалась по-городскому. Бывшая служанка считала очень важнымъ одѣваться по послѣдней модѣ.

Старуха Бадекова всегда носила юбку по одной выкройкѣ, собранную въ сборкахъ кругомъ, и гладкій лифъ съ черными кокосовыми пуговицами и съ маленькимъ кругомъ. Лена Литцова снимала большой фартукъ съ рукавами, только когда выходила на улицу, да и то не всегда; и даже тяжелый шелковый нарядъ богатой вдовы напоминалъ унаслѣдованный отъ поколѣнія къ поколѣнію фасонъ крестьянскаго платья.

Юлія Бадекова, напротивъ, задыхалась въ оборкахъ и блондахъ, въ воланахъ и украшеніяхъ. Волосы она себѣ подрѣзала и причесалась сегодня у парикмахера. Съ видомъ горожанки, знающей моды, скользилъ ея взоръ по скромно причесаннымъ, гладкимъ проборомъ посрединѣ, волосамъ богатой вдовы. Она разгля-

дывала Маріанну съ головы до ногъ. Это была любимая сестра ея мужа, о которой онъ часто говорилъ! Выраженіе ревности исказило ея лицо. Потомъ ея взглядъ остановился на Яковѣ: это былъ *ея* мужъ, *ея* мужъ, онъ принадлежалъ ей одной!

Яковъ стоялъ, прислонясь къ изразцовой печи, ему было здѣсь холодно. Онъ такъ давно не пріѣзжалъ сюда. Іоганнъ дѣлалъ страшно серьезное лицо, а Готфридъ сейчасъ же спросилъ:

— Ну, какъ подвигается новая постройка?

Онъ чувствовалъ, что они не одобряли его предпріятій. Но не все ли ему равно? Конечно, нѣтъ. Онъ всетаки былъ привязанъ къ нимъ, хотя уже совсѣмъ отвыкъ отъ этой среды. У Готфрида свѣтлая голова, онъ *долженъ* понять, когда Яковъ объяснитъ ему, какъ необычайно выгодно строить теперь.

Яковъ живо развивалъ эту идею. Спросъ на квартиры былъ огромный. Если онъ будетъ считать за двѣ квартиры въ первомъ этажѣ по двѣ тысячи талеровъ, за квартиры во второмъ—тысячу пятьсотъ, въ третьемъ—по тысячѣ, то въ четвертомъ этажѣ ему уже достаточно брать за каждую по четыреста талеровъ, и онъ уже будетъ имѣть слишкомъ достаточно. Затраченный капиталъ принесетъ ровно семь процентовъ!

— А гдѣ ты будешь жить?—спросилъ Готфридъ.

— Ну, разумѣется, не въ первомъ этажѣ!

Яковъ разсмѣялся.

Онъ разгорячился, высказывая вслухъ свои широкіе планы.

— Мы займемъ квартиру во второмъ этажѣ. Можно считать, что она мнѣ ничего не будетъ стоить, если принять во вниманіе, какъ расширится мой магазинъ. А внизу, подъ магазиномъ, будетъ помѣщеніе акціонернаго потребительнаго общества. Вы должны посмотрѣть эти помѣщенія—они великолѣпны! Приходите же когда-нибудь, посмотрите все это!

Въ его тонѣ чувствовалась сердечность,—я буду вамъ такъ радъ!

— Да, да, мы какъ-нибудь зайдемъ, — сказалъ Литцовъ, и Іоганнъ кивнулъ головой.

— Но скажи мнѣ только,—съ любопытствомъ продолжалъ разговоръ Готфридъ, хватая Якова за пуговку жилета,—откуда ты взялъ деньги на постройку?

— *Я* ему не давала,—быстро сказала Маріанна и покраснѣла.

Яковъ добродушно улыбнулся ей:

— Нѣтъ, нѣтъ не ты, Янхенъ, тебѣ незачѣмъ оправдываться. Денегъ теперь можно получить сколько угодно,—объявилъ онъ, обращаясь къ обоимъ мужчинамъ.—Строительный банкъ даетъ

капиталъ въ ссуду. Въ первый годъ не надо даже платить процентовъ. Такимъ образомъ строитъ теперь весь міръ!

— Ахъ,—сказалъ Іоганнъ.

Литцовъ тихонько свистнулъ.

Нѣкоторое время въ комнатѣ царила тишина, пока Готфридъ не началъ снова:

— Акціонерное потребительное общество—что это собственно значитъ? Кто еще въ числѣ основателей, кромѣ тебя?

— О, цѣлая масса людей. Черезъ нѣкоторое время акціи будутъ циркулировать на биржѣ!

— На биржѣ?

Съ дивана раздалось испуганное восклицаніе. Это заговорила старуха Бадекова; она вся поблѣднѣла.

— Но, мамочка!—Якова забавлялъ ужасъ матери.—Что съ тобой? Что вы себѣ представляете подъ биржей? Для васъ это какое-то страшилище! Это чрезвычайно благодѣтельное учрежденіе. Безъ биржи не существовало бы міровой торговли, вообще никакого мірового оборота, никакой связи между сѣверомъ и югомъ, между востокомъ и западомъ, между старымъ и новымъ свѣтомъ. Биржа совершенно интернаціональна. Она соединяетъ всѣхъ людей. Она смѣшиваетъ богатыхъ и бѣдныхъ. Благодаря ей почти не существуетъ безнадежной бѣдности—завтра бѣднякъ можетъ стать богатымъ человѣкомъ!

— И богатый бѣднякомъ!—сухо сказалъ Готфридъ, состроивъ при этомъ смѣшную гримасу, но никто не засмѣялся.

Мимолетная досада вспыхнула на лицѣ Якова, но онъ остался въ прежнемъ хорошемъ настроеніи, онъ *не хотѣлъ* утратить его.

— Каждый понимаетъ въ мѣру своего разумѣнія,—выразилъ онъ, пожимая плечами.—Но потомъ онъ положилъ руку на плечо Готфрида. Дѣтская беззаботность освѣтила его пріятное лицо.—Подожди, дружокъ, мы еще поговоримъ объ этомъ. Я полонъ самыхъ твердыхъ упованій. Уже много лѣтъ я не былъ такъ доволенъ—Боже мой, жизнь такъ однотонна, такъ скучна! Торчать всегда за прилавкомъ? И лѣзть изъ кожи вонъ? Теперь я живу въ самомъ пріятномъ оживленіи, я только теперь началъ жить, теперь наконецъ меня что-нибудь интересуетъ. Я...—Онъ вдругъ умолкъ. Его взглядъ встрѣтился съ взглядомъ его жены.

Юлія пожирала своего мужа глазами. Яркій румянецъ выступилъ на ея лицѣ; на щекахъ горѣли два красныхъ пятна.

— Что ты говоришь?—воскликнула она пронзительно.—А мы, мы для тебя ничто?! Я?! Мои дѣти?! Ничего у тебя не было, что тебя интересовало?! Что тебѣ доставляло радость?! Только теперь

ты нашелъ? Хорошій малый!—Она почти надрывалась.—Онъ отрекается отъ меня, когда приходитъ къ своимъ богатымъ родственникамъ, вдругъ я становлюсь для него недостаточно хороша, я...

— Пст!

Готфридъ быстро подбѣжалъ къ дрожавшей, возбужденной женщинѣ; она вскочила съ дивана, онъ силой посадилъ ее обратно и похлопывалъ по плечу:

— Онъ совсѣмъ не это имѣлъ въ виду, фрау Юлія!

— Совсѣмъ не это имѣлъ въ виду! — торопливо повторилъ Яковъ его слова, глухимъ голосомъ. Его за минуту передъ тѣмъ оживленное лицо потеряло всякій блескъ; онъ имѣлъ усталый, измученный, постарѣвшій видъ. Въ тонѣ звучало нескрываемое раздраженіе.—Юлія меня не понимаетъ!—Онъ пожалъ плечами.—Она не можетъ меня понять. Мужчина долженъ имѣть занятіе, которое его заполняетъ. Она не представляетъ себѣ, что я не могу всегда нянчиться съ дѣтьми!

— О, ты, нянчиться съ дѣтьми! Цѣлый день онъ бѣгаетъ изъ дому!—Женщина разразилась сердитыми слезами, она обвиняла теперь своего мужа передъ его родственниками. Она скажетъ, наконецъ, каковъ онъ всегда! Вся голова у него набита пустяками, глупостями, которыя ни одного пфенинга не приносятъ. О магазинѣ онъ совсѣмъ не заботится, предоставилъ все этому болтуну, который навѣрно его надуваетъ. Всегда ему надо что-нибудь обсуждать — вѣчныя „конференціи“,—говоритъ онъ сегодня, и завтра и оставляетъ ее вѣчно одну. Ничего она больше отъ него не имѣетъ, потому что когда онъ наконецъ приходитъ, голова его полна другимъ. Новый домъ, который стоитъ на той сторонѣ улицы, противъ нихъ, который теперь уже выстроенъ, этотъ домъ свелъ его съ ума, онъ виноватъ во всемъ! — Проклятый домъ! Пусть громъ сразитъ его! Проклятый балаганъ!—Какъ извозчикъ, бранилась одѣтая по-модному женщина.

Яковъ вздрагивалъ при каждомъ ругательствѣ.

Добродушный Готфридъ жалѣлъ его: какъ *онъ* попался! Еще хуже съ женой, чѣмъ съ постройкой и съ акціонернымъ потребительнымъ обществомъ. Ему было жаль Якова, и онъ хотѣлъ перевести разговоръ на другую тему; нельзя сказать, чтобы онъ сдѣлалъ это удачно:

— Ну, а какъ обстоитъ дѣло съ альтенбургской сахарной фабрикой, съ знаменитой промышленной компаніей?

— Хорошо,—коротко отвѣтилъ Яковъ.—Это былъ его любимый проектъ, и онъ рѣшилъ сегодня убѣдить своихъ родныхъ сдѣлаться акціонерами; по крайней мѣрѣ, на Маріанну онъ разсчи-

тывалъ навѣрняка, но теперь онъ тщетно искалъ подходящихъ словъ,—словъ, которыя имѣли бы размахъ и давали бы крылья. Онъ не могъ стряхнуть съ себя безнадежной усталости, вдругъ овладѣвшей имъ. Ахъ, эта Юлія, эта Юлія, какъ могла она осрамить такъ и себя, и его?!

Въ комнатѣ стояла тишина, пронзительный голосъ женщины замолкъ, но эта тишина не менѣе тяжело дѣйствовала на слухъ мужа.

Медленно и разсудительно заговорилъ теперь Іоганнъ—онъ все еще крѣпко думалъ о квартирахъ въ новомъ домѣ Якова:

— А если у тебя будутъ пустовать одна или двѣ квартиры?!— Этого ему не слѣдовало говорить; такой оплошности не случилось бы, если бы здѣсь была его Грета. Но она пришла позднѣе, она укладывала близнецовъ.—Если у тебя будутъ пустовать одна или двѣ квартиры?—Онъ упрямо повторялъ свое.

— Онѣ не будутъ пустовать,—закричалъ Яковъ раздраженно. Теперь еще и братъ начнетъ его мучить?!—Мой домъ тотчасъ займутъ. Я въ мгновеніе ока избавлюсь отъ квартиръ. Въ Берлинѣ нехватаетъ квартиръ. Развѣ вы не читаете газетъ? Что вы, съ неба свалились? Толпами приходятъ люди къ заставамъ— они разбиваютъ себѣ досчатыя палатки—здѣсь на полѣ вы можете это видѣть каждый день. Квартирная нужда не поддается описанію. Люди живутъ въ старыхъ вагонахъ!

— Ну, тѣ, которые помѣщаются въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ и на Темпльгофскомъ полѣ, не возьмутъ твоей квартиры въ двѣ, полторы и т. д. тысячи. Это пріѣзжіе изъ провинціи, маленькіе, совсѣмъ маленькіе люди. Они здорово попались, если думаютъ, что въ Берлинѣ улицы вымощены талерами. Милый другъ, ты назначилъ чертовски высокія цѣны. И кто захочетъ ихъ платить, тотъ не переѣдетъ непремѣнно въ *твой* домъ!

— Почему же нѣтъ?—обиженно вспыхнулъ Яковъ.

— Ахъ, оставьте,—сказала Маріанна.—Она встала со своего мѣста и подошла къ мужчинамъ, стоявшимъ около печки.—Онъ навѣрно сдастъ свои квартиры. Не правда ли, Яковъ?

Онъ не разслышалъ умиротворяющихъ нотъ въ голосѣ сестры. Онъ былъ слишкомъ раздраженъ сегодня. Его нервность нашла исходъ въ пронзительномъ смѣхѣ:—Боже, эти мужики, эти мужики! Они не видятъ ничего дальше своего носа. И правда, гдѣ ужъ тутъ духовныя способности развивать, когда человѣкъ вѣчно тащится за плугомъ или возитъ навозъ!

— Ого, не насмѣхайся надъ крестьянскимъ сословіемъ!—Теперь даже Литцовъ раскраснѣлся.

А Іоганнъ сказалъ укоризненно:—Попадешься ты съ своими квартирами, вотъ увидишь. Богатые люди не переѣзжаютъ въ домъ, гдѣ внизу помѣщается магазинъ. Они живутъ около Тиргартена или на Бельвюштрассе!

— Много ты понимаешь! Фридрихштрассе лучшая мѣстность!— Отъ раздражительности у Якова перехватывало голосъ, и чѣмъ больше онъ чувствовалъ нѣкоторую справедливость въ возраженіяхъ Іоганна, тѣмъ онъ становился раздраженнѣе.—Крестьянинъ остается крестьяниномъ. Собирай лучше свои талеры въ чулокъ и прячь ихъ въ мѣшокъ съ сѣномъ!

— Яковъ, Яковъ!—Маріанна заслонила его всей своей мягкой полной фигурой.—Почему ты такъ разсердился?

— Какъ же не разсердиться! Тащишься сюда въ эту даль, и слышишь одни только упреки.—Братъ хотѣлъ оттолкнуть ее отъ себя.

Но она его не отпускала. Она гладила его по обѣимъ щекамъ своей рукой, на которой широко блестѣли два обручальныхъ кольца; у нея была красивая рука съ ямочками, не обезображенная грубой работой.

— Милый братъ, мы тебя не упрекаемъ. Мы всѣ тебя такъ любимъ. Мы только безпокоимся за тебя!—Ея голосъ звучалъ мягко. Весь запасъ нѣжности, который вдовѣ не на кого было излить, придавалъ ея голосу сердечность, трогавшую за душу.

Морщины на лбу Якова разгладились.—Да, ты, Янхенъ, ты желаешь мнѣ добра, я это знаю!—сказалъ онъ, собираясь положить руку вокругъ ея таліи, какъ вдругъ рѣзкій голосъ жены заставилъ его вздрогнуть.

Юлія встала съ дивана. Она подскочила къ печкѣ и страстно оттолкнула своего мужа отъ сестры.

— Пойдемъ, нечего тебѣ тутъ оставаться и выслушивать оскорбленія!? Въ этомъ ты не нуждаешься. Скорѣй, скорѣй, уйдемъ отсюда!—Она схватила его подъ руку и толкала къ выходной двери. Яковъ слабо упирался, не имѣя силъ оказать ей сопротивленіе.

— Да, нѣтъ же нѣтъ, вы не захотите насъ *такъ* обидѣть, невѣстушка! Яковъ, да оставайся же!—Готфридъ выходилъ изъ себя, онъ схватилъ за рукавъ сердито отбивавшуюся Юлію, но она вырвалась съ такой силой, что кусочекъ ея кружевной оборки остался въ его рукѣ.

Это разсердило ее еще больше: какъ, и кружева ей тутъ будутъ рвать?!—Намъ здѣсь нечего дѣлать, и вамъ у насъ нечего дѣлать. Я и мой мужъ не нуждаемся въ вашей мудрости. Мой

мужъ въ два раза умнѣе васъ всѣхъ. Провались вы всѣ пропадомъ!—Она сдѣлала гримасу, придавшую ея лицу страшно грубое выраженіе.

Маріанна въ испугѣ отскочила; съ громаднымъ состраданіемъ смотрѣли ея глаза на брата: бѣдняга! Ахъ, да, это ужасно жить въ бракѣ, когда другъ къ другу не подходишь! Глубокій вздохъ вырвался изъ ея груди.

И этотъ вздохъ Юлія приняла за обиду.—Нечего вамъ его сожалѣть,—закричала она, оборачиваясь къ золовкѣ.—Ему не плохо живется, вашему братцу, вашему любезному братцу! Мой мужъ не нуждается въ вашей любви, у него есть жена и дѣти. Семеро дѣтей, которыхъ я, я,—она съ такой силой ударяла себя рукой по впалой груди, что это заставляло ее вздрагивать,—*я* ему родила! *Объ насъ* онъ долженъ заботиться. А вы—фу, стыдитесь, стыдитесь становиться между мужемъ и женой! Заботьтесь о своихъ мѣшкахъ съ золотомъ или раздобудьте себѣ кавалера, если вамъ такъ не втерпежъ. *Мой* мужъ...

— Юля!

Теперь уже Яковъ тащилъ ее изъ комнаты.

Въ эту минуту въ дверь входила Лена. До тѣхъ поръ она хлопотала на кухнѣ и только что собиралась возвѣстить: „какъ только придетъ Грета, можно приступить къ ужину“. Парочка едва не сшибла ее съ ногъ.

Съ полнымъ недоумѣніемъ въ лицѣ смотрѣла хозяйка, какъ ея гости срывали съ вѣшалки въ сѣняхъ пальто и шляпы и выскочили на улицу.

— Что случилось?

Никто ей не отвѣтилъ. Мертвая тишина стояла въ гостиной. По лицу Маріанны катились крупныя слезы.

Наконецъ Готфридъ откашлялся.

— Бѣдный малый,—проговорилъ онъ такимъ голосомъ, точно и у него въ горлѣ стояли слезы.

— Гмъ!

Іоганнъ кивнулъ головой въ знакъ согласія. Но потомъ онъ заговорилъ со всѣмъ достоинствомъ главы семьи и безупречнаго во всѣхъ отношеніяхъ мужа:

— Зачѣмъ Яковъ на ней женился! Теперь онъ за это платится. Если между ними что и было—ну, такъ что-жъ,—но къ чему же было жениться. На такой кухаркѣ!

Онъ почесалъ себѣ затылокъ.

Тутъ старуха Бадекова встала съ дивана: до этой минуты она

сидѣла неподвижно, сложивъ руки на колѣняхъ, и не произнесла ни одного слова. Теперь она заговорила:

— Что Яковъ на ней женился, это я нахожу правильнымъ. Но что онъ не затыкаетъ ей ротъ во-время, за это я на него сердита. Каждый человѣкъ — кузнецъ своего счастья — ахъ, мой бѣдный мальчикъ!—Неожиданная боль задрожала въ ея голосѣ; никогда не чувствовала она такъ сильно, какъ въ эту минуту, свою любовь къ Якову.

— Я побѣгу за ними, я верну его,—воскликнулъ Готфридъ.—Мадамъ я беру на себя; это, правда, нелегкое дѣло, но я ужъ съ ней справлюсь. Я ей заговорю зубы!

Лена хотѣла его удержать:

— Не вмѣшивайся въ чужія дѣла!

Но онъ не внялъ бы женѣ, если бы не энергичный протестъ матери:

— Я не хочу его теперь видѣть. Я не могу. Ему будетъ слишкомъ стыдно. Нѣтъ, нѣтъ, оставь!—Она глубоко вздохнула и потомъ прибавила въ совершенно другомъ тонѣ:—Гдѣ же Грета? Пора намъ и ужинать!

Вначалѣ настроеніе было очень подавленное. Маріанна все время утирала слезы; не грубыя слова Юліи заставляли ее плакать: *такая* особа не могла ее оскорбить. Хотя она и шепнула матери:—Кушай! Я не оставлю его въ бѣдѣ,—но даже и ей угорь показался сегодня слишкомъ жирнымъ, несмотря на прекрасное пищевареніе.

— Сердце какъ масло,—улыбался Готфридъ, косясь на полный бюстъ невѣстки.—У него чесались пальцы. Онъ первый оправился. Сердце Литцова было обширно, но и желудокъ тоже: Лена варила на славу.

Она ужъ собиралась надуться:—Совсѣмъ не стоило для васъ варить. Мать и Маріанна ничего не берутъ.—Но теперь Лена сіяла примиренная.

Грета тоже ѣла безъ обычнаго аппетита. Она прибѣжала въ послѣднюю минуту, вся красная, ее разозлила Мика. Дѣвушка знала, что она должна присмотрѣть за близнецами, когда Грета уходитъ—дѣтей нельзя оставить однихъ; они шумятъ какъ дикари и бросаются подушками—но пробило уже семь часовъ, половина восьмого, три четверти, а Мика не являлась. Наконецъ, она изволила прибыть, эта глупая особа. Съ каждымъ днемъ она становилась жирнѣе отъ безделья; она основательно распустилась. Грета не могла сдержаться и дала ей пощечину; она еще дрожала отъ злобы.

— Отчитайте вы ее какъ слѣдуетъ,—набросилась она на свекровь.—Вы слишкомъ мягки съ ней, если бы она была моя дочь—ого!

— Твои дѣти еще малы—подожди пока они вырастутъ,—сказала Бадекова.

Она сказала это безъ всякаго раздраженія, но Іоганнъ счелъ нужнымъ заступиться за жену.

— Грета права, матушка. Съ нами ты всегда была очень строга, а Микѣ все прощаешь. Я каждый день злюсь, глядя на нее—какъ глупо и безсмысленно она проводитъ время!

— Да,—энергично продолжала Грета,—хорошо, что объ ней зашла рѣчь. Я уже давно хотѣла вамъ сказать, мамаша: Мика ведетъ себя Богъ знаетъ какъ. Намедни вижу, подымается она въ конюшнѣ по лѣстницѣ—туда наверхъ, гдѣ куры несутъ яйца—а нашъ работникъ стоитъ внизу, смотритъ на нее, и,—внучка дѣдушки Шелльнака сдѣлала паузу, чтобы выставить въ надлежащемъ свѣтѣ свои дальнѣйшія слова,—и—и щиплетъ ее за икры!

— Чтобъ тебя! Ха-ха-ха-ха!—Готфридъ разразился громкимъ хохотомъ.

Но Іоганнъ сказалъ обиженно:

— Перестань смѣяться!—Онъ былъ возмущенъ.—Она должна по крайней мѣрѣ понимать, кто она такая, если она вообще ничего не понимаетъ. Почему ты не сказала мнѣ этого раньше, Грета. Я ей наложилъ бы такъ, что она три дня не смогла бы сидѣть. Я ее проучу!—Онъ былъ внѣ себя.

Ганна Бадекова кивала головой на всякое слово, которое произносилъ ея старшій сынъ, но въ ея киваніи было больше скорби, чѣмъ одобренія.

— Ахъ, ну будетъ уже,—попросила Маріанна, подмигивая брату и невѣсткѣ.—У мамы сегодня было, право, достаточно непріятностей!

— Ну, я полагаю, что мы собрались сегодня, чтобы обсудить нѣкоторыя дѣла,—довольно рѣзко отвѣтила Грета.

— Ну, да, правда—но всетаки!—Готфридъ былъ совершенно согласенъ съ Маріанной: нельзя же такъ нападать на старую женщину. И наконецъ, можно сначала спокойно покушать.

Онъ храбро приступилъ къ ѣдѣ, и вслѣдъ за нимъ усерднѣе стали угощаться и остальные. Надо было сознаться, вареный въ зелени угорь,—спеціальность Лены! Готфридъ выуживалъ своей вилкой въ общей мискѣ коренья, которые онъ ѣлъ особенно охотно. Іоганнъ тоже любилъ зелень, обѣ вилки встрѣтились въ вкусной подливкѣ. Настроеніе повысилось.

Готфридъ шепнулъ Маріаннѣ:

— Счастье Августы, что ея очередь придетъ послѣ ужина,— и потомъ весело крикнулъ своей женѣ:—Ну, Леночка, нельзя ли продолженіе! Отъ угря ничего не осталось, покажи-ка свое искусство на гусѣ!

Гуси были коричневые, поджаристые и нѣжны на вкусъ, какъ настоящіе осенніе гуси, хотя сезонъ ихъ уже прошелъ. Къ нимъ былъ сервированъ салатъ изъ соленыхъ огурцевъ, имѣвшихъ вкусъ совершенно свѣжихъ.

Готфридъ ничѣмъ не хотѣлъ поступиться: жаль соуса, который оставался. Онъ поднесъ свою тарелку ко рту и съ наслажденіемъ прихлебывалъ его. Остальные поступили такъ же.

На улицѣ безшумно падалъ крупный, мокрый снѣгъ. Холодное великолѣпіе гостиной было теперь согрѣто запахомъ кушанья и угощавшихся людей. Становилось очень уютно. У Литцовыхъ было вполнѣ приличное красное вино, которое вытащили теперь изъ-за печки. Кто изъ дамъ желалъ получить сладкій ликерчикъ, могъ удовлетворить своему желанію. Но Грета предпочла кюмель— „послѣ такой жирной ѣды!"—а такъ какъ это была хорошая мысль, то и Іоганнъ попросилъ себѣ рюмочку. Всѣ выпили по рюмкѣ. А потомъ наступилъ чередъ и красному вину.

Красныя щеки Греты раскраснѣлись еще больше обыкновеннаго. У всѣхъ были разгоряченныя головы. И—удивительный фактъ— несмотря на то, что ужинъ былъ разсчитанъ еще на два человѣка, и эти порціи оказались съѣденными.

Наступилъ подходящій моментъ расправиться съ Августой; теперь ей попадетъ не такъ сильно. Готфридъ воспользовался минутой, когда Іоганнъ вытеръ ротъ, и, вынимая салфетку, заткнутую за воротъ рубашки, со стономъ произнесъ:

— Ну, теперь я, кажется, сытъ!

— Однако, мы всетаки провели пріятный вечеръ,—произнесъ Готфридъ и щипнулъ въ круглый бокъ свою Лену, нагнувшуюся какъ разъ въ эту минуту надъ столомъ, чтобы унести блюдо съ костями гуся.—Нѣтъ ничего лучше, какъ такая согласная семья. Жаль, что Яковъ убѣжалъ и что Августа не могла быть здѣсь!

— Почему она не могла? Она могла бы, если бы захотѣла!— Урожденная Шелльнакъ обратилась къ своей невѣсткѣ Ленѣ:— Почему она не бросаетъ его? Развѣ я не говорила этого нѣсколько лѣтъ назадъ, когда ухаживаніе было еще въ полномъ разгарѣ: ему нужны только ея деньги. Говорила я это, или не говорила?

Лена утвердительно кивнула:

— Да, Грета это говорила. Но они всѣ это говорили.

Нѣтъ, *она* сказала это первая! Грета настаивала на своемъ первенствѣ, Грета торжествовала.

— Меня никто не проведетъ!

— Д-а-а-а, я умна и мудра,—запѣлъ Готфридъ.

— Ахъ, замолчи же,—оборвалъ его Іоганнъ.—Съ Августой дѣло обстоитъ слишкомъ серьезно.

— Развѣ вы думаете, что онъ съ ней дурно обращается?—спросила вдругъ мать задрожавшимъ голосомъ.

Готфридъ пожалъ пчечами.

— Отъ ея приданаго не осталось ни гроша, за это можешь быть спокойна,—сказалъ Іоганнъ.—Этотъ прохвостъ уже давно спустилъ все. А теперь онъ сидитъ въ западнѣ!

— Да, да, это ей извѣстно!—Старая женщина приняла равнодушный видъ. Ей не нравилось, что Іоганнъ такъ беззастѣнчиво выносилъ все наружу; онъ же зналъ, что она предпочитала, чтобы все, что только могло быть скрыто, оставалось въ семьѣ. И Грета такъ рѣзка! Взоръ, который она бросила на своего старшаго сына, выражалъ неудовольствіе, но Іоганнъ объяснилъ его себѣ иначе.

— Матушка, не волнуйся, — сказалъ онъ, тяжело кладя свою руку на ея рукавъ.—Я хотѣлъ тебѣ только сказать: съ Пашке дѣло дрянь. На его сигарномъ магазинѣ висятъ записки: *Распродажа!* Да, вся музыка пойдетъ теперь съ аукціона. Кредиторы хотятъ по крайней мѣрѣ что-нибудь получить!

— А хоть бы и такъ.—Бадекова улыбнулась.—Неужели они думаютъ, что это ее волнуетъ?! Не все ли ей равно, есть ли у него нѣсколько ящиковъ съ сигарами или нѣтъ!

— Что ты говоришь!—Іоганнъ недовольно покачалъ головой.—Я тебя сегодня совсѣмъ не понимаю. Пашке теперь крышка. Сигары, вся мебель въ магазинѣ, вообще все, что тамъ есть, уже не принадлежитъ ему. Я получилъ отъ него письмо—вотъ оно!—Онъ вынулъ письмо изъ бокового кармана.—О, *писать* этотъ господинъ умѣетъ!

Онъ прочелъ вслухъ письмо. Пашке писалъ: ему не повезло, его обманули. Онъ далъ нѣкоему Розенталю вовлечь себя въ спекуляціи, совершенно скромныя, маленькими суммами, онъ хотѣлъ такимъ образомъ обставить жизнь своей Августы богаче и пріятнѣе, но все это приняло совершенно иные размѣры. Онъ былъ увлеченъ въ общій потокъ противъ своей воли, онъ жертва времени, они его эксплуатировали, Розенталь обманулъ его, воспользовался его простодушіемъ и т. д.

— Посмотрите-ка на него!—Готфридъ не могъ больше сдержи-

ваться.—Только ради Августы онъ пошелъ на биржу!? Мышей ловять на сало, думаетъ онъ. Конечно!

— Это не такъ еще плохо съ его стороны,—сказала Бадекова.—Развѣ ему нельзя было простить, что онъ хотѣлъ создать Августѣ болѣе пріятную и богатую жизнь?—Но тутъ ей вспомнилось блѣдное лицо Августы, ея безрадостное выраженіе, глаза, въ которыхъ было какое-то безнадежное отчаяніе, и она испуганно замолчала.

Іоганнъ сердился больше, чѣмъ казалось сначала. Злоба, вѣроятно, накипала въ немъ медленно,—какъ это было въ его характерѣ,—но зато засѣла основательно.

— Такой негодяй!—Онъ ударилъ ладонью по письму, которое лежало передъ нимъ.—Онъ пишетъ еще, что хочетъ открыть банкирскую контору! Посредническую контору для гипотекъ, закладныхъ листовъ, для распространенія лотерейныхъ билетовъ и т. п. Онъ выучился этому отъ своего друга Розенталя; онъ сумѣлъ бы теперь такъ же хорошо, какъ и тотъ, заниматься маклерскими дѣлами!

— И какими еще!—Литцовъ насмѣшливо улыбнулся.—Не предложилъ ли онъ тебѣ тутъ же нѣсколько лотерейныхъ билетовъ? Саксенъ-мейнингенскія, гамбургскія, любекскія или еще какія-нибудь другія запрещенныя лотереи?

— Нѣтъ, но онъ проситъ меня, чтобы я,—мы,—онъ хочетъ получить въ ссуду основной капиталъ. Совсѣмъ маленькую ссуду—ровно столько же, сколько дали Августѣ въ приданое!

— Но ты не дашь?

Грета испуганно схватила мужа за руку.

— Ничего я не отвѣчу этой свиньѣ!—грубо закричалъ Іоганнъ.

Мать слушала съ сверкающими глазами, опустивъ голову, какъ растеніе во время грозы; но теперь она спокойно посмотрѣла на своего старшаго сына.

— Тогда *я* ему напишу. *Одинъ разъ* я дала Августѣ уйти—и жалѣю объ этомъ. Я не хочу потерять свое дитя!

— Что, она была у тебя?! Они уже клянчили у тебя?—всѣ набросились на мать.

Она утвердительно кивнула головой. Печальныя думы собрали морщины на гладкомъ здоровомъ лицѣ старой женщины.

— Да разскажите же! *Когда* она приходила?—снѣдаемая любопытствомъ, приставала Грета къ свекрови.

Но Ганна Бадекова ничего не разсказала. Въ ея сердцѣ была тихая скорбь. Ея Августа, ея бѣдная Августа! Ахъ, почему она тогда отпустила свое дитя! Теперь она овладѣла собой и, какъ

прежде, спокойно посмотрѣла на своего старшаго сына, а потомъ по очереди на всѣхъ остальныхъ.

— Тогда я дамъ ему въ ссуду этотъ капиталъ!

Всѣ закричали.

— Ты сошла съ ума?—сказалъ Іоганнъ.

Онъ былъ внѣ себя.

— Іоганнъ!—Маріанна посмотрѣла на него со всей злобой, на какую вообще была способна. Она положила свою красивую руку на рабочіе пальцы своей матери.—Оставь, я помогу Августѣ. Тогда они не будутъ имѣть права такъ кричать.

Она посмотрѣла на всѣхъ укоризненно.

Іоганнъ сконфуженно отвелъ глаза. Ему было стыдно; онъ искалъ сочувствія у шурина.

Готфридъ сердился:

— Вотъ ужъ это чисто по-женски! Теперь они будутъ ссориться, старая и молодая, кому сдѣлать это доброе дѣло, и совершатъ при этомъ величайшую глупость. Черезъ мѣсяцъ твои деньги полетятъ въ трубу, милая Маріанна, а если ты еще дашь, и тѣ полетятъ. Этотъ малый, какъ рѣшето, черезъ него все протекаетъ!

— Но нельзя же оставить Августу въ бѣдѣ,—съ досадой возразила добродушная вдова.

Она никогда не чувствовала особой привязанности къ вѣчно ноющей сестрѣ, но теперь жалѣла ее отъ души. Ей было стыдно: и *ей* она позавидовала?! Впрочемъ, Августа и теперь достойна зависти, несмотря на все? Она любила своего мужа! Богатая вдова вздохнула.

— Августѣ надо помочь,—энергично заявила старуха Бадекова.

Конечно, они всѣ хотятъ помочь, само собою разумѣется! Оба мужчины были въ этомъ совершенно согласны. Іоганнъ, повидимому, жалѣлъ о своей грубости и, предоставивъ слово шурину, повторялъ только въ знакъ согласія: да, или да, да.

Готфридъ былъ сегодня въ ударѣ. Лена смотрѣла на него съ восторгомъ. Какъ онъ все ясно объяснилъ! Всякій долженъ былъ сознаться, что онъ правъ. Предоставить Пашке требуемый капиталъ—значитъ не оказать Августѣ ни малѣйшей помощи. Завести банкирскую контору—сумасшедшая идея! Съ такимъ же успѣхомъ можно бросить деньги въ помойную яму. Не говоря уже о томъ, что этотъ малый рискуетъ попасть въ конфликтъ съ уголовнымъ уложеніемъ.—Сначала онъ ругаетъ своего друга Розенталя, а потомъ заявляетъ, что научился отъ него!—Готфридъ поднялъ

палецъ.—Ясно, какъ Божій день, что онъ хочетъ заняться не совсѣмъ чистыми дѣлами. Избави Богъ всякаго связаться съ нимъ!

— Но Августа, Августа!—Въ горящихъ глазахъ матери трепеталъ страхъ.

— Она должна уйти отъ него! Коротко и ясно.—Готфридъ ударилъ кулакомъ по столу.—Вонъ этого молодца, и пусть она вернется сюда—это единственный выходъ. Она должна развестись съ нимъ. Слава Богу, у нея нѣтъ дѣтей!

— Правда, дѣтей у нея нѣтъ!—тихо шепнула эта старая женщина. Она сидѣла, какъ оглушенная громомъ. Но потомъ произнесла съ полной увѣренностью:—Густа этого не сдѣлаетъ!

— Ну, хотите пари?—Готфридъ лукаво разсмѣялся.

— Ты ничего не понимаешь!—Старуха печально посмотрѣла на зятя.—Августа очень привязана къ своему мужу—я это знаю.

Она углубилась въ размышленія. Остальные обмѣнивались взглядами; Готфридъ шепталсяся съ Іоганномъ.

Мать, повидимому, приняла рѣшеніе, она подняла голову:—Кричите сколько хотите. А я всетаки напишу Пашке. Если онъ обѣщаетъ мнѣ вести себя хорошо и если онъ, дѣйствительно, любитъ Августу, я не понимаю, почему бы мнѣ не помочь ему. Получитъ ли она теперь или немного позже, это, право, все равно. Я съ нимъ поговорю!

— Это будетъ величайшая глупость!—Іоганнъ топнулъ ногой.

— Я могу тебѣ сейчасъ сказать, что онъ отвѣтитъ!—Готфридъ опять лукаво разсмѣялся.—Онъ обѣщаетъ тебѣ всѣ блага міра и будетъ до тѣхъ поръ расписывать свою любовь къ Августѣ, пока тебѣ не покажется, что болѣе нѣжнаго и вѣрнаго супруга на свѣтѣ нѣтъ.—Онъ свистнулъ.—Но только правда ли это!

Іоганнъ сочувственно крякнулъ.

— Правда? Правда ли это?—Бадекова широко раскрыла глаза.—Что ты хочешь этимъ сказать?

— Что онъ будетъ ей измѣнять, это я знала въ день свадьбы,—сказала Грета.

— И ради такого молодца ты хочешь выбросить твои—наши—тяжелымъ трудомъ заработанныя деньги?!

Іоганнъ воскликнулъ это съ укоризной. Онъ поблѣднѣлъ отъ негодованія.

— Тяжелымъ трудомъ заработанныя?! — Милліонерша слегка улыбнулась. — Мать заработала ихъ тяжелымъ трудомъ, отецъ, ихъ родители, но не мы?!

— Ты, можетъ быть, нѣтъ?—Зять посмотрѣлъ на нее такимъ лукавымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сострадательнымъ взглядомъ сво-

ихъ голубыхъ глазъ, что она залилась яркимъ румянцемъ и быстро опустила глаза. Ахъ, да, ея милліоны были тяжело заработаны! Готфридъ правъ. Свою молодость ей пришлось отдать за нихъ, свои лучшіе годы! Горькое чувство поднималось въ ней, но она сказала себѣ: можетъ быть, еще не поздно. Она улыбнулась.

— Да ну же, разсказывай скорѣй!—Грета погибала отъ любопытства и придвинула свой стулъ ближе къ Готфриду.

Но Готфридъ сдѣлалъ равнодушное лицо.

— Что такое, что такое?—Обращаясь къ свекрови, онъ сказалъ серьезно:—Если ты, дѣйствительно, убѣждена, въ глубинѣ твоего сердца, твердо убѣждена, что онъ любящій и вѣрный мужъ Августѣ, тогда *дай* ему капиталъ. Тогда я согласенъ!

— Я также,—поспѣшно сказалъ Іоганнъ.

— Утро вечера мудренѣе,—беззвучно отвѣтила Ганна Бадекова. Она встала съ дивана.—Я пойду домой. Я сегодня устала!

Кучеръ изъ Брица быстро заложилъ лошадей. Маріанна хотѣла сначала отвезти мать домой, но та отказалась: нѣтъ, она предпочитаетъ итти пѣшкомъ несмотря на мокропогодицу, она чувствуетъ себя нѣсколько разгоряченной.

Іоганнъ шелъ домой съ матерью и женой. Но онъ все время убѣгалъ впередъ, оставляя обѣихъ женщинъ позади. Онъ все еще сердился на мать. Женщины тоже почти не разговаривали другъ съ другомъ. Въ сѣняхъ, раздѣлявшихъ домъ на двѣ половины, онѣ пожелали другъ другу спокойной ночи нѣсколько холоднѣе обыкновеннаго.

Бадекова удивилась, увидя огонь въ своей комнатѣ. Развѣ Мика еще не спала?!

Но Мики не было за столомъ, на которомъ тускло горѣла лампа. Дѣвушка забилась въ уголъ и сидѣла тамъ на корточкахъ, вся свернувшись.

— Перестань глупить!—Старуха сердилась, сегодня ей было не до шутокъ.—Почему ты еще не спишь?

Она не смотрѣла на дочь. Отвѣтъ ее не интересовалъ, мысли Бадековой были далеко отъ Мики,—ахъ, Боже, Августа, Августа!

Но ея вниманіе было разбужено стономъ.

— Что случилось? У тебя болитъ что-нибудь, Мика?—Мать быстро подбѣжала къ сидѣвшей на корточкахъ въ углу дѣвушкѣ.—Вставай же!

Но Мика не вставала. Она стонала, держась обѣими руками за полные бока.

— Ты, вѣрно, съѣла что-нибудь несвѣжее? Боже мой, Мика!

Мать подняла ее. Это было не легко, дѣвушка находилась въ

полубезсознательномъ состояніи и ничѣмъ не помогала; она была какъ кусокъ дерева. Смертельно блѣдная, лежала Мика въ креслѣ съ вытянутыми ногами, остановившимся взоромъ, отвисшей нижней губой. У нея былъ ужасный видъ.

— Что съ тобой?

Испуганная Ганна развязала дѣвушкѣ шнуровку и всѣ завязки. Ей стало легче. Мика вздохнула свободнѣе, немного краски показалось на ея щекахъ.

— Дать тебѣ глотокъ водки? Или лучше ромашки?

Мика содрогнулась отъ отвращенія.

— Тебя тошнитъ? Говори же! Что ты поѣла? Вспомни!

Больная застонала. Безсмысленно смотрѣла она на мать.

— Я не знаю.

Потомъ она снова потеряла сознаніе.

Хорошій подарокъ! Такъ поздно ночью одна съ этой беззащитной! Какъ помочь Микѣ взобраться наверхъ и уложить ее въ постель? Но Ганнѣ Бадековой не приходило въ голову разбудить Іоганна; она справится и одна. Дѣло обстояло не такъ плохо, какъ казалось. Старуха бодрилась, хотя на душу ея легло тяжелое чувство страха. Боже, что за вечеръ сегодня! Однѣ непріятности. Тутъ есть отъ чего почувствовать свои нервы, если даже до тѣхъ поръ ихъ совсѣмъ и не знала.

Прошло довольно много времени, пока Мика была въ состояніи подняться вверхъ по лѣстницѣ, крѣпко поддерживаемая матерью. Мать дала ей чашку чернаго кофе и основательно натерла уксусомъ виски и подъ ложечкой. Но дѣвушка, повидимому, все еще чувствовала себя очень плохо. Что у нея болѣло? Хоть бы она что-нибудь сказала, глупая дѣвочка!

Но на всѣ вопросы матери Мика безсмысленно молчала; ея глаза, неподвижно устремленные въ одну точку, точно застыли въ большомъ изумленіи.

Тяжелый крестъ приходилось и приходится нести съ Микой!

Долго стояла Бадекова у кровати дочери, которая глубоко зарылась въ подушки. Безпокойство мѣшало Ганнѣ уйти спать внизъ и оставить здѣсь больную одну. Ей могло снова стать худо; ея лобъ, какъ въ припадкѣ, былъ весь наморщенъ. Такъ сдвигала всегда брови Мика въ прежніе годы передъ сильнымъ припадкомъ пляски св. Витта. Ахъ, Боже мой, Мика, ахъ, Боже мой!

У старухи подгибались колѣни. Тяжело ступая, перешла она на другую сторону комнаты, гдѣ стояла кровать Августы, правда, непокрытая, но стоило ли обращать на это вниманіе сегодня. Она легла не раздѣваясь и потушила свѣчу.

Какъ ни утомлена была Ганна Бадекова, такъ утомлена, какъ,

можетъ быть, никогда въ жизни, сонъ бѣжалъ отъ нея. Она слышала, какъ башенные часы били каждый часъ, каждые полчаса, каждую четверть. Какъ колесо вертѣлось у нея въ головѣ: Яковъ, Августа, Августа, Яковъ, и потомъ опять: Мика, Мика.

— Мика!—съ крикомъ проснулась мать, она всетаки забылась, и ей приснился ужасный сонъ. Что съ Микой?! Испуганно вскочила она съ постели Августы и подбѣжала къ Микѣ.

Но дѣвушка не шевелилась. Она лежала совершенно спокойно.

Если бы можно было лучше видѣть! Свѣтилъ ли еще мѣсяцъ, или начинался уже день? Старая женщина чувствовала тоску по дневному свѣту. Часы пробили четыре.

Ганна Бадекова открыла ставни. Звѣзды еще стояли на небѣ, но заря уже занималась. Здѣсь сверху виднѣлось большое пространство, налѣво поля къ Риксбергу, напротивъ—поля къ Брицу. Тамъ по небу раскинулись красноватыя полосы. Ахъ, свѣжій воздухъ! Ганна высунулась изъ окна; предразсвѣтная ночная свѣжесть казалась живительной послѣ тепловатаго, удушливаго воздуха большой, но низкой мансарды. Она жадно дышала. Когда наступитъ день, она снова обрѣтетъ мужество!

Ее испугалъ неожиданный шумъ. На улицѣ раздался пронзительный смѣхъ, похожій на завываніе. Дикое хриплое пѣніе. Подъ липами брели трое кутилъ. Поздно же возвращались они домой изъ кабака! И какой шумъ они производили! Тотъ, что былъ посрединѣ, казался пьянѣе всѣхъ. Онъ едва держался на ногахъ, остальные двое тащили его. Фу, такой пьянчуга! Теперь товарищи покинули его, онъ качался, онъ чуть не упалъ. Пошатываясь и описывая дуги, онъ переходилъ на другую сторону улицу. У Ленгниковъ онъ остановился, пытаясь открыть калитку. Но это ему не удавалось.

Кто же это могъ быть?! Любопытство овладѣло Бадековой. Неужели это Пауль Ленгникъ? Ужасное открытіе: Боже мой, дѣйствительно, онъ!... Онъ держался за рѣшетку и трясъ ее. Глухія безсмысленныя ругательства гулко раздавались по улицѣ. Онъ не могъ больше держаться на ногахъ и упалъ на землю.

О, сынъ Рики, Пауль! Онъ возвращается домой утромъ и въ какомъ состояніи! Ганна Бадекова глубоко вздохнула:

— Ахъ, чего только не бываетъ въ жизни!

Въ трепетной молитвѣ она сложила свои холодныя руки и крѣпко прижала ихъ къ груди: ахъ, онъ пилъ, вѣрно, съ горя, бѣдняга.

Перев. **Ф. О. Ельяшевичъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ.)

О ТОМЪ, ЧЕГО НЕ БЫЛО.

На дворѣ.

Мнѣ девять лѣтъ, и я медленно, сосредоточенно хожу по двору. Дворъ большой, вымощенный крупными неровными булыжниками; съ одной стороны—кухня, противъ нея—прачечная, рядомъ—конюшня, и надъ ней сѣновалъ, куда ведетъ узкая, крутая лѣстница—это лучшее мѣсто во дворѣ; потомъ сарай экипажный, сарай дровяной и оранжерея, и все это обнесено заборомъ—высокимъ, досчатымъ, а за нимъ — лѣсъ. Трудно думать о нашемъ дворѣ—такой онъ большой и такъ много въ немъ всего. Каждый день думаю и не могу всего узнать. Знаю только навѣрно, что это не дворъ, а цѣлый городъ—маленькій, среди дикихъ лѣсовъ, и не русскій, а заграничный, и не теперь, а давно, давно, когда крестовые походы были, въ средніе вѣка. Нѣмецкій маленькій городъ. Вотъ это мѣсто передъ сараемъ—главная площадь, куда народъ сходится на совѣтъ. Она называется... я замѣчаю кучу песку у входа въ оранжерею—Песчаная, неизвѣстно почему, причина затерялась; быть можетъ, когда-нибудь въ древности здѣсь была песчаная степь. Тутъ же, на Песчаной площади, судъ и тюрьма—тамъ всегда слышны голоса, тамъ люди... Отчего только всегда ѣдой пахнетъ оттуда? Я задумываюсь. Изъ открытаго окна суда выплеснули что-то жидкое съ апельсинными корками. Отчего бы это? Впрочемъ, вѣдь тамъ помѣщается и гостиница для пріѣзжихъ—единственная въ городѣ,—тамъ много ѣдятъ, готовятъ—это огромное зданіе. Это самое непріятное мѣсто города.

А вотъ здѣсь живетъ старый ученый, знаменитый во всемъ мірѣ. Онъ ученый ботаникъ, и у него ботаническій садъ съ самыми рѣдкими растеніями. Онъ большой чудакъ, одѣвается какъ простой мужикъ, въ сапогахъ и красной рубашкѣ, всегда одинокій, ни съ кѣмъ не говоритъ, самъ работаетъ, ползаетъ по грядкамъ,—я съ благоговѣніемъ посмотрѣла на стараго садовника

Степаныча, вышедшаго съ заступомъ изъ оранжереи. Онъ поставилъ заступъ у двери, откашлянулся, плюнулъ и вытерся рукавомъ—очень странный человѣкъ! Но всѣ къ нему привыкли и уважаютъ его и знаютъ, что днемъ онъ такой, а по ночамъ надѣваетъ очки и пишетъ ученыя сочиненія. Его зовутъ—Гаттерасъ.

Къ Степанычу подходила кухарка, и я повернула въ другую сторону, чтобъ не видѣть ихъ встрѣчи. Они сейчасъ заговорятъ, и это будетъ неправдой — онъ именно отличается угрюмостью и особенно избѣгаетъ женщинъ. Профессоръ Гаттерасъ самый знаменитый человѣкъ въ городѣ.

Вотъ это магазины. Здѣсь продаются разныя вещи, на веревкѣ вывѣшены передъ дверью чулки и рубашки.

Я останавливаюсь передъ лѣстницей на сѣновалъ. Въ этомъ мѣстѣ всегда бьется сердце. Это вообще таинственное мѣсто—про него многое можно сказать. Тамъ сходятся городскіе воры и дѣлятъ между собой добычу, а вчера, говорятъ, тамъ ночевали контрабандисты. Сердце бьется сильнѣе, рука уже хватаетъ перила, и шаткая лѣсенка вздрагиваетъ подъ ней, но изъ окна кухни все видно, и меня могутъ остановить. Подниматься надо вечеромъ, когда никто не видитъ.

У самаго забора конура чернаго цѣпного Султанки. Между конурой и заборомъ узенькій проходъ, заваленный стружками, но необходимо пройти тамъ. Я со страхомъ поглядываю на спящаго на солнцѣ Султанку и придвигаюсь къ конурѣ... Залаетъ? Бросится? Я никогда не могу преодолѣть страха передъ нимъ. Онъ лѣниво повернулъ ко мнѣ голову и опять положилъ ее на лапы. Я храбрѣе иду и пробираюсь между конурой и заборомъ. Это очень узкій, грязный переулокъ, называется Собачій, и почти никто, кромѣ бродягъ и нищихъ, тамъ не живетъ; онъ примыкаетъ къ краю города, тутъ уже стѣна, и за ней дремучій лѣсъ, а въ лѣсу скрываются разбойники. Я чувствую облегченіе, вырвавшись изъ страшнаго переулка и отойдя на разстояніе, превышающее длину цѣпи Султанки.

Кучеръ Кузьма выводитъ изъ конюшни Гнѣдого и ведетъ его къ экипажному сараю—будетъ закладывать. Значитъ, отецъ поѣдетъ на станцію. Мысль на мигъ растерянно прерывается.

Какъ трудно, утомительно успѣть все понять и объяснить въ жизни, она всегда перегоняетъ игру, и не успѣваешь ее вмѣстить туда, а главное — исправить, потому что она вся невѣрная. Если бы можно ее остановить на одинъ день, чтобъ она послушно стояла передо мной, не мѣшая. Я съ грустью думаю, что мнѣ никогда не удается дойти до самой игры, до событій и

приключеній, не удается пожить въ устроенномъ городѣ,—все время уходитъ на уясненіе и наименованіе предметовъ.

Но надо спѣшить. Еще я не подумала о королѣ. Въ городѣ есть король, но его рѣдко видятъ, онъ не показывается народу и живетъ на окраинѣ въ замкѣ, но иногда по городу проводятъ царскихъ лошадей, на которыхъ онъ совершаетъ объѣзды.

Изъ окна кухни высовывается горничная Ирина и кричитъ мнѣ, что меня зовутъ завтракать.

— Хорошо, сейчасъ.

Вотъ опять все недодѣлано. Еще конюшня, сараи. И о лѣсѣ надо отдѣльно подумать. Приду еще вечеромъ, когда „большіе“ будутъ на балконѣ читать вслухъ.

Я любовно окидываю взглядомъ сотворенный мною міръ и выхожу со двора.

Останавливаюсь изумленно. У самыхъ воротъ сложена большая куча мусора. Вчера ея не было. Песокъ, деревянный ящикъ, черепки отъ цвѣточныхъ горшковъ, жестяныя коробки... Если на нее влѣзть—достанешь рукой до верхушки забора. Можетъ быть, ее еще не уберутъ сегодня. Если-бъ о ней забыли!

Восхищенно стою, не рѣшаясь уйти, прежде чѣмъ не пойму, *что* это такое, что надо съ этимъ сдѣлать. Вѣдь я знаю, сколько радостныхъ возможностей здѣсь заложено, и отъ меня зависитъ осуществить ихъ, и я буду слѣпая, какъ слѣпы всѣ „большіе“, если не пойму и не воспользуюсь.

Въ головѣ мелькаетъ торопливо: вулканъ? застывшая лава? цыганскій таборъ? курганъ, въ которомъ разбойники зарыли кладъ? можетъ быть, одинъ изъ нихъ даже скрывается здѣсь подъ землей... бѣжавшій преступникъ? или нѣтъ, отшельникъ, который много лѣтъ...

— Кушать пожалуйте. Уже всѣ за столомъ сидятъ...—мнѣ навстрѣчу съ крыльца сбѣгаетъ Ирина.

— Иду, иду.

Я потомъ пойму, что это такое.

Господи! если-бъ знали люди, какъ трудно жить, если не быть какъ они, если видѣть и понимать окружающій міръ, помогать ему, мыслями и словами крестить то, что у него, нѣмого, замкнутаго, остается безъ насъ не проявленнымъ!

Какъ нужны ему мы, люди! И я одна, никто не поможетъ мнѣ!

Едва ли такими мыслями думала я въ тотъ далекій день, но смыслъ и чувство моихъ думъ было таково, и спѣша къ крыльцу, я сознавала, какое огромное дѣло лежитъ на мнѣ, и какъ одинока я въ своей неустанной работѣ.

Дома.

Нашъ домъ отличался тѣмъ, что въ немъ никогда ничего не случалось. То-есть такого, ради чего стоитъ жить: не было приключеній, не было зла, съ которымъ нужно бороться, не было ничего таинственнаго и неожиданнаго. Всѣ были добрые и одинаковые, все было извѣстное, правильное и неинтересное.

Моя мать, всегда со всѣми ласковая, говорила тихимъ голосомъ, никогда ни на кого не сердилась, днемъ долго вышивала въ длинныхъ пяльцахъ, а вечеромъ играла въ залѣ на рояли. Про нее говорили, что она „ангелъ“, но я навѣрно знала, что никогда ничего удивительнаго она уже не сдѣлаетъ въ жизни и давно больше не думала о ней.

У отца была своя мужская жизнь—болѣе важная, конечно, но все же я мало уважала ее. Очень громко и трезво она шла. Онъ часто уѣзжалъ въ дождевомъ плащѣ и высокихъ сапогахъ, иногда не возвращался по нѣсколько дней, и въ это время онъ былъ плантаторомъ—такимъ, какъ въ Хижинѣ дяди Тома, и ѣздилъ съ рабочими-неграми наводить порядокъ въ своихъ владѣніяхъ. Потомъ онъ пріѣзжалъ, привозилъ съ собой какихъ-нибудь инженеровъ и помощниковъ — всѣ были въ сапогахъ, запыленные, обвѣтренные и голодные. Въ домѣ поднималась бѣготня, отецъ торопилъ съ обѣдомъ, и имъ наскоро готовилось много разной ѣды. Подавали вино, квасъ, и за столомъ они, не обращая вниманія на тихую домашнюю жизнь, громко говорили о своей работѣ и дѣлахъ.

Тогда уже нельзя было думать, что онъ плантаторъ, но иногда я подчинялась обаянію новыхъ таинственныхъ словъ... Особенно нравились мнѣ слова „віадукъ“ и „брезенты“, и я съ волненіемъ ждала, когда они мелькнутъ въ разговорѣ. Віадукъ былъ длинный золотой шнуръ, протянутый высоко въ воздухѣ между двумя лѣсами, онъ трепеталъ въ вышинѣ, и къ нему можно было подвѣсить гамакъ и съ закрытыми глазами качаться въ немъ. Брезенты были тяжелыя латы, плетеныя изъ блестящей металлической проволоки. Только я не знала точно, когда, противъ какой опасности люди надѣваютъ ихъ.

Послѣ ѣды отецъ заказывалъ дрезины или паровозъ, и также шумно уѣзжали они всѣ, оставивъ за собой безпорядокъ и много окурковъ во всѣхъ пепельницахъ.

Былъ, правда, и другой отецъ, не инженерный, безъ насыпей и сапогъ, въ нарядномъ сѣромъ костюмѣ, улыбающійся и цѣлующій руки дамамъ, играющій на фисгармоніи и говорящій вещи,

отъ которыхъ всѣ громко смѣялись; но такимъ онъ былъ по вечерамъ, когда я ложилась спать, и такимъ онъ мнѣ былъ еще менѣе интересенъ.

Я не помню, когда собственно я разочаровалась въ большихъ, но, вѣроятно, было время, когда я еще съ надеждой и довѣріемъ смотрѣла на нихъ. Постепенно во мнѣ вкоренилось убѣжденіе, что отъ нихъ не только нельзя ждать ничего новаго и важнаго, но, напротивъ, нужно защищать все цѣнное, любимое,—скрывать, спасать его отъ ихъ прикосновенія. Ихъ отношеніе къ вещамъ—самоувѣренное, спокойное—возмущало меня. Они думали, что знаютъ все, и давали всему оскорбительно простое объясненіе, лишая міръ красоты и тайны. И сами они не ждали и не боялись ничего, ихъ жизнь текла скучно и однообразно. Вѣдь можно было каждый день прожить по-разному, можно было придумывать и устраивать тысячу небывшихъ еще вещей,—отчего они не дѣлали этого? Вотъ за это, за неумѣніе пользоваться міромъ и устраивать свою жизнь, за слѣпоту и спокойную увѣренность не любила я ихъ. И они были всѣ такіе!

Безнадежнѣй всѣхъ была, конечно, моя Амалія Карловна, и ее я даже не презирала, а испытывала къ ней часто жалость и снисхожденіе, хотя никто такъ грубо, какъ она, не разрушалъ и не упрощалъ міра. Она не годилась ни въ укротительницы дикихъ звѣрей, хотя я долго пыталась приспособить ее къ этому, когда играла, что наша семья—странствующій циркъ. Изъ нея не выходила злая волшебница, вообще въ ней не было зла, и это было хуже всего. Ни одной яркой, опредѣленной черты, ничего, что годилось бы для жизни и игры.

При этомъ она искренно старалась занимать меня, и даже выдумывала мнѣ игры—и Боже! какъ убоги были ея выдумки, какимъ стыдомъ горѣло мое сердце, когда я, чтобъ не слишкомъ обижать ее, плелась за ней, красной и запыхавшейся, по крайнимъ дорожкамъ сада, потому что вонъ тамъ, въ бесѣдкѣ, по ея увѣренію, сидѣли разбойники, и надо было прятаться отъ нихъ. Я не облегчала ничѣмъ потуги ея воображенія, у меня не мѣнялось лицо, когда она симулировала испугъ или радость—мнѣ было только стыдно, стыдно, и, когда она, наконецъ, падала на скамейку и вздыхала, что у меня gar keine Phantasie—все во мнѣ твердило: бѣдная! бѣдная! ахъ бѣдная! Лучше было плести корзиночки изъ разноцвѣтныхъ бумажекъ, потому что тогда она сидѣла смирно, молчала, и я могла думать свое.

Такъ шли и уроки. Амалія Карловна учила меня нѣмецкому и Закону Божію, моя мать—русскому и ариѳметикѣ, и я, послуш-

но дѣлая то, что мнѣ велѣли, рядомъ узнавала и думала о другомъ. Это другое было гораздо труднѣе, и внѣшняя наука, которой меня учили, мѣшала мнѣ сосредоточиться на немъ. Меня бранили за разсѣянность, удивлялись упорству, съ которымъ я дѣлаю все тѣ же ошибки, не понимая, что я ихъ дѣлаю нарочно, что онѣ нужны, и что въ нихъ—правда.

Никто не зналъ, что рядомъ съ тѣмъ, что видѣли большіе, есть другое тайное знаніе, и оно заключается въ томъ, чему они не придаютъ значенія. Это знаніе, скрытое въ книгахъ, была тайная исторія древнихъ народовъ, гдѣ раскрывалось о самыхъ удивительныхъ, забытыхъ всѣми вещахъ, и надо было быть страшно добросовѣстной, чтобъ, не искажая, вѣрно возстановить ихъ смыслъ. Тайно держала я въ памяти весь ключъ знаковъ.

Въ написанной или напечатанной фразѣ гораздо больше значенія, чѣмъ смыслъ ея, всѣмъ открытый, имѣли знаки препинанія. Особенно радостно и жутко было, когда появлялся восклицательный знакъ (мой любимый). Это было приближеніе чуда, при немъ все становилось возможнымъ, и въ повѣствованіе рѣзко врывалось самое неожиданное. Точка съ запятой была, напротивъ, торжествомъ обыденной, плоской жизни, это былъ мѣщанскій знакъ,—онъ походилъ на ту скучную, безопасную жизнь, которую вели взрослые. Такъ какъ знаковъ было мало, то, кромѣ нихъ, указаніемъ служили нѣкоторыя отдѣльныя буквы—особенно „ять“, и потому я иногда потихоньку вставляла его въ словахъ вмѣсто простаго е,—также черточки и линіи буквъ. Были книги съ многими черточками, напримѣръ, нѣмецкія съ готическимъ витіеватымъ шрифтомъ—и по нимъ было легче читать; въ другихъ же прошлое почти стерлось, и было особенно трудно его разбирать.

Кромѣ прошлаго, была и исторія будущаго—апокалипсисъ. Какъ это ни странно, но онъ отпечатлѣвался на клякспапирѣ, онъ творился нами самими, но безсознательно. Эти чернильныя пятна, черточки, зигзаги, нелѣпые по виду, были знаменія грядущаго, и надо было только дешифрировать ихъ.

Иногда, тайно отъ самой себя, я быстро дѣлала кляксу въ тетрадкѣ, чтобъ она, отразившись на клякспапирѣ, дала возможность отчетливѣй раскрыть будущее. Это бывали предсказанія на ближайшіе дни, и я по нимъ узнавала, что потеряю что-то любимое и буду плакать.

Въ каждой исписанной бумажкѣ, въ каждомъ пятнѣ на обояхъ былъ смыслъ, была тайна, надъ которыми надо было думать и трудиться. И всѣ книги, которыя мнѣ дарили, надо было про-

читывать двояко: то, что въ нихъ напечатано для всѣхъ—легкое и не важное, что я поглощала ужасно скоро, пропуская половину и дополняя все время своимъ, и то другое, главное, скрытое отъ всѣхъ, что требовало всего напряженія мысли и вниманія.

Также было и въ устномъ ученьѣ. Столько было удивительныхъ словъ и образовъ, ускользавшихъ отъ большихъ, и которые служили указаніемъ для цѣлаго новаго міра.

Были страшныя слова, но люди не замѣчали и ихъ. Въ столовой висѣла большая карта Россіи, и про нее говорили, что она... нѣмая. Нѣмая карта! И „большіе“ безстрашно произносили это, утративъ всякое воспріятіе. Я знала, что они думаютъ, что она называется такъ, потому что на ней нѣтъ надписей, но они забыли, что она *была живая*. Былъ богатый старикъ, и когда ночью пришли воры и убили его, онъ успѣлъ вложить свою душу въ карту, и она жила тамъ и оттуда говорила съ людьми. Это было очень давно, но, можетъ быть, и теперь его душа таится въ этомъ изрисованномъ картонѣ; только отъ времени она онѣмѣла, и у нея не осталось другого способа разсказывать о себѣ, какъ тѣми линіями и кружками, которые взрослые считаютъ только за рѣки, города и моря.

Могла ли я уважать ихъ пустую, внѣшнюю науку, которой меня обучали, когда она ничего не открывала мнѣ и только мѣшала сосредоточиться на главномъ? Всегда это главное съ трудомъ, въ борьбѣ съ большими и тайно отъ нихъ доставалось мнѣ.

У меня была корь, я уже выздоровѣла, но еще лежу въ постели. Вечеръ. Весь домъ пустъ. Одна мать со мной. Она зажгла на столѣ ночную лампочку на тоненькой ножкѣ, хотѣла посидѣть со мной, потому что еще рано, но я сказала, что, можетъ быть, усну, и пусть она лучше поиграетъ на рояли. Я знаю, какъ она любитъ играть, а главное—у меня тайная мысль. Я увидѣла на столѣ около лампочки нѣмецкую книгу—именно ту, по которой такъ удобно читать, въ которой много завитушекъ и необычайныхъ знаковъ, и уже разъ, давно, я начала разбирать въ ней исторію пытокъ, которымъ подвергали негровъ. Я такъ любила пытки, и такъ давно не давали мнѣ книгъ.

Мать поцѣловала меня и ушла.

Жду, когда зазвучитъ рояль. Теперь никто не взойдетъ. Я соскакиваю съ постели, иду къ столу, открываю книгу подъ самой лампочкой. Она горитъ тускло, глаза стали слабые, и надо напрягать ихъ. Вотъ здѣсь я остановилась. Внимательно всматриваюсь въ буквы,—какъ я отвыкла! сколько времени потеряно!

и какъ мѣшаетъ смыслъ словъ, которыя невольно прочитываешь. Вотъ здѣсь!—*это* означаетъ, что ихъ повѣсили ногами вверхъ и раскачивали, а это? что-то еще не бывшее... Нужно понять. Можетъ быть, это значитъ, что подъ ними внизу зажгли костеръ, и они обжигались, пролетая надъ нимъ?... Какіе звуки, мелкими струйками—бѣгущими и плещущими—несутся изъ залы! Мама хорошо играетъ и такую странную вещь. Хочется прислушаться, но некогда. Ногамъ холодно на полу, и я вся дрожу, хочется кашлять, и я крѣпко зажимаю ротъ, чтобы не было слышно, а на глаза набѣгаютъ слезы, и буквы двоятся.

Ахъ, какія струйки разливаются по залѣ, какія грустныя, и все тише, тише.

Замерли послѣднія, и я слышу, она встала, отодвинула стулъ.

Въ одинъ мигъ прыгаю назадъ, въ постель, зарываюсь подъ одѣяло.

Она входитъ тихонько, заглядываетъ въ дверь. Я хочу притвориться спящей, но тогда она не будетъ больше играть, сядетъ въ сосѣдней комнатѣ, и мнѣ нельзя будетъ читать дальше. Я смотрю на нее, и она подходитъ къ постели.

— Я тебѣ мѣшаю спать?

— Нѣтъ, я слушаю. Мнѣ нравится, какъ ты играла.

Она садится на кровать, обнимаетъ меня, близко вглядывается въ мое лицо.

— Отчего у тебя красные глаза? а руки—холодныя. Болитъ что-нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ. Ты хорошо играешь.

Она кладетъ свою голову рядомъ съ моей, прячетъ ее въ мое одѣяло. Лица не видно. Мнѣ кажется, что она плачетъ тихонько. Она несчастная? Я, можетъ быть, буду любить ее теперь, по-настоящему любить, если она, правда, несчастная и совсѣмъ не такъ просто живетъ, а что-нибудь думаетъ и знаетъ свое, тайное, о чемъ нужно плакать.

И на мигъ мелькаетъ во мнѣ: а вдругъ я невѣрно думаю про жизнь?

Точно какая-то завѣса зашевелилась, и за ней—міръ, котораго я не знаю, уже придуманный, готовый, и въ которомъ тоже есть красота. Вотъ эти грустныя струйки въ залѣ, и мама, которая плачетъ—одна, въ пустомъ домѣ, закутанная въ мягкую плюшевую шаль... Но такъ привыкли мысли и душа обороняться отъ жизни, не вѣрить ей, напряженно творить свое, что я заставляю себя думать дальше о неграхъ и о томъ, что необходимо сегодня

же кончить эту повѣсть, потому что она задерживаетъ меня, не даетъ узнавать другое.

— Такъ ты любишь музыку?—шепчетъ мама, поднимая голову, и я вижу, что она растрогана, и что я, не зная того, случайно утѣшила ее въ ея горѣ.

— Ну хорошо. Я сыграю тебѣ еще одну вещь, если ты не устала. Я оставлю дверь открытой.

Она заботливо подвертываетъ подъ меня одѣяло и уходитъ тихонько.

Я уже не думаю о ней, не хочу умиляться и думать объ ея слезахъ, о тѣхъ звукахъ, что сейчасъ еще отчетливѣй понесутся изъ залы. Развѣ можно вотъ такъ лежать, нѣжиться, слушать звуки и вѣрить, что въ этомъ все, что это—жизнь настоящая? Кто же за меня тогда придумаетъ, узнаетъ, откроетъ міръ?

Усталыя, хмурыя мысли должны трудиться дальше надъ своимъ, и я высовываю иззябшія ноги изъ-подъ одѣяла.

А мама, довѣрчивая, грустная, прекрасная играетъ, играетъ что-то чистое и скорбное въ одинокой залѣ, и ей утѣшно знать, что эти пѣвучія жалобы и вздохи вливаются въ маленькую близкую душу и волнуютъ ее.

Джемма.

Она такъ и не узнала никогда, что она царевна.

Отецъ ея былъ простой рабочій на желѣзной дорогѣ, и жили они недалеко отъ нашего дома въ длинномъ зданіи, похожемъ на сарай. Оно казалось мнѣ огромнымъ и носило странное темное названіе „Жилой домъ“. Меня не пускали туда, говорили, что тамъ „тѣснота и зараза“, и я ходила только до земляного погреба, стоящаго на полпути. Тамъ мы встрѣчались съ Груней.

Груня была на годъ старше меня, но мнѣ казалось, что между нами большая разница. Ее привели разъ поиграть со мной, когда мнѣ было четыре года, и я, какъ мнѣ разсказывали, каждый день стала требовать ея присутствія. У насъ въ домѣ ее полюбили, моя мать дарила ей платья и учила ее читать. Но когда она приходила ко мнѣ, я не знала, что съ ней дѣлать, и была рада, что ей можно дать книгу и она долго сидитъ надъ ней. Тогда я мало любила ее,—я смотрѣла на ея туго заплетенную косичку, на ситцевое платье и черный фартучекъ, на то, какъ она довѣрчиво читаетъ книжку, сидя аккуратно и благодарно на стулѣ передъ столомъ, и думала, что она чужая и ненужная мнѣ. Гораздо больше я любила о ней думать. Но высшаго паѳоса моя любовь

достигала, когда мы сходились на земляномъ погребѣ. Тамъ бывали каждый день свиданія, и тамъ я въ первый разъ узнала, что ее въ раннемъ дѣтствѣ увезли съ Кавказа, что она была грузинской царевной и что ее зовутъ Джеммой.

Не помню теперь, какъ это узналось,—знаю, что отчасти выдали тайну ея черныя брови дугой, почти сходящіяся надъ переносицей. Только у грузинской царевны могли быть такія брови. Изъ памяти самой Груни совсѣмъ изгладилось ея раннее дѣтство, и мнѣ было грустно и трогательно видѣть ея кроткую покорность судьбѣ и смотрѣть на тоненькія черныя дуги надъ глазами.

Мнѣ хотѣлось, чтобъ она страдала, хотя безсознательно, отъ обитателей „Жилого дома“, и было непріятно, когда она дѣлала что-нибудь недостойное ея сана. У насъ въ домѣ она должна была себя чувствовать, какъ равная, выше насъ, и меня сердило ея любопытство и уваженіе ко всему, что дѣлалось у насъ. Какъ можно было въ такой степени забыть все, утратить самый инстинктъ рода!

Я смутно надѣялась, что счастливый случай приведетъ сюда кого-нибудь изъ ея страны и судьба ея измѣнится. Я представляла себѣ, въ какія одежды нарядятъ Груню. Въ залѣ висѣла гравюра „Демонъ и Тамара“, и я думала о томъ, что на Грунѣ будетъ такая же нить жемчуга въ волосахъ и пестрая шелковая шаль... О, моя Джемма!

Утро. Солнце жжетъ. До начала урока меня посылаютъ погулять, и я иду на свиданіе съ Джеммой на погребъ.

Три холма ведутъ отъ нашего дома до погреба. Зелено и ярко. Мнѣ хотѣлось бы сдувать пушистые одуванчики, ощипывать и сосать сладкіе цвѣты клевера, но—нельзя. Я не позволяю себѣ терять время, смутно помню, какъ великъ трудъ пересозданія міра, возложенный на меня, и ни минуты, когда я одна, нельзя прожить даромъ.

По обыкновенію я назначаю себѣ, о чемъ буду думать по дорогѣ. Вотъ до срыва перваго холма должна рѣшить, что мнѣ дѣлать, когда Амалія Карловна поведетъ меня вечеромъ гулять. Тогда уже поздно думать, и если я теперь не узнаю, о чемъ будетъ эта долгая прогулка—прямо по полотну желѣзной дороги до верстового столба,—я не перенесу ея. Кто будетъ она? кто я?

Первый холмъ кончился. Я замедляю шаги. А до второго нужно непремѣнно придумать себѣ новое имя на эту недѣлю.

Меня всегда мучали имена. Я не могла думать ни о чемъ безымянномъ, и это крещеніе тѣмъ болѣе озабочивало, что нельзя было дать какое попало имя,—я вѣрила во внутреннюю связь

между именемъ и человѣкомъ и строго прислушивалась: вѣрно оно или невѣрно? Невѣрное имя можетъ все испортить. Я всегда страдала, что мою мать зовутъ Софіей,—неужели никто не чувствовалъ, не видѣлъ, что она Жозефина?

Вотъ и второй холмъ. Я вижу желтое платье Груни на погребѣ. Мнѣ хочется бѣжать, но я останавливаюсь и стою хмуро на мѣстѣ, глядя внизъ, чтобы не развлекаться, и меня сердитъ, что все вокругъ такъ ярко, заманчиво и мѣшаетъ думать.

Сегодня я рѣшила подготовить Груню къ ея будущему, открыть ей намеками тайну ея рожденія. Если не сдѣлать этого, она можетъ не перенести внезапности, какъ тотъ старикъ, который умеръ отъ радости, когда выигралъ двѣсти тысячъ. Кромѣ того, я надѣюсь этимъ повліять на ея характеръ, развить въ ней чувство гордости, убить ненавистное мнѣ уваженіе къ нашему дому.

Солнце жжетъ, и даже деревянная труба на вершинѣ погреба такъ накалена, что ее больно трогать. Груня предлагаетъ спуститься на ту сторону, гдѣ погребъ бросаетъ тѣнь. Я соглашаюсь, хотя это жаль—много значитъ сидѣть именно на вершинѣ. Мы скатываемся внизъ и садимся въ тѣни на свѣжей травѣ. Я смотрю на Груню, и у меня бьется сердце. Какъ начать?

— Я хотѣла сама къ тебѣ итти, но ты велѣла здѣсь ждать,— говоритъ она.

— Дома всѣ мѣшаютъ,—отвѣчаю я и обрываюсь.

Она разсматриваетъ букашку на рукѣ.

— Смотри, божья коровка, рыжая.

Я не отвѣчаю, чтобъ не поддерживать этой темы.

Надо спѣшить. Она опять заговоритъ о чемъ-нибудь постороннемъ.

— Ты знаешь Кавказъ?—спрашиваю я.—Вотъ та страна, откуда Тамара, которая надъ роялью?

Я знаю, что Груня влюблена въ эту картину и, когда въ залѣ никого нѣтъ, ходитъ потихоньку смотрѣть на нее.

— Тамъ горы,—продолжаю я,—въ сто разъ выше погреба, и народъ другой, не по-русски говорятъ, всѣ красивые, носятъ кинжалы...

— Зачѣмъ кинжалы?—спрашиваетъ Груня.

— Тамъ часто нападаютъ. Много разбойниковъ, и надо защищаться.

Но сообразивъ, что Груню не соблазнятъ опасности—она не такая,—я быстро перехожу къ другому. Я восхваляю народъ и описываю подробно, какъ они живутъ: всегда въ палаткахъ подъ открытымъ небомъ—у меня замираетъ духъ отъ восхищенія,—

спятъ на шкурахъ дикихъ звѣрей, и когда надоѣстъ въ одномъ мѣстѣ, перевозятъ палатки на другое. Мнѣ начинаетъ казаться, что я разсказываю о Цыганахъ Пушкина, которыхъ читала недавно, но все равно—это похожій народъ.

Груня слушаетъ, дѣлаетъ скептическія замѣчанія. Ей не нравится жить всегда въ палаткахъ. Она думаетъ, что это отъ бѣдности, а не отъ богатства. Я сержусь.

— Именно отъ богатства. У нихъ и дома есть,—говорю я.—Но въ палаткахъ веселѣе и прохладнѣй. Тамъ очень жарко. И какія красивыя имена у нихъ. Мужское имя, напримѣръ, Алеко, а женское есть... Джемма,—голосъ мой срывается, мнѣ кажется, что я выдала всю тайну.—Слушай, ты хотѣла бы поѣхать туда?

— Хотѣла бы,—довольно равнодушно говоритъ Груня, и я вижу, что она соглашается только, чтобъ не обидѣть меня.

Негодующе, деспотично говорю я о томъ, какъ ужасно жить здѣсь, въ „Жиломъ домѣ“, да и въ нашемъ тоже; говорю, что на ея мѣстѣ я убѣжала бы отъ родителей, и я рада, что на лицѣ ея испугъ, и вдругъ спрашиваю шопотомъ:

— Слушай, ты никогда не думала, что вдругъ ты—не ты, а кто-нибудь другой? Вдругъ ты не Груня?

Мы обѣ замираемъ, испуганно глядя другъ на друга. Мнѣ страшно продолжать. И мы долго молчимъ.

— А знаешь,—говоритъ, наконецъ, Груня, освободившись немного отъ впечатлѣнія моихъ словъ,—папаша меня сегодня на девятую версту беретъ, на дрезинѣ.

Девятая верста—это откуда строится новая желѣзная дорога; они всѣ, рабочіе изъ „Жилого дома“, каждый день ѣздятъ туда.

— Тамъ и обѣдать будемъ,—оживленно продолжаетъ Груня,—похлебку на огнѣ сваримъ. Попросись, можетъ и тебя пустятъ.

Я ей говорю о палаткахъ на Кавказѣ, а она радуется похлебкѣ на девятой верстѣ.

У меня вдругъ мелькаетъ сумасшедшая мысль. А вдругъ я ошиблась? Не она—Джемма, а я сама... Отчего мнѣ все такъ не нравится здѣсь? Отчего такъ волнуетъ эта чужая страна? Отчего мое любимое въ мірѣ имя—Джемма, и мнѣ плакать хочется, когда я его произношу, а ей—все равно... Но глаза мои видятъ ея брови, тонкія дуги, кавказскія, царевнины дуги, и безумная мысль тотчасъ же гаснетъ. У меня самой никакихъ бровей нѣтъ, даже свѣтлыхъ,—я знаю это, и смиреніе просыпается въ душѣ. Я умиленно, почти заискивающе смотрю на Груню. Царевны именно тѣмъ и отличаются, что бываютъ не такія, какими другіе хотятъ, и отъ нихъ все терпятъ и все имъ прощаютъ.

И я чувствую, что люблю ее, и мнѣ хочется чѣмъ-нибудь обрадовать ее.

Я вспоминаю, что она любитъ косоплетки—такой странный вкусъ!—и торопливо выдергиваю изъ косы новую голубую ленту, которую мнѣ туго вплела Амалія Карловна.

— На, возьми. Мнѣ не нужно. Я терпѣть не могу лентъ,—говорю я,—я скажу, что потеряла.

Изъ „Жилого дома“ къ намъ приближается рабочій въ красной рубашкѣ, Грунинъ отецъ. Его зовутъ Силантій. У него черная борода и очень красное лицо, и про него говорятъ, что онъ „образцовый“.

Не доходя до насъ, онъ машетъ Грунѣ, и она радостная вскакиваетъ.

— Сейчасъ поѣдутъ,—говоритъ она мнѣ,—я еще домой сбѣгаю. А тебя не пустятъ?

Она съ состраданіемъ смотритъ на меня и уже спѣшитъ.

Я слѣжу за тѣмъ, какъ она подбѣгаетъ къ отцу, хватаетъ его за руку, и они вмѣстѣ идутъ къ „Жилому дому“.

Мнѣ пора итти учиться, и я тихо встаю.

Сразу дѣлается нестерпимо жарко отъ солнца.

Я, какъ нищая, пойду домой, и знаю, что ничего уже не придумаю по дорогѣ. Пусто, устало въ душѣ. И мнѣ такъ скучно, скучно жить.

Богъ.

А всетаки нужно было и хотѣлось вѣрить кому-нибудь безъ думъ и сомнѣній.

Былъ же кто-нибудь самый умный, такой важный и большой, что нельзя его понять, а нужно только слушаться, становясь передъ нимъ на колѣни. Это былъ Богъ. Но не тотъ Богъ, котораго большіе рисовали на иконахъ, которому молились въ церкви, кому кухарка ходила ставить свѣчки и отъ кого приносила намъ въ праздникъ просвирку. Все, что „они“ придумывали, было всегда неубѣдительно, и мнѣ казалось, что они сами мало вѣрятъ этому, и потому не требуютъ вѣры и отъ меня.

Я знала отдѣльные предметы, одаренные силой; это, были конечно, только маленькія частицы и проявленія Его власти, но по нимъ я узнавала о Немъ.

Передъ домомъ въ тополевой аллеѣ, среди длиннаго ряда одинаковыхъ, ровно подстриженныхъ деревьевъ было одно „царское“. Оно ничѣмъ не отличалось отъ другихъ, седьмое съ краю, но въ немъ была душа Бога. Оно нарочно приняло обычный видъ,

чтобъ люди не трогали его и не мѣшали ему. Но я узнала. И тайно отъ всѣхъ приходила, стояла на колѣняхъ передъ нимъ, прикасалась губами къ смолистой корѣ, убирала стволъ цвѣтами и клала красивые камешки у подножья его въ травѣ. Когда цвѣты въ саду вяли, когда погода портилась, я знала, что „царское дерево“ недовольно чѣмъ-то и его нужно умилостивить, что-нибудь любимое отдать ему.

Былъ еще пень въ березовой рощѣ за домомъ,—съ виду совсѣмъ простой, полусгнившій, мхомъ обросшій, но онъ обладалъ волшебной силой. Если сѣсть на травѣ рядомъ съ нимъ и прижаться къ нему головой—въ ней рождались важныя и веселыя мысли, грусть проходила, придумывались хорошія игры. И я давно рѣшила, что когда буду большая, пріѣду посидѣть къ этому пню, хотя бы съ краю свѣта, чтобъ узнать отъ него самое важное про свою жизнь.

Были разные обряды, которые возникли сами собой и которымъ надо было строго слѣдовать. Въ день рожденія нужно было „сдѣлать добро“, все равно какое, хотя самое маленькое. Мнѣ было пять лѣтъ, когда въ день моего рожденія пришелъ нищій, и няня дала мнѣ денежку для него, а ему велѣла помолиться за меня, сказавши: „сегодня ей пять годовъ минуло“. И я тогда же поняла, что весь годъ будетъ несчастнымъ, если въ день рожденія не сдѣлать кому-нибудь добра... Но это бывало очень трудно, иногда до вечера я не могла ничего придумать,—дѣлать добро можно только бѣднымъ, а ихъ такъ мало—я искала муху, которую можно было спасти, ждала нищаго и, наконецъ, уже передъ сномъ, шла въ кухню и дарила Иринѣ или кухаркѣ какую-нибудь ненужную вещицу изъ моего шкафа.

Помню еще яркое солнечное утро, зажженную солнцемъ столовую и ослѣпительно сверкающія чайныя ложечки на столѣ. Я совсѣмъ маленькая. Большіе еще не встали. На полу лежитъ нѣсколько душистыхъ, едва распустившихся березокъ, и горничная засовываетъ одну изъ нихъ въ уголъ за диванъ.

— Зачѣмъ?—удивляюсь я.

— Троицынъ день сегодня,—объясняетъ она.

Мнѣ ново и непонятно это слово, но все становится необычайнымъ и праздничнымъ отъ него.

— Всегда такъ бываетъ?—радостно допытываюсь я и хочу помогать разставлять березки, накрывать на столъ.

Мнѣ даютъ нести бумажный мѣшокъ съ сахаромъ, и я, выпустивъ его изъ рукъ, роняю на полъ. Бѣлые кусочки съ грохотомъ раскатываются по полу, сверкая на солнцѣ. Я стою надъ ними.

— Троицынъ день—березки—разсыпанный сахаръ. Такъ надо. Это всегда такъ бываетъ. Каждый разъ, когда Троицынъ день, нужно разсыпать весь сахаръ...

Я вдохновенно ползаю и подбираю его. Это—разрушенный сахарный дворецъ. Разъ въ году должны гибнуть всѣ бѣлые сахарные дворцы.

И въ слѣдующій годъ, и потомъ, много лѣтъ подъ рядъ, нужно было исполнять этотъ обрядъ. Нельзя было совершать его при всѣхъ, и я пряталась въ кладовую, унося съ собой сахарницу и, опрокинувъ ее на полъ, опять ползала и подбирала. Радостно было сознавать, что есть вещи, не мною придуманныя, и что нельзя ихъ отмѣнить, а надо кротко слушаться, потому что это не отъ „большихъ“ предписано, а откуда-то еще раньше, еще выше, отъ самаго умнаго, самаго стараго.

Были еще моменты, когда я чувствовала и знала навѣрно, что есть Богъ. Это было, когда во мнѣ просыпалась взволнованная горячая любовь. Это бывало рѣдко,—я боялась ея, и гнала отъ себя. Знала, что стоитъ ей взойти въ душу—и я стану слабой, довѣрчивой, буду плакать отъ умиленія, перестану придумывать и устраивать жизнь. Даже отъ любимыхъ вещей я защищалась до послѣдней минуты. Когда мнѣ предлагали на выборъ разные подарки въ игрушечномъ магазинѣ, я никогда не говорила правду.

Понравится страстно, волнующе какая-нибудь вещь,—я назову другую, а о той только думаю и грущу потомъ. И не изъ скромности. Иногда полюбишь что-нибудь самое маленькое, простое, а выберешь всегда другое. Я не могла снести радости обладанія лучшимъ, и всегда знала, что будетъ покойнѣй не имѣть его.

Но все же бывали случаи, когда любовь прокрадывалась въ душу и заполняла ее. И это становилось мученьемъ.

Былъ маленькій бѣлый фарфоровый барашекъ, и я долго старалась себя увѣрить, что онъ для меня нисколько не важнѣй всего стада, я оставляла его въ общей коробкѣ и пыталась не думать о немъ. Но любовь прорвалась. Я стала носить его въ карманѣ, помнила о немъ непрестанно, сквозь все,—онъ мнѣ мѣшалъ играть и думать. Ночью онъ лежалъ у меня подъ подушкой, и я тихо плакала, сжимая его въ рукѣ. Мнѣ было жаль, что онъ такой маленькій, что его легко разбить, что я его разлюблю когда-нибудь, и онъ останется одинокимъ.

И вотъ въ такія минуты я вѣрила горячо, что есть Богъ (одно это помогало переносить жалость и любовь), и я вдругъ научалась молиться, у меня находились слова.

— Господи! Я такъ люблю, такъ люблю этого барашка! Господи! помоги мнѣ! сдѣлай меня хорошей!

Такъ хотѣлось, такъ нужно было отдаться Ему въ руки, просить Его помощи; такой я была сама беззащитной и дурной.

Вообще, когда я думала о Богѣ, я всегда знала, что я дурная. У меня была такая „игра въ Бога“, которая была вся въ покаяніи. Я ложилась на холодный полъ и должна была цѣлую ночь лежать недвижно въ одинокой страшной церкви, распростертая передъ алтаремъ. Это наказанье налагалъ на меня суровый монахъ—его звали Игнатій—и понемногу онъ становился важнѣй и интереснѣе Бога, и я думала о томъ, какъ онъ тайно любитъ и прощаетъ меня. Потомъ вдругъ я пугалась мысли, что этой игрой обижаю настоящаго, самаго вѣрнаго Бога, потому что Онъ видитъ, что это—игра и что для меня важнѣе монахъ, чѣмъ Онъ самъ. И я мучилась этимъ и думала, что нужно имѣть хоть одно маленькое, честное мѣсто, часовенку, и приходить туда каждый день, чтобъ уже безъ игры, со страхомъ помолиться настоящему Богу. Я пробовала устроить такую часовенку. Въ канавѣ былъ уголокъ, закрытый съ одной стороны крапивой, съ другой—кустомъ боярышника; и если присѣсть тамъ, на сухомъ днѣ—ничего не было видно, кромѣ зеленаго свода, и было похоже, что тамъ ничего не мѣшаетъ молиться и быть Богу. Изъ дощечекъ я связала крестъ и поставила его тамъ. Но молитвы не было, и Богъ не посѣщалъ меня. Сухо и любопытно было въ душѣ, и опять уже становилось все игрой—зеленой пещерой, гдѣ скрывался бѣжавшій преступникъ.

Но разъ я узнала, какъ надо заслужить право молиться и какъ искупить все дурное. Въ коридорѣ была высокая прямая лѣстница, ведущая въ комнату для пріѣзжихъ. Въ ней было 26 ступеней, и съ одной стороны перила, на которыхъ можно съѣзжать внизъ; она всегда была полутемная, и въ ней было что-то волнующее, еще не открытое, и я, сидя подолгу на одной изъ ступеней, старалась угадать, что въ ней таится.

И вотъ разъ, у того пня въ рощѣ—это открылось. Я узнала, что лѣстница—для Бога, что это какъ школа, которую надо пройти, чтобъ приблизиться къ Нему, и что только, когда я достигну верхней ступени, Онъ услышитъ меня. Но только не просто всходить надо было по ней, а сидя на каждой ступени по очереди и придумывать сказку—по цѣлой сказкѣ на каждую ступень. Хорошую, большую, и чтобы каждая кончалась Богомъ.

Узнать это—было радостью, но сдѣлать было трудно. Въ тотъ же день, сидя на самой нижней ступени, въ пыльномъ коридорѣ,

я выдумывала *первую* сказку. Это было какъ наказанье,—я любила сидѣть высоко, а теперь знала, что у меня нѣтъ права на это и что долго еще не придетъ ко мнѣ Богъ. Потомъ я перешла сидѣть на вторую. Но не всегда легко выдумывалась сказка, и не всегда успѣвала я кончить ее,—мнѣ мѣшали, и тогда на слѣдующій день опять надо было сидѣть тамъ же и продолжать ее. Столько терпѣнія, труда, кротости для того только, чтобъ быть услышанной Имъ, чтобъ получить право молиться! И я не получила этого права. Кажется, высшая ступень, достигнутая мною, была пятая.

Осень. Листья желтые, бурые устилаютъ рощу за домомъ и слетаютъ, тихіе, прощальные, на шелестящую пахнущую землю. Сижу одна у волшебнаго пня и смотрю кругомъ на сквозныя деревья, на золотое, бронзовое, отлетающее, и мягко, грустно, тихо во мнѣ. Такъ, какъ бываетъ, когда нѣтъ игры, когда ничего не выдумываю, когда приближаются жалость и любовь и грозятъ заполнить душу. И какъ всегда въ такое время, думаю о Богѣ.

Ахъ, какъ хочется узнать навѣрно, навсегда, что Онъ есть, не для игры, а настоящій, и что Онъ видитъ меня.

Господи! ну вотъ здѣсь, сейчасъ, у этого пня, одинъ разъ, одинъ единственный разъ на всю жизнь, покажи мнѣ Себя! Пусть сейчасъ одинъ желтый листъ слетитъ мнѣ прямо на колѣни! Если онъ упадетъ туда—значитъ Ты есть,—и больше мнѣ никогда ничего не надо!

Сердце замираетъ, и влажными глазами, боясь шевельнуться, смотрю, какъ неровными, медленными движеніями маленькій золотой листъ трепетно слетаетъ сверху ко мнѣ.

А. Герцыкъ.

ШЕРИДАНЪ. [1])

Романъ Люси Деларю-Мардрюсъ.

Съ французскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Встрѣча съ прошлымъ.

Скоро полночь. Программа концерта, собственно говоря, исчерпана. Но глухое волненіе наполняетъ новую прямоугольную залу, гдѣ публика ждетъ *его*. Сейчасъ, какъ только будутъ окончены тѣ приготовленія, что дѣлаются на эстрадѣ, какъ только будутъ удалены пюпитры оркестра и станетъ на ихъ мѣсто длинный рояль, Шериданъ Сентанжъ сыграетъ самъ одну изъ своихъ большихъ композицій.

Въ яркомъ свѣтѣ электричества зыблется человѣческая масса, возбужденная исключительнымъ любопытствомъ. Колышутся дамскія шляпы, какъ причудливыя цвѣточныя клумбы, дрожатъ перья и крылья и, кажется, слышно, какъ бьется самое сердце толпы, точно въ великіе вечера Рубинштейна и Падеревскаго или въ тѣ ночи, когда заставлялъ рыдать женщинъ Шопенъ.

Уже три года, какъ имя „божественнаго Шеридана“ передавалось изъ устъ въ уста въ наиболѣе культурныхъ и утонченныхъ кругахъ. Но даже тѣ, которые предвидѣли, что однажды взойдетъ надъ Парижемъ это новое солнце, не могли вообразить, съ какой молніеносной быстротой совершится его восхожденіе.

Освистанный въ двадцать одинъ годъ у Шевильяра за свою пьесу для органа и оркестра, Шериданъ долгое время жилъ подъ впечатлѣніемъ этой прекрасной неудачи. И вдругъ, неизвѣстно

---

[1]) См. *Русская Мысль*, 1911 г., кн. III и IV.

какъ, снобизмъ, который является иногда настоящей дисциплиной вкуса, призналъ и прославилъ его въ нѣсколько мѣсяцевъ. Можетъ быть, въ этомъ сыграла роль его цвѣтущая молодость и молва о его красотѣ, придававшей ему особое очарованіе.

Мужчины и дамы съ покровительственной и наставительной улыбкой стали повторять его, недавно безвѣстное, имя. Онъ получилъ ту изысканную, еще не опошленную извѣстность, которая позволяла тѣмъ, кто распространялъ ее, какъ бы выставлять на показъ свою эрудицію и свой хорошій вкусъ, называя его имя. Они говорили, умильно складывая губы: „Шериданъ Сентанжъ“, такимъ же тономъ, какъ сказали бы: „Ботичелли“. И каждый хотѣлъ увѣрить, что это именно онъ „открылъ“ Шеридана Сентанжа.

Но въ этотъ вечеръ надъ нимъ пронеслось вѣянье уже почти всенародной славы. Не только выходили изъ себя въ партерѣ и ложахъ, но неистовствовали даже въ галлереяхъ. Была налицо и вся музыкальная критика, приглашенная на первое публичное исполненіе произведенія новаго композитора.

— Геній!—шептали вокругъ.

Но губы кривились уже злобными и ироническими улыбками. Хулители выжидали,—одни искренно, другіе завистливо.

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ оркестръ, управляемый Шевильяромъ, съ энтузіазмомъ, но въ то же время сдержанно и строго, всѣми своими струнами и всѣми своими инструментами, съ внезапными зовами мѣди и съ неожиданными глухими ударами литавровъ, далъ возможность мечтѣ Шеридана плакать, пѣть, роптать и кричать. И словно какая-то новая формула открылась въ этой новой музыкѣ, въ своей глубинѣ, вскормленной полифоническими принципами І. С. Баха и такъ странно объединившей технику, утонченную до исхищренности, послѣднихъ современниковъ съ вдохновеніемъ напѣвнымъ, неожиданнымъ, цѣломудреннымъ и въ иныя минуты почти дикимъ.

Тѣ, которые умѣли только страстно любить музыку, плакали или трепетали. Тѣ, которые ее знали или изучали, говорили: „Это слишкомъ сильно!“ Еще сравнивали: „Страстность Балакирева... Таинственность Клода Дебюсси, смѣшанная съ какимъ-то романтизмомъ“. Нѣкоторые свистали, но свистки были заглушены большинствомъ. Въ концѣ-концовъ всѣ были охвачены волненіемъ. Всѣмъ было ясно, что имя Шеридана стало великимъ.

Но вотъ произошло движеніе среди музыкантовъ оркестра, собравшихся въ глубинѣ эстрады. Послышались аплодисменты съ ихъ стороны, быстро перешедшіе въ залу: появился Шериданъ.

Онъ остановился, точно удивленный всѣмъ этимъ шумомъ,

который его встрѣчалъ. Высокій, гибкій, попрежнему юный, несмотря на свои двадцать пять лѣтъ и свѣтлые усы надъ алыми губами, онъ стоялъ здѣсь, весь солнечный, почти не реальный, въ коронѣ сіяющихъ волосъ, съ дѣвическимъ лицомъ и огромными глазами, лазурь которыхъ сіяла безпрерывнымъ внутреннимъ опьянѣніемъ. Онъ стоялъ здѣсь, отданный во власть толпы, еще наивно не сознающій, какъ зависть и злорѣчіе истолкуютъ его личное присутствіе среди этихъ взглядовъ. Выходя на эстраду, онъ просто уступалъ просьбамъ своихъ друзей и поклонниковъ, особенно своихъ любовницъ.

Результатъ перваго концерта ошеломилъ его самого. Сколько народу! Неужели онъ такъ знаменитъ! Неужели это ему—Шеридану—аплодировали съ такимъ изступленіемъ?...

Смущенный, почти пристыженный, онъ порывистымъ движеніемъ дѣтскихъ лѣтъ сѣлъ за рояль. И вотъ тотчасъ отъ креселъ до ложъ и отъ ложъ до глубины галлерей распространилась тишина, охватившая всецѣло самого музыканта, какъ головокружительный темный приливъ.

Онъ положилъ на клавиши руки и началъ.

Подъ его удивительнымъ прикосновеніемъ рояль пробуждается.

Электрическій токъ пробѣгаетъ по залу...

...О, старинное одиночество въ его парижской комнатѣ, окруженной тишиной и спокойствіемъ острова Сенъ-Луи, когда органъ или рояль ропталъ и жаловался подъ пальцами маленькаго музыканта, когда нотная бумага быстро покрывалась черными значками лихорадочно выполняемыхъ „уроковъ“! Пламенные часы труда, прилежная и чистая юность, цѣломудренно хранимая вплоть до четырехъ послѣднихъ лѣтъ, до тѣхъ дней, когда прекрасный демонъ плоти сорвался, наконецъ, неистово съ цѣпи!...

Теперь, высоко взнесенный на публичной эстрадѣ, онъ чувствуетъ, какъ пробѣгаетъ по немъ огонь множества женскихъ взглядовъ. Онѣ здѣсь всѣ,—и тѣ, которыя его любятъ, но которыхъ онъ еще не знаетъ, и тѣ, которыя уже принадлежали ему, тѣ, нѣжныя и гордыя, которыя чувствовали, какъ ихъ глаза покоряются его взгляду. Онѣ слышатъ въ его игрѣ, въ его музыкѣ то сдержанное и глубокое чувство, котораго онѣ никогда не могли найти въ немъ самомъ, и онѣ изнемогаютъ отъ воспоминаній его незабвенныхъ объятій...

— Шеридан Сентанжъ? Нѣтъ сердца, но какой любовникъ!— говорятъ онѣ.

И каждая, которой онъ касался, навсегда хранитъ его напечатлѣніе...

Какъ всѣ онѣ ласкаютъ его мысленно въ эту минуту! Развѣ онъ не ихъ балованный ребенокъ,—онъ, этотъ блѣдный и розовый блондинъ съ божественными кудрями? Каждая по своему темпераменту и складу души выбрала для него имя, соотвѣтствующее его красотѣ. Онѣ называли его маленькимъ богомъ, маленькимъ королемъ, маленькимъ пастухомъ, принцемъ грезы, Антиноемъ, Апполино, Жиголемъ. Онѣ сравнивали его со всѣми ангелами итальянскихъ музеевъ, отъ ангеловъ Карпаччо въ Венеціи до Фра Филиппо Липпи или да Винчи во Флоренціи. Но всего болѣе онъ былъ для нихъ злымъ ангеломъ, потому что его равнодушный взоръ магнетизировалъ ихъ, и въ глубинѣ души у каждой изъ нихъ таилось неисцѣлимое злое чувство къ нему.

Безпечно позволялъ онъ имъ приходить къ себѣ. Но у нихъ не было даже утѣшенія сказать себѣ, когда онъ по своему капризу бросалъ ихъ, что онъ—сердцеѣдъ и фатъ. Объ этомъ нельзя было даже подумать, потому что его изысканность, дѣтскость и простота уничтожали все, что могло бы быть обиднаго и раздражающаго въ успѣхахъ слишкомъ красиваго, слишкомъ молодого, слишкомъ любимаго и геніальнаго юноши. Нѣтъ, въ немъ ничто не напоминало обычнаго донъ-жуана!...

...А прекрасныя руки скользили по клавишамъ. Безнадежная тоска тяготѣла надъ многолюднымъ заломъ, который былъ безмолвнѣе, чѣмъ если бы онъ былъ пустъ. Высоко поднявъ голову и выпрямивъ станъ подъ черной одеждой, поглощенный самимъ собой, точно куда-то ушедшій, мечталъ молодой музыкантъ. Онъ думалъ о личномъ, о Симеръ-Люкѣ Стридалѣ,—своемъ интимномъ другѣ за послѣдніе три года,—о своемъ отцѣ...

Шериданъ спрашивалъ себя, что думаетъ въ этотъ вечеръ Симеръ-Люкъ, затерянный въ толпѣ. Шериданъ думалъ о Сентанжѣ, четыре года тому назадъ уѣхавшемъ въ Отпрэ и нарочно вернувшемся въ Парижъ, чтобы присутствовать на этомъ концертѣ. Сентанжъ тамъ, въ этой толпѣ... Внезапная, хорошая радость промелькнула въ душѣ Шеридана среди грома звуковъ, шума этого концерта, удивительнаго, похожаго на какое-то приключеніе. Потомъ его мечты стали смутными, разбились на тысячу кусковъ и потерялись въ хаосѣ звуковъ...

„Девять лѣтъ ученія... Какого ученія!... Особенно первые годы... Профессора... Лекціи... Бѣдный папа, растерявшійся въ Парижѣ!... Вечера на островѣ Сенъ-Луи, когда мы гуляли вдвоемъ, одѣтые въ трауръ, по маленькимъ улицамъ XVII вѣка... И этотъ трудъ, этотъ трудъ!... Мнѣ казалось, что моя голова каждый день открывалась, лопалась, что вся музыка низвергалась въ глубину ея. Это

было изступленіе!... Но у меня была страстная потребность торопиться, жить, освободиться отъ затхлаго запаха и отъ духа смерти Отпрэ... О, музыка!... моя музыка!... моя возлюбленная!...“

Въ залѣ женщины пожираютъ его взорами. Ихъ сердца стучатъ, ихъ груди сдерживаютъ дыханіе. Друзья и враги, и чужіе, пришедшіе слушать его, потрясенные восторгомъ, онѣмѣли въ какомъ-то оцѣпенѣніи...

Залъ, переполненный толпой, начиналъ медленно пустѣть. Шериданъ вытеръ лобъ мальчишескимъ жестомъ. Столько людей, бросившихся на него, ошеломили и утомили его. Какія овацiи, когда онъ всталъ изъ-за рояля! Весь залъ былъ на ногахъ, всѣ женщины кричали,—въ этомъ было что-то варварское.

Теперь это кончается. Разговариваютъ. Скоро онъ будетъ свободенъ. Да, онъ будетъ свободенъ. Напрасно княгиня Патриція, съ упрямыми глазами, оставшись здѣсь, опустивъ голову на руки, не сводитъ съ него взгляда. И также Фафа,—одна изъ его первыхъ любовницъ, чьи короткіе волосы и смѣшные глазки, глазки маленькой колдуньи, его всегда забавляли! И тамъ, дальше, черноволосая Лоретто,—американка! И еще двѣ-три другія! Онъ сегодня не хочетъ быть съ ними. Пусть онѣ враждебно поглядываютъ другъ на друга. Онъ не хочетъ удержать ни одной изъ нихъ.

Впрочемъ, съ нимъ еще говорятъ критики, приведенные товарищами, говорятъ слова, которыхъ онъ не слушаетъ. Одинъ изъ нихъ, котораго за глаза называли „дубиной“, а громко „мэтромъ“,—маленькій, жирный, сѣдѣющій человѣчекъ,—напрасно шепчетъ ему тяжеловѣсныя сужденія.

Вдругъ Шериданъ слышитъ:

— Вы воскрешаете славу Дебюсси, но въ глубинѣ вы—романтикъ. Чувствуется, что вы долго и усердно изучали Шумана. Но это пройдетъ. Невозможно быть совсѣмъ самимъ собой въ ваши годы.

Шериданъ весь выпрямился. Его друзья и любовницы, бывшіе здѣсь, которые всѣ знаютъ, какую ненависть питаетъ Шериданъ къ Шуману, издали мѣрятъ взглядами человѣка, сказавшаго такую нелѣпость. А тотъ улыбается, показывая черные зубы, и съ улыбкой всевѣдѣнія продолжаетъ:

— Васъ это удивляетъ? Но, знаете, меня обмануть невозможно. Я очень хорошо слышу Шумана въ вашей музыкѣ. О, я признаю, что все это преобразовано великолѣпно... Нуженъ мой дьявольскій слухъ, чтобы открыть это!

Второй разъ вздрагиваетъ Шериданъ. Блуждаютъ его глаза, устремленные въ глубину забытаго прошлаго. Онъ снова видитъ

свою музыкальную комнату въ Отпрэ, лежащую г-жу Сентанжъ, осеннія краски въ окнахъ... Въ тѣ дни, да... Шуманъ...

Онъ встряхиваетъ головой, словно желая отогнать ужасное видѣніе, которое возвращается снова... Онъ добился того, что не думаетъ объ этомъ болѣе никогда. Прошлое—это темное дно его души, нѣчто болѣзненное, полученное имъ какъ наслѣдіе отъ сумасшедшей бабушки. Онъ не принимаетъ этого болѣе! Довольно того, что корень этого безумія питается его музыкальнымъ геніемъ. И онъ не хочетъ болѣе знать ни именъ, ни лицъ, ни мѣстъ,—свидѣтелей того длительнаго кошмара, въ которомъ томилась его юность! Поэтому онъ никогда не бываетъ въ Отпрэ; поэтому онъ ненавидитъ Шумана!

Знаменитый критикъ думаетъ: „Какъ вѣрно я попалъ. Онъ не могъ возразить мнѣ ни слова".

Но Шериданъ удивляетъ его запоздалымъ отвѣтомъ:

— Шуманъ? Вы думаете?—мечтательно говоритъ онъ въ шумѣ общаго разговора.—Да, когда я былъ ребенкомъ... Я любилъ его...

Его голубые глаза продолжаютъ слѣдить за внутреннимъ видѣніемъ; онъ точно смотритъ въ глубь своей души.

И въ этотъ мигъ чья-то сухая рука вдругъ касается его руки.

— Здравствуйте, господинъ Шериданъ! Я ждала, пока схлынетъ толпа, чтобы подойти. О какое впечатлѣніе! какое впечатлѣніе!

Шериданъ оборачивается; колеблется одно мгновеніе и подавляетъ крикъ. Неужели это г-жа де Клервилльe? Эта плохо одѣтая дама, которая смотритъ на него, высоко поднявъ свое увядшее, изборожденное морщинами лицо, съ двумя бандо уже сѣдѣющихъ волосъ?

— Вы не узнаете меня?

Графиня смѣется. На мигъ, съ блескомъ ея сверкнувшихъ зубовъ, озаряются ея черты, и ея жестокіе глаза, приподнятые у висковъ, наполняются молодымъ весельемъ; на мигъ воскресаетъ прежнее лицо.

— Ахъ!—восклицаетъ Шериданъ.

Онъ отступаетъ на шагъ, съ ужасомъ на лицѣ. И чтобы объяснить это движеніе, глубоко изумляющее Патрицію и другихъ, бормочетъ:

— Я... Прошу меня извинить... Это... Это...

И вдругъ дѣлаясь грубымъ, говоритъ со смѣхомъ:

— Такъ давно!...

— Увы!—отвѣчаетъ графиня.

Она окидываетъ его взглядомъ.

— Вы совершенно тотъ же!

И при этихъ словахъ что-то разбитое слышится въ ея мѣняющемся голосѣ. Но сейчасъ же она жеманится:

— А я?

Шериданъ холодно осматриваетъ ее.

„Вотъ,—говоритъ онъ себѣ,— самоубійство шестнадцатилѣтняго ребенка“.

Взоромъ, привыкшимъ къ изяществу, онъ подробно разсматриваетъ ея безвкусный туалетъ, дурное сочетаніе цвѣтовъ, круглую шляпу съ перьями, слишкомъ моложавую для этого помятаго лица, располнѣвшую талію, стянутую плотно прилегающимъ жакетомъ.

Склонившись на руку, Патриція тоже разсматриваетъ ее до мелочей. И сѣро-голубые, искусно подкрашенные глаза княгини говорятъ:

— Что это за старая дама?

Тогда мучительный стыдъ за прошлое овладѣваетъ Шериданомъ, покрывая краской его лицо, отвыкшее краснѣть.

„Какъ! и изъ-за этой я хотѣлъ себя убить?“—негодуетъ онъ мысленно.

Онъ пожимаетъ плечами. Ему страшно хочется швырнуть въ это подурнѣвшее, неузнаваемое лицо какое-нибудь грубое бранное слово, которое уже подступаетъ къ горлу.

— Но все же, когда вы были еще ребенкомъ, я первая привѣтствовала васъ именемъ артиста, — говоритъ графиня. — Вы помните?

Отъ этихъ правдивыхъ словъ Шеридана сотрясаетъ порывъ бѣшенства. Не отвѣтивъ ни слова, онъ направляется къ Патриціи, изысканно и утонченно изящной, къ другимъ красивымъ женщинамъ, ждущимъ его, къ друзьямъ, къ критику съ черными зубами, и, не глядя больше на г-жу де Клервиллье, онъ начинаетъ, повернувшись къ ней спиной, какъ будто возвращается къ прерванному разговору:

— И такъ, мы говорили...

II.

Мертворожденный.

Послѣ концерта, съ его шумомъ и блескомъ, молчаливый автомобиль повезъ Шеридана съ отцомъ черезъ опустѣвшія улицы, потомъ вдоль черной Сены, гдѣ извивались желтые, зеленые и красные отблески. И какъ бываетъ иногда послѣ большихъ событій, отецъ и сынъ не говорили ничего, можетъ быть, затѣмъ,

чтобы лучше собраться съ мыслями и уяснить себѣ разнообразныя ощущенія этого вечера. Но, когда проѣзжали они черезъ толпу, старый Сентанжъ поцѣловалъ Шеридана въ обѣ щеки, и внезапность этой ласки выдала его волненіе.

Теперь, откинувшись въ уголъ и повернувшись къ замерзшему стеклу автомобиля, за которымъ быстро мелькали картины, онъ словно жалѣлъ о своемъ неожиданномъ движеніи, о слезахъ на своихъ старческихъ рѣсницахъ и о томъ горделивомъ взглядѣ, которымъ онъ публично привѣтствовалъ сына.

Четыре года, какъ бы чѣмъ-то недовольный, старый Сентанжъ упорно оставался въ своемъ Отпрэ. Онъ вернулся туда съ той поры, когда понялъ, что его присутствіе подлѣ Шеридана болѣе не нужно. Онъ вернулся туда полугнѣвный, полусчастливый, въ то время какъ Шериданъ,—двадцатилѣтній Шериданъ,—начиналъ посѣщать салоны, давалъ свои первые концерты на рояли у товарищей и ставилъ среди свистковъ свою композицію для органа и оркестра у Шевильяра.

„Теперь онъ спасенъ!—думалъ тогда отецъ.—Я болѣе не нуженъ ему. Я только буду стѣснять его... Пусть онъ проваливается хоть у всѣхъ Шевильяровъ Парижа,—мнѣ все равно. Онъ не добьется ничего и никогда, это явно. Но, по крайней мѣрѣ, это его развлекаетъ, и у него нѣтъ больше мрачныхъ мыслей".

Онъ предоставилъ мальчику квартиру на островѣ Сенъ-Луи, съ прекрасной старинной мебелью, наслѣдствомъ одной забытой тетки, съ большимъ заломъ для занятій музыкой, заставленнымъ музыкальными инструментами вокругъ органа, любовно воздвигнутаго въ его глубинѣ.

Шериданъ аккуратно получалъ свои личные доходы. Онъ могъ жить беззаботно. А старый Сентанжъ почувствовалъ, что его послѣдняя задача въ жизни исполнена, что онъ можетъ, наконецъ, вернуться въ свое помѣстье и мирно успокоить тамъ свою неудавшуюся жизнь, безъ страха, что новый случай потревожитъ его горькое успокоеніе.

И въ продолженіе четырехъ лѣтъ, безъ жены, безъ сына, выставляя свое лицо поочередно всѣмъ вѣтрамъ смѣняющихся временъ года, онъ жилъ одинъ со своей старой матерью, въ своемъ замкѣ, ставшемъ еще болѣе мрачнымъ, гдѣ, однако, душа его чувствовала себя на своемъ мѣстѣ, какъ корни бука, глубоко вросшіе въ родную землю.

Автомобиль катится. Убѣгаютъ пустынныя предутреннія набережныя. Отецъ и сынъ размышляютъ. Сентанжъ кусаетъ губы.

Гнѣвъ побѣжденнаго бойца терзаетъ его душу и отдаетъ ее въ добычу самымъ противорѣчивымъ чувствамъ. Украдкой онъ бросаетъ въ тѣни сверкающій взглядъ на Шеридана, чей тонкій и безпечный силуэтъ виденъ налѣво.—„Онъ живетъ, мертворожденный! Онъ, дѣйствительно, живетъ!“

Старикъ снова видитъ весь этотъ головокружительный вечеръ. Ахъ, эти рукоплесканія, эти крики, этотъ тріумфъ, и особенно эти женскіе взгляды, нѣжно устремленные на мальчика, когда онъ нѣжно ласкалъ рояль или сотрясалъ его яростными аккордами. Какъ онѣ любили его, эти женщины, эти прекрасныя дамы, какъ всецѣло отдавались онѣ ему этими взглядами! Дѣдъ Сентанжъ, этотъ вѣчный побѣдитель, не посмѣялся бы сегодня! Онъ съ гордостью узналъ бы внука въ этомъ блестящемъ молодомъ человѣкѣ, въ этомъ юномъ олимпійцѣ, къ которому устремлялись желанія женщинъ. Что-то вродѣ ревности грызетъ сердце стараго Сентанжа. Рѣшительно одинъ онъ—жертва, одинъ онъ проигравшій, одинъ онъ мертворожденный. И теперь можетъ ли онъ утѣшиться въ своемъ сынѣ, если этотъ сынъ отказываетъ ему въ той истинной, настоящей сердечности, которая позволяетъ говорить все, признаваться во всемъ? И смутно понимаетъ старый Сентанжъ, что его ребенокъ оторвался отъ него разъ навсегда, ушелъ въ другой міръ, въ другую эпоху.

„Нужно итти за своей эпохой“, говорила когда-то г-жа Сентанжъ-мать. Шериданъ никогда не слыхалъ, никогда не понималъ, никогда не вдумывался въ эти слова. Но событія толкнули его на это. И старый Сентанжъ не умѣетъ точнѣе опредѣлить то, что сегодня разъединяетъ его съ Шериданомъ, какъ сказавъ, что теперешній Шериданъ—„сынъ своей эпохи“.

Ребенокъ выросъ въ отсталой деревнѣ, среди старыхъ людей, которые никогда не дышали современной атмосферой. Какъ въ пещерѣ, лишенной свѣта, онъ развивался ни плохо, ни хорошо, въ вѣкѣ, который не былъ его вѣкомъ. Какъ и его родители, онъ ничего не зналъ о новомъ времени; только природное буйство духа спасало его отъ плѣсени. Онъ слушалъ, какъ бабушка говорила о дилижансахъ и Абдъ-эль-Кадерѣ, а мать о кринолинахъ и Наполеонѣ III. Деревенскій кюрэ училъ его бѣгло читать Лукреція, но едва ли было произнесено при немъ имя Ламартина. Нормандцы съ фермы, какъ и его собственный отецъ, разговаривали лишь объ одномъ, о землѣ, и притомъ на языкѣ близкомъ къ языку XVI вѣка.

И вотъ жизнь однажды схватила мальчика и унесла изъ этой среды.

Сначала былъ Парижъ, Парижъ собора Notre Dame, прогулки въ траурѣ, потомъ работа, строгое и возвышающее опьянѣніе труда. Потомъ, мало-по-малу, несмотря на глухо закрытыя окна, на упорное стремленіе къ единственной, завѣтной мечтѣ, духъ времени проникъ къ нему. И теперь молодой артистъ, наконецъ нашедшій себя и идущій все дальше и дальше по своему собственному пути, есть уже часть своей эпохи; онъ одинъ изъ тысячи камней, слагающихъ зданіе нашего времени.

Удивительное время, тревожно ищущее себя, пламенемъ струящееся по всѣмъ новымъ жиламъ человѣческаго духа! Будь то музыка, живопись, поэзія, область идей,—всюду нашъ вѣкъ стремится разбить старыя формы. Свободный стихъ, импрессіонизмъ, интернаціонализмъ, даже самыя заблужденія—все похоже на горячечный пульсъ обновляющей лихорадки. Дѣло Дрейфуса заставило думать самыхъ тупоумныхъ. Передъ каждой признанной вещью ставятъ „почему“. Умножаются стачки, вспыхиваютъ возстанія. Воистину кажется, что повсюду зачеркнуто слово: „запрещено“. Изобрѣтенія, открытія, какъ безпроволочный телеграфъ или радій, опрокидываютъ общепринятыя идеи. Въ воздухѣ—колдовство, лишенное тайны. Это вѣкъ аэроплана. Блеріо перелетаетъ море. У насъ растутъ крылья. Человѣческая мысль колеблется и пожираетъ пространство на автомобиляхъ. Романтизмъ умеръ. Жизнь царствуетъ въ умахъ, на переплетахъ книгъ, въ спортивныхъ мускулахъ обоихъ половъ. Поэмы открываютъ природу. Родэнъ заставляетъ въ мраморѣ играть трепещущее тѣло. И въ ожиданіи зданія, чья тѣнь закроетъ тѣнь христіанскаго храма, человѣчество, пьяное новыми дыханіями, пляшетъ надо всѣмъ, какъ плясалъ Заратустра. Ярость радости и свободы рвется изъ всѣхъ устъ. И можно сказать, что надъ землей прозвучала труба Воскресенія. Даже женщины начинаютъ мятежъ. Со всѣхъ сторонъ поднимаются раздавленные народы. Они потрясаютъ ярмомъ, ужасая тирановъ. Вся вооруженная, великолѣпная, выходитъ Японія изъ небытія. Повсюду рождаются дочери Французской Революціи. Да, кажется, что всеобщее мужество встаетъ надъ міромъ, наконецъ, готовымъ жить и умереть безъ боговъ. И это, все это двадцатое столѣтіе, Возрожденіе, которому мы еще не знаемъ будущаго имени, время мужественное, самобытное, героическое—наше время.

Шериданъ вдохнулъ все это, и въ его сердцѣ, какъ въ сердцѣ человѣчества, умеръ романтизмъ. Онъ живетъ настоящимъ... Онъ отдаетъ свой геній на то, чтобы бросаться на реальность, хватать ее на лету, потомъ отбрасывать въ сторону.

Любовь была для него только препровожденіемъ времени. Онъ чувствовалъ смутное презрѣніе къ женщинамъ, всегда одинаковымъ, съ ихъ несчастной сантиментальностью, будь то маленькая гризетка или великосвѣтская дама, дѣвченка Фафа или эта Ирэнъ де Клервиллье, похожденья которой онъ зналъ теперь по салоннымъ сплетнямъ. Онъ предпочиталъ всѣмъ этимъ женщинамъ безполыя удовольствія дружбы, путешествія, спортъ, чтеніе. Только его музыкальная мечта оставалась той же. Устремивъ взоры къ этому сіянію, онъ жилъ ослѣпленный, словно тотъ, кто, вынужденный смотрѣть на свѣтъ, не различаетъ вокругъ себя ничего, кромѣ тѣней. Изъ этого возникало его полное равнодушіе къ жизни. Ничто его не удивляло. Все казалось ему естественнымъ.

Все было къ услугамъ Шеридана, чтобы утолить его жажду. Но у него уже не было жажды. Онъ былъ счастливъ и доволенъ. Но у него точно пропалъ интересъ къ самому себѣ, съ тѣхъ поръ какъ его пересталъ преслѣдовать собственный призракъ,—призракъ мертваго ребенка. Онъ принималъ удовольствія, наслажденія, славу,—съ безразличіемъ, подобнымъ тому, съ какимъ принялъ бы несчастье и неудачи. Онъ былъ готовъ ко всему. Для него больше не оставалось возможности быть обманутымъ, точно исчерпалъ онъ за одинъ разъ весь обманъ жизни.

И именно потому, что Шериданъ былъ готовъ ко всѣмъ неудачамъ, жизнь ему улыбалась. Поклоненіе, обожаніе, восторги—все шло къ нему. У него даже былъ близкій другъ, Симеръ-Люкъ Стридаль, драгоцѣнный перлъ, украшавшій его жизнь. И люди и вещи старались понравиться Шеридану, и ему стоило только протянуть руку, чтобы обладать. И, баловень судьбы, онъ не жилъ безнадежностью, потому что все же безумно любилъ жизнь и былъ счастливъ, но только счастливъ, если можно такъ сказать,—отсутствіемъ надеждъ. Въ этомъ и была его сила. Шериданъ Сентанжъ, этотъ знаменитый, равнодушный и жестокій молодой человѣкъ, геніальный композиторъ, гибкій атлетъ съ фигурой ангела, не имѣлъ больше ничего общаго съ ребенкомъ, влюбленнымъ въ г-жу де Клервиллье. Тотъ умеръ въ шестнадцать лѣтъ, съ пулей въ груди, около нормандскаго плетня.

— Что же, отецъ?

Они подъѣзжали къ ихъ старой набережной. Автомобиль замедлялъ ходъ. Сентанжъ вздрогнулъ и повернулся къ сыну. Его долгія размышленія какъ будто наконецъ разрѣшились, и, схвативъ за руку юношу, онъ сжалъ ее изо всѣхъ силъ.

— Ахъ, мой мальчикъ!...

Но тотчасъ онъ овладѣлъ собой, и когда автомобиль останавливался передъ дугообразной дверью и когда Шериданъ открывалъ уже дверцу автомобиля, старикъ проворчалъ:

— Все это прекрасно, но это не достойно Сентанжа.

И тихо добавилъ, точно для себя самого:

— Все это актерство, сынъ мой, да, актерство!...

III.

У себя дома.

Сквозь черныя вѣтви трехъ итальянскихъ тополей, которые украшали этотъ кусокъ старой набережной, чистый зимній свѣтъ вливается волнами въ большую комнату для музыки, гдѣ Шериданъ читаетъ газету.

Свистки пароходовъ, шумы Парижа, дѣтскіе голоса,—вся эта симфонія утра смутно доносится до набережной, гдѣ старинные дома спятъ сномъ провинціи подъ защитой Notre Dame, рисующейся вдали.

Молодой музыкантъ—въ широкомъ домашнемъ халатѣ, облегающемъ его тонкую фигуру красивыми и глубокими черными складками. Его голова кажется еще болѣе бѣлокурой. Блестящіе легкіе волосы, точно волосы ребенка, на которыхъ малѣйшій отблескъ свѣта играетъ, какъ на соломѣ. Полулежа на широкомъ диванѣ, онъ распечатываетъ ворохъ конвертовъ. Вокругъ него высокая комната съ тремя окнами, съ лѣпнымъ потолкомъ, старой мебелью, выцвѣтшими коврами и деревянной люстрой съ желтыми восковыми свѣчами. На стѣнахъ нѣсколько набросковъ Родэна, пастель Одилона Родэна,—плѣнительные, фантастическіе цвѣты, и большой портретъ Шеридана кисти Армана Пуана. Въ глубинѣ торжественный органъ. Въ другомъ углу—болѣе скромная рояль. На столахъ и креслахъ разные музыкальные инструменты.

Обнаженная нога Шеридана, словно драгоцѣнный предметъ изъ слоновой кости, видна изъ-подъ темнаго халата. Лѣтній зной, проникшій невидимыми лучами, живетъ среди вещей, заставляя распускаться розы на длинныхъ стебляхъ, стоящія въ хрустальныхъ вазахъ.

Молодой человѣкъ углубился въ чтеніе. Его волосы, еще влажные отъ душа, завились на лбу въ одинъ большой круглый локонъ. Онъ читалъ. Это были пачки газетныхъ вырѣзокъ,—эхо его концерта, что былъ третьяго дня; тутъ были также письма отъ незнакомыхъ.

Поздравленія, критическія замѣчанія, угрозы, просьбы объ автографѣ, о протекціи или деньгахъ, совѣты, проклятья или объясненія въ любви,—всего было довольно въ этой бумажной грудѣ. Только бранныя письма, написанныя въ непристойномъ духѣ, были анонимны. Но каждый писалъ такъ, какъ будто онъ былъ единственнымъ корреспондентомъ молодого композитора. Свиданія и денежныя просьбы были категоричны, требованія автографовъ—повелительны, грязная брань и угрозы—обстоятельны. Безконечная наивность проявлялась на этихъ страницахъ, гдѣ столько людей приложили такъ много усилій, чтобы быть злобными или убѣдительными.

По мѣрѣ того, какъ Шериданъ читалъ, его все болѣе охватывало изумленье передъ вторженіемъ въ его домъ этой чуждой толпы.

Неужели мало фотографовъ и репортеровъ висѣло на его звонкѣ всѣ эти три дня!...

Онъ отбросилъ письма и взялъ газетныя вырѣзки.

Тамъ ждали его сюрпризы другого рода. Вырѣзка за вырѣзкой онъ безпрерывно переходилъ отъ самой неодобрительной критики къ апоѳеозу. Товарищъ по искусству увѣренно называлъ его „маленькимъ дамскимъ піанистомъ“, непріятный ему критикъ подавлялъ его неумѣренными похвалами. Нѣкоторые приводили его біографію. Онъ былъ англичаниномъ или нѣмецкаго происхожденія. Онъ учился въ Россіи. Онъ былъ сирота, сынъ неизвѣстныхъ родителей. Дальше слѣдовали грязныя или просто глупыя исторіи. Намекали на принцессу Патрицію, на Стридаля, на сумасшедшую бабушку. Изрѣдка въ какомъ-нибудь листкѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ письмахъ, находилъ онъ вѣрное замѣчаніе, сдѣланное кѣмъ-то, понимавшимъ его, съ кѣмъ онъ не былъ знакомъ и чья мысль вдругъ доходила до него, какъ дружеское пожатіе руки.

Теперь меланхолическая задумчивость затуманила голубые глаза Шеридана.

„И это слава“?—думалъ онъ.

И его сердце сжималось, потому что онъ чувствовалъ себя поруганнымъ въ своей самой дорогой мечтѣ, въ своей музыкальной мечтѣ, въ единственномъ чувствѣ своей жизни, въ своей внутренней тайнѣ, въ своей послѣдней глубинѣ!

Разсѣянной рукой провелъ онъ по кучѣ бумагъ, разбросанныхъ по подушкамъ, зѣвнулъ, потомъ безъ всякаго оживленія принялся за оставшіеся нераспечатанными конверты.

— Ахъ!—вдругъ воскликнулъ онъ.

То была записка Симеръ-Люка: „Я буду сегодня съ тобой завтракать“.

„Наконецъ!—подумалъ Шериданъ. — Онъ перестаетъ дуться. Я не видалъ его съ концерта. Это не удивляетъ меня съ его стороны, но все же...“

Сжатыя губы Шеридана раскрылись въ милой улыбкѣ. Онъ любилъ Стридаля за его сложность, болѣе трудную для пониманія, чѣмъ женскую, потому что она исходила не изъ нервности, но была чисто умственной. Онъ любилъ его также за разнообразіе его души. Симеръ-Люкъ весь въ недосказанности, какъ Шериданъ весь въ порывѣ. Симеръ-Люкъ боготворитъ Шеридана за красивую изступленность его души и чувствъ, за равнодушіе прекраснаго хищнаго животнаго, за врожденную дикость, за бурный и утонченный геній. Шериданъ обожаетъ Симеръ-Люка за его сдержанность, полную тайны.

Симеръ-Люкъ таинственный апостолъ жизни. Этотъ парижанинъ-гугенотъ, освободившійся отъ Бога, но сохранившій въ себѣ его слѣдъ, сталъ, какъ говоритъ Шериданъ, его „вѣроломнымъ наставникомъ“. Впрочемъ, единственный писатель, котораго читаетъ Стридаль,—это Андре Жидъ. Можетъ быть, и онъ также пережилъ въ своей ранней юности какія-нибудь внутреннія драмы, воспоминаніе которыхъ онъ сохранилъ навсегда въ тайнѣ.

Онъ истинный аскетъ, но это дьявольскій аскетизмъ, безъ сомнѣнія, скрываетъ дерзновеніе мечты, превосходящее самые чувственные порывы. Все существо его стремится къ жизни. Но живетъ ли онъ, дѣйствительно? И не очарованъ ли онъ Шериданомъ потому, что въ жизни Шеридана есть движенія, тогда какъ у него, у Стридаля, только замыслы? Во всякомъ случаѣ, они знаютъ оба, что могутъ открывать другъ другу всю правду своихъ душъ, и потому-то они такъ нравятся другъ другу.

Молодой музыкантъ, думая обо всемъ этомъ, продолжалъ распечатывать послѣднія письма. И вдругъ—четыре страницы отъ г-жи де Клервилльe. Ироническая улыбка приподняла ангельскія губы молодого человѣка.

„Я не осмѣливаюсь просить такую знаменитость, какъ вы, прійти навѣстить меня“...

Однако она давала ему свой адресъ и говорила, что „они вмѣстѣ поболтаютъ о прошломъ“.—Шериданъ расхохотался, но звукъ собственнаго смѣха заставилъ его содрогнуться. Что̀ знала о его прошломъ она, эта старомодная дама?

Шериданъ снова увидалъ ее той, какъ третьяго дня въ концертѣ—посѣдѣвшей, располнѣвшей Дѣйствительно, это видѣнье настоящаго начинало уничтожать уже погибшее воспоминанье. Да, она, эта женщина, была превосходнымъ олицетвореніемъ того

времени, когда Шериданъ не былъ еще „сыномъ своей эпохи". Но какое влеченіе было у него тогда къ ней, какая любовь, какая разнообразная и глубокая жизнь! И какъ сейчасъ, сравнивая прошлое съ настоящимъ, чувствовалъ Шериданъ увядшей свою душу!

Все, что онъ можетъ вложить въ свое искусство,—онъ это чувствовалъ въ данную минуту,—будетъ только слабымъ отблескомъ его пылкой юности.

Грубымъ ударомъ кулака онъ примялъ одну изъ подушекъ, лежащихъ сбоку его. Согласиться съ самимъ собой въ такой истинѣ... Какое огромное униженье!...

„Ты видишь, маленькій Шериданъ! Бѣдный маленькій Шериданъ изъ Отпрэ... Ты, который ждалъ ее такъ долго... Вотъ она!"...

Въ его глазахъ промелькнула горькая усмѣшка.

„Я сберегъ твою тайну, мой мальчикъ!"

Сберегъ твою тайну. Но значитъ стоило беречь, какъ тайну, это дѣтское приключеніе? Въ самомъ дѣлѣ, почему онъ не разсказывалъ объ немъ никому, даже Стридалю, который зналъ объ немъ все? Только одна сестра милосердія, доминиканка, которую онъ никогда больше не увидитъ, случайно узнала всю правду его самоубійства.

Почему онъ берегъ это, какъ тайну? Откуда въ немъ эта крайняя стыдливость передъ прошлымъ? Почему? Зачѣмъ?

Шериданъ вытягивается, ложится на животѣ среди подушекъ, среди безпорядочно набросанныхъ бумагъ. Подперевъ лицо горячими руками, онъ мечтаетъ. Какъ счастливъ онъ быть наединѣ въ эту минуту волненія. Дорогое одиночество! Когда-то оно ему казалось болѣе жестокимъ, чѣмъ самая злая участь. Теперь же оно стало такимъ сладкимъ, такимъ пріятнымъ, такимъ совершеннымъ! Несмотря на всю его дружбу къ Симеръ-Люку, оно единственный другъ Шеридана. Ахъ, онъ никогда не забудетъ своихъ одинокихъ прогулокъ вдоль Сены, своихъ долгихъ раздумій, когда онъ стоялъ, прижавшись лбомъ къ какому-нибудь оконному стеклу. То были настоящія свиданія съ самимъ собой. А здѣсь, на этихъ подушкахъ, онъ позналъ ночи страстныхъ, безпричинныхъ рыданій.

Да, бываютъ годовщины позабытыхъ событій, какихъ-то невѣдомыхъ намъ датъ... Вдругъ является потребность рыдать, потому что въ этотъ день плакалъ когда-то... Просыпаешься утромъ съ печалью въ груди, и отрадно цѣлый день ждать вновь наступающей ночи, когда остаешься одинъ, распятый на крестѣ тоски,

и рыдаешь до смертельнаго изнеможенія. Это тайное сокровище, осквернить которое не можетъ никто.

Шериданъ всталъ. Скрестивъ руки, воодушевленный, очаровательный въ своемъ темномъ одѣяніи, онъ ходилъ взадъ и впередъ. И какъ это случалось съ нимъ прежде, въ часы сильныхъ душевныхъ волненій, въ мысляхъ у него запѣли стихи. Почти невольно онъ склонился къ столу и написалъ:

О, одиночество святое!
Бываютъ, говорятъ, родныя души-сестры...
Но что замѣнитъ твой восторгъ жестоко-острый,
О, одиночество святое!

Какъ плакать на груди чужой,
Когда душа полна страданьемъ!
Наединѣ съ своимъ сознаньемъ
Свѣтлѣй, чѣмъ на груди чужой!

Души болѣзнь неисцѣлима!
Искать цѣленія въ душѣ другой—напрасно.
И помни, на друзей взирая безучастно:
Души болѣзнь неисцѣлима!

. . . . . .

Звонокъ, шаги, голоса. Отворяется дверь, входитъ Стридаль. Высокій, блѣдный, бритый, въ выразительными глазами, можетъ быть, сѣрыми, но оставляющими впечатлѣніе болѣе своимъ взглядомъ, чѣмъ цвѣтомъ и формой. Высокій лобъ, начинающій лысѣть, несмотря на то, что Стридаль молодъ: ему тридцать три года. Что-то вродѣ длиннаго колета, облегающаго его плечи, темными складками оттѣняетъ яркій и рѣдкостный цвѣтъ его галстука. Въ рукѣ у него мягкая фетровая шляпа съ широкими полями. Есть что-то строгое и жестокое въ выраженіи его рта. Изысканность костюма и оригинальность внѣшняго облика, съ перваго взгляда, придаютъ ему видъ протестантскаго пастора, ставшаго художникомъ.

— Здравствуй!—говоритъ онъ, не улыбаясь.

Шериданъ быстро прячетъ стихи, которые писалъ, и поднимаетъ на внимательно глядящаго друга взглядъ, полный нѣжнаго лукавства.

— Здравствуй...—отвѣчаетъ онъ.

Выходили изъ-за стола. Старикъ Сентанжъ, бывшій случайно въ хорошемъ расположеніи духа и любезный съ незнакомымъ

гостемъ, разсказывалъ въ продолженіе всего завтрака о прежнемъ маленькомъ Шериданѣ, о его скачкахъ на необъѣзжанныхъ лошадяхъ, о его безумной бѣготнѣ по полямъ съ парнями съ фермы, объ урокахъ латинскаго языка у деревенскаго кюрэ, о занятіяхъ музыкой. Онъ разсказывалъ о г-жѣ Сентанжъ, неизмѣнно лежащей въ креслѣ-качалкѣ, объ урокахъ англійскаго языка при свѣтѣ вечерней лампы.

Атмосфера деревенской, дѣтской, простодушной жизни воскресала въ разсказахъ старика. И Симеръ-Люкъ, съ нѣмымъ вниманіемъ, жадно слушалъ все это, въ то время какъ Шериданъ улыбался на эти воспоминанія о прошломъ...

...Старикъ Сентанжъ только что покинулъ ихъ, чтобы совершить, какъ прежде, свою „маленькую прогулку“ по острову Сенъ-Луи. Два друга остались одни въ залѣ для музыки.

Шериданъ закурилъ папиросу, растянувшись во весь ростъ на диванныхъ подушкахъ, прикрылъ чернымъ халатомъ свои голыя ноги и, отодвигая мѣшающіе ему листы бумаги, равнодушно сказалъ:

— Концертъ сошелъ хорошо, не правда ли?... Ты видѣлъ газеты?

И немного нервно прибавилъ:

— Было много „снобовъ“ въ публикѣ. И всѣ тѣ женщины!

Симеръ-Люкъ, который курилъ, стоя передъ органомъ, повернулся къ Шериданy. Они обмѣнялись взглядами мужской иронiи по адресу женщинъ. И Симеръ-Люкъ сказалъ:

— Развѣ онѣ понимаютъ что-нибудь въ твоей музыкѣ!

— Женщины никогда не понимаютъ ни въ чемъ,—возмутился Шериданъ съ ненавистью, изумившей его самого.

Но Симеръ-Люкъ не слушалъ его. Онъ сказалъ серьезно:

— Ахъ, Шериданъ, когда же мы поѣдемъ туда,—какъ ты мнѣ это обѣщалъ, давно,—когда будемъ мы бродить вмѣстѣ вокругъ того каменнаго креста, гдѣ бродилъ ты въ четырнадцать лѣтъ съ мыслями о самоубійствѣ, призывая въ ночи невѣдомаго друга, гдѣ рыдалъ ты отъ безпричиннаго отчаянія?

Шериданъ не отвѣтилъ ему ничего.

IV.

Призраки.

Въ апрѣльскій день, когда Парижъ дрожитъ подъ первымъ вѣяніемъ весны каждой вѣточкой своихъ скверовъ и высокихъ платановъ, плѣненныхъ асфальтомъ, Шериданъ, случайно про-

ходя по какой-то роскошной и банальной улицѣ, отдаленной отъ его острова Сенъ-Луи, встрѣтилъ г-жу де Клервиллье.

Задумавшись, онъ шелъ передъ ней, не видя ничего. Она первая, сойдя съ своего автомобиля, остановила Шеридана.

— Это я!—сказала она.

Даже не взглянувъ на нее, онъ узналъ ея голосъ. И тотчасъ же, увидавъ ея старѣющее печальное лицо, онъ почувствовалъ какъ въ немъ поднимаются иронія и ненависть.

— Я могла бы подумать,—сказала графиня,—что вы идете ко мнѣ. Но я не вѣрю этому.

Со шляпой въ рукѣ, съ вѣжливымъ и уклончивымъ взглядомъ, Шериданъ искалъ случая поскорѣе откланяться и бормоталъ извиненія:

— Въ Парижѣ, вы знаете, всегда бываешь такъ занятъ... У меня никогда нѣтъ времени дѣлать визиты... Я...

— Ну, хорошо! Такъ какъ вы въ моихъ рукахъ,—сказала графиня своимъ прежнимъ повелительнымъ тономъ,—вы поѣдете ко мнѣ.

Ему почти хотѣлось закричать: „О, нѣтъ“, какъ тогда, когда онъ былъ ребенкомъ. Но благовоспитанность, которой нѣкогда научила его мать, удержала его отъ этого. Быть можетъ, также мелькнуло въ немъ дурное любопытство. Злая улыбка пробѣжала по его губамъ. Онъ покорно вошелъ въ автомобиль графини.

Между тѣмъ графиня продолжала своимъ прекраснымъ прежнимъ голосомъ, яснымъ и исполненнымъ оттѣнковъ въ одно и то же время:

— Мы у самыхъ моихъ дверей. Я всегда дома съ пяти часовъ. Впрочемъ, у меня никого не бываетъ.

Она добавила:

— Иногда мой зять.

И потомъ очень поспѣшно:

— Вы знаете, что моя младшая сестра Аннетъ уже три года какъ вышла замужъ?

— Я не зналъ,—равнодушно отвѣтилъ Шериданъ.—Каковъ же изъ себя ея мужъ?

Она отвѣтила въ порывѣ глухой злобы, удивившей его:

— Ординарный и тупой.

И оживляясь:

— Онъ повѣренный въ Иври. Но больше всего онъ занимается политикой и хочетъ быть депутатомъ. Онъ радикалъ-соціалистъ.

Внезапный смѣхъ Шеридана хлестнулъ ее.

— Да, я знаю,—сказала она претенціозно,—это не идетъ ко мнѣ, не правда ли? Вы знали меня аристократкой и роялисткой. Я такой и осталась... Но что вы хотите? Таковы его убѣжденія.

Она стала пространно разсказывать:

Бѣдная Аннетъ осталась хилой, почти карлицей, хромой, съ неловкими движеніями. Много ли было у нея шансовъ встрѣтить человѣка, который захотѣлъ бы ее сдѣлать своей женой?

Къ счастью, я была тутъ и дала ей приданое. О, ровно столько, чтобы ея мужу купить себѣ мѣсто повѣреннаго. И я помогаю имъ жить, Аннетъ и ея мужу. У Анри Обрэ, моего beau-frère, нѣтъ ни гроша, вы понимаете. Впослѣдствіи онъ, можетъ быть, разбогатѣетъ на своемъ мѣстѣ, но теперь...

— Такъ что,—заключилъ Шериданъ,—вы, графиня де Клервилльe, платите за вино избирателей?

Она посмотрѣла на него смущенно. Они подъѣхали къ дверямъ ея маленькаго отеля. Такимъ ледянымъ взоромъ глядѣлъ Шериданъ, что графинѣ стало страшно; одну минуту она подумала, что, выйдя изъ автомобиля, онъ покинетъ ее тотчасъ, даже не попрощавшись. Но онъ послѣдовалъ за ней въ дверь дома.

Темный вестибюль; лѣстница, покрытая звѣриными шкурами. Силуэты лакеевъ въ дверяхъ. Салонъ, другой салонъ. Въ маленькомъ будуарѣ, переполненномъ вышивками, бездѣлушками, коврами, картинами, графиня, наконецъ, остановилась.

— Садитесь, господинъ Шериданъ,—сказала она.—Не хотите ли чаю?

Даже не слушая, онъ осматривался вокругъ, изумленный и удрученный своимъ присутствіемъ здѣсь. Что-то старомодное въ атмосферѣ этого жилища напоминало ему Отпрэ. Онъ машинально разбиралъ генеологическое дерево, вырѣзанное на мѣди алебастроваго стола, какъ вдругъ его внезапно поднявшіеся глаза расширились.

Надъ каминомъ портретъ кисти Эбера: Ирэнъ де Клервилльe въ двадцать пять лѣтъ! Блестящая, прямая, тонкая, нѣжная, въ старинномъ платьѣ, декольтированномъ „carré“, съ разрѣзомъ глазъ, словно сдѣланномъ ударомъ сабли, съ удивительнымъ взглядомъ, зачаровывающимъ, какъ взглядъ звѣря, съ узкими ноздрями, съ благороднымъ ртомъ, выражающимъ почти высокомѣріе, пріоткрытымъ надъ крѣпкими блестящими зубами...

Г-жа де Клервилльe, поднявшись со стула и снимая шляпку, даже не взглянувъ въ зеркало, начала его мучить разговоромъ. Ея голосъ пожиралъ слова. Безъ сомнѣнія, она объясняла ему, въ какую эпоху и при какихъ обстоятельствахъ написалъ этотъ

портретъ Эберъ. Но онъ даже не слушалъ. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ весь повернулся и метнулъ на нее свой голубой взоръ съ такимъ страннымъ видомъ, что она замолчала.

— И послѣ того, какъ вы были *такой*, — сказалъ онъ грубо, показывая на картину,—вы позволили себѣ сдѣлаться *этой!* Вы не постарались защититься!

Она не осмѣливалась отвѣчать на эти странныя слова, потому что онъ былъ молодъ и прекрасенъ, потому что онъ былъ знаменитость, и его лестное присутствіе преображало ея пустынный салонъ,—салонъ старѣющей женщины. Выраженіе такой покорности скользнуло по ея лицу, привыкшему быть гордымъ въ салонѣ, похожемъ на моргъ, что Шериданъ вдругъ почувствовалъ къ ней неожиданное состраданье, и, точно понявъ свою неловкость, провелъ рукой по лбу и сказалъ:

— Извините меня!...

Потомъ ласково:

— Дорогая графиня, мнѣ хочется вамъ сказать: вы не умѣете пользоваться вашимъ лицомъ.

Она печально разсмѣялась.

— Я такъ стара теперь... Когда мнѣ случается взглянуть на себя въ зеркало, я говорю себѣ: *больше никогда...*

Въ салонѣ наступило короткое молчаніе. Потомъ она заговорила снова:

— Я не умѣю защищаться, это правда. Впрочемъ, я даже не пробовала. Для кого буду я защищать себя? Единственный человѣкъ, котораго я любила, меня покинулъ. Вы, можете быть, знаете мою исторію?

— Да, да! — воскликнулъ Шериданъ, боясь, что она начнетъ ему разсказывать ее.

Онъ приблизился къ ней, разсмотрѣлъ ее близко, словно разсматривая какую-то вещь, отступилъ, прищурилъ глаза и объявилъ:

— У васъ еще есть зубы, вы могли бы подправить глаза, черты лица всегда будутъ прекрасны. Съ этимъ, по крайней мѣрѣ, можно будетъ *драматизировать* то, что у васъ осталось. Меня раздражаетъ видѣть васъ такъ плохо одѣтой, потому что... Ну, однимъ словомъ, это меня раздражаетъ!

Его короткій смѣхъ прозвучалъ таинственно. Затаенная злость приподняла подъ просвѣчивающими усами его двусмысленныя губы.

— Послушайте,—пробормоталъ онъ,—хотите, я приведу васъ въ порядокъ? Я хорошо знаю, какъ надо за это взяться. У меня есть знакомыя женщины, уже не молодыя, которыя открыли мнѣ

свои тайны. Конечно, нуженъ будетъ массажъ, электричество, ночныя повязки на лицо, средства для волосъ и все остальное. Это—пять-шесть часовъ труда въ день, чтобы быть сносной два часа при искусственномъ свѣтѣ, въ полутѣни или подъ густой вуалью. Но это стоитъ труда.

Она смотрѣла на него растерянно. Было ли это просто дерзостью или причудливостью артиста? Какимъ царственнымъ взглядомъ уничтожила бы она прежде этого молодого наглеца! Но она уже привыкла къ различнымъ грубостямъ мужчинъ. Она знала, что даже совершенной красоты и молодости недостаточно, чтобы ихъ смирить совершенно, и что тѣмъ болѣе нечего дѣлать, когда это оружіе утрачено.

— Послушайте,—продолжалъ Шериданъ тономъ ребенка, объясняющаго игру.—Надѣньте домашнее платье, что-нибудь просторное, въ складкахъ, вы понимаете? За это время я лечу на автомобилѣ въ магазины, которые знаю, и привезу вамъ все, что нужно.

— Однако...—начала она.

Но его уже не было.

Ирэнъ де Клервилльe, растерявшись, нѣсколько мгновеній стояла неподвижно въ своемъ маленькомъ салонѣ. Насмѣхается надъ ней этотъ мальчикъ? Что означаетъ его шутка? Вѣроятно, онъ просто не вернется...

Съ мрачнымъ лицомъ, она идетъ въ свою комнату и звонитъ. И пока горничная застегиваетъ на ней какой-то пѣнистый и бѣлый „tea gown“, складки котораго окутываютъ, заволакиваютъ и ласкаютъ ея тѣло, отяжелѣвшее отъ сорока семи лѣтъ, она смотритъ, какъ отражается въ зеркалѣ вся эта бѣлизна и ея лицо устарѣвшей брюнетки, съ суровыми глазами, испещренными легкими красными жилками, которые кажутся уменьшенными отъ изсохшихъ вѣкъ. Да, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ сѣдѣютъ волосы, лицо мало-по-малу увядаетъ. И что за морщина черезъ весь лобъ, направо! Какія складки вдоль рта!... Кажется, что кровь уже не циркулируетъ подъ этой вялой, испещренной пятнами, дряхлѣющей кожей. Почему увеличиваются челюсти, когда старѣютъ? Почему западаютъ щеки? И почему появляются мѣшки подъ глазами, словно отъ ударовъ чьей-то злой руки? И подбородокъ! И шея, шея гдѣ воркуетъ такъ дерзко не сомнѣвающаяся въ себѣ юность!...

Горничная ушла. Г-жа де Клервилльe посмотрѣла на себя. Тайны ея жизни сжимали ей сердце нѣсколько сильнѣе, чѣмъ обыкновенно. Ахъ, какой старой чувствовала она себя сегодня! Словно считая, одну за другой, свои потери, она трогала концомъ своего тонкаго указательнаго пальца всѣ точки своего лица.

Потомъ, повернувшись, она медленно опустила голову передъ непоправимымъ...

Она не кончила еще своего движенья, какъ голосъ Шеридана заставилъ ее вскочить.

— Вы здѣсь?—позвалъ онъ, отворяя дверь.

Въ рукахъ у него былъ свертокъ, онъ смѣялся. Она хотѣла спросить, посмотрѣть.

Но сильныя руки посадили ее на низкій стулъ возлѣ туалета.

...Все это продолжалось больше часа. Она чувствовала, какъ по ея глазамъ, щекамъ, губамъ скользили легкіе магическіе пальцы Шеридана. Да, здѣсь былъ онъ, Шериданъ Сентанжъ, знаменитый юноша. Онъ кружился около графини де Клервиллье, какъ скульпторъ вокругъ своей статуи. Онъ долго терзалъ ея трепещущія вѣки, трепетавшія отъ прикосновенія румянъ. Потомъ онъ причесалъ ея волосы. Время отъ времени онъ дѣлалъ три шага назадъ, полузакрывая глаза...

Легкое прикосновеніе этихъ прекрасныхъ и искусныхъ рукъ доставляло счастье Ирэнъ де Клервиллье. Она не двигалась и только иногда улыбалась. Неожиданная радость волновала ея увядшее сердце, потому что, какъ всѣ женщины, она слишкомъ долго томилась тщетной потребностью, чтобы кто-нибудь ею занялся. И этимъ *кто-то* оказался божественный Шериданъ!...

— Не шевелитесь!—закричалъ онъ вдругъ послѣ долгаго молчанья, занятаго работой.

Онъ задернулъ занавѣсы на окнѣ. Онъ прошелъ также въ маленькій будуаръ, чтобы и тамъ подготовить удачный эфектъ полусвѣта.

— Смотрите теперь!—торжествовалъ Шериданъ.

И, дѣйствительно, въ умѣло распредѣленномъ свѣтѣ возникло вдругъ словно нѣкое видѣніе: ожившій образъ прошлаго.

— Боже мой!—воскликнула графиня, почти окаменѣвъ передъ зеркаломъ.

Вернулъ ли онъ ей утраченный блескъ ея молодости?

Она вышла изъ его рукъ ожившая, гальванизированная. Подъ волосами, ставшими вновь черными, ея глаза загорѣлись утраченнымъ огнемъ. Искусственная томность удлинила ея вѣки — вѣки идола. Сглаженный искусствомъ Шеридана цвѣтъ лица сдѣлался вдругъ какъ бы *своимъ;* губы стали алыми; исчезла и морщина на лбу, и ямы щекъ, и всѣ недостатки подбородка и шеи.

— Но это магія, г. Шериданъ,—сказала она наконецъ.

Онъ вымылъ руки, продолжая глядѣть на нее.

— Вы все же немного больше походите теперь на свой пор-

третъ,—сказалъ онъ.—Но, напримѣръ, держите подбородокъ выше! Да... Такъ... Не морщите брови!... Хорошо... Нужно много предосторожностей!...

Хрупкая, точно покрытая лакомъ, готовымъ сойти, она все время смотрѣла на себя въ зеркало, при благодѣтельномъ полусвѣтѣ. Высокая и прямая въ своемъ бѣломъ платьѣ, она немного склонила голову и замѣтила съ своей раздражающей интонаціей жеманницы:

— Но я еще не такъ дурна! Я могу возобновить побѣды надъ сердцами!

Шериданъ засмѣялся дикимъ смѣхомъ. Ирэнъ де Клервиллье повернулась къ нему, какъ раненый звѣрь.

— Почему вы смѣетесь?—задыхается она.—Значитъ, въ общемъ я смѣшна?... Вы насмѣхаетесь надо мной!

Онъ подошелъ, чтобы видѣть возможно ближе это содроганіе горя, которое тотчасъ измѣнило ея голосъ, и сказалъ:

— Вы старомодны, когда говорите, и вы божественны, когда не говорите ничего.

Г-жа де Клервиллье не знала, что думать. Оскорбилъ ли ее юноша своимъ замѣчаніемъ?

Онъ тихо взялъ ее за руку, и она позволила молча провести себя въ маленькій салонъ. Онъ посадилъ ее на диванъ, положилъ ея руки на подушку и поправилъ еще занавѣсы. Садясь противъ нея, онъ сталъ оцѣнивать ее въ цѣломъ:

— О, постойте! Въ эту минуту, положивъ голову такимъ образомъ, съ этимъ эфектомъ полутѣни... Если бы вы знали, какъ вы еще прекрасны!...

Онъ сказалъ это съ такимъ убѣжденіемъ, что она осмѣлилась посмотрѣть на него, какъ женщина смотритъ на мужчину. Въ ея длинныхъ зрачкахъ, которые, какъ взглядъ Медузы, могутъ приводить въ оцѣпенѣніе все, на что пристально смотрятъ, проходятъ мысли о новыхъ возможностяхъ... Вокругъ струится тайна молчанія и сокровенной мысли. Не смѣя слишкомъ шевелить своими раскрашенными, почти неподвижными губами, графиня говоритъ, раздраженная своей внутренней мечтой, кокетливая и довѣрчивая, какъ молодая женщина:

— Вы будете моимъ другомъ! Моимъ повѣреннымъ тайнъ!... Хотите?

Шериданъ встаетъ съ самой дурной своей улыбкой.

— О, знаете,—возражаетъ онъ,—я не такъ милъ, какъ вы думаете!

Ненависть и иронія еще разъ сверкаютъ въ его измѣнчивыхъ глазахъ.

Графиня тоже встаетъ.

— Вы необыкновенное существо — вздыхаетъ она грустно. — Дѣйствительно, вы не похожи ни на кого.

— Это, кажется, васъ очень стѣсняетъ,—насмѣхается онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ она,—это пугаетъ меня.

Какія слова! Итакъ, теперь она боится его, она, передъ которой столько разъ дрожалъ онъ — ребенокъ, дрожалъ почти до обморока! Неспокойнымъ взглядомъ разсматриваетъ Шериданъ въ полутьмѣ ускользающій призракъ, вызванный къ жизни его извращеннымъ искусствомъ, призракъ той, для которой когда-то себя убилъ. Его леденитъ ужасъ этой встрѣчи послѣ долгихъ годовъ забвенія...

Графиня, которой хочется удержать его еще немного, начинаетъ опять:

— Кто бы могъ предположить, что вы станете тѣмъ, что вы теперь?

И на этотъ разъ Шериданъ смѣется такъ, что графиня содрогается. Она вспоминаетъ бабушку Шеридана, которую видѣла когда-то, и думаетъ рѣшительно, что этотъ молодой человѣкъ немножко безумный. Впрочемъ, развѣ она не слыхала много разъ, что всѣ композиторы—сумасшедшіе.

Шериданъ въ свою очередь думаетъ:

„Какъ интересуется она мною! Какъ она повинуется мнѣ! Вотъ: я человѣкъ, добившійся успѣха. А когда я былъ юношей, когда я носилъ въ себѣ все мое будущее, когда во мнѣ прозябалъ драгоцѣнный цвѣтокъ перваго мужского чувства, она меня презрѣла, не узнавъ меня, потому что была только женщиной и не могла понять сокровища, которое дарила ей судьба: маленькаго мужчину. Она могла взять этого мужчину всецѣло, въ его первой страсти,—она старшая, она, опытная!... Ахъ, вся моя способность любить была исчерпана въ одинъ разъ для тебя, не сумѣвшей догадаться о моей любви! И ты оставила меня, опустошеннымъ и изсохшимъ, на порогѣ моей молодости!“

Стоя лицомъ къ лицу, они смотрѣли другъ на друга, два выходца изъ прошлаго. И вдругъ Шериданъ замѣтилъ, что онъ все еще здѣсь, передъ ней. И не желая оставаться ни минуты больше, онъ вдругъ бросилъ:

— Прощайте, madame!

Потомъ, нахлобучивъ свою черную шляпу на золотые кудри онъ вышелъ большими шагами, не оборачиваясь.

Перевела **Нина Петровская.**

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Современное народничество и аграрная эволюція.[1])

Въ 1-ой части этого очерка я далъ общій обзоръ—такъ сказать внѣшнюю характеристику той серіи работъ, въ которой воплощаются аграрныя исканія современнаго народничества. Теперь намъ предстоитъ подробнѣе ознакомиться съ проводимыми здѣсь взглядами по основнымъ вопросамъ аграрной эволюціи.

Первый коренной вопросъ, который занимаетъ нашихъ изслѣдователей,—это вопросъ о взаимоотношеніи мелкаго и крупнаго сельскохозяйственнаго предпріятія, въ частности, крупно-капиталистическаго хозяйства съ его „феодальными“ или „захватными“ разновидностями, и хозяйства мелко-крестьянскаго трудового. Въ работахъ гг. Быховскаго и Суханова мы находимъ теоретическій анализъ этого вопроса, причемъ нѣкоторыя дополненія къ разсужденіямъ перваго изъ нихъ можно найти у г. Огановскаго. Этотъ послѣдній даетъ затѣмъ сравнительный анализъ фактическихъ данныхъ о крестьянскомъ и помѣщичьемъ хозяйствѣ, работа же г-жи Фортунатовой представляетъ собою сводку данныхъ о движеніи землевладѣнія—конечномъ результатѣ борьбы между крупно-владѣльческимъ и мелко-крестьянскимъ хозяйствомъ.

Останавливаться подробно на работѣ г. Быховскаго намъ и въ этой части нашего очерка нѣтъ необходимости. Какъ было выше отмѣчено, эта работа не представляетъ ничего новаго ни въ выводахъ, ни въ аргументаціи. Это добросовѣстная, но лишенная всякой самостоятельности компиляція всего, что когда-либо и кѣмъ-либо говорилось противъ крупно-капиталистическаго и въ пользу мелко-крестьянскаго хозяйства. Съ конечными выводами г. Быховскаго, которые цѣликомъ принимаетъ и К. Р. Качоровскій, мы имѣли случай познакомиться выше. Эти выводы безусловно благопріятны для мелкаго и неблагопріятны для крупнаго хозяйства, даже въ чисто-капиталистической формѣ, не говоря уже о помѣстномъ владѣніи „захватнаго“ и феодальнаго типа, которое подъ

---

[1]) *Окончаніе.* См. *Русская Мысль*, 1911 г., кн. IV.

капиталистическою личиною скрываетъ совсѣмъ не капиталистическую сущность. Если крупно-капиталистическое хозяйство и имѣетъ кое-какія техническія и экономическія преимущества, то эти преимущества могутъ быть усвоены и мелко-крестьянскимъ хозяйствомъ посредствомъ кооперативныхъ организацій или при содѣйствіи общественныхъ коллективныхъ производствъ.

Всецѣло на той же почвѣ стоитъ—поскольку рѣчь идетъ о безсиліи крупно-капиталистической формы предпріятія—и Н. П. Огановскій. Но онъ расходится съ гг. Быховскимъ и Качоровскимъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ установленіи наиболѣе жизнеспособной формы сельскохозяйственнаго предпріятія. Такою максимально-жизнеспособною формой г. Огановскій признаетъ не столько мелкое хозяйство въ усвоенномъ экономическою наукой смыслѣ слова, сколько хозяйство *средняго* размѣра.

Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, его взгляды далеки отъ полной опредѣленности. Въ монографіи, помѣщенной въ сборникѣ „Борьба за землю“ (стр. 163), онъ констатируетъ преимущества „мелкихъ и среднихъ группъ“, и тутъ же вслѣдъ за этимъ говоритъ даже объ однихъ только мелкихъ хозяйствахъ: „въ общемъ итогѣ мелкія хозяйства оказываются трудо-и капитало-интенсивнѣе крупныхъ“, а потому именно они „болѣе способны перейти въ фазисъ интенсивнаго развитія производительности земли“. Въ своей „Закономѣрности“ г. Огановскій констатируетъ, что и въ западно-европейскихъ странахъ „сельскохозяйственное производство, а слѣдовательно и обмѣнъ концентрируются не въ рукахъ крупныхъ, а въ рукахъ среднихъ и мелкихъ хозяйствъ“ (стр. 162). И это понятно: „мелкое и среднее индивидуальныя хозяйства,—говоритъ онъ,—при прочихъ равныхъ условіяхъ будутъ болѣе приспособлены къ интенсивному развитію производительности земли и потому будутъ продолжать вытѣсненіе крупныхъ хозяйствъ съ тѣхъ позицій, которыя они еще сохранили“ (стр. 303—304). Но въ другихъ мѣстахъ г. Огановскій опредѣленно констатируетъ преимущества типа „смѣшаннаго, полутрудового *средняго* хозяйства“ не только передъ крупнымъ, но и передъ мелкимъ, чисто трудовымъ хозяйствомъ. „Сочетаніе наибольшей интенсивности съ наибольшею выгодностью дастъ среднее кооперативное хозяйство“, и даже „идеаломъ будущаго съ технической стороны“ являются именно „небольшія кооперации“, т.-е. кооперативныя предпріятія средняго размѣра, съ полнымъ обобществленіемъ всѣхъ процессовъ производства и съ соединеніемъ для обмѣна въ болѣе крупные союзы (стр. 306—307). Аргументовъ въ пользу преимущественной жизнеспособности и дѣеспособности хозяйствъ средняго размѣра приводится, въ сущности, немного (см. стр. 273, 299, 300), и вопросъ объ особливыхъ преимуществахъ средняго хозяйства приходится отнести къ числу тѣхъ довольно многочисленныхъ вопросовъ, гдѣ г. Огановскій даетъ скорѣе намекъ на рѣ-

шеніе, нежели полную и всестороннюю его аргументацію. Думаю, что въ данномъ случаѣ г. Огановскому будетъ и нелегко аргументировать свое рѣшеніе,—слишкомъ ужъ оно противорѣчитъ какъ всему, что мы знаемъ относительно дѣйствительнаго склада нашихъ земельныхъ отношеній, такъ и апріорнымъ соображеніямъ, заставляющимъ видѣть въ среднемъ хозяйствѣ промежуточную форму, не имѣющую, въ чистомъ видѣ, преимуществъ ни крупнаго, ни мелко-трудового хозяйства, но обладающую свойственными какъ тому, такъ и другому недостатками.

Такъ или иначе—для крупнаго хозяйства теоретическіе выводы г. Огановскаго въ той же мѣрѣ неблагопріятны, какъ и выводы другихъ участниковъ коллективнаго труда „Борьба за землю“. И эти теоретическіе выводы находятъ себѣ полное подтвержденіе въ результатахъ статистическихъ изслѣдованій того же г. Огановскаго и г-жи Фортунатовой. Вотъ какимъ образомъ резюмируетъ эти результаты, поскольку рѣчь идетъ объ организаціи сельскаго хозяйства, г. Огановскій на послѣдней страницѣ своей статистической монографіи: „А. Мелкое трудовое хозяйство,—говоритъ онъ,—уже теперь обладаетъ болѣе совершенною группировкой угодій, чѣмъ нетрудовое капиталистическое, т.-е. болѣе интенсивными системами хозяйства, такъ какъ у крестьянъ площадь пашни больше, а площадь лѣса въ нѣсколько разъ меньше, чѣмъ у частныхъ владѣльцевъ. Б. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ, какъ общее правило, системы полеводства болѣе интенсивны, такъ какъ, во-первыхъ, въ пашнѣ у крестьянъ относительно меньше площади пара и залежи; во-вторыхъ, въ крестьянскихъ посѣвахъ тѣ виды полевыхъ культуръ, которыя требуютъ усиленныхъ затратъ труда... пріобрѣли большее значеніе, чѣмъ въ посѣвахъ владѣльческихъ. В. Примѣненіе удобренія и травосѣянія хотя и запоздало у крестьянъ сравнительно съ помѣщиками, благодаря бѣдности и невѣжеству крестьянской массы, но, разъ начавшись, развивается очень быстро,—быстрѣе, чѣмъ у частныхъ владѣльцевъ. Г. Интенсификація требуетъ увеличенія затратъ труда и капитала на одну и ту же площадь,—мелкое хозяйство и трудо-и капитало-интенсивнѣе крупнаго. Наконецъ Д. Урожайность у крестьянъ хотя и ниже въ настоящій моментъ, чѣмъ у частныхъ владѣльцевъ, но повышается съ каждымъ десятплѣтіемъ, причемъ это повышеніе идетъ въ возрастающей прогрессіи, чего у частныхъ владѣльцевъ не наблюдается“ (стр. 169).

Мнѣ думается, что въ такой абсолютной формѣ заключенія г. Огановскаго рѣшительно непріемлемы. Заключенія эти совершенно игнорируютъ существованіе *различныхъ типовъ* помѣстнаго владѣнія и владѣльческаго хозяйства. Г. Огановскому извѣстны факты, свидѣтельствующіе о томъ, что не все сплошь владѣльческое хозяйство носитъ „феодальный“, „крѣпостническій“, кабальный характеръ. Но въ его глазахъ все то, что не

подходитъ подъ его отрицательную характеристику,—это не болѣе какъ единичныя, „болѣе или менѣе выдающіяся“ хозяйства, съ которыми при общей оцѣнкѣ владѣльческаго хозяйства можно вовсе не считаться. Едва ли однако такой взглядъ правиленъ: вѣдь такихъ „выдающихся“ хозяйствъ, всетаки, тысячи, занятая ими площадь измѣряется милліонами десятинъ, и въ нѣкоторыхъ районахъ (напр., юго-западномъ) они составляютъ скорѣе правило, нежели рѣдкое исключеніе. Это—не единичные исключительные случаи, какіе, въ самомъ дѣлѣ, можно было бы игнорировать, а самостоятельный хозяйственный типъ, существенно отличающійся отъ заурядныхъ феодальныхъ и кабальныхъ хозяйствъ и потому заслуживающій со стороны изслѣдователя большаго вниманія, нежели какое ему удѣляетъ г. Огановскій. Можетъ быть, и это типъ не жизнеспособный,—но это во всякомъ случаѣ требовалось бы доказать, и этого нельзя доказать путемъ простого подведенія хозяйствъ даннаго типа подъ общій „феодально-крѣпостническій“ шаблонъ [1]). Но и независимо отъ сказаннаго, въ заключеніяхъ г. Огановскаго и въ ихъ обоснованіи можно усмотрѣть немалые дефекты. Такъ, большая интенсивность системъ хозяйства и полеводства у крестьянъ доказывается бо́льшимъ у послѣднихъ процентомъ пахотной земли и меньшимъ процентомъ пара и залежи; но неужели общеизвѣстный фактъ чрезмѣрной распаханности крестьянскихъ надѣльныхъ земель долженъ почитаться за *преимущество* крестьянскаго хозяйства, а сохраненіе во владѣльческихъ имѣніяхъ извѣстной части кормовыхъ угодій и лѣса должно быть поставлено въ *минусъ* владѣльческому? Неужели меньшій процентъ залежи и пара, какой наблюдается при нестропольѣ, даетъ крестьянскому хозяйству преимущества передъ владѣльческимъ, гдѣ имѣютъ возможность до поры до времени выдерживать болѣе правильное залежное хозяйство? Пора бы уже прійти къ убѣжденію, что такого рода чисто ариѳметическая характеристика системъ хозяйства и полеводства совершенно безсодержательна,—что процентъ пара или залежи лишь тогда способенъ качественно характеризовать извѣстную организацію сельскаго хозяйства, когда этотъ признакъ сопоставленъ съ рядомъ другихъ признаковъ (плодосмѣнъ, способы возстановленія производительности земли, относительное значеніе земледѣлія и скотоводства), дающихъ ея ближайшую качественную характеристику. Иначе, въ самомъ дѣлѣ, придется признать (какъ, впрочемъ, и готовы признать нѣкоторые), что хозяйство въ Прибалтійскомъ краѣ

---

[1]) Во 2-мъ томѣ г. Огановскій весьма существеннымъ образомъ ограничиваетъ разсматриваемое положеніе: для Россіи—говоритъ онъ—„переживающей кризисъ экстенсивнаго 3-полья“, о большей производительности мелкаго хозяйства говорить не приходится. „Здѣсь, какъ часто бываетъ при ломкѣ старой системы земледѣлія, нѣкоторыя крупныя хозяйства даже идутъ во главѣ реформы сельскохозяйственнаго производства“ (II, 608—609).

по своей интенсивности стоитъ ниже хозяйства въ заволжскихъ степяхъ!... И вѣдь не кто иной, какъ самъ г. Огановскій, констатируетъ, что крестьянство, „идя по пути экстенсивнаго расширенія запашки, отвело подъ зерновыя культуры такое большое количество пашни, что это вызвало истощеніе почвы и необходимость сократить посѣвы". Неужели *такъ* проявляется большая интенсивность хозяйства и полеводства?... Не могу затѣмъ не отмѣтить нѣкоторой примитивности той части процитированныхъ выше заключеній г. Огановскаго, которая касается распространенія травосѣянія и удобренія: то и другое у крестьянъ развивается „очень быстро, быстрѣе, чѣмъ во владѣльческихъ хозяйствахъ". Травосѣяніе не такъ давно у крестьянъ не существовало вовсе; теперешнее крестьянское травосѣяніе представляется весьма быстро растущимъ,—но вѣдь исходнымъ пунктомъ для сравненія является величина весьма близкая къ нулю; у крестьянъ площадь подъ травами возросла за десятилѣтіе вшестеро, у владѣльцевъ—всего только въ полтора раза, но это нисколько не мѣшаетъ тому, что у крестьянъ въ концѣ десятилѣтія подъ травами было занято 491 тыс., въ помѣщичьихъ хозяйствахъ 760 тыс. десятинъ; и это—при во много разъ меньшей площади собственной владѣльческой запашки. Еще хуже съ урожаями. Крестьяне,—утверждаетъ г. Огановскій,—и въ этомъ отношеніи „догоняютъ нашихъ носителей высшей культуры" (стр. 165). Между тѣмъ тутъ же, на той же страницѣ, приводятся среднія по десятилѣтіямъ цифры урожайности у крестьянъ и у владѣльцевъ; превышеніе владѣльческихъ урожаевъ по этимъ цифрамъ оказывается въ первое десятилѣтіе 4 пуда на десятину, во второе—6, въ слѣдующія два десятилѣтія—уже 8 пудовъ на десятину. Неужели *это* называется „догонять?"...

Смѣю увѣрить г. Огановскаго: я самъ не менѣе, нежели онъ, вѣрю въ *будущій* прогрессъ крестьянскаго трудового хозяйства. Но этотъ прогрессъ надо *завоевать*—завоевать дружными усиліями самой крестьянской массы, интеллигенціи и государственно-общественныхъ организацій. Завоевать—значитъ побѣдить. А чтобы побѣдить, надо прежде всего *точно знать* и свои силы, и силы своего врага, какимъ въ данномъ случаѣ является наша культурно-хозяйственная инерція; убаюкивать же себя вѣрою въ то, что у насъ и такъ все идетъ къ благополучному исходу,—это все равно, что итти на войну съ лозунгомъ: шапками закидаемъ...

Какъ бы то ни было—не подлежитъ сомнѣнію, что владѣльческія хозяйства того игнорируемаго г. Огановскимъ типа, которому я лично склоненъ придавать серьезное культурно-хозяйственное значеніе, обнимаютъ ничтожную часть общей площади владѣльческихъ земель—милліоны десятинъ противъ десятковъ милліоновъ десятинъ „крѣпостническаго" или „феодальнаго" землевладѣнія и кабально-арендаторскаго или

отработочнаго хозяйства. По отношенію къ этому громадному большинству г. Огановскій, конечно, правъ, когда высказываетъ убѣжденіе, что „крупное помѣщичье хозяйство фактически почти уже ликвидировалось“,—что „формальная мобилизація земли только юридически заканчиваетъ и закрѣпляетъ переходъ сельскохозяйственной территоріи въ руки трудового земледѣльческаго населенія“ (стр. 117). На этомъ процессѣ — процессѣ ликвидаціи собственно дворянскаго землевладѣнія, намъ нѣтъ необходимости останавливаться—это достаточно общеизвѣстный фактъ. Одно только стоитъ, можетъ быть, отмѣтить, что участники занимающаго насъ коллективнаго труда, подъ живымъ впечатлѣніемъ событій 1906—1907 гг., слишкомъ уже рѣшительно предсказывали скорое окончательное исчезновеніе дворянскаго землевладѣнія: „Если дѣло,—говорятъ они,—будетъ итти и впредь тѣмъ же темпомъ, то черезъ 5—6 лѣтъ въ Россіи исчезнутъ послѣдніе остатки исторически сложившагося захватнаго землевладѣнія“ (стр. 264). *На это* что-то не похоже...

Но ликвидація *дворянскаго* землевладѣнія—это еще далеко не синонимъ перехода земли въ руки трудового *крестьянства*. Преемникомъ дворянскаго является не только трудовое крестьянское, но также и чисто капиталистическое, по своему происхожденію буржуазное, „купеческое“ землевладѣніе. Однако, и „купеческое“ землевладѣніе оказалось неопаснымъ конкурентомъ трудовому крестьянству. „Купеческія“ покупки съ теченіемъ времени не растутъ, а скорѣе сокращаются, въ особенности, если брать не абсолютныя цифры, а переходящую въ руки буржуазіи долю поступающей на рынокъ земли: въ 1863—74 гг.—26%, въ 1875—86 гг.—22%, въ 1887—98 гг.—уже только 18,9%. „Купеческія“ продажи съ неуклонною правильностью растутъ—въ 1863—1868 гг. въ среднемъ въ годъ по 66 тыс., въ 1881—1886 гг.—366 т., въ 1893—98 гг.—533 т. десятинъ. Завоеваніе земли купеческимъ капиталомъ выражалось до начала 80-хъ годовъ въ 450 т. дес. въ годъ, въ 93—98 гг. уже всего только въ цифрѣ 100 т. дес. въ годъ; если же взять отдѣльно 1897—1898 гг., то за эти два послѣднихъ года „купеческое“ землевладѣніе даетъ даже абсолютное сокращеніе (стр. 269—272). А сопоставленіе этихъ данныхъ съ данными о порайонномъ распредѣленіи „купеческихъ“ покупокъ и продажъ приводитъ къ заключенію, что „купеческій крупный капиталъ беретъ землю только тамъ и тогда, гдѣ и когда она дешева, чтобы сбыть ее, когда она подорожаетъ“; что „купеческій“ капиталъ только „спекулировалъ всѣми средствами надъ всѣми видами земельной ренты, столь быстро растущей въ Россіи, благодаря быстрому росту ея населенія“ (стр. 275—277). Самый характеръ хозяйства въ купеческихъ имѣніяхъ тоже не позволяетъ видѣть въ нихъ зачатковъ будущаго русскаго крупнаго, капиталисти-

чески организованнаго сельскаго хозяйства. „Дворяне,—говоритъ г. Сухановъ, опираясь, главнымъ образомъ, на данныя П. А. Вихляева,—хозяйничаютъ очень плохо“, но „купеческое“ хозяйство еще несравненно хуже: оно еще бо́льшую часть земли используетъ путемъ простой сдачи въ аренду, и даже на той незначительной части земли, которая остается несданною, ведетъ хозяйство болѣе первобытными способами, съ меньшимъ и худшимъ собственнымъ инвентаремъ и съ еще болѣе широкимъ пользованіемъ крестьянскими отработками и другими видами кабальнаго труда (*Сухановъ*, стр. 327—328).

Какъ видно, отчасти, изъ только что сказаннаго, г. Сухановъ не менѣе отрицательно относится къ крупно-капиталистическому хозяйству, нежели сотрудники коллективнаго труда „Борьба за землю“. Онъ безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій говоритъ, между прочимъ, объ упадкѣ капиталистическаго хозяйства въ Англіи, дословно повторяя то, что говорилось и писалось въ этомъ направленіи въ эпоху жестокаго кризиса конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ и совершенно игнорируя тѣ новѣйшія данныя, которыя позволяютъ думать, что англійское сельское хозяйство благополучно пережило кризисъ и находится въ настоящее время уже въ фазисѣ не упадка, а дальнѣйшаго улучшенія и усовершенствованія. Все это не дѣлаетъ, однако, г. Суханова сторонникомъ мелкаго хозяйства въ смыслѣ Давида, Булгакова и Качоровскаго. Въ этомъ вопросѣ г. Сухановъ стремится занять совершенно самостоятельную позицію. Онъ хватаетъ быка за рога, хочетъ вырвать у марксистовъ и использовать въ своей игрѣ ихъ сильнѣйшій козырь. Да, крупно-капиталистическое хозяйство доказало свою несостоятельность. Но развѣ несостоятельность крупно-*капиталистическаго* хозяйства—все равно что несостоятельность, вообще, *крупнаго* хозяйства, и развѣ она даетъ право заключать о преимуществахъ мелкаго сельскохозяйственнаго предпріятія? Нисколько. „Понятія крупнаго и капиталистическаго хозяйства, такъ же какъ и понятія мелкаго и некапиталистическаго, совершенно несоизмѣримы между собой, лежатъ въ различныхъ плоскостяхъ и принципіально не имѣютъ между собой ничего общаго“ (*Сухановъ*, стр. 18—19). Крупное и мелкое хозяйство—не соціальныя, а технико-экономическія категоріи. А оцѣнивать технико-экономическія формы мы должны, „совершенно отвлекаясь отъ какихъ бы то ни было современныхъ условій“; „оцѣнивать относительное совершенство крупнаго и мелкаго земледѣлія мы можемъ только съ точки зрѣнія нашего идеала, только отвлекаясь отъ всѣхъ современныхъ конкретныхъ условій, только изолируя вліяніе размѣровъ производства“ (стр. 20)—въ частности изолируя его отъ вліянія капиталистической или иной организаціи. Смѣшеніе двухъ совершенно различныхъ категорій—это, по мнѣнію г. Суханова, главнѣйшій источникъ путаницы, царящей въ вопросѣ о формахъ аграрной эволюціи:

„съ одной стороны, болѣе *устойчивое* хозяйство мыслится только, какъ хозяйство болѣе *совершенное*, а болѣе совершенное—только какъ болѣе приспособленное къ мѣстнымъ условіямъ, съ другой же—*крупное* хозяйство мыслится не иначе, какъ *капиталистическое*“ (стр. 18). Конечно, „въ идеально-хозяйственномъ строѣ восторжествуетъ непремѣнно болѣе совершенная технико-экономическая форма производства; но поскольку она сплетается съ опредѣленною соціальною формой, постольку она въ современномъ общественномъ строѣ можетъ быть обречена на исчезновеніе“. Крупное хозяйство *въ его капиталистической формѣ* въ упадкѣ, но это отнюдь не доказываетъ несостоятельности, вообще, крупнаго хозяйства; мелко-крестьянское хозяйство проявляетъ большую устойчивость, но этимъ отнюдь не предрѣшается вопросъ о преимуществахъ мелкаго хозяйства, какъ такового. Живучесть мелкаго крестьянскаго хозяйства въ современномъ общественномъ строѣ коренится исключительно въ условіяхъ капиталистическаго строя, заставляющихъ капиталъ избѣгать помѣщенія въ сельское хозяйство и стремиться къ помѣщенію въ индустріи и торговлѣ, а съ другой стороны, вызывающихъ бѣгство рабочихъ рукъ изъ земледѣлія и создающихъ специфическій „вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ“. Отсюда два совершенно различныхъ вопроса: одинъ объ абсолютно совершенной формѣ производства; другой вопросъ о томъ, можетъ ли эта форма быть достигнута въ путяхъ капиталистической эволюціи. При разрѣшеніи перваго, основного вопроса надлежитъ изслѣдовать вліяніе размѣровъ производства въ его чистомъ видѣ,—„всѣ остальные элементы и признаки хозяйства надо принимать за равные“; въ частности, „не можетъ имѣть значенія ни разница въ естественныхъ условіяхъ, ни разница въ количествѣ и качествѣ капитала, средствъ производства, ни разница въ познаніяхъ и другихъ свойствахъ хозяйствующихъ субъектовъ, ни разница въ чемъ бы то ни было, кромѣ размѣровъ хозяйства“ (стр. 26). Думается мнѣ, что г. Сухановъ заходитъ уже слишкомъ далеко въ своемъ „изолирующемъ“ методѣ—вѣдь нельзя въ концѣ-концовъ свести всего вопроса къ простой геометрической или ариѳметической задачѣ. Едва ли правъ г. Сухановъ и тогда, когда устанавливаетъ критерій для сравненія: критерій этотъ—исключительно „полученіе бо́льшаго продукта на единицу труда, и торжество въ будущемъ строѣ той или иной формы хозяйства можетъ обусловливаться только этимъ и ничѣмъ инымъ“ (стр. 31). Въ вопросахъ организаціи сельскаго хозяйства, какъ правильно утверждаютъ К. Р. Качоровскій и его послѣдователи, въ самомъ дѣлѣ приходится считаться не съ одною только производительностью *труда*, но сверхъ того, и пожалуй даже прежде всего, съ производительностью *земли*.

Какъ бы то ни было, г. Сухановъ разсматриваетъ вопросъ о круп-

номъ и мелкомъ хозяйствѣ въ совершенно абстрактномъ видѣ, и такой абстрактный анализъ приводитъ его къ заключеніямъ, безусловно благопріятнымъ для *крупнаго* производства. Поскольку рѣчь идетъ, прежде всего, о той своеобразной роли, которую играетъ въ сельскохозяйственномъ производствѣ природа,—всѣ преимущества въ смыслѣ противодѣйствія вреднымъ и использованія полезныхъ ея вліяній „явно находятся на сторонѣ коллективно-крупнаго хозяйства, которое можетъ въ бо́льшей степени использовать выгоды раздѣленія труда, сконцентрировать въ мѣру надобности много рабочихъ силъ и т. д.“ (стр. 39). Спеціализація и сложное сотрудничество — въ противность господствующему взгляду—играютъ и въ сельскомъ хозяйствѣ важную роль, хотя и меньшую, чѣмъ въ индустріи, но очевидно, что они „не могутъ быть сколько-нибудь послѣдовательно проведены въ единолично-мелкомъ хозяйствѣ“ (стр. 45—46). О непримѣнимости машинъ можно говорить только въ современныхъ условіяхъ, и „эта непримѣнимость свидѣтельствуетъ гораздо больше объ ограниченной возможности развитія производительныхъ силъ въ современномъ сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ объ ограниченной роли, которую вообще можетъ играть машина въ земледѣліи“ (стр. 49),—все то, что говорится о непримѣнимости машинъ, хотя бы того же парового плуга, свидѣтельствуетъ лишь о невыгодности ихъ примѣненія *для капиталиста* (стр. 51—53); если же отвлечься отъ этого рода соображеній, то достигнутыя и еще имѣющія быть достигнутыми завоеванія техники „обусловливаютъ болѣе или менѣе значительныя—смотря по роду машины—технико-экономическія преимущества коллективно-крупнаго земледѣлія“ (стр. 57). Если въ концѣ-концовъ „капиталъ не проникаетъ въ сельскохозяйственное производство, то *не вслѣдствіе того,* что крупное земледѣліе не имѣетъ технико-экономическихъ преимуществъ передъ единолично-мелкимъ, *а несмотря на то,* что развитіе производительныхъ силъ требуетъ концентраціи производства и въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ и въ индустріи“ (стр. 63). Остаются такія обстоятельства, какъ качественные недостатки труда, примѣняемаго въ крупномъ хозяйствѣ, какъ вообще затрудненія, создаваемыя для послѣдняго „вопросомъ о рабочихъ“, но это все, уже совершенно очевидно, вытекаетъ исключительно изъ соціальной организаціи современнаго крупнаго сельскохозяйственнаго предпріятія. И въ конечномъ результатѣ г. Сухановъ считаетъ „вопросъ о болѣе выгодной формѣ земледѣлія, съ точки зрѣнія производительности труда, безспорно и безусловно рѣшеннымъ въ пользу коллективно-крупнаго хозяйства“ (стр. 84), которое и должно быть положено въ основу сельскохозяйственной организаціи въ будущемъ, идеальномъ строѣ (стр. 85, 407).

Я не буду входить здѣсь въ детальный анализъ аргументаціи г. Суханова, какъ раньше не входилъ въ разборъ аргументовъ сторонниковъ

мелкаго хозяйства. Думаю, что обѣимъ сторонамъ въ данномъ случаѣ далеко до научной объективности, что каждая изъ нихъ не столько слѣдуетъ за фактами и логикой, сколько подводитъ и факты, и логику подъ заранѣе заданное рѣшеніе вопроса. Приведу только одинъ примѣръ. Въ крупныхъ предпріятіяхъ на единицу хозяйственной территоріи приходится меньше рабочей силы, меньше скота, меньше инвентаря, нежели въ мелкихъ. Фактами этого рода оперируютъ и наши сторонники мелкаго, и наши защитники абстрактно-крупнаго хозяйства, но оперируютъ въ діаметрально противоположномъ смыслѣ: въ крупномъ хозяйствѣ, разсуждаетъ г. Огановскій, на единицу территоріи всего этого меньше, *значитъ* крупное хозяйство экстенсивнѣе мелкаго, и земля въ крупномъ хозяйствѣ обрабатывается хуже (Закон., стр. 57, 75 и друг.). Въ крупномъ хозяйствѣ, разсуждаетъ г. Сухановъ, всего этого на единицу территоріи меньше, *значитъ* крупное хозяйство лучше используетъ и рабочую силу, и капиталъ (*Сух.*, стр. 58). Которая изъ двухъ сторонъ права? Въ абсолютной формѣ ни та, ни другая; но, пожалуй, ближе къ истинѣ всетаки г. Сухановъ, потому что разсужденіе его противниковъ лишь въ томъ случаѣ получило бы доказательную силу, если бы было установлено, что меньшая на единицу территоріи затрата труда и капитала сопровождается худшею обработкой и болѣе низкими урожаями. Но и самъ г. Сухановъ не выдерживаетъ своей точки зрѣнія, и когда ему нужно доказать невозможность видѣть зародышъ истиннаго сельскохозяйственнаго капитализма въ „купеческомъ“ землевладѣніи, онъ преспокойно ссылается на меньшую насыщенность сельскохозяйственной площади трудомъ и капиталомъ (стр. 324).

Итакъ, односторонностью грѣшитъ и та, и другая сторона. Если, въ частности, остановиться на соображеніяхъ г. Суханова, то они имѣютъ несомнѣнное значеніе, какъ противовѣсъ увлеченіямъ и односторонностямъ защитниковъ мелкаго хозяйства. По существу, однако, точка зрѣнія г. Суханова едва ли пріемлема. Организація сельскаго хозяйства въ идеальномъ общественномъ строѣ—вопросъ, разрѣшеніе котораго лежитъ внѣ сферы научнаго предвидѣнія. Послѣднее невозможно здѣсь, между прочимъ, и потому, что мы совершенно не въ состояніи сказать, чего можно ожидать отъ пока еще только зачинающагося прогресса поставленной на научную основу сельскохозяйственной техники; мы не знаемъ, въ какомъ направленіи будетъ развиваться основанное на примѣненіи машинъ сельскохозяйственное производство, не охватитъ ли послѣднее и такія фазы сельскохозяйственнаго производства (напр., уходъ за растеніями), которыя въ настоящее время признаются недоступными для машины; мы не знаемъ, что̀ дастъ будущее, можетъ быть, уже близкое, въ области повышенія производительности земли,—и тѣмъ болѣе мы не можемъ знать, какія изъ грядущихъ завоеваній сельскохозяйственной тех-

ники будутъ требовать укрупненія и какія, напротивъ, измельчанія сельскохозяйственной организаціи. Если же отъ не поддающагося предвидѣнію будущаго обратиться къ современной дѣйствительности, то намъ придется считаться съ фактическою невозможностью абстрагировать, какъ то дѣлаетъ г. Сухановъ, отъ соціальной обстановки, вообще отъ всей той совокупности реальныхъ условій, къ которой, въ концѣ-концовъ, сводится реальная сущность вопроса о размѣрахъ хозяйства. Если же считаться съ этими условіями, то придется признать, что рѣшеніе вопроса о превосходствѣ крупнаго или мелкаго хозяйства не укладывается ни въ какую общую, единообразную формулу. Чтобы получить такую формулу, дѣйствительно, приходится такъ или иначе гнуть факты и логику въ пользу того или другого, напередъ заданнаго рѣшенія вопроса. При безпристрастномъ же изслѣдованіи едва ли можно прійти къ чему-либо другому, какъ къ тому, къ чему приходятъ нѣмецкіе „буржуазные“ аграрполитики: что и мелкое, и крупное хозяйство имѣетъ свои преимущества при опредѣленныхъ, измѣняющихся въ зависимости отъ условій мѣста и времени, комбинаціяхъ обстоятельствъ, при другихъ же комбинаціяхъ уступаетъ это преимущество другимъ формамъ [1]).

Какъ бы то ни было, при рѣшительномъ разногласіи въ оцѣнкѣ крупнаго хозяйства какъ абстрактной, технико-экономической категоріи, г. Сухановъ и К. Р. Качоровскій съ его сотрудниками совершенно сходятся въ томъ, что у насъ, въ Россіи, и сельскохозяйственный капитализмъ не имѣетъ будущности ни на почвѣ помѣстно-дворянскаго владѣнія, ни въ формѣ „купеческаго“ хозяйства. Остается послѣднее его прибѣжище—выкристаллизовывающаяся изъ крестьянской среды деревенская буржуазія. „Ясно,—говоритъ г. Сухановъ,—что вполнѣ достовѣрнымъ и безусловнымъ свидѣтельствомъ развитія земледѣльческаго

---

[1]) Не многимъ—на мой взглядъ—болѣе убѣдительны абстрактныя соображенія, приводимыя г. Огановскимъ во 2-мъ томѣ его монографіи, въ обоснованіе діаметрально противуположнаго тезиса. Вмѣстѣ съ г. Сухановымъ, г. Огановскій относитъ значительную часть дефектовъ *современнаго* крупнаго хозяйства на счетъ а) его капиталистическаго характера, и б) присущихъ ему феодальныхъ традицій. Но независимо отъ того и другого, есть недостатки, присущіе „вообще крупному хозяйству“ и неизбѣжно ведущіе къ его дробленію и побѣдѣ мелкихъ и среднихъ формъ: это именно растущія съ интенсификаціей и усложненіемъ хозяйства затрудненія, вытекающія, такъ сказать, изъ *протяженности* сельскохозяйственнаго производства („Закономѣрность“), II, стр. 576—581). Мнѣ кажется, почтенный авторъ смѣшиваетъ здѣсь двѣ вещи: вопросъ о крупномъ или мелкомъ *хозяйствѣ* и вопросъ о раціональной величинѣ *площади земли* соотвѣтствующей тому или другому типу хозяйства. Изъ соображеній г. Огановскаго слѣдуетъ, что площадь, положимъ, въ 10.000 дес., отнюдь не предѣльная для экстенсивнаго скотоводнаго хозяйства, немыслима при хозяйствѣ, напримѣръ, огородномъ; что хозяйство со 100 дес., карликовое въ первомъ случаѣ, будетъ колоссальнымъ во второмъ; но отнюдь не слѣдуетъ, чтобы огородное хозяйство въ 100 или 50 дес. уступало—съ точки зрѣнія вліянія протяженности—огородному же хозяйству въ 5, 3 или 1 дес.

капитализма можетъ послужить только возникновеніе и развитіе его въ сферѣ мелкаго крестьянскаго хозяйства“ (стр. 98—99). И въ силу этого „вопросъ объ эволюціи крестьянскаго хозяйства, а именно о соціальной сторонѣ его эволюціи, есть центръ общей аграрной проблемы“ (стр. 100).

Къ сожалѣнію, только у г. Суханова мы находимъ законченное монографическое изслѣдованіе вопроса о соціальной эволюціи русскаго крестьянскаго хозяйства,—г. Огановскій пока не пошелъ дальше общихъ соображеній и валовыхъ сопоставленій,—детальную разработку вопроса долженъ дать, повидимому, третій томъ его труда. Остановимся, поэтому, сначала на работѣ г. Суханова.

Какъ и въ принципіальномъ вопросѣ о значеніи крупнаго и мелкаго хозяйства, г. Сухановъ и въ данномъ случаѣ обставляетъ свое изслѣдованіе длиннымъ рядомъ частью правильныхъ, частью слишкомъ далеко идущихъ ограниченій и методологическихъ предпосылокъ. Г. Сухановъ, конечно, правъ, когда считаетъ, что эволюцію крестьянскаго хозяйства надо изучать „какъ вопросъ о томъ, овладѣваетъ ли капиталъ сельскохозяйственнымъ *производствомъ*“ (стр. 110),—каковы бы ни были побѣды капитала въ области *сбыта* продуктовъ, это еще не даетъ права заключать о вытѣсненіи мелкаго трудового крупно-капиталистическимъ хозяйствомъ (стр. 108). О наличности же капитализма въ крестьянскомъ земледѣльческомъ производствѣ можно говорить лишь при наличности трехъ признаковъ: „1) производства *товаровъ*, вынесенія продукта на рынокъ, 2) производства въ болѣе или менѣе крупныхъ размѣрахъ, и 3) эксплоатаціи наемнаго труда въ процессѣ сельскохозяйственнаго производства“. Первые два признака, конечно, необходимы, но рѣшающее значеніе принадлежитъ не имъ, а третьему признаку—эксплоатаціи наемнаго труда: „формы, размѣры и условія эксплоатаціи наемнаго труда въ крестьянскомъ земледѣліи пріобрѣтаютъ для насъ центральное значеніе въ нашемъ изслѣдованіи крестьянскаго хозяйства“ (стр. 115—116). Во всемъ этомъ г. Сухановъ, повторяю, совершенно правъ. Не менѣе правы и г. Сухановъ, и г. Огановскій, когда они, слѣдуя за Н. Н. Черненковымъ, настаиваютъ на необходимости проводить строгое различіе между простою „подвижкою“ и дѣйствительною капиталистическою дифференціаціею (см. особенно у Огановскаго, „Закономѣрность“, стр. 102), между дифференціаціею и простымъ обнищаніемъ крестьянства. „*Подвижка*“—необходимый спутникъ общаго повышенія или пониженія уровня благосостоянія крестьянскихъ массъ, имѣетъ мѣсто тогда, когда усиленіе высшихъ слоевъ крестьянства сопровождается численнымъ сокращеніемъ низшихъ или наоборотъ; съ *дифференціаціею* приходится считаться только тогда, когда сокращаются средніе слои, а растутъ одновременно и сильные капиталистиче-

скіе элементы, и сельскохозяйственный пролетаріатъ или близкіе къ пролетаріату низшіе слои крестьянской массы. Едва ли, однако, правъ г. Сухановъ, когда настаиваетъ на томъ, что наличность хозяйствъ, положимъ, съ 20 лошадьми и съ 50 десятинами посѣва еще не доказываетъ „качественной", капиталистической дифференціаціи. Конечно, такія хозяйства не будутъ капиталистическими, „если зажиточные крестьяне не эксплоатируютъ наемнаго труда" (стр. 139). Но правдоподобно ли это „если", разъ имѣть въ виду не единично встрѣчающіеся, можетъ быть, восьми- или десятирабочіе дворы, а *общій типъ* подобнаго рода хозяйствъ? Вѣдь недаромъ, напр., въ Саратовскомъ сводномъ статистическомъ сборникѣ (стр. 45—46), уже группа хозяйствъ, имѣющихъ болѣе 20 десятинъ надѣльной пашни, характеризуется какъ „категорія богатыхъ землевладѣльцевъ, ведущихъ хозяйство, при помощи наемнаго труда, съ торговыми цѣлями, для продажи хлѣба на рынкахъ",—значитъ какъ хозяйства чисто капиталистическаго типа. Чисто діалектическое, а не реальное, значеніе имѣетъ и другое вводимое г. Сухановымъ ограниченіе: „Двусторонній процессъ дифференціаціи ни въ какой степени (sic!) не могъ бы свидѣтельствовать о развитіи капитализма въ крестьянскомъ земледѣліи, такъ какъ высшія группы крестьянства могутъ вести трудовое и даже потребительное хозяйство, а пролетаризація другой части крестьянъ можетъ означать просто исшествіе земледѣльцевъ изъ деревни, которое насъ вообще нисколько не интересуетъ" (стр. 145). Въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ, можетъ быть, и мыслима такая неправдоподобная комбинація. Я спросилъ бы г. Суханова: знаетъ ли онъ такія мѣстности, гдѣ „исшествіе" изъ деревни шло бы рядомъ съ образованіемъ слоя крупныхъ хозяевъ, ведущихъ чисто-трудовое хозяйство? Съ увѣренностью скажу, что *не* знаетъ. Но едва ли не хуже всего дѣло обстоитъ еще съ однимъ ограниченіемъ: какіе бы ни были налицо изъ признаковъ капиталистическаго развитія,— г. Сухановъ не видитъ проявленія капитализма въ земледѣліи, „пока не будетъ выяснено, что *именно земледѣліе* (курсивъ мой А. К.) служитъ источникомъ предпринимательской прибыли" (стр. 151),—а потому „достовѣрнымъ признакомъ и чистымъ проявленіемъ" капитализма г. Сухановъ соглашается считать „только наличность его элементовъ въ сферѣ чистаго земледѣлія" (стр. 154). Почему это такъ? Потому, что „при соединеніи земледѣлія съ промыслами, земледѣльческая часть предпріятія можетъ держаться за счетъ доходовъ отъ промысла или можетъ держаться *при* промыслѣ, при содѣйствіи удѣляемой имъ рабочей силы, и только при такихъ условіяхъ сохранять внѣшніе признаки капиталистическаго предпріятія". Если, напр., хозяинъ, ведущій батрацкое хозяйство, занимается при этомъ скупкой хлѣба, то „прибыль онъ можетъ получать въ качествѣ представителя торговаго капитала, а собственное

земледѣліе можетъ быть для него только суррогатомъ скупки хлѣба или дополненіемъ ея"; если онъ параллельно съ земледѣліемъ занимается извозомъ, то „сельское хозяйство играетъ роль особаго вида „издержекъ производства" въ промыслѣ" (стр. 152—153). Еще двѣ, три подобныя оговорки,—и капитализма вообще не окажется во вселенной... Да ужъ и этихъ оговорокъ болѣе чѣмъ достаточно, потому что, принимая устанавливаемыя г. Сухановымъ ограничительныя условія, мы не найдемъ земледѣльческаго капитализма и въ многотысячномъ имѣніи, если оно обслуживаетъ сахарный заводъ, потому что вѣдь и здѣсь сельское хозяйство играетъ роль „особаго вида издержекъ производства" въ сахароваренномъ промыслѣ... Къ счастью, изложенныя оговорки мало отразились на статистическомъ анализѣ г. Суханова,—если бы онъ имѣлъ случай быть болѣе послѣдовательнымъ, это, пожалуй, обезцѣнило бы всю его работу.

Къ величайшему моему сожалѣнію, и безъ того значительно разросшіеся размѣры моей статьи не позволяютъ мнѣ послѣдовать за г. Сухановымъ въ его интереснѣйшемъ статистическомъ анализѣ. Послѣдній состоитъ изъ двухъ частей: одной, большей по объему, въ которой изучаются данныя, касающіяся статики крестьянскаго хозяйства,—иначе сказать анализируется соціальная структура крестьянства различныхъ мѣстностей Россіи въ состояніи покоя, какъ она рисуется по даннымъ основныхъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій. Другая посвящена динамикѣ—здѣсь, по даннымъ повторныхъ изслѣдованій, прослѣживаются тѣ измѣненія, которыя происходятъ въ этой структурѣ. Къ сожалѣнію, въ этой второй части г. Сухановъ имѣлъ возможность проанализировать всего нѣсколько губерній,—незначительную часть даже того не очень большого числа губерній, для которыхъ имѣются повторныя изслѣдованія; по большинству губерній такой сравнительный анализъ оказался неосуществимымъ благодаря неоднородности программъ первыхъ и повторныхъ изслѣдованій и проистекающей отсюда несравнимости результатовъ.

Повторяю: „динамическое" изслѣдованіе—изслѣдованіе измѣненій соціальной структуры—г. Сухановъ имѣлъ возможность произвести лишь по немногимъ, именно по тремъ губерніямъ: Самарской, Воронежской и Смоленской. И результаты этого изслѣдованія оказались не въ пользу ортодоксально-марксистскаго представленія относительно быстро прогрессирующаго разслоенія деревни на капиталистическіе элементы, съ одной стороны, и сельскій пролетаріатъ—съ другой. Для Самарской губерніи констатируется простая „подвижка внизъ"—„всеобщее сползаніе къ полюсу однолошадности и безлошадности", сопровождаемое разложеніемъ высшихъ группъ и измельчаніемъ ихъ хозяйства. Высшія по количеству рабочаго скота группы, въ 1888 году составлявшія 22,2, 6,3 и 1,0%,

въ 1898 году составляютъ уже всего только 12,9, 3,5 и 0,4%, процентъ безлошадныхъ и однолошадныхъ съ 10,7 и 18,8 поднимается до 14,2 и 26,7% (стр. 299). Въ Воронежской губерніи за 15 лѣтъ процентъ многолошадныхъ дворовъ опустился съ 12,0 и 6,8 до 9,8 и 4,6%, процентъ дворовъ въ двухъ высшихъ посѣвныхъ группахъ—съ 17,1 и 3,6 до 14,7 и 2,4%. Значитъ, та же „подвижка внизъ"—„многопосѣвныя группы разрушались и здѣсь тѣмъ быстрѣе, чѣмъ были крупнѣе хозяйства" (стр. 306). Нѣсколько менѣе отчетливо обозначился характеръ эволюціи въ Смоленской губерніи—г. Сухановъ, послѣ ряда поправокъ къ цифрамъ, примѣнительно къ изложеннымъ выше методологическимъ принципамъ, опредѣленно заключаетъ о пониженіи процента хозяйствъ, содержащихъ элементы капиталистическаго земледѣлія (стр. 316). Законность нѣкоторыхъ изъ этихъ поправокъ для меня по меньшей мѣрѣ сомнительна—сомнителенъ поэтому и выводъ. Но несомнѣнно одно: сколько-нибудь замѣтно прогрессирующей капиталистической дифференціаціи нѣтъ и здѣсь.

Много обильнѣе матеріалъ, использованный г. Сухановымъ для изученія статики крестьянскаго хозяйства; матеріалъ этотъ охватываетъ длинный рядъ губерній и уѣздовъ, разбросанныхъ по всему пространству Европейской Россіи. И анализъ этого матеріала даетъ чрезвычайно пеструю картину. Мы встрѣчаемъ такія мѣстности, вродѣ, напр., Вологодской и Ярославской губерній, гдѣ „качественнаго разложенія крестьянства на почвѣ земледѣльческаго производства вовсе не существуетъ, т.-е. не существуетъ и крестьянскаго земледѣльческаго капитализма", и гдѣ „понятіе трудовое хозяйство приложимо, за ничтожными исключеніями, ко всей массѣ крестьянскихъ земледѣльческихъ хозяйствъ" (стр. 215); и такія, какъ Калужская, гдѣ усматривается „очень тонкій слой крестьянскихъ хозяйствъ, носящихъ признаки зачаточныхъ формъ крестьянскаго капитализма" (стр. 243); и такія, какъ Самарская или Таврическая, гдѣ приходится констатировать рѣзко выраженную дифференцированность—„крестьянство качественно разслоено; мы видимъ два его полюса, образовавшіеся на почвѣ земледѣльческаго производства", и г. Суханову только приходится утѣшаться тѣмъ, что „середина"—средне состоятельные дворы, одинаково далекіе и отъ капиталистическаго, и отъ пролетарскаго типа,—еще далеко не „вымыта" (стр. 268); встрѣчаемъ и разнообразнѣйшія переходныя ступени между только что перечисленными немногими основными типами. Читатель, который обратится къ самой работѣ г. Суханова, найдетъ въ ней рядъ образцовъ детальнаго и тонкаго статистическаго анализа,—но найдетъ, на-ряду съ этимъ, и не мало поводовъ для критики, на которыхъ я опять-таки, по недостатку мѣста, лишенъ возможности остановиться.

Перейду теперь къ конечнымъ выводамъ, къ какимъ приводитъ

г. Суханова его статистическій анализъ. Эти конечные выводы сгруппированы въ небольшой табличкѣ, которую я, въ виду ея изъ ряда вонъ выходящей наглядности, позволяю себѣ воспроизвести такъ, какъ она дана въ работѣ г. Суханова (стр. 344). Вотъ эта табличка.

Губерніи.	% хозяйствъ засѣвающихъ.								% промышленниковъ обоего пола.
	Свыше 6 дес.	Свыше 9 дес.	Свыше 12 дес.	Свыше 15 дес.	Свыше 20 дес.	Свыше 25 дес.	Свыше 40 дес.	Свыше 50 дес.	
Таврическая (7 уѣз.) . .	65,6	54,9	46,4	41,4	27,2	18,3	8,7	3,7	2,3
Самарская (1 „) . .	49,6	34,9	24,5	17,8	10,9	6,8	2,2	—	8,6
Харьковская (1 „) . .	45,5	25,0	15,2	7,6	4,1	1,3	—	—	13,7
Пермская (2 „) . .	49,0	14,6	2,7	1,8	1,0	—	—	—	19,9
Воронежская (5 „) . .	37,8	20,3	12,2	6,5	2,2	—	—	—	29,0
Орловская (2 „) . .	36,5	18,5	9,4	4,7	1,3	—	—	—	30,5
Вятская (8 „) . .	48,7	17,2	7,1	2,6	—	—	—	—	33,9
Калужская (4 „) . .	26,1	9,1	3,5	—	—	—	—	—	35,0
Смоленская (1 „) . .	22,8	6,7	2,0	—	—	—	—	—	37,2
Ярославская (5 „) . .	3,3	0,6	—	—	—	—	—	—	46,9
Вологодская (1 „) . .	1,4	—	—	—	—	—	—	—	53,1
Владимірская (2 „) . .	7,1	1,1	—	—	—	—	—	—	68,7

Получается полная и совершенная правильность: развитіе земледѣльческаго капитализма, несомнѣннымъ симптомомъ котораго являются крупныя запашки, оказывается въ рѣзко выраженной обратной зависимости съ процентомъ промышленниковъ; земледѣльческій капитализмъ достигаетъ значительнаго развитія только тамъ, гдѣ промыслы отсутствуютъ или находятся на низкой степени развитія; въ мѣстностяхъ же съ развитыми промыслами земледѣльческаго капитализма нѣтъ. Такое совпаденіе цифръ, конечно, не можетъ быть случайнымъ (стр. 352), и значитъ въ развитіи промысловъ приходится искать условіе, препятствующее развитію крестьянскаго капитализма. Объясненіе—въ той теоріи „вопроса о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ“, которая еще въ началѣ 80-хъ гг. была отчетливо формулирована въ русской экономической литературѣ Н. А. Каблуковымъ: „сущность конфликта между современнымъ экономическимъ прогрессомъ и земледѣльческимъ капитализмомъ заключается въ томъ, что развитіе производительныхъ силъ, связанное съ развитіемъ индустріальнаго капитализма, отнимаетъ у сельскаго хозяйства наемныхъ рабочихъ, сокращаетъ контингентъ лицъ, готовыхъ продавать свою рабочую силу сельскохозяйственнымъ предпринимателямъ“ (стр. 373). А разъ это такъ, то антагонизмъ между промыслами и деревенскимъ капитализмомъ даетъ право на отрицательное заключеніе относительно будущности сельскохозяйственнаго капитализма. Бу-

дущее несомнѣнно связано съ развитіемъ индустріи. И потому, „доказавъ, что земледѣльческій капитализмъ разлагается именно въ тѣхъ условіяхъ, которымъ принадлежитъ будущее, мы можемъ утверждать, что производственный капитализмъ никогда не охватитъ земледѣлія, никогда не разложитъ крестьянскаго хозяйства“ (стр. 404).

Я не послѣдую за г. Сухановымъ на скользкій путь соціальныхъ предсказаній. Я и самъ думаю, что капитализмъ не имѣетъ будущности въ сельскомъ хозяйствѣ. Но это нимало не мѣшаетъ мнѣ сильно сомнѣваться въ законности обобщающаго построенія г. Суханова. Деревенскій капитализмъ—это ясно видно изъ таблички—стоитъ въ обратной зависимости отъ развитія „промысловъ“. Но можно ли въ развитіи *„промысловъ“* видѣть синонимъ развитія *промышленности*? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ у самого г. Суханова: „подъ промышленникомъ,—говоритъ онъ,—въ нашей статистикѣ разумѣется и сельскохозяйственный, и строительный, и промышленный рабочій, и ремесленникъ, и кустарь, и приказчикъ, и жандармъ, и трактирщикъ, и фабрикантъ, и т. д.; при такихъ условіяхъ одинъ и тотъ-же *процентъ промышленниковъ въ разныхъ мѣстностяхъ вовсе не характеризуетъ въ нихъ общности соціально-экономическихъ отношеній*“ (стр. 348). Какой бы то ни было высокій процентъ „промышленниковъ“, въ которомъ—увы, это одинъ изъ самыхъ большихъ грѣховъ нашей земской статистики!—въ одну безразличную массу сливается земледѣльческій поденщикъ и кустарь, жандармъ и фабричный рабочій, самъ по себѣ ни въ малѣйшей степени не можетъ говорить о развитіи промышленности и промышленнаго капитализма. Единственное, что до извѣстной степени объединяетъ эти пестрыя толпы людей разнороднѣйшихъ профессій и разнороднѣйшаго соціальнаго положенія, которые, по прискорбному статистическому недоразумѣнію, подводятся подъ общее наименованіе „промышленниковъ“,—это то, что всѣ они ищутъ заработка внѣ своего земледѣльческаго хозяйства; но не только земледѣльческіе рабочіе, а и всякаго рода кустари и ремесленники, костромскіе плотники и ярославскіе трактирные „шестерки“—все это не имѣетъ никакого отношенія къ промышленному капитализму. Единственное, что въ дѣйствительности говоритъ таблица г. Суханова,—это, что развитіе деревенскаго капитализма стоитъ въ обратномъ отношеніи къ относительной численности той доли населенія, которая ищетъ заработка внѣ своего земледѣльческаго хозяйства. Видѣть въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ *причину,* препятствующую развитію сельскаго капитализма, было бы, конечно, странно. Но вѣдь антагонизмъ двухъ статистическихъ рядовъ можетъ доказывать не только, что въ одномъ изъ явленій слѣдуетъ видѣть причину, препятствующую развитію другого, но и совсѣмъ другое—именно, что *оба* сравниваемыя явленія стоятъ одно въ прямой, другое въ обратной зависимости отъ *нѣкоторой*

общей причины. Въ данномъ случаѣ выводъ будетъ таковъ: тѣ самыя обстоятельства, которыя заставляютъ крестьянскую массу искать заработковъ внѣ своего земледѣльческаго хозяйства, препятствуютъ развитію или даже способствуютъ разложенію земледѣльческаго капитализма.

Какія же это обстоятельства? На этотъ вопросъ, до извѣстной степени, отвѣчаетъ схема г. Огановскаго.

Я не буду останавливаться здѣсь—опять-таки за недостаткомъ мѣста—на тѣхъ частью фактически обоснованныхъ, частью гадательныхъ соображеніяхъ, при помощи которыхъ г. Огановскій старается доказать, что разслоеніе въ нашей деревнѣ отнюдь не зашло такъ далеко, какъ думалъ Вл. Ильинъ. Послѣ того, какъ Масловъ занялъ въ этомъ вопросѣ діаметрально противоположную позицію, подсчеты г. Огановскаго утрачиваютъ значительную долю своего интереса. Больше разслоеніе или меньше,—разслоеніе несомнѣнно существуетъ, въ русской деревнѣ несомнѣнно есть и зажиточные элементы, ведущіе хозяйство капиталистическаго типа; есть и элементы, болѣе или менѣе близкіе къ типу сельскаго пролетаріата. Но позволительно ли отъ несомнѣннаго факта разслоенія, *дифференцированности* заключать о прогрессирующей *дифференціаціи*, какъ одной изъ основныхъ тенденцій экономическаго развитія Россіи? Вотъ коренной вопросъ, на который г. Огановскій даетъ категорически отрицательный отвѣтъ. Разслоеніе появилось не въ настоящее время; оно наблюдалось всегда, во всѣ историческія эпохи,—и не только междусословное разслоеніе, имѣющее ясную политическую подкладку, но и внутрисословное,—разслоеніе въ средѣ самого трудового земледѣльческаго населенія. Такое разслоеніе мы наблюдаемъ и въ Западной Европѣ, наблюдаемъ и у насъ въ Россіи, наблюдаемъ между прочимъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, колонизація которыхъ носила чисто трудовой, крестьянскій характеръ („Закон.“, стр. 233—234 и др.). Съ тѣмъ же самымъ явленіемъ мы встрѣчаемся, когда отъ ретроспективныхъ историческихъ данныхъ обращаемся къ „живой исторіи“—къ сравнительному изученію соціальной структуры въ разныхъ мѣстностяхъ, различающихся между собой по условіямъ населенности, землепользованія и хозяйства. Въ своей монографіи, напечатанной въ сборникѣ „Борьба за землю“, г. Огановскій приводитъ рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о рѣзкомъ разслоеніи какъ среди кочевниковъ, такъ и среди русскаго крестьянства Сибири,—разслоеніи, несравненно болѣе рѣзкомъ, нежели на большей части территоріи Европейской Россіи. „Эти таблицы,—заключаетъ г. Огановскій на своемъ—позволю себѣ такъ выразиться—полемическомъ жаргонѣ,—охватывающія большинство рѣдко населенныхъ малокультурныхъ окраинъ Россіи, показываютъ, что „капиталистическая дифференціація“, изгнанная изъ предѣловъ европейской Россіи, именно

тамъ обрѣла послѣднее убѣжище: тамъ именно оказываются относительно широкими нижніе и особенно большими верхніе слои; у киргизъ въ рукахъ $^1/_{30}$—$^1/_{10}$ дворовъ сосредоточено до половины скота; самый главный признакъ „пролетаризаціи“ „капитализаціи“—наемный трудъ—расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ въ безконечныхъ азіатскихъ степяхъ и лѣсахъ Сибири“ („Борьба“, стр. 124). А на наиболѣе культурной окраинѣ имперіи, въ царствѣ Польскомъ, разслоеніе оказывается минимальнымъ: „преобладающее значеніе имѣютъ средніе слои; и чѣмъ дальше растетъ техническое и культурное развитіе польскаго крестьянства, тѣмъ болѣе внутри его крѣпнетъ сила и значеніе этихъ слоевъ“ (стр. 124—125). Значитъ, капиталистическое разслоеніе—отнюдь не спутникъ развитія производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ это представляетъ себѣ П. П. Масловъ. Источникъ наблюдаемаго на нашихъ окраинахъ рѣзкаго разслоенія—въ многоземельѣ и въ сопровождающемъ послѣднее захватномъ пользованіи угодьями. Въ этомъ отношеніи эволюція проходитъ два послѣдовательныхъ фазиса. Сначала „пространственнаго ограниченія“ не чувствуется совсѣмъ: „благодаря безграничности пространства каждое хозяйство можетъ развиваться, не задѣвая другихъ; между хозяйствами не возникаетъ еще борьбы за землю; а такъ какъ борьбы нѣтъ, то нѣтъ собственно и двусторонней имущественной дифференціаціи, а есть односторонняя подвижка вверхъ“, не процессъ „пролетаризаціи“ и „капитализаціи“, а только „захватъ болѣе приспособленными хозяйствами въ пустѣ лежащихъ средствъ для существованія—даровыхъ благъ природы“ („Закон.“, 327 стр.). Нѣсколько иначе складываются отношенія въ нѣсколько болѣе позднемъ фазисѣ,—когда „утѣсненіе“ начинаетъ чувствоваться, но еще съ недостаточною силою для того, чтобы привести къ паденію захватныхъ формъ: при такомъ положеніи дѣла „съ одной стороны, болѣе состоятельные получаютъ возможность путемъ захвата быстро накоплять капиталы, съ другой—вновь образовавшіеся дворы уже не находятъ того земельнаго простора, который былъ раньше, и превращаются въ разрядъ безлошадныхъ“ („Борьба“, 126 стр.). Въ этомъ фазисѣ, значитъ, наблюдается уже не простая „подвижка вверхъ“, а дѣйствительная дифференціація,—наблюдается однако не какъ продуктъ какихъ-либо капиталистическихъ тенденцій, а просто какъ результатъ начавшаго обнаруживаться несоотвѣтствія между захватными формами пользованія и наличною степенью земельнаго простора, при данныхъ обстоятельствахъ превращающагося въ „утѣсненіе“. Однако, уже на многоземельныхъ окраинахъ, даже въ районахъ кочевого или полукочевого хозяйства, начинаетъ обозначаться обратный процессъ нивелировки, сопутствующій повышенію цѣнности земли: г. Огановскій ссылается на данныя повторнаго изслѣдованія одной мѣстности Кустанайскаго уѣзда (131 стр.),—отъ себя могу добавить, что тотъ же процессъ нивели-

ровки, въ частности поднятія низшихъ группъ, представляетъ собою общее явленіе у кочевниковъ, по мѣрѣ развитія у нихъ земледѣлія, и что тотъ же процессъ наблюдается у сибирскихъ крестьянъ, въ прямой связи съ переходомъ отъ захватныхъ къ душевымъ формамъ пользованія. Въ предѣлахъ Европейской Россіи, какъ было уже замѣчено, дифференцированность, въ общемъ, значительно меньше, болѣе значительное разслоеніе наблюдается только въ Новороссіи и Заволжьѣ,—вообще на многоземельныхъ окраинахъ, гдѣ еще не исчезли слѣды былого многоземелья и сопровождавшаго его захвата. Въ центральной Россіи мы наблюдаемъ уже не столько дифференціацію, сколько простую подвижку внизъ, которая рѣзко усиливается подъ непосредственнымъ вліяніемъ неурожайныхъ годовъ („Закон.“, 102 — 103 стр.). Если припомнить сказанное выше относительно ясно выраженнаго преобладанія среднихъ слоевъ въ Царствѣ Польскомъ, то получается правильная лѣстница: дифференціація, чрезвычайно сильная при многоземельѣ съ сопровождающими его захватомъ и экстенсивными формами хозяйства, постепенно уменьшается по мѣрѣ сокращенія земельнаго простора, повышенія цѣнности земли и интенсификаціи хозяйства; происходитъ нивелировка, частью планомѣрная, путемъ примѣненія уравнительныхъ пріемовъ землепользованія, частью стихійная, путемъ экономическаго отвоеванія земли средними группами у верхнихъ и постепеннаго же поднятія низшихъ группъ. Дифференціація, которая у теоретиковъ-марксистовъ представляетъ собою явленіе прогрессирующее, необходимаго спутника земледѣльческаго прогресса, въ схемѣ г. Огановскаго является остаткомъ отъ временъ первобытнаго захвата, постепенно отмирающимъ и уступающимъ мѣсто болѣе равномѣрному распредѣленію факторовъ земледѣльческаго производства. Схема эта остается пока у г. Огановскаго именно схемой, только намѣченной, но почти не разработанной,—и только во 2-мъ томѣ своей закономѣрности г. Огановскій пытается поставить ее въ связь съ общею эволюціей земледѣлія,—той самою, которая имѣетъ такое роковое значеніе для владѣльческаго, въ частности—капиталистическаго хозяйства: вызываемая уплотненіемъ населенія интенсификація, увеличивая отрицательное значеніе *пространства*, требуетъ измельченія той трудовой единицы, какою является крестьянская семья, а слѣдовательно и раздробленія крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ („Закон.“ II, стр. 593). Обстоятельный разборъ этой схемы былъ бы пока поэтому преждевременнымъ. Позволю себѣ только замѣтить, что, поскольку рѣчь идетъ о сравненіи современной, наблюдаемой у насъ, стадіи экономическаго и соціальнаго развитія съ болѣе ранними, какія можно изучать исторически и воочію наблюдать на нашихъ многоземельныхъ окраинахъ, схема эта вполнѣ соотвѣтствуетъ моимъ личнымъ представленіямъ о характерѣ этой „живой исторіи“.

На этомъ я заканчиваю обзоръ изслѣдованій и теоретическихъ исканій современнаго народничества въ области аграрнаго вопроса, поскольку таковыя выразились въ серіи разобранныхъ мною единоличныхъ и коллективныхъ трудовъ. Закончу выраженіемъ пожеланія, чтобы работа на этомъ не остановилась. Можно надѣяться, что дальнѣйшая теоретическая и фактическая разработка нашего аграрнаго вопроса сгладитъ слишкомъ рѣзкія противорѣчія во взглядахъ изслѣдователей и теоретиковъ народническаго направленія и ихъ противниковъ изъ марксистскаго лагеря. И во всякомъ случаѣ детальная разработка фактовъ останется такимъ κτῆμα εἰς ἀεί, которое составитъ неувядаемую заслугу этой группы изслѣдователей.

А. Кауфманъ.

Изъ исторіи политической борьбы въ 80-хъ годахъ. [1])

VIII.

Заграничный органъ „Вольное Слово", его возникновеніе, роль и прекращеніе. — „Земскій Союзъ". — Политическое общество „Вольный Союзъ". — Итоги.

Нашъ, конечно, требующій еще много дополненій, очеркъ исторіи борьбы „Священной Дружины" съ „крамолою" былъ бы крайне не полонъ, если бы мы не попытались раскрыть еще одну страничку изъ дѣятельности этой организаціи,—страничку, на которой не останавливалъ до сихъ поръ своего вниманія ни одинъ изъ историковъ нашей общественности; эта страничка открывается 1881, проходитъ черезъ весь 1882 и захватываетъ даже часть 1883 года, т.-е. продолжается еще и тогда, когда Священная Дружина уже формально перестала существовать.

Мы говоримъ объ извѣстной въ свое время заграничной газетѣ, во главѣ которой стоялъ нѣкоторое время покойный М. П. Драгомановъ,— *Вольное Слово*. Газета эта,—цѣлый рядъ соображеній, на нашъ взглядъ неопровержимыхъ, привелъ насъ къ твердому въ томъ убѣжденію,— была дѣтищемъ той же „Священной Дружины".

Самъ Драгомановъ писалъ по поводу *Вольнаго Слова* такія строки: „*Въ концѣ 1882 года* (просимъ читателя обратить вниманіе на эту дату, ибо именно въ это время и произошли всѣ описанныя нами выше событія съ обоими переговорами, а затѣмъ и паденіемъ Дружины. *В. Б.*) мнѣ было предложено спеціальнымъ делегатомъ „Земскаго Союза" принять на себя редакцію *Вольнаго Слова*. Я согласился и старался сдѣлать изъ газеты, *первоначально основанной съ цѣлью дать возможность разнымъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ элементамъ въ Россіи высказывать свободно свои мнѣнія*,—прямо органъ агитаціи въ пользу политической свободы съ земскимъ самоуправленіемъ". [2])

М. П. Драгомановъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, разумѣется, безукоризненный, но, вѣдь, онъ самъ пишетъ, что принялъ *Вольное*

---

[1]) Окончаніе. См. *Русская Мысль*, кн. IV, V, VIII, IX 1910 г. и кн. I и III 1911 г.

[2]) *М. П. Драгомановъ:* „Автобіографія". *Былое*, 1906 г., іюнь, стр. 206.

Слово уже какъ наслѣдіе. Отъ кого? Вѣдь весь и вопросъ въ лицахъ, *первоначально основавшихъ газету.* Кто они?

Газета была основана въ 1881 г. подъ редакціею нѣкоего Аркадія Павловича Мальшинскаго, извѣстнаго тѣмъ, что еще въ 1879 г. онъ составилъ для шефа жандармовъ Дрентельна секретную книгу по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи [1]), разоблаченнаго эмигрантами, возвратившагося послѣ редактированія *Вольнаго Слова,* какъ ни въ чемъ не бывало, въ Россію, сотрудничавшаго въ катковскомъ *Русскомъ Вѣстникѣ* и умершаго въ концѣ 90-хъ годовъ въ качествѣ редактора издававшейся въ Петербургѣ ультра-реакціонной газеты *Народъ.*

Вольное Слово, видимо, было обставлено прилично въ матеріальномъ отношеніи, отличалось значительнымъ разнообразіемъ получавшихся изъ Россіи свѣдѣній и ставило одною изъ своихъ главныхъ задачъ, на-ряду съ борьбою за политическую свободу, и борьбу съ терроромъ. Сотрудниками газеты были, съ одной стороны, такіе безусловно преданные дѣлу свободы и демократіи люди, какъ М. П. Драгомановъ, П. Б. Аксельродъ и другіе, а съ другой—нынѣшній сотрудникъ *Новаго Времени* г. Веселитскій-Божидаровичъ. [2]) Вскорѣ въ издававшемся въ то же время за границею другомъ журналѣ *Общее Дѣло* (подъ редакціею Н. А. Бѣлоголоваго, В. А. Зайцева и А. Х. Христофорова) стали появляться прямыя обвиненія противъ Мальшинскаго, какъ противъ полицейскаго агента. Мальшинскій долго отмалчивался и, наконецъ, заявилъ, что онъ, дѣйствительно, написалъ для правительства „записку о состояніи умовъ въ Россіи", но съ благими цѣлями,—полицейскимъ же агентомъ онъ вовсе не является.

Въ письмѣ къ пишущему эти строки и понынѣ здравствующій редакторъ *Общаго Дѣла* А. Х. Христофоровъ, между прочимъ, любезно сообщилъ, что, явившись въ 1881 году за границу и основавши тамъ газету, Мальшинскій выдавалъ себя за члена „Земскаго Союза", органомъ котораго и являлось, молъ, *Вольное Слово.*

Для уясненія этого обстоятельства намъ нужно здѣсь нѣсколько отступить отъ нашей темы и сдѣлать небольшую экскурсію въ область столь мало обслѣдованнаго въ нашей литературѣ вопроса о земскомъ движеніи въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ. [3])

---

[1]) „Обзоръ соціально-революціоннаго движенія въ Россіи". Напечатанъ по распоряженію III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Отъ шебековской *Хроники* книга Мальшинскаго отличается тѣмъ, что составлена не по подлиннымъ дѣламъ III отдѣленія,—настолько Дрентельнъ, очевидно, Мальшинскому не довѣрялъ,— а по нелегальной литературѣ. Книгу эту мы читали,—отъ другихъ произведеній этого рода она по точкѣ зрѣнія, на которой стоитъ ея авторъ, мало чѣмъ отличается.

[2]) *Бурцевъ:* „За сто лѣтъ", стр. 110.

[3]) На почти полное отсутствіе документовъ, матеріаловъ и мемуаровъ, относящихся къ земскому движенію 70-хъ и 80-хъ годовъ, жалуются всѣ, занимавшіеся

Въ настоящей работѣ намъ уже не разъ приходилось касаться секретнаго правительственнаго документа, носящаго курьезное названіе „О противоправительственныхъ сообществахъ, не столь вредныхъ“. Въ документѣ этомъ находится по обыкновенію не мало и „вздора чистаго“, но есть въ немъ и крупица правды, за выясненіемъ которой мы и обращались къ нѣкоторымъ извѣстнымъ земскимъ дѣятелямъ того времени.

Среди такихъ дѣятелей особенно важныя, цѣнныя и обстоятельныя свѣдѣнія далъ въ письмѣ къ намъ по интересующему насъ вопросу извѣстный общественный дѣятель И. И. Петрункевичъ. Изъ этого письма мы и приведемъ здѣсь слѣдующія выдержки.

На вопросъ: „когда, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ организовался „Земскій Союзъ“, И. И. Петрункевичъ отвѣчалъ:

„Если не ошибаюсь, *идея* (подчеркнуто въ подлинникѣ) Земскаго Союза возникла впервые въ 1878 году среди земцевъ Черниговской губерніи послѣ войны за освобожденіе славянъ, когда правительство, давши Болгаріи конституцію, у себя все болѣе и болѣе уклонялось въ сторону реакціи и ничѣмъ не ограниченнаго произвола, угнетенія и кровавой расправы, послѣдовавшей послѣ нѣсколькихъ покушеній на должностныхъ лицъ и убійства генерала Мезенцева. Правительственный гнетъ, распространившись и на земскія учрежденія, вызвалъ въ земской средѣ глухое броженіе, а въ отдѣльныхъ лицахъ и убѣжденіе въ необходимости борьбы за элементарныя человѣческія и гражданскія права, такъ какъ правительство вело Россію въ политическій тупикъ, изъ котораго не было выхода. Въ земскихъ учрежденіяхъ того времени сосредоточились наиболѣе живые и дѣятельные элементы какъ среди гласныхъ, такъ и того общественнаго слоя, который впослѣдствіи получилъ названіе „третьяго элемента“, и земскія учрежденія были тогда единственной почвой, гдѣ можно было сдѣлать попытку организаціи общественныхъ силъ съ политическими цѣлями; поэтому и названіе „Земскій Союзъ“ какъ бы естественно вытекало изъ существа положенія. Тѣмъ не менѣе Земскій Союзъ получилъ свое реальное бытіе, если не ошибаюсь, *только въ Москвѣ въ 1881 году;* подготовка же его началась въ октябрѣ 1878 года, когда нѣсколько черниговскихъ земцевъ и кіевскихъ старо-украинофиловъ рѣшили воспользоваться празднованіемъ въ Харьковѣ юбилея малороссійскаго писателя Квитки съ цѣлью завязать сношенія съ земцами южныхъ губерній, а также съ разными общественными дѣятелями, которые съѣдутся на юбилей, и поставить вопросъ

этимъ вопросомъ, писатели. См. книгу *А. А. Корнилова:* „Общественное движеніе при Александрѣ II“. Москва, 1909 г., стр. 241, также біографическій очеркъ „Викторъ Александровичъ Гольцевъ“, *Ч. Вѣтринскаго* въ сборникѣ „Памяти В. А. Гольцева“. М., 1910 г., стр. 35, и книгу *И. И. Бѣлокопскаго:* „Земское движеніе и конституція“. М., 1910 г., стр. 9.

о борьбѣ за политическую свободу и конституцію. Эта задача была поставлена на юбилейномъ банкетѣ и встрѣтила горячее сочувствіе довольно разнообразнаго общества, состоявшаго изъ профессоровъ университета, земцевъ, учителей среднихъ учебныхъ заведеній, врачей и другихъ общественныхъ дѣятелей, *но вопросъ объ организаціи Союза тутъ не поднимался;* было лишь условлено, что нѣкоторыя земскія собранія выступятъ съ заявленіями и адресами, послѣдствіемъ чего и было появленіе извѣстныхъ „земскихъ адресовъ“: харьковскаго, черниговскаго, тверского, таврическаго и другихъ, впрочемъ, немногихъ. По времени первымъ выступило харьковское земство въ лицѣ Е. С. Гордѣенко, такъ какъ его засѣданіе открылось раньше другихъ. Выступленіе земствъ признавалось необходимымъ въ виду того, что полное бездѣйствіе общества признавалось одной изъ причинъ существованія террора, какъ краснаго, такъ и бѣлаго. Для того, чтобы расширить сферу общественнаго воздѣйствія на правительство, было рѣшено привлечь къ дѣлу другія земства, а также обратиться къ содѣйствію журналистики въ лицѣ наиболѣе популярныхъ журналовъ и газетъ. Въ этихъ видахъ черниговскій земецъ А. Д. Линдфорсъ, нынѣ уже умершій и забытый, но заслуживающій благодарной памяти потомства, и я ѣздили въ декабрѣ 1878 года въ Петербургъ, Москву и Тверь. Результатомъ этой поѣздки было соглашеніе устроить въ первыхъ числахъ апрѣля 1879 года съѣздъ земцевъ разныхъ губерній, что взяли на себя покойный В. А. Гольцевъ и нѣкоторые тверскіе земцы. Сколько помню, этотъ *первый* (подчеркнуто въ подлинникѣ) земскій съѣздъ состоялся 1 или 2 апрѣля въ квартирѣ московскаго судебнаго дѣятеля кн. Кропоткина на углу Дурновскаго и Кречетниковскаго переулка. На немъ присутствовали Бакунинъ, Р—въ, К—скій, Гольцевъ, М. И. П—чъ, Линдфорсъ и многіе другіе, всего отъ 30—40 человѣкъ. Переговоры съ писателями и журналистами въ Петербургѣ не были столь удачные, такъ какъ издатель-редакторъ *Молвы* Полетика, изъявившій согласіе примкнуть къ намъ, впослѣдствіи уклонился, а Н. К. Михайловскій считалъ въ то время конституціонныя учрежденія неспособными разрѣшить земельную нужду крестьянъ и выгодными только для буржуазныхъ классовъ, что онъ и заявилъ мнѣ въ довольно энергическихъ выраженіяхъ.

„Какъ извѣстно, 2 апрѣля послѣдовало покушеніе Соловьева, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ усиленіе реакціи и принятіе мѣръ противъ массы совершенно лойальныхъ лицъ. Представленіе мною проекта адреса въ черниговское губернское земское собраніе имѣло мѣсто въ январѣ, но до апрѣля противъ меня не предпринималось никакихъ мѣръ; послѣ же соловьевскаго покушенія, несмотря на то, что я былъ мировымъ судьей и предсѣдателемъ борзенскаго мирового съѣзда, я былъ

арестованъ и сосланъ. Одновременно съ этимъ пострадало не мало украинофиловъ въ Кіевѣ, изъ коихъ нѣкоторые были преподавателями въ кіевскомъ кадетскомъ корпусѣ. Съ этого момента свидѣтелемъ развитія Союза я не былъ и полагаю... (идутъ указанія на лицъ, черезъ которыхъ эти свѣдѣнія можно получить, такъ какъ лица эти были членами Союза). Я не разсказываю исторію черниговскаго адреса, потому что она довольно полно разсказана у Кенана и у Льва Тихомирова („Конституціоналисты"), но лишь замѣчу, что въ обоихъ разсказахъ краски нѣсколько сгущены и исторіи приданъ какой-то героическій характеръ, котораго въ дѣйствительности не было. Такъ, жандармы вовсе не входили въ залъ засѣданія, а скрывались и слушали происходившее изъ кабинета предсѣдателя Неплюева и столовой, находившихся рядомъ съ заломъ". [1])

На вопросъ: этотъ ли „Земскій Союзъ", или какая-нибудь другая земская организація вела переговоры въ 1878 году въ Кіевѣ съ революціонерами и кто со стороны земцевъ въ этихъ переговорахъ участвовалъ? — въ письмѣ къ намъ И. И. Петрункевича находится такой отвѣтъ:

„Уже изъ предыдущаго вы можете видѣть, что вести переговоры въ 1878 году съ кѣмъ бы то ни было „Земскій Союзъ" не могъ, потому что его въ это время *не существовало*. Какъ я уже сказалъ, на харьковскомъ юбилейномъ съѣздѣ происходили совѣщанія, и тогда уже была выражена мысль, что всякій терроръ,—красный и бѣлый,—одинаково опасны для гражданской свободы и установленія правопорядка и что терроръ можетъ быть остановленъ только вмѣшательствомъ общества, которое выступитъ въ защиту права и свободы. Для того, чтобы такая мысль могла быть осуществлена, А. Ф. Линдфорсъ и я полагали необходимымъ вступить въ непосредственныя сношенія съ террористами, съ цѣлью убѣдить ихъ дать намъ, т.-е. обществу, возможность дѣйствовать, такъ какъ террористическіе акты не допускали никакихъ выступленій, запугивали общество и озлобляли правительство.

„Сдѣлать такое совѣщаніе было нелегко, такъ какъ мы не знали никого изъ террористовъ, но случай намъ помогъ, и съ помощью одного лица, нынѣ уже умершаго, было устроено совѣщаніе *3 декабря 1878 года*, подъ условіемъ, что намъ не будетъ названа ни одна фамилія участвующихъ въ совѣщаніи. Такимъ образомъ, въ совѣщаніи, *кромѣ меня и Линдфорса, изъ земцевъ никого не было*, и дѣйствовали мы *не по порученію кого-либо, а совершенно самостоятельно*, убѣждая лишь на-

[1]) Текстъ черниговскаго адреса (а также тверского) былъ напечатанъ тогда же въ *Прибавленіи къ № 4 Земли и Воли* (8 марта 1879 года). Это Прибавленіе въ Сборникъ Базилевскаго „Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ" не вошло, потому что въ распоряженіи составителя сборника его тогда еще не было. *В. Б.*

шихъ собесѣдниковъ выждать и предоставить обществу возможность начать легальную борьбу“ [1]).

---

[1]) Любопытно сравнить этотъ разсказъ участника земскаго конституціоннаго движенія семидесятыхъ годовъ съ фантастическими свѣдѣніями о томъ же, напечатанными въ не разъ упоминавшейся нами правительственной запискѣ. „Въ концѣ 70-хъ годовъ,— читаемъ мы въ этой запискѣ, — нѣсколько человѣкъ „земскихъ дѣятелей“ (прелестныя по претензіи на иронію кавычки) различныхъ губерній задумали установить нѣкоторую солидарность между дѣятельностью отдѣльныхъ земствъ и они учредили небольшіе съѣзды наиболѣе выдающихся земцевъ *каждую осень* въ Москвѣ, Кіевѣ или Харьковѣ (мы видѣли, что *первый* съѣздъ земскихъ дѣятелей имѣлъ мѣсто въ самомъ началѣ апрѣля 1879 года). Кіевскій съѣздъ, состоявшійся *въ концѣ декабря 1878 года*, на который *въ качествѣ делегатовъ отъ южно-русскихъ соціально-революціонныхъ партій* были приглашены нѣсколько изъ наиболѣе закоснѣлыхъ украинофиловъ (никакого такого съѣзда „въ концѣ декабря“ въ Кіевѣ не было, а до слуха полиціи дошли, очевидно, глухія вѣсти именно о кіевскомъ совѣщаніи 3 декабря; въ этомъ совѣщаніи приняли участіе, кромѣ двухъ земцевъ, не украинофилы только, которыхъ авторы „Записки“ въ своей фантазіи изображаютъ, какъ *„делегатовъ отъ южно-русскихъ соціально-революціонныхъ партій“*, а дѣйствительные революціонеры (Осинскій, Дебагорій-Мокріевичъ, Ковалевская и другіе), — о чемъ полиція, очевидно, и понятія не имѣла),—обратилъ на себя вниманіе мѣстнаго жандармскаго управленія, вслѣдствіе не вполнѣ осторожныхъ распоряженій коего дальнѣйшіе съѣзды были обставлены всевозможными мѣрами предосторожности“. (*„Изъ полицейскихъ разслѣдованій 1882 года касательно „противоправительственныхъ сообществъ не столь вредныхъ“. Былое*, 1906 г., апрѣль, стр. 305.)

О кіевскомъ совѣщаніи, о которомъ разсказываетъ И. И. Петрункевичъ, въ „Воспоминаніяхъ“ В. К. Дебагорія-Мокріевича находятся такія строки:

„Осенью или зимою 1878 года (точно не помню времени) пріѣхали два земскихъ дѣятеля для переговоровъ съ кіевскими либералами и украинофилами относительно совмѣстнаго образа дѣйствія для завоеванія конституціонной реформы. Въ переговорахъ этихъ изъ революціонеровъ принимали участіе Осинскій, Ковалевская (отравилась въ карійской каторгѣ въ 1889 году) и еще нѣсколько человѣкъ, имена которыхъ я здѣсь не буду приводить. Помню (такъ какъ и я присутствовалъ тамъ), собраніе было открыто рѣчью земца. Онъ развилъ мысль, что конституціонная реформа необходима для Россіи и будетъ полезна для всѣхъ русскихъ группъ, а въ томъ числѣ и для соціалистовъ, такъ какъ дастъ больше простора для дѣятельности. Затѣмъ, какъ выводъ изъ этого, предлагалъ соединиться всѣмъ группамъ для добытія конституціи. По его мнѣнію, нужно было испробовать первоначально всѣ легальные пути подачи петицій, мирныя демонстраціи и т. п. Чтобы вовлечь въ движеніе больше людей, предполагалось развить сильную агитацію въ обществѣ посредствомъ печати. Брошюры конституціоннаго характера, которыя нельзя было бы печатать по цензурнымъ условіямъ внутри Россіи, земецъ находилъ нужнымъ издавать за границей и оттуда доставлять контрабандымъ путемъ.

„Все это были мысли, съ которыми наши террористы, вѣроятно, согласились бы, если бы не оказалось одного пункта разногласій. По мнѣнію земца, однимъ изъ первыхъ условій для успѣха конституціонной агитаціи было пріостановленіе террористической дѣятельности революціонеровъ, запугивавшей извѣстную часть нашего общества, а равнымъ образомъ и правительство. Съ этимъ требованіемъ террористы не согласились, переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ.

„Что касается меня лично,—съ эпическою объективностью заканчиваетъ свой раз-

На вопросъ: „существовала ли болѣе лѣвая, чѣмъ „Союзъ“, организація, носившая названіе „Земская Лига“, и правда ли, — какъ объ этомъ гласитъ правительственная „Записка“,—будто земцы, узнавъ, что „Лига“ находится въ сношеніяхъ съ террористами, отдѣлились отъ нея и составили самостоятельную организацію“ [1]), И. И. Петрункевичъ отвѣчалъ:

„Такъ называемая „Лига“ *никогда не существовала, какъ организованное общество.* Объ ея организаціи *были разговоры,* но она не была осуществлена вслѣдствіе ареста въ апрѣлѣ 1879 года многихъ лицъ изъ числа ея организаторовъ. Поэтому „Союзъ“ не могъ отдѣлиться отъ „Лиги“, ибо первый существовалъ въ то время, *когда мысль о „Лигѣ“ была оставлена.* Не могъ „Союзъ“ отдѣлиться отъ „Лиги“ и въ виду ея связи съ террористами, ибо такой „Лиги“ *не было,* а было лишь *одно* (подчеркнуто въ подлинникѣ) совѣщаніе двухъ лицъ, принадлежащихъ къ числу земцевъ, всегда пользовавшихся полнымъ довѣріемъ послѣднихъ“. [2])

Къ этому пункту И. И. Петрункевичъ сдѣлалъ еще такое важное примѣчаніе:

сказъ объ этомъ эпизодѣ Дебагорій-Мокріевичъ, — то я присутствовалъ на этомъ собраніи и не соглашался ни съ тѣми, ни съ другими. Какъ допотопному звѣрю, все окружающее казалось мнѣ и дикимъ и непонятнымъ. Я слушалъ земца и не понималъ его; слушалъ террористовъ и не соглашался съ ними. По-моему надо было достать побольше оружія и поднимать народный бунтъ“. („Воспоминанія“. Штутгардтъ, стр. 300—301).

Уже когда эти строки были нами написаны, намъ пришлось лично бесѣдовать съ В. К. Дебагоріемъ-Мокріевичемъ о многомъ, а въ томъ числѣ и о кіевскихъ переговорахъ 1878 г. съ земцами. Теперь можно назвать и остальныхъ участниковъ переговоровъ со стороны революціонеровъ. Кромѣ Мокріевича, Осипскаго и Ковалевской, то были Софья Лешернъ фонъ Герцфельдъ и Волошенко.

[1]) Чтобы читателю былъ вполнѣ понятенъ этотъ вопросъ, приведемъ изъ названной официальной „Записки“, называющейся „О противоправительственныхъ сообществахъ не столь вредныхъ“, слѣдующія строки:

„Насколько намъ извѣстно, на съѣздѣ 1880 года участвовали нѣсколько членовъ такъ называемой „Либеральной Лиги“, благодаря вліянію коихъ земцы включили въ свою программу слѣдующій пунктъ: „необходимость добиться центральнаго народнаго представительства при непремѣнномъ условіи одной палаты и всеобщаго голосованія“. Послѣ 1 марта 1881 г., освѣдомившись, что Либеральная Лига не отказываетъ „Народной Волѣ“ въ нѣкоторой поддержкѣ (денежными взносами и укрывательствомъ), земцы собрались въ Харьковѣ въ числѣ 30 человѣкъ и рѣшились совершенно отдѣлиться отъ „Лиги“ и дѣйствовать самостоятельно“. („Записка“ эта была напечатана въ № заграничнаго журнала *Общее Дѣло* за 1882 годъ и оттуда перепечатана въ апрѣльской книжкѣ журнала *Былое* за 1906 г. Цитируемое мѣсто см. на стр. 306.)

[2]) Уже изъ этого видно, какъ далека отъ истины правительственная „Записка“. Въ дальнѣйшемъ она исполнена еще большей фантастики, а между тѣмъ, именно основывалась на ней, такъ изощряется въ изобличеніяхъ „земцевъ“ въ своихъ „Конституціоналистахъ 1881 года“ нынѣшній редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей* г. Тихомировъ.

„Я хочу обратить ваше вниманіе на то, что, говоря о „Лигѣ", я имѣю въ виду *кіевскую* 1879 года. Термины того времени не отличались строгой точностью и московскій союзъ 80-хъ годовъ *называли иногда „Лигою"*.

Послѣднее обстоятельство, очевидно, стало извѣстно дружинникамъ, которые и воспользовались имъ при посылкѣ Нивинскаго въ Парижъ отъ имени будто бы „Земской Лиги".

На вопросъ о личности графа П. П. Шувалова, о томъ, не встрѣчался ли съ нимъ кто-либо изъ членовъ „Земскаго Союза" и въ какихъ отношеніяхъ былъ этотъ союзъ къ *Вольному Слову*—И. И. Петрункевичъ сообщилъ, что лично онъ съ Шуваловымъ встрѣтился въ Петербургѣ въ 1882 г. въ квартирѣ своей жены (съ нею Шуваловъ былъ знакомъ салоннымъ образомъ), когда ему разрѣшено было пріѣхать на короткое время въ Петербургъ навѣстить больного сына. Шуваловъ немедленно заговорилъ съ И. И. Петрункевичемъ о необходимости водворенія въ Россіи конституціи и вечеромъ того же дня прислалъ ему цѣлый конституціонный проектъ, съ раздѣленіемъ Россіи на избирательные округа и двупалатной системой представительства. Къ „Земскому Союзу" Шуваловъ, конечно, не принадлежалъ, принадлежность же его къ „Священной Дружинѣ" не подлежитъ сомнѣнію. Будучи въ 1881—82 годахъ въ ссылкѣ, И. И. Петрункевичъ не имѣлъ никакого отношенія къ *Вольному Слову*, но отъ покойнаго В. А. Гольцева слышалъ, что этотъ органъ поддерживался матеріально черезъ послѣдняго.

Другой земецъ, принимавшій участіе въ „Земскомъ Союзѣ" въ письмѣ къ намъ прямо сообщилъ, что для поддержки *Вольнаго Слова* В. А. Гольцевъ получалъ средства непосредственно отъ гр. П. П. Шувалова, съ которымъ былъ лично знакомъ [1]).

Далѣе изъ цѣлаго ряда вопросовъ, обращенныхъ къ разнымъ лицамъ, намъ выяснились слѣдующія четыре обстоятельства: 1) что съ гр. П. П. Шуваловымъ былъ знакомъ также и самъ редакторъ *Вольнаго Слова* М. П. Драгомановъ; 2) что делегатъ „Земскаго Союза", пріѣзжавшій къ Драгоманову въ концѣ 1882 г. предложить ему взять на себя редактированіе *Вольнаго Слова,* — какъ о томъ разсказываетъ въ своей „автобіографіи" самъ Драгомановъ, — былъ, повидимому, В. А. Гольцевъ; 3) что о личности перваго редактора *Вольнаго Слова* Аркадія Малышинскаго, выдавшаго себя за границей, по свидѣтельству А. Х.

---

[1]) Нельзя не пожалѣть, что ни одинъ изъ авторовъ помѣщенныхъ въ сборникѣ „Памяти В. А. Гольцева" статей не разсказалъ ничего о знакомствѣ Гольцева съ Шуваловымъ. Неужели это обстоятельство изъ друзей покойнаго никому не извѣстно? Между тѣмъ оно имѣетъ очень важное значеніе для освѣщенія исторіи „противоправительственныхъ сообществъ не столь вредныхъ". И такой искренній человѣкъ, какъ Гольцевъ, былъ, видимо, введенъ Шуваловымъ въ заблужденіе.

Христофорова, за члена „Земскаго Союза“, никто изъ дѣйствительныхъ членовъ этого „Союза“, къ которымъ мы обращались съ вопросами, не имѣлъ никакого понятія, и 4) что до своей поѣздки за границу Мальшинскій приходилъ въ дѣловыя соприкосновенія съ нѣсколькими „высокопоставленными“ лицами, благодаря чему его, какъ литератора и „спеціалиста“ по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи (мы уже упоминали, что Мальшинскимъ былъ написанъ въ 1879 году „Обзоръ“ этого движенія), и могли избрать эти лица на роль редактора поставленной ими заграничной газеты.

Мальшинскій и издавалъ ее въ теченіе 1881 и 1882 года, т.-е. до того времени, когда дальнѣйшее пребываніе его у газетнаго кормила, вслѣдствіе систематическихъ обвиненій со стороны *Общаго Дѣла* въ томъ, что Мальшинскій является полицейскимъ агентомъ, стало неудобно, и когда Дружина задумала вести „переговоры“ съ революціонерами. Но объ этомъ ниже, а теперь остановимся нѣсколько подробнѣе на самомъ *Вольномъ Словѣ*, а также на изданной этой газетою программѣ „Вольный Союзъ“ и нѣкоторыхъ данныхъ, которыя сообщаетъ о земскомъ движеніи въ Россіи редактировавшій *Вольное Слово* съ января 1883 г. М. П. Драгомановъ.

Уже въ 1889 году въ № 1 газеты *Свободная Россія* (въ статьѣ „Либерализмъ и земство“) [1]) М. П. Драгомановъ писалъ такія строки: „Кіевская попытка 1878 г. (съ переговорами) интересна только, какъ опытъ извѣстной земской группы вступить въ прямыя сношенія съ революціонерами (какъ мы видѣли выше, эта попытка не исходила вовсе изъ „земской группы“, а явилась продуктомъ частной иниціативы И. И. Петрункевича и А. Д. Линдфорса. *В. Б.*), а также какъ шагъ, который повелъ за собою опытъ извѣстной организаціи разныхъ оппозиціонныхъ элементовъ. Не добившись соглашенія съ соціалистами-террористами, *Кіевская Лига* (мы видѣли, что „Лига“ тогда не организовалась и о ней были „только разговоры“. *В. Б.*) рѣшила всетаки вести агитацію по земствамъ разныхъ губерній, а также оказывать помощь публикованію разныхъ недовольствъ существующимъ политическимъ порядкомъ и для этого отправила нѣсколько рукописей для напечатанія въ Галиціи (послѣднее исходило, повидимому, не отъ „земцевъ“, а отъ другихъ южныхъ радикальныхъ элементовъ, хотя возможно, что А. Д. Линдфорсъ принималъ и въ этомъ участіе. *В. Б.*). Изъ этихъ рукописей скоро напечатана была и выпущена въ свѣтъ брошюра „Мартовское движеніе студентовъ кіевскаго университета въ 1878 году“ (тогда было исключено

[1]) Въ томъ же 1889 году эта статья вышла въ Женевѣ подъ заглавіемъ: „Либерализмъ и земство въ Россіи“ въ видѣ отдѣльной брошюры.

170 студентовъ, изъ которыхъ многіе были высланы въ дальнія губерніи, причемъ произошли уличныя демонстраціи, противъ которыхъ въ Москвѣ выступили знаменитые мясники). Другія же двѣ брошюры „Русская молодежь, правительство и общество“ съ приложеніемъ протеста харьковскаго университета (противъ избіенія студентовъ казаками), „Докладъ совѣта петербургскаго университета“ (объ отношеніи полиціи къ студентамъ) и самая интересная въ политическомъ отношеніи брошюра „Ближайшія задачи земства, съ приложеніемъ отвѣта черниговскаго губернскаго земства на правительственное обращеніе“, не увидѣли свѣта, потому что галицкая администрація, которая тогда только что начала у себя борьбу съ украинскимъ и польскимъ соціалистическимъ движеніемъ, арестовала лицъ, которымъ было поручено печатаніе и захватила самыя брошюры, хотя онѣ ничѣмъ не трогали ни Австріи, ни Галиціи. Это было вовсе не непредвидимое и необходимое препятствіе. Но оно было причиною, почему статья „Ближайшія задачи земства“ напечатана была *только въ 1883 году* въ 56 № *Вольнаго Слова,* когда,—только!—намъ былъ доставленъ единственный спасенный экземпляръ („Земскій голосъ изъ недавняго времени“). Самое замѣчательное мѣсто въ этой статьѣ—критика отвѣтовъ харьковскаго и полтавскаго земствъ на правительственное обращеніе 1878 г. и программа. Выписавъ обѣщаніе упомянутыхъ отвѣтовъ „вырвать съ корнемъ пропаганду“ и проч., авторъ говоритъ: „мы думаемъ, что полтавское и харьковское земства стали на ложный путь. Какія конституціонныя блага мы посулимъ русскому народу, когда напередъ обязуемся душить идеи и истреблять людей, ими живущихъ?“ Программу же земства авторъ излагаетъ такъ: „Въ настоящую минуту земства должны написать на своемъ знамени три положенія: свобода слова и печати, гарантіи личности и созывъ *Учредительнаго Собранія*“.

Къ этому мѣсту М. П. Драгомановъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Этотъ терминъ „Учредительное Собраніе“, болѣе абстрактно-радикальный, чѣмъ практическій по данному времени, вошелъ потомъ въ программу „Народной Воли“. Авторъ статьи „Ближайшія задачи земства“ самъ такъ радикаленъ, что настаиваетъ именно на *Учредительномъ Собраніи,* предлагая земству „отвергнуть всякую конституцію, данную сверху“, какъ „конституціонную комедію“.

Именно на этомъ основаніи и надо думать,—прибавимъ мы отъ себя,—что цитируемая Драгомановымъ статья вышла не изъ земскихъ круговъ. Утверждать, однако, это категорически мы, конечно, не можемъ. Слѣдуетъ отмѣтить, тѣмъ не менѣе, что именно здѣсь раздалось въ первый разъ слово „Учредительное Собраніе“. Даже въ написанномъ въ 1878 г. Н. К. Михайловскимъ, революціонномъ „Летучемъ Листкѣ“ выставляется требованіе не „Учредительнаго Собранія“, а „Земскаго Со-

бора", и лишь народовольцы рѣшительно поставили вопросъ именно объ „Учредительномъ Собраніи". [1])

Но возвратимся къ разсказу М. П. Драгоманова.

„Послѣ неудачнаго опыта Кіевской Лиги, — продолжаетъ онъ, — только въ августѣ 1881 года *„Земскій Союзъ" приступилъ къ изданію своего органа „Вольное Слово" въ Женевѣ.* Первоначальная редакція этой газеты (т.-е. редакція Мальшинскаго. *В. Б.*) стояла на пути Кіевской Лиги, а именно рядомъ съ пропагандой идей земскаго самоуправленія она имѣла въ виду помогать опубликованію идей всѣхъ оппозиціонныхъ направленій въ Россіи, кромѣ террористическаго. Изъ другихъ направленій въ русскомъ соціалистическомъ движеніи даже довольно широко было представлено въ *Вольномъ Словѣ* 1881—82 гг., наприм., соціалъ-демократическое (рѣчь идетъ, очевидно, о статьяхъ П. Б. Аксельрода. *В. Б.*), заграничные публицисты котораго издавали незадолго передъ тѣмъ „органъ соціалистовъ-федералистовъ" *Черный Передѣлъ.* Но съ теченіемъ времени обнаружилась невозможность согласія между земскимъ самоуправленіемъ и чернопередѣльческой соціалъ-демократіей, которая все больше и больше принимала антилиберальный и централистическій характеръ. Чернопередѣльческая соціалъ-демократія была устранена изъ *Вольнаго Слова* и газета приняла болѣе цѣльное направленіе, объявивъ себя *прямымъ органомъ Общества Земскаго Союза и Самоуправленія.* (См. передовую статью отъ 15 мая 1882 года въ № 37 *Вольнаго Слова.*) Она, впрочемъ, продолжала давать мѣсто голосамъ разныхъ направленій. Въ концѣ-концовъ, впрочемъ, опытъ изданія *земскаго органа „Вольное Слово"* нельзя признать удачнымъ, хотя бы уже потому, что собственно земскіе матеріалы стали поступать въ редакцію правильно только съ конца 1882 г., а въ маѣ 1883 г. изданіе уже было прекращено". [2])

Въ той же статьѣ у М. П. Драгоманова, правда, въ примѣчаніи, но въ примѣчаніи чрезвычайно характерномъ, находятся такія строки: „Г. Леруа-Болье сообщаетъ, что г. Гордѣенко и другихъ (авторовъ харьковскаго адреса. *В. Б.*) предположено было сослать въ Сибирь и что только гр. Лорисъ-Меликову удалось остановить эту мѣру. Не знаемъ, насколько вѣрно это свѣдѣніе. *Неизвѣстно* и то, сколько земцевъ по-

---

[1]) Въ этомъ отношеніи, какъ, впрочемъ, и во многихъ другихъ, чрезвычайно интересно письмо, написанное въ 1880 г. М. П. Драгоманову А. И. Желябовымъ. Письмо это было напечатано нѣсколько разъ: сначала въ *Вольномъ Словѣ,* потомъ отдѣльною брошюрою („Къ біографіи А. И. Желябова"), потомъ въ мартовской книжкѣ петербургскаго журнала *Былое* на 1906 г. и, наконецъ, въ Собраніи политическихъ статей Драгоманова. „Летучій Листокъ" (Михайловскаго) см. въ книгѣ Базилевскаго „Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ". Парижъ, 1905 г., стр. 111—113.

[2]) Собраніе сочиненій *М. П. Драгоманова,* т. II. Парижъ, стр. 819—826.

платилось до сихъ поръ за либерализмъ, кромѣ г. Петрункевича, высланнаго изъ Черниговской въ Костромскую губернію. *Слухи*, которые ходили о г. Винбергѣ изъ Таврической губерніи и г. Костливцовѣ изъ Новгородской, *неясны*". [1])

Итакъ, даже *въ 1889 г.*, когда Драгомановъ писалъ эти строки, такой громкій *фактъ*, какъ высылка изъ Таврической губерніи *въ 1881 г.* крупнаго земскаго дѣятеля В. К. Винберга, былъ извѣстенъ бывшему редактору *Вольнаго Слова* только въ качествѣ „неяснаго слуха". Уже одно это могло бы заставить усомниться, что *Вольное Слово* было *„прямымъ органомъ Общества Земскаго Союза и Самоуправленія"*...

Драгомановъ такъ и умеръ въ убѣжденіи, что въ августѣ 1881 г. „Земскій Союзъ" приступилъ къ изданію *своего органа „Вольное Слово"*, это было для него несомнѣнно, а между тѣмъ „Земскій Союзъ" не только никогда не посылалъ Малышинскаго издавать за границей газету, но не имѣлъ о немъ до того времени никакого представленія...

Приведемъ изъ той же статьи Драгоманова еще слѣдующія строки:

Послѣ кіевскихъ переговоровъ земцевъ съ революціонерами, „земцы привлекли къ себѣ только нѣкоторые „легальные" элементы болѣе или менѣе радикальнаго направленія и въ томъ числѣ нѣсколько человѣкъ украинофильскаго направленія. Образовавшійся тогда союзъ нѣкоторые изъ его участниковъ называли не безъ ироніи, какъ это часто бываетъ, „Лигою оппозиціонныхъ элементовъ" или просто „Лигою". Она распространила свои сношенія и на сѣверныя губерніи, гдѣ въ 80—81 гг. даже получила большее, чѣмъ на югѣ, распространеніе и организацію, когда изъ нея образовалось „Общество Земскаго Союза и Самоуправленія" или просто „Земскій Союзъ". Имя „Лиги" между тѣмъ пошло въ ходъ и, благодаря послѣдствіямъ тайны и безопасности, стало примѣняться къ самымъ разнообразнымъ обществамъ, о которыхъ ходили слухи. Такъ, когда гр. Игнатьевъ въ началѣ 82 г. основалъ комиссію для собиранія свѣдѣній объ „обществахъ не столь вредныхъ", то указалъ ей, кромѣ „Земской Лиги" или „Земскаго Союза", еще три Лиги: Либеральную (въ Москвѣ), Южно-русскую и Земельную, которая будто бы при помощи „Земской Лиги" думала заводить „интеллигентныя" земледѣльческія колоніи по идеямъ проф. Энгельгардта. Въ публикѣ называли „Лигою" и „Добровольную Охрану", которая, какъ говорили, тоже имѣла въ виду созваніе Земскаго Собора и даже „Священную Дружину" или „Дружину Спасенія" добровольныхъ жандармовъ и шпіоновъ, возникшихъ при градоначальникѣ Барановѣ, члены которой замышляли даже дуэли и контръ-аттентаты противъ воображаемыхъ ими заграничныхъ распоряди-

[1]) Ibid., стр. 828.

телей цареубійствомъ. [1]) Люди разныхъ категорій находили интересъ поддерживать это смѣшеніе понятій и посредствомъ печати. (Слѣдуетъ въ примѣчаніи ссылка на *Общее Дѣло*, *Le Revolté* 1881—82 гг., *Календарь Народной Воли* за 83 г., а также *Правду*—„террористически-анархическій органъ, издававшійся въ Женевѣ въ 82—83 г. *агентомъ Судейкина г. Климовымъ*“). Изъ упомянутой комиссіи при гр. Игнатьевѣ вышла между прочимъ и „Докладная записка № II о ходѣ секретнаго дознанія по дѣлу о противоправительственныхъ сообществахъ не столь вредныхъ съ 1 февраля по 1 іюня 1882 г.“, напечатанная въ 83 г. въ № 54 *Общаго Дѣла*. Въ другой запискѣ (№ 3), *еще не попавшей въ печать*, [2]) посвященной „Либеральной Лигѣ“, смѣшеніе круговъ и лицъ доходитъ до полнаго комизма“. [3])

Карты смѣшались въ то время до того, что людямъ типа гр. Шувалова открылось для дѣятельности широкое поприще...

Мы уже приводили слѣдующія слова изъ разсказа П. А. Крапоткина.

„Когда Игнатьевъ сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ, по совѣту бывшаго парижскаго префекта Андріе, напалъ на новый планъ. Онъ послалъ рой своихъ агентовъ въ Швейцарію, *гдѣ одинъ изъ нихъ сталъ издавать газету*, стоявшую за нѣкоторое расширеніе земскаго самоуправленія. Главная же задача заключалась въ борьбѣ съ революціонерами и въ группировкѣ вокругъ него всѣхъ эмигрантовъ, отрицательно относившихся къ террору. То было, конечно, средство посѣять раздоръ“. [4])

П. А. Крапоткинъ не называетъ въ этихъ строкахъ ни газеты, о которой говоритъ, ни имени издававшаго ее „агента“ Игнатьева, но для всякаго знакомаго съ дѣломъ совершенно ясно, что рѣчь идетъ именно

---

[1]) Мы уже приводили два письма Бѣлоголоваго къ Лаврову о намѣреніяхъ дружинниковъ убить Крапоткина и Рошфора. О такого же рода замыслахъ дружинниковъ свидѣтельствуетъ въ своей книгѣ и Леруа Болье. „Лучшее средство бороться съ заговорщиками,—говорили автору книги высокопоставленныя лица въ Петербургѣ (они же „les promoteurs de *droujina*“),—это стать на ихъ же почву и дѣйствовать ихъ же оружіемъ“. „D'autres vont plus loin, non contents de vouloir emprunter aux revolutionnaires leur organisation secrète, ils rêvent d'imiter leurs procédés d'exécution sommaire, et de prévenir leurs attentats par des attentas analogues“. (L'empire des Tzars et les russes. *Par Anatole Leroy-Beaulieu.* Tom. II. Paris. 1882, p. 161—162).

[2]) Эта „Записка“ № 3 такъ почему-то и не была напечатана. Достать ее, невзирая на всѣ поиски, намъ, къ сожалѣнію, не удалось, а она несомнѣнно въ началѣ 80-хъ годовъ за границею ходила въ эмигрантскихъ кружкахъ, разъ Драгомановъ прямо на нее ссылается. О запискѣ № 2 Драгомановъ говоритъ, что ее „пускалъ въ русской эмиграціи въ обращеніе г. Климовъ (редакторъ *Правды*) въ цѣляхъ шантажа и судейкинскихъ“. Вѣроятно, и записка № 3 такого же происхожденія. Тѣмъ не менѣе, приходится пожалѣть, что она не была напечатана.

[3]) Сочиненія *Драгоманова*, т. II, стр. 819—820.

[4]) *П. А. Крапоткинъ:* „Записки революціонера“. Лондонъ, стр. 422.

о *Вольномъ Словѣ* и Мальшинскомъ. Только П. А. Крапоткинъ ошибается, что Мальшинскій былъ посланъ Игнатьевымъ, какъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Посылка состоялась, вѣроятно, съ вѣдома Игнатьева,—это такъ,—но дѣло всетаки было гораздо сложнѣе, и тутъ была рука цѣлой „независимой отъ правительства“ организаціи.

Къ этой организаціи на страницахъ *Вольнаго Слова* и отношеніе было довольно сложное. Тамъ то появлялись сообщенія, указывающія объ очень большой освѣдомленности въ придворныхъ дѣлахъ корреспондентовъ газеты вродѣ, напримѣръ, такого:

„Въ тотъ день, вѣроятно, какъ вы получите эти строки, въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* появится „Положеніе о личной охранѣ Е. И. В. Государя Императора“. Главные пункты его слѣдующіе: 1) Во главѣ охраны будетъ поставленъ главнокомандующій главной квартирой, который назначается посредствомъ Высочайшаго указа правительствующему сенату. 2) Всѣ вѣдомства и учрежденія должны слѣдовать указаніямъ начальника охраны, насколько они касаются безопасности особы Его Величества. 3) Начальникъ охраны непосредственно подчиненъ Государю Императору и дѣлаетъ Его Величеству прямые доклады. 4) Власти, получившія извѣстія о заговорѣ противъ государства или особы Государя Императора, обязаны немедленно сообщать оныя начальнику охраны. 5) Начальникъ охраны издаетъ подчиненнымъ ему властямъ инструкціи по своему благоусмотрѣнію. 6) Къ начальнику охраны прикомандировываются по его желанію чины военнаго, морского и гражданскаго вѣдомства. 7) Кромѣ этихъ чиновъ начальнику охраны подвѣдомственны слѣдующія части: a) Отдѣленіе почетнаго конвоя гвардейской пѣхоты. b) Отдѣленіе дворцовой полиціи. c) Секретная часть. d) Желѣзнодорожная часть“. [1])

То печатались подробности, сопровождавшія выходъ въ отставку командира лейбъ-гвардіи гусарскаго полка генералъ-майора барона Мейендорфа („incident de Meyendorf“), описавши которыя, авторъ корреспонденціи продолжалъ свое сообщеніе такъ: „другой случай, занимающій высшее общество,—*внезапная* отставка графа Шувалова, адъютанта в. к. Владиміра Александровича, тоже приписывается неблаговидной интригѣ. [2]) Замѣчательно, что Мейендорфъ и Шуваловъ—члены „Святой Дружины“. Я уже писалъ вамъ объ этомъ знаменитомъ учрежденіи, которое въ мысли учредителей должно было быть контрольною, направленною противъ террористовъ, но оказалось контрольною, совершенно не дѣйствующею, за неимѣніемъ хорошихъ инженеровъ, т.-е. руководителей. (Напи-

---

[1]) *Вольное Слово* 1881 г., 4 октября, № 9.

[2]) Мы уже цитировали въ самомъ началѣ настоящей работы разсказъ гр. Валуева о причинахъ отставки гр. Шувалова. *Русская Мысль*, 1910 г., апрѣль, стр. 35.

сано все это не совсѣмъ грамотно, но тѣмъ, конечно, это характернѣе. *В. Б.*) Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ „Святая Дружина“, она, говорятъ, ничего не дѣлала для охраны Государя или для открытія заговоровъ и только принимала неисполнимыя и смѣшныя рѣшенія. Въ Дружинѣ, однако, было до сихъ поръ нѣсколько людей неглупыхъ и искренно старавшихся служить избранной ими цѣли. Къ числу ихъ принадлежали Мейендорфъ и Шуваловъ, навлекшіе на себя недовольство большинства Дружины оппозиціей противъ безобразныхъ предложеній и плановъ, въ средѣ Дружины появлявшихся. Дворъ, повидимому, принялъ сторону этого большинства“. [1])

Тутъ ясно слышатся отголоски борьбы, происходившей въ средѣ дружинниковъ. Все это писалось въ *Вольномъ Словѣ* въ 1881 году, когда редакторомъ газеты былъ Мальшинскій.

А вотъ отзывы *Вольнаго Слова* о „Добровольной Охранѣ“ и „Священной Дружинѣ“, когда редакторомъ газеты былъ уже М. П. Драгомановъ:

„По свѣдѣніямъ изъ Петербурга, Добровольная Охрана, офиціозная, распущена и замѣнена охраной вполнѣ официальной, въ которую, конечно, могутъ поступать и волонтеры, но уже вполнѣ чиновники. Несмотря на все, что до сихъ поръ писано было о всѣхъ этихъ консервативныхъ крамолахъ: Священныхъ Дружинахъ, Охранахъ и т. п., всетаки въ представленіи о нихъ многое остается неяснымъ, а потому мы не беремся судить о томъ, насколько достовѣрно и вышеприведенное извѣстіе. Во всякомъ случаѣ, если вѣрны свѣдѣнія, которыя сообщались и нами изъ довольно вѣроятныхъ источниковъ, а именно, что Добровольная Охрана не лишена была извѣстныхъ политическихъ стремленій,—хотя бы только Фадѣевскаго земскаго духа,—то, тѣмъ болѣе, можно порадоваться ея окончательному крушенію. Опричина чистая, съ пестыми головами, скорѣе демаскируетъ настоящее положеніе дѣлъ въ Россіи и скорѣе доведетъ... до кризиса, чѣмъ опричина съ разными голубиными и масличными украшеніями“. [2])

Вотъ въ какой дремучій лѣсъ былъ заведенъ тогда М. П. Драгомановъ!...

Но прежде чѣмъ подводить всему этому итоги, остановимся еще на политическомъ обществѣ „Вольный Союзъ“, программу котораго также издалъ Драгомановъ.

Что же это за „Союзъ“ и представлялъ ли онъ собою что-либо реальное?

Вотъ что пишетъ объ этомъ самъ Драгомановъ:

---

[1]) *Вольное Слово*, 1881 г., 20 декабря, № 20.

[2]) *Вольное Слово*, 8 января 1883 г., № 52.

„Въ 1883 году лѣтомъ мнѣ было доставлено изъ Россіи нѣсколько политико-соціальныхъ программъ, составленныхъ въ разныхъ украинскихъ кружкахъ, находившихся въ сношеніяхъ съ активными русскими революціонерами. Эти программы отличались отъ программъ этихъ послѣднихъ, проникнутыхъ болѣе или менѣе якобинскимъ централизмомъ, и сближались съ моими идеями въ пунктѣ федерализма. Въ концѣ іюня прибылъ въ Женеву делегатъ двухъ изъ этихъ кружковъ, съ цѣлью *выработать вмѣстѣ со мною программу для основанія политическаго общества „Вольный Союзъ“*, которое задалось бы цѣлью вести агитацію въ этомъ духѣ преимущественно на Украйнѣ, но не упуская изъ вида и всей Россіи. Изъ долгихъ разговоровъ съ этимъ делегатомъ, а также другимъ, который принадлежалъ къ „народовольческой“ организаціи, но дѣйствовалъ на югѣ, имѣлъ украинскія симпатіи и готовъ былъ присоединиться къ „Вольному Союзу“, я увидѣлъ, что между мною и этими делегатами полнаго согласія нѣтъ. Они не желали, по-моему, въ такой степени, какъ я, сосредоточенія дѣятельности „Вольнаго Союза“ на Украйнѣ, а слишкомъ скоро хотѣли раскинуть его работу на всю Россію; въ то же время они находили ненужнымъ усложненіемъ дѣла мое вниманіе къ Австрійской Руси, а еще болѣе къ политикѣ западно-славянской; кромѣ того, они считали нужнымъ и даже въ ту минуту солидарныя отношенія къ кружкамъ русскихъ революціонеровъ-народовольцевъ, которыхъ я считалъ морально уже отжившими, а также опасными по ихъ перепутанности съ agents provocateurs (скоро обнаружившаяся двойная роль Дегаева, какъ агента полиціи и „Народной Воли“ въ одно время, подтвердила мои опасенія)... По всему этому выработка программы подвигалась довольно медленно, но, наконецъ, въ концѣ августа была напечатана и отвезена делегатами въ Россію. Но тутъ полиція уже выслѣдила главныхъ „вольносоюзниковъ“,—между прочимъ, именно по связямъ ихъ съ народовольцами,—*и предполагаемое политическое общество умерло въ самомъ началѣ.* Впрочемъ, наши политическіе друзья пожелали, чтобы я всетаки выпустилъ печатную программу „Вольнаго Союза“, что я и сдѣлалъ, такъ какъ не терялъ надежды, что идеи ея найдутъ себѣ хоть постепенное сочувствіе въ разныхъ общественныхъ элементахъ Россіи, особенно на югѣ и востокѣ. Я только считалъ теперь нецѣлесообразной форму моей книжки, *которая соотвѣтствовала уставу, но перемѣнять ее было уже поздно.* Но какъ мало я разсчитывалъ на непосредственное одобреніе моей книжки видно изъ того, что я окончилъ ее словами Ренана: „Le moyen d'avoir raison dans l'avenir est à certaines heures de savoir se resigner à être démodé“. [1])

Стало быть „Вольный Союзъ“, изданная программа котораго въ

---

[1]) Предисловіе ко II т. соч. Драгоманова, стр. XXXVIII—XXXIX.

формѣ устава можетъ смущать изслѣдователей, по разсказу самого Драгоманова, реальнаго существованія не имѣлъ („предполагаемое политическое общество умерло въ самомъ началѣ“).

Обращаясь къ хроникѣ осеннихъ арестовъ 1883 года на югѣ Россіи, мы видимъ, что въ Кіевѣ въ сентябрѣ этого года были арестованы нелегальные В. Г. Малеванный и И. Н. Присѣцкій [1]). Этимъ дѣло съ „Вольнымъ Союзомъ“ и кончилось.

Итакъ, какую же картину представляетъ собою въ дѣйствительности земское движеніе разсматриваемой эпохи?

О „Кіевской Лигѣ“ въ 1878 году „были разговоры“, но, по свидѣтельству И. И. Петрункевича, реальнаго бытія она тогда не получила.

Переговоры съ революціонерами вели въ то время *по своей личной инициативѣ* И. И. Петрункевичъ и А. Д. Линдфорсъ.

„Земскій Союзъ“ основался въ Москвѣ въ 1881 году, былъ учрежденіемъ весьма полезнымъ въ смыслѣ фермента въ земско-общественной средѣ, но никакихъ сколько-нибудь яркихъ проявленій въ его дѣятельности не было. Наиболѣе энергичнымъ членомъ „Земскаго Союза“, за смертью Д. А. Линдфорса и ссылкою И. И. Петрункевича, былъ В. А. Гольцевъ, который,—при какихъ обстоятельствахъ, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, намъ какъ-то не пришлось поговорить объ этомъ въ свое время съ нынѣ покойнымъ Гольцевымъ,—познакомился съ гр. П. П. Шуваловымъ; на него Гольцевъ, видимо смотрѣлъ, какъ на „сочувствующаго“ и готоваго оказывать всякую помощь „Земскому Союзу“.

„Земской Лиги“ никогда не существовало и подъ ея обличіемъ, какъ это мы уже установили выше, на основаніи самыхъ несомнѣнныхъ историческихъ документовъ, дѣйствовала „Священная Дружина“, выработавшая даже особое „Положеніе о Земской Лигѣ“.

„Вольный Союзъ“, по разсказу Драгоманова, умеръ въ самомъ началѣ своего еще только предполагавшагося существованія съ арестомъ двухъ лицъ.

Вотъ и разгадка, почему о земскомъ движеніи 70-хъ и 80-хъ годовъ такъ мало имѣется документовъ, матеріаловъ и мемуаровъ, на что указываютъ всѣ изслѣдователи этого движенія.

Но, если не было почти ничего въ этой средѣ *организованнаго*, то несомнѣнно, что недовольство „приказнымъ строемъ“ среди земцевъ было весьма значительно, и, въ сущности, совершенно правъ былъ ав-

---

[1]) *Бурцевъ*: За сто лѣтъ, стр. 115.—Вл. Гр. Малеванный, по прозванью „Гетьманъ“, былъ высланъ въ 1879 г. изъ Одессы въ Иркутскую губернію Тотлебеномъ, откуда въ 80-хъ г. бѣжалъ, находился за границей въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Драгомановымъ, вернулся въ Россію, арестованъ въ Кіевѣ, снова сосланъ на 5 лѣтъ въ Якутскую область и умеръ въ 1892 г. въ Сибири. И. Н. Присѣцкій былъ также сосланъ въ Сибирь на 5 л. Впослѣдствіи полтавскій земецъ и извѣстный политическій дѣятель.

торъ написанной черезъ много лѣтъ послѣ того „Записки“ гр. С. Ю. Витте, утверждавшій о несовмѣстимости самодержавія и развитаго земскаго самоуправленія, какъ правъ былъ и Побѣдоносцевъ, указывавшій постоянно на опасность отъ „земщины“.

За исключеніемъ отдѣльныхъ лицъ, необходимо, однако, констатировать, что къ *дѣйственной* политической роли русская земская среда до самаго кануна нашей революціи никакихъ способностей не проявляла, и вся заслуга въ политическомъ оживотвореніи этой среды принадлежитъ „третьему элементу“, этому общественному слою, для котораго, по самой природѣ его, безусловно необходима свободная политическая атмосфера, но который, въ силу особыхъ историческихъ условій, былъ всегда соціалистическимъ, что, конечно, не могло не уменьшать и не замедлять его непосредственнаго вліянія на „земцевъ“. Въ этой соціалистичности лежало одновременно на „третьемъ элементѣ“ и благословеніе и проклятіе. Благословеніе, потому что именно благодаря своей соціалистичности, онъ пронесъ черезъ всѣ испытанія въ чистѣйшемъ видѣ демократическую идею, и въ этомъ его несомнѣнная заслуга передъ трудящимися массами. Проклятіе, потому что такою „позиціей“ приносилось постоянно въ жертву грядущему настоящее, на долю котораго приходились во всѣхъ отношеніяхъ одни лишь политическіе акриды да дикій медъ. Къ исторіи русской интеллигенціи вообще и „третьяго элемента“ въ частности можно бы поставить эпиграфомъ заключительныя слова изъ тургеневскаго „Порога“:

— Дура!—сказалъ одинъ голосъ...

— Святая!—промолвилъ другой...

Передъ такимъ-то узорнымъ соціальнымъ рисункомъ стояло съ другой стороны правительство, не способное ни на какое творчество, не вѣрящее въ самого себя, всего боящееся, гонявшееся систематически еще въ 70-хъ годахъ буквально „за мухой съ обухомъ“, а когда горсть народовольцевъ дерзновенно попыталась разрѣшить политическую проблему Россіи на собственный страхъ и рискъ, потерявшее окончательно голову и сосредоточившее все свое вниманіе на одной лишь безконечной сѣти всевозможныхъ „охранъ“...

Какъ же тутъ было ловкимъ людямъ не ловить рыбу въ мутной водѣ?...

Жертвой одной изъ мистификацій сталъ и М. П. Драгомановъ съ его *Вольнымъ Словомъ*.

Драгомановъ, какъ ни удивительно это для такого замѣчательно умнаго человѣка, какъ онъ, слѣпо ввѣрился Мальшинскому.

Когда въ справочномъ отдѣлѣ *Календаря Народной Воли* за 1883 годъ было воспроизведено обвиненіе *Общимъ Дѣломъ Вольнаго Слова* въ томъ, что во главѣ редакціи послѣдняго находится Мальшинскій (до 1883 года

Вольное Слово издавалось анонимно), болѣе чѣмъ темная личность, то въ отвѣтъ на это Драгомановъ написалъ такія строки:

„Въ заключеніе о справочномъ отдѣлѣ *Календаря Народной Воли* скажемъ, что сколько-нибудь нравственно развитые читатели его, конечно, оцѣнятъ по достоинству помѣщенную въ немъ справку *для государственной полиціи* объ имени бывшаго редактора *Вольнаго Слова*". [1])

А „бывшій редакторъ *Вольнаго Слова*" въ томъ же 1883 году спокойно себѣ уѣхалъ въ Россію, гдѣ и сталъ открыто въ ряды ультрареакціонеровъ. Онъ зналъ, что отъѣздъ въ Россію, несмотря на всѣ его грѣхи по изданію *Вольнаго Слова,* не представляетъ для него, Мальшинскаго, ни малѣйшей опасности, и „государственной полиціи" ему бояться не приходится...

М. П. Драгомановъ, конечно, искренно былъ убѣжденъ, что его газета являлась органомъ „Земскаго Союза",—на дѣлѣ же выходило нѣчто совершенно иное, и около него мелькали такія фигуры, какъ

1) Аркадій Мальшинскій—членъ „Земскаго Союза",

2) гр. П. П. Шуваловъ—членъ „Земской Лиги",

3) докторъ Нивинскій—членъ той же „Лиги".

Когда Нивинскій прибылъ за границу для переговоровъ съ народовольцами отъ имени „Земской Лиги", то онъ явился прежде всего къ Драгоманову, который немедленно вызвалъ изъ Парижа телеграммою Дебагорія-Мокріевича („по очень важному дѣлу", какъ разсказываетъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ самъ Мокріевичъ) и поручилъ ему отвезти Нивинскаго въ Парижъ для переговоровъ съ Лавровымъ, что Мокріевичъ и исполнилъ. Такъ могъ поступить Драгомановъ, конечно, лишь при условіи имѣнія у Нивинскаго солидныхъ рекомендацій, а онъ ихъ и имѣлъ... вѣрнѣе всего, отъ Шувалова... Драгомановъ былъ знакомъ съ Шуваловымъ лично,—это намъ доподлинно извѣстно,—но когда и гдѣ состоялось такое знакомство, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Между тѣмъ установить этотъ моментъ было бы очень важно.

Дебагорій-Мокріевичъ разсказываетъ еще слѣдующее:

„Прошло послѣ того (послѣ переговоровъ Нивинскаго съ Лавровымъ) четыре года. Мнѣ случилось жить въ Женевѣ. Въ этотъ свой пріѣздъ я близко сошелся и полюбилъ М. П. Драгоманова. Между прочимъ онъ разсказалъ мнѣ, что послѣ „доктора" (Нивинскаго) пріѣзжалъ еще какой-то господинъ отъ „Добровольной Охраны" [2]) и велъ переговоры съ

---

[1]) *Вольное Слово.* 1883 г., № 61—62, а затѣмъ въ собраніи сочиненій *Драгоманова.* Т. II, стр. 739—740.

[2]) Мы уже высказали въ одной изъ предыдущихъ главъ, что Мокріевичъ смѣшивалъ „Добровольную Охрану" съ „Земской Лигой", но послѣ того, какъ эти строки были уже написаны, появились въ № 13 *Былого* (заграничнаго) доставленныя ему г. Павликомъ, написанныя еще въ 1889 году М. П. Драгомановымъ „Воспоминанія о переговорахъ „Добровольной Охраны" и „Исполнительнаго Комитета Русской Соц.-Рев.

Тихомировымъ, но что всѣ эти переговоры ни къ какимъ важнымъ послѣдствіямъ не привели, такъ какъ въ придворныхъ интригахъ „охранцы“ потерпѣли неудачу, попали въ немилость и потеряли вліяніе на дѣла. Реакціонеры взяли верхъ. (Рѣчь идетъ несомнѣнно о перегово-

---

партіи въ 1882 году“. Въ этихъ „Воспоминаніяхъ“ Драгомановъ говоритъ также о д-рѣ Нивинскомъ (котораго онъ, впрочемъ, не называетъ по имени), какъ о членѣ „Добровольной Охраны“, отъ имени которой, по словамъ Драгоманова, и велись переговоры (черезъ Лаврова) съ Исполнительнымъ Комитетомъ. Но мы повторяемъ, что ни въ бумагахъ Лаврова, ни въ документахъ Дружины, къ этому дѣлу относящихся, нѣтъ названія „Добровольная Охрана“. И тамъ, и тамъ фигурируетъ „Земская Лига“, т.-е. организація, которая, какъ мы уже доказали выше документально, измышленная „Священною Дружиною“. Изъ тѣхъ же „Воспоминаній“ Драгоманова выходитъ, какъ будто Нивинскій явился къ нему безъ всякихъ рекомендацій, а онъ, Драгомановъ, тѣмъ не менѣе, отправилъ его съ Мокріевичемъ къ Лаврову. Это совершенно невѣроятно для такого солиднаго и осмотрительнаго человѣка, какъ Драгомановъ. Тутъ надо предположить, что „Воспоминанія“ Драгоманова, предназначавшіяся имъ въ 1889 году для печати, не выражали собою сознательно полной истины. Онъ самъ пишетъ въ тѣхъ же „Воспоминаніяхъ“ такія строки: „я нахожу, что еще не наступило время, когда можно было бы опубликовать всѣ подробности этого дѣла, и потому ограничусь только самыми общими свѣдѣніями изъ того, что мнѣ извѣстно, избѣгая всякихъ личныхъ указаній“ (стр. 34). О появленіи у него Нивинскаго Драгомановъ разсказываетъ такъ: послѣ появленія одной изъ замѣтокъ о „Добровольной Охранѣ“ въ *Вольномъ Словѣ* „я увидѣлъ у себя пожилого человѣка, довольно представительной внѣшности, который сказалъ мнѣ приблизительно слѣдующее:—я являюсь къ вамъ отъ имени общества, на которое вы нападаете, но которое имѣетъ, въ сущности, ту же цѣль, что и вы, а именно—свободу Россіи. Достиженію этой цѣли препятствуютъ революціонеры-цареубійцы, которые пошли по совершенно ошибочной дорогѣ. Если бы можно было убѣдить ихъ въ этомъ, тогда мы взяли бы на себя обязательство провести въ Россіи политическую реформу. Вотъ съ этой цѣлью я и обращаюсь къ вамъ, какъ къ члену комитета, который руководитъ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи, обращаюсь отъ имени общества „Добровольная Охрана“. *Вы не должны смѣшивать его съ „Дружиной“*, которая преслѣдуетъ совершенно полицейскія цѣли и даже имѣла въ виду, въ случаѣ новыхъ покушеній на царя, *приступить къ контръ-убійствамъ* противъ руководителя цареубійствъ въ Россіи и даже тотчасъ же убить Гартмана, но *была остановлена именно „Охраною“*, которая прямо заявила, что откроетъ убійцъ англійскому правительству. (Просимъ читателей припомнить слова изъ напечатаннаго нами въ январской книжкѣ *Русской Мысли* донесенія центру Дружины того „брата“, который послалъ Нивинскаго за границу для переговоровъ съ революціонерами: Нивинскій долженъ былъ сказать, что „я будто бы въ порывѣ откровенности сообщилъ ему, что, *помимо насъ, существуетъ еще „Священная Дружина“*, цѣль которой заключается въ сыскѣ всѣхъ эмигрантовъ и въ убійствѣ всѣхъ приверженцевъ террора и укрывателей цареубійцъ, и что мы, „Земская Лига“, удерживаемъ еще „Священную Дружину“ отъ этого, но что, если терроръ не остановится, то мы ни за что не отвѣчаемъ. Я просилъ доктора Э. предупредить объ этомъ Исполнительный Комитетъ“ (*Рус. Мысль*, стр. 42). Въ разговорѣ съ Драгомановымъ Нивинскій и исполнялъ эту „инструкцію“, а Драгомановъ принялъ, повидимому, слова Нивинскаго за чистую монету... *В. Б.*). Такъ вотъ я обращаюсь черезъ васъ къ Комитету, который руководитъ революціонно-террористическими предпріятіями въ Россіи, съ извѣстными предложеніями. Пусть Комитетъ заявитъ, что не имѣетъ цѣлью цареубійства—взамѣнъ „Охрана“ обѣщаетъ созваніе земскаго собора, вслѣдъ за коронаціей не дальше чѣмъ черезъ полтора года“. Изъ дальнѣйшаго разговора оказалось, что, по свѣдѣніямъ „Дружины“, сообщеннымъ ею „Охранѣ“ („Дружина“ только на это и годится“,—прибавилъ Нивинскій), заграничный террористическій комитетъ состоитъ изъ Драгоманова, Ткачева, Лаврова, Гартмана и Мокріевича. Конечно, надъ

рахъ, которые велъ съ Тихомировымъ Николадзе, выше нами разсказанныхъ. *В. Б.*) Далѣе Драгомановъ разсказалъ, что спустя нѣкоторое время *ему пришлось встрѣтиться съ однимъ изъ главарей этого придворнаго теченія, высокопоставленнымъ лицомъ (не помню, чтобы онъ называлъ мнѣ этого человѣка), пріѣзжавшимъ за границу* (безъ сомнѣнія гр. П. П. Шуваловымъ. *В. Б.*). Изъ бесѣды съ нимъ Драгомановъ узналъ, что освобожденіе Чернышевскаго изъ Сибири было устроено ими уже послѣ того, какъ они потеряли вліяніе при дворѣ; что съ этимъ имъ пришлось обратиться къ кому-то изъ великихъ князей, который будто бы отвѣтилъ, что въ фактѣ освобожденія Чернышевскаго онъ не усматриваетъ ничего политическаго, а лишь простой гуманный поступокъ и далъ свое согласіе ходатайствовать, послѣ чего и былъ освобожденъ Чернышевскій“ [1]).

На основаніи всѣхъ приведенныхъ данныхъ едва ли можетъ уже оставаться сомнѣніе въ томъ, органомъ какой именно организаціи была заграничная газета *Вольное Слово*. Съ 1883 года газета стала издаваться подъ редакціею М. П. Драгоманова, но А. П. Мальшинскій продолжалъ и тогда играть въ ней первостепенную роль, пока, наконецъ, въ отвѣтъ на продолжавшіе сыпаться на него со стороны эмигрантовъ обвиненія, не издалъ листокъ подъ заглавіемъ „Не знаю къ кому“ (судя по содержанію листка, Мальшинскій хотѣлъ этимъ названіемъ уязвить „Исполнительный Комитетъ“) и уѣхалъ въ Россію.

Вольное Слово существовать перестало.

Въ видѣ эпилога къ этому эпизоду и для окончательнаго разсѣянія всякихъ сомнѣній о роли Мальшинскаго за границей мы можемъ добавить, что читали собственными глазами одно подлинное письмо Мальшинскаго къ „Священной Дружинѣ“. Оно относится къ 1883 году, т.-е. къ тому времени, когда „Дружина“ формально уже была закрыта, но существованіе свое еще нѣкоторое время отстаивать продолжала поддержкою заграничной газеты *Вольное Слово*.

Покойный Варѳоломей Александровичъ Зайцевъ и нѣкоторые другіе революціонеры считали *Вольное Слово*, главнымъ образомъ, за его борьбу съ террористическимъ направленіемъ, органомъ чисто провокаторскимъ. Это, конечно, не такъ. Когда въ началѣ 80-хъ годовъ съ цѣлями прямой провокаціи, полицейскія власти захотѣли поставить за границей дѣйствительно провокаторскій органъ въ лицѣ женевской газеты *Правда*,

---

такими фантастическими свѣдѣніями Нивинскаго Драгомановъ только посмѣялся, но, продолжаетъ онъ, „посѣтитель вообще показался мнѣ человѣкомъ искреннимъ, и потому и я чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе сухо сталъ держаться съ нимъ“. Кончилось тѣмъ, что Драгомановъ и отправилъ его съ Мокріевичемъ въ Парижъ къ Лаврову (стр. 36—40).

[1]) Къ вопросу о переговорахъ „Исполнительнаго Комитета“ съ „Добровольной Охраной“. *Былое*, 1907 г., апрѣль, стр. 56. Также разсказываетъ это и въ вышецитированныхъ „Воспоминаніяхъ“ Драгомановъ (стр. 42)

онѣ придали ему направленіе не антитеррористическое, а ультра-террористическое. [1]) Такое отвратительное по своей гнусной преступности теченіе среди сыскныхъ органовъ Россіи никогда не умирало отъ Судейкина и до Азефа, но *Вольное Слово* никоимъ образомъ не можетъ быть зачислено въ подобную категорію. Для насъ несомнѣнно, что оно являлось органомъ „Священной Дружины".

Но сама „Священная Дружина,—была ли она исключительно орудіемъ сыска или чѣмъ-нибудь болѣе сложнымъ?

Мы склонны думать, что именно болѣе сложнымъ. Конечно, непосредственно послѣ 1 марта 1881 года главнѣйшею задачею возникшей организаціи явилась борьба съ террористами, силы которыхъ въ правительственныхъ кругахъ безмѣрно преувеличивались, но потомъ, когда цѣлымъ рядомъ іезуитскихъ интригъ Побѣдоносцеву и К° удалось свалить гр. Лорисъ-Меликова, гр. Милютина и другихъ „конституціоналистовъ", среди самой Дружины возникли разныя теченія. Борьба съ терроромъ объединяла, безъ сомнѣнія, всѣхъ дружинниковъ, но затѣмъ начинались и рѣзкія разногласія. Тогда какъ кн. А. П. Щербатовъ или сенаторъ Шульцъ видѣли въ организаціи дружинниковъ исключительно средство для „искорененія крамолы", другіе, и среди нихъ въ особенности гр. П. П. Шуваловъ, мечтали при помощи Дружины не терроръ только прекратить, но и представительнаго образа правленія съ двумя палатами,—непремѣнно съ двумя палатами, изъ которыхъ верхняя должна по возможности приближаться къ англійской палатѣ лордовъ, — добиться.

---

[1]) По поводу газеты *Правда*, вышедшій тогда же *Календарь Народной Воли* привелъ слѣдующую цитату изъ № 5 *Baltischer Föderalist* за 1883 годъ: „какой-то субъектъ съ кличкою Климовъ, субъектъ, за чувства котораго вполнѣ ручается его прошлая полицейская карьера, возложилъ на себя не совсѣмъ безопасную миссію издавать въ Женевѣ на русскомъ языкѣ революціонную газету, задавшуюся, повидимому, цѣлью *перещеголять самый красный радикализмъ*, компрометировать русскую революціонную печать самыми *разнузданными тирадами* и дискредитировать русское революціонное движеніе *самыми безумными требованіями*. Человѣка, посвятившаго себя подобной дѣятельности, обыкновенно характеризуютъ эпитетомъ „agent provocateur". А для того, чтобы наивная публика не усомнилась какъ-нибудь въ добродѣтельности этого публицистическаго опыта, предпринятаго III отдѣленіемъ, новый вѣстникъ выпущенъ подъ громкимъ названіемъ *Правда*". (*Календарь Народной Воли*, стр. 175.)

Противъ *Правды* появилось заявленіе 26 эмигрантовъ, подписанное Плехановымъ, Н. Лопатинымъ и др., послѣ чего *Правда* прекратила свое существованіе.

Мы уже выше цитировали вскользь отзывъ о *Правдѣ*, данный Драгомановымъ, какъ о „террористическо-анархическомъ органѣ, издававшемся въ Женевѣ *агентомъ Судейкина г. Климовымъ*".

Тотъ же Драгомановъ писалъ по этому же поводу еще такія строки:

„Въ прошломъ (1882) году послѣдовали взрывы въ Монсо-ле-Минъ и въЛіонѣ и въ послѣднемъ нелѣпѣйшій взрывъ въ кафе Белькуръ, столь возмутившій общественное мнѣніе во всемъ мірѣ и—характерно!—*прославленный только въ женевской газетѣ Правда*, отъ которой отреклась русская эмиграція въ Женевѣ". (*Вольное Слово*, 1883 г. № 59, и потомъ въ собраніи сочиненій Драгоманова, т. II, стр. 702.)

Съ этой точки зрѣнія только и становятся ясными всѣ дѣйствія гр. Шувалова съ его присылкою конституціоннаго проекта И. И. Петрункевичу, личнымъ знакомствомъ съ Драгомановымъ и Гольцевымъ, поддержкою *Вольнаго Слова*, предложеніемъ Н. Я. Николадзе устроить ему свиданіе съ носителемъ верховной власти, во время котораго пригрозить возрожденіемъ террора, и т. д. *Объяснить все это одною лишь провокаціею было бы, конечно, очень просто, но въ то же время и исторически невѣрно* [1]).

Но самыя крайнія реакціонныя силы взяли въ царствованіе Александра III верхъ и повели Россію по собственному „пути“.

Упразднивши даже „Дружину“, какъ организацію, грозившую „основамъ“, побѣдители стали шествовать „твердою стезею“.

Начался тріумвиратъ Побѣдоносцевъ-Толстой-Катковъ и длился онъ много лѣтъ. Сошли въ могилу Толстой и Катковъ, но духъ ихъ жить продолжалъ, да и хранителя его, Побѣдоносцева, судьба наградила особымъ долголѣтіемъ.

Такъ и дожило это побѣдоносцевско-толстовско-катковское направленіе въ нашей „политикѣ“ вплоть до его логическаго завершенія — Цусимой и Портъ-Артуромъ.

Люди направленія, взявшаго верхъ въ мартѣ-апрѣлѣ 1881 года, ввергли Россію черезъ четверть вѣка послѣ того во всѣ ужасы японской войны и ея послѣдствій.

Есть ли какіе-нибудь признаки, есть ли какія-нибудь надежды, чтобы люди этого направленія научились чему-нибудь, хотя въ настоящее время, послѣ всего пережитаго и испытаннаго?

Нѣтъ, никакихъ.

Встрѣтившись 35—40 лѣтъ тому назадъ съ тѣмъ „розовымъ и мечтательнымъ“ движеніемъ русской молодежи, которое называется народничествомъ (опредѣленіе этого движенія, какъ „розоваго и мечтательнаго“,—принадлежитъ главѣ русскихъ террористовъ — Желябову), правительство забило такую тревогу, приняло противъ этого безобиднѣйшаго теченія русской мысли такія безпощадныя мѣры, что вызвало и не могло не вызвать со стороны „мирныхъ пропагандистовъ“ самый рѣшительный отпоръ. Когда же на сценѣ появилось такъ называемое „террористическое направленіе“, подъ знамя котораго стала среди стомил-

---

[1]) Само собою разумѣется, что этими словами мы отнюдь не хотимъ смягчить глубоко антиобщественнаго характера Дружины, членомъ которой былъ гр. Шуваловъ. Желая быть строго объективнымъ, мы только оттѣняемъ разницу между нимъ и другими дружинниками. Мы были бы очень благодарны, если бы для нашей книги намъ были присланы всякаго рода воспоминанія о графѣ Павлѣ Павловичѣ Шуваловѣ,—этой несомнѣнно весьма своеобразной фигурѣ недавняго прошлаго.

ліоннаго населенія Россіи горсточка людей, оно окончательно потеряло голову и начало искать себѣ спасенія отъ несуществовавшей опасности исключительно въ силѣ штыковъ, казематовъ, ссылокъ, висѣлицъ и усиленныхъ охранъ. Видя вездѣ и всюду лишь одну „крамолу“, оно обрушивалось съ непрестанными репрессіями на земства, на школы, на суды, на печать, на все то, гдѣ замѣчалось хотя бы какое-либо проявленіе и трепетаніе свободной мысли, гражданскаго чувства, независимой воли. Толкуя постоянно объ „умиротвореніи“, оно воспитывало на практикѣ цѣлыя поколѣнія въ убѣжденіи, что „законность“—это не болѣе, какъ слово, которое употребляется лишь для „красоты слога“, „патріотизмъ“—это служеніе не отечеству, а власть имущимъ. Оно не было правительствомъ національнымъ, ибо оно, и только оно, систематически вытравляло изъ русскаго общества идею патріотизма въ высокомъ значеніи этого слова. Борясь съ „подпольемъ“, оно само представляло собою не болѣе, какъ „подполье“, а когда въ образѣ „Священной Дружины“ появилось „подполье“ третье, оно не потерпѣло конкурента и повело противъ него свои привычныя мины. На смѣну Дружинѣ пришелъ судейкинско-дегаевскій союзъ, тлетворная традиція котораго вмѣстѣ съ не менѣе тлетворной традиціей Дружины прошла черезъ всѣ послѣдовавшія тридцать лѣтъ русской жизни въ формѣ безпримѣрнаго развитія провокаціи, Зубатовщины, Гапоновщины, Азефовщины. Преслѣдуя печать, оно создавало преувеличенную вѣру во все то, что находилось въ литературѣ „запретной“. Окруживши мракомъ дѣйствительность, оно населило ее міромъ призраковъ. Обезкровивши весь общественный организмъ, оттолкнувши отъ себя рѣшительно всѣхъ, кто не въ состояніи былъ смотрѣть на вопросъ „объ участіи общества въ дѣлахъ внутренняго управленія“, какъ на государственное преступленіе, растерявши всякій моральный авторитетъ какъ въ Россіи, такъ и за границею, оно въ концѣ-концовъ, во время японской войны и послѣдовавшихъ за нею событій, конечно, лишь пожало то, что посѣяло... [1])

В. Богучарскій.

---

[1]) Пользуюсь случаемъ, чтобы принести мою искреннюю признательность И. И. Петрункевичу, А. Х. Христофорову, М. М. Ковалевскому, В. Н. Линду, К. К. Арсеньеву, Л. Ф. Пантелѣеву, Ю. М. Антоновскому, А. В. Пѣшехонову, А. И. Иванчину-Писареву, Н. А. Морозову, Г. А. Лопатину, М. Ю. Ашенбреннеру, В. Л. Бурцеву, В. К. Дебагорію-Мокріевичу, Ю. М. Антоновскому и другимъ лицамъ, любезному содѣйствію которыхъ, въ формѣ непосредственныхъ сообщеній фактовъ, указаній лицъ, къ которымъ слѣдуетъ за такими фактами обращаться, свѣдѣній объ авторахъ различныхъ статей въ легальной и нелегальной литературѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ и т. д.—обязанъ я уясненіемъ многихъ вопросовъ, возникавшихъ у меня въ теченіе настоящей работы.

В. Б.

Достоевскій и романъ-трагедія. [1])

Достоевскій кажется мнѣ наиболѣе живымъ изъ всѣхъ отъ насъ ушедшихъ вождей и богатырей духа. Сходятъ со сцены люди, которые были властителями нашихъ думъ, или только отходятъ вглубь съ передняго плана сцены,—и мы уже знаемъ, какъ опредѣлилось ихъ историческое мѣсто, какое десятилѣтіе нашей быстро текущей жизни, какое устремленіе нашей безпокойно ищущей, нашей мятущейся мысли они выразили и воплотили. Такъ, Чеховъ кажется намъ поэтомъ сумерекъ до-революціонной поры. Немногіе какъ бы изъяты въ нашемъ сознаніи изъ этой ближайшей исторической обусловленности: такъ возвышается надъ потокомъ времени Левъ Толстой. Но часто это значитъ только, что нѣкій живой порывъ завершился и откристаллизовался въ непреложную цѣнность, но между нами и этимъ новымъ, зажегшимся на краю горизонта, маякомъ легло еще большее отдаленіе, чѣмъ между нами и тѣмъ, кто наканунѣ шелъ впереди и предводилъ насъ до послѣдняго поворота дороги. Тѣ, кто принадлежатъ вчерашнему дню исторіи, въ нѣкоторомъ смыслѣ ближе переживаемой жизни, чѣмъ незыблемые свѣточи, опредѣляющіе путь нашъ къ верховнымъ цѣлямъ. Толстой, художникъ, уже только радуетъ насъ съ высотъ надвременнаго Парнаса, прозрачной и далекой обители нестарѣющихъ музъ. Еще недавно мы были потрясены уходомъ Толстого изъ его дома и изъ нашего общаго дома, этой торжественной и завѣтной разлукой на порогѣ сего міра и невѣдомаго иного, безусловнаго и безжизненнаго, въ нашемъ смыслѣ, міра, которому давно уже принадлежалъ онъ. Въ нашей памяти остался ликъ совершившейся личности и, вмѣстѣ съ послѣднимъ, живымъ завѣтомъ „не могу молчать“, нѣкое единственное слово, слово уже не отъ сего міра, о невѣдомомъ Богѣ и, быть можетъ, также невѣдомомъ добрѣ, и о цѣли и цѣнности абсолютной.

Тридцать лѣтъ тому назадъ умеръ Достоевскій, а образы его искус-

---

[1]) Публичная лекція.

ства, эти живые призраки, которыми онъ населилъ нашу среду, ни на пядь не отстаютъ отъ насъ, не хотятъ удалиться въ свѣтлыя обители музъ и стать предметомъ нашего отчужденнаго и безвольнаго созерцанія. Безпокойными скитальцами они стучатся въ наши дома въ темныя и въ бѣлыя ночи, узнаются на улицахъ въ сомнительныхъ пятнахъ петербургскаго тумана и располагаются бесѣдовать съ нами въ часы безсонницы въ нашемъ собственномъ подпольѣ. Достоевскій зажегъ на краю горизонта самые отдаленные маяки, почти невѣроятные по силѣ неземного блеска, кажущіеся уже не маяками земли, а звѣздами неба,— а самъ не отошелъ отъ насъ, остается неотступно съ нами и, направляя ихъ лучи въ наше сердце, жжетъ насъ прикосновеніями раскаленнаго желѣза. Каждой судорогѣ нашего сердца онъ отвѣчаетъ: „знаю, и дальше, и больше знаю"; каждому взгляду поманившаго насъ водоворота, позвавшей насъ бездны онъ отзывается пѣніемъ головокружительныхъ флейтъ глубины. И вѣчно стоитъ передъ нами, съ испытующимъ и неразгаданнымъ взоромъ, неразгаданный самъ, а насъ разгадавшій,—сумрачный и зоркій вожатый въ душевномъ лабиринтѣ нашемъ, вожатый и соглядатай.

Онъ живъ среди насъ, потому что отъ него или черезъ него все, чѣмъ мы живемъ,—и нашъ свѣтъ, и наше подполье. Онъ великій зачинатель и предопредѣлитель нашей культурной сложности. До него все въ русской жизни, въ русской мысли было просто. Онъ сдѣлалъ сложными нашу душу, нашу вѣру, наше искусство, создалъ,—какъ Тернеръ создалъ лондонскіе туманы,—т.-е. открылъ, выявилъ, облекъ въ форму осуществленія—начинавшуюся и еще не осознанную сложность нашу; поставилъ будущему вопросы, которыхъ до него никто не ставилъ, и нашепталъ отвѣты на еще непонятые вопросы. Онъ какъ бы перемѣстилъ планетную систему: онъ принесъ намъ откровеніе личности. До него личность чувствовала себя въ укладѣ жизни и въ ея бытѣ или въ противорѣчіи съ этимъ укладомъ и бытомъ, будь то единичный споръ и поединокъ, какъ у Алеко и Печориныхъ, или протестъ коллективный и выступленіе цѣлой фаланги, какъ у нашихъ освободителей и преобразователей. Но мы не знали ни человѣка изъ подполья, ни сверхчеловѣковъ, вродѣ Раскольникова и Кириллова, представителей идеалистическаго индивидуализма, центральныхъ солнцъ вселенной на чердакахъ и заднихъ дворахъ Петербурга, личностей-полюсовъ, вокругъ которыхъ движется не только весь отрицающій ихъ строй жизни, но и весь отрицаемый ими міръ—и въ бесѣдахъ съ которыми по петербургскимъ трактирамъ и уединеннымъ логовищамъ такъ многому научился новоявленный Заратустра. Мы не знали, что въ этихъ сердцахъ-берлогахъ довольно мѣста, чтобы служить полемъ битвы между Богомъ и дьяволомъ, или что сліяніе съ народомъ и оторванность отъ него суть опредѣленія

нашей воли—вѣры, а не общественнаго сознанія и исторической участи. Мы не знали, что проблема страданія можетъ быть поставлена сама по себѣ, независимо отъ внѣшнихъ условій, вызывающихъ страданіе, ни даже отъ различенія между добромъ и зломъ, что красота имѣетъ Содомскую бездну, что вѣра и невѣріе не два различныхъ объясненія міра, или два различныхъ руководительства въ жизни, но два разноприродныхъ бытія. Достоевскій былъ змій, открывшій познаніе путей отъединенной, самодовлѣющей личности и путей личности, полагающей свое и вселенское бытіе въ Богѣ. Такъ онъ сдѣлалъ насъ богами, знающими зло и добро, и оставилъ насъ, свободныхъ выбирать то или другое, на распутьѣ.

Чтобы такъ углубить и обогатить нашъ внутренній міръ, чтобы такъ осложнить жизнь, этому величайшему изъ Дэдаловъ, строителей лабиринтовъ, нужно было быть сложнѣйшимъ и въ своемъ родѣ грандіознѣйшимъ изъ художниковъ. Онъ былъ зодчимъ подземнаго лабиринта въ основаніяхъ строящагося поколѣніями храма; и оттого онъ такой тяжелый, подземный художникъ, и такъ рѣдко видимо бываетъ въ его твореніяхъ свѣтлое лицо земли, ясное солнце надъ широкими полями, и только вѣчныя звѣзды глянутъ порой черезъ отверстія сводовъ, какъ тѣ звѣзды, что видитъ Дантъ на ночлегѣ въ одной изъ областей Чистилища, изъ глубины пещеры съ узкимъ входомъ, о которой говоритъ: „Немногое извнѣ доступно было взору, но чрезъ то звѣзды я видѣлъ и ясными и крупными необычно“.

I. Принципъ формы.

1.

Бросимъ же взглядъ на работу этого Дэдала. Его лабиринтомъ былъ романъ или, скорѣе, циклъ романовъ, внѣшне не связанныхъ прагматическою связью и не объединенныхъ общимъ заглавіемъ, подобно составнымъ частямъ эпопеи Бальзака, но все же сросшихся между собою корнями столь неразрывно, что самыя вѣтви ихъ казались сплетшимися такому, напримѣръ, тонкому и прозорливому критику, какимъ былъ покойный Инн. Ѳ. Анненскій; недаромъ послѣдній пытался намѣтить какъ бы схематическій чертежъ, опредѣляющій психологическую и чуть ли не біографическую связь между отдѣльными лицами единаго многочастнаго дѣйства, изображеннаго Достоевскимъ,—лицами-символами, въ которыхъ, какъ въ фокусахъ, вспыхивали идеи-силы, чье взаимодѣйствіе и борьбу являлъ намъ этотъ поэтъ вѣчной эпопеи о войнѣ Бога и дьявола въ человѣческихъ сердцахъ. Ибо въ новую эпоху исторіи всемірной литературы, какъ это было уже высказано философами, романъ сдѣлался основною, всеобъемлющею и всепоглощающею формою въ художествѣ слова, фор-

мою, специфически свойственною переживаемой нами эпохѣ и наиболѣе приближающею наше творчество одинокихъ и своеобразныхъ художниковъ къ типу всенароднаго искусства.

Правда, современный романъ, даже и у его величайшихъ представителей, не можетъ быть признанъ искусствомъ всенароднымъ, хотя бы даже онъ сдѣлался достояніемъ всего народа, потому что онъ есть твореніе единоличнаго творца, принесшаго міру свою вѣсть, а не пересказавшаго только сладкорѣчивыми устами, на которыя, какъ это было по легендѣ съ отрокомъ Пиндаромъ, положили свой медъ божественныя пчелы,—то, что уже просилось на уста у всѣхъ и, по существу, было изначала вѣдомо и желанно всѣмъ. Нашъ романъ большого стиля, обнимающій всю народную жизнь и подобный оку народа, загорѣвшемуся въ единоличной душѣ, но наведенному на весь народъ, чтобы послѣдній могъ обозрѣть себя самого и себя осознать,—такой романъ я назвалъ бы, примѣняя терминъ, предложенный рано умершимъ и даровитѣйшимъ французскимъ критикомъ Геннекеномъ, романомъ демотическимъ (отъ слова демосъ-народъ). И тѣмъ не менѣе, этотъ демотическій, а не всенародный романъ, этотъ романъ не большого, гомеровскаго или дантовскаго искусства, а того средняго, которое самъ Достоевскій, говоря о товарищеской плеядѣ писателей-прозаиковъ, какъ онъ самъ, Толстой, Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій, Григоровичъ, въ отличіе отъ „поэтовъ“, какъ Пушкинъ и Гоголь, означалъ скромнымъ и неблагозвучнымъ именемъ „беллетристики“, тѣмъ,—не менѣе, говорю я, этотъ романъ средняго, демотическаго искусства возвышается въ созданіяхъ, прежде всего, самого Достоевскаго, до высотъ мірового, вселенскаго эпоса и пророчественнаго самоопредѣленія народной души.

Какъ могло это случиться съ милетскою сказкой, которая, въ концѣ развитія античной литературы, дала, правда, не только идиллію о Дафнисѣ и Хлоѣ, но уже и „Золотого Осла“, чтобы въ теченіе среднихъ вѣковъ, оторвавшись отъ низменной дѣйствительности, предаться изображенію исключительно легендарнаго и символическаго міра, отдѣливъ отъ себя въ узкій, рядомъ текущій ручеекъ все мелочно бытовое и анекдотически или сатирически забавное? Случилось это потому, что со времени Боккачьо и его „Фіамметты“ ростокъ романа принялъ прививку могущественной идейной и волевой энергіи—глубоко-революціонный ядъ индивидуализма. Личность въ средніе вѣка не ощущала себя иначе, какъ въ іерархіи соборнаго соподчиненія укладу жизни, отражавшей іерархическую гармонію міра божественнаго; въ эпоху Возрожденія она оторвалась отъ этого небесно-земного коллектива, почувствовала себя одинокой и въ этомъ надменномъ одиночествѣ своеначальной и самоцѣльной. Соборный коллективъ какъ бы распылился, сначала въ сознаніи передовыхъ людей, наиболѣе смѣлыхъ и мятежныхъ, хотя

еще и не измѣрившихъ до конца всѣхъ послѣдствій и всей глубины самочиннаго утвержденія автономной личности; впослѣдствіи же распылился онъ и въ историческихъ судьбахъ народовъ, что было ознаменовано въ 1789 г. провозглашеніемъ правъ человѣка.

Напрасно „рыцарь печальнаго образа“ дѣлаетъ героическую попытку возстановить старую рыцарскую соборность міросозерцанія и жизнеустроенія: самъ коллективъ возстаетъ, съ одобренія Сервантеса, противъ личности, выступившей подъ знаменемъ стараго коллективнаго строя, и поборникъ ветхой соборности оказывается на самомъ дѣлѣ только индивидуалистомъ, одинокимъ глашатаемъ „нераздѣленнаго порыва“,—тотъ, кто посвятилъ свою жизнь служенію не во имя свое, обличается, какъ самочинный и непрошеный спаситель міра во имя свое: трагическое обращается въ комическое, и пафосъ разрѣшается въ юморъ. Романъ дѣлается съ тѣхъ поръ знаменосцемъ и герольдомъ индивидуализма; въ немъ личность разрабатываетъ свое внутреннее содержаніе, открываетъ Мексики и Перу въ своемъ душевномъ мірѣ, пріучается сознавать и оцѣнивать неизмѣримость своего микрокосма. Въ романѣ личность учится свободно мыслить и чувствовать, „мечтать и заблуждаться“, философствовать жизнью и жить философіей, строить утопіи несбыточной жизни, неосуществимаго, но вожделѣннаго общественнаго строя, прежде же всего учится любить; въ любовномъ переживаніи познаетъ она самое себя въ безконечной гаммѣ притекающихъ со дня на день новыхъ воспріятій жизни, новыхъ чувствованій, новыхъ способностей къ добру и злу. Романъ становится референдумомъ личности, предъявляющей жизни свои новые запросы, и вмѣстѣ подземною шахтой, гдѣ кипитъ работа рудокоповъ интимнѣйшей сферы духа, откуда постоянно высылаются на землю новыя находки, новые дары сокровенныхъ отъ внѣшняго міра нѣдръ. Сама пестрота приключеній служитъ орудіемъ обезпеченія за личностью внѣшняго простора для своего дѣйственнаго самоутвержденія, а изображеніе быта орудіемъ осознанія, а черезъ то и преодолѣнія быта. Романъ является или выраженіемъ индивидуалистическаго анормализма, поскольку ставитъ своимъ предметомъ борьбу личности съ упроченнымъ строемъ жизни и ея наличными нормами, или выраженіемъ диктуемаго запросами личности новаго нормативизма и всяческихъ переоцѣнокъ и законопроектовъ, долженствующихъ частично или всецѣло усовершенствовать и перестроить жизнь.

Такимъ романъ дожилъ черезъ нѣсколько вѣковъ новой исторіи и до нашихъ дней, всегда оставаясь вѣрнымъ зеркаломъ индивидуализма, опредѣлившаго собою съ эпохи Возрожденія новую европейскую культуру; и, конечно, ему не суждено, какъ это еще недавно предсказывали лжепророки самонадѣянной критики, эти птицегадатели, гадающіе

о будущемъ по полету вдругъ пролетѣвшей стаи птицъ или по аппетиту куръ, клюющихъ или отвергающихъ насыпанное зерно,—конечно, не суждено ему, роману, измельчать и раздробиться въ органически неоформленные и поэтически невмѣстительные разсказы и новеллы, какъ плугу не суждено уступить свое мѣсто поверхностно царапающей землю сохѣ, но романъ будетъ жить до той поры, пока созрѣетъ въ народномъ духѣ единственно способная и достойная смѣнить его форма-соперница—царица-Трагедія, уже высылающая въ міръ первыхъ вѣстниковъ своего торжественнаго пришествія.

2.

Перечитывая Достоевскаго, ясно узнаешь литературныя предпочтенія и сродства, изначала вдохнувшія въ него мечту о жизни идеально желанной и любовь къ утопическимъ перспективамъ на горизонтѣ повѣствованія: это Жанъ-Жакъ Руссо и Шиллеръ. Что-то завѣтное было подслушано Достоевскимъ у этихъ двухъ геніевъ: не то, чтобы онъ усвоилъ себѣ всецѣло ихъ идеалъ, но часть ихъ энтузіазма и еще болѣе ихъ міровоспріятія онъ глубоко принялъ въ свою душу и претворилъ въ своемъ сложномъ и самобытномъ составѣ. Черезъ Руссо заинтересовался онъ и первыми соціалистическими системами; осудилъ потомъ послѣднія, какъ попытки устроиться на землѣ безъ Бога, но первоначальныхъ впечатлѣній отъ Руссо забыть не могъ, не могъ забыть грезы о естественномъ раѣ близкихъ къ природѣ и отъ природы добрыхъ людей, золотой грезы, которая еще напоминаетъ о себѣ—и тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ гуще застилаютъ ясный ликъ неискаженной жизни больные городскіе туманы—и въ „Снѣ смѣшного человѣка“ и въ „Идіотѣ“, и даже, какъ ни странно сказать, въ нѣкоторыхъ писаніяхъ старца Зосимы.

Чтобъ изъ низости душою
Могъ подняться человѣкъ,
Съ древней матерью Землею
Онъ вступи въ союзъ навѣкъ.

Эти строки изъ Шиллера принадлежали къ любимѣйшимъ поэтическимъ цитатамъ Достоевскаго; въ нихъ же сказывается и старинное зараженіе паѳосомъ Ж. Ж. Руссо. Что же до Шиллера, то его дифирамбическій восторгъ, его „поцѣлуй всему міру“ во имя Бога, живого Отца, „тамъ, надъ звѣздами“, которое нудитъ Дмитрія Карамазова воспѣть гимнъ, и именно словами Шиллера,—все это было, въ многоголосомъ оркестрѣ творчества Достоевскаго, непрестанно звучавшей арфой мистическаго призыва: „sursum corda“. Изъ чего видно, что мы утвер-

ждаемъ, собственно, не присутствіе подлинной стихіи Руссо и Шиллера въ созданіяхъ Достоевскаго, а своеобразное и вполнѣ самостоятельное претвореніе въ нихъ этой стихіи. Можно догадываться, что и изъ сочиненій Жоржъ-Сандъ Достоевскій учился—чему?—мы бы сказали больше всего „идейности" въ композиціи романовъ, ихъ философической и общественной обостренности, всему, что сближаетъ ихъ, въ самомъ заданіи, съ типомъ романа-теоремы.

Но чисто формальная сторона избраннаго, или, точнѣе, созданнаго, Достоевскимъ литературнаго рода испытала иныя вліянія. Здѣсь его предшественниками являются писатели, придавшіе роману чрезвычайно широкій размахъ и глубоко заглянувшіе въ человѣческое сердце, реалисты-бытописатели, не пожертвовавшіе, однако, человѣкомъ для субботы, внутреннимъ образомъ личности для изображенія среды, въ которой она живетъ, и обобщенной картины нравовъ: геніальный, ясновидящій Бальзакъ и неглубоко заглядывающій, но чувствующій глубоко и умѣющій живописать такими глубокими тонами Диккенсъ. Если Диккенсъ кажется намъ важнымъ для изученія колорита Достоевскаго, то, съ другой стороны, сочности и эфектамъ колорита учили его романтики—Гофманъ и Жанъ-Поль-Рихтеръ. Отъ нихъ же Достоевскій могъ усвоить и много другихъ пріемовъ, имъ излюбленныхъ, какъ пристрастіе къ неожиданнымъ встрѣчамъ и столкновеніямъ странныхъ людей, при странныхъ стеченіяхъ обстоятельствъ, къ странному и эксцентрическому вообще въ людяхъ, въ ихъ положеніяхъ и въ ихъ поведеніи, къ непредвидѣннымъ и кажущимся не всегда умѣстными изліяніямъ чувствъ, обнажающихъ личность невзначай до глубины, къ трагикомическому и патетическому юмору, наконецъ, ко всему фантастическому, что Достоевскій подчасъ какъ бы съ трудомъ удерживаетъ въ границахъ жизненнаго правдоподобія.

Таковы были, на нашъ взглядъ, главныя вліянія, воспринятыя Достоевскимъ-художникомъ; и если я не упоминаю о вліяніи отечественной словесности, несмотря на заявленія самого Достоевскаго, что вся плеяда беллетристовъ, къ которой онъ причислялъ и себя, всецѣло и прямо вышла изъ поэзіи Пушкина, то не упоминаю потому, что связь Достоевскаго съ великими русскими предшественниками кажется мнѣ лишь общеисторической, а не спеціально технической: здѣсь соприродность душъ и преемство священнаго огня, здѣсь закономѣрное и все болѣе широкое осознаніе нами залежей нашего народнаго духа и его завѣтовъ, здѣсь послѣдовательное раскрытіе внутреннихъ силъ и тяготѣній нашего національнаго генія; здѣсь органическій ростъ, а не обусловленность извнѣ привходящимъ вліяніемъ. О Пушкинѣ говорилъ Достоевскій потому, что, по его убѣжденію, намъ нужно только развить намеки Пушкина на присущее ему цѣлостное созерцаніе русской

жизни и русской души, чтобы окончательно постичь себя самихъ, какъ народную личность и народную участь.

Что касается Гоголя, мнѣ представляются Достоевскій и Гоголь полярно противоположными: у одного лики безъ души, у другого—лики душъ; у гоголевскихъ героевъ души мертвыя или какіе-то атомы космическихъ энергій, волшебные флюиды,—а у героевъ Достоевскаго души живыя и живучія, иногда все же умирающія, но часто воскресающія или уже воскресшія; у того красочно пестрый міръ озаренъ внѣшнимъ солнцемъ, у этого—тусклыя сумерки обличаютъ теплящіеся, подъ зыбкими обликами людей, очаги лихорадочнаго горѣнія сокровенной душевной жизни. Гоголь могъ воздѣйствовать на Достоевскаго только въ эпоху „Бѣдныхъ Людей“. Тогда „Шинель“ была для него откровеніемъ; и достаточно припомнить повѣсть „Хозяйка“, чтобы измѣрить всю силу внушенія, воспринятаго отъ Гоголя-стилиста чуждымъ ему по духу молодымъ разсказчикомъ, въ періодъ до ссылки... Напротивъ, романъ Лермонтова, съ его мастерской пластикой глубоко задуманнаго характера, съ его идейной многозначительностью и зоркимъ подходомъ къ духовнымъ проблемамъ современности, не могъ не быть однимъ изъ опредѣляющихъ этаповъ въ развитіи русскаго романа до тѣхъ высотъ трагедіи духа, на которыя вознесъ его Достоевскій.

3.

Новизна положенія, занятаго со времени Достоевскаго романомъ въ его литературно-исторической эволюціи, заключается именно въ томъ, что онъ сталъ, подъ перомъ нашего художника, трагедіей духа. Эсхилъ говоритъ про Гомера, что его, Эсхилово, творчество есть лишь кроха отъ Гомерова пира. Иліада возникла, какъ первая и величайшая трагедія Греціи, въ ту эпоху, когда о трагедіи еще не было и помина. Древнѣйшій по времени и недосягаемый по совершенству памятникъ европейскаго эпоса былъ внутренно трагедіей, какъ по замыслу и развитію дѣйствія, такъ и по одушевляющему его паѳосу. Потомъ эпосъ все болѣе ослабляетъ и утрачиваетъ эту свою исконную трагическую закваску. Та эпическая форма, которую мы называемъ романомъ, развиваясь все могущественнѣе (въ противоположность героическому эпосу, который послѣ Иліады только падалъ), восходитъ въ романѣ Достоевскаго до вмѣщенія въ свои формы чистой трагедіи.

Эпосъ, по Платону, смѣшанный родъ, отчасти повѣствовательный, или извѣстительный,—тамъ, гдѣ пѣвецъ сообщаетъ намъ отъ себя о лицахъ дѣйствія, о его обстановкѣ и о ходѣ самихъ событій,—отчасти подражательный, или драматическій,—тамъ, гдѣ разсказъ рапсода прерывается многочисленными и длинными у Гомера монологами или діа-

логами дѣйствующихъ лицъ, чьи слова въ прямой рѣчи звучатъ намъ какъ бы черезъ уста вызванныхъ чарами поэта масокъ невидимой трагической сцены. Итакъ, по мысли Платона, лирика (и эполира), съ одной стороны, обнимающая все, что говоритъ поэтъ отъ себя, и драма—съ другой, обнимающая все то, что поэтъ конкретно влагаетъ въ уста другихъ лицъ, суть два естественныхъ и безпримѣсныхъ рода поэзіи, эпосъ же совмѣщаетъ въ себѣ нѣчто отъ лирики и нѣчто отъ драмы. Эта смѣшанная природа эпоса объяснима его происхожденіемъ изъ первобытнаго синкретическаго искусства, гдѣ онъ еще не былъ отдѣленъ отъ музыкально-орхестическаго священнаго дѣйства и лицедѣйства. Таково историческое основаніе, въ силу котораго мы должны разсматривать романъ-трагедію не какъ искаженіе чисто эпическаго романа, а какъ его обогащеніе и возстановленіе въ полнотѣ присущихъ ему правъ. Каковы же, однако, признаки, оправдывающіе наше опредѣленіе романа Достоевскаго, какъ романа-трагедіи?

Трагиченъ по существу, во всѣхъ крупныхъ произведеніяхъ Достоевскаго, прежде всего, самъ поэтическій замыселъ. „Die Lust zu fabuliren“—самодовлѣющая радость выдумки и вымысла, ткущая свою пеструю ткань разнообразно сцѣпляющихся и переплетающихся положеній—когда-то являлась главною формальною цѣлью романа; и въ этомъ фабулизмѣ эпическій сказочникъ, казалось, всецѣло находилъ самого себя, безпечный, словоохотливый, неистощимо изобрѣтательный, меньше всего желавшій и хуже всего умѣвшій кончить разсказъ. Вѣренъ былъ онъ и исконному тяготѣнію сказки къ развязкѣ счастливой и спокойно возвращающей насъ, послѣ долгихъ странствій на коврѣ-самолетѣ, въ привычный кругъ, домой, идеально насыщенныхъ многообразіемъ жизни, отразившейся въ тѣхъ зеркальныхъ маревахъ, что стоятъ на границѣ дѣйствительности и сонной грезы, и исполненныхъ новаго, здороваго голода къ воспріятію впечатлѣній бытія болѣе молодому и свѣжему. Паѳосъ этого беззаботнаго, „праздномыслящаго“, по выраженію Пушкина, фабулизма, быть можетъ, невозвратно утраченъ нашимъ усложненнымъ и омраченнымъ временемъ; но самимъ фабулизмомъ, говоря точнѣе—его техникой, Достоевскій пожертвовать не хотѣлъ и не имѣлъ нужды.

Подобно композитору симфоній, онъ использовалъ его механизмъ для архитектоники трагедіи и примѣнилъ къ роману методъ, аналогичный тематическому развитію основныхъ фразъ-мотивовъ въ музыкѣ, — развитію, излучинами и метаморфозами котораго композиторъ приводитъ насъ къ эстетическому и психологическому переживанію цѣлаго произведенія, какъ нѣкоего единства. Въ необычайно,—казалось бы, даже чрезмѣрно развитомъ и мелочно обстоятельномъ прагматизмѣ Достоевскаго нельзя устранить ни одной малѣйшей частно-

сти: въ такой мѣрѣ всѣ частности подчинены, прежде всего, малому единству отдѣльныхъ перипетій разсказа, а эти перипетіи, въ свою очередь, группируясь какъ бы въ акты драмы, являются желѣзными звеньями логической цѣпи, на которой виситъ, какъ нѣкое планетное тѣло, основное событіе, цѣль всего разсказа, со всѣми его многообразными послѣдствіями, со всею его многознаменательною и тяжеловѣсною содержательностью, ибо на этой планетной сферѣ снова сразились Ормуздъ и Ариманъ, и катастрофически совершился на ней свой апокалипсисъ и свой новый страшный судъ.

4.

Романъ Достоевскаго есть романъ катастрофическій, потому что все его развитіе спѣшитъ къ трагической катастрофѣ. Онъ отличается отъ трагедіи только двумя признаками: во-первыхъ тѣмъ, что трагедія у Достоевскаго не развертывается передъ нашими глазами въ сценическомъ воплощеніи, а излагается въ повѣствованіи; во-вторыхъ, тѣмъ, что вмѣсто немногихъ простыхъ линій одного дѣйствія мы имѣемъ передъ собою какъ бы трагедію потенцированную, внутренно осложненную и умноженную въ предѣлахъ одного дѣйствія: какъ будто мы смотримъ на трагедію въ лупу и видимъ въ ея молекулярномъ строеніи отраженіе и повтореніе того же трагическаго принципа, какому подчиненъ весь организмъ. Каждая клѣточка этой ткани есть уже малая трагедія въ себѣ самой; и если катастрофично цѣлое, то и каждый узелъ катастрофиченъ въ маломъ. Отсюда тотъ своеобразный законъ эпическаго ритма у Достоевскаго, который обращаетъ его созданія въ систему напряженныхъ мышцъ и натянутыхъ нервовъ, что́ дѣлаетъ ихъ столь утомительными и вмѣстѣ столь властными надъ нашей душой. Отсюда вытекаютъ и несомнѣнные недостатки этихъ произведеній, какъ твореній искусства: „жестокій талантъ“ запрещаетъ намъ радость и наслажденіе; мы должны раньше исходить до конца весь Inferno, прежде чѣмъ достигнемъ отрады и свѣта въ „каѳартическомъ“ очищеніи.

Очищеніемъ (каѳарсисъ) должна была разрѣшаться античная трагедія: въ древнѣйшую пору это очищеніе понимали въ чисто-религіозномъ смыслѣ, какъ блаженное освященіе и успокоеніе души, завершившей кругъ внутренняго мистическаго опыта, дѣйственно пріобщившейся таинствамъ страстнóго служенія Діонису—богу страдающему. Аристотель, желая основать этетику самое по себѣ, избѣгая привносить въ нее элементы религіознаго переживанія, изображаетъ каѳарсисъ, какъ цѣлительное освобожденіе души отъ хаотической смуты поднятыхъ въ ней со дна дѣйствіемъ трагедіи афектовъ, преимущественно афектовъ страха и состраданія. Ужасъ и мучительное состраданіе могущественно

подшимаетъ у насъ со дна души жестокая (ибо въ послѣдней и обостренной степени трагическая) муза Достоевскаго, но къ очищенію приводитъ насъ всегда, запечатлѣвая этимъ подлинность трагическаго дѣйствія,—какъ бы мы ни принимали „очищеніе“, это понятіе, объ опредѣленіи котораго столько спорили, но которое, тѣмъ не менѣе, знакомо по непосредственному опыту всѣмъ намъ. Оно знакомо намъ, если, хоть разъ въ жизни, мы вернулись домой, послѣ нѣкоего торжественнаго и соборнаго потрясенія, съ яснымъ, какъ благодатная лазурь послѣ пронесшейся грозы, сознаніемъ, что не понапрасну только что хлынули изъ нашихъ глазъ потоки слезъ и, все израненное, судорожно сжималось наше сердце,—не напрасно потому, что въ насъ совершилось какое-то неизгладимое событіе, что мы стали отнынѣ въ чемъ-то иными и жизнь для насъ чѣмъ-то иною навсегда, и что какое-то неуловимое, но осчастливливающее утвержденіе смысла и цѣнности, если не міра и Бога, то человѣка и его порыва затеплилось звѣздой въ нашей, отчего-то жертвенно отрѣшившейся и тѣмъ уже облагороженной, что-то пріявшей и въ мукахъ зачавшей, но уже этимъ богатой и оправданной души. И такъ творчески сильно, такъ преобразительно каѳарическое облегченіе и укрѣпленіе, которыми Достоевскій одаряетъ душу, прошедшую съ нимъ черезъ муки ада и мытарства чистилища до порога обителей Беатриче, что мы всѣ уже давно примирились съ нашимъ суровымъ вожатымъ, и не ропщемъ болѣе на трудный путь.

Не это можно назвать недостаткомъ; и не будетъ признано несовершенствомъ то, что есть условіе воскресительнаго свершенія. Но недостаткомъ манеры нашего геніальнаго художника можно назвать однообразіе пріемовъ, которые кажутся какъ бы прямымъ перенесеніемъ условій сцены въ эпическое повѣствованіе: искусственное сопоставленіе лицъ и положеній въ одномъ мѣстѣ и въ одно время, преднамѣренное сталкиваніе ихъ, веденіе діалога, менѣе свойственное дѣйствительности, нежели выгодное при освѣщеніи рампы, изображеніе психологической эволюціи также сплошь катастрофическими толчками, порывистыми и изступленными оказательствами и разоблаченіями, на людяхъ, въ самомъ дѣйствіи, въ условіяхъ неправдоподобныхъ, но сценически благодарныхъ, округленіе отдѣльныхъ сценъ завершительными эфектами дѣйствія, чистыми „coups de théâtre“, и, въ тотъ періодъ, когда истинно-катастрофическое еще не созрѣло и наступить не можетъ, предвосхищеніе его въ карикатурахъ катастрофы—сценахъ скандала.

5.

Такъ какъ по формулѣ Достоевскаго (также сценической по существу) все внутреннее должно быть обнаружено въ дѣйствіи, онъ не-

избѣжно приходитъ къ необходимости воплотить антиномію, лежащую въ основѣ трагедіи, въ антиномическомъ дѣйствіи, оно же въ мірѣ боговъ и героевъ, съ которыми имѣла дѣло античная трагедія, оказывается большею частью, а въ людскомъ мірѣ и общественномъ строѣ всегда и неизбѣжно — преступленіемъ. Катастрофу - преступленіе нашъ поэтъ долженъ, по закону своего творчества, объяснить и обусловить трояко: во-первыхъ, изъ метафизической антиноміи личной воли, чтобы видно было, какъ Богъ и дьяволъ борются въ сердцахъ людей; во-вторыхъ, изъ психологическаго прагматизма, т.-е. изъ связи и развитія периферическихъ состояній сознанія, изъ цѣпи переживаній, изъ зыби волненій, приводящихъ къ рѣшительному толчку, послѣднему афекту, необходимому для преступленія; въ-третьихъ, наконецъ, изъ прагматизма событій, изъ ихъ паутиннаго сплетенія, образующаго тончайшую, но мало-по-малу становящуюся нерасторжимой ткань внѣшнихъ условій, логика которыхъ неотвратимо приводитъ къ преступленію. Присовокупимъ, что это тройное объясненіе индивидуальной судьбы отражено, кромѣ того, въ планѣ общественномъ, такъ что сама метафизика личной воли оказывается органически связанной съ метафизикой воли соборной или множественной воли цѣлыхъ легіоновъ богоборствующаго воинства.

Этотъ „maestro di color che sanno“,—мастеръ и первый изъ всѣхъ, кто знаетъ, если рѣчь идетъ о глубинахъ человѣческаго сердца,—вышеопредѣленнымъ тройнымъ изслѣдованіемъ причинъ преступленія наглядно и жизненно являетъ намъ тайну антиномическаго сочетанія детерминизма и вольнаго выбора въ судьбахъ человѣка. Онъ какъ бы подводитъ насъ къ самому ткацкому станку жизни и показываетъ, какъ въ каждой ея клѣточкѣ пересѣкаются скрещенныя нити свободы и необходимости. Метафизическое его изображеніе имманентно психофизическому; каждый волитъ и поступаетъ такъ, какъ того хочетъ его глубочайшая, въ Богѣ лежащая или Богу противящаяся и себя отъ Него отдѣлившая, свободная воля, и кажется, будто внѣшнее поверхностное воленіе и волненіе всецѣло обусловлено закономъ жизни, но то изначальное рѣшеніе, съ Богомъ ли быть или безъ Бога, каждую минуту сказывается въ сознательномъ согласіи человѣка на повелительное предложеніе какихъ-то безчисленныхъ духовъ, предписывающихъ ступить сюда, а не туда, сказать то, а не это; ибо при разъ сдѣланномъ метафизическомъ выборѣ поступить иначе, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, и нельзя, сопротивленіе просто неосуществимо, а первоначальный выборъ неизмѣненъ, если разъ онъ совершился, такъ какъ онъ не въ разумѣніи и не въ памяти, а въ самомъ существѣ человѣческаго *я*, выбравшемъ для себя то или иное свойство. И только духовная смерть этого, усвоившаго себѣ такое именно свойство, человѣ-

ческаго *я* можетъ освободить его и отъ его свойства: тогда человѣкъ теряетъ душу свою, отпускаетъ отъ себя душевный ликъ свой и забываетъ имя свое; онъ продолжаетъ дышать, но ничего своего уже не желаетъ, утонувъ въ міровой или мірской соборной волѣ, въ ней растворяется всецѣло, и изъ нея мало-по-малу опять какъ бы собирается, осаждается въ новое воплощенное *я*, гость и пришлецъ въ своемъ старомъ домѣ, въ дождавшемся прежняго хозяина прежнемъ тѣлѣ. Этотъ возродительный душевный процессъ, на утвержденіи и предвкушеніи котораго зиждилась въ древности чистая форма Діонисовой религіи и который составляетъ центральное содержаніе мистическаго нравоученія въ христіанствѣ, Достоевскій умѣлъ, насколько это дано искусству, воплотить въ образахъ внутренняго перерожденія личности, но все же лишь такъ, что мы узнаемъ растеніе по плодамъ его, но изъ намековъ на благодатную тайну сокровеннаго роста понять ее иначе не можемъ, какъ путемъ интуитивнаго проникновенія, по малымъ и частнымъ аналогіямъ собственнаго внутренняго опыта. Достоевскій же здѣсь свидѣтель вѣрный, говорящій о томъ, что, какъ человѣкъ, пережилъ самъ.

Ибо не то важно, осудилъ ли онъ или нѣтъ и въ какой мѣрѣ осудилъ разумомъ свое прежнее самоопредѣленіе до каторги, призналъ ли себя внутренно виновнымъ или же осужденнымъ невинно: важно одно, что онъ страстно пожелалъ освободиться отъ прежняго свойства своей личности и что насильственно наложенное на него обезличеніе помогло ему въ его внутреннемъ процессѣ утраты и расточенія души своей, позволило ему отторгнуться отъ своего я, внутренно умереть, экстатически испытать на дѣлѣ, что значатъ слова Леопарди: „И сладко мнѣ крушенье въ этомъ морѣ“, и слова Гёте: „Охотно личность согласится исчезнуть, дабы обрѣсть себя въ безпредѣльномъ, ибо въ томъ, чтобы отдать себя безъ остатка, есть наслажденіе“. И онъ испыталъ это наслажденіе до того блаженства, которымъ начинались у него припадки эпилепсіи.

6.

Но изъ вышеразвитаго вытекали опять-таки нѣкоторыя формальныя особенности творчества, которыя никакъ нельзя назвать преимуществами, съ точки зрѣнія чисто эстетической. Сюда относятся и экзальтація, присущая большинству выводимыхъ Достоевскимъ лицъ, и непропорціональное преобладаніе свойственнаго трагедіи патетическаго элемента надъ спокойнымъ объективизмомъ эпоса, и—вслѣдствіе той роли, которую играетъ въ жизни по Достоевскому преступленіе,—односторонне криминалистическая постройка романовъ. Необходимость съ крайней обстоятельностью и точностью представить психологическій и историческій

прагматизмъ событій, завязывающихся въ роковой узелъ, приводитъ къ почти судебному протоколизму тона, который замѣняетъ собой текучую живопись эпическаго строя. Вмѣсто согрѣтаго мечтательною безпечностью повѣствованія, заставляющаго ощущать пріятность безкорыстнаго, безцѣльнаго созерцанія, поэтъ ни на минуту не оставляетъ пріемовъ дѣлового отчета и освѣдомленія. Такъ достигаетъ онъ иллюзіи необычайнаго реалистическаго правдоподобія, безусловной достовѣрности, и ею маскируетъ чисто поэтическую, грандіозную условность создаваемаго имъ міра, не такого, какъ міръ дѣйствительный, въ нашемъ обыденномъ воспріятіи, но такъ ему соотвѣтствующаго, съ такимъ ясновидѣніемъ угаданнаго въ его соотношеніяхъ съ міромъ реальнымъ, что сама дѣйствительность какъ бы спѣшила отвѣчать этому Колумбу человѣческаго сердца обнаруженіемъ предвидѣнныхъ и какъ бы предопредѣленныхъ имъ явленій, дотолѣ таившихся за горизонтомъ. Самъ Достоевскій радовался своей прозорливости, когда, напримѣръ, за три дня до выхода въ свѣтъ „Преступленія и Наказанія“ обнаружился въ Москвѣ фактъ убійства, совершоннаго однимъ студентомъ, возмечтавшимъ, что все позволено сильной личности для своего возвеличенія; правда, жертвою убійства была не ростовщица, а ростовщикъ.

Иллюзія соразмѣрности съ пропорціями, темпомъ и рельефомъ дѣйствительности прикрываетъ для читателя и почти угрожающе колоссальную фантазію этого поэта; а за намѣренно прозаическимъ и протокольнымъ слогомъ обычно не замѣчаютъ необычайной и, можно сказать, неизбѣжной точности великолѣпно выразительнаго и адэкватнаго предмету языка, быть можетъ, непріятно отобразившаго языкъ средняго городского быта, но цѣннаго уже своею освободительною энергіей, своимъ мятежомъ противъ условной литературной фальши, чопорной гладкости и афектаціи. Выводъ изъ этихъ наблюденій надъ внѣшними покровами созданій Достоевскаго, надъ его стилемъ, былъ бы, однако, не полонъ, если бы мы не приняли въ расчетъ одного могущественнаго формальнаго средства, при помощи котораго романистъ умѣетъ превратить протоколъ слѣдствія въ живую ткань чисто поэтическаго—и притомъ романтическаго по своему наряду—разсказа. Достоевскій не только колористъ, но даже колористъ-импрессіонистъ. Въ этомъ онъ подобенъ Рембрандту. Припомнимъ слова Бодлэра:

Больница скорбная, исполненная стономъ,
Распятье на стѣнѣ страдальческой тюрьмы,—
Рембрандтъ... Тамъ молятся на гноищѣ зловонномъ,
Во мглѣ, пропизанной косымъ лучемъ зимы...

Льва Толстого можно было бы, напротивъ, сравнить скорѣе съ пленэристами въ живописи, такъ все у него свѣтло по окраскѣ, даже нѣтъ въ этихъ свѣтлыхъ пятнахъ той отчетливости, которая достигается ме-

нѣе равномѣрно распредѣленнымъ освѣщеніемъ,—такъ все купается въ разсѣянномъ свѣтѣ, ни на минуту не позволяющемъ сосредоточиться на частной формѣ до забвенія просторовъ окружающаго цѣлаго. Достоевскій, подобно Рембрандту, весь въ темныхъ скопленіяхъ тѣней по угламъ замкнутыхъ затворовъ, весь въ яркихъ озареніяхъ преднамѣренно брошеннаго, дробящагося искусственными снопами по выпуклостямъ и очертаніямъ впадинъ свѣта. Его освѣщеніе и цвѣтовыя гаммы его свѣта, какъ у Рембрандта, — лиричны. Такъ ходитъ онъ съ факеломъ по лабиринту, изслѣдуя казематы духа, пропуская въ своемъ лучѣ сотни подвижныхъ въ подвижномъ пламени лицъ, въ глаза которыхъ онъ вглядывается своимъ тяжелымъ, обнажающимъ, внутрь проникающимъ взглядомъ.

Толстой поставилъ себя зеркаломъ передъ міромъ, и все, что входитъ въ зеркало, входитъ въ него: такъ хочетъ онъ наполниться міромъ, взять его въ себя, сдѣлать его своимъ посредствомъ осознанія и, въ сознаніи предолѣвъ, отдать людямъ и самый міръ, черезъ него прошедшій, и то, чему онъ научился при его прохожденіи,—нормы отношенія къ міру. Этотъ актъ отдачи есть вторичный актъ, актъ заботы о мірѣ и любви къ людямъ, понятой, какъ служеніе; первичный актъ былъ чистымъ наблюденіемъ и созерцаніемъ. Внутренній процессъ, лежащій между этими двумя актами отношенія къ міру, былъ процессомъ обезцвѣчиванія красокъ жизни, отвлеченіемъ постояннаго отъ преходящаго, общаго и существеннаго отъ частнаго и случайнаго: для нормъ нужно только общее и постоянное, оно же признается насущнымъ и единственно нужнымъ. Въ этомъ процессѣ многосоставное явленіе разлагается на свои элементы; изъ этихъ простыхъ элементовъ строится образъ жизни, подчиненный нормѣ; въ заключеніе — жизни наличной противопоставляется коррективомъ искусственно опрощенная жизнь.

Иной путь Достоевскаго. Онъ весь устремленъ не къ тому, чтобы вобрать въ себя окружающую его данность міра и жизни, но къ тому, чтобы, выходя изъ себя, проникать и входить въ окружающіе его лики жизни; ему нужно не наполниться, а потеряться. Живыя сущности, доступъ въ которыя ему непосредственно открытъ, суть не вещи міра, но люди, — человѣческія личности; ибо они ему реально соприродны. Здѣсь энергія центробѣжныхъ движеній человѣческаго *я*, составляющая діонисійскій пафосъ характера, вызываетъ въ геніальной душѣ такое осознаніе самой себя до своихъ послѣднихъ глубинъ и издревле унаслѣдованныхъ залежей, что душа кажется самой себѣ необычайно многострунной и все вмѣщающей; всѣмъ переживаніямъ чужого *я* она, мнится, находитъ въ себѣ соотвѣтствующую аналогію и, по этимъ подобіямъ и чертамъ родственнаго сходства, можетъ возсоздать въ себѣ любое состояніе чужой души. Духъ, напряженно прислушивающійся къ тому,

какъ живетъ и движется узникъ въ сосѣдней камерѣ, требуетъ только, хотя бы легчайшей, сигнализаціи сосѣда, чтобы угадать недосказанное, несказа̀нное.

Потребность и навыкъ настороженнаго вниманія, зоркаго вглядыванія дѣлаютъ Достоевскаго похожимъ на человѣка со свѣточемъ въ рукахъ. Развѣдчикъ и ловецъ въ потемкахъ душъ, онъ не нуждается въ общемъ озареніи предметнаго міра. Онъ погружаетъ свои поэмы какъ бы въ сумракъ, заглядываетъ, при свѣтѣ своего пламенника, въ лики и въ очи людей, чтобы, какъ древнія Эриніи, выслѣживать и подстерегать въ ночи преступника, и таиться, и выжидать за выступомъ скалы, и вдругъ, раскинувъ багровое зарево, обличить бездыханное, окровавленное тѣло и вперившаго въ него неотводный, помутнѣлый взоръ блѣднаго, изступленнаго убійцу. Муза Достоевскаго, съ ея экстатическимъ и ясновидящимъ проникновеніемъ въ чужое *я*, похожа вмѣстѣ на обезумѣвшую Діонисову мэнаду, устремившуюся впередъ, съ сильно бьющимся сердцемъ,—и на другой ликъ той же мэнады—дочь Мрака, ловчую собаку богини Ночи, змѣеволосую Эриннію, съ искаженнымъ лицомъ, чуткую къ пролитой крови, вѣщую, неумолимую, неусыпимую мстительницу, съ факеломъ въ одной и бичемъ изъ змѣй въ другой рукѣ.

Вячеславъ Ивановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Старообрядчество и православіе. [1])

Архимандритъ господствующей церкви, преподаватель высшей духовной школы, перешелъ въ старообрядчество.

Фактъ этотъ взволновалъ обѣ церкви.

Господствующей церкви, конечно, было очень тягостно, что провинившійся и сосланный на послушаніе въ глухой монастырь архимандритъ не только не выполнилъ наложеннаго на него послушанія, но, къ великому соблазну православныхъ, перешелъ въ старообрядчество.

Съ другой стороны, и среди старообрядцевъ новый сочленъ произвелъ смуту.

Архимандритъ Михаилъ (Семеновъ)—я говорю о немъ—вскорѣ послѣ своего присоединенія былъ рукоположенъ въ епископы, причемъ руко-

---

[1]) *Отъ редакціи.* У всѣхъ пишущихъ по вопросамъ христіанской религіи и церковности всегда своя или „вѣроисповѣдная“ или „личная“ точка зрѣнія, которую они стремятся проводить. Редакція же *Русской Мысли*, придавая религіозному моменту и церковной жизни въ судьбахъ Россіи огромное значеніе, по отношенію къ *отдѣльнымъ вѣроученіямъ и вѣроисповѣданіямъ* занимаетъ нейтральную и объективную позицію. А потому, печатая интересную замѣтку Д. В. Философова, она *сужденія* автора о православіи и старообрядчествѣ, представляющіяся весьма субъективными и спорными, оставляетъ всецѣло на его отвѣтственности и себя съ ними отнюдь не отождествляетъ. Ниже, вслѣдъ за статьей г. Философова, мы печатаемъ возраженія извѣстнаго старообрядческаго дѣятеля А. Мельникова. Они, конечно, имѣютъ характеръ „апологіи“, но эта „апологія“ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія всѣхъ лицъ, интересующихся религіозной жизнью русскаго народа. Въ отвѣтъ Д. В. Философову мы желали помѣстить и статью, написанную съ *православной* точки зрѣнія. Къ сожалѣнію, получить такую статью намъ до сихъ поръ не удалось. Правда, у редакціи было драгоцѣнное для нея обѣщаніе покойнаго *В. А. Караулова,* который 6 декабря прошлаго года писалъ намъ:

„Дорогой Петръ Бернгардовичъ! Вмѣстѣ съ этимъ посылаю вамъ заказнымъ корректуру статьи Философова. Отвѣтъ на нее дамъ не въ январьской, а въ февральской книжкѣ, отвѣтъ въ томъ размѣрѣ, который вы предлагаете, т.-е. короткій. Вашъ *В. Карауловъ*“.

Смерть помѣшала В. А. исполнить это обѣщаніе.

положеніе произошло какъ-то таинственно, безъ точнаго соблюденія каноническихъ правилъ.

27 августа 1909 года старообрядческій соборъ опредѣлилъ новому епископу канадскому отправиться въ свою епархію въ трехмѣсячный срокъ, обучившись предварительно, подъ наблюденіемъ московскаго архіепископа Іоанна, богослуженію и исполненію преданій Христовой церкви. Соборъ предостерегъ епископа канадскаго, что въ противномъ случаѣ онъ будетъ запрещенъ отъ священнодѣйствія.

Епископъ Михаилъ въ Канаду не поѣхалъ, на выучку къ архіепископу Іоанну не явился, и собору 1910 года пришлось опять вернуться къ обсужденію вопроса, что̀ дѣлать съ епископомъ.

Соборъ, разсмотрѣвъ дѣло, запретилъ еп. Михаила отъ священнодѣйствія, пригрозивъ ему, что если онъ и послѣ опредѣленія собора начнетъ совершать священнодѣйствіе или смущать церковь Христову, то будетъ подвергнутъ болѣе строгому наказанію, согласно святоотеческихъ правилъ.

Выслушавъ это опредѣленіе, епископъ Михаилъ, по словамъ старообрядческаго журнала *Церковь* (№ 36), заявилъ, что онъ подчиняется объявленному ему опредѣленію.

Такова внѣшняя сторона, казалось бы, очень малозначительнаго событія.

Развѣ такъ важно, что въ лонѣ старообрядческой церкви находится запрещенный отъ священнодѣйствія епископъ? Развѣ могутъ представлять общественный интересъ его распри, сначала съ господствующей церковью, а затѣмъ со старообрядцами?

Но, присмотрѣвшись къ этому маленькому событію поближе, мы поймемъ всю его поучительность, потому что здѣсь столкнулись три силы: старообрядчество, православіе и внутренне свободная, религіозная личность. Помимо своей воли, участники этой трагедіи ставятъ передъ нами вопросъ, такъ ли ужъ различны по своему духу двѣ враждующія церкви, и, затѣмъ, способны ли историческія церкви отвѣтить на запросы мятущейся души живого, религіознаго человѣка? Не обречены ли онѣ на то, чтобы, такъ сказать, автоматически извергать изъ своей среды все мало-мальски живое, пророческое, мятущееся?

Что привлекло архимандрита Михаила къ старообрядчеству?

Вѣроятно, независимость внутренней церковной жизни старообрядцевъ отъ свѣтской власти и соблюденіе соборнаго начала въ управленіи дѣлами церкви.

Если мы заглянемъ въ курсы православнаго богословія или церковнаго права, мы увидимъ, что существеннымъ признакомъ православной церкви, какъ учрежденія, признается именно его *соборность*.

„Православная церковь сознаетъ себя богоучрежденнымъ обществомъ,

состоящимъ подъ управленіемъ богодарованной іерархіи" (*епископъ Сильвестръ:* „Догматич. богословіе", т. IV, Кіевъ, 1897 г., стр. 300).

„Высшая церковная власть принадлежитъ въ православіи собору" (*К. Заозерскій:* „О священ. и правит. власти", М., 1891 г., стр. 259—260).

„Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію,—говоритъ покойный проф. Соколовъ,—что соборность церковнаго управленія есть основное, характеристически-церковное, каноническое начало" (цитирую по статьѣ *И. В. Тихомирова:* „Каноническое достоинство реформы Петра Великаго", *Богословск. Вѣстн.*, 1904 г., февр., стр. 217).

„Вся полнота церковной власти сосредоточивается въ соборѣ епископовъ, и притомъ въ такомъ абсолютномъ смыслѣ, что безъ этого церковь перестала бы быть тѣмъ, что она есть" (*Никодимъ, еп. Далматинскій:* „Церковн. право". Русск. пер., 1897 г., стр. 237).

Аналогичныхъ цитатъ можно привести сколько угодно, но всякій трезвый человѣкъ признаетъ, что отъ подобныхъ утвержденій вѣетъ неисправимой романтикой, потому что дѣйствительность съ ними совершенно расходится.

Правда, духовный регламентъ пытается объяснить уничтоженіе патріаршества стремленіемъ Петра Великаго ввести въ церковную жизнь именно начало соборности, но кто возьметъ на себя смѣлость защищать это положеніе? Кто не знаетъ, что съ учрежденіемъ святѣйшаго синода начало соборности въ управленіи русской церкви было въ корнѣ уничтожено?

Далѣе, нѣтъ сомнѣнія, что реформа Петра была произведена съ нарушеніемъ каноническихъ правилъ (см. вышеназванную статью *И. В. Тихомирова,* а также книгу *П. Лапина:* „Соборъ, какъ высшій органъ церковной власти", Казань, 1909 г., стр. 369).

Утверждая самымъ рѣзкимъ образомъ неканоничность церковной реформы Петра, И. В. Тихомировъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что реформа, „хотя и узаконенная и практически осуществляемая, *никогда не признавалась законною какъ со стороны іерархіи, такъ и со стороны паствы*" (*Богосл. Вѣстн.*, 1904 г., февр., стр. 240).

Утѣшеніе очень сомнительное.

Непризнаваніе, проповѣдуемое г. Тихомировымъ—не болѣе какъ „reservatio mentalis", которое совершенно не допускается именно духовнымъ регламентомъ.

Въ присягѣ „членамъ духовныя коллегіи" прямо сказано: „Исповѣдую же съ клятвою крайняго Судію Духовныя сея Коллегіи быти Самого Всероссійскаго Монарха, Государя нашего всемилостивѣйшаго. Клянуся еще Всевидящимъ Богомъ, что вся сія мною нынѣ обѣщаваемая, *не инако толкую во умѣ своемъ яко провѣщаваю устами,* но въ

той силѣ и разумѣ, яковую силу и разумъ написанныя здѣ слова чтущимъ и слышавшимъ являютъ".

Для іерарха церкви присяга—дѣло не шуточное, и рѣшительно невозможно допустить мысли, что теорія Тихомирова о „непризнаваніи" имѣетъ за собой хоть какую-нибудь реальную почву.

Реформа Петра неканонична, но церковь ее признала (по какимъ мотивамъ—не важно). Если бы реформа Петра была дѣйствительно не признана, церковная жизнь въ православіи давно бы замерла. Вотъ уже двѣсти лѣтъ у насъ остановилось бы церковное законодательство, и вся наша іерархія превратилась бы въ самозванную.

Это какъ разъ и утверждаютъ старообрядцы. У нихъ соборность и свобода отъ воздѣйствія свѣтской власти на религіозную жизнь не анахронизмъ, у нихъ нѣтъ никакихъ „reservationes mentales". Благодаря своему вѣковому упорству, они на дѣлѣ осуществили отдѣленіе своей церкви отъ государства. И если сдѣлать невѣроятное предположеніе, что, воспользовавшись указомъ 17 апрѣля, всѣ православные перешли въ старообрядчество, то въ Россіи совершилось бы отдѣленіе церкви отъ государства безъ измѣненія существующихъ законовъ.

Правильная іерархія существуетъ у старообрядцевъ только въ такъ называемомъ *австрійскомъ согласіи,* и то очень недавно, съ революціи 1848 года, когда правительство Франца-Іосифа, въ силу только что завоеванныхъ народомъ конституціонныхъ гарантій, вынуждено было прекратить, начатыя по иниціативѣ Николая Павловича, преслѣдованія противъ Бѣлой Криницы. Врядъ ли дѣятели австрійской революціи предполагали, что, завоевавъ для себя политическую свободу, они вмѣстѣ съ тѣмъ оказали громадную помощь старообрядчеству. Но таковы уже странности и капризы исторіи.

Нормально функціонировать эта іерархія начала послѣ указа 17 апрѣля. Думается, что въ недалекомъ будущемъ не только бѣглопоповцы, но, можетъ быть, и безпоповцы примкнутъ къ австрійскому согласію, такъ какъ существенныхъ препятствій къ сему, въ концѣ-концовъ, нѣтъ никакихъ.

Достичь современнаго благосостоянія старообрядчеству было не легко. Лишенная епископата церковь могла жить только благодаря особенному рвенію мірянъ, которые какъ бы воспріяли пастырскую ревность. Понятно, что и послѣ учрежденія епископата міряне не отстранились отъ участія въ церковныхъ дѣлахъ. Самодѣятельность мірянъ—одна изъ характерныхъ особенностей старообрядчества. Архимандритъ Михаилъ, которому стало душно въ господствующей церкви, внѣ непосредственнаго общенія съ мірянами, совершенно естественно устремился туда, гдѣ, какъ ему казалось, идетъ нормальная церковная жизнь внѣ зависимости отъ свѣтской власти и притомъ въ общеніи съ

міромъ. Ему, должно быть, вѣрилось, что освобожденное, благодаря указу 17 апрѣля, старообрядчество заживетъ новой жизнью, что оно способно на развитіе, на возрастаніе.

Вся внѣшняя сторона старообрядчества, именно старый обрядъ съ двоеперстіемъ, Іисусомъ и т. д., не могла служить архимандриту Михаилу препятствіемъ для перехода въ старую церковь.

Господствующая церковь относится къ старому обряду нейтрально, доказательствомъ чему служатъ единовѣрцы, къ которымъ она относится приблизительно такъ же, какъ католическая церковь къ уніатамъ. Католики позволили уніатамъ сохранить весь обрядъ восточной, по ихъ мнѣнію „схизматической“, церкви, лишь бы они признавали папу. Такъ же и синодальная церковь сохраняетъ единовѣрцамъ ихъ древній обрядъ, даетъ имъ своихъ собственныхъ священниковъ, лишь бы единовѣрцы обѣщались „повиноваться святѣйшему правительствующему всероссійскому синоду, отъ четырехъ патріарховъ каѳолическія восточныя церкви въ равномъ съ ними достоинствѣ и власти признанному и утвержденному“, какъ говорится въ Чинѣ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго.

Правда, „миссіонеры“ и начетчики, съ усердіемъ достойнымъ лучшей участи, до сихъ поръ препираются объ „аллилуіа“. Но безнадежные споры эти могутъ интересовать лишь темныя, невѣжественныя массы, а потому веденіе ихъ крайне вредно *для обѣихъ церквей*. Какъ миссіонеры, такъ и начетчики искусственно удерживаютъ религіозное сознаніе народныхъ массъ на уровнѣ XVII вѣка. Теперь, особенно послѣ трудовъ проф. *Голубинскаго* [1]) и проф. *Каптерева* [2]), мы отлично знаемъ, что въ моментъ зарожденія раскола обѣ стороны были *одинаково не правы*. Кружокъ ревнителей благочестія, къ которому принадлежалъ какъ царь Алексѣй Михайловичъ, такъ и протопопъ Аввакумъ, былъ преисполненъ самыхъ добрыхъ намѣреній, и если произведенная, по иниціативѣ кружка, реформа привела къ расколу, то объясняется это не только личными недостатками Никона, а первобытнымъ невѣжествомъ обѣихъ сторонъ. Исторія зарожденія раскола—классическій примѣръ, насколько въ дѣлахъ *вѣры* необходимо *знаніе*.

Послѣ реформы Петра дѣло приняло другой оборотъ. Духовный регламентъ считаетъ „раскольниковъ“ „лютыми непріятелями“, „государству и государю непрестанно зло мыслящими“. Такое утвержденіе впослѣдствіи оказалось тоже невѣрнымъ. Если у старообрядцевъ была особенная ненависть къ Петру, къ нему лично, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они непрестанно „зло мыслили“ государю и государству.

---

1) „Къ нашей полемикѣ со старообрядцами“. М., 1905 г.

2) „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ“, т. I, 1909 г.

Наоборотъ, какъ по своему соціальному составу [1]), такъ и по рѣзко выраженной психологіи консерватизма современные старообрядцы—одинъ изъ самыхъ лояльныхъ элементовъ въ Россіи. Съ этой стороны правительство оцѣнило ихъ довольно поздно, не ранѣе царствованія Александра III.

Старообрядцы съ полной искренностью признаютъ богоустановленность монархической власти въ Россіи, но отрицаютъ ея *церковный* характеръ, тогда какъ господствующая церковь, вопреки романтическимъ утвержденіямъ учебниковъ богословія и церковнаго права, естественно склоняется къ цезаре-папизму. Такимъ образомъ, въ настоящее время существо дѣла вовсе не въ „двоеперстіи“ и не въ „зломысліи“ старообрядцевъ по отношенію къ государю и государству, *а въ отрицаніи старообрядцами цезаре-папизма.*

Свобода отъ воздѣйствія свѣтской власти на религіозную жизнь церкви, фактически сохраненная „соборность“ и тѣсная связь съ мірянами—эти существенныя черты старообрядчества и могли вселить еп. Михаилу, какъ я уже говорилъ выше, надежды на возрожденіе православія именно старообрядческаго.

Эти надежды епископа до сихъ поръ не оправдались и врядъ ли когда-нибудь оправдаются.

Правда, епископъ Михаилъ слишкомъ поспѣшилъ и предъявилъ старообрядцамъ такія требованія, которыя они, по совѣсти, не могутъ выполнить.

Строго говоря, старообрядческій соборъ поступилъ вполнѣ разумно, уклонившись отъ обсужденія идей епископа Михаила.

Дѣло произошло такъ. Епископу Михаилу былъ предъявленъ экземпляръ воззванія такъ называемыхъ „голгоѳскихъ христіанъ“ съ вопросомъ, признаетъ ли онъ себя авторомъ этого воззванія. Епископъ Михаилъ отвѣтилъ, что воззваніе—трудъ коллективный, но что идеи воззванія онъ во многомъ раздѣляетъ, а потому готовъ дать объясненія по существу вопроса. Узнавъ, что *формально* еп. Михаилъ не авторъ воззванія, соборъ отъ дальнѣйшихъ разговоровъ на эту тему уклонился, ограничившись „переходомъ къ очереднымъ дѣламъ“ приблизительно слѣдующаго содержанія: „Въ виду того, что въ *нѣкоторыхъ* сочиненіяхъ нынѣ запрещеннаго епископа Михаила (какъ, наприм., въ № 7 журнала *Старообрядческая Мысль*, № 5 журнала *Слушай Земля* и др.) есть соблазнительныя выраженія и даже приводятся мысли, не согласныя съ ученіемъ св. отцовъ, считаемъ своимъ архипастырскимъ долгомъ

---

[1]) На верхахъ старообрядчества стоятъ крупные фабриканты и промышленники, на низахъ—мелкая, экономически независимая городская и деревенская буржуазія. Въ политикѣ „ставки на сильныхъ“ старообрядцы не могутъ не играть роли.

предостеречь всѣхъ христіанъ-старообрядцевъ, чтобы они опасались руководствоваться сочиненіями еп. Михаила и относились къ нимъ, какъ къ сочиненіямъ обыкновенныхъ писателей, не имѣющихъ никакого церковнаго авторитета и значенія“ [1]).

Такимъ образомъ, соборъ свелъ все дѣло на нѣтъ, никакъ не высказавшись по существу вопроса. А пока идеи епископа Михаила не столкнутся съ церковью, пока онѣ не сдѣлаются предметомъ соборнаго, церковнаго обсужденія, нельзя считать, что церковь ихъ отвергла.

Идеи воззванія въ высшей степени благородны, въ нихъ чувствуется подлинное горѣніе, жажда преображенія земли. Но онѣ настолько хаотичны, а въ догматическомъ смыслѣ настолько неясны, что врядъ ли даже желательно, чтобы въ своемъ настоящемъ видѣ онѣ когда-либо стали предметомъ церковнаго, соборнаго обсужденія. Но дѣло даже не въ хаотичности и неясности. Если бы личныя мнѣнія епископа Михаила и воззваніе голгоѳскихъ христіанъ представляли собой строгую, послѣдовательно продуманную, систему, содержали бы въ себѣ исчерпывающій списокъ недоумѣнныхъ вопросовъ, всетаки какъ православная, такъ и старообрядческая церковь непремѣнно уклонились бы отъ ихъ обсужденія. Въ этомъ — трагедія всего православнаго Востока. Выражаясь языкомъ Соловьева, въ немъ есть только „священство“, но не можетъ быть „пророчества“, потому что пророчество всегда обращено къ будущему и смотритъ на настоящее, какъ на нѣчто незавершенное. *Отличительная же черта восточнаго православія въ томъ и состоитъ, что оно считаетъ свое догматическое развитіе разъ навсегда законченнымъ.*

Въ мои цѣли вовсе не входитъ защищать католическую церковь, но *формально* въ ней есть исходъ изъ подобной трагедіи благодаря тому, что она не признаетъ свое догматическое ученіе завершившимся [2]). Поэтому, наприм., положеніе модернистовъ тамъ вовсе не безнадежно. Они могутъ лично пострадать, благодаря суровости и консерватизму Пія X. Но идея ихъ, если она жизнеспособна, когда-нибудь да восторжествуетъ, потому что католичество не дѣлаетъ этой идеѣ формальнаго отвода. Если модернизмомъ заразится большинство чадъ церкви, то фатально ихъ приметъ въ концѣ-концовъ и папа, который имѣетъ

---

[1]) Епископъ Михаилъ—постоянный сотрудникъ старообр. журнала *Церковь* (Москва) и журнала *Новая Земля*. Изъ отдѣльно напечатанныхъ сочиненій можно указать слѣд. брошюры: 1) „Двѣнадцать писемъ о христіанствѣ“, написаны еще въ бытность епископа архимандритомъ господствующей церкви (брош. въ 51 стр.). Ц. 1 р. 2) „Публичное собесѣдованіе архимандрита Михаила съ синодальнымъ миссіонеромъ о. Крючковымъ въ Кіевѣ, 20 іюля 1908 г.“. Ц. 15 к. 3) „О вѣрѣ и невѣріи“ (два выпуска), 1909 г. Ц. 40 к.

[2]) На это, въ свое время, указывалъ В. В. Розановъ.

полное право даже санкціонировать новый догматъ, не считаясь съ тѣмъ соображеніемъ, что послѣ семи вселенскихъ соборовъ эволюція догматовъ закончена. Поэтому обиліе отдѣльныхъ сектъ—характерный спутникъ именно Востока. Пока живо въ народѣ религіозное чувство, живы и „пророки“. Но пророкъ по существу не пріемлемъ въ православіи, благодаря чему происходитъ ослабленіе какъ церковной жизни, такъ и личной. Внѣ церкви „пророкъ“ становится сектантомъ, внѣ пророчества—церковь каменѣетъ, лишаетъ себя громадныхъ религіозныхъ силъ.

Старообрядчество, эта православнѣйшая изъ православныхъ церквей, можетъ улучшить внѣшнія формы церковной жизни, поднять у себя уровень образованія, но развиваться, двигаться, привлекать новыя религіозныя силы ему врядъ ли свойственно, а потому такіе люди, какъ епископъ Михаилъ, ему и не нужны. Оно все равно не можетъ съ ними справиться, не можетъ ими пользоваться [1]).

Пока старообрядческая церковь находилась въ подпольѣ, была на положеніи гонимой, казалось, что она столь консервативна только по закону самосохраненія.

Но послѣ указа 17 апрѣля въ ея жизни обнаружились признаки, показывающіе, что въ существѣ своемъ она столь же неподвижна, какъ и господствующая церковь.

Началось съ того, что старообрядческая іерархія занялась устраненіемъ мірянъ отъ участія въ церковномъ управленіи.

Такъ, на послѣдній соборъ не были допущены представители различныхъ общинъ и братствъ [2]). И, что всего любопытнѣе, наиболѣе энергичнымъ гонителемъ мірянъ оказался тотъ самый епископъ Иннокентій, который нѣкогда, въ обходъ каноническихъ правилъ, посвятилъ архимандрита Михаила въ епископы.

Въ этомъ пунктѣ старообрядческая іерархія вполнѣ солидарна съ іерархіей господствующей церкви. Было бы грубой несправедливостью утверждать, что наиболѣе достойные іерархи православной церкви не тяготятся своей подчиненной ролью, не мечтаютъ о „соборности“, конечно, безъ участія мірянъ. Въ предсоборной комиссіи много говорилось на эту тему. Status quo защищалъ одинъ проф. Суворовъ, нынѣ умершій, который послѣдовательно отстаивалъ именно цезарепапизмъ, какъ сущность православія [3]). Всѣ же іерархи мечтали о соборномъ началѣ,

---

[1]) Господствующая церковь въ болѣе выгодномъ положеніи, и какъ это ни странно, именно благодаря цезаре-папизму, въ которомъ она сближается съ католичествомъ, построенномъ на папо-цезаризмѣ.

[2]) См. интересный протестъ братства „Честнаго и животворящаго креста Господня“ *Церковь*, № 40.

[3]) Къ сему надо прибавить, что проф. Суворовъ—единственный изъ современныхъ канонистовъ, обладающій солидными *юридическими* познаніями.

и думается, что просвѣщенные старообрядцы (а не начетчики, до сихъ поръ сражающіеся съ Скворцовыми и Крючковыми на тему о двоеперстіи) охотно подписались бы подъ многими заключеніями предсоборной комиссіи. Если бы пожеланія русскихъ іерарховъ осуществились, церковная власть отдѣлилась отъ свѣтской окончательно, разногласія между обѣими церквами свелись бы къ такимъ несущественнымъ пунктамъ, что унія между ними стала бы вполнѣ возможна.

Спеціально же старообрядчеству гоненіе, воздвигнутое въ его средѣ на мірянъ, грозитъ очень опасными послѣдствіями, принимая во вниманіе необразованность большинства іерарховъ старообрядческой церкви.

Къ чести старообрядцевъ надо сказать, что среди нихъ есть люди, сознающіе эту опасность. Ихъ очень заботитъ вопросъ о высшемъ духовномъ образованіи. Въ журналѣ *Церковь* (отъ 3 окт.) опубликована программа высшаго, богословско-учительскаго института, который предположено учредить при Рогожскомъ кладбищѣ. Видимо, старообрядцевъ не удовлетворяетъ больше классическій типъ „ученаго“ начетчика, который изъ-за старопечатной буквы окончательно лишился способности видѣть духъ Священнаго писанія.

Программа института очень обширная. Тутъ и природовѣдѣніе, и всеобщая исторія, и филологія, психологія, логика, философія. Почти богословскій факультетъ германскаго университета.

Чтеніе этой программы производитъ особенно странное впечатлѣніе, если ее сопоставить съ „вопросомъ“ одного подписчика,—вопросомъ, на который редакція журнала отвѣчаетъ *въ томъ же номерѣ*, гдѣ напечатана программа богословскаго факультета.

Вопросъ слѣдующій (стр. 1003): „*Когда слышится громъ, у насъ говорятъ, что это Илья пророкъ ѣздитъ на колесницѣ. Правда ли это?*“

Въ вопросѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Девяносто процентовъ православныхъ крестьянъ-христіанъ его даже не предлагаютъ, такъ убѣждены они въ колесницѣ пророка. Но въ связи съ программой онъ получаетъ какой-то символическій смыслъ.

Дѣло въ томъ, что тутъ *заколдованный кругъ: учрежденіе богословскаго института несовмѣстимо со старообрядчествомъ*. Или, превзойдя всѣ науки, старообрядцы должны будутъ, не взирая на убѣдительныя, объективно-научныя утвержденія профессоровъ Голубинскаго и Каптерева (которыхъ господствующая церковь заподозрила въ пристрастіи къ старообрядцамъ), съ прежней наивностью утверждать, что самъ Христосъ крестился двумя перстами, и тогда вся „наука“ будетъ для нихъ безполезна, потому что если допустить, что Христосъ крестился двумя перстами, то нѣтъ никакихъ основаній отвергать колесницу Ильи пророка. Или наука образумитъ старообрядцевъ. Немножко

подучившись логикѣ, психологіи и исторіи, они поймутъ, что возводить обрядъ въ догматъ, смотрѣть на него, какъ на магію, просто невозможно при извѣстномъ уровнѣ сознанія. Но тогда что же останется специфически старообрядческаго въ самомъ старообрядчествѣ?

Учрежденіе старообрядческаго богословскаго института есть дѣло святое, воистину христіанское, потому что внѣ свѣта знанія христіанство превращается въ суевѣріе, но пусть старообрядцы себя не обманываютъ. Или ихъ институтъ будетъ подготовлять тѣхъ же начетчиковъ, что̀ было бы слишкомъ печально, или ихъ новая іерархія, получивъ болѣе солидное образованіе, прежде всего возстанетъ противъ подмѣны догматовъ обрядами.

Можетъ быть, только въ послѣдовательномъ отрицаніи самой старообрядческой психологіи все спасеніе старообрядчества. Очистившись отъ слѣпого преклоненія передъ сугубой аллилуіей, двоеперстіемъ и т. д., старообрядческая церковь получитъ возможность подумать объ уніи съ „господствующей“ церковью. Уніи не формальной, какъ это произошло съ единовѣрцами, а дѣйствительной.

Необходимое условіе такой уніи со стороны господствующей церкви вовсе не въ признаніи старопечатныхъ книгъ, а въ освобожденіи ея отъ подчиненія государству и свѣтской верховной власти.

Возможно ли такое освобожденіе господствующей церкви, я не знаю. Но если возможно, то обѣ церкви неминуемо объединятся, потому что *душа* у нихъ одна: отрицаніе догматическаго развитія христіанской церкви.

Именно потому, что въ обѣихъ церквахъ живетъ одинъ и тотъ же духъ бездвижности, обѣ онѣ рѣшительно неспособны не то что понять, но просто услышать голосъ людей, подобныхъ епископу Михаилу.

Д. Философовъ.

Самобытность старообрядчества.

Въ обществѣ, наукѣ, литературѣ, въ ежедневной печати,—словомъ, всюду уже въ теченіе третьяго столѣтія укрѣпился тотъ взглядъ, что старообрячество есть невѣжество, тупоуміе, безсмысленное обрядовѣріе, что оно рѣшительно не совмѣстимо съ просвѣщеніемъ общимъ и знаніемъ богословскимъ. Какъ на цѣлебное средство противъ старообрядчества, всегда указывали на школу, на образованіе.

Только иногда, въ особо рѣдкихъ случаяхъ слышалось и другое отношеніе къ старообрядчеству, что оно не невѣжество, что въ его духовной сущности содержится нѣчто положительное и даже великое. Но такіе голоса всегда звучали какъ-то уныло, робко, одиноко и пропадали такъ же быстро, какъ неожиданно появлялись.

Скажетъ человѣкъ, какой-либо бодрый, не боящійся общественныхъ предразсудковъ изслѣдователь: „въ сторообрядчествѣ что-то есть“—и тотчасъ же замолкнетъ, какъ будто бы устыдится собственнаго слова.

Со временъ Никона патріарха старообрядцамъ твердили одно: „вы люди невѣжественные, тупоумные“.

Возьмите, напримѣръ, „Розыскъ“ Димитрія Ростовскаго. Составьте по нему представленіе о психологіи и умственномъ состояніи старообрядцевъ. Что это такое? Это даже не люди, а какіе-то подземные кроты, не имѣющіе никакихъ представленій ни о солнцѣ, ни о лунѣ.

Если подобные отзывы о старообрядцахъ сравнить съ географическими описаніями какихъ-нибудь австралійскихъ дикарей, которые питаются полевыми мышами, то, пожалуй, дикари окажутся болѣе разумными и развитыми, чѣмъ старообрядцы.

Этотъ взглядъ на старообрядчество не исчезъ до сихъ поръ. Положимъ, теперь его нельзя назвать господствующимъ, положимъ, онъ въ очень значительной степени смягченъ, но и въ наши дни многіе убѣждены и стараются доказать, что старообрядчество несовмѣстимо съ наукой, просвѣщеніемъ.

На самомъ дѣлѣ, совмѣстимо ли старообрядчество съ наукой?

Вопросъ этотъ обыченъ и слышать его приходится весьма часто.

Прежде всего постановка вопроса не правильна. Нужно спрашивать не о томъ, совмѣстимо ли старообрядчество съ наукой вообще, а болѣе опредѣленно и дробно: съ какой наукой оно совмѣстимо, и съ какой можетъ и не совмѣститься?

Возьмемъ отрицательныя атеистическія теоріи, возведенныя на степень стройныхъ логическихъ системъ, имѣющихъ полный научный обликъ. Да, онѣ дѣйствительно несовмѣстимы съ старообрядчествомъ. Ну, а съ православіемъ онѣ совмѣстимы? а съ католичествомъ, а съ протестантствомъ да и со всякою другой религіей? То, что отрицаетъ основу вѣрованія, не совмѣстимо ни съ какою религіей, не совмѣстимо и съ старообрядчествомъ. Это общій законъ, которому наравнѣ со всѣми и въ одинаковой степени подчинено и старообрядчество.

Совмѣстимо ли старообрядчество съ гражданственностью и со всѣмъ тѣмъ, что называется вообще культурой? Конечно, совмѣстимо и даже болѣе, чѣмъ само православіе, особенно деревенское.

Въ своей исторіи, съ самаго перваго момента раздѣленія, старообрядчество идетъ двумя параллельными путями, изъ коихъ одинъ можно назвать нижнимъ или внутреннимъ, а другой верхнимъ или наружнимъ. Внутри стелется полоса вѣры, а снаружи бьетъ жизнь во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ. Гдѣ бы старообряды ни поселились, всюду прежняя безжизненность смѣняется кипучею дѣятельностью.

Старообрядцы расчищали сѣверныя тундры, осушали здѣсь болота и сѣяли хлѣбъ тамъ, гдѣ объ этомъ и помину не было. Смѣло плавали они по Бѣлому морю и Ледовитому океану, доходили до Шпицбергена и до Карскаго моря. По всѣмъ русскимъ рѣкамъ, озерамъ и морямъ въ рыбныхъ промыслахъ старообрядцы идутъ впереди православныхъ. Въ горной промышленности старообрядчество имѣетъ весьма большое представительство въ качествѣ рабочихъ, служебнаго персонала, техниковъ и высшихъ администраторовъ. Въ земледѣльческихъ областяхъ старообрядцы работаютъ значительно интенсивнѣе православныхъ. Весьма обычно явленіе, что рядомъ съ неурожайными полосами православныхъ цвѣтутъ полосы старообрядческія. О внутренней торговлѣ говорить нечего. У всѣхъ на виду, что она находится въ рукахъ старообрядцевъ. Можно сказать, что три четверти торговыхъ оборотовъ Москвы приходится на долю старообрядцевъ. Фабрично-заводская промышленность центральныхъ губерній создана старообрядцами, и они здѣсь до сихъ поръ господствуютъ.

Старообрядческія села и слободы уже наружнымъ видомъ отличаются отъ сосѣднихъ православныхъ. Православныя сплошь и рядомъ поражаютъ своею безжизненностью и бездѣятельностью. Плохія избы, скуд-

ное домашнее имущество, отсутствіе труда, промысловъ, торговли, крайняя неряшливость. Иное въ старообрядческихъ, тутъ же рядомъ. Здѣсь прочныя хозяйственныя постройки. Не только чистыя и просторныя помѣщенія, но нерѣдко архитектурныя. Люди скотами и по-скотски не живутъ, а имѣютъ отдѣльныя комнаты, гдѣ Богу помолиться и гдѣ гостя принять.

Было бы большою наивностью думать, что въ старообрядческихъ селахъ можно услыхать только сугубое аллилуія и увидать только двоеперстіе. Нѣтъ, здѣсь можно услыхать свистокъ паровой машины, принадлежащей старообрядцу и въ старообрядческомъ домѣ увидать электрическій фонарь, дорогую картину, библіотеку не однихъ старопечатныхъ книгъ, но и современной изящной литературы, встрѣтятся и спеціальныя научныя изслѣдованія.

Въ 1902 г. нѣкоторые уѣзды Воронежской губ. были поражены неурожаемъ и эпидеміями тифа, оспы и цынги. Врачи должны были наблюдать замѣчательное явленіе. Всѣ эти несчастія обрушились преимущественно на православныхъ. Старообрядцы же и сектанты были пощажены. Недородъ былъ и здѣсь, но не въ такой рѣзкой формѣ, какъ у православныхъ. Благодаря развитой общественности и личной предпріимчивости, старообрядцы вышли изъ затрудненій, устранили во-время голодовку и предохранили себя отъ повальныхъ заболѣваній. Въ старообрядческихъ селахъ врачи отдыхали. Вотъ личный разсказъ одного изъ нихъ, г. Д. Дороѳеева.

— Пріѣзжаю въ православное село. Всюду грязь, больные, голодные. Здоровые ребятишки валяются вмѣстѣ съ пораженными оспой. Крестьяне требуютъ хлѣба и весьма косо поглядываютъ на прививки и другія дѣйствія врача. Никакихъ санитарныхъ совѣтовъ не принимаютъ. Во многихъ избахъ нельзя было достать чистой воды, чтобы умыться. Крестьяне шлялись, валялись, какъ скоты, ничего не дѣлали. Ни у кого не было настолько предпріимчивости, чтобы сходить за полверсты на рѣку за чистой водой, а пользовались загрязненнымъ, процвѣтшимъ и наполненнымъ разными микробами прудомъ. За три, за четыре версты можно наловить рыбы. Нѣтъ, и на это не хватало силъ и умѣнья. Въ одномъ селѣ положеніе было особенно тяжелымъ. Пищи никакой. Еле добился, чтобы съѣздили за водой для дезинфекціи инструментовъ.

Отъѣхалъ всего двѣ-три версты. Другое село, старообрядческое. Здѣсь нашлось все. Накормили свѣжей рыбой. Среда была. На другой день предложили курицу. Прививка оспы прошла въ полномъ порядкѣ. Всякія санитарныя указанія крестьяне выслушивали съ какою-то жадностью и тотчасъ же дружно принимались за ихъ выполненіе. Три двора нужно было очистить: были случаи заносной цынги. Всю работу выполнили міромъ.

— Хлѣбъ у васъ есть?—спрашиваю.

— Недостатокъ будетъ,—отвѣчаютъ.—Но бережемся. Полевыхъ работъ мало. Ребята цѣлыми партіями, верстъ за 10—15, ходятъ на рыбную ловлю. Нѣкоторые помѣщики разрѣшили пользоваться рѣчками. Хоть и мелкая рыбешка, а все же большое подспорье. Самую мелкую сушимъ и толчемъ. Пополамъ съ мукой,—вотъ и хлѣбъ. Да и ртовъ-то поубавили. Здѣсь болтаться около пропавшихъ полей нечего, такъ многіе ушли далеко, по крайней мѣрѣ, хоть здѣсь хлѣбъ не ѣдятъ.

Во всей своей исторіи старообрядчество развивается не только какъ вѣрованіе, но и какъ требованіе чистоты, порядка, домовитости, хозяйственности, труда и общинности. Крестьянинъ, переходя въ старообрядчество, начинаетъ не только молиться по-другому, но по-другому жить. Не будетъ онъ больше валяться на грязномъ полу, не будетъ пить изъ того ведра, изъ котораго поитъ лошадь, не станетъ ѣсть изъ немытой посуды, не сядетъ за столъ безъ салфетки, не примется утромъ за работу неумытымъ и лохматымъ.

Мелкіе, дробные факты. Но они ярки, особенно въ жизни крестьянина. Они—признаки культурности, той культурности, съ которой начинается прочное и устойчивое народное развитіе.

Умѣстно ли при такихъ условіяхъ разсуждать о несовмѣстимости старообрядчества съ наукой? Нѣтъ, тутъ во всемъ неоспоримыя свидѣтельства объ истинномъ развитіи, улучшающемъ жизнь, облагораживающимъ ее, усложняющимъ и двигающимъ впередъ.

Положимъ, старообрядчество не создало собственной изящной литературы. Но не нужно забывать, что эта литература создалась не на крестьянскихъ задворкахъ и даже не въ купеческихъ домахъ, а въ барскихъ хоромахъ. Кромѣ того, старообрядчество пользуется этою литературой наравнѣ со всѣми остальными и во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ остальное крестьянство.

Относительно простой грамотности старообрядчество искони стояло выше православнаго населенія. Коренныя старообрядческія мѣстности отличаются почти поголовною грамотностью обоихъ половъ, мужского и женскаго. Это свидѣтельствуется земскою статистикой. Напримѣръ, въ Нижегородской губерніи многочисленныя села съ сплошнымъ старообрядческимъ населеніемъ почти не имѣютъ неграмотныхъ.

Иногда указываютъ, что знаніе объ электрической искрѣ не вяжется съ старообрядчествомъ, потому что оно расходится съ представленіемъ о колесницѣ пророка Иліи. Но развѣ старообрядцы имѣютъ безусловную обязанность вѣрить въ пророка, разъѣзжающаго на огненной колесницѣ и посылающаго на землю громъ и молнію? Пусть этотъ предразсудокъ пока существуетъ и въ старообрядческой средѣ, но развѣ его нѣтъ

среди православныхъ? Это общее тысячелѣтнее представленіе, и еще вопросъ, кто отъ него раньше освободится—православіе или старообрядчество.

Взглядъ на старообрядчество, какъ на невѣжество, какъ на историческое противленіе наукѣ и просвѣщенію, обусловливается совершенно неправильнымъ пониманіемъ о первомъ моментѣ русскаго церковнаго раздѣленія и еще большимъ непониманіемъ самой сущности старообрядчества.

Едва ли у кого-либо есть вполнѣ ясное представленіе о смыслѣ, о духовномъ содержаніи старообрядчества, какъ вѣроисповѣднаго историческаго явленія и какъ явленія бытового, жизненно-практическаго.

„Ни администрація, ни общество обстоятельно не знаютъ,—заявляетъ П. И. Мельниковъ, — что такое расколъ". „Это незнаніе раскола,—поясняетъ г. Юзовъ,—происходитъ не отъ малаго количества фактовъ, собранныхъ изслѣдователями его, а отъ односторонности этихъ фактовъ. По преимуществу обращали вниманіе на обрядовую разницу раскола отъ православія и не замѣчали или, скорѣе, не хотѣли замѣчать, что раскольническое міросозерцаніе построено на совершенно иныхъ началахъ, нежели то, которое положено въ основаніе нынѣшняго общественнаго строя" („Старовѣры и духовные христіане", I. Юзовъ, стр. 5).

Теперь многіе убѣждены, что въ старообрядчествѣ имѣется и дѣйствуетъ особое начало вѣроисповѣдное и общественное. Но въ чемъ именно это начало заключается, какова его внутренняя природа,—объ этомъ въ ходу только лишь неясныя и смутныя представленія.

Старообрядцы возмутились не только противъ книжнаго исправленія, но и въ особенности противъ иноземныхъ справщиковъ, призванныхъ Никономъ. Этотъ мотивъ простъ и ясенъ.

„Странно было бы не то,—говоритъ проф. Каптеревъ,—что русскій стойко сталъ за свое перстосложеніе, а то, если бы онъ, несмотря на опредѣленный и ясный соборный голосъ своей церкви, несмотря на свою вѣковую святую старину, вдругъ бы безъ всякаго колебанія бросилъ свое родное и принялъ чужеземное только потому, что какіе-то пришлецы приказываютъ ему это. Только одного не могъ взять въ толкъ русскій человѣкъ: что же это значитъ, что патріархъ даетъ волю какимъ-то пришлецамъ въ самомъ чтимомъ московскомъ храмѣ произносить всенародно хулы на русское благочестіе, на самихъ русскихъ чудотворцевъ, нетлѣнно почивающихъ въ этомъ самомъ храмѣ? Очевидно, правду говорятъ про патріарха, что онъ дѣйствительно отступникъ отъ православія, раззоритель истиннаго русскаго благочестія, что онъ, сговорившись съ отступниками греками, хочетъ и на Руси искоренить правую вѣру,—иначе нельзя и объяснить происходящее теперь на Москвѣ" („Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ", т. I, стр. 181—182).

Дальнѣйшее разумѣніе о первомъ моментѣ старообрядчества застываетъ на мертвой точкѣ. Въ жизни старообрядчества открываются какъ будто бы непримиримости или просто несуразности. Старообрядецъ стоитъ всею жизнью за двоеперстіе и сравнительно легко примирился съ фактомъ утраты церковной іерархіи.

„Расколъ произошелъ отъ невѣжества раскольниковъ, отъ узкаго пониманія ими христіанской религіи, отъ того, что они не умѣли отличить въ ней существенное отъ внѣшняго, содержаніе отъ обряда". „Но этотъ отвѣтъ,—заявляетъ Ключевскій,—не разрѣшаетъ всего вопроса. Положимъ, извѣстные обряды, освѣщенные преданіемъ, мѣстной стариной, могли получить неподобающее имъ значеніе догматовъ; но вѣдь и авторитетъ церковной іерархіи освященъ стариной и притомъ не мѣстной, а вселенской, и его признаніе необходимо для спасенія: свв. отцы не спасались и безъ него, какъ безъ двуперстія. Какимъ же образомъ старообрядцы рѣшились пожертвовать однимъ церковнымъ установленіемъ для другого, отважились спасаться безъ руководства законной іерархіи, ими отвергнутой" („Курсъ русской исторіи", часть III, стр. 369—370).

Здѣсь тупикъ, изъ котораго историкъ, чуткій художникъ не могъ выбраться. Подмѣченъ голый разительный фактъ, но объясненіе его отложено въ дальній ящикъ. Дѣйствительно, на первый взглядъ не объяснимо,—человѣкъ лишается всего: іерархіи, таинствъ, и удерживаетъ двоеперстіе и сугубую аллилуію и вдобавокъ страдаетъ, кровь проливаетъ, бросаетъ семью и бѣжитъ на чужбину. Всѣ эти необъяснимости и непримиримости есть плодъ ошибочнаго представленія о первичномъ или изначальномъ моментѣ старообрядчества.

Были ли первые старообрядцы только невѣжественными обрядовѣрами, не различающими сущность отъ внѣшности, внутреннее содержаніе отъ формы?

Нѣтъ.

Прежде всего необходимо имѣть въ виду тотъ фактъ, что книжное исправленіе коснулось не однихъ обрядовъ, но и болѣе глубокихъ сторонъ вѣры, непреложныхъ догматовъ.

Не будемъ говорить о восьмомъ членѣ символа вѣры, скажемъ кратко о третьемъ и седьмомъ.

Старообрядецъ читаетъ: „воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы вочеловѣчшася". Въ новомъ текстѣ нѣсколько иначе: „воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы *и* вочеловѣчшася". Вставлено одно *И*, но основной догматическій смыслъ измѣнился. По старому тексту мысль такая: Христосъ принялъ плоть, зачался по изволенію или наитію Духа Святаго, а человѣческое лицо, человѣческую индивидуаль-

ность принялъ отъ Дѣвы Маріи. Въ самый моментъ зачатія Богоматерь была только пассивною, страдательною силой. Какъ не участвовала она въ Предвѣчномъ совѣтѣ о воплощеніи Сына Божія, такъ равно и въ моментъ ангельскаго благовѣстія была только страдающею, но никакъ не самодѣятельною особью. Иное во время плодоношенія. Тутъ дѣйствовали ея собственныя индивидуальныя силы, какъ и въ каждой матери. Новый текстъ смѣшалъ оба момента—и зачатіе и развитіе плода въ лицо человѣческое, и получилась мысль, что Богоматерь какъ будто бы реально дѣятельно участвовала въ самомъ зачатіи. Догматически неправильная мысль.

Въ старомъ символѣ читается: *„нѣсть конца“*, въ новомъ *„не будетъ“*. *Нѣсть* утверждаетъ, что Христову царствію нѣтъ ни начала, ни конца, что оно безконечно теперь, въ данный моментъ. *Не будетъ* же безконечность царствія Христова относитъ только къ будущему времени. Какъ будто бы только въ будущемъ Христосъ получитъ право на безконечное царствованіе. Какая-то шероховатость въ важномъ догматическомъ ученіи.

Примѣровъ догматическихъ погрѣшностей въ новопечатныхъ книгахъ не мало. Найдутся даже посущественнѣе указанныхъ. Но не дѣло распространяться о нихъ на страницахъ свѣтскаго журнала.

Утверждаютъ, что старообрядчество—обрядовѣріе. Это не совсѣмъ точно и, пожалуй, даже вовсе фальшиво.

Прежде всего упреки за обрядовѣріе съ одинаковою силой могутъ быть направлены какъ на старообрядчество, такъ и на православіе, въ равной степени и на католичество, и на протестантство, на баптизмъ и на всякую другую религію.

Религія вообще, несмотря ни на какое догматическое содержаніе, не можетъ обойтись безъ обрядности. Точно такъ же и религіозность каждаго отдѣльнаго человѣка можетъ быть выражена только въ обрядности. Различіе только въ томъ, что у одного одна обрядность, у другого иная. Старообрядецъ-безпоповецъ поетъ въ униссонъ, православный задаетъ концерты итальянскаго пѣнія, баптистъ утѣшается гитарой. Одинъ ставитъ восковую свѣчу, другой зажигаетъ электрическую лампочку. Одинъ кланяется иконѣ, другой умиляется, вглядываясь въ раскрашенный текстъ священнаго писанія. Одинъ кладетъ поясные и земные поклоны, другой стоитъ столбомъ и жестикулируетъ руками, какъ бы усматривая невидимаго Бога здѣсь гдѣ-то, на потолкѣ.

„Помощью обрядовъ, текстовъ и правилъ религіозная мысль,—говоритъ Ключевскій,—углубляется въ тайны вѣроученія, постепенно уясняя ихъ себѣ и направляя религіозную жизнь. Эти обряды, тексты и правила, повторю, не составляютъ сущности вѣроученія; но по свойству

религіознаго пониманія и воспитанія они въ каждомъ церковномъ обществѣ тѣсно срастаются съ вѣроученіемъ, становятся для каждаго общества формами религіознаго міросозерцанія и настроенія, трудно отдѣляемыми отъ содержанія" („Курсъ русской исторіи", III, стр. 379—380).

Знаменитый богословъ А. С. Хомяковъ говоритъ объ обрядахъ: „Видимое есть всегда только оболочка внутренней мысли. Обрядъ дѣло великое: это художественный символъ внутренняго единства" (сочиненія его, томъ I, стр. 28). „Единствомъ обрядовъ церковныхъ долженъ дорожить всякій христіанинъ; ибо въ немъ видимо проявляется даже для непросвѣщеннаго единство духа и ученія; для просвѣщеннаго же находится источникъ радости живой и христіанской" (томъ II, стр. 6).

Хомяковъ утверждалъ, что обрядами управляетъ Самъ Духъ Святой. „Святая Церковь,—писалъ онъ,—исповѣдуетъ вѣру свою всею жизнью своею: ученіемъ, которое внушается Духомъ Святымъ, таинствами, въ которыхъ дѣйствуетъ Духъ Святой, и обрядами, которыми Онъ же управляетъ" (т. II, стр. 9).

Хомяковъ выполнялъ всѣ обряды церковные, ходилъ за службу, соблюдалъ посты. „Но онъ серьезно досадовалъ,—разсказываетъ о немъ Ю. Ѳ. Самаринъ,—когда люди благонамѣренные и непостящіеся благосклонно заявляли ему, что имъ пріятно видѣть такую привязанность къ добрымъ преданіямъ, которыми хоть отчасти поддерживается общественное благоустройство; досадовалъ онъ потому, что, дѣйствительно, съ его стороны не было въ этомъ никакого подвига, ни заслуги: онъ поступалъ такъ, потому что не могъ поступать иначе, а не могъ опять-таки потому, что онъ не относился къ Церкви, а просто въ ней жилъ" (т. II, стр. 12—13, въ предисловіи).

При указанномъ всеобщемъ и неизбѣжномъ бытіи обрядности нѣтъ ничего удивительнаго, что и старообрядецъ въ данномъ отношеніи не отсталъ отъ другихъ. Нельзя же потребовать отъ него, чтобы онъ бросилъ обрядность и сдѣлался внутреннимъ содержаніемъ безъ внѣшней формы, мыслью безъ облика, безъ слововыраженія?

Но заглянемъ и нѣсколько глубже.

Вотъ молится православный, самый обыкновенный. Рука его движется съ быстротою кинематографической ленты.

Вотъ молится старообрядецъ. Онъ крестится неспѣша, съ изумительною отчетливостью.

Какое чисто психологическое различіе въ этихъ явленіяхъ или дѣйствіяхъ?

Для православнаго нуженъ только крестъ, маленькій крестикъ, какой ни на есть. По его мысли никакого личнаго участія въ совершеніи этого креста отъ него не требуется. Онъ что-то дѣлаетъ, повидимому крестится, но не перегораетъ въ своей душѣ при этихъ дѣйствіяхъ.

Старообрядцу нужна безусловная истовость. Онъ не наружно только дѣлаетъ знакъ креста, но живетъ, всею душой участвуетъ въ этомъ дѣйствіи. Онъ знаетъ, что нуженъ не только какой-нибудь крестъ, все равно, большой или маленькій, но что нуженъ крестъ истовый, безъ всякихъ изъяминъ, что въ совершеніи этого креста онъ обязанъ участвовать всѣмъ своимъ существомъ. Онъ вѣритъ, что иначе креста не будетъ, будетъ только маханіе, которому бѣсы радуются.

Для старообрядца крестъ есть внутреннее напряженіе, вылившееся въ узаконенную и ненарушимую форму.

Для поясненія припомнимъ латинское ученіе opus operatum. По этому ученію таинство дѣйствуетъ самостоятельно, независимо отъ воли и расположенія какъ совершающаго таинство, такъ и воспринимающаго его. Напримѣръ, если капля крестильной воды попадетъ на спящаго язычника, то послѣдній будетъ крещенъ, хотя бы и не зналъ объ этомъ, хотя бы не имѣлъ никакого желанія креститься.

Вотъ ясно, выпукло выраженный магизмъ, колдовской кругъ, изъ котораго ни при какихъ усиліяхъ нельзя выпутаться.

Старообрядцу же дорога внутренняя сила, его личное усиліе и расположеніе, съ которыми онъ совершаетъ внѣшнее дѣйствіе. Только при этихъ условіяхъ крестъ будетъ истиннымъ крестомъ, иначе получится пустое мѣсто, даже хуже—гибельное маханіе.

Это воззрѣніе старообрядецъ распространяетъ на все, на таинства, на богослужебныя дѣйствія, на іерархію.

Не обрядовѣріе выступаетъ у старообрядца на первое и главнѣйшее мѣсто, а внутренняя сущность внѣшняго дѣйствія. Тутъ обрядность не снаружи, а внутри. Тутъ господствуетъ не внѣшняя форма, а внутреннія психическія силы и настроенія. Нѣтъ этихъ силъ—и внѣшняя форма теряетъ свое значеніе, превращается въ зловредное, погибельное дѣйствіе.

Говорятъ, старообрядецъ отказался отъ церкви, таинствъ, іерархіи, лишь бы сохранить свои любимые обряды. Мнѣніе ошибочное. Дѣло заключалось въ совершенно другомъ. Старообрядецъ почувствовалъ и понялъ, что вмѣстѣ съ никоновскими реформами на церковную жизнь надвигается чувственное обрядовѣріе, что внутреннее содержаніе обрядовъ, догматическое и психическое, отбрасывается въ сторону, и на первый планъ выступаютъ чисто внѣшнія магическія дѣйствія. Дѣло касалось не однихъ обрядовъ, не однѣхъ буквъ, а внутренняго содержанія самой церковности, затрогивалось основное міровоззрѣніе, повреждался центръ религіознаго пониманія.

Въ католичествѣ и отчасти въ восточной церкви таинства зиждутся на ученіи opus operatum. Они—таинства независимо отъ совершителя и воспринимателя, независимо отъ полнаго или неполнаго, искаженнаго совершенія. Какъ бы ни было совершено — все таинство. Іерархія

тутъ основывается, главнымъ образомъ, на простомъ историческомъ преемствѣ, засвидѣтельствованномъ архивными документами. Достойно или недостойно, правильно или неправильно рукоположенъ епископъ,—это не особенно важно, было бы лишь наружное обличіе. Каковъ бы ни былъ человѣкъ,—все папа, разъ возведенъ на папскій престолъ.

Вездѣ и во всемъ внѣшность, простая формальность. Всюду проглядываетъ грубый магизмъ.

Вотъ этого-то свойства и нѣтъ въ старообрядчествѣ. Оно живетъ на внутреннихъ требованіяхъ.

— Ты совершаешь таинство,—говоритъ старообрядецъ священнику.— Потрудись доказать, что ты имѣешь на это полное право и что ты на это внутренно способенъ. Иначе ты не таинство совершаешь, а только кощунствуешь.

— Ты называешься епископомъ. Раскрой свое внутреннее и засвидѣтельствуй, что ты дѣйствительно преемникъ апостоловъ, не на словахъ, а на дѣлѣ, не снаружи только, но и внутри себя. Безъ этого свидѣтельства ты самозванецъ, а не епископъ.

Дѣло не въ однѣхъ внѣшнихъ формахъ, а въ пониманіи самой сущности церковности, христіанства, въ пониманіи, скажемъ такъ, оригинальномъ, міру пока невѣдомомъ, но болѣе глубокомъ и жизненномъ, чѣмъ въ православіи и католичествѣ.

Великіе историческіе факторы не возникаютъ разомъ или мгновенно. При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ католичеству потребовались столѣтія, чтобы обособиться отъ восточной церкви. Столѣтіями подготовлялась реформація.

Старообрядчество съ самаго перваго момента оказалось въ самыхъ печальныхъ условіяхъ, въ болѣе тяжкихъ, чѣмъ первое христіанство. О міровой дѣятельности и мечтать не приходилось. Но старообрядчество имѣетъ уже свое слово для всего міра. Оно несетъ особенное, только ему свойственное пониманіе религіозности и христіанства. Оно устраивается не на внѣшней іерархіи, не на подчиненіи какимъ-либо епископскимъ престоламъ, а на внутренней самодѣятельности каждаго въ церковной жизни, на пониманіи, что церковь есть народъ, что она не формальное только учрежденіе, а жизнь народная.

Старообрядчество не только совмѣстимо съ наукой и просвѣщеніемъ,— оно самостоятельное просвѣщеніе, самобытная культура, пусть пока неразвившаяся, а находящаяся въ періодѣ созидательнаго броженія.

Старообрядчество не отпрыскъ господствующей церкви, а самостоятельная и глубоко самобытная церковь, имѣющая всѣ данныя къ дальнѣйшему, и внутреннему и внѣшнему, развитію.

А. Мельниковъ.

Законодательство о жительствѣ евреевъ въ Россіи.

I.

Законы, ограничивающіе евреевъ въ Россіи въ правѣ передвиженія, не были выдуманы въ своей первоначальной формѣ спеціально для нихъ; законодательство, направленное къ стѣсненію гражданъ въ свободѣ передвиженія,—это наслѣдіе прошлаго, въ свое время пережитое въ той или иной степени и русскимъ народомъ. Принципъ, лежащій въ основѣ современнаго законодательства о жительствѣ евреевъ, былъ нѣкогда внѣдренъ въ русскомъ общественно-государственномъ строѣ. Когда же съ теченіемъ времени, подъ давленіемъ культурныхъ и экономическихъ требованій, русская жизнь была обновлена, гражданскій бытъ евреевъ былъ оставленъ при устарѣвшихъ условіяхъ.

Присоединивъ къ себѣ, по первому раздѣлу Польши, территорію бѣлорусскихъ губерній (1772), Россія впервые приняла евреевъ въ свое подданство. Издавна осѣвшее въ Польшѣ многочисленное еврейское населеніе составляло здѣсь особую автономную группу, совершенно отчужденную отъ государственной жизни окружающаго общества. Русская власть кореннымъ образомъ измѣнила положеніе евреевъ; сохранивъ за ними въ извѣстныхъ границахъ самоуправленіе, она ввела ихъ въ составъ русскаго торгово-промышленнаго класса, предоставивъ имъ соотвѣтствующія права. Эта реформа была вообще благодѣтельна для евреевъ. Однако, поголовно ставъ мѣщанами или купцами, они, въ силу этого званія, подверглись стѣсненіямъ въ жительствѣ.

Хотя Екатерина II въ стремленіи развить торговлю предоставила русскимъ купцамъ свободу передвиженія, все же продолжалъ держаться старый порядокъ, благодаря которому, съ одной стороны, правительство, въ казенныхъ интересахъ, примѣняло къ нимъ въ отношеніи жительства принудительныя мѣры, а съ другой—въ фискальныхъ же интересахъ обыватели прикрѣплялись обществомъ къ данному мѣсту. Еще памятны были насильственныя переселенія купеческихъ семействъ въ отда-

ленные края «для заведенія купечества на новыхъ мѣстахъ». Да и сама Екатерина II только въ видѣ исключенія разрѣшила въ 1782 г. бѣлорусскимъ купцамъ переходить изъ одного города въ другой; а наряду съ этимъ она въ томъ же году повелѣла переселить по всей Россіи въ города купцовъ и мѣщанъ, проживавшихъ въ уѣздахъ. Вообще же мѣщане не имѣли права переходить изъ одной губерніи въ другую.

Между тѣмъ, вступивъ въ русское подданство, бѣлорусскіе евреи уже вскорѣ появились во внутренней Россіи, и, между прочимъ, въ Москвѣ, гдѣ одни занялись мелкой торговлей, а другіе, записавшись въ здѣшнее купечество, завели крупныя дѣла. Конкуренція евреевъ, понизившихъ цѣны на товары и къ тому же разносившихъ ихъ по домамъ, вызвала протестъ со стороны московскихъ купцовъ, заявившихъ, что ихъ жалоба подсказана исключительно торговымъ интересомъ, а отнюдь не религіозными соображеніями. «Совѣтъ государыни» нашелъ, что евреи не имѣютъ права записываться въ купечество россійскихъ городовъ, что отъ допущенія ихъ туда не предвидится пользы и что имъ предоставлено право гражданства только въ Бѣлоруссіи. Это мнѣніе было утверждено Екатериною II, и, такимъ образомъ, соотвѣтствующій именной указъ 23 декабря 1791 г. явился первымъ законодательнымъ актомъ, ограничившимъ евреевъ въ правѣ осѣдлости за предѣлами извѣстной территоріи и послужившимъ зародышемъ, изъ котораго впослѣдствіи развилось законодательство о «чертѣ постоянной еврейской осѣдлости». Однако ни «Совѣтъ государыни», ни императрица не имѣли въ виду придать новому закону то значеніе, которое онъ позже получилъ. Въ условіяхъ тогдашняго общественно-государственнаго строя законъ не ставилъ евреевъ въ исключительное положеніе отверженныхъ; онъ не создавалъ «черты»,—самый терминъ появился гораздо позже. Екатерина II менѣе всего помышляла о томъ, чтобы отгородить евреевъ отъ христіанъ, не дать евреямъ свободы въ ихъ торговой дѣятельности. Уступивъ желанію московскаго купечества, она издала законъ 1791 г., но тогда же она открыла передъ евреями обширную область Новороссіи (Екатеринославское намѣстничество и Таврическую область), куда еврейское населеніе, въ своей значительнѣйшей части принадлежавшее къ мѣщанству, не могло бы безъ особаго разрѣшенія перейти. Еще до того, что Бѣлоруссія дала Россіи первыхъ евреевъ-подданныхъ, Екатерина II приняла конспиративныя мѣры къ тому, чтобы привлечь иностранныхъ евреевъ въ Новороссію. И весьма возможно, что именно желая направить дѣятельность евреевъ въ тотъ край, который особенно нуждался въ торговомъ элементѣ, Екатерина II не разрѣшила евреямъ записываться въ купечество внутреннихъ торговыхъ городовъ. Нѣсколько позже, когда въ предѣлы «черты» были

включены вновь присоединенныя польскія области, территорія, открытая для евреевъ, была кромѣ того расширена Кіевской и другими губерніями.

Въ сущности вопросъ шелъ не о евреяхъ, какъ о людяхъ, принадлежащихъ къ извѣстной религіи, а о многочисленной торгово-промышленной группѣ. Все сводилось къ соображенію о пользѣ; торговая дѣятельность евреевъ не сулитъ пользы во внутреннихъ городахъ—ихъ лишаютъ права записываться въ тамошнія купечества; появленіе евреевъ въ новомъ краѣ обѣщаетъ выгоды—общее стѣсненіе въ правѣ передвиженія для нихъ отмѣняется. Тѣмъ не менѣе, именно законъ 1791 г. послужилъ основой для установившагося правила, что евреи пользуются осѣдлостью лишь въ опредѣленныхъ губерніяхъ [1]).

Одновременно съ установленіемъ черты осѣдлости на евреевъ обрушилось и другое стѣсненіе въ жительствѣ, явившееся прямымъ послѣдствіемъ того, что они вошли въ составъ русскаго торгово-промышленнаго класса. Въ Бѣлоруссіи, а также и въ губерніяхъ, позже присоединенныхъ отъ Польши, евреи густо заселяли не только города, но и деревни. Принявъ же званіе купцовъ и мѣщанъ, они должны были утратить право проживанія въ селеніяхъ, такъ какъ русскіе купцы и мѣщане вообще могли находиться только въ городахъ. Упомянутое выше повелѣніе Екатерины II о выселеніи купцовъ и мѣщанъ изъ селъ, вызванное «непорядками» въ Олонецкой губерніи, гдѣ не проживало ни одного еврея, было объяснено тѣмъ, что купцы и мѣщане, вмѣсто того, чтобы поселиться на земляхъ, отведенныхъ имъ въ городахъ, остались «въ селеніяхъ крестьянскихъ, пользуясь прибытками сихъ послѣднихъ съ крайнимъ ихъ утѣсненіемъ»; но если эти строки не вполнѣ уясняютъ цѣль распоряженія, то изъ другихъ источниковъ видно, что, помимо охраны крестьянъ отъ эксплоатаціи со стороны купцовъ и мѣщанъ, Екатерина II имѣла въ виду развить этимъ путемъ торговые города. При такихъ условіяхъ особенно важнымъ могло казаться распространеніе этой мѣры, среди прочихъ, и на евреевъ, въ значительномъ числѣ жившихъ среди бѣдствовавшаго (въ силу мѣстныхъ соціальныхъ условій) крестьянства. Но это оказалось неосуществимымъ, потому что проживаніе евреевъ по селеніямъ, гдѣ они занимались мелкой торговлей, ремеслами, а также арендою различныхъ отраслей помѣщичьяго хозяйства, въ частности—винныхъ промысловъ, являлось одной изъ основъ вѣками установившагося здѣсь хозяйственнаго быта; правительство поняло всю трудность выселенія многотысячной массы бѣд-

[1]) „Черту“ составляютъ слѣдующія 15 губерній: Бессарабская, Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Екатеринославская, Кіевская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Херсонская и Черниговская, а также 10 губерній Царства Польскаго.

няковъ въ города, гдѣ не было ни мѣста, ни заработка для изгнанниковъ—оно стало дѣлать отсрочки, а затѣмъ пріостановило осуществленіе этого мѣропріятія.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить то характерное явленіе, что мѣра, въ одинаковой степени направленная на русское и еврейское торгово-промышленныя сословія, пріобрѣтала въ отношеніи евреевъ исключительное значеніе. Законъ, касавшійся русскаго торгово-промышленнаго класса, говорилъ объ извѣстной *части* русскаго населенія; въ примѣненіи же къ евреямъ онъ охватывалъ *все* еврейское населеніе, сплошь состоявшее изъ мѣщанъ или купцовъ, и потому онъ получалъ характеръ закона о евреяхъ вообще. Законъ о выселеніи купцовъ и мѣщанъ изъ уѣздовъ, имѣя силу лишь для части христіанскаго населенія, долженъ былъ поразить все еврейское населеніе. Это обстоятельство не было лишено извѣстнаго психологическаго значенія,—создавалось представленіе, что правительственныя распоряженія, связанныя съ вопросомъ о жительствѣ, говорили о евреяхъ не какъ о части торгово-промышленнаго класса, а какъ о вѣроисповѣдной группѣ.

Въ затронутый нами періодъ евреи чуть было не подверглись еще одному роду стѣсненій—нѣкоторыя городскія общества, ссылаясь на старинныя польскія привилегіи, стали хлопотать объ удаленіи изъ нихъ евреевъ, но правительство (Павелъ I) отвергло эти домогательства.

II.

Запрещеніе евреямъ записываться въ купечество внутреннихъ городовъ и неудавшаяся попытка выселить еврейское населеніе изъ деревень—эти два памятника Екатерининской эпохи послужили, вопреки волѣ ихъ творца, ложными путеводителями для позднѣйшаго законодателя.

Если бы даже удалось доказать, что упомянутыя стѣснительныя мѣры въ отношеніи евреевъ не находились въ столь тѣсной, непосредственной связи съ общимъ отношеніемъ правительства къ торгово-промышленному классу, какъ это отмѣчено выше, то все же надо признать, что, вводя эти мѣры, законодатель не впадалъ въ противорѣчіе съ тогдашними государственно-хозяйственными воззрѣніями, находя опору и оправданіе въ условіяхъ окружающей жизни.

Совершенно инымъ представляется дальнѣйшее законодательство о жительствѣ евреевъ, явившееся развитіемъ началъ, положенныхъ Екатериною II. Законодательный аппаратъ, единожды направленный въ сторону указанныхъ стѣснительныхъ мѣръ, продолжалъ работать и тогда, когда окружающія условія измѣнились. Естественно, что при новыхъ формахъ общественно-государственной жизни старая законодательная система должна была утратить свою прежнюю цѣлесообразность, а вмѣстѣ съ тѣмъ поставить себѣ новыя задачи.

Если законодательство временъ Екатерины II понятно въ своей исторической обстановкѣ, то позднѣйшее выливается въ какую-то безформенную массу стѣсненій, совершенно неизвѣстныхъ прочему населенію. Запрещеніе записываться въ купечество внутреннихъ городовъ, сопровождавшееся открытіемъ передъ евреями новой обширной территоріи, превратилось въ упорную борьбу съ евреями, въ которыхъ правительство видѣло какого-то фантастическаго завоевателя, способнаго поработить страну. Вмѣстѣ съ тѣмъ частная мѣра выселенія евреевъ изъ уѣздовъ, осторожно предпринятая и во-время пріостановленная при Екатеринѣ II, была перекована въ систему, ставшую въ предѣлахъ черты осѣдлости грознымъ орудіемъ для воздѣйствія на евреевъ съ самыми разнообразными цѣлями.

Цѣлью закона 1791 г., породившаго черту осѣдлости, было желаніе освободить россійскіе города отъ еврейскаго торговаго класса и направить его въ мало оживленныя мѣстности—такимъ образомъ, въ тотъ моментъ, когда жизнь заставила отказаться отъ принудительныхъ мѣръ въ экономической области и отъ монополизаціи торговой дѣятельности въ пользу опредѣленныхъ группъ населенія, соотвѣтствующій законъ долженъ былъ утратить свое значеніе. Случилось однако обратное. Цѣль закона была забыта, но его сила все крѣпла и развивалась. Именно торговые или фискальные интересы заставили правительство впослѣдствіи сперва съ особой осторожностью, а потомъ съ бо́льшей смѣлостью выпускать евреевъ изъ гетто, и въ этомъ отношеніи правительство порою дѣйствовало вопреки желанію русскаго купечества. А на-ряду съ этимъ ограничительное законодательство разросталось, устанавливая новыя предупредительныя мѣры противъ появленія евреевъ во внутренней Россіи.

Первый, систематически разработанный сводъ законовъ о евреяхъ (Положеніе 1804 г.) разрѣшилъ евреямъ—фабрикантамъ, ремесленникамъ и купцамъ—проживать за предѣлами черты, но только временно. Однако уже вскорѣ оказалось, что торговые интересы заставляли евреевъ, въ нарушеніе правилъ о срокахъ, водворяться на постоянное жительство въ запретныхъ мѣстахъ, и властямъ приходилось въ отдѣльныхъ случаяхъ мириться съ открытымъ нарушеніемъ закона. Вотъ почему при разработкѣ Положенія о евреяхъ 1835 г. возникъ вопросъ о предоставленіи купцамъ 1-ой гильдіи права постояннаго пребыванія внѣ черты. Бо́льшая часть членовъ Государственнаго Совѣта высказалась противъ этой льготы, приведя, между прочимъ, тотъ доводъ, что, «не имѣя нуждъ и потребностей, свойственныхъ классу образованнѣйшаго купечества, и довольствуясь вообще въ домашнемъ быту своемъ весьма малымъ, купцы сіи (т.-е. евреи) могутъ легче всякаго другого дѣлать подрывъ торговымъ предпріятіямъ прочихъ, одинаковаго съ ними

званія, людей». Такимъ образомъ, евреи были наказаны за скромность въ домашней жизни, т.-е. за то качество, которое обычно ставится людямъ въ заслугу. Былъ использованъ и другой мотивъ—водвореніе евреевъ во внутреннихъ губерніяхъ «произвело бы весьма непріятное впечатлѣніе въ нашемъ народѣ, который и по понятіямъ вѣры, и по общему мнѣнію о нравственныхъ свойствахъ евреевъ, вообще привыкъ чуждаться и презирать ихъ». Однако, въ громадномъ матеріалѣ, относящемся къ затронутому вопросу, нѣтъ слѣдовъ того, чтобы сколько-нибудь широкіе круги общества внѣ черты осѣдлости высказывали въ это время нежеланіе имѣть евреевъ въ сосѣдствѣ; а мѣстная администрація, напротивъ, неоднократно настаивала на предоставленіи евреямъ права водворяться внѣ черты на тѣхъ или другихъ условіяхъ. Если же нѣкоторыя группы христіанъ и выступали противъ евреевъ, то лишь руководясь своими групповыми интересами и мотивами. Вспомнимъ, что московскіе купцы, протестуя въ концѣ XVIII в. противъ еврейской конкуренціи, сочли нужнымъ подчеркнуть, что имъ чуждо религіозное предубѣжденіе. Нѣсколько позже (1800 г.) петербургскіе купцы выразили готовность предоставить евреямъ право на оптовую торговлю въ столицѣ, если послѣдніе согласятся вести ее «черезъ приказчиковъ или комиссіонеровъ изъ русскихъ купцовъ, дабы чрезъ то воспользовался жалованіемъ или нѣкоторой частью барыша *россіянинъ, а не еврей*». Любопытно отмѣтить, что когда 25 лѣтъ спустя Московская Торговая Палата возбудила ходатайство объ удаленіи евреевъ изъ города, такъ какъ они продаютъ въ Москвѣ иностранные товары и покупаютъ русскіе товары у иногородныхъ купцовъ и торгующихъ крестьянъ «безъ всякаго сношенія съ московскими купцами, къ явному ихъ подрыву и стѣсненію», за евреевъ заступились московскіе фабриканты, имѣвшіе сношенія съ ними [1]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ проявлялись только матеріальные интересы и мотивы.

Если кто вводилъ въ еврейскій вопросъ мотивъ религіозный, то это самъ имп. Николай I. И вотъ почему ссылка группы членовъ Государственнаго Совѣта на народныя чувства получила для него рѣшающее значеніе при разсмотрѣніи вопроса о предоставленіи евреямъ-купцамъ права водворяться внѣ черты осѣдлости, а доводы, приведенные остальными членами Государственнаго Совѣта въ пользу евреевъ, были оставлены безъ послѣдствій.

Неосвѣдомленность правительства въ вопросахъ, касавшихся евреевъ, не ограничивалась областью отвлеченныхъ разсужденій; правительству оставались неизвѣстными даже такіе факты, какъ, напр., что при

[1]) Результатомъ этого столкновенія явилось учрежденіе „Глѣбовскаго подворья“ въ которомъ должны были проживать всѣ евреи, прибывавшіе въ Москву. См. „Московское гетто“, въ сборникѣ „Пережитое“, т. I.

завоеваніи Кавказа въ русское подданство перешло издавна живущее здѣсь многотысячное еврейское населеніе, и когда въ тридцатыхъ годахъ послѣдовало распоряженіе о выселеніи всѣхъ евреевъ изъ Кавказской области (открытой для ихъ водворенія Положеніемъ 1804 г.), мѣстной администраціи пришлось объяснить правительству, что невозможно выселить тысячи людей, живущихъ аулами, занимающихся земледѣліемъ и въ нѣкоторой своей части находящихся даже въ крѣпостной зависимости (неосторожное распоряженіе было отмѣнено въ отношеніи аборигеновъ).

Къ какимъ трагически-несуразнымъ результатамъ приводило стремленіе удержать евреевъ въ предѣлахъ черты, можно видѣть изъ того, что въ Сибирь допускались только ссыльные евреи; неопороченные же судомъ не имѣли туда доступа; однажды была даже возвращена съ пути партія евреевъ, отправившихся въ Сибирь, съ согласія властей, чтобы посвятить себя земледѣльческому труду. Привычка устанавливать для еврейскаго населенія стѣсненія даже тогда, когда самимъ правительствомъ отъ таковыхъ не ожидалось никакой пользы, привела и къ тому, что было запрещено евреямъ изъ Россіи переходить въ Царство Польское, а мѣстнымъ евреямъ—въ черту осѣдлости (уже не говоря о внутреннихъ губерніяхъ); оба края имѣли густое еврейское населеніе, а потому идея объ охранѣ той или иной мѣстности отъ появленія евреевъ не могла здѣсь играть какой-либо роли. Евреямъ изъ черты было также недозволено поселяться въ Курляндіи, а кто изъ курляндскаго еврейства водворялся въ чертѣ осѣдлости, лишался права вернуться на родину.

Конечно, жизнь дѣлала свое; законы, противорѣчившіе требованіямъ дѣйствительности, открыто нарушались въ отдѣльныхъ случаяхъ евреями при содѣйствіи администраціи и заинтересованныхъ группъ мѣстнаго населенія. При этихъ условіяхъ кары, угрожавшія евреямъ, за нарушеніе закона, не достигали цѣли; недѣйствительными оказывались и такія мѣры, какъ, напр., наложеніе штрафовъ на помѣщиковъ, содержащихъ у себя евреевъ. Правительство понимало, что оно не можетъ выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы, но оно, повидимому, находило удовлетвореніе въ томъ, что по мѣрѣ возможности задерживало естественный ходъ жизни.

III.

Запертые въ гетто, евреи и здѣсь подвергались разнообразнымъ ограниченіямъ, при чемъ массовое выселеніе продолжало оставаться излюбленнымъ оружіемъ въ рукахъ правительства и тогда, когда оно отъ этой мѣры отказалось въ отношеніи прочаго населенія.

Если Екатерина II, удаляя евреевъ изъ уѣздовъ, преслѣдовала двоякую цѣль—развить торгово-промышленные города и оберечь крестьянъ отъ эксплоатаціи со стороны евреевъ, являвшихся въ качествѣ

шинкарей посредниками между крестьяниномъ и помѣщикомъ, которому одному принадлежало право курить вино (водку), то въ дальнѣйшемъ все вниманіе было сосредоточено только на спасеніи крестьянъ. Съ этой цѣлью (съ 1807 г.) путемъ суровыхъ мѣръ евреевъ стали побуждать къ поголовному исходу изъ уѣздовъ, несмотря на то, что это вызывало бѣдственныя послѣдствія не только для евреевъ, но и для прочаго населенія. Однако вскорѣ печальный опытъ, поглотившій много жертвъ, показалъ, что и энергія, и жестокость безсильны предъ вѣками установившимся хозяйственнымъ порядкомъ, требовавшимъ присутствія евреевъ въ деревняхъ. А затѣмъ и особый комитетъ, образованный для изученія этого сложнаго вопроса, всесторонне ознакомившись съ жизнью и ролью евреевъ по уѣздамъ, призналъ, что мѣра выселенія и безцѣльна, и неосуществима; что отнюдь не евреи являются виновниками бѣдственнаго положенія крестьянъ, что они не только не приносятъ вреда, но, напротивъ, представляютъ собою въ извѣстныхъ отношеніяхъ положительный элементъ; все зло заключалось въ томъ, что важнѣйшимъ источникомъ доходовъ помѣщика служило куреніе вина, потребителями котораго являлись его же крѣпостные крестьяне,—вотъ почему, пока помѣщики будутъ поощрять пьянство среди крестьянъ, «послѣдствія будутъ все тѣ же, кто бы ни былъ приставленъ къ продажѣ вина,—еврей или христіанинъ». Этотъ выводъ заставилъ правительство отказаться отъ мѣры выселенія. Но не надолго. Нѣсколько лѣтъ спустя, безъ пересмотра этого вопроса, государь (1823 г.) приказалъ удалить въ обѣихъ бѣлорусскихъ губерніяхъ въ теченіе короткаго времени всѣхъ евреевъ изъ уѣздовъ. Вслѣдъ затѣмъ былъ возбужденъ вопросъ о распространеніи этой мѣры и на другія губерніи. Но рядъ мѣстныхъ администраторовъ и представителей центральной власти высказались противъ этого, указывая, что виновниками бѣдственнаго состоянія крестьянъ являются помѣщики. Департаментъ Законовъ пришелъ къ этому же заключенію. Между прочимъ, отмѣтивъ, что прошло уже болѣе десяти лѣтъ, какъ было повелѣно выселить евреевъ по бѣлорусскимъ губерніямъ, онъ засвидѣтельствовалъ, что этотъ опытъ не оправдалъ ожиданій—евреевъ разорили, но не видно, чтобы съ удаленіемъ ихъ положеніе крестьянъ улучшилось. Государственный Совѣтъ также предложилъ отказаться отъ этой мѣры, но Николай I, желая сохранить престижъ власти, потребовалъ, чтобы тамъ, гдѣ выселеніе начато, оно не пріостанавливалось. А затѣмъ евреевъ стали подвергать массовому выселенію и въ другихъ мѣстахъ. Между прочимъ изъ военныхъ поселеній—здѣсь могли остаться лишь тѣ евреи, которые согласятся записать своихъ сыновей въ военные кантонисты. Позже, безъ долгихъ размышленій, евреевъ вновь стали удалять изъ уѣздовъ по всѣмъ губерніямъ.

Съ особенной энергіей эта мѣра осуществлялась въ 50-ти-верстной

пограничной полосѣ съ цѣлью пресѣчь среди евреевъ контрабандные промыслы. Любопытно отмѣтить, что когда въ 1803 г. сенатъ, запретивъ евреямъ торговать внѣ черты, привелъ въ числѣ доводовъ то, что они занимаются контрабандою, Совѣтъ заявилъ, что «частныя злоупотребленія не могутъ быть основаніемъ правилъ на цѣлое состояніе». Увы!—эта азбучная истина въ дальнѣйшемъ была забыта: чтобы покарать контрабандистовъ, было повелѣно выселить всѣхъ поголовно евреевъ и притомъ не только изъ деревень, но и изъ прочихъ поселеній, находящихся въ 50-ти-верстной полосѣ. Это повелѣніе было дано въ категорической формѣ «исполнить безъ всякихъ отговорокъ», но оно, а также и другія подобныя распоряженія, далеко не осуществлялись въ полной мѣрѣ; нѣкоторыя изъ нихъ открыто отсрочивались, другія безъ огласки пріостанавливались.

Всѣ эти административные опыты причиняли еврейскому населенію глубокія душевныя страданія и неисчислимые матеріальные убытки. Но хуже всего было то, что готовность высшей власти обрушивать на евреевъ удары создавала атмосферу, въ которой явно-эгоистическія домогательства отдѣльныхъ группъ окружающаго населенія легко находили свое удовлетвореніе. Если при Павлѣ I (и Александрѣ I) ходатайства нѣкоторыхъ городскихъ обществъ объ удаленіи евреевъ остались безуспѣшными, то теперь кіевское купечество добилось своей завѣтной цѣли—въ 1827 г. послѣдовалъ законъ о выселеніи евреевъ изъ Кіева. Правда, по настоянію мѣстныхъ властей осуществленіе пришлось нѣсколько разъ откладывать, но въ концѣ-концовъ не помогло даже заступничество генералъ-губернатора, указавшаго на то, что евреи при простотѣ въ личной жизни имѣютъ возможность продавать товары по болѣе дешевой цѣнѣ и что «нельзя не предпочесть пользы жителей личнымъ выгодамъ, ожидаемымъ христіанскимъ купечествомъ отъ удаленія евреевъ»; прошло, однако, десять лѣтъ, и кіевскія власти, убѣдившись, какъ вредно отразилось изгнаніе евреевъ на экономическомъ положеніи города, выхлопотали разрѣшеніе евреямъ торговать и проживать въ Кіевѣ, хотя бы на извѣстныхъ стѣснительныхъ условіяхъ [1]). Почти одновременно евреи были выселены изъ г. Трокъ—здѣсь противъ нихъ выступили караимы, сославшіеся на старинныя привилегіи, предоставлявшія караимамъ исключительное право на проживаніе въ городѣ—въ угоду 174 караимамъ были удалены 192 еврея.

Въ указанныхъ случаяхъ инціатива принадлежала группамъ городскихъ обществъ, но были три города—Николаевъ, Севастополь и Ялта—откуда евреи стали подвергаться выселенію по распоряженію высшей власти. Впрочемъ, и тутъ по ходатайству мѣстной администраціи при-

[1]) Были учреждены два подворья, по примѣру московскаго.

шлось прибѣгнуть къ отсрочкамъ,—да и сомнительно, чтобы всѣ евреи были фактически удалены.

Въ этотъ же періодъ ссылки на старинныя привилегіи привели и къ другимъ стѣсненіямъ въ нѣкоторыхъ городахъ. Такъ, въ Каменцѣ-Подольскомъ, Ковнѣ (по просьбѣ всего 14 христіанъ), Житомірѣ и Вильнѣ евреямъ было воспрещено пріобрѣтать дома и селиться внѣ опредѣленныхъ частей города.

Особенно широкаго развитія достигли подобныя ограниченія въ Царствѣ Польскомъ. При образованіи въ 1815 г. Царства Польскаго было 83 города, общества которыхъ пользовались правомъ de non tolerandis judaeis, т.-е. недопущенія къ себѣ евреевъ; въ 20-хъ годахъ такое право получили еще около 30 городовъ; въ 50-хъ годахъ изъ числа 453 городовъ края только въ 246 городахъ евреи пользовались свободой водворенія и жительства; въ 31 городѣ существовали опредѣленные кварталы, внѣ которыхъ могли жить лишь привилегированные евреи, отвѣчавшіе особымъ матеріальнымъ или культурнымъ условіямъ; въ 90 городахъ евреи или вовсе не могли жить, или только въ отдѣльныхъ частяхъ. Конечно, какъ всюду, жизнь и здѣсь не считалась съ бумажными требованіями, и были города, въ которыхъ евреи жили вопреки запретительнымъ привилегіямъ, и христіане не роптали.

IV.

Въ «эпоху великихъ реформъ», при ломкѣ вѣковыхъ устоевъ старой Россіи, гражданскій бытъ евреевъ былъ оставленъ на старыхъ основаніяхъ. Русское общество, насколько извѣстно, не обнаружило интереса къ судьбѣ еврейскаго населенія. Вдумчивое и благожелательное вниманіе къ евреямъ проявили лишь нѣкоторые высшіе государственные дѣятели. Съ особой энергіей они выступили противъ ограничительныхъ законовъ о жительствѣ, настаивая на необходимости полнаго упраздненія какихъ бы то ни было стѣсненій, но императоръ Александръ II высказался рѣшительнымъ образомъ противъ отмѣны черты осѣдлости, и вслѣдствіе этого правительству пришлось ограничиться смягченіемъ отдѣльныхъ ограничительныхъ законовъ, противъ чего государь не возражалъ. Было два пути—постепенно отмѣнять отдѣльные виды стѣсненій по отношенію къ всѣмъ евреямъ, или же освобождать отъ извѣстныхъ ограниченій лишь опредѣленные классы населенія. Правительство избрало послѣдній путь и оно стало создавать въ еврейской средѣ особыя привилегированныя группы, которыя освобождались въ отношеніи жительства отъ общихъ для евреевъ ограниченій.

Ворота гетто раскрылись ранѣе всего предъ купцами I-ой гильдіи (1859 г.), да и то не предъ всѣми, а удовлетворявшими разнымъ спе-

піальнымъ требованіямъ. Эта свобода была имъ дана не безъ борьбы между завѣтами предшествовавшаго царствованія и либеральнымъ лозунгомъ дня. Но съ несравненно болѣе тяжелыми затрудненіями были встрѣчены попытки нѣкоторыхъ администраторовъ облегчить законы о жительствѣ въ отношеніи другихъ группъ еврейскаго населенія. Такъ, предложеніе министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія предоставить право повсемѣстнаго жительства купцамъ 2 и 3 гильдій и вообще лицамъ, окончившимъ курсъ высшаго или средняго учебнаго заведенія, было оставлено безъ движенія. Чтобы уяснить, въ какой атмосферѣ мрачнаго предубѣжденія разрѣшались въ то время вопросы о евреяхъ, достаточно указать, что Государственный Совѣтъ нашелъ, что даже университетъ не превращаетъ еврея въ просвѣщеннаго человѣка, которому можно было бы предоставить свободу передвиженія, если еврей не окончитъ курса со степенью кандидата, магистра или доктора—«медики, не получившіе степени доктора медицины, по односторонности своихъ знаній, не могутъ быть признаваемы людьми достаточно образованными для того, чтобы пользоваться правомъ (повсемѣстнаго жительства), предоставляемымъ евреямъ, получившимъ ученыя степени». Не всѣ, однако, государственные дѣятели раздѣляли подобное крайнее мнѣніе, а потому борьба за предоставленіе права повсемѣстнаго жительства всѣмъ лицамъ съ высшимъ образованіемъ продолжалась и въ дальнѣйшемъ; она благополучно завершилась лишь въ 1879 г., когда это право было дано также изучающимъ фармацію, повивальное и фельдшерское искусства.

Не столь долго пришлось дожидаться свободы ремесленникамъ. Министръ финансовъ Рейтернъ выступилъ въ пользу предоставленія права повсемѣстнаго жительства всѣмъ евреямъ, занимающимся торговлей, промыслами и ремеслами. Онъ указалъ на то, что нравственный упадокъ еврейскаго населенія явился, главнымъ образомъ, результатомъ неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ евреи находятся въ отношеніи пріобрѣтенія средствъ къ жизни; необходимо «устраненіе тѣхъ матеріальныхъ препятствій, которыя еврей встрѣчаетъ на каждомъ шагу въ попыткахъ къ улучшенію своей участи; умственное же образованіе и нравственное развитіе евреевъ будутъ несомнѣннымъ послѣдствіемъ улучшенія ихъ матеріальнаго быта, съ устраненіемъ тѣхъ ограниченій, которымъ они подлежатъ въ производствѣ торговли и разныхъ промысловъ». Еврейскій промышленный элементъ приноситъ пользу тамъ, гдѣ удовлетворяетъ требованіямъ рынка. Но въ западномъ краѣ—средоточіи постоянной осѣдлости евреевъ—давно уже нарушена соразмѣрность между спросомъ и предложеніемъ; когда изъ девяти человѣкъ одинъ вынужденъ снискивать себѣ средства къ пропитанію преимущественно посредничествомъ, притомъ съ разными ограниченіями въ этомъ за-

нятіи, — заработки до того скудны, что почти не даютъ евреямъ возможности существовать законными способами пріобрѣтенія. Конкуренція между евреями западнаго края, указывалъ Рейтернъ, развилась до крайнихъ предѣловъ,—евреи обречены на крайнюю бѣдность, а ихъ соперничество сильно понизило размѣръ заработка прочаго населенія. Необходимо расширить для евреевъ рынокъ, направить ихъ промышленную дѣятельность туда, гдѣ чувствуется потребность въ ней; въ большей части внутреннихъ губерній, особенно въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ, промышленная дѣятельность развита чрезвычайно слабо; тамъ замѣчаются также недостатокъ въ капиталахъ и полное отсутствіе предпріимчивости въ населеніи; внѣдреніе еврейскаго торгово-промышленнаго элемента въ земледѣльческую массу принесло бы, заявилъ Рейтернъ, неисчислимую пользу, съ одной стороны, самимъ евреямъ, облегчая и обезпечивая имъ средства къ существованію, а съ другой, какъ западному краю, который освободился бы отъ излишка еврейскаго населенія, такъ и прочимъ мѣстностямъ имперіи, куда евреи внесли бы капиталы, предпріимчивость и полезную конкуренцію. Опасеніе, что евреи отстранятъ русскихъ отъ торговли, удалятъ ихъ отъ рынка, говорилъ Рейтернъ, не имѣетъ основанія.

Однако проектъ Рейтерна не былъ поддержанъ всесильнымъ въ еврейскихъ дѣлахъ особымъ «Еврейскимъ комитетомъ» подъ предсѣдательствомъ Блудова. Сломить предубѣжденіе въ кругу государственныхъ дѣятелей, прошедшихъ бюрократическую школу въ предшествовавшее царствованіе, не могли и послѣдовавшія вскорѣ многочисленныя представленія высшихъ мѣстныхъ администраторовъ,—среди коихъ были и юдофобы,—настаивавшихъ на необходимости отмѣнить ограничительные законы о жительствѣ. Всѣ эти ходатайства привели лишь къ дозволенію проживать повсемѣстно (по закону 1865 г.) механикамъ, пивоварамъ, мастерамъ и ремесленникамъ, а позже—отставнымъ нижнимъ чинамъ (служившимъ по рекрутскому набору).

Долгихъ хлопотъ потребовали отмѣна стѣсненій, существовавшихъ въ отдѣльныхъ городахъ—Ковнѣ, Каменцѣ-Подольскомъ, Трокахъ и др., и смягченіе ограниченій въ Севастополѣ и Николаевѣ. Впрочемъ, Кіевъ попрежнему оставался закрытымъ для водворенія евреевъ. Только послѣ усиленнаго ходатайства мѣстныхъ властей, свидѣтельствовавшихъ, что «удаленіе евреевъ изъ Кіева остановило развитіе правильной торговли вообще въ семъ городѣ ко вреду общей массы столь значительнаго населенія», право постояннаго жительства въ Кіевѣ было предоставлено купцамъ 1 и 2 гильдій, а временнаго—нѣкоторымъ другимъ категоріямъ (извѣстныя группы евреевъ по сію пору могутъ здѣсь жить лишь въ опредѣленныхъ участкахъ). Нужна была также исключительная энергія маркиза Вѣлепольскаго, чтобы добиться уничтоженія

всѣхъ ограниченій въ отношеніи жительства въ Царствѣ Польскомъ (1862 г.), каковая мѣра получила еще большее значеніе, когда (1868 г.) былъ отмѣненъ запретъ переходить евреямъ изъ имперіи въ Царство Польское, а мѣстнымъ евреямъ—въ черту осѣдлости.

V.

Сколь ничтожными, въ сравненіи съ великими реформами шестидесятыхъ годовъ, ни представляются смягченія, внесенныя при императорѣ Александрѣ II въ законодательство о жительствѣ евреевъ, несомнѣнно, что эти облегченія явились отголоскомъ общихъ прогрессивныхъ преобразованій. Когда же съ перемѣной царствованія восторжествовала реакція, евреи тотчасъ же испытали на себѣ ея силу. Воспользовавшись разразившимися на югѣ Россіи въ апрѣлѣ 1881 г. погромами, исторія возникновенія которыхъ еще не выяснена, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Игнатьевъ выработалъ основы новаго ограничительнаго законодательства о евреяхъ, которое должно было покоиться на принципѣ «выработанныхъ всей предшедшей исторіей государства началъ, выраженныхъ въ стародавнемъ законѣ, по которому евреи считаются инородцами». Въ частности, въ отношеніи права передвиженія были намѣчены слѣдующія ограниченія: запретить выѣздъ за предѣлы черты осѣдлости всѣмъ вообще евреямъ, не исключая тѣхъ, которымъ это дозволено законами; выселить изъ внутреннихъ губерній ремесленниковъ, механиковъ и другихъ, если «будетъ дознано полиціей или *указано жителями*, что они ремесломъ своимъ не занимаются, а добываютъ средства къ жизни посторонними занятіями»; удалить евреевъ изъ селъ и деревень, если того потребуютъ *сельскія общества*—власть надъ еврейскимъ населеніемъ была бы передана въ то тревожное время русскому населенію въ его наименѣе культурныхъ слояхъ. Намѣченныя мѣры были разбиты на двѣ категоріи: «временныя—предупредительныя», подлежавшія осуществленію внѣ обычнаго законодательнаго порядка, и «основныя—законодательныя», которыя слѣдовало провести установленнымъ путемъ. Первой группѣ ограниченій предстояло позже войти въ составъ будущаго репрессивнаго законодательства и потому имъ было дано наименованіе «временныя правила». Важнѣйшимъ изъ правилъ являлось воспрещеніе евреямъ жительства внѣ городовъ и мѣстечекъ. «Временныя правила» подверглись въ комитетѣ министровъ рѣзкой критикѣ; особенно порицалось то, что подобныя, серьезнѣйшія мѣропріятія проводятся не въ законодательномъ порядкѣ. Но въ виду угрозы гр. Игнатьева, что погромы возобновятся, если не будутъ приняты мѣры противъ евреевъ, Комитетъ министровъ согласился на запрещеніе евреямъ *впредь* селиться въ деревняхъ; этимъ коррективомъ «временныя правила» были

въ значительной мѣрѣ смягчены, такъ какъ тяжесть ихъ заключалась главнымъ образомъ въ насильственномъ удаленіи еврейской массы изъ уѣздовъ, противъ чего на протяженіи 80-ти лѣтъ многократно высказывались виднѣйшіе администраторы. 3-го мая 1882 г. «временныя правила» были Высочайше утверждены. Комитетъ министровъ отнесся отрицательно и къ предложенію Игнатьева о выработкѣ новаго ограничительнаго законодательства о евреяхъ. Этотъ вопросъ былъ переданъ на разсмотрѣніе междувѣдомственной комиссіи подъ предсѣдательствомъ гр. Палена (1883—88). Отвергнувъ антигосударственную точку зрѣнія на евреевъ, установленную Игнатьевымъ, комиссія, въ лицѣ большинства ея членовъ, высказалась за необходимость предоставленія евреямъ полной свободы въ передвиженіи, но въ виду разыгравшейся реакціи она сочла возможнымъ сдѣлать лишь одно реальное предложеніе—не усугублять уже существующихъ ограниченій. Но голосъ паленской комиссіи не былъ услышанъ. Послѣдовалъ рядъ новыхъ ограниченій. Особенно памятно выселеніе многихъ тысячъ евреевъ изъ Москвы; въ изъятіе изъ закона 1865 г., предоставившаго ремесленникамъ право повсемѣстнаго жительства, имъ было запрещено пребываніе въ Москвѣ и ея губерніи—тѣ, которые проживали здѣсь, должны были въ короткій срокъ выѣхать; это распоряженіе было распространено и на отставныхъ нижнихъ чиновъ, а позже и на нѣкоторыя другія категоріи.

Какъ ни были тяжелы всѣ эти ограничительныя постановленія, еще болѣе чувствительными для евреевъ оказались административныя распоряженія, направленныя къ болѣе строгому исполненію старыхъ законовъ, слабо примѣнявшихся въ предшествующее царствованіе. Здѣсь не было предѣловъ для произвола или превратнаго истолкованія законовъ. Особое рвеніе было проявлено при осуществленіи «временныхъ правилъ». Ограниченія, установленныя этимъ закономъ, усугублялись двоякимъ путемъ—расширялось понятіе о «сельскихъ мѣстностяхъ» и ограничивалась свобода передвиженія въ предѣлахъ данной сельской мѣстности. Съ цѣлью удаленія евреевъ, поселившихся въ мѣстечкахъ послѣ 3-го мая 1882 г., администрація стала переименовывать многія изъ нихъ въ села. Евреи, жившіе въ деревняхъ и селахъ въ моментъ изданія закона 1882 г., первоначально могли переходить изъ одного села въ другое, но 29 декабря 1887 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, воспретившее такой переходъ—съ этого момента евреи оказались прикрѣпленными къ данному мѣсту; переѣздъ въ городъ, мѣстечко или другое село лишалъ еврея права вернуться въ сельскую мѣстность. Законъ 1892 г. предоставилъ полиціи право выселять евреевъ, незаконно поселившихся въ сельской мѣстности; такимъ образомъ, всѣ евреи, жившіе въ селахъ, отданы были въ распоряженіе полиціи, а это открыло просторъ для злоупотребленій.

Между тѣмъ вскорѣ обнаружилось, къ какимъ тяжкимъ экономическимъ послѣдствіямъ привели «временныя правила». Уже паленская комиссія отвергла ихъ цѣлесообразность и исполнимость, указавъ на то, что погромы 1881—82 гг., послужившіе основаніемъ для этого закона, произошли исключительно въ городахъ и мѣстечкахъ, а потому запрещеніе евреямъ селиться въ деревняхъ не соотвѣтствуетъ имѣвшейся въ виду основной цѣли. А пятнадцать лѣтъ спустя виленскій генералъ-губернаторъ Святополкъ-Мирскій во всеподданнѣйшемъ отчетѣ подвелъ итогъ этому закону: протекшія съ изданія «временныхъ правилъ» двадцать лѣтъ привели къ «самымъ неблагопріятнымъ о нихъ выводамъ»; вслѣдствіе вынужденной скученности евреевъ въ городахъ развилась «бѣдность, граничащая съ полной нищетой общей массы еврейскаго населенія»; условія жизни евреевъ въ городахъ таковы, что «дальнѣйшее оставленіе евреевъ безъ права водворяться въ селеніяхъ едва ли возможно»; къ тому же, съ введеніемъ казенной продажи питей, опасность эксплоатаціи евреями сельскаго люда парализована. Святополкъ-Мирскій ходатайствовалъ объ отмѣнѣ закона 1882 г., но правительство согласилось въ 1903 году лишь на то, чтобы отдѣльные поселки, не принадлежащіе къ числу городовъ и мѣстечекъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ утратившіе характеръ сельскихъ мѣстностей, были постепенно изъяты изъ дѣйствія закона 1882 г. Кромѣ того, было разрѣшено водворяться въ сельскихъ мѣстностяхъ тѣмъ группамъ евреевъ, которыя пользуются правомъ повсемѣстнаго жительства. Эти мѣры были подсказаны соображеніями объ «общественномъ спокойствіи». Министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве объяснилъ, что города и мѣстечки «переполнены евреями, по большей части не находящими себѣ достаточнаго заработка, а эта скученность въ отдѣльныхъ пунктахъ еврейскаго населенія, часто доведеннаго до нищеты, неминуемо является постоянною угрозою для общественнаго спокойствія». Повидимому, это же опасеніе побудило Плеве испросить въ 1904 г. упраздненія запретной 50-тиверстной полосы, въ которой, несмотря на рядъ репрессивныхъ мѣръ, проживало многотысячное еврейское населеніе, страдавшее отъ притѣсненій со стороны низшихъ правительственныхъ агентовъ, пользовавшихся незаконностью его проживанія. Тѣмъ же желаніемъ устранить излишнее недовольство въ еврейскомъ населеніи былъ вызванъ циркуляръ Плеве, запретившій выселять евреевъ, незаконно водворившихся въ той или иной запретной мѣстности.

Это распоряженіе пріобрѣтало особое значеніе подъ перомъ Плеве—правительство, какъ видно, ясно сознавало, что ограничительные законы безсильны предъ напоромъ жизни. Въ виду этого вопросъ о пересмотрѣ законодательства о жительствѣ евреевъ былъ поставленъ на ближайшую очередь, но затѣмъ, вслѣдствіе учрежденія Государственной Думы и

измѣнившагося, въ связи съ этимъ, порядка обсужденія законодательныхъ предположеній, правительство сочло нужнымъ предоставить эту работу народному представительству. Однако, когда обнаружилось, что обсужденіе въ Государственной Думѣ еврейскаго вопроса можетъ послѣдовать лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, совѣтъ министровъ, признавая, что нѣкоторыя постановленія объ евреяхъ, не касающіяся существенныхъ отношеній еврейскаго народа къ окружающему населенію и потому не являющіяся «дѣломъ народной совѣсти», а вмѣстѣ съ тѣмъ вселяющія лишь раздраженіе и явно отжившія, могутъ быть упразднены немедленно, предложилъ отмѣнить въ отношеніи всѣхъ евреевъ вообще ограниченія въ правѣ жительства, существующія въ предѣлахъ черты осѣдлости, а въ отношеніи лицъ, пользующихся правомъ повсемѣстнаго жительства, упразднить стѣсненія, дѣйствующія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ; такимъ образомъ въ чертѣ осѣдлости предстояло отмѣнить «временныя правила» 1882 г., а также ограниченія, установленныя въ нѣкоторыхъ городахъ (Кіевѣ и др.), а за предѣлами черты должны были пасть запреты, существующіе въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ (Сибирь и др.). Въ связи съ этимъ министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпинъ, съ одобренія совѣта министровъ, издалъ циркуляръ (22-го мая 1907 г.) о невыселеніи евреевъ, незаконно водворившихся въ закрытыхъ для нихъ мѣстностяхъ. Циркуляръ указывалъ, что строгія мѣры, принимавшіяся къ удаленію незаконно поселившихся, не приводили къ цѣли, но сопровождались тяжелыми послѣдствіями для выселяемыхъ, а также нарушеніемъ интересовъ окружающаго населенія; хотя давность незаконнаго поселенія не можетъ создавать для евреевъ никакого права, однако необходимо считаться съ послѣдствіями этого закона, которыя представляютъ явленіе жизненное.

Однако предположеніе Совѣта министровъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ запретовъ не получило дальнѣйшаго движенія, а позже, подъ вліяніемъ агитаціи со стороны реакціонныхъ круговъ, упомянутый циркуляръ былъ отмѣненъ.

Тогда начались во многихъ мѣстахъ массовыя выселенія...

Въ настоящемъ очеркѣ намѣчено лишь въ блѣдныхъ очертаніяхъ историческое развитіе многограннаго законодательства о жительствѣ евреевъ въ Россіи. Но и детальное изученіе вѣковой безпрерывной дѣятельности законодателей и администраторовъ, направленной къ стѣсненію евреевъ въ передвиженіи, не даетъ отвѣта на вопросы: для какой цѣли потрачено было такъ много усилій, для какой надобности были принесены столь многія жертвы. Идя наперекоръ велѣніямъ жизни, это законодательство погубило безчисленныя человѣческія существованія, но какъ же часто оно само терпѣло пораженія въ этомъ нелѣпомъ состязаніи,—

однако неудачи никого ничему не научали, никого не останавливали—попытка, неудавшаяся вчера, возобновлялась сегодня. Законъ упорно старался разрушить то, что творила жизнь, а жизнь спокойно уничтожала то, что создавалъ законъ. Борьба закона съ жизнью и составила содержаніе законодательства о жительствѣ евреевъ. Эта напряженная дѣятельность, пріобрѣтавшая порою характеръ священной войны, питалась разнообразными побужденіями; мелочная корысть, ложно понятые государственные интересы, религіозное предубѣжденіе, невѣжественный страхъ предъ духовной жизнью евреевъ—всѣ эти злыя силы, толкая законодательство то въ одну, то въ другую сторону, часто противоположныя, завязали законодательство въ настоящій гордіевъ узелъ...

Когда онъ будетъ разрубленъ?

Юлій Гессенъ.

Шевченко. [1])

VII.

Странное чувство было иногда у Шевченка: ему иногда казалось, что всѣ мы покинуты Богомъ, что Богъ какъ бы махнулъ на всѣхъ рукой, ушелъ отъ насъ, отвернулся; и потому-то мы всѣ такъ несчастны, что Богу теперь не до насъ.

Описавши въ поэмѣ „Сонъ“ жестокости крѣпостного права, онъ спрашиваетъ, онъ допытывается:

Чи Бог бачить із-за хмари
Наші сльози, горе?

И въ поэмѣ „Княжна“, изобразивши голодъ въ деревнѣ, повторяетъ тотъ же вопросъ:

Чи Бог тее знає? Бо се було б диво,
Щоб чути і бачить і не покарать?

Опять-таки кара, но дѣло сейчасъ не въ ней, а въ этомъ ощущеніи поэта, что вотъ у людей одна лишь надежда на Бога, а Богъ отвернулся отъ нихъ. Люди безъ Бога—сироты, людямъ очень трудно безъ Бога, потому что, какъ сказано въ той же „Княжнѣ“,—„дочку́ й теличку однімають у мужика,

А Бог не знає“.

Такъ что Шевченко и самъ готовъ довести какъ-нибудь до свѣдѣнія этого отвернувшагося отъ насъ Бога, „що вони, поганці, діють в нас на Україні“. Онъ обращается къ звѣздочкѣ: „зоре моя вечірняя“!—онъ всю ночь готовъ ей разсказывать о страданіяхъ родного края, а звѣздочка рано поутру пускай уже разскажетъ Богу обо всемъ, что онъ ей сообщитъ:

— „Ти рано тихесенько Богові роскажеш“.

Услыхавъ какъ-то игру какого-то мужика на скрипкѣ, онъ почувство-

---

[1]) *Русская Мысль*, 1911 г., кн. IV.

валъ въ этихъ звукахъ „стоны поруганной крѣпостной души“—и вотъ уже спрашиваетъ у себя въ „Дневникѣ“:

— „Скоро ли долетятъ эти пронзительные вопли до Твоего слуха, нашъ праведный Боже?“ („Дневникъ“, стр. 240).

То-есть если бы эти вопли „долетѣли до слуха“, то все было бы хорошо, но, по какой-то причинѣ, они явно не долетаютъ. О, если бъ Богъ увидалъ и услышалъ то, что видитъ и слышитъ Шевченко! Но все вокругъ такъ мучительно, что поневолѣ приходитъ безумная мысль:

— „Немае Господа на небі“.—„Нема навіть кругом тебе великого Бога“.

И сказавши однажды, что о нашихъ страданіяхъ знаетъ одинъ Вседержитель, Шевченко тотчасъ же прерываетъ себя:

— „А може, ще й Він не добачае!“ (176 стр.).

О, еслибъ Онъ увидалъ, Онъ не сталъ бы потворствовать злобѣ и злу! А если Онъ видитъ все, что творится средь насъ, то почему же, почему же тогда торжествуетъ въ этомъ мірѣ зло:

— „За що пак милуе Господь лихую твар такую?“ (стр. 401).

Въ Бога Шевченко вѣровалъ крѣпко,—но изо всѣхъ свойствъ Бога онъ замѣтилъ и удержалъ въ своемъ сердцѣ только одно: милосердіе. Онъ бы хотѣлъ, чтобы Богъ былъ защитникъ и покровитель страдающихъ, больше отъ Бога ему ничего и не нужно. Мистика и метафизика не для него. Онъ такъ больно почувствовалъ съ дѣтства людскія страданія, что Богъ ему надобенъ ровно постольку, поскольку онъ эти страданія утишитъ.

Тайна, безконечность, сверхчувственный міръ, такъ ясно ощущаемый чуть не всѣми великими поэтами,—все это ему нелюбопытно. Онъ отнюдь не богоискатель, а если-бъ и сталъ онъ отыскивать Бога, то только затѣмъ, чтобы Богъ поскорѣй пособилъ какой-нибудь страдалицѣ-Оксанѣ. Слишкомъ близко увидалъ Шевченко всѣ раны и язвы корчащагося въ мукахъ человѣчества, и потому, если думалъ о Богѣ, то только какъ о цѣлителѣ ранъ. Онъ такъ полюбилъ здѣшній нашъ бѣдный міръ, что міра нездѣшняго ему и не надо. Взирая на небо, онъ думаетъ только одно: видитъ ли Небо страданія Земли?—

А Ти, Всевидящее Око,
Чи Ти дивилося в-висока,
Як мордували, разпинали
І вішали?

какъ мучили людей здѣсь, на землѣ? Лермонтовъ, созерцая желтѣющую ниву, сказалъ:

— Въ небесахъ я вижу Бога!

Шевченко повторилъ то же самое въ одномъ своемъ стихотворномъ посланіи:

— „Ми чуем Бога в небесах“,—

но не при видѣ пейзажа, а когда прочиталъ про несчастную любовь про горе, про кровавую битву людей (стр. 503).

Только натолкнувшись на горе людское, онъ вспоминаетъ о Богѣ:

І все то те лихо, все, кажуть, од Бога.
Чи вже ж Йому любо людей мордувать?

Богъ, какъ участникъ человѣческихъ дѣлъ, только такой и существуетъ для Шевченка. И въ зависимости отъ того, велико ли это участіе, мѣнялось и его отношеніе къ Богу. Однажды онъ сказалъ, что готовъ пѣть Богу „Осанну“, но только тогда, когда людямъ выпадетъ лучшая доля:

— „А до того,—сказалъ онъ,—я не знаю Бога“.

Словомъ, страдающихъ людей этотъ страдалецъ возлюбилъ даже больше, чѣмъ Бога. Онъ готовъ даже отречься отъ Бога, если Богъ не даетъ людямъ счастья.

— „Ми не раби Його, ми люди“,—съ гордостью напоминаетъ онъ намъ.

Счастье человѣческое у него главнѣе всего,—и когда этого счастья нѣтъ, тогда Шевченко съ изумленіемъ спрашиваетъ:

— „А може й Сам на небеси сміється, Батечку, над нами?“

Если такъ, если тамъ наверху надъ міромъ смѣется Богъ, то міру не нужно Бога:

— „Коли ж одпочити, ляжеш, Боже утомленый, і нам даси жити?“— язвительно спрашиваетъ онъ.

Онъ истинно набоженъ, и чувствуетъ это свое прометейство, эти свои дерзкія напоминанія Богу о людяхъ, какъ смертный, мучительный грѣхъ, но каяться въ своемъ грѣхѣ онъ не будетъ, потому что эти обездоленные люди для него дороже спасенія души:

— „Я так її, я так люблю мою Украіну убогу, що прокляну святого Бога, за неї душу погублю“ (стр. 340).

Онъ готовъ даже противъ Бога пойти, которому такъ преданъ, предъ которымъ расточаетъ столько молитвъ,—все ради тѣхъ же страдающихъ людей.

Богъ для него святъ, но эти муки вокругъ еще для него святѣе, и изъ страждущаго человѣчества онъ создаетъ какъ бы новое божество для себя. Мы видѣли, какъ страстно онъ молился предъ униженными и оскорбленными; человѣколюбіе—вотъ его религія!

Думать о Богѣ, какъ о Сущности всѣхъ вещей, какъ о Началѣ Началъ, онъ никогда бы не могъ. Дикими показались бы ему эти слова Сведенборга:

— „Божественное Могущество существуетъ чрезъ Божественную Истину, исходящую отъ Божественной Человѣчности".

Всѣ эти фіоритуры схоластики были невнятны ему. Только однажды, въ юности, задумался онъ о началѣ вещей и о Тайнѣ вселенной:

— „Куди ж воно ділось, відкиля взялось?"

Но тутъ же рѣшилъ, что „і дурень, і мудрий нічого не знає",—и разъ навсегда покончилъ со всякими—для него—праздными вопросами, всею душою уйдя въ великій станъ погибающихъ.

VIII.

Итакъ, мы покинуты Богомъ, Богъ позабылъ о насъ, и это самое страшное, что только знаетъ о Богѣ Шевченко.

Ибо изо всѣхъ страданій человѣческихъ онъ почему-то больнѣе всего почувствовалъ именно это: покинутость.

Въ станѣ страдающихъ ему близки и милы всѣ, но роднѣе и ближе другихъ были тѣ, кого онъ звалъ „сіромахи", „сиро́ми",—„сирые сироты",—забытые, покинутые люди, и когда читаешь „Кобзарь", то кажется, что самое мучительное въ мірѣ—не голодъ, не безуміе, не болѣзнь, не смерть, а именно сирость, сиротливость, когда тебя оттолкнутъ, когда отъ тебя „отцураются",—и какъ же это должно быть ужасно, если отъ людей „отцурался" ихъ Богъ!

Люди, отъ которыхъ кто-нибудь за что-нибудь „отцурался",—только такихъ принималъ на страницы къ себѣ Шевченко.

Придите ко мнѣ, всѣ покинутые, я одинъ не покину васъ!

Всѣ запомнили изъ „Кобзаря" Катерину:

„Жартуючи кинув Катрусю москаль".

Но вѣдь и Оксаночку—„таку́ малéньку, кучеряву",—которая въ дѣтствѣ была подругой поэта,—тоже покинулъ такой же москаль.

И Титарівну-Немирівну тоже.

Титарівна-Немирівна еще поджидаетъ къ себѣ москаля, а Катерина уже бросилась въ прорубь, Окса́ночка сошла съ ума, Лукія,—изъ поэмы „Вѣдьма",—сдѣлалась юродивой, а „Причинна", покинутая казакомъ,—и даже не покинутая, а только подумавшая: вотъ я покинута!—бросилась въ рѣку, къ русалкамъ.

Самая счастливая изъ этихъ покинутыхъ идетъ въ монастырь,—для другихъ безуміе и самоубійство почти неизбѣжный удѣлъ у Шевченка. „Великомученица!" называетъ онъ ту, которую покинулъ помѣщицкій сынъ. Она умираетъ подъ заборомъ, зимой, на морозѣ. Зрѣлище покинутой женщины такъ для Шевченка невыносимо, что онъ даже воскликнулъ однажды:

— „Очі, очі, на-що ви здалися? Чом ви змалку не висохли, слізьми не злилися? То покритка по під тинню з байстрям шкандибає" („Сонъ").

Многое здѣсь изумляетъ меня, и многое мнѣ непонятно. Конечно, самъ сирота, въ девять лѣтъ лишившійся матери, а въ двѣнадцать—отца, познавшій въ „покинутой Богомъ пустынѣ“, въ Косъ-Аралѣ, въ Ново-Петровскѣ весь ужасъ тоски и заброшенности, никѣмъ не обласканный въ старости, онъ естественно влекся къ такимъ же, какъ и самъ, сиротливымъ.

Но все же почему невыразимо-зловѣще звучатъ у него всегда такія какъ будто нестрашныя слова:

— „А він мене і *покинув*“... „Він поіхав десь далеко, а мене *покинув*“... „Нема Петра, не чуть Петра, не вже ж то *покинув*“... „*Покинули* стару матірь, той жінку *покинув*“... „Не *кидай* матері“, казали.—А ти *покинула*, втекла“. [1])

Почему, въ самомъ дѣлѣ, у Шевченка всѣ люди такъ безумно боятся быть кинутыми? Въ поэмѣ „Невольникъ“ старикъ, „сѣдой, богатый сирота“—почему онъ такъ плачетъ, когда узнаетъ, что его дочь—

Його единая дитина
Покинуть хоче.

„З ким дожить, добити віку вікового?“ И даже Гонтѣ, который рѣжетъ родныхъ сыновей, и то страшнѣе всего, что онъ безъ нихъ—сирота! „А хто мене поховае на чужому полі, хто заплаче надо мною?“—причитаетъ надъ дѣтьми дѣтоубійца.

И почему еще съ юности заброшенная старость вставала предъ Шевченкомъ неотвязнымъ и пугающимъ призракомъ? Въ двадцать четыре года онъ какъ написалъ у себя въ „Катеринѣ“, что „старикъ съ своей старухой стали сиротами“, такъ и повелъ черезъ весь „Кобзарь“, черезъ всю свою жизнь эту вереницу сиротѣющихъ старухъ и стариковъ, одиноко умирающихъ на печи, въ холодной и темной избѣ:

Покинута старуха-мать:
Никто ей не истопитъ хаты
И не прикроетъ дряхлыхъ плечъ.
А ей ужъ трудно встать—зажечь
Огонь безсильными руками...

(Перев. А. Колтоновскаго.)

У „Вѣдьмы“ умираетъ старикъ-отецъ, и „некому его перекрестить, некому сложить его руки“. Въ другой поэмѣ снова: „одна старуха на печи, и та, бѣдняга, помираетъ, изба погнулась—догниваетъ“. А эта старуха-мать Костомарова, у которой отняли сына—

---

[1]) Три раза во всемъ *Кобзарѣ* вернулся къ покинутой тотъ, который покинулъ ее. Но онъ вернулся либо слѣпымъ (*Невольник*), либо мертвымъ (*Хустина*), либо, что хуже, обманутымъ (*Між скалами, неначе злодій.*) По *Кобзарю* это какъ бы вѣчный законъ, что „покинувшій“ не долженъ возвращаться.

Чорніша чорної землі
Іде, з Хреста неначе знята...

И въ поэмѣ „Княжна“—этотъ умирающій князь, покинутый дочерью. И въ поэмѣ „Сова“—эта мать, у которой сына взяли въ солдаты, она сидитъ цѣлые дни у порога и глядитъ на тропинку въ полѣ,—„а москаля, її сина, немае, немае“,—и, наконецъ, сходитъ съ ума, дѣлаетъ себѣ куклу и няньчитъ ее, какъ ребенка, и другая мать, въ „Неофитахъ“, потерявшая сына, разбиваетъ себѣ голову о стѣну и замертво падаетъ наземь.

Насъ покидаютъ любимые, у насъ умираютъ любимые, отъ насъ отрываютъ любимыхъ—почему же это была вѣчная тема Шевченка, которой онъ все съ новыми приливами чувства неустанно отдавался въ „Кобзарѣ“?

IX.

И, странно сказать, даже къ вещамъ, даже къ предметамъ покинутымъ онъ чувствовалъ необъяснимое влеченіе. Гнѣздо, покинутое соловьемъ, одиноко качающееся на вѣтвяхъ калины, и этотъ покинутый чёлнъ, который несется по вѣтру пустой, и эта поэтичная „тополя“, которая „одна, одна, як сирота на чужині гине“, и—въ пѣснѣ о Котляревскомъ—горы-сироты и море-сирота, и сироты-рощи:

— „Не кинь сиротою, як кинув діброви“.

и степные курганы-сироты, и днѣпровскіе пороги, и эта „найсвятая“ Украйна, которая—

Обідрана, *сиротою*
По над Дніпром плаче.
Тяжко важко *сиротині*,
А ніхто й не бачить.

Главное, что „ніхто и не бачить“,—это-то и умиляетъ, это-то и привлекаетъ его больше всего... И еще эти осиротѣлыя избы, которыя такъ зловѣще зовутся по-украински „пустками“:

„Тільки пустка край села на бік похилилась“... „І хата пусткою смердить“... „І хата пусткою гніе“...

Эти избы, гдѣ не люди живутъ, а совы,—и высыхающіе пруды,—и завалившіеся колодцы,—и тропинки, заросшія травой,—и колокольни, которыя покинулъ звонарь, [1])—и матери, которыхъ покинули дѣти,—и дѣвушки, которыхъ покинули любовники,—и вселенная, которую по-

[1]) Въ пьесѣ „Чума“: „бо дзвона вже давно не чуть, сумують ко́мини без ди́му“. Вообще для этого чувства покинутости характерны: „Чума“, „Не кидай матери“, „Чигиринъ“ и мн. др. Въ каждой пьескѣ до десяти, до пятнадцати заглохшихъ, заброшенныхъ предметовъ.

кинулъ Богъ, отъ которой Онъ отвернулся, которую Онъ осиротилъ,—о, конечно же, это символы, это подобія, это внѣшніе образы, которыми безсознательно Шевченко пытался хоть какъ-нибудь передать неизбывное, вѣчное чувство своей нечеловѣческой сиротости, но все же одна подробность, небольшое одно обстоятельство, о которомъ и говорить бы не стоило, все время смущаетъ меня, и я тороплюсь это высказать, прерывая себя самого...

Вы только представьте, только вообразите себѣ на минуту этого юношу-подростка Тараса здѣсь, въ Петербургѣ,—онъ бѣгаетъ гдѣ-нибудь по Гороховой, по Литейной, Мѣщанской въ тиковомъ халатикѣ, съ ведромъ и съ кистью въ рукѣ, весь забрызганный известью, вохрой,—ученикъ маляра Ширяева, живописныхъ дѣлъ мастера—„Тараска, за пивомъ!“—„Тараска, за табакомъ!“—спитъ и ѣстъ со стекольщиками, кровельщиками,—калужскими, костромскими,—въ грязи, на чердакѣ,—и конечно, пинки, тумаки,—обыкновенный петербургскій мальчишка—бѣгаетъ, здѣсь, по Гороховой, и годъ, и два, и три, и четыре,—рабъ, крѣпостной, безпросвѣтный:

Не знав сіромаха, що виросли крила,
Що неба достане, коли полетить,
Не знав, нагинався,—

и, конечно же, ему даютъ на чай—вотъ тебѣ гривенникъ!—и, конечно, онъ цѣлуетъ руку (онъ пришелъ къ Сошенку и поцѣловалъ у него руку)—и цѣлуя боится, что его, быть можетъ, ударятъ (когда Сошенко отдернулъ руку, онъ испугался и убѣжалъ),—запуганный, загнанный рабъ, котораго сѣкли на конюшнѣ и который въ дѣтствѣ ѣлъ глину отъ голода.

И вдругъ совершается чудо, фантазія, „то, чего не было“, „то, чего не бываетъ“, слетаются къ нему какіе-то ангелоподобные люди,—онъ и не подозрѣвалъ, что существуютъ такіе,—маги и колдуны,—и говорятъ ему: ты свободенъ! И даютъ ему хартію вольности, волшебную какую-то бумагу,—ты свободенъ отъ маляра Ширяева, отъ помѣщика Энгельгарта, отъ вохры и матерной брани,—и этотъ благосклонный Жуковскій, и пышный Брюловъ, и графъ Вьельгорскій, и графиня Баранова, и вице-президентъ Григоровичъ, и художникъ Венеціановъ—всѣ къ нему, всѣ о немъ, выкупаютъ его у помѣщика,—ласковы, милы, какъ никто, и хоть на одну, на самую короткую минутку, когда такія добрыя руки со всѣхъ сторонъ потянулись къ нему, вѣдь должно же было въ немъ умолкнуть это вѣчное чувство брошенности, потому что не брошенъ же былъ онъ тогда, потому что и черезъ двадцать лѣтъ не въ силахъ онъ будетъ позабыть о блаженствѣ своемъ тогдашнемъ и черезъ двадцать лѣтъ будетъ удивляться ему:

— „Самому теперь не вѣрится,—напишетъ онъ у себя въ дневникѣ,—а дѣйствительно это было такъ". „Я изъ грязнаго чердака, я, ничтожный замарашка, на крыльяхъ перелетѣлъ въ волшебныя залы академіи художествъ". „Быстрый переходъ съ чердака грубаго мужика-маляра въ великолѣпную мастерскую величайшаго живописца нашего вѣка"!...

Былъ апрѣль и былъ май, были бѣлыя ночи, и, разстегнувши, должно быть, пальто, какъ носился онъ по всему Петербургу, по Литейной и по Гороховой, и въ карманѣ у него отпускная, его хартія вольности, онъ выйметъ ее и цѣлуетъ, перекрестится и поцѣлуетъ, и уже выводитъ каракули на какихъ-то клочкахъ,—и вчитайтесь въ эти строки, что у него написались сейчасъ же въ ближайшіе мѣсяцы, когда былъ онъ спасенъ:

...Бо я одинокий
Сирота на світі в чужому краю...

Вотъ что онъ пишетъ на этихъ страницахъ. И снова:

— „Тяжко міні сиротою на сім світі жити".

И снова:

— „Сиротині сонце світить, світить, та не гріе"... „Люди б сонце заступили, щоб сироті не світило".

О, конечно, онъ до слезъ благодаренъ этимъ приласкавшимъ его! Онъ посвящаетъ имъ чуть не всѣ свои „вірши": Жуковскому—„Катерину", Григоровичу—„Гайдамакъ" [1]); но въ этихъ *виршахъ* онъ говоритъ имъ одно: все о той же своей сиротливости; какъ страшно ему жить среди чужихъ на чужбинѣ. „Чужіе люди"—обычное слово въ тогдашнихъ его стихахъ. Кто же чужой ему былъ тогда? Графъ Яковъ де-Бальменъ? Петровскій? Гребенка? Штернбергъ? Или Сошенко? Съ нимъ они дѣлятъ послѣднее, работаютъ съ нимъ и голодаютъ, и вообще друзей у него столько, что, какъ писалъ онъ потомъ, „бросишь въ собаку, а попадешь въ друга", и не просто „пріятелей", а преданнѣйшихъ, задушевнѣйшихъ,—и сколько потомъ на Украйнѣ: Кулишъ, Костомаровъ, Бѣлозерскій, княжна Репнина, Козачковскій, Тарновскій,—и все же въ каждой строкѣ онъ только и жалуется, только и плачется на жестокое свое сиротство:

— „Кругом мене, де не гляну, не люди, а змії".

И вглядитесь въ самыя первыя петербургскія его пѣсни за первые годы творчества: все тѣ же, такіе же образы все той же такой же покинутости: дѣвушка бродитъ надъ моремъ рыдая,—„коли ж згинувъ чорнобровий, той я погибаю"... И другая, точно такая же, и тоже надъ

---

[1]) Впослѣдствіи онъ вспоминалъ въ *Кобзарѣ* о благодѣяніи Григоровича: „Як бы не він спіткав мене при лихій годині, давноб досі заховали в снігу на чужині". И снова: он „міні на чужині не дав погибати".

моремъ,—„нехай плаче сиротина, нехай літа тратить“; и третья, такая же: „минув і рік, минув другий, казака немае“.

И вѣчныя эти повторенія: „я сирота, мій голубе“. „Я сирота з Вильшаної, я сирота без матері, сирота, бабусю“.

Удивительно. Со всѣхъ сторонъ предъ нимъ раскрытыя объятія, а онъ ихъ будто не видитъ. Щепкинъ, Кухаренко, Бодянскій, Максимовичъ,—неужели онъ не вспомнилъ о нихъ, позабылъ, когда писалъ впослѣдствіи въ казармѣ: „ніхто любив мене, вітав, і я хилився ні до кого“. Самъ такой ласковый, къ ласкѣ другихъ не чувствителенъ. То-есть чувствителенъ, но не здѣсь, въ *Кобзарѣ*. Откуда же въ немъ такое? Я долго не могъ объяснить себѣ это, но теперь, мнѣ кажется, я знаю. Вникните, вслушайтесь въ народныя малороссійскія пѣсни, возьмите хотя бы того же Максимовича, старинный сборничекъ, еще тотъ, которымъ восхищался нѣкогда Гоголь,—и вы съ изумленіемъ увидите, что въ творчествѣ народа украинскаго *покинутость и сиротливость тоже главенствуютъ надъ всѣми другими чувствами:*

Ой поіхав в Московщину
Та там і загинув.
Свою милу Україну
На віки покинув.

Это въ первой же пѣснѣ—и не правда ли, это будто изъ *Кобзаря?* И вслѣдъ за этимъ другая пѣсня: сынъ обѣщаетъ вернуться къ матери лишь тогда, когда взойдетъ посѣвъ песку, поливаемый ея слезами; и третья: онъ вернется, когда павлинье перо погрузится на дно, а мельничный жерновъ поплыветъ... Да и какъ не быть малороссійскимъ пѣснямъ пѣснями разлуки и брошенности?

Вспомните жену Тараса Бульбы: „она мигъ только жила любовью, только въ первую горячку страсти, и уже суровый прельститель ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для бражничества“... „Оба пола видѣлись между собою самое короткое время, и потомъ разлучались на цѣлые годы. Годы эти были проводимы женщинами въ тоскѣ, въ ожиданіи своихъ мужей, любовниковъ, мелькнувшихъ предъ ними, какъ сновидѣніе, какъ мечта“, и не отсюда ли та „туга“, та „журба“, тотъ безпрерывный „плачъ Ярославны“,—плачъ о *ладѣ* ея, Святославѣ,—который слышится въ напѣвахъ украинскихъ?

Въ классическихъ книгахъ Чубинскаго о юго-западномъ краѣ [1]) я нашелъ лишь 14 пѣсенъ о ревности, только 30 о несчастной любви,—но 240 посвящено разлукѣ!

И вотъ замѣчательно, что Шевченко возлелѣялъ въ себѣ и про-

---

[1]) *П. П. Чубинскій:* „Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край“. 1872—1878, т. V.

явилъ, даже независимо отъ своей біографіи, даже иногда *наперекоръ своей біографіи*, исключительно эти народныя чувства; всѣ же другія, его народу несвойственныя, онъ хоть и переживалъ, хоть и страстно порою испытывалъ, но какъ-то они не вмѣщались въ „Кобзарѣ“, какъ-то оставались за обложкою „Кобзаря“, для нихъ какъ бы не было даже словъ у Шевченка,—ни образовъ, ни ритмовъ, ни лирики! Эти не народныя чувства и мысли,—сколько бы ни отдавался имъ Шевченко,—какъ-то гасли въ немъ, потухали, чуть только онъ брался за перо.

Вѣдь это же какое-то чудо! Шевченко живетъ въ Петербургѣ шестнадцать лѣтъ, на Васильевскомъ островѣ, но гдѣ же въ его „Кобзарѣ“ этотъ Васильевскій островъ?—гдѣ же онъ хоть въ малѣйшей чертѣ психологіи? Гдѣ въ „Кобзарѣ“ Брюловъ, гдѣ академія художествъ? Шевченко можетъ прожить съ Брюловымъ десятки лѣтъ, предъ нимъ благоговѣть, подражать ему всячески—въ живописи, въ одеждѣ, въ прическѣ, толковать съ нимъ о Дюрерѣ, Гвидо-Рени, Таньерѣ,—но вотъ онъ взялся за перо, и гдѣ ты тогда, Брюловъ! Гдѣ тогда ресторанъ Юргенса, Александринскій театръ, и Каратыгинъ, и „Сѣверная Пчела“, и „Золотой Якорь“, и Николай Полевой [1]), и графъ Яковъ де-Бальменъ,—все спадаетъ съ него, какъ какой-то внѣшній покровъ, и нѣтъ у Шевченка тогда, въ тотъ изумительный мигъ, ни единаго жеста, ни одной полумысли, ни одной самомалѣйшей черточки, которой бы не было и въ томъ днѣпровскомъ Остапѣ, Максимѣ, Яремѣ,—все онъ сбросилъ съ себя, какъ—помните?—Наташа Ростова, графинечка, воспитанная француженкой, когда вдругъ заплясала русскую, сбросила съ себя и графство и всю обычную свою психологію, и крестьянка Анисья сквозь смѣхъ прослезилась, глядя на эту чужую ей, въ шелку и въ бархатѣ, воспитанную графиню, которая умѣла понять и выразить каждымъ жестомъ, что было и въ Анисьѣ, и въ отцѣ Анисьи, и въ теткѣ Анисьи, и въ матери Анисьи, и вотъ этой-то способностью, этимъ даромъ отрѣшенія ото всѣхъ случайныхъ чертъ своего личнаго „я“, какъ никто, обладалъ Шевченко, и отсюда та особенность его книги, что, сколько въ нее ни вглядывайся, въ ней почти не найдешь его личности, не найдешь ничего, для него одного характернаго, принадлежащаго ему одному, и все, что ни отнесешь къ нему, *какъ къ поэту, какъ къ автору*, окажется: нѣтъ, не его, а всего народа украинскаго.

Мы, напр., объясняли личнымъ его темпераментомъ эту его страстную жажду возмездія: „крови мині, крови, бо хочеться пить!“—но вѣдь недаромъ же исторія Украйны была исторіей набѣговъ и битвъ, недаромъ же былъ на Днѣпрѣ этотъ *лицарський* островъ Хортица,—и Бульба,

[1]) Изъ письма Т. Шевченка: „Спасъ меня Полевой. Задумавъ изданіе двѣнадцати полководцевъ, онъ заказалъ мнѣ ихъ портреты“... Альбомъ былъ изданъ роскошно, на прекрасной бумагѣ *и посвященъ императору Николаю Павловичу.*

отмщая за сына, недаромъ всякій разъ приговаривалъ: „это вамъ, вражьи ляхи, поминки по Остапѣ!“—и вырѣзывалъ женщинамъ груди, и сжигалъ и вѣшалъ всѣхъ безъ разбору, именно какъ мститель, какъ „местникъ“; и малороссійскія пѣсни (по слову Срезневскаго) были недаромъ пѣснями именно местниковъ, тѣхъ, кто, „неравнодушно взирая на погибель своихъ сподвижниковъ, съ отчаяніемъ *отмщевали* за смерть ихъ врагамъ“.

Мы думали: здѣсь Шевченко. Но нѣтъ, здѣсь тоже народъ!

И эта молитвенность творчества, эти постоянныя взыванія:

— Ой тумане, тумане (241 стр.).

— Ой талане, талане (163 стр.).

Можетъ быть, здѣсь его личность, самобытная его особенность? Но нѣтъ, это опять-таки особенность пѣсенъ народныхъ, гдѣ, какъ бывало указано, „столь часты бесѣды съ буйнымъ вѣтромъ, дробнымъ дождемъ, черными тучами“—и молитвенныя обращенія Шевченка къ людямъ, и стихіямъ, къ предметамъ, развѣ не тѣ же они, что и въ этомъ тоже почти народномъ, тоже днѣпровскомъ „Словѣ о полку Игоревѣ“:

— „Вітрило, вітре мій единий!“

— „О, мій Словутицю преславний!“

Недаромъ „Слово“ такъ легко уложилось у него въ „Кобзарѣ“! И даже эта вѣчная забота Шевченка о дѣвушкахъ, о Катеринахъ, Оксанахъ—казалось бы, такая ужъ особенная, личная его черта, но, вслушавшись въ это его знаменитое „кохайтеся, чорнобриві, та не з москалями“, какъ поневолѣ не вспомнить народное, точно такое же:

Ой дівчата, моі голубочки, не діймаите козакам віри,
Я молода віри діймала, тепер же я на віки пропала.

Или:

Ой сусіди, пані-маточки, навчайте своі дочки,
Щоб по ночам не ходили, козаченьків не любили...
У козака віра, як на морі піна [1]).

и многое множество другихъ.

Покинутость, сирость—мы уже видѣли—тоже не личное его ощущеніе,—и нѣжность, и гнѣвность тоже, и въ томъ-то и чудо, что почти ни одной его личной черты въ его творчествѣ разыскать нельзя, и говоря о немъ, противъ воли говоришь о народѣ, а говоря о народѣ—о немъ! Тутъ какая-то небывалая круговая порука. Счастливѣйшій Платонъ Каратаевъ! Какое для него было блаженство въ этой его почти

---

[1]) Черезъ десять лѣтъ послѣ „Катерины“, когда соціальныя воззрѣнія Шевченка значительно стали шире, онъ пишетъ новый варіантъ этой пѣсни, замѣняя ненависть къ москалю ненавистью къ пану:

...Кохайтеся хоч і з наймитами
З ким хочете, моі люби, тільки не з панами.

мистической сліянности съ народомъ. Ему никогда не приходилось искать ни формъ, ни идей для своего творчества, онъ не искалъ Бога, не искалъ міровоззрѣнія, не искалъ оправданія своему бытію, все ему было дано и все опредѣлено—въ народѣ и народомъ,—и ему незачѣмъ было спрашивать, что такое жизнь? что такое смерть? во что мнѣ вѣровать? что мнѣ дѣлать? куда идти? кто такой я? что такое вселенная?—народъ отвѣтилъ ему еще раньше, чѣмъ онъ объ этомъ спросилъ, и на всѣхъ путяхъ жизни былъ онъ водимъ и спасаемъ народомъ, и стоило ему хоть немного отклониться или уклониться, хоть на волосъ, въ сторону, оторваться на мгновеніе отъ народа, и онъ становился неузнаваемо бѣденъ и слабъ. Вѣдь поразительно: когда онъ писалъ не на родномъ днѣпровскомъ нарѣчіи, а „по-московськи“, по-великорусски, вдохновеніе отлетало отъ него.—„Я не совѣтую вамъ печатать эту русскую повѣсть“,—писалъ ему С. Т. Аксаковъ,—она несравненно ниже вашего огромнаго стихотворнаго таланта... Вы имѣете предъ собою блистательное поприще, на которомъ вы—полный хозяинъ“. Аксаковъ не совѣтовалъ ему писать русскую прозу, но и русскіе его стихи были нисколько не лучше. Его „Тризна“, которая, какъ онъ самъ утверждалъ, была написана имъ для того, „чтобы великоруссы не говорили, что я не знаю ихъ языка“, есть какъ будто плохой переводъ какого-то хорошаго стихотворенія. „Жаль, что я плохо владѣю русскимъ стихомъ“, записалъ онъ у себя въ дневникѣ. По словамъ Кулиша, редакціи русскихъ журналовъ даже и печатать не хотѣли русскія его произведенія.—„Какой чортъ и за какой грѣхъ искусилъ меня, исповѣдываться предъ кацапами черствымъ ихъ словомъ,—писалъ Шевченко товарищу, сочинивши русскую драму „Слѣпая невѣста“. — Виноватъ ли я, что я родился не кацапомъ и не французомъ“.

А вѣдь русскимъ языкомъ онъ владѣлъ превосходно, проведя среди великороссовъ большую часть своей жизни...

Характерно, что то же случилось и съ другимъ національнымъ геніемъ—съ шотландскимъ поэтомъ Бэрнсомъ, когда онъ пытался писать по-англійски. „Хотя Бэрнсъ,—говоритъ Карлейль,—пишетъ и по-англійски съ восхитительной силой и даже весьма изысканно,—онъ далеко не такъ владѣетъ англійской прозой, какъ онъ владѣлъ шотландскимъ стихомъ. Когда читаешь его прозу, то кажется, что вотъ человѣкъ всѣми мѣрами силится выразить, высказать что-то такое, для выраженія чего онъ лишенъ надлежащаго органа. Напыщенность и ходульность его прозы находятся въ такомъ противорѣчіи съ суровой простотой его стиха“. (*Critical Essays*).

Геніальность есть явленіе національное, и на эсперанто еще не творилъ ни одинъ великій поэтъ.

К. Чуковскій.

Перемѣна декорацій.

Письмо изъ Франціи.

— Вы, иностранцы, придаете слишкомъ большое значеніе смѣнамъ нашихъ кабинетовъ,—говорилъ мнѣ на другой день послѣ отставки Бріана одинъ мой знакомый французъ, прекрасно освѣдомленный всегда о всяческихъ „теченіяхъ“ и „вѣяніяхъ“ въ парламентскихъ и административныхъ сферахъ.—Дѣло гораздо проще, чѣмъ вы думаете. Въ концѣ-концовъ оно сводится къ вопросамъ личнаго соперничества. Бріанъ уже достаточно засидѣлся на министръ-президентскомъ креслѣ, достаточно нажилъ себѣ враговъ и недоброжелателей и теперь долженъ уступить имъ мѣсто. Измѣненія программы, говорите вы? Пустяки. Измѣненія эти слишкомъ ничтожны, чтобы ликовать или излишне безпокоиться по этому поводу. Программа строго установлена парламентскимъ большинствомъ, и всяческія порыванія влѣво или вправо не встрѣтятъ себѣ поддержки въ парламентѣ. И, наконецъ, не забудьте, что министры всегда находятъ себѣ хорошую узду въ лицѣ своихъ же собственныхъ ближайшихъ подчиненныхъ — начальниковъ всевозможныхъ отдѣленій грузной государственной машины,—этого плотнаго и солиднаго бюрократическаго ядра, обладающаго огромной силой инерціи. И, право, не такъ ужъ ошибочно и парадоксально то мнѣніе, что страною по существу управляютъ именно эти бюрократическіе элементы, тогда какъ кабинетъ играетъ, по преимуществу, декоративную роль.

Несмотря на мое полное уваженіе къ сужденіямъ и взглядамъ моего знакомаго, я думаю всетаки, что въ этомъ случаѣ онъ ошибается или, по крайней мѣрѣ, преувеличиваетъ. Быть можетъ, именно благодаря своей близости къ „театру военныхъ дѣйствій“, онъ смотритъ на дѣло слишкомъ ужъ практически, близоруко и беретъ вещи нѣсколько поверхностно и мелко. Къ тому же французы обыкновенно не любятъ, чтобы иностранцы думали, что у нихъ не все обстоитъ благополучно, и возможно, что это побужденіе заставляетъ его непроизвольно затушевывать извѣстныя стороны сложившагося положенія и нѣсколько

произвольно комбинировать краски. Во всякомъ случаѣ недавняя перетасовка въ правительствѣ яснѣе оттѣняетъ контуры различныхъ политическихъ комбинацій и представляется мнѣ прекраснымъ поводомъ для общей оцѣнки французской радикальной политики за послѣдніе годы.

Итакъ, что же собственно произошло во Франціи? Отреченіе отъ практиковавшихся до сихъ поръ принциповъ управленія? „Перемѣна режима", быть можетъ? Конечно, нѣтъ. Все это слишкомъ сильныя выраженія для характеристики недавно протекшихъ событій. Еще неизвѣстно, въ какой степени новый кабинетъ оправдаетъ надежды, возлагаемыя на него лѣвыми радикалами и нѣкоторыми соціалистами. Еще менѣе извѣстно, какъ долго онъ продержится у власти. Замѣну Бріана Монисомъ пока слѣдуетъ разсматривать лишь какъ *попытку* лѣваго радикальнаго крыла занять руководящее положеніе въ парламентѣ и ликвидировать предшествовавшій періодъ умѣренно-радикальной политики.

Попытаемся съ своей стороны подвести итоги этому формально подлежащему ликвидаціи періоду. Начало его относится еще къ выборомъ 1906 года, когда радикалы завоевали себѣ господствующее положеніе въ парламентѣ.

Съ этого момента они могли свободно проводить свою собственную политику, тѣмъ болѣе, что событія не требовали уже того остраго напряженія всѣхъ прогрессивныхъ силъ, какимъ отмѣтилась предшествовавшая эпоха. Ожесточенная и безпощадная война съ правыми партіями была приведена къ благополучному концу. Отдѣленіе церкви отъ государства стало совершившимся фактомъ. Конгрегаціи были уничтожены. Школы стали свѣтскими, и воспитаніе новыхъ поколѣній перешло въ руки государства.

Идея „блока" съ соціалистами, налагавшаго извѣстныя обязательства, вскорѣ была оставлена. Впрочемъ, въ нѣдрахъ самой соціалистической партіи произошла къ этому времени рѣшительная перемѣна въ сторону революціонизма, повлекшая за собою всяческое уклоненіе отъ сотрудничества съ господствующей партіей. Такимъ образомъ разрывъ произошелъ въ значительной степени по обоюдному желанію.

Закончившійся періодъ борьбы естественно смѣнялся періодомъ творчества. Радикальная партія могла уже приступить безъ помѣхи къ разработкѣ и осуществленію своей собственной программы. А программа эта была очень полна и обширна. Въ томъ видѣ, въ какомъ она была представлена Клемансо, она удостоилась одобренія даже соціалистовъ, по крайней мѣрѣ жоресовскаго толка.

Во главѣ угла стояли соціальныя и даже, если угодно, соціалистическія реформы: прогрессивный подоходный налогъ, выкупъ государствомъ нѣкоторыхъ предпріятій общественнаго характера и въ качествѣ

дебюта—выкупъ западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Громадное мѣсто было удѣлено рабочему законодательству: рабочія пенсіи, коллективный договоръ, расширеніе правъ синдикальныхъ организацій, созданіе спеціальнаго министерства труда и т. д. Не менѣе рѣшительно былъ поставленъ вопросъ о реформѣ административной: децентрализація исполнительной власти, реформа избирательной системы, распространеніе права коалицій на чиновниковъ,—все это говорило о размахѣ государственнаго творчества и новаторской смѣлости радикаловъ.

Но, повидимому, составлять программы легче, чѣмъ приводить ихъ въ исполненіе. Такое заключеніе неизбѣжно вытекаетъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи радикальной политики во Франціи. Намѣченная программа реформъ выполнена до сихъ поръ лишь въ наименьшей своей части, да и то съ значительными дефектами. Не касаясь закона о рабочихъ пенсіяхъ, послѣ долгихъ и тяжелыхъ мытарствъ благополучно приведеннаго всетаки къ желанному концу, достаточно указать хотя бы на выкупъ западныхъ желѣзныхъ дорогъ, произведенный до такой степени неудачно и разорительно для государства, что даже его наиболѣе рьяные апологеты не въ силахъ поколебать значительно возросшаго общественнаго недовѣрія къ подобнымъ операціямъ. Въ особенности, въ истекшемъ году французская публика имѣла нѣсколько разъ печальную возможность убѣдиться, въ какомъ состояніи желѣзныя дороги были проданы государству компаніей. Крушенія слѣдовали за крушеніями. Поѣзда сходили съ рельсовъ, наскакивали одинъ на другой и т. п. И почти каждый разъ оказывалось, что причина катастрофъ не въ небрежности или неопытности желѣзнодорожныхъ служащихъ, а въ отвратительномъ состояніи паровозовъ, вагоновъ и вообще всего матеріала.

Не мѣшаетъ здѣсь, кстати, вспомнить о другой не менѣе серьезной реформѣ предшествовавшаго „боевого“ періода, окончившейся столь же печально въ финансовомъ отношеніи. Я говорю о ликвидаціи церковныхъ имуществъ, закончившейся грандіознымъ Дюэзовскимъ скандаломъ. Больше 4-хъ милліоновъ франковъ было похищено изъ суммъ, вырученныхъ государствомъ. Повидимому, недобросовѣстное отношеніе ко всѣмъ тѣмъ государственнымъ предпріятіямъ, гдѣ пахнетъ деньгами и наживой, мало зависитъ отъ характера самаго правительства и при Комбѣ проявляется съ тою же легкостью, какъ при Бріанѣ и Клемансо.

Впрочемъ, если вообще говорить о достаточно свободномъ обращеніи во Франціи съ „общественнымъ сундукомъ“, то самое лучшее обратиться къ исторіи хищеній въ морскомъ вѣдомствѣ: здѣсь уже прекращаются всякіе партійные счеты. Берутъ и при Клемансо и Бріанѣ, берутъ и при Комбѣ, берутъ и значительно раньше, еще при господствѣ прогрессистовъ. Лишь въ самое послѣднее время приняты мѣры

противъ слишкомъ безцеремоннаго хозяйничанія въ этой области, но еще неизвѣстно, достигнутъ ли онѣ результатовъ. Морское вѣдомство въ отношеніи хищеній примиряетъ всѣ партіи, согласуетъ всѣ направленія. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо подтверждается та старая истина, что перемѣна программъ и учрежденій не влечетъ еще за собою перемѣны нравовъ и обычаевъ какъ въ нѣдрахъ самого общества, такъ и въ чиновничьихъ сферахъ.

Французы—большіе патріоты, это всѣмъ давно извѣстно. Послушайте, съ какимъ чувствомъ начнетъ вамъ расписывать свою родину какой-нибудь совсѣмъ закорузлый, маленькій торговецъ, если вы дадите ему поводъ для этого! Откуда у него возьмется краснорѣчіе, красота и своеобразіе оборотовъ рѣчи и даже иногда, быть можетъ, крупинки поэзіи? Обратите вниманіе, съ какой спокойной самоувѣренностью разспрашиваетъ онъ васъ, нравится ли вамъ Франція, нравится ли Парижъ: онъ слишкомъ увѣренъ въ вашемъ положительномъ отвѣтѣ. И это вовсе не потому, что онъ слишкомъ разсчитываетъ на вашу вѣжливость и деликатность (французы невысокаго мнѣнія о воспитанности иностранцевъ), а потому, что онъ глубоко убѣжденъ въ неотразимой привлекательности своей страны и ея несомнѣнныхъ преимуществахъ передъ всѣми другими государствами. И—любопытный фактъ—какъ только, отдавъ должное всевозможнымъ достоинствамъ Франціи и ея населенія, вы хоть отчасти и въ самой мягкой и деликатной формѣ коснетесь ея недостатковъ, вы увидите, какъ сразу измѣнится выраженіе лица у вашего собесѣдника, даже если это будетъ интеллигентный человѣкъ, какъ онъ будетъ искренно огорченъ и задѣтъ за живое вашей критикой и измѣнитъ къ вамъ свое отношеніе. А полная неспособность французовъ къ жизни за границей, неспособность ассимилироваться, приспособляться къ иноземнымъ условіямъ жизни и ихъ постоянная тоска по родинѣ, по прекрасной и всегда горячо любимой Франціи! Нѣтъ, рѣшительно французскій патріотизмъ и горячъ и искрененъ и даже до сихъ поръ способенъ на всяческія жертвы.

Но въ то же время онъ великолѣпно уживается съ самымъ безцеремоннымъ отношеніемъ къ государственнымъ средствамъ. Французское государственное хозяйство — источникъ обогащенія всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ къ нему болѣе или менѣе близкое отношеніе. Конечно, Франція не можетъ соперничать въ этомъ отношеніи съ нашими интендантами, желѣзнодорожниками и петербургскими стародумцами. У насъ эти дѣла обставляются проще (часто даже слишкомъ ужъ просто), у французовъ значительно тоньше. Вмѣсто россійскаго безцеремоннаго „хапанья“, не лишеннаго зачастую еще къ тому же извѣстныхъ элементовъ самодурства и молодечества, здѣсь все происходитъ весьма прилично и степенно, съ надлежащимъ затушевываніемъ непріятныхъ и некрасивыхъ сторонъ

дѣла, съ соблюденіемъ всѣхъ формъ легальности и хорошаго тона, создающихъ почти полную иллюзію честности и порядочности для всѣхъ лицъ, причастныхъ къ упомянутымъ „операціямъ“.

Читатель проститъ мнѣ это маленькое отвлеченіе въ сторону, отчасти объясняющее, впрочемъ, неуспѣхъ или, по крайнеѣ мѣрѣ, неполный успѣхъ многихъ радикальныхъ начинаній разсматриваемаго періода. Перейдемъ теперь къ невыполненной части радикальной программы. Она велика, этого нельзя не признать. Не говоря уже о столь сложномъ и рискованномъ дѣлѣ, какъ огосударствленіе предпріятій общественнаго характера (желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ, въ программѣ Клемансо), даже рядъ болѣе скромныхъ начинаній въ области соціальныхъ реформъ или совершенно не былъ разработанъ правительствомъ, или же встрѣтилъ слишкомъ серьезныя затрудненія. Такова, напримѣръ, судьба прогрессивнаго подоходнаго налога, проведеннаго палатой, но похороненнаго въ сенатскихъ комиссіяхъ. Дѣло, впрочемъ, тутъ не въ одномъ лишь сенатѣ. Дѣло въ интересахъ опредѣленныхъ общественныхъ группъ, или достаточно многочисленныхъ, или очень вліятельныхъ, для которыхъ проектъ этотъ представляетъ извѣстную угрозу и которые рѣшительно присоединяютъ свои протестующіе голоса къ критическимъ замѣчаніямъ верхней палаты. Противъ проекта, напримѣръ, ополчился громадный классъ сельскихъ земельныхъ собственниковъ, къ голосу которыхъ чутко всегда прислушиваются и въ парламентскихъ, и въ административныхъ кругахъ. Было достаточно написано и наговорено и объ угнетенномъ состояніи французскаго земледѣлія, и о всемогуществѣ иностранной конкуренціи, неоднократно было упомянуто, что средніе и мелкіе земельные собственники, это—основа богатства Франціи, и въ результатѣ законопроектъ былъ положенъ подъ сукно въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени. Еще болѣе печальная участь постигла „коллективный договоръ“, расширеніе правъ синдикальныхъ организацій и т. п.

Было бы, однако, слишкомъ близоруко винить во всѣхъ этихъ неудачахъ однихъ лишь министровъ, главнымъ образомъ Клемансо и Бріана. Если они дѣйствительно рѣшили отказаться отъ намѣченныхъ ими же самими реформъ, какъ это утверждаютъ ихъ строгіе критики, то они лишь явились выразителями общаго духа французскаго общества, всегда такъ опасливо и недовѣрчиво относящагося къ серьезнымъ и глубокимъ перемѣнамъ соціальнаго характера. Но вѣрнѣе будетъ сказать, что они просто подчинились этой намѣтившейся охранительной тенденціи и значительно умѣрили свой реформаторскій пылъ. Прекраснымъ примѣромъ ихъ постепеннаго приспособленія ко взглядамъ большинства служитъ, относящаяся, правда, къ совершенно иной области ихъ дѣятельности, исторія съ законопроектомъ объ отмѣнѣ смертной казни.

Программа Клемансо включала въ себѣ, какъ извѣстно, этотъ пунктъ, который, впрочемъ, въ принципѣ почти не встрѣчалъ возраженій. Но лишь только дѣло коснулось его практическаго разрѣшенія и на очередь былъ поставленъ вопросъ о принятіи или непринятіи составленнаго по этому поводу Бріаномъ законопроекта, перевѣсъ оказался на сторонѣ его противниковъ, и смертная казнь была сохранена во Франціи. Это голосованіе поставило кабинетъ въ нѣсколько фальшивое положеніе. Ему необходимо нужно было избрать одно изъ двухъ: или окончательно присоединиться ко взглядамъ большинства палаты и прекратить систематическую практику помилованій, или же пойти наперекоръ постановленію палаты и такимъ образомъ возбудить вопросъ объ отставкѣ. Послѣ нѣкоторыхъ кратковременныхъ колебаній (причемъ Бріанъ стоялъ за полное подчиненіе волѣ парламента, а Клемансо сомнѣвался) избранъ былъ первый путь, и monsieur Deibler вновь приступилъ къ исполненію своихъ профессіональныхъ обязанностей.

Я уже оговорился ранѣе, что приведенный примѣръ взятъ мною изъ совершенно иной области, не имѣющей никакого отношенія къ соціальному законодательству. Но онъ характеризуетъ то же самое явленіе, тотъ же французскій консерватизмъ, который такъ рѣзко даетъ себя знать, лишь только дѣло коснется какихъ-либо серьезныхъ перемѣнъ въ области общегосударственной жизни, какъ соціальныхъ, такъ и политическихъ. Этотъ консерватизмъ, эта боязнь чѣмъ-нибудь рѣзко нарушить разъ уже сложившійся строй жизни накладываетъ свою печать на всѣ болѣе или менѣе серьезныя законодательныя мѣропріятія современной Франціи. Государственные люди третьей республики какъ будто всегда страшатся возможности рецидива, возможности воскресенія того стремленія къ крайностямъ въ дѣлѣ новаторства, того самаго буйнаго и неукротимаго духа революціи, какимъ были пропитаны предшествовавшіе періоды. Въ частной бесѣдѣ, гдѣ-нибудь въ салонѣ, въ театрѣ или въ кафе французъ очень любитъ поразить васъ крайностью своихъ воззрѣній. По старой памяти онъ еще любитъ рядиться временами въ красную мантію и фригійскій колпакъ революціи; чего добраго онъ еще аттестуетъ себя анархистомъ (въ извѣстномъ смыслѣ это даже, пожалуй, модно), но не пугайтесь этого: онъ просто устраиваетъ себѣ маленькій маскарадъ, маленькое развлеченіе, какое онъ можетъ позволить себѣ въ часы отдыха, въ условіяхъ своего полнаго государственнаго благополучія. Вы увидите, какъ рѣзко измѣнится вся обстановка, лишь только ему придется выступать въ отвѣтственной общественной роли. Весь его революціонизмъ и даже анархизмъ съ него смахнетъ какъ рукою. Вмѣсто разныхъ поразительныхъ теорій и проектовъ вы услышите солидныя и умѣренныя рѣчи о необходимости поддержанія порядка и защитѣ интересовъ „всѣхъ честныхъ людей“, о бережномъ отношеніи къ культурнымъ

пріобрѣтеніямъ націи и, наконецъ, о надлежащей защитѣ прекрасной и всегда горячо любимой Франціи. А главное, главное, никакихъ легкомысленныхъ новшествъ! Объ этомъ очень хорошо писать, говорить на собраніяхъ, читать доклады въ разныхъ обществахъ, но никогда не стремиться къ проведенію ихъ въ жизни. Или во всякомъ случаѣ не очень съ этимъ спѣшить.

Видите ли, нѣсколько разъ приходилось мнѣ слышать отъ одного знакомаго француза,—теорія—одно, а практика—совершенно другое. Въ теоріи многія мѣропріятія представляются въ высшей степени желательными и нужными, а на практикѣ они оказываются непригодными для нашего строя жизни. Возьмите вы наши желѣзныя дороги. Онѣ не Богъ вѣсть какъ совершенны. Но я бы рѣшительно воспротивился всякому проекту ихъ передачи въ государственное распоряженіе. Почему? Да потому, что у насъ эта реформа не принесетъ пользы. Вспомните исторію выкупа западныхъ дорогъ. Какъ много было шуму по этому поводу,—противники выкупа обвиняли правительство чуть не въ соціализмѣ; Клемансо ставилъ эту реформу во главу угла своей политики, и что же въ результатѣ? Гора родила мышь. Я вообще не противникъ ни этатизма, ни тѣмъ болѣе соціальныхъ реформъ, но я считаюсь съ реальными условіями нашей французской государственности и рѣшаю въ данномъ случаѣ вопросъ отрицательно.

Если такимъ образомъ соціальная программа радикализма, лишь только дѣло дошло до практики, была значительно сужена и сокращена, то той же участи подверглась и программа чисто политическая. Административная реформа, вписанная Клемансо въ программу его кабинета и имѣвшая въ виду проведеніе принциповъ децентрализаціи въ области управленія, такъ и осталась однимъ лишь украшеніемъ этой программы. Попрежнему все и вся сосредоточено въ Парижѣ; провинція попрежнему находится въ самой тѣсной зависимости отъ министерскихъ канцелярій и многія мѣстныя дѣла зачастую вѣдаются центральными учрежденіями.

Иначе, повидимому, обстоитъ дѣло съ реформой избирательной. Еще весною прошлаго года агитація въ пользу этой реформы достигла значительныхъ размѣровъ. Не говоря уже объ оппозиціи, какъ правой, такъ и лѣвой, для которыхъ пропорціональная система сулитъ въ будущемъ извѣстныя выгоды,—значительная часть радикаловъ заявила себя также сторонниками новой избирательной системы, и, такимъ образомъ, принесла ей въ жертву свои собственные партійные интересы. Весь избирательный періодъ 1910 года прошелъ подъ знакомъ пропорціонализма. Французскій избиратель вполнѣ опредѣленно выразилъ свое сочувствіе сторонникамъ реформы и проявилъ свою холодность по отношенію къ ея противникамъ Правительство съ Бріаномъ во главѣ также

выразило свое желаніе работать въ этомъ направленіи; тѣ же заявленія сдѣланы теперь и Монисомъ. Повидимому, избирательная реформа имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ и должна была быть поставлена на первую очередь. Однако, несмотря на всѣ эти хорошіе признаки, пока еще рѣшительно ничего нельзя предсказать относительно ея будущаго. Дѣло въ томъ, что даже помимо тѣхъ опасностей, какія она можетъ представить для радикаловъ, какъ правящей партіи, она повлечетъ за собою значительныя пертурбаціи въ избирательныхъ округахъ и, возможно, заставитъ многихъ депутатовъ, прочно сидящихъ на своихъ мѣстахъ при настоящей системѣ, уступить ихъ новымъ дѣятелямъ. А кому охота такъ легко разстаться съ депутатскимъ кресломъ? Здѣсь уже требуется значительная доза самопожертвованія. Скептики полагаютъ во всякомъ случаѣ, что палата затянетъ елико возможно осуществленіе этой реформы и отложитъ ее ad calendas graecas.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и въ отношеніи чисто политическихъ реформъ правящій радикализмъ послѣдняго пятилѣтія не грѣшитъ слишкомъ большою поспѣшностью. Посмотримъ теперь, какъ онъ *управляетъ* страною.

Вопросъ этотъ представляетъ особый интересъ, благодаря революціоннымъ и антигосударственнымъ формамъ французскаго рабочаго движенія, создающаго постоянныя затрудненія для правительствъ, въ особенности исповѣдующихъ принципы широкой терпимости къ различнымъ проявленіямъ общественнаго протеста. Въ тотъ періодъ, когда радикалы и радикалъ-соціалисты (тогда еще весьма немногочисленные) оставались въ оппозиціи, они съ глубокимъ негодованіемъ относились къ репрессіямъ, примѣнявшимся къ рабочимъ и другимъ слоямъ населенія въ минуты острыхъ общественныхъ конфликтовъ. Тотъ же Клемансо и въ своей „Aurore“, и на парламентской трибунѣ, тотъ же Бріанъ и какъ адвокатъ, и какъ публицистъ, и какъ общественный дѣятель не разъ выступали въ самой рѣзкой формѣ противъ примѣненія насильственныхъ мѣръ противъ рабочихъ. Бріанъ въ качествѣ соціалиста стяжалъ себѣ даже въ этомъ отношеніи въ особенности громкую извѣстность, о которой впослѣдствіи ему не разъ, вѣроятно, приходилось очень пожалѣть. Онъ однимъ изъ первыхъ выступилъ въ качествѣ защитника всеобщей стачки, съ которой ему пришлось столько бороться впослѣдствіи въ качествѣ министра-президента.

Въ этомъ отношеніи точно сама судьба рѣшила наказать радикаловъ за ихъ иногда, можетъ быть, слишкомъ безотвѣтственную критику мѣропріятій ихъ политическихъ противниковъ. Съ первыхъ же шаговъ ихъ правительственной дѣятельности и на всемъ ея протяженіи вплоть до момента отставки Бріана рабочіе волненія и безпорядки не прекращались во Франціи. Сначала грандіозная стачка въ сѣверныхъ рудни-

кахъ, сопровождавшаяся насиліями, разграбленіемъ и порчей имущества и даже убійствами, затѣмъ мятежъ винодѣловъ южныхъ департаментовъ; далѣе рядъ стачекъ землекоповъ, сопровождавшихся бурными демонстраціями, двѣ почтовыя стачки и, наконецъ, рядъ отдѣльныхъ случаевъ неповиновенія въ арміи и арестантскихъ бунтовъ,—все это безжалостно разрушало всяческія иллюзіи насчетъ мирнаго разрѣшенія классовыхъ конфликтовъ и воздѣйствія исключительно путемъ убѣжденія. Оказалось, что, несмотря на всѣ достоинства этого метода, на первомъ планѣ всетаки въ такіе острые моменты стоитъ поддержаніе порядка въ странѣ и что въ случаѣ упорнаго нежеланія со стороны его нарушителей подчиняться требованіямъ власти—и радикальному правительству, какъ и всякому, приходится прибѣгать къ старымъ, испытаннымъ „мѣрамъ строгости“, столь непріятнымъ и оскорбляющимъ чувства гуманности, но неизбѣжнымъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Такъ случилось и съ Клемансо. Всѣ его попытки „дѣйствовать убѣжденіемъ“ потерпѣли неудачу. Подобно своимъ предшественникамъ, онъ долженъ былъ въ концѣ концовъ прибѣгнуть къ другого рода аргументамъ и опереться на болѣе краснорѣчивую силу солдатскихъ штыковъ и полицейской репрессіи. Это еще не значитъ, конечно, что онъ считалъ ихъ наилучшимъ и единственно возможнымъ методомъ управленія. Какъ разъ наоборотъ, полицейскія репрессіи и военная сила пускались имъ обыкновенно въ ходъ уже послѣ того, какъ были исчерпаны всѣ другія средства. Но онъ въ значительной степени *удержалъ прежнюю систему запрещеній и ограниченій проявленія общественнаго*, точнѣе, *соціалистическаго протеста*, когда протестъ этотъ выносился на улицу. Характернымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи является систематическое неразрѣшеніе первомайскихъ рабочихъ демонстрацій, не говоря уже о собраніяхъ на открытомъ воздухѣ въ острые періоды стачечнаго возбужденія.

Послѣдніе мѣсяцы пребыванія Клемансо у власти были отмѣчены глухимъ недовольствомъ палаты отчасти между прочимъ и по поводу его политики слишкомъ натянутыхъ вожжей. Уходъ Клемансо и выступленіе Бріана въ качествѣ министра-президента обѣщали какъ будто нѣкоторую перемѣну въ этомъ отношеніи. Бріанъ, по прошлому соціалистъ, сторонникъ всяческихъ свободъ, когда-то защитникъ всеобщей стачки, долженъ былъ нѣсколько смягчить слишкомъ ужъ обострившееся положеніе вещей и ослабить „бразды правленія“. И дѣйствительно, съ первыхъ же шаговъ Бріанъ проповѣдуетъ успокоеніе и примиреніе и стремится на дѣлѣ проявить эти свои добрыя намѣренія. Наиболѣе убѣдительнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи является разрѣшенная имъ демонстрація по поводу дѣла Феррера.

Но радикальныхъ министровъ, какъ я уже сказалъ, точно преслѣ-

дуетъ какой-то злой рокъ. Обстоятельства неизбѣжно складываются всегда такимъ образомъ, что въ нѣкоторый опредѣленный моментъ „мѣры строгости самымъ рѣшительнымъ образомъ приходятъ на смѣну „мѣрѣ кротости". Для Бріана моментъ этотъ наступилъ весною прошлаго года, когда синдикалистскіе вожди, игнорируя правительство, рѣшили организовать революціонную первомайскую демонстрацію. На сцену такимъ образомъ здѣсь уже выступили соображенія не столько традиціонно-охранительнаго характера, сколько касающіяся поддержанія авторитета власти. Демонстрація была рѣшительно запрещена и парализована мобилизаціей многочисленныхъ военныхъ и полицейскихъ силъ. Съ этихъ поръ начинается паденіе популярности Бріана и ростъ къ нему недовѣрія въ соціалистическихъ и частью въ радикальныхъ кругахъ. Казнь Ліабефа подливаетъ масла въ огонь. А затѣмъ постепенно назрѣваетъ желѣзнодорожный конфликтъ, имѣвшій столь рѣшающее вліяніе на судьбу кабинета.

Періодъ желѣзнодорожной стачки явился періодомъ остраго общественнаго возбужденія. Въ это время Бріанъ прибѣгъ, какъ извѣстно, къ крутымъ и рѣшительнымъ репрессивнымъ мѣрамъ, вызвавшимъ рѣзкое осужденіе въ извѣстныхъ радикальныхъ кругахъ. Вначалѣ трудно было рѣшить, на чьей сторонѣ правда и кто явился дѣйствительнымъ виновникомъ открытія военныхъ дѣйствій,—въ такой степени вопросъ былъ обостренъ и запутанъ партійной печатью. Само собой разумѣется, что эксцессы стачечнаго движенія: саботажъ, насилія надъ колеблющимися и даже прямо не сочувствующими стачкѣ, не могли не отвратить общественныхъ симпатій отъ желѣзнодорожниковъ. Но это всетаки еще не выясняло окончательно положенія. Конечно, насилія заслуживаютъ всяческаго порицанія; конечно, саботажъ—варварство, но въ данномъ случаѣ ихъ можно было разсматривать какъ средства защиты и нападенія чисто военнаго характера. Стачка вѣдь по существу—та же война, а на войнѣ все позволено: „à la guerre, comme à la guerre". Кто проявитъ больше энергіи, иниціативы и даже безцеремонности, зачастую попирая всяческія юридическія и нравственныя нормы, тотъ и окажется побѣдителемъ, а „побѣдителей, какъ извѣстно, не судятъ".

Но дальнѣйшее теченіе событій уже послѣ ликвидаціи стачечнаго періода и, прежде всего, полемика „умѣренныхъ" и революціонеровъ въ соціалистическомъ лагерѣ выяснили, что руководство движеніемъ дѣйствительно попало въ руки наиболѣе крайнихъ элементовъ, постаравшихся экономическому по существу конфликту придать антигосударственный характеръ. Бріанъ былъ такимъ образомъ вполнѣ правъ, разсматривая эту стачку, какъ политическое движеніе, какъ одну изъ синдикалистскихъ попытокъ соціальной революціи, долженствующихъ, по ихъ мнѣнію, привести къ рѣшительной побѣдѣ пролетаріата.

Однако и на этотъ разъ пролетаріатъ, или въ данномъ случаѣ бѣдные „cheminots“ побѣдителями совсѣмъ не оказались, и потому судъ надъ ними былъ довольно строгій, а временами даже и безжалостный. Бріанъ прибѣгъ къ мобилизаціи желѣзнодорожныхъ служащихъ и, опираясь на довольно почтенный по возрасту законъ 1845 года, распространилъ преслѣдованіе не только на дѣйствительныхъ виновниковъ актовъ насилія и саботажа, но и на лицъ, явившихся идейными вдохновителями такого рода дѣйствій. 13 октября въ редакціи *Humanité* были произведены аресты вождей движенія, извѣстныхъ синдикалистовъ: Брандуйя, Легеннка, Рено, Тоффена и Лемуана. Интересна между прочимъ самая обстановка ареста.

Лепинъ явился въ сопровожденіи Тунп, директора муниципальной полиціи, и Амара, начальника сыскной. Въ качествѣ галантнаго француза онъ привѣтствовалъ поклономъ многочисленное собраніе. Съ самой лучезарной улыбкой онъ заявилъ Жоресу и его друзьямъ, что онъ лично на этотъ разъ явился исключительно лишь затѣмъ, чтобы представить Амара, который и долженъ приступить къ необходимой процедурѣ. Жоресъ съ своей обычной горячностью выразилъ тотчасъ же протестъ отъ имени республики и закона о правѣ стачекъ. То же намѣревался сдѣлать и Вальянъ. Но такъ какъ почтенный ветеранъ французскаго соціализма нѣсколько многорѣчивъ и, по выраженію Лепина, „никогда не можетъ кончить, разъ началъ“, то послѣдній поспѣшилъ сбить его съ позиціи.

— Это, вѣроятно, продолженіе вашей рѣчи на кладбищѣ *Père-Lachaise,*—замѣтилъ онъ ему, намекая на подобный же случай, имѣвшій мѣсто этимъ лѣтомъ во время обычнаго паломничества на могилы коммунаровъ, когда Вальянъ, несмотря на запрещеніе правительства, хотѣлъ сказать „нѣсколько словъ“.

Ѣдкая реплика „старѣйшаго изъ фликовъ“, разогрѣла страсти, и установившійся было тонъ иронически утонченной любезности уступилъ мѣсто шумнымъ крикамъ протеста и оскорбленіямъ полиціи.

— А, если они хотятъ продолжать въ такомъ тонѣ,—сказалъ Лепинъ,—я надѣваю шляпу.

Этимъ онъ освобождалъ себя отъ дальнѣйшей необходимости быть любезнымъ съ противниками.

Впрочемъ, взаимная пикировка вскорѣ снова возобновилась. Одинъ изъ членовъ редакціи, указывая дорогу полиціи, очень извинялся передъ Лепиномъ, что его приходится принимать въ такомъ бѣдномъ помѣщеніи.

— Но, увы, мы теперь не у прежняго хозяина,—добавилъ онъ, намекая на былую руководящую роль Бріана въ дѣлахъ редакціи.

Лепина это маленькое замѣчаніе привело въ самое веселое настроеніе, и, чтобы не остаться въ долгу, онъ отвѣтилъ:

— Но я, право же, не ожидалъ здѣсь найти столько остроумія и притомъ столь высокаго сорта.

Послѣднее слово осталось, впрочемъ, всетаки за соціалистами.

Вызываютъ послѣдняго изъ главарей движенія, подлежащаго аресту.

— Здѣсь,—отвѣчаетъ тотъ, но, прежде чѣмъ подписать бумагу, замѣчаетъ, что его имя написано неправильно.

— Мое имя пишется не такъ,—говоритъ онъ.

— Это ничего не значитъ.

— Извините. Это значитъ кое-что. Мы всетаки придерживаемся ореографіи. Это—единственная гарантія, которая намъ еще осталась.

И арестъ такимъ образомъ отлагается.

Но далеко не всегда дѣло ограничивается только шутками и ироническими любезностями. Таково, напримѣръ, нашумѣвшее „дѣло Дюрана“. Дюранъ, секретарь одного изъ синдикатовъ въ департаментѣ Нижней Сены, былъ арестованъ по обвиненію въ убійствѣ одного изъ штрейкбрехеровъ. Обвиненіе не располагало достаточно достовѣрными данными, но—такова была сила враждебности извѣстныхъ слоевъ общества къ актамъ саботажа и насилія—присяжные вынесли всетаки обвинительный приговоръ, и несчастный Дюранъ былъ присужденъ къ смерти. Поднявшаяся затѣмъ агитація въ пользу пересмотра дѣла заставила Фальера сначала замѣнить смертную казнь 6-лѣтней каторгой, а потомъ согласиться и на освобожденіе Дюрана.

Желѣзнодорожная забастовка прошлаго года сыграла свою роль во Франціи, и результаты ея еще не могутъ быть учтены въ настоящую минуту. Несомнѣнно, что Бріанъ прибѣгъ къ исключительнымъ мѣрамъ для возстановленія нормальнаго порядка и для предотвращенія революціоннаго движенія. Впрочемъ, онъ и самъ нисколько не скрывалъ этого. Въ своихъ объясненіяхъ передъ парламентомъ онъ, быть можетъ, зашелъ даже дальше, чѣмъ бы слѣдовало. Не отрицая исключительности принятыхъ имъ мѣръ, онъ указалъ въ то же время, что онѣ покоились на основаніи законномъ.

— Но,—прибавилъ онъ,—если бы этого легальнаго основанія въ рѣшительный моментъ не оказалось, я не задумался бы прибѣгнуть къ внѣзаконнымъ мѣрамъ, чтобы спасти положеніе.

Слова эти вызвали въ палатѣ цѣлую бурю. Поднялся невѣроятный шумъ огромной массы протестующихъ, усмотрѣвшихъ въ словахъ министра-президента поползновенія къ цезаристскимъ тенденціямъ и серьезное покушеніе на конституцію. Наиболѣе рѣшительные люди прямо-таки объявили „отечество въ опасности“, а Бріана провозгласили „диктаторомъ“, человѣкомъ опаснымъ для республики.

Само собой разумѣется, что весь этотъ шумъ и всѣ эти опасенія не только были преувеличены и раздуты, но и вообще не имѣли подъ

собою никакого основанія. Со стороны Бріана это была только бравада, вызовъ своимъ противникамъ въ духѣ его предшественника Клемансо, вызовъ ненужный, излишній и даже вредный для дальнѣйшей его карьеры. Враждебное настроеніе палаты ему было хорошо извѣстно и раньше, еще въ день объявленія мобилизаціи желѣзнодорожныхъ служащихъ, когда ему пришлось прибѣгнуть къ невѣроятнымъ усиліямъ, чтобы воспользоваться правомъ дать объясненія не столько, впрочемъ, парламенту, гдѣ его не хотѣли слушать, сколько странѣ и заграницѣ. По свидѣтельству свѣдущихъ людей, это былъ настоящій „*Coup de guele*“ оратора рабочихъ собраній, который хочетъ заставить себя слушать во что бы то ни стало. И самое элементарное благоразуміе должно бы было заставить Бріана воздержаться отъ изложенія возможныхъ своихъ намѣреній, тѣмъ болѣе, что, вульгарно говоря, никто не тянулъ его за языкъ. Повидимому, просто-напросто онъ былъ взвинченъ, переутомленъ, раздраженъ, наконецъ, постоянно направленными противъ него лично атаками и потому перешелъ границу.

Я вовсе не думаю выступать здѣсь въ качествѣ защитника бывшаго министра-президента, въ особенности поскольку дѣло идетъ о его личности. Возможно, что Бріанъ—слишкомъ карьеристъ (кто не карьеристъ среди французскихъ парламентаріевъ?), возможно, что онъ ренегатъ въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова, человѣкъ фальшивый, неискренній и т. д., и т. д. Я не знаю этого и не хочу разбираться въ той кучѣ всяческихъ сплетенъ и слуховъ, какую всегда любезно предоставляютъ къ услугамъ публики досужіе моралисты. Бріанъ для меня интересенъ, какъ политическая фигура, какъ опредѣленный типъ общественнаго дѣятеля, какъ характеръ.

И съ этой точки зрѣнія всяческія обвиненія его въ диктаторскихъ поползновеніяхъ только смѣшны и дѣтски наивны. Если ужъ можно въ чемъ упрекнуть Бріана, то какъ разъ въ противоположномъ: въ излишней покладистости и податливости, въ излишнемъ подчиненіи волѣ демократіи, въ частности парламента, часто даже наперекоръ своимъ собственнымъ убѣжденіямъ. Мнѣ уже пришлось въ началѣ письма коснуться его отношенія къ вотуму палаты, провалившей имъ же самимъ составленный проектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Та же уступчивость, то же желаніе прійти къ доброму согласію часто въ ущербъ его собственнымъ взглядамъ замѣтны и въ дальнѣйшихъ его шагахъ: въ его позиціи относительно избирательной реформы, въ уступкахъ, сдѣланныхъ имъ въ законопроектахъ, касающихся желѣзнодорожниковъ, и, наконецъ, въ его преждевременной отставкѣ, которая вовсе не была результатомъ опредѣленнаго вотума недовѣрія, а лишь *слабой степени довѣрія* парламента (большинства всего 25 голосовъ).

Но оставаясь всегда послушнымъ волѣ большинства, оставаясь по-

слѣдовательнымъ демократомъ, Бріанъ однако все крѣпче и крѣпче натягивалъ „бразды правленія“ въ собственномъ смыслѣ. Въ этомъ отношеніи онъ скоро разошелся съ поддерживавшимъ его дотолѣ большинствомъ и перемѣстилъ центръ тяжести нѣсколько вправо. Изъ всей исторіи съ желѣзнодорожной забастовкой онъ выпутался благополучно, благодаря исключительно лишь поддержкѣ правыхъ элементовъ парламента, главнымъ образомъ—прогрессистовъ. Такимъ образомъ поддерживавшее его большинство вообще измѣнилось. Значительная часть радикаловъ и радикалъ-соціалистовъ заняла по отношенію къ своему бывшему вождю почти столь же непримиримую и враждебную позицію, какъ и чистые („объединенные“) соціалисты. Радикальный центръ заколебался, и началось весьма ощутительное „равненіе направо“.

„Поправѣніе“ кабинета ознаменовалось, во-первыхъ, его реорганизаціей. Весь кабинетъ въ полномъ составѣ подалъ въ отставку. Но это былъ лишь предлогъ (coup de théâtre,—писали газеты) для ухода значительнаго числа министровъ, несогласныхъ съ новымъ курсомъ дѣятельности кабинета и не желавшихъ опираться на новое большинство. Составленіе новаго кабинета было поручено опять-таки Бріану, и „равненіе направо“ началось еще болѣе опредѣленно.

Однимъ изъ первыхъ шаговъ реформированнаго кабинета было внесеніе четырехъ законопроектовъ, продиктованныхъ въ значительной степени послѣдней забастовкой и которыми Бріанъ надѣялся обезпечить порядокъ на желѣзныхъ дорогахъ. Законопроекты эти касались, во-первыхъ, установленія болѣе суровыхъ наказаній за саботажъ, во-вторыхъ, измѣненія закона 15 іюля 1845 года, касающагося желѣзнодорожной охраны,—того самаго закона, на основаніи котораго были мобилизированы служащіе сѣверной дороги,—затѣмъ выработки статута для желѣзнодорожниковъ и, наконецъ, обратнаго дѣйствія закона о рабочихъ пенсіяхъ.

Печатью и обществомъ въ особенности былъ отмѣченъ третій законопроектъ. Онъ вводилъ нѣкоторый новый принципъ въ законодательство. Онъ имѣлъ въ виду лишить права стачекъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ и служащихъ и ввести въ обычай обязательный третейскій судъ въ случаяхъ конфликтовъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и компаній. Этотъ же, главнымъ образомъ, законопроектъ и явился яблокомъ раздора между Бріаномъ и несогласными съ нимъ министрами, въ частности Мильераномъ и Вивіани.

Мильеранъ, между прочимъ, оспаривалъ не столько самую идею подобнаго разрѣшенія конфликтовъ, сколько ту сложную и запутанную процедуру, какая устанавливалась бріанскимъ законопроектомъ, что касается приведенія рѣшенія третейскаго суда въ исполненіе.

„Нужно помнить,—говорилъ Мильеранъ въ одномъ ученомъ обще-

ствѣ, гдѣ онъ читалъ свой докладъ по этому поводу,—что вопросъ о претензіяхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, какъ и другихъ рабочихъ, занятыхъ въ любомъ производствѣ, есть вопросъ экономическій. Мы же обычно стремимся придать ему политическую окраску, ищемъ въ ихъ требованіяхъ политическаго элемента и создаемъ рядъ чрезвычайно сложныхъ затрудненій, препятствующихъ правильному функціонированію арбитража.

„Поменьше политики въ экономическихъ вопросахъ, побольше довѣрія къ институту третейскаго суда и здравому смыслу французской демократіи",—таковъ былъ общій выводъ доклада, встрѣтившаго самый горячій пріемъ со стороны аудиторіи, составившейся, кстати сказать, изъ людей съ вѣсомъ и положеніемъ.

Какъ бы однако рѣзко ни проявились реакціонныя тенденціи при послѣднемъ министерствѣ, какъ бы рѣшительно ни шагнулъ вправо Бріанъ во второй періодъ своей президентской карьеры, фактъ этотъ не представляется исключительнымъ. У всѣхъ радикальныхъ кабинетовъ за послѣдній 4—5-тилѣтній промежутокъ времени можно замѣтить это тяготѣніе къ нѣкоторому уклону вправо, по крайней мѣрѣ по сравненію съ предшествовавшими періодами и въ особенности съ тѣмъ боевымъ, почти революціоннымъ настроеніемъ, какое охватило передовые слои французскаго общества въ періодъ дѣла Дрейфуса. Разница слишкомъ замѣтна и ощутительна. И дѣло здѣсь, повидимому, совсѣмъ не въ отдѣльныхъ личностяхъ, не въ Клемансо, Бріанѣ и т. п., а въ самой радикальной партіи, переживающей теперь нѣкоторый идейный и моральный кризисъ, а пожалуй, даже во всемъ французскомъ обществѣ.

Французскій радикализмъ—радикализмъ далеко уже не первой молодости. Его прошлое восходитъ еще къ эпохѣ великой революціи. Его программа—программа первыхъ апостоловъ демократіи, пропитанная и обновленная лишь новѣйшими соціальными идеями. Первоначальная свѣжесть и непосредственность его вѣрованій и порывовъ давно уже растеряна на длинномъ пути неудачъ и разочарованій. Потускнѣли яркія краски юности, поблекъ румянецъ и на лицо легли морщины усталости и разочарованія. Нѣтъ уже прежняго порыва, нѣтъ уже прежней вѣры во всемогущество божественнаго Разума. Безпощадное время безжалостно потопило ихъ въ мутныхъ волнахъ холоднаго скептицизма.

Но временами, въ эпохи общественнаго подъема, вновь поднимаются со дна души старыя, еще незабытыя воспоминанія, начинаютъ бродить старыя дрожжи революціи. Кровь распаляется снова, воображеніе разгорается и наступаетъ подъемъ всего организма, можетъ быть, непрочный, можетъ быть, недолгій и даже искусственный, но все же подъемъ, все же возрожденіе.

Такъ было съ французскимъ радикализмомъ въ дрейфусовскую эпоху. Много надеждъ возлагалось тогда на будущее. Строились широкіе планы, создавались всеобъемлющія программы. Борьба съ враждебными элементами вдохновляла, возбуждала. Искусно и умѣло оттачивалось оружіе критики. Наносились мѣткіе и увѣренные удары. И врага ранили на смерть.

Побѣда самая рѣшительная осталась по всей справедливости за радикалами. Но, увы, побѣда эта уже въ самой себѣ несла элементы пораженія. Окончился періодъ борьбы, періодъ подъема и возбужденія, періодъ опьянѣнія своимъ собственнымъ благородствомъ, даже своими собственными фразами. „Облетѣли цвѣты, догорѣли огни". И наступила самая обычная дѣйствительность, сѣренькія будни повседневной государственной дѣятельности.

Здѣсь-то и проявилось безсиліе радикализма создать новую эпоху, создать новый героическій періодъ французской исторіи. Спора нѣтъ, Франція окрѣпла и набралась новыхъ силъ за все время радикальнаго владычества. Одинъ даже законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства вписалъ совершенно новую страницу въ ея исторію. Но, во-первыхъ, это продолжалось недолго, а главное—составило только часть и, пожалуй, наиболѣе легкую часть той широковѣщательной программы радикализма, которая, какъ неизбѣжный результатъ ея безпощадной критики прогрессистской политики, была выдвинута въ свое время съ большимъ трескомъ и шумомъ.

Но—старая истина—критика всегда легче созиданія. И когда дѣло коснулось реализаціи всѣхъ въ изобиліи сдѣланныхъ обѣщаній, радикалы оказались почти банкротами. Во всякомъ случаѣ принимая во вниманіе ту краткосрочность уплаты, на которой такъ настаивали ихъ кредиторы. Нѣсколько ранѣе я попытался выяснить размѣры этой несостоятельности и пытался подчеркнуть ея неизбѣжный, такъ сказать, фатальный характеръ. Гдѣ же причины этой неизбѣжности, этого злого рока, тяготѣющаго надъ радикальной партіей? Почему, неизмѣнно начиная каждый разъ за здравіе, она неизбѣжно кончаетъ за упокой? Почему „успокоеніе" и „умиротвореніе" министерскихъ декларацій съ теченіемъ времени превращаются въ „репрессіи", а „реформы" въ классическій „шагъ на мѣстѣ".

Что касается репрессій, объясненіе имъ я пытался дать въ моемъ предыдущемъ письмѣ, ссылаясь главнымъ образомъ на характеръ современнаго революціонно-соціалистическаго движенія или, точнѣе, революціонно-синдикалистскаго, за которымъ вотъ уже столько времени послушно плетется парламентскій соціализмъ.

„Шагъ на мѣстѣ" или, иначе, слишкомъ медленный, а главное недостаточно продуктивный ходъ законодательной работы—явленіе болѣе

сложное, зависящее отъ многихъ обстоятельствъ. Здѣсь нельзя не указать прежде всего на самый характеръ современной парламентской работы, всегда достаточно сложной и нелегкой, проходящей черезъ множество подготовительныхъ фазисовъ; затѣмъ на массу другихъ дѣлъ, занимающихъ вниманіе палаты и правительства: неизбѣжное детальное разсмотрѣніе бюджета, интерпелляціи и т. п., и, наконецъ, то постоянное сознаніе отвѣтственности въ серьезномъ, многотрудномъ дѣлѣ государственнаго творчества, которое предрасполагаетъ иногда, быть можетъ, даже къ излишней осторожности.

Здѣсь на первомъ планѣ встаетъ всегда вопросъ финансовый. Реформы стоятъ денегъ, а соціальныя реформы въ особенности. Надо устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы не перегрузить государственнаго бюджета, не обременить плательщиковъ новыми налогами, не повысить цифры государственнаго долга. Все это дѣло очень сложное и деликатное, гораздо болѣе сложное, чѣмъ критика и поза благороднаго негодованія.

Второй вопросъ — частные интересы. Всякая серьезная реформа непремѣнно ихъ затрагиваетъ, и надо хорошенько взвѣсить и обдумать всѣ мелчайшія подробности, обстоятельно справиться о мнѣніи заинтересованныхъ классовъ и группъ и не только семь, но семью семь разъ примѣрить, прежде чѣмъ рѣшиться отрѣзать.

Наконецъ—и это далеко не послѣднее соображеніе—надо посчитаться со своими собственными парламентскими и административными нравами, съ аппетитами и эгоистическими наклонностями отдѣльныхъ личностей, съ продажностью или, по крайней мѣрѣ, покладистостью разныхъ слоевъ чиновничества.

Въ зависимости отъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ и создается нѣсколько запутанная и непонятная на первый взглядъ тактика французскаго радикализма. Теоретическія и моральныя побужденія непрерывно толкаютъ впередъ, практическія же и прежде всего финансовыя соображенія задерживаютъ. Радикализмъ, что называется, „и радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ“.

И вотъ это-то сознаніе своей „грѣховности“, своей раздвоенности во всякомъ случаѣ, сознаніе постояннаго расхожденія слова съ дѣломъ, программы съ ея выполненіемъ и обусловливаетъ ту политику нерѣшимости и колебаній, которая такъ характеризуетъ многіе моменты французской парламентской жизни. Сколько разъ, напримѣръ, и при Клемансо и при Бріанѣ радикализмъ манифестировалъ свое недовольство умѣренностью обоихъ министровъ, сколько разъ и въ палатѣ и на конгрессахъ онъ пытался въ косвенной формѣ выразить имъ недовѣріе или, по крайней мѣрѣ, отречься отъ солидарности съ ними. Но какъ рѣзко и неожиданно мѣнялось положеніе, когда въ рѣшительный мо-

ментъ требовался опредѣленный отвѣтъ: „по прежнему ли пути, или рѣшительно влѣво“. И тогда, несмотря на всю предшествующую шумиху обличительныхъ рѣчей, большинство пугалось отвѣтственности и, предавъ забвенію свои вчерашнія бравады, въ безпорядкѣ бросалось слѣва направо и дружно выносило правительство на широкую дорогу прочно уже установившагося курса политической жизни.

На этотъ разъ однако произошло, повидимому, нѣчто иное. Рѣшительный уходъ Бріана и его опредѣленное указаніе (въ письмѣ на имя Фальера) на невозможность совмѣстной работы съ враждебно настроенной къ нему палатой поставили вопросъ о перемѣщеніи центра политической жизни влѣво, о лѣво-радикальномъ министерствѣ. Выборъ Мониса въ качествѣ министра-президента, вступленіе въ кабинетъ Берто, одного изъ лидеровъ лѣвой оппозиціи и, наконецъ, рѣшительный отказъ умѣренныхъ Пуанкаре и Рибо принять участіе въ кабинетѣ дали этому вопросу положительное разрѣшеніе. Долго ли просуществуетъ новый кабинетъ, въ какой степени онъ проложитъ новые пути въ законодательствѣ и управленіи, повторяю,—все это пока величины слишкомъ мало опредѣленныя; но несомнѣнно одно: новый кабинетъ уже однимъ фактомъ своего образованія проводитъ рѣзкую демаркаціонную черту между политикой своихъ умѣренныхъ предшественниковъ и своей собственной, стремясь къ созданію чего-то новаго.

Таковы его намѣренія, но осуществятся ли они въ полной мѣрѣ, въ этомъ позволительно сомнѣваться. И прежде всего благодаря неясности и неопредѣленности очертаній самого лѣваго радикализма. Что такое лѣвые радикалы во Франціи и чего они хотятъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ можно лишь въ слѣдующей нѣсколько езоповской формѣ: „того же, что и другіе радикалы, но лишь въ болѣе сильной степени“. Не правда ли, это не слишкомъ ясно; но что подѣлать, когда различія сводятся къ неуловимымъ оттѣнкамъ и когда сами „лѣвые“ далеко не такъ ужъ согласны и единодушны. И дѣло по существу здѣсь не столько въ „лѣвыхъ“ и „умѣренныхъ“, сколько въ самыхъ типахъ государственныхъ дѣятелей, въ самомъ характерѣ радикальной партіи.

Есть два рода радикаловъ во Франціи: одни реалисты и практики вродѣ Клемансо и Бріана (Бріанъ, впрочемъ, не состоитъ въ радикальной партіи), другіе—романтики. Первые, сообразуясь съ потребностями времени, не задумываются поступаться тѣми или иными традиціонными цѣнностями и эмблемами: они слишкомъ считаются съ дѣйствительностью, чтобы дорожить побрякушками и амулетами. Вторые, наоборотъ, свято хранятъ весь старый арсеналъ программъ и предразсудковъ и упорно не хотятъ видѣть того, что оскорбляетъ дорогія имъ вѣрованія. Первые всегда трезвы и прекрасно оріентируются въ положеніи; вторые зачастую не видятъ самыхъ простыхъ вещей и свои собственныя

измышленія принимаютъ за дѣйствительность. Одни—терпимы къ чужому мнѣнію и очень чувствительны къ яснымъ логическимъ доводамъ; другіе всегда немного сектанты и стараются больше дѣйствовать на чувство. Прекраснымъ реактивомъ на тѣхъ и на другихъ всегда можетъ служить разговоръ о нѣмцахъ. Что французы сильно недолюбливаютъ Германію, это извѣстно всѣмъ и каждому. Но всегда можно уловить разницу въ этомъ нерасположеніи. Одни хоть и не любятъ нѣмцевъ, но относятся къ нимъ справедливо, не закрывая себѣ глазъ на ихъ достоинства и преимущества. Другіе не хотятъ видѣть ничего, кромѣ пороковъ и недостатковъ, во всей многочисленной германской націи. Излишне добавлять, что это мнѣніе лѣвыхъ, сектантовъ.

Незадолго до отставки Бріана мнѣ пришлось бесѣдовать съ одной немолодой уже дамой, живо интересующейся политикой. Дама—сторонница „лѣвыхъ“ и комбистка больше—чѣмъ самъ Комбъ.

— Бріанъ—реакціонеръ,—сказала она мнѣ.—Онъ скрытый клерикалъ. Онъ втайнѣ желаетъ предать страну іезуитамъ. Посмотрите, къ какимъ беззаконіямъ онъ прибѣгъ во время стачки желѣзнодорожниковъ!

— Но вѣдь стачка угрожала всей экономической жизни Франціи.

— Онъ самъ ее устроилъ.

— ??!

— Да, да, какъ Клемансо устроилъ стачку почтарей. Это имъ обоимъ было нужно, чтобы укрѣпиться въ палатѣ.

— Но какъ же вы тогда объясните роль Пато, Пуже и, наконецъ, Гриффюэля и всей главной Конфедераціи труда.

— Это министерскіе агенты-провокаторы...

Не правда ли, очень просто, хотя и довольно неожиданно. А между тѣмъ моя собесѣдница — человѣкъ очень образованный, человѣкъ умственнаго труда и притомъ изъ доподлинной французской интеллигенціи, чрезвычайно здраво и интересно разсуждающій обо всемъ, исключая отечественной политики. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, я думаю, врядъ ли бы она получила одобреніе даже самого Пельтана, несмотря на всю его сектантскую нетерпимость.

Приведенный мною примѣръ, конечно, совершенно исключительный, но онъ прекрасно отмѣчаетъ тенденцію. *Idée fixe* лѣвыхъ радикаловъ это — возрождающійся во Франціи клерикализмъ, грядущая „черная опасность“. За недостаткомъ мѣста я не могу подробно коснуться въ настоящемъ письмѣ этого интереснаго вопроса. Замѣчу лишь, что всѣ эти опасенія болѣе чѣмъ преувеличены, и въ настоящее время положительно нѣтъ никакихъ основаній страшиться какого-то новаго крестоваго похода изъ Рима. Религіозный вопросъ рѣшенъ во Франціи разъ навсегда уже хотя бы благодаря совершенно равнодушному отношенію къ религіи огромной части крестьянскаго населенія Франціи.

Но не такъ полагаютъ однако въ лагерѣ лѣваго радикализма. „Черная опасность“, это—неисчерпаемый источникъ активности лѣваго радикализма и въ то же время одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ стараго радикальнаго арсенала. Вопросъ о возрожденіи конгрегацій лишилъ Бріана его прежняго большинства и тотъ же вопросъ усиленно муссируется новымъ кабинетомъ. Муссируется тѣмъ болѣе, что по всѣмъ остальнымъ вопросамъ законодательства и управленія новый кабинетъ занимаетъ пока еще слишкомъ неопредѣленныя, а главное нерѣшительныя позиціи. И еще неизвѣстно, будетъ ли имъ создана особая лѣво-радикальная политика и не пойдутъ ли Монисъ и Берто по слѣдамъ Клемансо и Бріана, по той самой проторенной дорожкѣ умѣреннаго радикализма, которая, повидимому, и самому кабинету представляется наиболѣе вѣрной и безопасной. Я говорю „повидимому“, потому что элементы такого рѣшенія заключаются уже въ самой министерской декларації. Кромѣ того, извѣстная часть соціалистовъ съ Жоресомъ и Самба во главѣ, возлагавшихъ сначала надежды на новый кабинетъ, уже заявила о своемъ полномъ разочарованіи. И надо думать, что послѣ необходимыхъ оговорокъ Монисъ займетъ тѣ же охранительныя и умѣренно-реформаторскія позиціи, какія занимали Клемансо и Бріанъ, и такимъ образомъ ликвидаторская попытка лѣвыхъ такъ и останется только попыткою. Въ противномъ случаѣ онъ врядъ ли будетъ располагать достаточнымъ большинствомъ въ палатѣ.

Словомъ, декораціи перемѣнились, на сцену выступили новые актеры, но пьеса разыгрывается все та же самая, давнишняя и уже заигранная, но все еще поучительная и интересная.

А. Щепетевъ.

Къ вопросу о самостоятельной украинской культурѣ.

(Письмо въ редакцію.)

Глубокоуважаемый Петръ Бернгардовичъ!

Около шести лѣтъ тому назадъ, когда вы редактировали *Освобожденіе,* я послалъ вамъ статью, въ которой въ качествѣ украинца возражалъ противъ нѣкоторыхъ, по моему мнѣнію, несправедливыхъ упрековъ украинцевъ по адресу русскаго освободительнаго движенія. Вы тогда охотно удѣлили мѣсто моей статьѣ на страницахъ редактируемаго вами изданія. Это побуждаетъ меня высказаться и теперь, когда вы выступили съ своимъ сужденіемъ по вопросу объ украинской культурѣ.

Напомню вамъ, что поводомъ для моей статьи тогда были нападки въ вѣнскомъ журналѣ *Ruthenische Revue* (теперь *Ukrainsche Rundschau*) на вождей русскаго освободительнаго движенія за то, что они игнорируютъ украинскій вопросъ. Нападки эти были съ поспѣшностью подхвачены нѣмецкой либеральной газетой *Frankfurter Zeitung*. Я въ своей статьѣ настаивалъ на томъ, что съ точки зрѣнія тогдашняго положенія русскаго освободительнаго движенія украинскій вопросъ—частность, и, какъ на частный вопросъ, на него достаточно обращали вниманія. Къ тому же я придерживался мнѣнія, что историческій моментъ требовалъ, чтобы сами украинцы возможно болѣе опредѣленно, а главное, *солидарно* заявили о своихъ нуждахъ. Я не могъ при этомъ не высказать и своихъ общихъ взглядовъ на украинскій вопросъ. Отрицательную сторону украинскаго движенія я видѣлъ въ чрезмѣрномъ подчеркиваніи элемента розни и крайняго обособленія всего украинскаго отъ русскаго. Не нравилось мнѣ между прочимъ то, что нападки на русское освободительное движеніе появились въ такой моментъ и притомъ въ органѣ, печатающемся на нѣмецкомъ языкѣ. Вѣдь положеніе украинскаго народа среди народовъ славянскихъ очень характерно тѣмъ, что оно вполнѣ аналогично положенію германской имперіи среди европейскихъ государствъ. Какъ тотъ, такъ и другая находятся въ центрѣ. Поэтому имъ приходится

сталкиваться со всѣми своими сосѣдями: въ моментъ слабости и упадка вызывать у своихъ сосѣдей стремленіе поживиться на ихъ счетъ, въ моментъ подъема или даже силы и могущества, которыми теперь, напримѣръ, обладаетъ германская имперія, наталкиваться на сплоченную ненависть и вражду всѣхъ окружающихъ. У современныхъ нѣмцевъ, очень склонныхъ къ конструированію всевозможныхъ политическихъ комбинацій, уже высказываются предположенія о томъ, что интересы нѣмецкаго и украинскаго народовъ могутъ оказаться солидарными. Къ счастью, украинцамъ пока совершенно чужды эти идеи высокой политики. Но мнѣ, какъ украинцу, дорожащему интересами культурнаго развитія своего народа, непріятенъ даже малѣйшій намекъ на такую постановку вопроса. Я глубоко убѣжденъ, что историческія судьбы связали украинскій народъ съ великорусскимъ навсегда, и также безповоротно разъединили его съ другими его сосѣдями, главнымъ образомъ съ народомъ польскимъ. Поэтому дальнѣйшее развитіе украинскаго народа возможно только въ связи и въ тѣсной всесторонней солидарности съ великорусскимъ народомъ. Особенно неразрывно связанъ украинскій народъ съ великорусской культурой, такъ какъ за это уже говоритъ громадная цѣнность послѣдней. Я придерживаюсь мнѣнія, что изъ всѣхъ славянскихъ культуръ только великорусская сможетъ достичь истинно мірового значенія. Въ виду этого для украинскаго народа чрезвычайно важно сохранить эту связь, сближающую его съ міровыми интересами, и она необходимо должна сохраниться. Но въ то же время самыя насущныя нужды украинскаго народа требуютъ и развитія своей самобытной культуры. Я не считаю возможнымъ предрѣшать вопросъ о границахъ этого развитія; этотъ вопросъ можетъ рѣшить только сама жизнь и исторія. Во всякомъ случаѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что украинцы будутъ имѣть и свои гимназіи и свои университеты. Въ Галиціи они уже имѣютъ свои гимназіи и отдѣльныя каѳедры въ львовскомъ университетѣ и добиваются созданія своего собственнаго полнаго университета. Отчего это невозможно для украинцевъ въ Россіи?

Высказанные мною въ *Освобожденіи* очень умѣренные, чисто культурническіе взгляды на украинство вызвали самыя рѣзкія нападки со стороны украинскихъ націоналистовъ. Но это и служитъ свидѣтельствомъ того, что въ украинскомъ вопросѣ мнѣ чужды всякія предвзятыя мнѣнія. Я не прихожу въ неистовое бѣшенство и не впадаю въ обморочное состояніе, когда мнѣ говорятъ, что украинскому народу суждено вполнѣ слиться съ великорусскимъ и всецѣло воспринять его культуру, что тѣмъ зачаткамъ новой украинской культуры, которые были созданы въ теченіе послѣдняго столѣтія, предстоитъ погибнуть и изъ нихъ не выработается цѣльная и самобытная культура. Напротивъ, я готовъ считаться и съ этой возможностью. Если мнѣ докажутъ, что наиболѣе легкій

и короткій путь для культурнаго подъема украинскихъ народныхъ массъ состоитъ въ наиболѣе быстромъ усвоеніи ими великорусской или, какъ чаще называютъ, русской культуры, что этотъ путь развитія даже необходимъ, ибо онъ диктуется всѣмъ ходомъ историческаго процесса, я, конечно, примирюсь съ этимъ и даже буду считать своимъ долгомъ способствовать такому исходу. Но это мнѣ должны доказать, основываясь на объективныхъ данныхъ, а не исходя изъ субъективныхъ стремленій и эгоистическихъ побужденій. Именно такихъ доказательствъ я не вижу.

Зато я долженъ сознаться, что факты, которые мнѣ приходилось наблюдать въ послѣднія пять лѣтъ, заставили меня совершенно измѣнить свое мнѣніе объ отношеніи русскаго общества къ украинству. Прежде я многое оправдывалъ, объясняя то цензурными условіями, то исключительностью момента; теперь я долженъ признать, что основная черта, характеризующая отношеніе русскаго общества къ украинству, это рѣзко выраженный эгоизмъ. Начну съ консервативныхъ и реакціонныхъ слоевъ его. Не подлежитъ сомнѣнію, что за послѣдніе годы очень усилилась дѣятельность всякихъ славянскихъ благотворительныхъ комитетовъ, русскихъ собраній и окраиннаго общества, направленная противъ украинскаго движенія какъ въ Галиціи, такъ и въ Россіи; а недавно возникшія галицко-русскія общества въ Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ поставили своей главной задачей бороться съ украинствомъ. Въ Галиціи эти общества создаютъ страшную деморализацію среди „галицко-русской“ интеллигенціи, матеріально поддерживая москвофиловъ. Это та часть „галицко-русской“ интеллигенціи, которая по національнымъ мотивамъ не можетъ примкнуть къ полякамъ, а по соціальнымъ—къ украинцамъ, такъ какъ она враждебна всякой демократіи. Поэтому она объявляетъ себя „русской“ и этимъ путемъ поддерживаетъ въ себѣ чувство собственнаго достоинства, причисляя себя къ великой націи, которая притомъ имѣетъ своихъ генераловъ, князей и графовъ. Это порожденіе феодально-бюрократическаго духа Австріи, усложненное еще шляхетско-панской атмосферой, столь сильной въ Галиціи, конечно, скоро бы исчезло или сильно ослабѣло, если бы не матеріальная поддержка изъ Россіи. Въ Россіи вышеназванныя общества не удовлетворяются только идейной борьбой съ украинствомъ, которая украинцамъ нисколько не опасна и даже желательна. Ихъ полемика противъ украинства, главнымъ образомъ, сводится къ кивкамъ въ сторону начальства, зачѣмъ оно зѣваетъ. Объ этихъ пріемахъ борьбы лучше всего можно судить по той агитаціи противъ украинства, которая систематически ведется въ *Кіевлянинѣ* и спорадически въ *Новомъ Времени* и *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Въ качествѣ примѣра можетъ служить напечатанная недавно въ *Новомъ Времени* корреспонденція изъ Кіева (№ 12530). Въ ней авторъ, сообщая о дѣятельности украинскихъ обществъ, клуба,

органовъ печати, даже книжныхъ магазиновъ въ Кіевѣ, которую яко бы насаждаютъ „австро-польскія власти“, передавая о готовящемся чествованіи памяти Шевченка, на которое должны пріѣхать украинскіе депутаты изъ Галиціи во главѣ съ предсѣдателемъ украинскаго парламентскаго клуба Романчукомъ, [1]) заканчиваетъ слѣдующими словами: „Австрія дѣятельно готовится къ войнѣ, причемъ австро-венгерскіе военные круги пребываютъ въ глубокой увѣренности, что въ случаѣ войны одновременно съ вступленіемъ австрійской арміи въ предѣлы Волыни и Подоліи въ Малороссіи вспыхнетъ мазепинское возстаніе. Подготовка послѣдняго ведется очень дѣятельно при абсолютномъ бездѣйствіи русскихъ властей. [2]) Понятно, что при такихъ условіяхъ мартирологъ закрытыхъ администраціей украинскихъ культурныхъ обществъ и органовъ печати постоянно и быстро возрастаетъ. Къ антиукраинской дѣятельности вышеназванныхъ обществъ надо присоединить и отношеніе къ украинству возникшаго въ 1907 г. общества славянской взаимности, а также неославистскаго движенія. Правда, по внѣшности кажется, что здѣсь борьба ведется на болѣе принципіальной почвѣ и идейными средствами. Но это только внѣшность. Въ дѣйствительности здѣсь съ украинствомъ считаются только, какъ съ „украинской опасностью“; это понятіе было неизвѣстно до 1905 года, а оно само по себѣ чрезвычайно характерно, такъ какъ напоминаетъ—caveant consules etc. Итакъ, стремленіе извѣстныхъ слоевъ малорусскаго народа возродить и создать свою культуру разсматривается, какъ опасность для Россіи и народа великорусскаго. Даже такой благородный человѣкъ, какъ иниціаторъ неославистскаго движенія покойный проф. В. М. Володиміровъ, въ какомъ-то ослѣпленіи говорилъ и писалъ объ „украинской опасности“. Впрочемъ, ни въ обществѣ славянской взаимности, ни на совѣщаніяхъ главныхъ дѣятелей неославистскаго движенія даже не возбуждался вопросъ о томъ, что представляетъ собою украинское движеніе, и какое значеніе имѣетъ его культурная дѣятельность; тамъ признавалось общеизвѣстнымъ, что украинцы стремятся обособить малорусскій народъ и отдѣлить его отъ великорусскаго, а слѣдовательно, ихъ дѣятельность опасна. Но если бы такое теченіе было даже сильно въ украинствѣ,—нельзя же отношеніемъ къ нему опредѣлять отношеніе и ко всему украинскому движенію, раздѣляющемуся на много различныхъ теченій. Правда, на болѣе обширныхъ собраніяхъ и банкетахъ, устраивавшихся по поводу пріѣзда славянскихъ гостей выступали также украинцы и заявляли о культурныхъ нуждахъ малорусскаго народа. Однако ихъ сообщенія не встрѣтили сочувствія.

---

[1]) Попечительное начальство уже обратило вниманіе на это. Послѣ того, какъ статья эта была написана, мы прочли въ газетахъ извѣстіе, что публичное чествованіе Шевченка по случаю пятидесятилѣтія со дня его смерти въ Кіевѣ отмѣняется.

[2]) См. *Рада*, № 25, 1 февраля 1911 г., гдѣ эта корреспонденція приведена цѣликомъ.

Чрезвычайно характерно, что въ то время, какъ прогрессивныя газеты въ лучшемъ случаѣ отмѣтили лишь фактъ этого выступленія, реакціонныя изданія присоединили еще нападки на выступавшихъ лицъ, ихъ взгляды и все украинское движеніе. Повидимому, это отношеніе общества славянской взаимности и неославянскаго движенія не осталось безъ вліянія на правовое положеніе малорусскаго народа. По крайней мѣрѣ, по моему глубокому убѣжденію, именно подъ вліяніемъ этой агитаціи противъ украинства октябристы голосовали за исключеніе малорусскаго языка изъ числа тѣхъ, которыми можно пользоваться при преподаваніи въ народныхъ школахъ. Этимъ вотумомъ Государственная Дума лишила малорусское населеніе возможности изучать по-настоящему даже русскій (великорусскій) языкъ и осудила значительную часть его, т.-е. всѣхъ менѣе способныхъ, на безграмотность. Понятно, что теперь каждый интеллигентный и демократически настроенный малороссъ болѣетъ душой за судьбы своего народа, такъ какъ для этого народа создается особый видъ угнетенія—консервированіе его невѣжества. Въ объясненіяхъ министра внутреннихъ дѣлъ, представленныхъ сенату по дѣлу о закрытіи украинскихъ просвѣтительныхъ обществъ, столь часто практиковавшемся въ послѣдніе годы, даже прямо сказано, что не въ интересахъ Россіи допускать развитіе украинской культуры.

Конечно, все это относится къ реакціоннымъ элементамъ русскаго общества, которые боятся широкихъ народныхъ массъ и враждебны имъ. Теперь, когда само правительство принуждено брать на себя инициативу введенія всеобщаго народнаго образованія, имъ уже трудно прямо бороться противъ культурнаго подъема этихъ народныхъ массъ. Но тѣмъ удобнѣе имъ вести такую борьбу косвенно подъ видомъ борьбы со всякими „національными“ движеніями и особенно съ украинствомъ, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ можно прикрываться патріотическими стремленіями.

Однако положеніе малорусскаго народа болѣе всего характеризуется именно тѣмъ, что этотъ натискъ со стороны реакціонныхъ силъ на его культурныя потребности не встрѣчаетъ отпора въ русскомъ прогрессивномъ обществѣ и прессѣ. Здѣсь украинство по большей части замалчивается и игнорируется, иногда же и здѣсь оно вызываетъ досадное чувство, какъ помѣха въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, особенно въ русско-польскомъ примиреніи. Въ самомъ дѣлѣ, единственное русское общество, которое интересуется украинцами и готово отстаивать ихъ интересы, это общество славянской культуры въ Москвѣ. Но составъ его крайне разноплеменъ, о чемъ свидѣтельствуетъ существованіе въ немъ польской и украинской секцій и попытка его создать секціи чешскую и сербскую. Всѣ дружественныя заявленія украинцамъ со стороны русской части его исходили почти исключительно отъ его почтеннаго предсѣдателя, акаде-

мика Ѳ. Е. Корша. Онъ же выступалъ и въ прессѣ противъ нападокъ на украинство. Къ этому надо прибавить защиту украинства въ послѣдніе годы проф. А. Л. Погодинымъ; раньше онъ видѣлъ въ украинствѣ тоже „опасность“. Затѣмъ толстые журналы, какъ *Вѣстникъ Европы* и *Русское Богатство*, давали мѣсто въ послѣдніе годы нѣсколькимъ информаціоннымъ статьямъ объ украинствѣ, написаннымъ украинцами же. Наконецъ, въ послѣдніе мѣсяцы *Рѣчь* въ своемъ провинціальномъ отдѣлѣ завела рубрику „Изъ жизни украинцевъ“. Если память мнѣ не измѣняетъ, это и все. Но эти дружественныя заявленія по адресу украинства въ прогрессивной русской прессѣ уравновѣшиваются и враждебными. Укажу хотя бы на высказанныя въ печати сужденія А. А. Стаховича о галицкихъ украинцахъ, основанныя на свѣдѣніяхъ, собранныхъ имъ у тамошнихъ москвофиловъ. Напомню вамъ, что въ *Московскомъ Еженедѣльникѣ* печатались статьи противъ украинцевъ поляка проф. Здзѣховскаго, полныя всяческаго недоброжелательства и навѣтовъ безъ всякаго примѣчанія со стороны редакціи; слѣдовательно, редакція была какъ бы согласна съ ними. Этотъ фактъ нисколько не умаляется тѣмъ, что тамъ же была напечатана одна или, можетъ быть, двѣ статьи въ защиту украинства. Далѣе не могу не упомянуть о томъ, что въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* въ статьяхъ по холмскому вопросу прямо говорилось о томъ, что вмѣшательство украинцевъ излишне запутало этотъ вопросъ. Выходило такъ, что русскіе (великороссы) и поляки сами между собой должны рѣшить вопросъ, какъ поступить съ частью малорусскаго народа—обрусить ли его или ополячить, а защитники самостоятельной культуры этого народа только мѣшали этому полюбовному дѣлежу добычи. Вообще боевое положеніе, которое заняло украинство по отношенію къ полякамъ въ Галиціи и Холмщинѣ, очень не на руку русскимъ прогрессивнымъ элементамъ. По цѣлому ряду политическихъ причинъ внутренняго и международнаго характера имъ желательно возможно большее и скорое сближеніе съ поляками. Но этому постоянно мѣшаетъ будираваіе украинцевъ. Въ политическомъ отношеніи украинцы представляютъ собою пока quantité négligeable, это ни для кого не подлежитъ сомнѣнію; однако высказывать это прямо и открыто жертвовать интересами украинцевъ въ отношеніяхъ съ поляками всетаки неудобно. Теперь, наконецъ, къ голосамъ противъ украинства изъ прогрессивнаго лагеря присоединился и вашъ.

Въ своихъ замѣткахъ „На разныя темы“ въ январской книжкѣ *Русской Мысли* вы считаете нужнымъ по поводу полной жизни и красокъ статьи В. Е. Жаботинскаго „Еврейство и его настроенія“ безповоротно рѣшать вопросъ объ отношеніи между русской и украинской культурой въ смыслѣ полной нивелировки послѣдней. Самое поразительное то, что, высказывая столь рѣшительныя мнѣнія, вы не дѣлаете ни

одной оговорки въ пользу хоть нѣкоторыхъ культурныхъ стремленій украинства и противъ насилій, совершаемыхъ надъ нимъ. Я не буду касаться вопроса, насколько вы дѣйствительно исходите отъ того матеріала и тѣхъ разсужденій, которые даетъ авторъ статьи о еврействѣ, какъ вы обѣщаете въ своемъ вступленіи. Во всякомъ случаѣ въ статьѣ В. Е. Жаботинскаго нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы судить о значеніи украинскаго культурнаго развитія. Впрочемъ, повидимому, вы и не нуждаетесь въ нихъ. Вы становитесь на точку зрѣнія узкихъ эгоистическихъ интересовъ того соціальнаго слоя, къ которому принадлежите, т.-е. русской интеллигенціи, и съ этой точки зрѣнія предрѣшаете вопросъ о судьбахъ культурнаго развитія народной массы, состоящей болѣе, чѣмъ изъ двухъ десятковъ милліоновъ людей. Вы противопоставляете „ряду этнографическихъ терминовъ“—„великорусскій“, „малорусскій“, „бѣлорусскій“, „огромный историческій фактъ: существованіе русской націи и русской культуры“. Но вѣдь эти „русская нація и русская культура“ нигдѣ больше не существуютъ, кромѣ какъ въ русской интеллигенціи и ея сознаніи, а подъ перечисленными выше этнографическими терминами скрываются народныя массы, изъ которыхъ состоятъ народы Россіи. Вы сами въ *Вѣхахъ* и въ цѣломъ рядѣ статей въ *Русской Мысли* подвергали безпощадной критикѣ это самодовлѣющее культурное существованіе русской интеллигенціи. Вашъ товарищъ по *Вѣхамъ* и ближайшій сотрудникъ *Русской Мысли* А. С. Изгоевъ неоднократно опредѣлялъ задачу *Вѣхъ* въ томъ, чтобы, отстранивъ интеллигенцію, выдвинуть на арену политической и культурной жизни самыя народныя массы; и мнѣ кажется, что поскольку вопросъ идетъ объ общественной тенденціи *Вѣхъ*, онъ совершенно правъ. Другой вашъ товарищъ по *Вѣхамъ* и тоже сотрудникъ *Русской Мысли*, котораго, конечно, нельзя обвинить въ отсутствіи патріотизма, С. Н. Булгаковъ въ своей статьѣ „Размышленіе о національности“ [1]) указываетъ на то, что національзированіе Россіи и развитіе въ ней патріотическихъ чувствъ необходимо усложнится развитіемъ и мѣстныхъ національностей и мѣстныхъ патріотизмовъ. Между тѣмъ вы теперь хотите фактомъ существованія и господства особой безпочвенной внѣнаціональной и антипатріотической интеллигентской культуры предопредѣлить и дальнѣйшее культурное развитіе народныхъ массъ Россіи.

Далѣе вы пишете: „не случайно и не вслѣдствіе какого-то „насилія“ гимназическое и университетское преподаваніе въ Кіевѣ ведется на такъ называемомъ „великорусскомъ“ языкѣ, а потому, что въ области университетской культуры этотъ языкъ является естественнымъ и необхо-

---

[1]) См. *Вопросы Философіи и Психологіи*, 1910 г., II (кн. 103). Ср. С. Н. Булгаковъ. „Два града“, т. II, стр. 278.

димымъ органомъ творчества и общенія для всѣхъ русскихъ племенъ, которыя образуютъ единую націю... Гегемонія русской культуры въ Россіи есть плодъ всего историческаго развитія нашей страны и фактъ совершенно естественный". Повидимому, эти мнѣнія у васъ сложились подъ вліяніемъ офиціальной русской исторической науки. Какъ извѣстно, съ точки зрѣнія офиціальной науки историческая миссія Малороссіи заключается въ томъ, чтобы послужить возвеличенію Великороссіи, а малорусскія народныя массы разсматриваются, какъ матеріалъ для воздѣйствія великорусской культуры. Во всякомъ случаѣ ваша конструкція „всей исторіи Россіи" уже хронологически невѣрна: исторія Россіи тянется уже второе тысячелѣтіе, а процессъ обрусенія Малороссіи едва насчитываетъ двѣсти лѣтъ. Обрусеніе возникло только въ первой половинѣ XVIII столѣтія, когда синодъ началъ запрещать кіевской академической типографіи перепечатывать духовныя и богослужебныя книги съ мѣстными отличіями въ ихъ языкѣ и сталъ изымать изъ обращенія старыя кіевскія изданія этихъ книгъ, а вмѣсто нихъ присылать изданія московской синодальной типографіи. Но это относится только къ Малороссіи по лѣвую сторону Днѣпра, включая и Кіевъ съ правой стороны. Въ остальной правобережной Украйнѣ, т.-е. почти во всей Кіевской губ. на Волыни и въ Подоліи, обрусительная дѣятельность могла проявиться только позже, такъ какъ онѣ были присоединены къ Россіи лишь въ 1772 году. Если вамъ кажется теперь вполнѣ естественнымъ фактъ безраздѣльнаго господства „русской" культуры въ Малороссіи, то только потому, что насильственное обрусеніе въ послѣднія полтораста лѣтъ непрерывно возрастало. Однако почему вы думаете, что характеръ культурнаго развитія въ эти послѣднія полтораста-двѣсти лѣтъ долженъ предопредѣлить и въ дальнѣйшемъ все направленіе культурнаго развитія народовъ, составляющихъ Россію? Вѣдь истинная культура Россіи, какъ культура народныхъ массъ, еще и не возникала. Она только теперь можетъ зарождаться. Ни вы и никто другой не можетъ даже приблизительно предсказать, какъ пойдетъ культурное развитіе Россіи въ ближайшія пятьдесятъ лѣтъ, а что будетъ черезъ двѣсти лѣтъ, недоступно никакому предвидѣнію.

Но болѣе всего поражаетъ ваше заявленіе, что „не вслѣдствіе какого-то насилія" гимназическое и университетское преподаваніе на Украйнѣ ведется „на такъ называемомъ великорусскомъ языкѣ", и что вы видите въ этомъ явленіи только вполнѣ естественный и необходимый фактъ. Съ такимъ же правомъ вы еще семь-восемь лѣтъ тому назадъ могли бы сказать, что „не вслѣдствіе какого-то насилія" малорусскій народъ читаетъ Евангеліе только на церковно-славянскомъ или великорусскомъ языкахъ, а не по-украински, хотя тогда Евангеліе на украинскомъ языкѣ, изданное лондонскимъ Библейскимъ обществомъ, было неле-

гальной книжкой, которая конфисковывалась при обыскахъ и за контрабандную перевозку которой административно ссылали. Однако эти тоже своего рода „естественныя и необходимыя“ явленія для исторической эпохи до манифеста 17 октября оказались совершенно неестественными послѣ него, такъ какъ когда въ 1906 году было издано Евангеліе сперва только отъ Матѳея въ украинскомъ переводѣ съ „благословенія св. синода“, то въ первый же годъ оно разошлось въ ста тысячахъ экземплярахъ. Такъ же точно ваше заявленіе о характерѣ гимназическаго и университетскаго преподаванія на Украйнѣ будетъ до тѣхъ поръ голословнымъ, ни на чемъ не основаннымъ утвержденіемъ, пока не будетъ устранено всякое насиліе при рѣшеніи этого вопроса. Вамъ, повидимому, неизвѣстно, что въ 1906—7 академическомъ году проф. Харьковскаго университета Н. Ф. Сумцовъ и прив.-доц. Одесскаго университета А. С. Грушевскій читали курсы на украинскомъ языкѣ, но потомъ это было запрещено. Такъ же точно дѣлались попытки создавать и украинскія гимназіи, но у насъ вѣдь даже частныя гимназіи могутъ открываться только съ разрѣшенія начальства и только установленнаго типа. Вы не приняли также во вниманіе того, что при нормальныхъ условіяхъ, хотя бы по чисто педагогическимъ соображеніямъ, часть гимназическаго и университетскаго преподаванія на Украйнѣ вполнѣ естественно придется вести на украинскомъ языкѣ. Надѣюсь, вы не отрицаете необходимости созданія начальной украинской школы для малорусскаго населенія, хотя вы относительно этого прямо не высказались. Но если вы признаете эту необходимость, то вы должны будете признать и необходимость созданія украинскихъ учительскихъ семинарій и контингента учителей для послѣднихъ, т.-е. созданія средняго и высшаго образованія по-украински.

Вы напрасно смѣшиваете вопросъ о введеніи преподаванія на украинскомъ языкѣ въ гимназіяхъ и университетахъ съ вопросомъ объ изученіи русскаго языка украинцами. Теперь девять десятыхъ такъ называемой „русской“ интеллигенціи, воспитывающейся въ учебныхъ заведеніяхъ и безвыѣздно живущей на Украйнѣ, по-настоящему не знаетъ „русскаго“ языка. Этотъ фактъ, конечно, вамъ хорошо извѣстенъ по собственнымъ наблюденіямъ. Онъ объясняется тѣмъ, что украинскій языкъ въ современныхъ офиціальныхъ школахъ игнорируется, а хорошо научить чужому, хотя и очень родственному языку, совершенно игнорируя родной языкъ, очень трудно. И я думаю, что въ украинскихъ школахъ всѣхъ типовъ, начиная отъ народной школы, русскому языку будутъ обучать лучше и цѣлесообразнѣе, чѣмъ въ современныхъ „русскихъ“ школахъ.

Вы приходите въ ужасъ отъ мысли о томъ, что „малорусская“ и „бѣлорусская“ націи станутъ въ такое же отношеніе къ „великорус-

ской", въ какомъ чехи стоятъ къ нѣмцамъ или австрійскіе „украинцы" къ полякамъ. Эта мысль даже вызываетъ у васъ восклицанія: „но вѣдь это значитъ еще, что „малорусская" и „бѣлорусская" культуры будутъ нарочно создаваемы". Позвольте однако въ отвѣтъ на это вамъ замѣтить, что въ нашъ вѣкъ машиннаго производства не только матеріальная, но и всякая духовная культура создаются „нарочно". „Русская" культура тоже „создавалась нарочно" притомъ подъ сильнымъ воздѣйствіемъ русскаго самодержавнаго и бюрократическаго правительства. Вы сами со всѣми вашими хорошими и дурными сторонами являетесь лучшимъ доказательствомъ этого. Развѣ не представляетъ изъ себя аномальное проявленіе „нарочно созданной" русской культуры то обстоятельство, что вы, одинъ изъ наиболѣе выдающихся современныхъ русскихъ публицистовъ, имѣющій, по моему глубокому убѣжденію, самыя большія заслуги въ русскомъ освободительномъ движеніи, не имѣете никакого представленія о культурныхъ потребностяхъ одного изъ племенъ, составляющаго почти треть всего русскаго населенія Россіи, и считаете возможнымъ совершенно игнорировать ихъ? Въ противоположность культурѣ „русской" украинская культура „нарочно создается" не для военныхъ и бюрократическихъ нуждъ государства, а для насущнѣйшихъ потребностей широкихъ народныхъ массъ. Она создается, опираясь только на демократическія силы и поддерживаемая только ими.

Далѣе вы опять смѣшиваете вопросъ о томъ, что „культура „малорусская" и „бѣлорусская" еще должны быть созданы", такъ какъ, по вашему мнѣнію, „ихъ еще нѣтъ", съ тѣмъ, будутъ ли эти культуры равноцѣнныя и „равнозначныя съ той, которую любители этнографическихъ терминовъ называютъ великорусской". Я уже въ началѣ оговорился, что, по моему глубокому убѣжденію, изъ всѣхъ славянскихъ культуръ только русская (великорусская) имѣетъ и будетъ имѣть дѣйствительно міровое значеніе. Но вообще пока еще не сдѣлано и приступа къ изслѣдованію вопроса о сравнительной цѣнности и значимости различныхъ національныхъ культуръ. Тѣмъ болѣе мы съ вами не можемъ теперь рѣшать вопросъ, каково можетъ быть значеніе и какова цѣнность самостоятельной украинской культуры. Рѣшеніе этого вопроса надо предоставить всецѣло будущему. Будетъ ли украинская культура служить только „для домашняго обихода" по формулѣ, придуманной для характеристики значенія украинской литературы И. С. Аксаковымъ въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, когда онъ былъ еще искреннимъ славянофиломъ и не сдѣлался, коротко говоря, катковцемъ, или же она будетъ удовлетворять и болѣе высокимъ народнымъ потребностямъ—это можетъ опредѣлить только сама жизнь, и теоретическія разсужденія на эту тему пока совершенно излишни.

Но вы оцѣниваете и съ другой точки зрѣнія допущенное вами предположеніе о томъ, что украинская культура будетъ „нарочно создаваться“. Вы думаете, что съ этимъ связана возможность вполнѣ „преодолѣть и разрушить“ гегемонію русской культуры. И по этому поводу вы пишете: „Во всякомъ случаѣ такая работа въ моихъ глазахъ всегда будетъ представляться колоссальной растратой исторической энергіи населенія Россійской Имперіи. Ибо не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что постановка въ одинъ рядъ съ русской культурой другихъ, ей равноцѣнныхъ, созданіе въ странѣ множества культуръ, такъ сказать, одного роста, поглотитъ массу средствъ и силъ, которыя при другихъ условіяхъ пошли бы не на націоналистическое размноженіе культуръ, а на подъемъ культуры вообще. Я глубоко убѣжденъ, что, напримѣръ, созданіе средней и высшей школы на малорусскомъ языкѣ было бы искусственной и ничѣмъ не оправдываемой растратой психическихъ силъ населенія“. Высказывая все это, вы, по моему мнѣнію, исходите изъ совершенно односторонняго представленія о процессѣ развитія и созданія культуры. Вы упускаете изъ виду, что разрушеніе стараго играетъ громадную роль при непрерывномъ культурномъ творчествѣ и созданіи новыхъ культурныхъ благъ. Еще Гейне сказалъ, что въ литературѣ господствуютъ тѣ же нравы, какъ среди дикарей, живущихъ въ лѣсахъ, такъ какъ и здѣсь и тамъ дѣти убиваютъ своихъ родителей. Новѣйшая философія, удѣляющая столько вниманія проблемамъ культуры, уже начала разрабатывать этотъ вопросъ. Популяризаторъ всѣхъ новѣйшихъ философскихъ идей, касающихся проблемъ культуры, Ницше далъ для опредѣленія этого явленія и формулу, которая сдѣлалась ходячей. Кто изъ современныхъ образованныхъ людей не слыхалъ, что культурно-историческій процессъ заключается въ переоцѣнкѣ цѣнностей, т.-е. въ разрушеніи старыхъ цѣнностей и въ созиданіи новыхъ. Вы все это, конечно, прекрасно знаете, такъ какъ вы сами очень много поработали надъ созиданіемъ новыхъ цѣнностей и разрушеніемъ старыхъ. Если тѣмъ не менѣе, когда вы судите объ украинской культурѣ, вы обо всемъ этомъ забываете, то это происходитъ отъ того, что вы ослѣплены своимъ интеллигентскимъ эгоизмомъ. Вы чувствуете, что развитіе самостоятельной украинской культуры можетъ быть до извѣстной степени невыгодно „русскимъ“ интеллигентамъ, и потому эта перспектива вамъ такъ непріятна. Одинъ выдающійся русскій писатель часто говорилъ мнѣ шутя, что онъ противъ развитія украинской печати, такъ какъ оно сократитъ сбытъ произведеній русской печати. Эта милая шутка очень характерна.

Вы скорбите о растратѣ психическихъ силъ въ случаѣ созданія средней и высшей школы на малорусскомъ языкѣ. Но у васъ не возникаетъ и мысли о томъ, чтобы хоть мимоходомъ проронить слово сим-

патіи, сочувствія и сожалѣнія къ тѣмъ несчастнымъ малорусскимъ дѣтямъ изъ народа, которыхъ обучаютъ грамотѣ на чужомъ имъ языкѣ. Это ли не растрата психической энергіи! Однако вы игнорируете и еще болѣе ужасную растрату психической энергіи, которая совершается тогда, когда интеллигенція отрывается отъ народа. Русская общественная мысль въ своемъ развитіи не разъ останавливалась на томъ культурномъ вредѣ, который происходитъ отъ этого для обѣихъ сторонъ. Въ послѣдній разъ именно ваши *Вѣхи* съ новой силой, новыми аргументами и новой доказательностью подняли и поставили на очередь этотъ вопросъ. Можно ли однако себѣ представить бо́льшую рознь между народомъ и интеллигенціей, чѣмъ тогда, когда они говорятъ не въ переносномъ, а въ прямомъ смыслѣ на различныхъ языкахъ? А это и происходитъ въ Малороссіи. Или, по вашему мнѣнію, имѣть близкую себѣ по духу и языку интеллигенцію—это привилегія только великорусскаго народа?

Наконецъ, взгляните на эту „русскую“ интеллигенцію въ Малороссіи. Вѣдь половина ея говоритъ на какомъ-то отвратительномъ „русско“-малорусскомъ волапюкѣ потому, что и „русскій“ и „малорусскій“ языки ей одинаково чужды, а это одно изъ ужаснѣйшихъ проявленій растраты психическихъ силъ. О себѣ я вамъ могу сказать, что я родился въ одномъ изъ самыхъ крупныхъ и, слѣдовательно, обрусѣлыхъ городовъ Украйны, что я происхожу изъ очень интеллигентной и потому тоже въ значительной мѣрѣ обрусѣлой семьи, что я владѣю не только русскимъ и польскимъ, но и иностранными языками, что я даже пишу на нихъ; и до сихъ поръ я проклинаю свою судьбу за то, что я воспитывался не въ родной школѣ, что въ дѣтствѣ я мало слышалъ родные пѣсни и напѣвы, что мою фантазію занимали не родныя сказки, что съ литературой я познакомился не на родномъ языкѣ и что я росъ чуждый тому народу, среди котораго я жилъ, чуждый моему родному народу. Только въ юношескіе годы я началъ серьезно изучать украинскій языкъ, познакомился съ украинской пѣсней, поэзіей и литературой, полюбилъ украинскій театръ, и я считаю, да и всегда считалъ, что только съ этого времени я началъ становиться образованнымъ и культурнымъ человѣкомъ. Тѣ душевныя переживанія, которыя связаны съ этимъ періодомъ моей жизни, необычайно расширили мою способность воспріятія. Только съ этого времени на меня стала производить глубокое, неотразимое впечатлѣніе русская и европейская лирика, тогда же я вдругъ проникъ въ сущность драмы и у меня создался совершенно новый взглядъ на литературу. Вы утверждаете, что украинской культуры еще не существуетъ; можетъ быть, вы и правы. Но не странно ли, что тѣ элементы, изъ которыхъ должна сложиться или уже слагается украинская культура, сдѣлали меня образованнымъ и культурнымъ человѣкомъ? Этотъ парадоксъ созданъ самою жизнью.

Вы, повидимому, не обращали вниманія также и на ту „растрату психическихъ силъ“, которой объясняется то обстоятельство, что малороссы сыграли такую сравнительно незначительную, не соотвѣтствующую ихъ численности, роль въ коллективномъ творчествѣ „русской“ культуры. Если не считать исключительно геніальнаго Гоголя, который притомъ писалъ по-русски во всѣхъ отношеніяхъ [1]) безграмотно (къ сожалѣнію, историки литературы еще не занялись вопросомъ о томъ, что можно быть великимъ писателемъ и писать безграмотно), то никто изъ малороссовъ не выдвинулся на первое мѣсто. Короленко въ данномъ случаѣ нельзя принимать во вниманіе, такъ какъ по происхожденію онъ столько же украинецъ, сколько и полякъ, и эта противоположность этническихъ вліяній, вѣроятно, и создала для него ту внутреннюю свободу, которая дала ему возможность сдѣлаться перворазряднымъ творцомъ культуры третьяго родственнаго народа. Когда же случалось, что кто-нибудь изъ малороссовъ всетаки становился въ первые ряды, какъ, напримѣръ, Костомаровъ среди историковъ, то это происходило именно потому, что Костомаровъ былъ творцомъ не только русской, но и по преимуществу украинской культуры.

Для васъ, проникнутаго сознаніемъ величія и неизмѣримой цѣнности русской культуры, не возникаетъ и сомнѣнія относительно того, что украинская культура, являющаяся въ сравненіи съ нею ничтожествомъ, обречена оставаться ничтожествомъ и навсегда. Мы, культурные украинцы, не меньше васъ цѣнимъ русскую культуру и дорожимъ ею. Укажу вамъ хотя бы на то, что самый выдающійся украинскій публицистъ и политическій дѣятель М. П. Драгомановъ всю жизнь велъ борьбу за русскую культуру среди россійскихъ и галицкихъ украинцевъ, доказывая, что и для украинцевъ она имѣетъ громадное значеніе. За это онъ даже заслужилъ титулъ „обрусителя“ со стороны своихъ земляковъ-націоналистовъ. Но, по нашему мнѣнію, изъ факта подавляющаго величія русской культуры нельзя выводить того, что у украинской культуры нѣтъ никакихъ шансовъ стать самобытной, полной и цѣльной культурой, какъ это представляется вамъ само собой понятнымъ.

Относительно себя скажу, что для меня загадка, какъ и до какихъ предѣловъ можетъ развиваться украинская культура. Разъяснить эту загадку можетъ только будущее. Впрочемъ, не только будущее, а и прошлое украинской культуры для меня загадочно. Я совершенно не могу сколько-нибудь удовлетворительно себѣ объяснить, какъ при тѣхъ ужасныхъ условіяхъ, въ которыхъ существовала украинская литература, Украйна могла выдвинуть въ теченіе XIX столѣтія болѣе восьмидесяти лириковъ, повѣствователей и драматурговъ. Познакомиться съ ними

---

1) Этимологически, орѳографически и синтактически.

вы можете по украинской трехтомной антологіи „Вік“. Я пробовалъ искать разгадку этого явленія, проводя параллели съ развитіемъ другихъ національностей. Недавно, именно весной прошлаго года, встрѣтившись въ одномъ южно-германскомъ университетскомъ городкѣ съ однимъ выдающимся нѣмецкимъ ученымъ и общественнымъ дѣятелемъ, я попросилъ его сказать мнѣ, чѣмъ онъ объясняетъ то обстоятельство, что при столь продолжительной политической раздробленности Германіи, при существованіи въ ней сильныхъ политически-партикуляристическихъ теченій, при отсутствіи религіознаго единства, въ ней никогда не возникало сколько-нибудь замѣтнаго стремленія къ культурному партикуляризму. Отчего, напр., населеніе, говорящее на нижне-нѣмецкомъ языкѣ и выдвинувшее нѣсколькихъ выдающихся поэтовъ, отражающихъ его жизнь на его же языкѣ (упомянемъ хотя бы наиболѣе извѣстнаго изъ нихъ Фритца Рейтера), не стремится къ полному возсозданію своей самостоятельной культуры? — „Это сдѣлала Библія Лютера и школа“, отвѣтилъ мнѣ мой собесѣдникъ.—Чѣмъ же объяснить тогда,— спросилъ я,—что въ Голландіи одинъ изъ діалектовъ нижне-нѣмецкаго языка развился въ самостоятельный культурный языкъ, употребляемый во всѣхъ видахъ литературы и служащій языкомъ преподаванія въ школахъ всѣхъ типовъ вплоть до университетовъ? „Голландскій языкъ,—объяснилъ мнѣ профессоръ,—очень рано сдѣлался языкомъ торговыхъ фирмъ и канцелярій“.—Но то же самое, возразилъ я,—происходило въ Гамбургѣ и Бременѣ, гдѣ населеніе говоритъ на нижне-нѣмецкомъ языкѣ, и тѣмъ не менѣе господствующимъ литературнымъ языкомъ тамъ сдѣлался верхне-нѣмецкій. Отчего, наконецъ, въ смежныхъ съ Голландіей мѣстностяхъ Германіи, гдѣ населеніе говоритъ абсолютно на томъ же языкѣ, какъ и въ Голландіи, въ качествѣ культурнаго языка всетаки господствуетъ верхне-нѣмецкій языкъ, а не голландскій, и населеніе не тяготѣетъ къ родственной ему литературѣ и прессѣ по ту сторону границы? Мой собесѣдникъ въ отвѣтъ на это могъ мнѣ только разсказать много поучительнаго о борьбѣ съ діалектами въ нѣмецкихъ школахъ, объ употребленіи діалектовъ въ качествѣ разговорнаго языка даже при нѣкоторыхъ дворахъ нѣмецкихъ коронованныхъ особъ и въ офицерскихъ собраніяхъ нѣкоторыхъ гвардейскихъ полковъ, но прямого отвѣта онъ мнѣ не далъ. Изъ сообщеній моего собесѣдника я ничего не узналъ такого, что объяснило бы мнѣ явленія, происходящія на моей родинѣ. Южная и сѣверная Русь тоже пользовались священнымъ Писаніемъ и богослужебными книгами на одномъ и томъ же церковно-славянскомъ или древне-русскомъ языкѣ, а эти книги притомъ гораздо древнѣе Лютеровской Библіи, тѣмъ не менѣе одинъ общій культурный языкъ для Великороссіи и Малороссіи не былъ созданъ этимъ обстоятельствомъ. Напротивъ, развитіе привело къ диференцированію языковъ, и тамъ,

и здѣсь литературный языкъ началъ приближаться къ народному. Свою школу Украйна потеряла болѣе ста лѣтъ тому назадъ, литература ея долгое время находилась подъ запретомъ, но это не привело ея къ культурному единству съ Великороссіей. Развѣ не странно, что именно въ отвѣтъ на указъ 1876 года, запрещавшій украинскую литературу, начала развиваться публицистическая и научная литература на украинскомъ языкѣ, хотя она и должна была вести нелегальное существованіе и пользоваться заграничными типографскими станками?

Изъ южно-германскаго городка я переѣхалъ въ сосѣдній швейцарскій университетскій городъ, гдѣ провелъ цѣлый день съ знакомымъ мнѣ профессоромъ философіи. Мой знакомый самъ направлялъ нашъ разговоръ на культурно-философскія темы. Онъ говорилъ мнѣ, что хотя онъ и не былъ въ Россіи, но онъ очень интересуется ею и много думалъ о ней. Ему Россія съ ея безпредѣльными пространствами и большими однородными массами людей представляется чѣмъ-то абсолютно противоположнымъ Швейцаріи. Основная черта Швейцаріи и швейцарцевъ, по его мнѣнію, это партикуляризмъ, и онъ мнѣ разсказалъ массу любопытнѣйшихъ фактовъ, которые я, къ сожалѣнію, не могу здѣсь передавать, свидѣтельствующихъ о томъ, что партикуляризмомъ въ Швейцаріи проникнуты не только каждый кантонъ и каждая провинція, но и каждый городъ, каждая часть города, каждый кварталъ, наконецъ, каждый родъ и каждая отдѣльная семья. „Я живу въ этомъ городѣ,— говорилъ мой знакомый, — восемнадцать лѣтъ, и я совершенно чуждъ мѣстному населенію потому, что они говорятъ на діалектѣ, а я на верхне-нѣмецкомъ языкѣ“. Но вѣдь, проживъ съ ними восемнадцать лѣтъ,—возразилъ я,—вы должны были научиться ихъ діалекту. Отчего вы не говорите съ ними на діалектѣ? „Они никогда не говорятъ со мной на немъ,—объяснилъ мнѣ мой собесѣдникъ, — въ разговорѣ между собой швейцарцы употребляютъ только діалектъ, но стоитъ среди нихъ появиться хоть одному имперскому нѣмцу, и всѣ сразу переходятъ къ верхне-нѣмецкому языку“. Почему, въ такомъ случаѣ,—спросилъ я,— швейцарцы, говорящіе всѣ на одномъ и томъ же алеманскомъ діалектѣ, на которомъ уже есть художественная литература (самый выдающійся писатель на этомъ діалектѣ, впрочемъ, не швейцарецъ Гебель), не превращаютъ свой языкъ въ средство полнаго культурнаго оборота? „На необходимость этого,—сказалъ мнѣ профессоръ,—указывалъ швейцарскій патріотъ Гильти, но его предложеніе не встрѣтило отклика. Швейцарскій діалектъ остается только обиходнымъ языкомъ, а не языкомъ высшей культуры. Въ прессѣ и школѣ сами швейцарцы употребляютъ верхне-нѣмецкій языкъ“. Я снова получилъ свѣдѣнія о фактахъ, которые были противоположны тѣмъ явленіямъ, которыя я наблюдалъ на своей родинѣ, и не могли послужить къ ихъ объясненію.

Быть можетъ, скажутъ, что стремленіе Украйны къ культурной самобытности объясняется именно какъ центробѣжное движеніе въ противоположность централизму и деспотизму русскаго правительства. Но почему въ такомъ случаѣ во Франціи, гдѣ господствуютъ еще большіе централизмъ и подавленіе окраинъ, новопровансальское движеніе не выходитъ изъ предѣловъ литературно-художественныхъ границъ? Организація флибустьеровъ по своимъ стремленіямъ ничѣмъ не отличается отъ всякаго другого чисто литературно-художественнаго направленія.

Остается признать, что народу украинскому присуща особая воля или какая-то мистическая сила, побуждающая его отстаивать свою самобытную національную индивидуальность. Эта воля и проявляется у отдѣльныхъ представителей украинскаго народа въ различной формѣ и у однихъ съ большей, у другихъ съ меньшей силой. Признавъ это, мы, конечно, не разъясняемъ эту культурно-историческую загадку, а только иначе формулируемъ ее.

Итакъ, если стремленіе Украйны къ своей самобытной культурѣ Божье дѣло, то никакія земныя силы его не одолѣютъ. Слова Гамаліила изъ Дѣяній Апостольскихъ, сказанныя по поводу возникавшаго христіанства, можно примѣнить и ко всѣмъ культурнымъ движеніямъ. Всякое истинно культурное движеніе есть проявленіе Духа Божьяго въ человѣкѣ, и потому оно свято, а насиліе надъ нимъ грѣхъ.

Пишу я вамъ обо всемъ этомъ для того, чтобы пригласить васъ отнестись болѣе вдумчиво и безпристрастно къ украинскому культурному движенію. Еще разъ повторяю, что я самъ стремлюсь занять возможно болѣе объективное положеніе въ этомъ вопросѣ и ищу лишь справедливаго рѣшенія его. И такъ какъ я не играю никакой роли въ украинскомъ движеніи и мое имя не интересно ни для васъ, ни для вашихъ читателей, то позвольте мнѣ подписаться такъ, какъ я подписался въ прошлый разъ.

Украинецъ.

Отвѣтъ П. Б. Струве на это письмо будетъ помѣщенъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ *Русской Мысли.*

Ред.

По Италіи.

Сицилія.

Удивительная страна контрастовъ! Страна цвѣтущихъ апельсиновыхъ рощъ у прибрежій морей—и холмистой песчаной пустыни внутри; изысканной роскоши и нѣги Палермо—и страшной нищеты деревни подъ Кальтаджиронэ; опьяняющаго морского воздуха Катаніи—и воздуха смерти, воздуха маляріи Маццара дель-Валло. Здѣсь все—контрасты: природа, бытъ, люди, вся жизнь этой удивительной страны, которую три тысячи лѣтъ завоевывали, грабили и разоряли греки, карѳагеняне, римляне, норманны, арабы, испанцы, французы и свои же итальянцы.

Каждый народъ, уходя—вѣрнѣе, изгоняемый другимъ, приходившимъ ему на смѣну,—оставлялъ здѣсь свою религію, культуру, свои нравы, свою государственность. Въ калейдоскопической смѣнѣ народовъ и культуръ сициліецъ служитъ тѣмъ объектомъ, надъ которымъ воины и монахи, властители свѣтскіе и промышленники производили эксперименты, иногда удачные, большей частью неудачные, но всегда жестокіе. Эти-то историческіе эксперименты и создали ту Сицилію, которая теперь предъ нами: страну благородства и преступленій, несмѣтныхъ богатствъ и страшной нищеты, источникъ доходовъ въ будущемъ и въ настоящемъ—раззоръ для Италіи, бросающей десятки милліоновъ, чтобы хоть какъ-нибудь помочь Сициліи.

Брошенная сыновьями Земли въ голубыя воды моря, Сицилія и теперь является какъ бы ареной борьбы между дѣтьми людей и дѣтьми боговъ; мораль острова, его бытъ колеблется постоянно между зломъ и добромъ. Живетъ еще старое, рождается молодое; мысль и чувство не отлились въ новыя формы,—и сициліецъ переступаетъ границу, чтобы окунуться въ пороки; поднимается по другую сторону границы, чтобы доказать, что онъ—герой, созданный по образу и подобію Того, Кого онъ чтитъ и въ минуты свершенія порочныхъ преступленій.

Да, странный островъ и странные люди! Глубокая религіозность—и тяжкія преступленія противъ нравственности; рѣдкое чадолюбіе—и рас-

тленіе собственныхъ дочерей; рыцарство до корня волосъ—и убійства за два сольдо; мистика мысли—и проза дѣйствія! Но не подходите къ Сициліи съ „аршиномъ общимъ“, не измѣряйте ея шаблономъ и не будьте здѣсь только иностранцемъ, который обѣгаетъ церкви и развалины замковъ, чтобы занести въ записную книжку: „съ Бэдэкэромъ вѣрно“. Вы будете чужды тогда сицилійцу, какъ чуждъ будетъ онъ вамъ. И не обижайтесь, если, сплюнувъ въ сторону, гордый островитянинъ пробормочетъ: „Глупый иностранецъ!“ Не смѣйтесь надъ обрядами и воззрѣніями, сложить которые умудрилась исторія, уничтожить которые могутъ только многовѣковыя наслоенія будущаго.

Сюда приходятъ люди, изучающіе жизнь по тюфякамъ, провѣтриваемымъ сосѣдями, и смѣются надъ религіозностью сицилійцевъ. Эта религіозность лишена пышныхъ формъ латинскаго блеска, быть можетъ потому, что въ жилахъ сицилійцевъ больше крови арабской и норманской, чѣмъ романской. Холодная, скептическая религіозность, формальная и догматическая религіозность римлянъ совсѣмъ не похожа на религіозность Сициліи.

Въ религіи, какъ и въ любви, островитянинъ нѣженъ, искрененъ, горячъ и ревнивъ. Имена: „Христосъ“ и „Мадонна“ онъ не употребляетъ, какъ римлянинъ или тосканецъ, только для того, чтобы площадно выругаться. Съ благоговѣніемъ произноситъ онъ эти слова, нѣсколько сумрачно, сурово глядя на распятіе или образъ. И молится онъ, не ханжески вращая зрачками, а пытливо всматриваясь, словно бесѣдуя съ распятіемъ о серьезной, только бесѣдующимъ понятной вещи. Я употребляю нарочно слово „вещи“, ибо именно о нихъ чаще всего приходится сицилійцу говорить съ Господомъ и святыми. Міръ вещныхъ предметовъ окружилъ его со всѣхъ сторонъ: голодъ, малярія, удушливое сирокко. И молитъ онъ Бога пронести бѣды, которыя грозятъ вещамъ, питающимъ его.

Но прежде всего о религіозности—назовемъ ее филологической. Ни одинъ итальянскій діалектъ не заключаетъ въ себѣ такого множества „божественныхъ“ словъ, какъ діалектъ сицилійскій, эта смѣсь словъ итальянскихъ, французскихъ, испанскихъ и арабскихъ. И ни одинъ діалектъ не выработалъ такого множества поговорокъ и пѣсенъ религіознаго содержанія.

Сициліецъ встрѣчаетъ васъ, привѣтствуя именемъ Божіимъ. И провожаетъ классическимъ „да сопутствуетъ вамъ Мадонна“. Идя на работу, онъ поетъ унылую, какъ песчаные холмы его родины, пѣснь, въ которой прославляется Христосъ. И утомленный тринадцатичасовой работой подъ знойнымъ солнцемъ, бредя домой, онъ тянетъ пѣснь, опять-таки унылую, но воздающую хвалу Мадоннѣ. Даже обращаясь къ мулу, онъ поэтически усовѣщиваетъ того повиноваться хозяину:

...Ti chiamu iu
ch'amu a ludare lu nome di Diu...

Да, сициліецъ „любитъ славить имя Господа", ибо жизнь его—трудъ тяжелый, а трудъ долженъ быть благословеннымъ Провидѣніемъ. Вотъ почему

...ogn'ora e ogna mumentu
Sia ludatu e ringraziatu
lu Santissimu e dirinissimu Sagramentu...

Я не хотѣлъ бы личныя свои впечатлѣнія возводить въ правило и порядокъ жизни. Отсылаю поэтому читателей къ спеціальнымъ работамъ, изслѣдованіямъ о Сициліи. И ни одинъ изслѣдователь, даже парламентскія анкетныя комиссіи не могутъ не отмѣтить глубокой религіозности островитянъ, ихъ цикла духовныхъ пѣсенъ.

Въ городахъ Сициліи вы увидите процессіи дѣтей, распѣвающихъ по улицамъ гимны Богоматери и ея Сыну; увидите въ церквахъ толпу, которая не плюетъ на полъ и на стѣны, какъ въ Римѣ, гдѣ во всѣхъ церквахъ пріѣзжаго поразитъ надпись: „Просятъ не плевать въ домѣ Господнемъ". Нѣтъ, толпа истово молится, фанатически перебирая четки и перелистывая молитвенники... кто грамотенъ.

На домахъ вы увидите надписи мѣломъ: „Dolce Cuore di Gesù Siate il mio amore", „Amato sia da tutti il sacro cuore di Gesù", и тутъ же гдѣ-нибудь сбоку мѣломъ же: „Venga il regno Tuo",—и въ каждой надписи—масса грамматическихъ ошибокъ.

Для сицилійца религія—не форма, какъ монахи не только „министры" (слуги) Бога, которыхъ „mestiere"—ремесло служить мессы, причащать и исповѣдывать. Въ религіи сициліецъ ищетъ опоры и утѣшенія со дня историческаго своего рожденія. Когда норманны, испанцы и французы жгли города, убивали мужчинъ и насиловали женщинъ, ему приходилось въ Богѣ искать защиты, такъ какъ слабъ былъ онъ, чтобы прогнать врага.

Но еще болѣе, чѣмъ люди, безжалостной для сицилійцевъ является природа. Противъ нея неразумно и безсмысленно бунтовать. Когда съ юга дуетъ сирокко и губитъ пшеницу и виноградъ; когда свирѣпый ураганъ топитъ десятки суденъ и сотни людей; когда землетрясенія разрушаютъ города и подъ обломками зданій погребаютъ тысячи,—что дѣлать тутъ? Очевидно, есть что-то провиденціальное, чего нельзя учесть, съ чѣмъ невозможно бороться, какъ не учтешь рока и не одолѣешь нѣдръ моря и огня подземнаго.

Такъ стихіи родили въ сицилійцѣ его особую религіозность, столь не похожую на общеитальянскую; такъ выработали онѣ мрачную, крѣп-

кую душу и суровую психологію людей, разсматривающихъ жизнь, какъ цѣпь изъ страданій, труда, опасностей,—во всемъ воленъ Господь.

Вотъ почему здѣсь нельзя насадить соціализма „духовнаго“. Да, соціалисты завоевываютъ почву подъ ногами: ихъ кооперативы и лиги раскинулись уже по острову, но въ душу соціализмъ не проникаетъ, религіи прадѣдовъ собой не замѣняетъ. Пока идетъ рѣчь о заработной платѣ, продолжительности труда, коллективной арендѣ и кооперативномъ банкѣ,—сициліецъ во всемъ согласенъ съ соціалистомъ. Но когда дѣло доходитъ до религіи—картина мѣняется.

Сидѣли мы въ походномъ трактирѣ, устроенномъ въ виноградникѣ. Былъ праздникъ „Мадонны Милости“; процессія съ хоругвями только что прошла, смолкло пѣніе, приступили къ „пиру“: трактирщикъ *ad hoc*, изъ мѣстныхъ же крестьянъ превратившійся вдругъ въ ресторатора, угостилъ сильно наперченнымъ кроликомъ. Затѣмъ поставилъ на столъ фляжку кислаго вина и два стакана: такова традиція. Компанія можетъ состоять изъ десяти человѣкъ, но стакановъ полагается всего два, одинъ обходитъ всѣхъ по очереди, другой предлагается амфитріономъ гостямъ „отъ себя“. Говорилось объ обычныхъ вещахъ: объ эмиграціи въ Америку, объ урожаѣ, объ арендахъ, о церкви, которую надо починить, ибо вотъ уже двѣсти лѣтъ стоитъ она безъ ремонту.

Изъ-за сосѣдняго стола раздался вдругъ крикъ:—Долой поповъ! Веселое настроеніе крестьянъ сразу пропало: они нахмурились, замолчали и стали разсматривать смѣльчака. Молодой человѣкъ съ черными, закрученными стрѣлкой усами говорилъ все, что полагается въ такихъ случаяхъ, обвиняя духовенство въ бѣдности и темнотѣ народа, а религію проклиная, какъ „методъ эксплоатаціи“. И большинство крестьянъ, принадлежавшіе къ соціалистической кооперації, только изъ нежеланія оскорбить гостя, молчали. Но скоро терпѣніе ихъ стало истощаться: было замѣтно, что подвыпившему соціалисту не миновать ножа. Замѣтилъ это и онъ и, роздавъ всѣмъ присутствующимъ фотографическія карточки, ретировался. На карточкѣ было напечатано: „Ernesto Pedata, agente postale nell'Ufficio di Nola (prov. di Caserta). Promotore del movimento di agitazione fra i portalettere rurali, collettori e procaccia postali del Regno d'Italia. Saluta fraternamente. 909—910“.

Оный пышный письмоносецъ, титулующій себя „главнымъ дѣятелемъ агитаціоннаго движенія“, откровенно, однако, признавался, что ничего нельзя сдѣлать въ Сициліи. И вотъ теперь его „тактика“ заключается въ томъ, чтобъ пріѣзжать въ деревни въ дни религіозныхъ празднествъ и орать „долой поповъ“, дабы хоть въ комъ-нибудь „заронить сомнѣніе“.

Увы, одинъ изъ видныхъ вождей соціалистической партіи въ бесѣдѣ со мной указывалъ, что господъ Педата еще много въ провинціи, что

отъ нихъ соціализму больше вреда, чѣмъ пользы. Но они „агитируютъ“, вѣщаютъ истины и только озлобляютъ религіозныхъ крестьянъ противъ всего, что враждебно церкви. И несомнѣнно, чѣмъ скорѣй ликвидируются вышеописанные способы насажденія соціализма, тѣмъ скорѣй же можно будетъ завоевать симпатіи сицилійскихъ крестьянъ.

Но съ глубокой вѣрой сициліецъ соединяетъ и суевѣріе. Онъ убѣжденъ, что діаволъ приходитъ по ночамъ и смущаетъ женщинъ; что беременная женщина, пьющая *красное* вино, родитъ урода, ибо красное вино „даетъ фантазію“; что старыя вдовы колдуютъ на рѣшетѣ; что номера въ лото должна ставить теща; что крикъ осла на разсвѣтѣ—къ урожаю; что хромые бараны—имѣютъ плохой глазъ и несутъ несчастья, что коралловый рогъ предохраняетъ отъ бѣдъ. Въ этихъ суевѣріяхъ, которыя смѣшиваются иногда съ религіозными преданіями, сициліецъ остается тѣмъ же наивнымъ и темнымъ, какимъ былъ пять столѣтій назадъ. И эти же суевѣрія сплошь и рядомъ служатъ причиной страшныхъ преступленій.

Если мы обратимся къ даннымъ официальнымъ и частныхъ ислѣдователей (Ферри, Вентимилліа и др.), мы замѣтимъ, что Сицилія занимаетъ первое мѣсто по 1) числу преступленій противъ нравственности и 2) по числу убійствъ. Въ понятіе преступленій перваго рода входятъ и такія, какъ увозъ невѣсты, если родители послѣдней привлекаютъ къ отвѣтственности пламеннаго жениха, какъ сожительство съ чужой женой и прочее. Но рядомъ идутъ и ужасающія преступленія, какъ, напримѣръ, растленіе собственныхъ малолѣтнихъ дочерей. Тутъ не только „злая воля“, прежде всего—преступленія эти являются результатомъ религіозныхъ повѣрій, пережиткомъ историческихъ преданій.

Дѣвочекъ въ возрастѣ 5—6 лѣтъ растлеваютъ отцы и братья, страдающіе венерическими болѣзнями. Дѣти прекрасной Сициліи познали культуру: они переплываютъ океанъ, зарабатываютъ тамъ огромныя для нихъ деньги и возвращаются на родину во всеоружіи цивилизаціи: привозятъ деньги, сифилисъ и знанія по части спиртныхъ напитковъ. Что можетъ спасти отъ страшной болѣзни? Какъ излѣчить ее?

Когда впервые появилась страшная болѣзнь, темныя души стали рыться въ Евангеліи. Вычитали, что невинныя дѣтскія души предстательствуютъ за грѣшниковъ, что внемлетъ Господь молитвамъ дѣтей и отпускаетъ грѣхи родителямъ. И испанскіе воины умозаключили: разъ отъ душевныхъ страданій исцѣляетъ дѣтская молитва, *ergo* отъ физическихъ страданій излѣчиваетъ дѣтское тѣло... Свыше пяти столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, а страшный предразсудокъ понынѣ живетъ въ Сициліи, Кампаніи, отчасти Лаціумѣ. Чтобы излѣчиться, отцы и братья венерики „очищаются“ черезъ растленіе дочерей и сестеръ, заражаютъ

тѣхъ и широко распространяютъ болѣзни. Тутъ не судьямъ надо работать, а священникамъ и учителямъ: только культура уничтожитъ безумный предразсудокъ...

Можно вообще утвердительно сказать, что преступленія рождены въ Сициліи обычаями суевѣрія и фактами исторической жизни. Благородный и рыцарскій народъ острова не склоненъ къ преступленіямъ: онъ религіозно чистъ, хотя убиваетъ, грабитъ и насилуетъ. Безсмысленная исторія сдѣлала здѣсь изъ убійства религіозный обрядъ.

Въ распряхъ съ баронами и князьями церкви сициліецъ никогда не находилъ праваго суда. И когда церковная власть одолѣла феодаловъ, сициліецъ и у нея не нашелъ для себя защиты. Подкупленные судьи и лихоимцы-правители были еще хуже бароновъ: тѣ щадили крестьянъ, какъ фискальную единицу, эти не считались даже съ „податнымъ скотомъ“. И народъ глубоко затаилъ въ себѣ месть. Куда могъ онъ апеллировать? Гдѣ въ состояніи былъ найти правосудіе? Кровь независимыхъ нѣкогда пастуховъ бурлила и жаждала мщенія. Оно пришло, когда не на что было надѣяться больше. „Сладкій“ народъ, о которомъ повѣствуетъ лѣтопись XIII ст., превратился въ народъ „демоновъ“ къ XV ст. И вотъ уже шестое столѣтіе сициліецъ считаетъ месть „святой“ и „блаженной“. Раненаго, истекающаго кровью поднимаютъ въ глухомъ переулкѣ. Кто — убійца? — спрашиваетъ судья. И въ отвѣтъ слышитъ:

— *Se campo l'allampo, se moio-lo perdono.* [1])—Онъ уноситъ съ собой въ могилу имя убійцы, и только ближайшіе родственники знаютъ, кто „сдѣлалъ“ (убилъ) покойника. Проходятъ недѣли, мѣсяцы, иногда годы, и въ укромномъ мѣстѣ находятъ трупъ убійцы: святая *vendetta*— свершилась, кровь отмщена. Какое множество примѣровъ приводится изслѣдователями, какъ дѣти выгораживаютъ убійцу своего отца, устраиваютъ ему *alibi*, лгутъ подъ присягой,—лишь бы вырвать убійцу изъ рукъ правосудія: для себя они сохраняютъ сладость мщенія.

Горе тому, кто сообщитъ властямъ имя убійцы: „гнусный„ парень нарушилъ всѣ традиціи, его судьба печальна: онъ будетъ проткнутъ ножемъ, какъ измѣнникъ и проходимецъ. И родные не будутъ мстить за убитаго: онъ заслужилъ вѣдь позорную смерть!

Другая святыня сицилійца—гордость. „Къ каждому работнику надо подойти, держа шляпу въ рукахъ“, говорятъ помѣщики Сициліи, такова та гордость столѣтій, которую не могли сломить самые жестокіе завоеватели. И это-то сдѣлало изъ сицилійца „*perfetto galantuomo*“, какъ признаетъ и вражескій Сициліи континентъ. Сициліецъ можетъ быть

[1]) Если побѣжду (смерть)—убью его, если умру—прощу.

убійцей, но воромъ и мошенникомъ—никогда. Въ его лексиконѣ вы не отыщете гнусныхъ словечекъ Неаполя и грубой мощи ругательствъ Рима, ядовитости Флоренціи и злости Милана. Діалектъ Сициліи—сильный, гордый, бьющій, какъ молотъ. И слова — простыя, тяжелыя, нѣсколько чопорныя.

Онъ мститъ ножемъ, но не языкомъ, презирая сплетни и доносы—излюбленное оружіе итальянцевъ средней и сѣверной Италіи. Онъ *galantuomo* отъ рожденія, будетъ ли онъ погонщикомъ муловъ, или потомкомъ крестоносцевъ. Съ врагомъ онъ откровененъ: приходитъ къ тому въ домъ, привѣтствуетъ его именемъ Мадонны и, приподнявъ шляпу, освѣдомляется о часѣ и мѣстѣ поединка. Деревни сотнями знаютъ эти *duelli rusticani*, когда, накрутивъ на лѣвыя руки плащи,—правыми, вооруженными острыми ножами, противники прокалываютъ другъ друга. Знаетъ *вся* деревня, но властямъ не сыскать убійцы.

Тутъ—особая гордость. Сицилійскіе крестьяне презираютъ потомковъ французскихъ и испанскихъ бароновъ, всѣхъ этихъ маркизовъ и графовъ, сотнями щупальцевъ охватившихъ островъ. Они „чужаки“, дѣти откуда-то пришедшихъ людей, нечестно завладѣвшихъ ихъ землей, въ союзѣ съ королями-разбойниками грабившими ихъ родину. Это „феодальчики“, какъ ихъ насмѣшливо называетъ народъ. Но съ преклоненіемъ относятся сицилійцы къ потомкамъ „своихъ“ бароновъ, потомкамъ тѣхъ древнихъ семей, которыхъ такъ мало осталось. Эти—„настоящіе“ феодалы, господа Божьей милостью, дѣти тѣхъ, кто бился съ маврами, анжуйцами, кто съ копья бралъ Неаполь и Амальфи, кто четыре вѣка къ ряду боролся съ папами и ихъ сторонниками.

И когда „настоящіе“ феодалы пріѣзжаютъ въ имѣніе, со всѣхъ сторонъ тянутся крестьяне, привѣтствуютъ гостей револьверными выстрѣлами, держатъ стремя, цѣлуютъ феодала въ плечо. Въ этомъ фактѣ нельзя видѣть пережитковъ рабства: это легенды вѣковъ, традиціи великаго прошлаго, которое соединило „истинныхъ“ баръ съ мужиками. И—характерное явленіе!—„настоящіе“ феодалы уважаютъ народъ, щадятъ его бытъ, защищаютъ его интересы, пусть—своеобразно, но защищаютъ. И „настоящіе“ феодалы умѣютъ быть съ сицилійскимъ народомъ въ мирныхъ отношеніяхъ, и народъ это цѣнитъ въ той же мѣрѣ, въ какой презираетъ притязанія „феодальчиковъ“. Гордый своимъ происхожденіемъ отъ боговъ, сициліецъ ненавидитъ этихъ пришлыхъ людей, именующихъ себя сицилійцами, осмѣливающихся посягать на званіе сицилійца.

Если вы иностранецъ и пріѣзжаете сюда на время — васъ встрѣтятъ радушно: вѣчнымъ странникамъ, неизмѣннымъ повстанцамъ хорошо извѣстны законы гостепріимства. Въ самую отчаянную деревню маффи-

стовъ можете смѣло въѣхать: радушно васъ встрѣтятъ, напоятъ, накормятъ, оставятъ переночевать, а утромъ кавалькада вооруженныхъ крестьянъ проводитъ васъ до границы коммунальныхъ предѣловъ, на прощаніе паля изъ ружей и крича: „Прощайте! Да будетъ съ вами Мадонна!“ И въ сосѣднюю деревню будетъ сообщено о васъ,—и такъ проѣдете всю Сицилію, не услыхавъ классическаго:

— *Faccia a terra!*

Такъ проѣдетъ по острову любой иностранецъ, то-есть не сициліецъ. Иностранцы — всѣ тѣ, кто не сицилійцы: ломбардцы, нѣмцы, тосканцы, французы, калабрійцы, испанцы. На земномъ шарѣ Сицилія—діамантъ. Въ Римѣ живетъ самъ папа. Тамъ же и король. А прочія земли, иные люди—земли чужія, люди посторонніе.

Надо ѣхать на заработки *временные*, на пять-шесть мѣсяцевъ... Миланъ, Туринъ... какъ далеки эти города: двое сутокъ ѣзды „желѣзной машиной“. А Америка—рукой подать: сѣлъ на пароходъ въ Мессинѣ, Катаніи или Палермо—и прямо ты очутишься въ Америкѣ. Не говорите, что Америка—дальше, вы смѣетесь надъ бѣднымъ парнемъ... О, Америка! Какой это баснословный городъ! Визжитъ сталью, громыхаетъ тысячами машинъ Нью-Іоркъ—Америка тожъ,—и денегъ тамъ много-много, только лѣнивый или пьяница не заработаетъ. И сициліецъ ѣдетъ въ легендарную „Америку“—Нью-Іоркъ или въ „Аргентину“, какъ въ сосѣднее село: говоритъ семьѣ „до свиданья“ и съ узелкомъ на палкѣ исчезаетъ за поворотомъ дороги.

Только тамъ, въ пресловутой Америкѣ, узнаетъ сициліецъ, какъ далекъ Нью-Іоркъ отъ милаго острова. Зарабатывая десять франковъ въ день, онъ откладываетъ 6—7 и шлетъ сбереженія въ родную деревню, затерявшуюся среди горъ. Статистическія данныя говорятъ, что ежегодно въ Сицилію посылается эмигрантами свыше ста милліоновъ лиръ! И вотъ новая жизнь закипаетъ въ деревняхъ: увеличивается собственность крестьянъ, бѣлыми пятнами весело сверкаютъ новые дома „американцевъ“, появляется крѣпкій рабочій скотъ, свистятъ молотильныя машины. О, эмигранты не забываютъ далекаго своего острова: они посылаютъ даже спеціальныя суммы на иллюминацію въ день храмовыхъ праздниковъ, наказывая не жалѣть денегъ. Въ одной деревнѣ подъ Катаніей къ храмовому празднику присылается до двухъ тысячъ лиръ, такъ любятъ сицилійцы свой осторвъ. Ихъ съ родины выгоняетъ нужда, но они возвращаются туда, лишь только имѣютъ въ карманѣ нѣсколько тысячъ. И веселую жизнь Америки мѣняютъ на однообразное житье деревни, на тяжелый трудъ сицилійскаго землепашца, окруженнаго злыми стихіями. Уѣзжая на заработки, сициліецъ и не думаетъ грустить: онъ вѣдь *обязательно* возвратится, чего унывать! И какъ странно слышать послѣднія распоряженія, отрывисто бросаемыя съ борта гигантскаго парохода:

— Мулу подрѣжь хвостъ! Подкрѣпи двѣ лѣвыя лозы! Не забудь козы... Стричь ее во вторникъ!

Такъ хозяева отдаютъ распоряженія, уѣзжая на недѣлю.

Недѣли, мѣсяцы или годы — развѣ дѣло во времени? Хозяинъ возвратится и придетъ въ домъ свой. Онъ привезетъ много денегъ, иногда и... сифилисъ... И въ страшныя минуты сознанія разложенія заживо сициліецъ прежде всего думаетъ о далекой родинѣ, мысленно живетъ тамъ... И, чувствуя приближеніе смерти, бросаетъ все и мчится на островъ, въ эту страну контрастовъ, такихъ яркихъ, такихъ странныхъ для чужихъ, такихъ понятныхъ для своихъ...

Петръ Рыссъ.

Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры.

I. Три неизданныхъ стихотворенія И. С. Никитина.

(Сообщено А. Г. Фоминымъ.)

Печатаемыя нами стихотворенія Никитина, насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не были опубликованы. Автографы ихъ находятся въ музеѣ П. И. Щукина. Печатаемый текстъ—точное воспроизведеніе этихъ автографовъ. Считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность Петру Ивановичу Щукину за любезное разрѣшеніе заниматься въ его музеѣ рукописями Никитина и содѣйствіе въ нашихъ работахъ по редактированію полнаго собранія сочиненій И. С. Никитина (изд. „Просвѣщенія“).

А. Ф.

1. Черемуха.

Много листьевъ красовалося
На черемухѣ весной
И гостей перебывалося
Вплоть до осени сырой.

Издалека въ ночь прохладную
Вѣтерокъ къ ней прилеталъ
И о чемъ-то вѣсть отрадную
Ей, какъ другъ, передавалъ.

Чуть, бывало, загорается
Алой зорьки полоса,—
Разной краской покрывается
На кудряхъ ея роса.

И она вся зарумянится,
Сонъ забудетъ, гостя ждетъ;
Смотришь,—гость любимый явится,
Сядетъ, свищетъ и поетъ...

Но пришла зима сердитая,
И, какъ уголь, вся черна,
На морозѣ, беззащитная
Сиротой стоитъ она.

И меня весна покинула,—
Милый другъ меня забылъ;
Съ нимъ моя вся радость минула,
Онъ мою всю жизнь сгубилъ.

Все къ нему сердечко просится,
Все его я жду, одна;
Но ко мнѣ знать не воротится
Какъ къ черемухѣ весна...

1851.

II.

Ужь не я ли тебя, милая, упрашивалъ,
Честью, лаской, какъ друга, уговаривалъ:
„Позабудь меня,—ты послѣ будешь счастлива,
„Обвѣнчаютъ насъ,—ты вспомнишь волю дѣвичью.

„У меня зимой въ избушкѣ сыро, холодно,
„Мать-старуха привередлива, причудлива,
„Сестры злы, а я головушка разгульная,
„Много горя ты со мною понатерпишься“.

Ты не вѣрила, сквозь слёзы улыбалася,
Улыбаясь, обняла меня и молвила:
„Не покинь меня, надёжа, все я вынесу,
„При тебѣ и злое горе будетъ радостью“...

Ужь на чтожь теперь ты поздно стала каяться,
На свекровь и на золовокъ горько плакаться?
Не онѣ тоски-кручины тебѣ придали,—
Что трава отъ вѣтра, отъ меня ты высохла.

Разлюбилъ я друга, какъ,—и самъ не вѣдаю!
Ноетъ мое сердце, разума не слушаетъ:
О тебѣ печалюсь, объ иной я думаю,
Ты вся сокрушилась,—весь и я измучился!

III. Пѣсня.

Ковыль моя травушка, ковыль безпріютная,
Росла ты подъ бурями, отъ зноя повысохла,
Идетъ зима съ вьюгами, а все ты шатаешься;
Прошла почти молодость,—отрады нѣтъ молодцу.

Жилъ дома—кручинился, покинулъ домъ на̀ горе;
Работалъ безъ устали,—остался безъ прибыли;
Служилъ людямъ правдою,—добра я не выслужилъ;
Нашелъ друга по̀ сердцу,—сгубилъ свою голову!

О милой вся думушка, и грусть, и заботушка,
Жду, вотъ съ нею встрѣчуся, а встрѣчусь—раскаюся:
Скажу ей что ласково,—молчитъ и не слушаетъ;
Я мукою мучуся,—она улыбается...

Легко красной дѣвицѣ чужой тоской тѣшиться,
Съ ума сводить молодца, шутить злой измѣною:
Полюбитъ не надолго,—забудетъ по прихоти,
Безъ друга соскучится,—нарядомъ утѣшится...

Ужь полно печалиться! твердятъ мнѣ товарищи:
Чужое безвременье не трудно обсуживать!
Узнаешь безсонницу, повѣсишь головушку,
Прощался на̀ вѣки съ послѣднею радостью...

Ковыль моя травушка, ковыль безпріютная,
Росла ты подъ бурями, отъ зноя повысохла...
Когда же мы, бѣдные, съ тобой красовалися?
Зачѣмъ съ тобой горькіе на свѣтъ показалися?

И. Никитинъ.

1855 г.

II. Изъ писемъ К. П. Побѣдоносцева. [1])

I.

Любезный другъ Александръ Петровичъ, [2])
...Видѣлъ я наконецъ Рашель и убѣдился въ томъ, что великое у

---

[1]) Въ распоряженіи редакціи имѣется обширное собраніе писемъ К. П. Побѣдоносцева къ матери и брату Александру Петровичу. Это собраніе, принадлежавшее П. А. Побѣдоносцеву, передано въ редакцію при посредствѣ П. П. Николаева. Приступая къ печатанію этой коллекціи, оговариваемся, что обозначенные точками пропуски относятся къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ рѣчь идетъ о чисто семейныхъ, частныхъ дѣлахъ, не имѣющихъ общественнаго значенія. *Ред.*

[2]) За исключеніемъ двухъ писемъ къ матери (V и VII), всѣ ниже печатаемыя письма адресованы брату Александру Петровичу.

ней искусство. Я видѣлъ ее въ Корнелевомъ Орасѣ; но болѣе не пойду смотрѣть, потому что дорого. Едва ли не за послѣднее мѣсто въ театрѣ которое стоитъ обыкновенно 50 коп. заплатилъ я 3 р. сер. Правда что былъ бенефисъ...

Политическіе толки и ожиданія усиливаются. Въ иностранныхъ газетахъ помѣщено длинное письмо Имп. Наполеона къ нашему Государю. Во вчерашнемъ № *Петерб. Вѣдом.* явился русскій переводъ этого письма вмѣстѣ съ отвѣтомъ Государя. Отвѣтъ этотъ достоинъ и Государя и народа, котораго честь онъ, по собственнымъ словамъ письма „защищать обязанъ“. По всему видно, что готовятся великія происшествія. „L'homme s'agite mais Dieu le mène“. Посланники уже выѣхали изъ Петербурга. Есть уже манифестъ отъ 9 числа о разрывѣ съ Англіей и Франціей...

Твой К. Побѣдоносцевъ.

Москва, понедѣльникъ, 15 февраля 1854 г. [1])

II.

Давно ужь мы не имѣли отъ васъ никакихъ извѣстій и не знаемъ что съ Вами происходитъ. А у насъ до сихъ поръ благополучно—насколько возможно благополучіе въ нынѣшнія тяжелыя и неблагополучныя времена.

До васъ доходили конечно въ свое время печатныя новости изъ современной политики,—но вѣроятно—къ счастію вашему мало доходило и доходитъ до ушей вашихъ—комментаріевъ дѣлаемыхъ на всякую новость здѣшними досужими болтунами и многоразличныхъ слуховъ отъ которыхъ здѣсь въ столицѣ не знаешь куда укрыться. Какъ давно уже не слыхали и не читали мы въ газетахъ ничего для себя пріятнаго. Изъ этого правда исключить должно послѣднюю новость объ отставкѣ Клейнмихеля. Конечно во всѣхъ концахъ Россіи слухъ о томъ принятъ будетъ съ искреннимъ удовольствіемъ. Этотъ человѣкъ своею наглостію, безстыдствомъ и высокомѣріемъ—почти для всѣхъ сталъ въ послѣднее время ненавистенъ. Говорятъ что на мѣсто его назначенъ будетъ Принцъ Мекленбургъ Стрелицкій, а въ товарищи ему дадутъ Чевкина, давно извѣстнаго опытностью своей по инженерной части. Чевкина боятся путейскіе офицеры и называютъ его звѣремъ хуже Клейнмихеля. Но одинъ звѣрь другому рознь, и опытъ доказалъ что подъ лапою у такого звѣря какъ Клейнмихель—и не одинъ человѣкъ—а цѣлое служебное сословіе могло открыто и безнаказанно наживать себѣ милліоны.

Много еще разныхъ слуховъ. Говорятъ что Киселевщина уничтожается и что Мин. Гос. Имущ. не будетъ существовать въ нынѣшнемъ

---

[1]) Въ 50-хъ годахъ Побѣдоносцевъ служилъ въ московскихъ департаментахъ сената.

видѣ а преобразуется на манеръ удѣльнаго вѣдомства.—Говорятъ что на мѣсто Брока назначаютъ Муравьева-межеваго [1]) и тому под...

...Прилагаю при семъ и письмо Егора къ тебѣ написанное. Милый этотъ человѣкъ по прежнему „за всѣхъ старается“, и кажется на лбу у него написано: всей душою преданъ. Мнѣ всегда пріятно смотрѣть на него и слушать его простыя, наивныя, дѣтскія рѣчи. Опытъ жизни, которымъ онъ столько гордится, пронесся надъ нимъ незамѣтно, едва едва коснувшись его—и слава Богу! Каковъ былъ онъ за 20 лѣтъ, таковъ и теперь—вотъ почему при взглядѣ на Егора встаетъ передъ нами вся первая молодость, съ играми и смѣхами, съ мечтами и шалостями, и какъ будто воскресаетъ на время вся тогдашняя обстановка, всякое лицо и всякое рыло. Многіе исчезли со сцены, многихъ и на свѣтѣ ужь нѣтъ, а Егоръ стоитъ—памятникомъ прошедшаго—и дай Богъ чтобъ этотъ памятникъ стоялъ подольше...

Твой К. Побѣдоносцевъ.

Москва, октября 20 1855 г.

III.

...Вотъ, опять толкуютъ объ войнѣ. Англичане вошли въ Азовское море. Дѣло о желѣзныхъ дорогахъ тоже, сказываютъ, остановилось. Что-то будетъ изо всего этого, одинъ Господь знаетъ. Съ другой стороны толки о преобразованіяхъ. Кадетскіе корпуса рѣшительно измѣняютъ во всей системѣ; остаются только высшіе спеціяльные курсы въ видѣ—училищъ вольнослушающихъ, а всѣ малолѣтныя, Сиротскія и т. под. уничтожаются.—На дняхъ два туза потребованы на тотъ свѣтъ: Гр. Воронцовъ умеръ 6 числа, а въ слѣдъ за нимъ отправился и Гр. Перовскій, Мин. Удѣловъ. Слышно что на его мѣсто назначаютъ Олсуфьева. У насъ въ Москвѣ новый попечитель Ковалевскій всѣмъ нравится; тихъ, уменъ и ко всему присматривается внимательно...

Твой К. Побѣдоносцевъ.

Ноября 12 1856 г.

IV. [2])

...Финансовая система колеблется; предстоящее въ Февралѣ рѣшеніе крестьянскаго вопроса можетъ возбудить замѣшательство, пре-

---

[1]) Гр. Мих. Никол. Муравьевъ съ 1840 г. состоялъ директоромъ межевого корпуса. Съ 1857 г.—министръ государственныхъ имуществъ. Съ 1863 г.—генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края. Брокъ—министръ финансовъ съ 1852 по 1858 г.

[2]) Съ 1860 по 1865 г. Побѣдоносцевъ занималъ каѳедру гражданскаго права при московскомъ университетѣ и въ то же время состоялъ преподавателемъ законовѣдѣнія великимъ княземъ.

реканія и смуты. Политическій горизонтъ далеко неясенъ, и поднимающіеся повсюду вопросы о національностяхъ могутъ насъ тоже коснуться; вотъ, 29 Ноября, въ годовщину варшавской революціи, Поляки сдѣлали въ варшавскомъ театрѣ демонстрацію, запѣвъ массою пѣсню: Еще Польша не сгинула; а на дняхъ, сказываютъ, случилось тамъ нѣчто похожее на формальный бунтъ; будто бы дворецъ намѣстника былъ окруженъ народомъ.—Всѣ находятся въ какомъ то невѣрномъ положеніи, всѣ чего то ожидаютъ и какъ то недовольны своею судьбой. „Древняя мимоидоша“, а новое еще не образовалось. Дай Боже—благополучно провесть этотъ годъ и по добру по здорову дожить до слѣдующаго...

...Въ Питерѣ надавали мнѣ всякаго рода проэктовъ, трудовъ коммисій и проч. Одна крестьянская коммисія издала около 30 огромныхъ томовъ трудовъ своихъ. Два экземпляра, которые я привезъ, вѣсятъ 4 пуда: можно судить о количествѣ печатной бумаги. Теперь вся комната у меня завалена этими книгами—некуда ужь и ставить. Кромѣ того пропасть насылается мнѣ всякой всячины которую надо читать и потомъ отсылать свои замѣчанія.

...Въ губерніи служба не то что въ столицѣ—впрочемъ ты вѣроятно знаешь хорошо ея подводные камни, и знаешь какъ осторожно слѣдуетъ держать себя. Я съ своей стороны одно тебѣ посовѣтую—изъ прежнихъ твоихъ писемъ видѣлъ я что откупъ снабжаетъ тебя виномъ. Я знаю что вездѣ такъ дѣлается и я, собственно, никогда не рѣшился бы за это осудить человѣка. Но—скажу между нами—я увѣренъ что не всѣ будутъ судить такъ какъ сужу я и, сколько я знаю людей своего кружка, т. е. своихъ товарищей,—немудрено что большая часть изъ нихъ посмотрѣла бы на это дѣло суровѣе. Словомъ сказать—я по своему взгляду принялъ бы въ уваженіе обычай—они не приняли бы. Всѣмъ этимъ хочу я сказать, что если ты дорожишь полнымъ сочувствіемъ—напр. Арцим., Рихт., [1]) Котляревскаго и т. п., то лучше бы сдѣлалъ когда бы отказался отъ этихъ приношеній. Прими это, сдѣлай милость, за совѣтъ отъ сердца—надѣюсь что онъ не оскорбитъ тебя—я еще лѣтомъ, прочитавъ твое письмо, думалъ намекнуть тебѣ объ этомъ, да не рѣшался...

Обнимаю тебя—твой К. Побѣдоносцевъ.

23 декабря 1860 г.

...Хорошо дѣлаешь что мѣняешь Сына на вѣкъ. [2]) Вѣкъ во всякомъ случаѣ лучше будетъ.

---

[1]) Очевидно: Арцимовича, Рихтера.

[2]) *Сынъ Отечества* и *Вѣкъ*—названія газетъ.

Рукопись твоя обрѣла пристань! Что будешь дѣлать съ этою невѣжественной цензурой. И изъ бумаги немного поймешь отъ чего не пропустили.

V.

Милый другъ маменька. Человѣкъ предполагаетъ а Богъ располагаетъ. Вотъ и я вчера написалъ къ Лизѣ чтобы топили мои комнаты, располагая выѣхать въ Москву въ субботу. Но сегодня оказалось, къ великому моему прискорбію что мнѣ не удастся встрѣтить праздникъ въ Москвѣ и вмѣстѣ со всѣми вами. Сегодня послѣ урока зашелъ у насъ разговоръ сколько еще остается мнѣ разъ придти для окончанія своего курса, и вышло что никакъ нельзя кончить раньше какъ къ Новому Году. Изъ словъ Наслѣдника и Гр. Строганова я увидѣлъ что оба они желали бы чтобы я не прерывалъ своихъ уроковъ до Новаго Года; а послѣ Новаго Года должны явиться на мое мѣсто другіе. Согласитесь—что мнѣ было невозможно отказаться и настаивать на отъѣздѣ, когда мнѣ было заявлено что дорожатъ моими остальными лекціями и не желаютъ потерять ихъ...

...И вотъ—какъ ни хочется мнѣ удалиться въ свой уголъ изъ здѣшнихъ мѣстъ и отдохнуть отъ своего странствованья, Богъ не даетъ и указываетъ какую-то дорогу которая вовсе для меня непривлекательна. Но какъ моей воли и искательства на это нѣтъ, то и надо въ томъ признать волю Божію и ей покориться: Богъ приводитъ къ такому положенью что отказаться и уклониться нѣтъ возможности. Сегодня, совсѣмъ неожиданно, настигло меня новое предложеніе Гр. Строганова. Въ наступающемъ году, съ начала лѣта, Наслѣдника повезутъ путешествовать по Россіи—поѣздка эта должна продолжаться около 2 мѣсяцевъ. Строгановъ убѣдительно просилъ меня поѣхать вмѣстѣ съ ними, въ качествѣ собесѣдника и руководителя для нѣкоторыхъ предметовъ. Онъ сказалъ мнѣ что и Наслѣдникъ очень этого желаетъ. Разумѣется я не могъ не согласиться когда ожидаютъ что я могу быть полезенъ въ этомъ дѣлѣ; да признаться, думаю что кромѣ труда, тутъ и для меня можетъ быть удовольствіе и нѣкоторый отдыхъ отъ дѣлъ письменныхъ.

Думаю, милая маменька, что и вы не будете противъ этого.

Вчера обѣдалъ я у вел. Княгини Елены Павловны—такая окказія еще въ первый разъ со мною случилась. Обѣдало съ нами еще четверо—все знакомые мнѣ люди, хозяйка наша по своему обыкновенію была очень проста и любезна, между прочимъ и со мною: мнѣ она всегда показываетъ расположеніе. Обѣдали почти въ 7 часовъ веч. и уже въ 9 часовъ разъѣхались...

Будьте здоровы и да хранитъ васъ Богъ

Вашъ К. Побѣдоносцевъ.

Петербургъ, 17 декабря 1862 г.

VI [1]).

...Между тѣмъ у насъ страшныя дѣла происходятъ, какъ вамъ извѣстно! Господь Богъ помиловалъ насъ, отвративъ руку злодѣя отъ Государя нашего—но страшно и подумать что было бы съ нами когда бы совершился преступный замыселъ. Страшно думать и теперь что можетъ быть среди насъ находятся тайные враги, измѣнники, отступники отъ своей родины, или безумные слуги Польской адской интриги! Всѣ обрадовались что слѣдствіе надъ злодѣемъ поручено Гр. Муравьеву, но прежніе 6 генераловъ начавшіе слѣдствіе, упустили уже много драгоцѣннаго времени, по своей неопытности и дали закрыться многимъ нитямъ заговора. Теперь покуда въ народѣ и въ публикѣ общее ликованіе, и героемъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и невольною жертвою—новый дворянинъ Коммисаровъ—онъ истомился, бѣдный, отъ почестей и привѣтствій которыя отовсюду на него сыплются.

17 Апрѣля открываются здѣсь новыя судебныя мѣста, а 23 числа въ Москвѣ. Когда реформа распространится на другія губерніи, еще и сказать нельзя—когда она дойдетъ до Калуги, еще менѣе можно предвидѣть. Къ зимѣ вѣроятно начнутъ какую-нибудь изъ сосѣднихъ къ Москвѣ губерній, но какую именно, никто еще и не думаетъ...

Петербургъ, 12 апрѣля 1866 г.

VII.

Воскресенье, 7 мая 1867 г.

Милый другъ маменька... ...Вчера мы съ Катюшей ходили къ обѣднѣ въ Исаакіевскій соборъ, а потомъ просидѣли дома и читали „*Дымъ*“ который сегодня и кончили безъ большаго удовольствія..

VIII.

...Пора во всѣхъ отношеніяхъ неблагопріятная—все смутно какъ Петербургское небо—и ничто какъ то не кажется прочнымъ. Вотъ и у насъ въ Министерствѣ перемѣны, которыя безъ сомнѣнія вскорѣ смѣнятся другими. Ты спрашиваешь о видахъ на будущее. Всѣ объ немъ думаютъ и гадаютъ разно. Кн. Урусовъ только на время сѣлъ къ намъ, и нѣтъ сомнѣнія что уйдетъ отъ насъ въ Сентябрѣ, а на мѣсто его сядетъ какъ всѣ навѣрное заключаютъ, нынѣшній товарищъ Графъ Паленъ, котораго я весьма мало знаю. Нынѣ Министерство Юстиціи—самое шаткое изъ всѣхъ Министерствъ—и самое опасное, ибо отовсюду воздвигаются на него брани и пререканія языковъ...

---

[1]) Съ 1865 г. Побѣдоносцевъ состоялъ членомъ консультаціи министерства юстиціи. Съ 1868 г.—сенаторомъ.

...Молодые наши уѣхали кажется до Августа, и по пріѣздѣ ихъ по всей вѣроятности занятія возобновятся. Впрочемъ что еще будетъ, неизвѣстно—ибо почва эта весьма ненадежная для нашего брата, и есть люди которымъ давно уже стало желательно оттѣснить меня и отъ моего скромнаго назначенія при Вел. Князѣ и Супругѣ Его...

Петербургъ, 19 мая 1867 г.

IX.

...О себѣ что сказать? Точно волной откидываетъ меня отъ одного дня къ другому, но я и дней не примѣчаю за множествомъ дѣлъ и заботъ. Вотъ тебѣ образецъ. Сегодня съ 11 часовъ утра до 6 просидѣлъ въ Сенатѣ на засѣданіи. Въ 9 часовъ совсѣмъ усталый долженъ былъ ѣхать на вечеръ. Завтра до 11 часовъ долженъ работать дома. Съ 12 вѣроятно тоже до 6—засѣданіе въ Сенатѣ. Едва успѣю пообѣдать, надо будетъ ѣхать въ засѣданіе Ипотечной коммисіи, гдѣ просижу до 12 часовъ ночи. Въ четвергъ все утро просижу за работой дома, подготовляя Сенатскія дѣла, которыя мы сами докладываемъ и сами пишемъ резолюціи, безъ участія Канцеляріи. Вечеромъ долженъ ѣхать къ В. К. Владиміру—заниматься съ нимъ дѣлами 13 Общаго Собранія, въ которомъ самъ не засѣдаю, слѣдовательно для него только долженъ читать ихъ. Въ пятницу опять засѣданіе въ Сенатѣ, конечно тоже до 6 часовъ; и вечеромъ тоже придется выѣхать. Въ Субботу съ 11 до 1 часу занимаюсь съ Цесаревною; съ 1 часу до вечеренъ засѣданіе въ Сенатѣ; вечеромъ засѣданіе Ипотечной коммисіи. Въ Воскресенье казалось бы можно отдохнуть, но въ это утро звонокъ не перестаетъ звонить и не оскудѣваютъ посѣтители знающіе что это утро у меня незанято. Вотъ тебѣ образецъ здѣшней суетливой и хлопотливой жизни!...

Петербургъ, 28 января 1869 г.

X.

...Година очень для насъ трудная. А мнѣ и работы много, истощающей. Когда приходится (какъ вчера) цѣлое утро говорить въ Госуд. Совѣтѣ [1]) и весть борьбу упорную и крѣпкую, возвращаешься измученный и уже не въ силахъ никого видѣть и ни съ кѣмъ говорить отъ нервнаго истощенія. Увы! чѣмъ выше сталъ тѣмъ жить труднѣе и тяжеле. Medio tutissimus ibis и часто приходится обращаться со вздохомъ къ покою Хлѣбнаго переулка!...

...Вотъ, сейчасъ пришли звать на обѣдъ къ Государю. Но вотъ тебѣ

---

[1]) Членомъ Государственнаго Совѣта Побѣдоносцевъ назначенъ былъ въ 1872 г

образецъ здѣшней жизни. Это пріумножаетъ заботу мою, ибо я знаю что тамъ придется выдерживать продолженіе борьбы вчера вынесенной. Тѣни и свѣтъ ежедневно мѣняются. Сегодня любезенъ тотъ, кто завтра будетъ врагомъ, потому что не по его было сказано! И потому напрасно полагаютъ многіе что я много здѣсь могу сдѣлать и устроить. Много могутъ здѣсь только много имущіе и много угождающіе тѣмъ у кого на сей разъ сила. Я же вынужденъ быть чаще непріятенъ нежели пріятенъ многимъ...

Твой К. Побѣдоносцевъ.

Петербургъ, 5 марта 1874 г.

XI.

...Статейка о судѣ остановила твое вниманіе. А я сильно бранилъ за нее списателя, Кн. Мещерскаго, показавшаго ревность не по разуму. Надо класть соли въ мѣру а онъ пересолилъ и хватилъ обухомъ тамъ гдѣ надо было провесть рукою объяснивъ въ чемъ дѣло...

26 декабря 1874 г.

XII.

...Вообще же въ послѣдніе дни суета у меня большая. Каждый вечеръ рауты и собранія, на которые приглашаютъ.

Въ четвергъ былъ сначала у Гр. Блудовой на живыхъ картинахъ, потомъ у Графини Протасовой на раутѣ, куда весь городъ—начинаетъ съѣзжаться въ 12-мъ часу ночи. Въ пятницу музыкальный вечеръ у Абазы; въ субботу—въ Михайл. дворцѣ. Сегодня званый обѣдъ, послѣ завтра раутъ у Тимашева, и т. дал. Постомъ здѣсь въ суетливой столицѣ, не меньше если не больше шуму собраній. Когда тутъ дѣло дѣлать!

Обнимаю васъ всѣхъ отъ души!

Твой К. Побѣдоносцевъ.

10 марта 1875 г.

XIII.

...А занятія мои все умножаются. Дѣлъ и безъ того много, а вотъ еще новое. Упросили меня заниматься съ В. К. Сергѣемъ Александровичемъ. Невозможно было уклониться, тѣмъ болѣе что знаю его съ дѣтства—и такъ сталъ ходить къ нему 2 раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ въ 10 часовъ утра. Кромѣ того нынѣшній годъ на меня возложено порученіе участвовать въ Коммисіи ежегодно составляемой изъ 3 членовъ Г. Сов. для разсмотрѣнія отчета Министра Нар. Просв. И такъ сижу теперь за чтеніемъ громадной массы бумагъ по этому предмету...

...Ты пишешь что намѣренъ подписаться на *Гражданина* и на *Совр. Извѣстія*. Повремени, *Гражданинъ* что то ужь очень плошаетъ и нѣтъ надежды чтобы поправился. Не стоитъ на него тратиться, а *Совр. Извѣстія* висятъ подъ ударомъ, получивъ 2 предостереженія, и такъ есть рискъ немалый, заплативъ деньги, не получить газеты. Судя по безпечности издателя опасаюсь что рѣшительный ударъ не замедлитъ. Вѣрнѣе будетъ взять *Русскія вѣдомости* напримѣръ.

Въ *Русск. Вѣст.* печатаются статьи: *Отецъ и сынъ*, которыя вѣрно очень интересовали бы тебя разсказомъ о старой Самарѣ и всѣхъ ея фамиліяхъ. Не знаю есть ли этотъ журналъ у тебя подъ рукою. Когда Богъ дастъ пріѣдешь къ намъ, прочтешь съ интересомъ...

Обнимаю васъ всѣхъ—до свиданія

К. Побѣдоносцевъ.

4 ноября 1875 г.

На прошлой недѣлѣ Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ—не знаю по чьему предложенію выбрало меня своимъ дѣйств. членомъ.

XIV.

Поздравляю съ Новымъ Годомъ, любезнѣйшій другъ Александръ Петровичь... Въ политическомъ мірѣ ожидали сегодня перемѣнъ: не знаю еще что послѣдовало. Говорили почти навѣрное, что сегодня оставитъ свою должность Графъ Паленъ, имѣвшій на прошлой недѣлѣ довольно непріятностей въ обсужденіи, имѣвшемъ цѣлью разъяснить взведенныя на него нѣкоторыми Министрами обвиненія въ противодѣйствіи правительственной власти со стороны юныхъ представителей прокурорскаго надзора въ губерніяхъ. Увѣряютъ что онъ весьма пошатнулся въ своемъ положеніи, и все судебное вѣдомство по этому случаю въ волненіи и тревожномъ ожиданіи перемѣнъ, которыя если послѣдуютъ, оборотятъ для многихъ колесо фортуны.

Таковы-то дѣла человѣческія!...

Твой К. Побѣдоносцевъ.

Петербургъ, 1 января 1876 г.

XV.

...Обнимаю тебя отъ всей души и поздравляю съ наступившимъ праздникомъ и съ предстоящимъ вступленіемъ въ Новый Годъ. Дай Боже вступить въ него съ лучшими чѣмъ теперь предзнаменованіями. Надъ всѣми тяготѣетъ чувство болѣзненнаго ожиданія неизвѣстнаго, и горько было слышать сегодня въ церкви: „Услышати имáте брани и слышанія бранемъ“...

...Я до такой степени отягощенъ работами всякаго рода въ нынѣшнемъ году, что не знаю какъ быть: дѣла и отношенія самаго разнообразнаго свойства опутываютъ меня по рукамъ и по ногамъ и нерѣдко съ ранняго утра до поздней ночи не имѣю минуты чтобы собрать свои мысли. Затрудняюсь даже перечислить дѣла свои—такъ они разнообразны—отъ рѣчей въ Госуд. Совѣтѣ—до составленія молитвенника по порученію Императрицы и до поправки литературныхъ упражненій какой нибудь Принцессы, которой отказывать не приходится. Не удивляйся поэтому что не часты письма мои...

Петербургъ, 25 декабря 1876 г.

Твой К. Побѣдоносцевъ.

XVI.

Очень радъ, любезнѣйшій другъ Александръ Петровичъ, что записки Панаева доставили тебѣ такое интересное чтеніе. Я въ томъ и не сомнѣвался, и думаю что ты пожалѣлъ когда чтеніе кончилось. И 1-й номеръ *Дневника* особливо тебѣ рекомендую. Конечно, въ занесенномъ снѣгомъ домикѣ твоемъ чтеніе служитъ тебѣ главнымъ и немалымъ развлеченіемъ. Снѣгу и у насъ громадное количество.

Письмо почтеннаго Смирнитскаго—не первая и не послѣдняя пѣснь въ этомъ родѣ. Грустно ото всѣхъ порядочныхъ людей слышать тоже самое. Писано есть впрочемъ „яко лукавіи человѣцы и чародѣи преуспѣютъ на горшее прельщающе и прельщаеми“. И нельзя въ скоромъ времени надѣяться на лучшіе порядки.—Мнѣ, какъ одному изъ ветерановъ этой службы, особенно прискорбно видѣть такой упадокъ. Да и меня крѣпко не жалуетъ господинъ шефъ, такъ какъ едва не каждую недѣлю приходится ему получать отъ меня не очень пріятныя пилюли. Что же дѣлать, когда по правдѣ не могу... [1]) служить ему! Но за то и весьма обманываются тѣ, еще невѣдущіе люди, которые черезъ меня надѣются чего-либо достигнуть въ этомъ вѣдомствѣ!...

...Вчера послалъ тебѣ *Пчелу*—иной разъ и не важное что можетъ доставить развлеченіе въ захолустьи.

Твой К. Побѣдоносцевъ.

Петербургъ, Среда, 16 февр. 77 г.

XVII.

...Авось къ развлеченію твоему послужитъ книга, которую высылаю съ почтой сегодня—Стихотворенія Гр. Толстого, новое изданіе только что явившееся. Помню что стихи эти приходились тебѣ по вкусу. Тутъ

---

[1]) Одно слово не разобрано.

кромѣ другихъ пустячковъ, найдешь новинку, рѣчь Аксакова, изъ за которой подняли такой переполохъ въ Москвѣ 10 Марта. Полиція ходила по домамъ отбирать выпущенные уже №№ *Моск. Вѣд.* и *Совр. Извѣстій.* Сказываютъ что въ тотъ день номера *Совр. Извѣстій* доходили въ продажѣ до 28 руб. сер. Прочти и суди самъ...

...Не знаю куда дѣваться отъ заботъ и дѣлъ—годъ безпримѣрный—никогда еще такой суеты въ дѣлахъ не было отъ ежедневныхъ засѣданій! Усталъ крѣпко—лѣтомъ надо отдыхать—а куда приклонить голову еще не знаемъ. Да и всѣ мы—не у явися что будемъ. По всѣмъ признакамъ, безъ войны не обойдемся!

Петербургъ, 15 марта 1877 г.

XVIII.

Ораніенбаумъ.

Завтра переѣзжаемъ отсюда, любезнѣйшій другъ Александръ Петровичь, проведя здѣсь лѣто, во всѣхъ отношеніяхъ неблагопріятное. Погода была такова, что едва ли на все лѣто пришлось дней шесть теплыхъ—теперь дождь, холодъ, сырость. Свободы не было, потому что ежедневно звали насъ во дворецъ, гдѣ много было чести но веселья мало. Главное же—военныя наши неудачи держатъ меня понынѣ въ такомъ нервномъ состояніи, что я ни днемъ ни ночью не знаю покоя, и тоска одолѣла меня о дѣлахъ нашего отечества которыя, по волѣ Провидѣнія, пришли въ опасное положеніе...

...Задумывалъ было съѣздить въ Москву и въ деревню—да гдѣ теперь! не то время—надо горе мыкать дома на своемъ мѣстѣ. Лѣто было тяжкое—не лучше видится впереди и осень и зима—дай Боже чтобы хуже не было! Между тѣмъ пора приниматься за дѣла—впрочемъ душа ни къ чему не лежитъ въ такую тяжкую пору! Вы конечно слѣдите тоже со страхомъ и волненіемъ за кровавою борьбою. Помилуй насъ Господи!

Твой К. Побѣдоносцевъ.

18 августа 1877 г.

ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Обзоры и замѣтки.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Политическая жизнь Россіи. А. С. Изгоева.—2. Подоходный налогъ въ Россіи. М. И. Фридмана.

II. Литература и искусство.

1. Волна пошлости. Д. В. Философова. — 2. Театральныя замѣтки. А. А. Кизеветтера.—3. Художественные итоги зимы 1910—1911 г. (Москва). Максимиліана Волошина.—4. Книга о современномъ театрѣ. А. Койранскаго.

III. Естествознаніе.

О русскихъ работахъ по зоогеографіи. М. А. Мензбира.

IV. Некрологъ.

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Политическая жизнь Россіи.

Самовластіе, прикрываемое юридическими софизмами. — Поиски іезуитовъ и травля католическихъ школъ.

Если „Основнымъ Законамъ“ 1906 г. суждено стать прочной основой дальнѣйшаго мирнаго развитія правовой Россіи, то, конечно, засѣданія Государственнаго Совѣта, посвященныя запросу о примѣненіи правительствомъ ст. 87 при введеніи западнаго земства, войдутъ въ исторію нашего государственнаго права и будутъ доставлять государствовѣдамъ обильныя цитаты. Запросы въ Думѣ и Совѣтѣ несомнѣнно всколыхнули общественную мысль, и П. А. Столыпинъ, совершенно неожиданно и противъ желанія, оказалъ конституціонному развитію Россіи замѣтную услугу. Онъ такъ ярко демонстрировалъ произволъ, что въ протестѣ противъ него объединилъ самые различные слои общества. Многіе наивные люди чуть ли не впервые послѣ tour de force предсѣдателя совѣта министровъ задумались надъ тѣмъ, что такъ править государствомъ нельзя, что законы надо соблюдать. А извѣстно, что идея законности—мать конституціи. Съ кѣмъ произошло грѣхопаденіе и кто призналъ необходимость соблюденія законовъ даже въ самодержавномъ государствѣ, тотъ неизбѣжно, хотя, можетъ быть, и не скоро, додумается и до идеи конституціи. Скептически относясь къ практическимъ послѣдствіямъ всѣхъ этихъ запросовъ, мы, конечно, не думаемъ отрицать ихъ юридически-педагогическаго значенія.

Впрочемъ, и тутъ надо сдѣлать нѣкото-

рую оговорку. Когда государствовѣды будутъ обращаться къ отчетамъ о преніяхъ по запросу о примѣненіи ст. 87, они едва ли почерпнутъ оттуда много чисто-юридическихъ положеній, призванныхъ уяснить темныя и запутанныя стороны очень важной конституціонной нормы. Имъ придется, главнымъ образомъ, имѣть дѣло съ другимъ явленіемъ—съ чрезвычайно рѣзко выраженной попыткой обойти ясный смыслъ закона при помощи юридической софистики.

Самъ по себѣ вопросъ такъ же ясенъ и безспоренъ, какъ дважды два четыре. Какъ извѣстно, для опроверженія этой аксіомы и для доказательства того, что дважды два пять, придуманъ очень сложный и очень остроумный математическій софизмъ, приводящій въ смущеніе не одного школьника. У насъ со статьей 87 Основныхъ Законовъ продѣлано было буквально то же самое. Недаромъ рептильная пресса выставляла на видъ, что рѣчь П. А. Столыпина по обилію аргументаціи, ссылокъ на иностранную литературу и проч. неизмѣримо превосходила рѣчи его противниковъ.

Достаточно процитировать двѣ стоящія рядомъ статьи Основныхъ Законовъ, чтобы всякій, не имѣющій нужды прибѣгать къ софизмамъ, понялъ, въ чемъ собственно дѣло.

Ст. 86. Никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора.

Ст. 87. Во время прекращенія занятій Государственной Думы, если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ, которая требуетъ обсужденія въ порядкѣ законодательномъ, Совѣтъ министровъ представляетъ о ней Государю Императору непосредственно. (Далѣе говорится объ объемѣ этой мѣры и условіяхъ ея дальнѣйшаго житія.)

Смыслъ ст. 87 не представляетъ никакихъ сомнѣній. Палаты, точнѣе Государственная Дума, не засѣдаютъ непрерывно. Во время прекращеній занятій чрезвычайныя обстоятельства могутъ потребовать экстреннаго изданія законодательной нормы. Для этого открывается путь черезъ ст. 87. Ясно, что чрезвычайныя мѣры могутъ возникнуть изъ какихъ бы то ни было обстоятельствъ, но только, по прямому смыслу закона, онѣ должны возникнуть во время „прекращенія занятій“, а не во время сессіи. Если такія чрезвычайныя обстоятельства возникаютъ во время сессіи, то для законодательствованія имѣется только одинъ путь: черезъ 86 статью. Прекратить занятія Думы на три дня, провести за это время мѣру на основаніи ст. 87 (допустимъ, даже и не отклоненную раньше палатами) значитъ обойти законъ, извратить ту послѣдовательность условій, которыя ставятся Основными Законами для примѣненія ст. 87. У закона есть не только буква, но и духъ. Если можно для примѣненія ст. 87 устроить прекращеніе занятій на три дня, то можно сократить этотъ срокъ и до трехъ часовъ и законодательствовать отъ 9 часовъ утра до 12 по ст. 87, а въ остальные часы дня—по 86. Тутъ дѣло, конечно, не въ срокѣ. Вопіющая безсмыслица заключается не въ трехъ дняхъ или въ трехъ часахъ, а въ томъ извращенномъ духѣ, съ которымъ примѣненъ законъ, въ намѣренномъ прекращеніи засѣданій Государственной Думы исключительно для того, чтобы въ данный промежутокъ провести по ст. 87 мѣру, которая сама по себѣ условіямъ данной статьи не отвѣчаетъ.

Вся министерская защита принятой мѣры сводится къ незамысловатому анекдоту объ отцѣ, призвавшемъ трехъ сыновей и предложившемъ имъ разломать вѣникъ изъ прутьевъ. Пока прутья были связаны, ни одинъ изъ сыновей разломать вѣника не могъ, но, когда отецъ далъ имъ по отдѣльному прутику, они безъ труда справились со своей задачей. П. А. Столыпинъ и Щеглови-

товъ явились въ Государственный Совѣтъ, заручившись заранѣе услугами Гурлянда и Крыжановскаго, которые имъ потихоньку развязали вѣникъ на отдѣльные прутья. И вотъ гг. министры съ открытымъ лицомъ начали ставить вопросы и давать на нихъ свои отвѣты.

Можно ли указомъ прекратить засѣданія Думы и Совѣта на время? — Можно.

Указана ли въ законахъ при этомъ продолжительность времени прекращенія занятій?—Нѣтъ, не указана.

Можно ли, слѣдовательно, прекратить занятія на три дня?—Можно.

Можно ли, во время прекращенія занятій Думы, издавать временные законы на основаніи ст. 87?—Можно [1]).

А если такъ, то о какой незакономѣрности идетъ рѣчь?—съ недоумѣніемъ (конечно, дѣланнымъ) и торжествомъ (вполнѣ реальнымъ) спрашиваютъ гг. министры.

Передъ нами элементарный, но заманчивый именно своей элементарностью софизмъ, вродѣ пресловутаго разсужденія, почему Ахиллъ никогда не можетъ догнать черепаху. Софизмъ, какъ извѣстно, построенъ на томъ предположеніи, что у Ахилла никогда не хватитъ смысла, чтобы разсчитать свой шагъ въ уровень съ шагомъ черепахи. Точно такъ же вышеприведенное разсужденіе грѣшитъ тѣмъ, что оно забываетъ о существованіи въ Основныхъ Законахъ всѣхъ остальныхъ статей, кромѣ 87, и потому даетъ такое толкованіе этой единственной статьѣ, что приводитъ къ абсурду всѣ остальныя статьи, въ томъ числѣ и 84, 86, 111 и т. д. Законъ не можетъ быть абсурднымъ. Не можетъ быть такого государственнаго представительнаго строя, при которомъ въ любую минуту при помощи трехдневнаго или трехчасового прекращенія занятій Государственной Думы можно было бы установить, какъ нормальный институтъ, законодательство по ст. 87. Словомъ, передъ нами типичный образецъ примѣненія закона in fraudem legis.

Стоитъ только послѣдовательно примѣнять этотъ новый методъ толкованія Основныхъ Законовъ — и передъ русскимъ государственнымъ дѣятелемъ откроются совершенно новые и безграничные горизонты. Вотъ, напримѣръ, ст. 119. Она гласитъ: „Если по заблаговременномъ внесеніи въ Государственную Думу предположеній о числѣ людей, потребномъ для пополненія арміи и флота, законъ по сему предмету не будетъ въ установленномъ порядкѣ изданъ къ 1 мая, то указомъ Государя Императора призывается на военную службу необходимое число людей, не свыше однако назначеннаго въ предшествующемъ году“. Предположите, что какому-либо министерству желательно постоянно держать случайно высокій контингентъ боевого года. Тогда стоитъ только внести въ Государственную Думу „предположенія“ 29 апрѣля — законъ 1 мая, очевидно, изданъ не будетъ, и явится полная возможность урегулировать вопросъ въ указномъ порядкѣ. Правда, въ законѣ сказано, что предположенія должны быть внесены „заблаговременно“. Но кто же станетъ спорить, что и понятіе „заблаговременности“ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ „чрезвычайности“, есть понятіе субъективное и что опредѣлять его призвана въ данномъ случаѣ власть исполнительная. Власть же исполнительная въ подчиненіи у власти законодательной не находится и потому можетъ опредѣлять заблаговременность, какъ найдетъ необходимымъ: почему мѣсяцъ, а не двадцать дней, почему десять дней, а не девять, не семь и т. д.?

Рисуемый нами способъ толкованія закона ни въ малѣйшей степени не представляетъ шаржа. Это буквально то, что продѣлано нынче со ст. 87.

[1]) Такая мѣра можетъ быть, напримѣръ, принята для дезинфекціи зданія, экстреннаго ремонта и т. д.

Есть и серьезныя указанія, что методъ будетъ развиваться. Въ рѣчи П. А. Столыпина въ Государственномъ Совѣтѣ было одно очень яркое указаніе въ этомъ смыслѣ, тотчасъ же подхваченное и министромъ юстиціи Щегловитымъ и членомъ Государственнаго Совѣта Дейтрихомъ. П. А. Столыпинъ нашелъ, что само предъявленіе къ нему запроса является актомъ незакономѣрнымъ. Аргументація была очень простая. Запросы могутъ предъявляться „министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, подчиненнымъ по закону правительствующему сенату". Совѣтъ же министровъ сенату не подчиненъ, а потому и запроса къ нему (онъ представилъ на усмотрѣніе Государя мѣру по ст. 87) предъявить нельзя. Если бы такое толкованіе утвердилось (до сихъ поръ правительство снисходило до отвѣта на запросы, касающіеся дѣятельности совѣта министровъ), то у министровъ явился бы легчайшій способъ отдѣлаться отъ всякаго запроса. Стоитъ только любое дѣло внести въ совѣтъ министровъ, и оно дѣлается защищеннымъ отъ запроса. Членъ Государственнаго Совѣта Д. Д. Гриммъ поспѣшилъ указать предсѣдателю совѣта министровъ, что его толкованіе покоится на грамматической ошибкѣ, такъ какъ слова „подчиненные по закону правительствующему сенату" относятся къ „главноуправляющимъ отдѣльными частями", въ отличіе отъ тѣхъ главноуправляющихъ, которые подчинены министрамъ и къ которымъ самостоятельныхъ запросовъ предъявлено быть не можетъ, такъ какъ за нихъ отвѣчаютъ министры. Напримѣръ, къ намѣстнику кавказскому или главноуправляющему земледѣліемъ запросъ можетъ быть предъявленъ, а къ начальникамъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ, печати или тюремной части—запросы предъявляться не могутъ, а только къ министрамъ внутреннихъ дѣлъ или юстиціи.

Однако соблазнительная теорія освобожденія министровъ отъ такой, казалось бы, необременительной обязанности, какъ необходимость отвѣчать по запросамъ черезъ мѣсяцъ послѣ ихъ предъявленія, быстро нашла поклонниковъ. *Новое Время* и рядъ другихъ рептильныхъ газетъ обрушились на Государственный Совѣтъ за его незакономѣрныя дѣянія, выразившіяся въ предъявленіи запроса (фактъ!), а г. Дейтрихъ пожелалъ подкрѣпить тезисы П. А. Столыпина и своими юридическими доводами. Онъ указалъ, во-первыхъ, на то, что въ совѣтѣ министровъ можетъ предсѣдательствовать Государь Императоръ, а во-вторыхъ, что въ ст. 123 говорится: „Предсѣдатель совѣта министровъ, министры и главноуправляющіе отдѣльными частями отвѣтствуютъ передъ Государемъ Императоромъ за общій ходъ государственнаго управленія". Основываясь на этой статьѣ, г. Дейтрихъ доказывалъ, что Государственный Совѣтъ, принявъ запросъ, „пойдетъ по пути отвѣтственности министровъ передъ палатами и пойдетъ на путь парламентарный". Казалось бы, г. Дейтрихъ долженъ быть послѣдовательнымъ и на основаніи ст. 123 отнять у палатъ право запроса не только къ предсѣдателю совѣта министровъ, но и ко всякому министру и главноуправляющему, представляющимъ доклады Государю. Вѣдь въ ст. 123 никакого различія между ними не дѣлается. Вотъ еще одинъ яркій образчикъ новаго метода толкованія законовъ, при которомъ выдерганные по одному прутики всѣ можно переломать безо всякаго труда и на основаніи, наприм., ст. 123 уничтожить право запроса, предоставленное статьей 108. Толкованіе законовъ неизбѣжно, но при этомъ необходима bona fides, безъ которой оно превратится въ голую софистику, направленную на достиженіе опредѣленныхъ цѣлей. Въ данномъ случаѣ преслѣдуемыя цѣли ни для кого секрета не составляютъ: мы присутствуемъ при попыткахъ утвержденія министерскаго абсолютизма подъ покро-

вомъ Основныхъ Законовъ 23 апрѣля 1906 года. Надо ли указывать, что эти попытки грозятъ серьезной опасностью самому бытію этихъ законовъ! Съ точки зрѣнія революціонной послѣднія дѣйствія правительства можно только привѣтствовать.

Въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ, кромѣ своеобразной аргументаціи правительственныхъ ораторовъ, заслуживаетъ вниманія взглядъ крайнихъ правыхъ, выраженный въ декларацiи Нарышкина. Крайніе правые протестуютъ противъ проведенія западнаго земства въ порядкѣ ст. 87, такъ какъ не могутъ же они не видѣть всей незаконности этого акта. Но если бы эта мѣра была проведена безъ всякой ссылки на Основные Законы, непосредственной волей Верховной Власти (т.-е. подобно тому, какъ актъ 3 іюня), то они не стали бы протестовать и признали бы полную законность такого дѣйствія. Министерскому абсолютизму, прикрытому ст. 87, т.-е. якобы соблюденіемъ Основныхъ Законовъ, правые противопоставляютъ чистый откровенный абсолютизмъ. Имъ рисуется такой государственный строй: страна управляется на основаніи законовъ, но время отъ времени въ законный порядокъ вторгается внѣзаконное вмѣшательство, стоящее выше закона, творитъ свою волю, а далѣе опять начинается закономѣрное житіе. Вся прошлая исторія Россіи показала полную утопичность такихъ попытокъ совмѣстить закономѣрность съ абсолютизмомъ. Та же исторія наглядно показала, что абсолютизмъ, если онъ не касается личныхъ дѣлъ, а сколько-нибудь широкихъ вопросовъ, всегда бываетъ абсолютизмомъ такъ называемой бюрократіи, т.-е. правительственнаго механизма, а не одного лица. Возобновлять послѣ 17 октября старую славянофильскую иллюзію—право же нѣтъ смысла.

Теорія П. А. Столыпина нѣсколько сложнѣе. Говоря объ актѣ 3 іюня, онъ, признавая его внѣзаконное происхожденіе, указывалъ на право „исторической самодержавной власти“ въ критическія минуты „спасать“ государство, не считаясь съ формальной законностью. Такова роль, предоставляемая П. А. Столыпинымъ абсолютизму верховной власти. Но исповѣдуя, что управленіе Россіей не можетъ происходить и безъ ежедневнаго, такъ сказать, абсолютизма, П. А. Столыпинъ для этого абсолютизма, чисто-бюрократическаго, задумалъ воспользоваться ст. 87. Съ полной откровенностью предсѣдатель сказалъ Государственному Совѣту, что „чрезвычайнымъ обстоятельствомъ“, достаточнымъ для примѣненія этой статьи, онъ считаетъ „разногласіе съ правительственной внутренней національной политикой“. Пока палаты согласны съ внутренней политикой министерства, имъ предоставляется возможность работать. Чуть только онѣ въ какомъ-либо серьезномъ вопросѣ рѣшатся противорѣчить правительству, имъ дается первое предостереженіе: законопроектъ проводятъ по 87 ст. при помощи трехдневнаго прекращенія занятій Государственной Думы. Но въ дальнѣйшемъ можетъ проявиться новый актъ упорства палатъ, онѣ могутъ отвергнуть внесенный законъ. Что тогда? Тогда, вѣроятно, наступитъ очередь для настоящаго „спасенія“ страны, того, передъ которымъ согласны преклониться и крайніе правые, очутившіеся теперь въ оппозиціи правительству. Такова теорія нашего „обновленнаго строя“, точнѣе „обновленнаго абсолютизма“. Изъ этого краткаго анализа можно видѣть и то, чего стоитъ оппозиція крайнихъ правыхъ членовъ Государственнаго Совѣта противъ правительственнаго выступленія. На шаткомъ фундаментѣ выдохшейся славянофильской лжи нельзя ничего создать, и потому-то практически изъ первыхъ схватокъ побѣдителемъ вышелъ все-таки П. А. Столыпинъ. Первое условіе для стойкой борьбы за законность—это пониманіе сущности за-

конности и освобожденіе отъ всякихъ абсолютистскихъ тенденцій. Тѣ правые члены Государственнаго Совѣта, которые выступили противъ П. А. Столыпина, по существу мало чѣмъ разнятся отъ предсѣдателя совѣта министровъ. Въ ихъ выступленіи есть другая сторона, нѣсколько болѣе почетная. Они возстали противъ попытки заставить назначенныхъ членовъ Государственнаго Совѣта голосовать не по совѣсти, а согласно съ желаніемъ министерства. Въ этомъ протестѣ сказалось извѣстное джентльменство нѣкоторыхъ заслуженныхъ крупныхъ чиновниковъ и богатыхъ аристократовъ. Къ такому джентльменству, какъ ко всякому проявленію чувства собственнаго достоинства, надо относиться съ полной симпатіей, но не слѣдуетъ преувеличивать политическаго значенія даннаго акта. Можно сомнѣваться, состоялся ли бы запросъ въ Государственномъ Совѣтѣ, если бы П. А. Столыпинъ свое оригинальное примѣненіе ст. 87 не осложнилъ „отпусками“ руководителей правыхъ, Трепова и Дурново. Какъ показываютъ заявленія члена Государственнаго Совѣта Нарышкина, правовое сознаніе правыхъ стоитъ еще на очень низкой степени, не позволяющей имъ серьезно бороться съ министерскимъ произволомъ и деспотизмомъ.

Въ послѣднее время у насъ много говорили о іезуитахъ, католической пропагандѣ, католическихъ сѣтяхъ и проч., и проч. Іезуиты—это такая благодарная тема для романовъ, что, естественно, газеты не могли удержаться отъ сочиненія самыхъ страшныхъ и захватывающихъ духъ политическихъ сенсацій. Сообщалось и что старообрядцы готовятся признать папу, и что іезуиты убили таинственно пропавшаго священника Сусалева, одного изъ разоблачителей (онъ, понятно, оказался живъ), и что въ Москвѣ живутъ тысячи православныхъ, тайно принявшихъ католицизмъ, что Петербургъ окруженъ тройнымъ кольцомъ католическихъ учрежденій, созданныхъ Зерчаниновымъ, а страна наводнена множествомъ тайныхъ католическихъ монастырей и проч. Справедливымъ во всемъ этомъ оказалось лишь слѣдующее. Въ Москвѣ проживалъ патеръ Верцинскій, видимо іезуитъ, скрывавшій свою принадлежность къ ордену, запрещенному въ Россіи. Въ двухъ католическихъ женскихъ гимназіяхъ въ Москвѣ среди педагогическаго персонала было нѣсколько тайныхъ монахинь, имѣвшихъ и тайныя молельни для отправленія церковныхъ службъ. Единичныя лица изъ старообрядцевъ приняли католицизмъ, но толки о какомъ-либо массовомъ присоединеніи старообрядцевъ къ католицизму представляютъ глупый и злостный вымыселъ, имѣющій цѣлью подорвать довѣріе старообрядческой массы къ ея вождямъ. Практическимъ результатомъ правительственныхъ ревизій явились высылка за границу Верцинскаго, увольненіе католическаго епископа Денисевича и разгромъ трехъ польско-католическихъ женскихъ гимназій. Выяснилось также, что среди католическихъ общинъ Россіи, объединенныхъ вѣрой, кипитъ острая національная вражда, особенно между поляками и литовцами, которая въ сущности и послужила основнымъ поводомъ для правительственнаго вмѣшательства въ католическія церковныя дѣла.

Курьезна была та радость, съ которой наши клерикальные органы, синодскій *Колоколъ*, рептильное *Новое Время* и издаваемая бывшимъ полякомъ-католикомъ *Земщина*, встрѣтили разгромъ католической церковной школы. Вся некультурность, безсиліе и вызываемый имъ страхъ вырвались при этомъ наружу съ безграничнымъ цинизмомъ. Люди, которые ежедневно, чуть не съ пѣной у рта доказываютъ, что надзоръ надъ русской школой долженъ быть переданъ православному духовенству, травили католическихъ монаховъ и монахинь, причастныхъ къ католической школѣ, съ ревностью заядлыхъ комбистовъ. Они превратились, по меньшей мѣрѣ, въ

сторонниковъ отдѣленія церкви отъ государства, если уже не преслѣдованія до полнаго уничтоженія католической церкви.

Но католическое духовенство, и въ частности монашествующее, дѣйствительно владѣетъ тайной вліянія на умы, и создаваемыя имъ образовательныя учрежденія пользуются дѣйствительно большою популярностью. Бороться съ католической школой однѣми репрессивными мѣрами—занятіе и малопочетное, и нецѣлесообразное. У церковной, въ особенности у католической, школы много темныхъ сторонъ. Она подавляетъ волю, препятствуетъ развитію ума, способствуетъ укорененію предразсудковъ, но эта школа владѣетъ и какимъ-то глубоко соціальнымъ, цивилизующимъ элементомъ, который дѣлаетъ ее привлекательной для населенія даже въ такой странѣ, какъ Франція, гдѣ государство настроено рѣзко враждебно противъ церковной школы. Этотъ элементъ долженъ быть уловленъ и усвоенъ свѣтской школой, которой тогда не страшна будетъ и дѣйствительно свободная конкуренція...

А. С. Изгоевъ.

С.-Петербургъ,
15 апрѣля 1911 г.

2. Подоходный налогъ въ Россіи.

Въ концѣ прошлаго года финансовая комиссія Государственной Думы составила докладъ по законопроекту правительства о введеніи подоходнаго налога. Комиссія предлагаетъ съ 1 января 1912 года начать взиманіе новаго сбора. Трудно сказать, какъ отнесется общее собраніе Думы къ предложенію финансовой комиссіи; не легко опредѣлить и судьбу законопроекта въ Государственномъ Совѣтѣ. Но думаемъ, что врядъ ли удастся надолго затормозить введеніе подоходнаго налога у насъ. Черезъ годъ или черезъ два, быть можетъ, черезъ пять лѣтъ подоходный налогъ будетъ существовать и во Франціи, и въ Россіи, какъ повсюду въ Европѣ, за исключеніемъ развѣ Турціи. Такимъ образомъ, изъ сферы теоретическаго мечтанія вопросъ переходитъ въ область практическаго осуществленія, становится очереднымъ.

Какую же позицію слѣдуетъ занять по отношенію къ законопроекту правительства? Въ прогрессивныхъ кругахъ идея подоходнаго налога пользуется чрезвычайной популярностью: введенія его давно ждутъ, на его появленіе разсчитываютъ, какъ на средство обновить нашу финансовую систему, какъ на способъ облегчить бремя неимущаго плательщика. Надежды эти часто преувеличены; прекрасныя качества подоходнаго налога, по сравненію съ другими, нерѣдко слишкомъ ярко изображаются. Но тѣмъ удивительнѣе, что такъ мало радости проявляется по поводу осуществленія любимой идеи русскаго общества, что привѣтственныхъ голосовъ почти не слышно, что ни особой вражды, ни горячей защиты подоходный налогъ не вызываетъ. Еще болѣе это явленіе становится страннымъ, когда вспомнишь полную драматизма, захватывающей борьбы интересовъ и мнѣній исторію введенія подоходнаго налога въ Англіи; когда представишь себѣ то, что было въ Пруссіи въ девятидесятые годы прошлаго столѣтія, въ эпоху коренного реформированія подоходнаго налога и мѣстныхъ финансовъ. Да и теперь, во Франціи, какое оживленное столкновеніе мнѣній, какую литературу, какихъ одушевленныхъ защитниковъ и страстныхъ противниковъ вызываетъ проводимый подоходный налогъ! Спрашивается, почему же у насъ „народъ безмолвствуетъ“. Правда, таково историческое занятіе нашего народа; правда, усталость и апатія охватили общество, недавно еще столь легко возбудимое. Однако экономическіе сюжеты, въ противоположность политическимъ, отнюдь не перестали занимать вниманіе,—скорѣе, наоборотъ, именно теперь слагается

единеніе интересовъ, создаются и сплачиваются группы съ одинаковыми матеріальными нуждами и классовыми настроеніями; именно теперь стараются политическія партіи закрѣпить экономическимъ цементомъ, идеологическія обоснованія замѣнить хозяйственными соображеніями.

Врядъ ли равнодушіе къ проекту подоходнаго налога можно объяснить и малой вѣроятностью его осуществленія. Это объясненіе неубѣдительно по той простой причинѣ, что шансовъ на осуществленіе новаго налога весьма много, такъ какъ, не говоря объ оппозиціи, и октябристы, и часть націоналистовъ, и, вѣроятно, нѣкоторые правые явятся въ Думѣ защитниками подоходнаго налога.

Болѣе внимательное сопоставленіе условій, при которыхъ происходитъ введеніе подоходнаго налога у насъ, съ тѣмъ, что было на Западѣ, даетъ ключъ къ разъясненію загадки. Англійскій подоходный налогъ, когда вводился впервые, имѣлъ задачей дать средства на борьбу съ врагомъ, былъ военнымъ налогомъ; въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка онъ былъ орудіемъ осуществленія грандіозной финансово-экономической реформы. Отмѣна безконечнаго ряда налоговъ на предметы потребленія и на сырье, отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ, введеніе свободы торговыхъ сношеній съ заграницей съ помощью снятія высокой стѣны таможенныхъ пошлинъ, — вотъ задачи, для осуществленія которыхъ нуженъ былъ подоходный налогъ. Онъ несъ съ собою очень значительное облегченіе непосильнаго налоговаго бремени для неимущихъ; онъ давалъ возможность снять путы правительственной регламентаціи съ промышленности, переживавшей медовый мѣсяцъ капиталистическаго расцвѣта; онъ позволялъ осуществить удешевленіе сырья и продуктовъ питанія рабочихъ массъ. За это подоходный налогъ прославляли. Но такъ какъ центръ обложенія съ помощью новаго сбора хотя и не сразу, однако несомнѣнно переносился на имущіе классы, то естественно возникли и сопротивленіе, и вражда, и ненависть.

Въ Пруссіи реформа девятидесятыхъ годовъ означала упорядоченіе подоходнаго обложенія и вмѣстѣ съ тѣмъ значительное его увеличеніе, введеніе поимущественнаго налога и передачу общинамъ реальныхъ сборовъ—поземельнаго, подомоваго и промыслового. Это была крупная перемѣна въ финансовой системѣ, она задѣвала широкіе круги и естественно волновала ихъ. Во Франціи подоходный налогъ въ значительной степени порываетъ со старой финансовой системой дореволюціоннаго происхожденія и связанъ съ перестройкой современнаго уклада государственнаго и мѣстнаго обложенія.

Иное сочетаніе обстоятельствъ сопровождаетъ введеніе подоходнаго налога у насъ. Прежде всего, новый сборъ проектированъ въ Россіи въ качествѣ добавочнаго къ нынѣ существующимъ, причемъ никакихъ ни финансовыхъ, ни экономическихъ преобразованій въ связи съ введеніемъ подоходнаго налога не предполагается. Разумѣется, повышеніе обложенія мало улыбается тѣмъ, на кого оно упадетъ. И потому мы знаемъ, что есть противники проекта, хотя они и не выступаютъ вполнѣ открыто. Но защитниковъ, сколько-нибудь горячихъ и страстныхъ, не замѣчается ни въ литературѣ, ни въ общественной жизни.

Когда планъ увеличенія государственныхъ доходовъ за счетъ повышенія прямого обложенія имущихъ группъ населенія былъ выдвинутъ въ 1905 году, не требовалось особыхъ доказательствъ его цѣлесообразности, и можно было смѣло привѣтствовать починъ правительства. Вотъ какъ мотивировалась тогда желательность подоходнаго налога товарищемъ министра финансовъ г. Кутлеромъ, который былъ предсѣдателемъ комиссіи по вопросу о введеніи подоходнаго обложенія: „война, которую ведетъ нынѣ Россія, потребовавъ огромныхъ затратъ со стороны госу-

дарственнаго казначейства, принесла съ собою рѣзкое ухудшеніе въ финансовомъ положеніи государства. На покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ наличныхъ средствъ оказалось недостаточно, вслѣдствіе чего пришлось прибѣгнуть, на условіяхъ, все болѣе невыгодныхъ, къ ряду военныхъ займовъ, которые, требуя крупныхъ платежей, вызываютъ значительное увеличеніе расходовъ по системѣ государственнаго кредита. Съ другой стороны, какъ военныя событія, такъ и осложненія внутренняго характера, неблагопріятно отражаясь на экономическомъ положеніи страны, ведутъ къ пониженію поступленій, изъ которыхъ одни идутъ на убыль, не достигая смѣтныхъ предположеній, другія начинаютъ колебаться". Для увеличенія средствъ казначейства повышены были многіе налоги. Сперва обратились къ привычному источнику, налогамъ на предметы потребленія. Но вскорѣ же было признано, что „въ новыхъ изысканіяхъ нужныхъ средствъ дальше этимъ путемъ итти нельзя, такъ какъ существующее обложеніе падаетъ своею тяжестью главнымъ образомъ на массу населенія и можетъ для нѣкоторой его части перейти допустимый предѣлъ". Дальнѣйшее увеличеніе косвеннаго обложенія, по мнѣнію г. Кутлера, заключаетъ въ себѣ двойную опасность: оно можетъ дурно отразиться на развитіи производительныхъ силъ, во-первыхъ, а во-вторыхъ, „при новыхъ повышеніяхъ налоговыхъ ставокъ можетъ, какъ это не разъ бывало, не оправдать возлагаемыхъ на него надеждъ и вызвать не увеличеніе, а, наоборотъ, уменьшеніе поступленій въ государственное казначейство".

На основаніи этихъ соображеній пришли къ мысли „о необходимости приступить нынѣ же къ постепенному преобразованію нашей податной системы"[1]) въ смыслѣ расширенія прямого обложенія имущихъ классовъ, начавъ съ введенія подоходнаго налога.

Не слѣдуетъ думать, что мотивировка эта принадлежала лично г. Кутлеру, будущему депутату партіи народной свободы. Еще въ мартѣ 1905 г. въ Государственномъ Совѣтѣ подвергли нашъ финансовый укладъ серьезной критикѣ. Признавая существующую систему сборовъ и податей неудовлетворительной, Совѣтъ отмѣчалъ чрезмѣрное развитіе косвеннаго обложенія по сравненію съ прямымъ и объяснялъ неэластичность нашего бюджета „совершенно второстепеннымъ значеніемъ" прямого обложенія вообще и отсутствіемъ принципа подоходности въ особенности. „Вопросъ о преобразованіи нашей податной системы на подоходномъ началѣ, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, во всякомъ случаѣ поставляется въ настоящее время на первую очередь".[1])

Прошло около двухъ лѣтъ, и въ Государственную Думу внесенъ былъ правительственный законопроектъ о введеніи подоходнаго налога. Въ мотивировкѣ необходимости новаго сбора появились нѣсколько иныя ноты, но въ общемъ и тогда дѣло сводилось къ тяжелому положенію финансовъ и къ недостатку средствъ въ государственномъ казначействѣ. „Переживаемая нынѣ Россіею историческая эпоха въ отношеніи финансово-экономическомъ,—читаемъ въ запискѣ,—должна быть признана одною изъ наиболѣе трудныхъ. Громадныя издержки, вызванныя войною съ Японіей, обременили казну тяжкими обязательствами, значительно увеличивъ государственный долгъ. Война отвлекла массу рабочихъ рукъ отъ производительнаго труда. Неурожай въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ослабилъ платежныя силы насе-

[1]) „Матеріалы къ проекту положенія о государственномъ подоходномъ налогѣ". „Журналъ комиссіи по вопросу о введеніи подоходнаго обложенія". Засѣданіе 12 мая 1905 г., стр. 2—3.

[1]) „Записка министра финансовъ отъ 23 февраля 1907 г.". „О введеніи государственнаго подоходнаго налога", стр. 2—4.

ленія, которое мѣстами приходится продовольствовать за счетъ казны. Наконецъ, смута значительно подрываетъ наши экономическіе ресурсы, еще болѣе отягчая современное трудное положеніе дѣлъ". Мало того. Предстоятъ значительные расходы на улучшеніе средствъ государственной обороны; надо изыскать средства на возстановленіе благосостоянія нашего крестьянскаго населенія и, наконецъ, слѣдуетъ восполнить то уменьшеніе поступленій государственныхъ доходовъ, которое вызвано отмѣною выкупныхъ платежей. Подъ вліяніемъ войны съ Японіей, начиная съ 1905 г., повышены цѣны на водку, увеличены нѣкоторые акцизы (пиво, спички, дрожжи, нефтяные продукты), подняты наслѣдственныя пошлины, вычеты съ окладовъ чиновниковъ и ставки промысловаго обложенія. „Однако увеличеніемъ этихъ налоговъ не могутъ ограничиться мѣропріятія правительства по изысканію новыхъ источниковъ государственныхъ доходовъ. Поэтому вновь и съ особой настоятельностью выдвигается мысль о введеніи у насъ построеннаго на началахъ возможной уравнительности подоходнаго обложенія".[1]) Считая „несомнѣннымъ фактомъ, что нашъ бюджетъ почерпаетъ главнѣйшую часть податныхъ источниковъ изъ обложенія предметовъ массоваго потребленія", правительство полагало, что „будетъ сдѣланъ вполнѣ опредѣленный шагъ впередъ въ смыслѣ улучшенія нашей податной системы, если при предстоящемъ установленіи новыхъ или повышеніи существующихъ видовъ обложенія выборъ будетъ остановленъ только на такихъ формахъ, которыми къ участію въ несеніи податного бремени будутъ привлечены исключительно или по преимуществу состоятельные классы населенія". [2]) Въ осуществленіе этой программы правительство внесло рядъ проектовъ: 1) о введеніи подоходнаго налога, 2) о реформѣ обложенія наслѣдствъ, 3) о повышеніи поземельнаго сбора, 4) о преобразованіи подомоваго налога, 5) о введеніи налога на папиросныя гильзы и папиросную бумагу, 6) о повышеніи налога на табакъ...

Государственная Дума, какъ извѣстно, не торопилась введеніемъ подоходнаго налога и преобразованіемъ обложенія наслѣдствъ. Послѣднее предполагалось въ видѣ отмѣны льготъ помѣстному землевладѣнію и установленія прогрессіи въ зависимости отъ размѣра имущества, переходящаго по наслѣдству. Акцизъ съ табака былъ повышенъ, обложеніе гильзъ осуществлено, подомовый налогъ преобразованъ, а относительно подоходнаго налога и обложенія наслѣдствъ пока еще только составлены доклады финансовой комиссіи. Если вспомнить, что правительствомъ вновь повышены цѣны на водку въ 1908 г., придется признать отнюдь не преувеличеннымъ указаніе финансовой комиссіи, что за послѣдніе два года общее увеличеніе налоговъ на потребленіе опредѣляется въ суммѣ 50 милл. р. и что „на этомъ вполнѣ своевременно пока остановиться". По расчетамъ изданія министерства финансовъ „Государственные доходы въ Россіи за 1903—1909 гг.", съ 1903 по 1909 г. повышеніе налоговъ дало увеличеніе доходовъ казны на 90—95 милл. р., да повышеніе цѣнъ на водку въ 1905 и 1908 гг. принесло прибавку въ 66 милл. р. Итого увеличеніе обложенія дало 150—160 милл. р. [1])

Думская финансовая комиссія въ докладѣ о проектѣ реформы обложенія наслѣдствъ приходитъ къ выводу, что „наша налоговая система нуждается въ самой коренной реформѣ не исключительно только въ силу необходимости доставить средства находящемуся въ стѣсненномъ положеніи государствен-

---

[1]) „Записка отъ 23 февраля 1907 г.", стр. 1—2.

[2]) „Записка министерства финансовъ отъ 17 апрѣля 1907 г.", стр. 9.

[1]) Назв. изданіе, стр. 4—5. Приложеніе къ № 9 *Вѣстника Финансовъ* за 1911 г.

ному казначейству, но и въ силу присущихъ ей недостатковъ. Бѣднѣйшіе классы населенія несомнѣнно переобременены вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія налоговъ на потребленіе, тогда какъ область прямыхъ налоговъ весьма мало затронута". Однако пониженіе акцизовъ, по мнѣнію комиссіи, „при настоящемъ положеніи государственныхъ финансовъ, въ значительной по крайней мѣрѣ степени, къ сожалѣнію, невозможно". [1])

Мы врядъ ли ошибемся, если на основаніи изложеннаго формулируемъ отношеніе къ роли подоходнаго налога со стороны правительства и его большинства въ Думѣ слѣдующимъ образомъ: подоходный налогъ могъ бы и долженъ былъ бы быть полезнымъ орудіемъ для реформированія нашей несовершенной податной системы; къ сожалѣнію, состояніе государственнаго казначейства настолько тяжелое, что объ этомъ думать не приходится, и поэтому подоходный налогъ слѣдуетъ ввести не взамѣнъ какихъ-либо изъ существующихъ сборовъ, а въ дополненіе къ тому, что есть.

Однако послѣ того, какъ эти соображенія были высказаны, произошли большія перемѣны въ состояніи нашего государственнаго казначейства. Дефициты изъ бюджетовъ 1910 и 1911 года исчезли; отъ исполненія росписи 1909 года, на покрытіе которой былъ сдѣланъ излишній заемъ, осталось 105 милл. р.; свободная наличность къ началу 1911 года исчисляется министромъ финансовъ въ 340—350 милл. р.; въ 1910 г. опредѣлено на погашеніе государственнаго долга 3,7 милл. р., въ 1911 г. уже 43 милл. р., тогда какъ въ 1908 г. занято было 181 м. р., въ 1909 г.—131 м. р. И соотвѣтственно съ этимъ фактомъ, въ объяснительной запискѣ по проекту росписи на 1911 годъ читаемъ гордыя слова министра финансовъ: „прошло только пять лѣтъ по окончаніи тяжелой для насъ войны и еще менѣе—послѣ печальныхъ внутреннихъ событій, остановившихъ на время нормальное и спокойное развитіе производительныхъ силъ страны, и Россія настолько окрѣпла въ финансовомъ отношеніи, что уже по росписи на 1910 годъ явилась полная возможность покрыть обыкновенными доходами не только обыкновенные, но и чрезвычайные расходы". [1]) Въ другомъ мѣстѣ той же записки читаемъ: „бюджетное хозяйство наше оправилось послѣ потрясеній, вызванныхъ тяжелыми обстоятельствами 1904—1906 г., и вступило на путь прочной устойчивости". [2])

Но если такъ, если государственное казначейство находится въ благопріятныхъ условіяхъ, быть можетъ, министерство финансовъ думаетъ теперь связать введеніе подоходнаго налога и повышеніе другихъ прямыхъ сборовъ съ реформой податной системы, которую оно само неоднократно признавало непригодной? Отнюдь нѣтъ. Новые налоги нужны, согласно послѣдней мотивировкѣ, на покрытіе ряда новыхъ неотложныхъ расходовъ. Такова точка зрѣнія, развитая въ докладѣ думской финансовой комиссіи о подоходномъ налогѣ.

Комиссія подвергаетъ сомнѣнію прочность нынѣшняго благополучія, которое создано рѣдкими урожаями двухъ послѣднихъ лѣтъ и въ значительной мѣрѣ („около половины свободной наличности") займомъ 1909 года. Но еще болѣе убѣждаетъ въ необходимости новыхъ рессурсовъ количество неудовлетворенныхъ потребностей государства, которыя необходимо удовлетворить въ ближайшемъ будущемъ. Потребностей этихъ такъ много, что „какъ бы благопріятны ни были преходящіе результаты временнаго увеличенія притока средствъ въ

[1]) „Докладъ финансовой комиссіи по законопроекту о пересмотрѣ положенія о пошлинахъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами". № 109, III/3, стр. 12—13.

[1]) „Объяснительная записка", стр. 191.
[2]) Ibid., стр. 22.

государственное казначейство, послѣднее не можетъ оказаться въ силѣ пойти навстрѣчу всѣмъ настоятельнымъ нуждамъ“ (стр. 15 доклада). Вотъ счетное выраженіе новыхъ потребностей. Усиленіе и улучшеніе провозной способности существующихъ желѣзныхъ дорогъ—900 милл. р., изъ нихъ 460 милл. р. настоятельно, амурская и сибирская дороги—300 милл. р., другія желѣзныя дороги — 40 милл. р. Водные пути — 160 милл. р., устройство и улучшеніе портовъ—220 милл. р., гужевыя дороги—6 милл. р. въ годъ. На землеустройство и земледѣліе увеличеніе по 18—20 милл. р. въ годъ. На всеобщее обученіе ежегодное увеличеніе по 10 милл. р. На преобразованіе мѣстнаго суда—20 милл. р., на реформу мѣстнаго управленія — 6 милл. р., на реформу полиціи—60 милл. р. Затѣмъ идетъ оборона, на которую требуется 1,265 милл. р. въ теченіе 10 лѣтъ. Словомъ, независимо отъ нормальнаго роста обыкновенныхъ расходовъ, по мнѣнію комиссіи, „необходимо не менѣе 122 и до 392 милл. р. въ годъ для удовлетворенія новыхъ культурныхъ потребностей, около 126 милл. р. для военныхъ и морскихъ нуждъ и 70—90 милл. р. на нужды министерства путей сообщенія и портостроительства“ (стр. 19). Итого по минимальной расцѣнкѣ въ первый же годъ свыше 300 милл. р. Гдѣ же ихъ взять, спрашивается?

„Приступъ къ реформѣ долженъ быть произведенъ въ сферѣ прямыхъ налоговъ“, полагаетъ комиссія. „Какъ бы ни было благопріятно нынѣ положеніе государственнаго казначейства, причины скопленія въ немъ громадныхъ средствъ въ значительной мѣрѣ должны быть отнесены къ числу временныхъ, и потому нельзя съ себя слагать заботы о созданіи такихъ условій, при которыхъ прочность государственнаго бюджета станетъ явленіемъ постояннымъ; кромѣ того, новыя потребности государственной жизни требуютъ притока средствъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ тотъ, которымъ нынѣ располагаетъ государственное казначейство“ (стр. 23). Надо создать эластичный источникъ доходовъ. Но отъ подоходнаго налога можно получить, по новѣйшимъ исчисленіямъ, всего 50—60 милл. р. А разныя другія формы повышенія прямого обложенія, проектируемыя правительствомъ, дадутъ еще 40—50 милл. р. Этому повышенію сборовъ съ имущихъ классовъ населенія противостоитъ, по предыдущимъ расчетамъ, расходовъ на 300—350 милл. р. Да, сверхъ того, въ приведенномъ перечнѣ не говорится о помощи государства земскимъ и городскимъ управленіямъ, которую сама комиссія считаетъ „неизбѣжной“ „въ видѣ ли уступки части налоговъ, или въ видѣ прямыхъ пособій“. А между тѣмъ уже внесено въ Думу законодательное предположеніе 35 членовъ партіи народной свободы, согласно которому государство передаетъ 300—350 милл. р. городамъ и земствамъ. Стало быть, на 600—650 милл. р. въ годъ надо увеличить расходы, а доходовъ имѣется въ виду всего 100—120 милл. р. Очевидно, нельзя всѣ расходы осуществить теперь же, въ особенности за счетъ подоходнаго налога, и приходится выбрать для начала тѣ, которые наиболѣе неотложны. Правительство не открываетъ своего секрета, оно не указываетъ опредѣленно, на какія цѣли, за отсутствіемъ бюджетныхъ дефицитовъ, нужны ему поступленія отъ подоходнаго налога; но въ общемъ, надо полагать, финансовая комиссія недалеко отошла отъ желаній правительства въ разсужденіяхъ своихъ на интересующую насъ теперь тему.

Аргументація комиссіи начинается съ высокой оцѣнки культурныхъ потребностей. „Культурныя надобности менѣе всего допускаютъ какое-либо сокращеніе. Слишкомъ долго расходы на организацію отправленія въ странѣ правосудія, народнаго просвѣщенія, землеустройства отставали отъ естественнаго развитія въ населеніи болѣе культурныхъ началъ общественной жизни. Дальнѣйшая задержка въ удовлетвореніи

этого рода потребностей угрожаетъ благосостоянію населенія и осложнится нежелательными явленіями въ національной жизни всего государства". Хорошія слова! Мудрыя рѣчи! И, что еще пріятнѣе, далѣе слѣдуетъ вполнѣ логичный выводъ: „Такимъ образомъ расходы на культурныя потребности должны были бы занимать первое мѣсто среди всѣхъ предстоящихъ государственному казначейству затратъ, а новыя издержки на нужды обороны страны подлежали бы удовлетворенію лишь постольку, поскольку въ бюджетѣ остаются средства за покрытіемъ расходовъ на культурныя надобности". Но тотчасъ же является на сцену неумолимое „однако". „Однако такая прямая зависимость одного ассигнованія отъ другого могла бы оказаться нежелательной съ точки зрѣнія надлежащаго обезпеченія въ отдѣльные годы военныхъ потребностей". И, стало быть, „на военныя надобности должны отпускаться какъ остающіяся отъ исполненія прочихъ расходовъ по государственному бюджету средства, такъ и суммы, соотвѣтствующія поступленіямъ отъ новаго источника" (стр. 23). До сихъ поръ расходы на оборону страны ложились преимущественно на малосостоятельные классы населенія, такъ какъ основу бюджета составляли косвенные налоги. Отнынѣ „новыя нужды военнаго и морского вѣдомствъ должны быть изысканы въ обложеніи состоятельныхъ классовъ населенія". Отсюда недалеко до перехода къ тому, что подоходный налогъ „долженъ покрывать расходы не только на культурныя потребности государственнаго бюджета, но и на неотложные расходы военнаго и морского вѣдомствъ". И далѣе: „такъ какъ не всѣ расходы на культурныя потребности имѣютъ характеръ безспорной бюджетной неотложности, то, конечно, приходится удовлетворять расходы на неотложныя военныя нужды". Наконецъ,— „der langen Rede kurzer Sinn": „новый источникъ государственныхъ доходовъ долженъ быть первоначально приспособленъ къ отнесенію на него расходовъ на военныя надобности" (стр. 24). Недурной, съ Божіей помощью, поворотъ: отъ обращенія всей суммы поступленій съ подоходнаго налога на удовлетвореніе культурныхъ потребностей до отнесенія ихъ цѣликомъ на покрытіе военныхъ расходовъ!

Думается, что послѣ сдѣланнаго выше анализа условій, при которыхъ вводится у насъ подоходный налогъ, понятнымъ стало отсутствіе энтузіазма въ пользу новаго сбора. Подоходный налогъ, въ военное время устанавливаемый, естественно обращается на военныя нужды. Подоходный налогъ на покрытіе хроническаго дефицита въ бюджетѣ, покрываемаго займами, вполнѣ пріемлемъ въ эпоху тяжелаго положенія государственнаго казначейства. Подоходный налогъ, какъ замѣна другихъ сборовъ, тягостныхъ для населенія и вредныхъ для народнаго хозяйства, вызываетъ горячее сочувствіе и энергичное содѣйствіе со стороны малоимущихъ и ихъ защитниковъ, со стороны заинтересованныхъ въ экономическомъ развитіи страны. Подоходный налогъ, связанный съ расширеніемъ мѣстныхъ бюджетовъ, которые затрачиваются почти исключительно на культурно-хозяйственныя нужды населенія, можно и должно привѣтствовать. Наконецъ, подоходный налогъ со спеціальнымъ назначеніемъ на культурные расходы, для которыхъ нѣтъ иного источника, становится дорогимъ всѣмъ друзьямъ культуры, всѣмъ сторонникамъ обновленія родины. Но трудно ожидать, чтобы нашлось много пылкихъ адептовъ подоходнаго налога, когда онъ вводится въ мирное время, черезъ 5—7 лѣтъ послѣ войны; при состояніи бюджета, которое офиціально аттестуется блестящимъ; при наличности въ казначействѣ запасовъ на 350 милл. р.; при опредѣленномъ намѣреніи обратить поступленія отъ новаго налога не на удовлетвореніе задержанныхъ культурно-хозяйственныхъ потребностей, не на поднятіе народнаго благосостоянія, а на

военное дѣло. Невольно рождается скептицизмъ, вполнѣ законный по отношенію къ морскимъ расходамъ и даже нашедшій себѣ неоднократное выраженіе въ дѣятельности дѣйствующихъ законодательныхъ учрежденій. Невольно вспоминается важность не только военной, но и финансовой, и народно-хозяйственной боевой готовности. И вновь хочется напомнить заявленіе Вышнеградскаго въ его Всеподданнѣйшемъ докладѣ, сдѣланное въ отвѣтъ на желаніе военнаго министра обратить избытки по бюджету 1888 г. на увеличеніе военныхъ расходовъ. „Считаю долгомъ вѣрноподданнаго выразить предъ вашимъ императорскимъ величествомъ,— писалъ Вышнеградскій,— твердое, ясное и глубокое убѣжденіе въ томъ, что благосостояніе народа даже при нѣкоторомъ несовершенствѣ военнаго устройства принесетъ въ періодъ вооруженнаго столкновенія болѣе пользы, нежели самая полная боевая готовность арміи при пошатнувшемся экономическомъ положеніи народа, который въ семъ случаѣ, при всей готовности жертвовать и жизнью, и достояніемъ, можетъ принести на алтарь отечества только одну жизнь и не будетъ въ силахъ доставить необходимыя государству денежныя средства". [1])

Японская война, какъ въ свое время Крымская кампанія, показала, что отнюдь не самое главное тратить много на военное дѣло. И здѣсь деньгами не достигнешь всего. Свободный народъ, культурный, сытый, сознательно исполняющій свой патріотическій долгъ,— вотъ непоколебимая сила, вотъ оплотъ и защита родины. И болѣе производительной тратой даже съ точки зрѣнія обороны слѣдуетъ считать то, что расходуется въ Россіи на поднятіе народнаго хозяйства и на культурныя нужды. Поэтому врядъ ли можно признать правильнымъ, врядъ ли можно привѣтствовать рѣшеніе обратить поступленія отъ подоходнаго налога на военные расходы. Платежеспособность нашего населенія такъ слаба, производительныя силы такъ мало развиты, культура народная находится на такомъ низкомъ уровнѣ, что использованіе на иныя нужды тѣхъ сравнительно небольшихъ суммъ, которыя можно получить съ помощью прямого обложенія (100 — 150 милл. р.), способно нанести серьезный ущербъ странѣ, затормозивъ ея движеніе впередъ.

Но, быть можетъ, нѣтъ необходимости говорить о дилеммѣ: или культурно-хозяйственныя затраты, или расходы на оборону? Быть можетъ, напряженіемъ платежныхъ силъ слѣдуетъ добыть средства и на тѣ, и на другія нужды? Врядъ ли стоитъ доказывать, что повышеніе налоговъ, падающее на малоимущія группы населенія, нежелательно: помимо общеизвѣстныхъ фактовъ, достаточно убѣдительные официальные отзывы приведены выше. И если есть какая-либо возможность повышенія налоговъ, то ее надо искать въ сферѣ обложенія достаточныхъ и богатыхъ людей. Много ли ихъ у насъ, въ Россіи, и велики ли ихъ доходы? Недавно, въ концѣ 1910 г., министерство финансовъ издало новые матеріалы о народномъ доходѣ, собранные податными инспекторами и казенными палатами. Эти матеріалы не вполнѣ вѣрны, недостаточно точны. Но лучшихъ у насъ нѣтъ, и для приблизительнаго сужденія небезполезно сообразоваться съ ними. Оказывается, что лица, имѣющія дохода свыше 1,000 р. въ годъ, получаютъ всѣ вмѣстѣ 2,645 милл. р. ежегодно. 57% этихъ лицъ получаютъ отъ 1,000 до 2,000 р. въ годъ, 31%— отъ 2 до 5 тысячъ р., и стало быть лишь 12% могутъ быть названы людьми относительно богатыми, такъ какъ имѣютъ болѣе 5 тыс. р. годового дохода. Что касается распредѣленія общей суммы дохода по категоріямъ, то на долю

---

1) Уже цитировано нами въ *Вѣстникѣ Европы*, въ статьѣ по поводу бюджета на 1910 г. (апрѣль, 1910 г., стр. 273). Кстати: въ думскихъ дебатахъ по бюджету 1911 г. эти слова ошибочно приписаны Бунге.

доходовъ отъ 1,000 до 2,000 р. приходится 21%, отъ 2 до 5 тыс. р.—25%.

Послѣ введенія подоходнаго налога, какъ онъ проектируется правительствомъ, прямое обложеніе будетъ составлять по отношенію къ доходу: у лицъ, имѣющихъ 1,000—2,000 р.,—5%, у лицъ, получающихъ 2—5 тыс. р.,—6%, не считая налоговъ на предметы потребленія, которые особенной тяжестью падаютъ именно на эти группы. Поэтому было бы несправедливо еще увеличивать обложеніе данныхъ слоевъ населенія, отнюдь не имѣющихъ избытковъ—по общему правилу, по крайней мѣрѣ. Но можно ли усилить сколько-нибудь значительно налоги, падающіе на остальныя категоріи плательщиковъ? Общій доходъ лицъ, имѣющихъ свыше 5 тыс. р. въ годъ, составляетъ 1,438 милл. р. Обложеніе ихъ нынѣ существующими прямыми казенными и мѣстными сборами, съ прибавленіемъ подоходнаго налога, равно будетъ для группы съ доходомъ въ 5—10 тыс. р.—8%, для группы съ доходомъ въ 10—20 тыс. р.—9,5%, для группы съ доходомъ въ 20—50 тыс. р.—12% и, наконецъ, для группы съ доходомъ свыше 50 тыс. р.—16%. Принявъ во вниманіе пошлины, гербовые сборы и налоги на предметы потребленія, которые несомнѣнно составляютъ серьезную прибавку къ обложенію достаточныхъ группъ населенія, мы должны будемъ прійти къ выводу, что хотя нѣкоторое повышеніе налоговъ здѣсь еще возможно, но сравнительно небольшое и для казны мало обѣщающее. Теперь эти группы платятъ всего 15—20% своего дохода. Если прибавить еще 5%, то надо будетъ признать, что врядъ ли предѣлъ не достигнутъ. Дальше грозятъ извѣстныя опасности чрезмѣрнаго обложенія и для фиска, и для народнаго хозяйства, каковы: ростъ утаекъ и укрывательства, пріостановка накопленія, замедленіе темпа хозяйственнаго развитія и т. д. Но увеличеніе налоговъ на 5% съ группъ населенія, имѣющихъ свыше 5 тыс. р. годового дохода, дастъ казнѣ всего 70 милл. р., т.-е. сумму, которая въ совокупности съ поступленіемъ отъ вновь вводимаго подоходнаго налога составляетъ только 120—130 и никакъ не болѣе 150 милл. р. Вотъ, стало быть, предѣлъ увеличенія нашихъ налоговъ до тѣхъ поръ, пока не поднята платежеспособность населенія, пока не увеличены ресурсы народа, не умножены его доходы.

А разъ такъ, то надо, очевидно, очень и очень разсчетливо относиться къ росту государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ, во-первыхъ, и въ особенности, надо заботиться о томъ, чтобы новые расходы были производительны, чтобы они вели по возможности въ скоромъ времени къ увеличенію народнаго благосостоянія. Таковыми расходами являются несомнѣнно не военныя затраты, а расходы на народное образованіе, *на улучшеніе сельскаго хозяйства, на акклиматизацію урожая у насъ, если можно такъ выразиться.* Вѣдь послѣдніе два года блестяще показали еще разъ, что и народное хозяйство, и финансы Россіи почти всецѣло зависятъ отъ урожая. Урожай же—явленіе не только стихійное, но въ извѣстной мѣрѣ и культурное. Недороды—внѣ воли человѣка пока, а повальные и полные неурожаи, доводящіе до голодовки, это національное бѣдствіе есть дѣло рукъ человѣческихъ или, вѣрнѣе, оно можетъ быть устранено работой духа и тѣла, ума и рукъ людскихъ.

Спрашивается, однако, какъ же направить расходованіе новыхъ средствъ, чтобы обезпечить ихъ отъ обращенія на построеніе все той же „ограды“, о необходимости укрѣпленія которой говорилъ недавно въ Думѣ министръ финансовъ? Лучше всего это сдѣлать, повидимому, изъявъ изъ рукъ государства распоряженіе этими суммами и передавъ ихъ тѣмъ органамъ управленія, которые по самой природѣ своей осуществляютъ не задачи нападенія и обороны отъ внѣш-

няго и внутренняго врага, а хозяйственно-культурныя цѣли. Органы мѣстнаго самоуправленія, города и земства, нуждаются для осуществленія задачъ благоустройства, просвѣщенія, культурнаго и экономическаго подъема населенія въ большихъ средствахъ. А между тѣмъ средствъ этихъ въ ихъ распоряженіи не имѣется. И потому слѣдовало бы, одновременно съ введеніемъ новыхъ государственныхъ прямыхъ налоговъ, освободить органы мѣстнаго самоуправленія отъ обязательныхъ расходовъ общегосударственнаго характера, которые ложатся весьма тяжелымъ бременемъ и на города (помѣщеніе для войскъ, полиція), и на земства, и на волостныя управленія, во-первыхъ, и передать на мѣста подомовый и поземельный налоги, во-вторыхъ. Мы не имѣемъ въ виду говорить здѣсь о планѣ реформы мѣстныхъ финансовъ, и потому можемъ ограничиться лишь однимъ указаніемъ на необходимость связать введеніе подоходнаго налога съ обращеніемъ суммъ, соотвѣтствующихъ поступленіямъ отъ новаго сбора, на культурно-хозяйственныя нужды, осуществляемыя органами мѣстнаго самоуправленія. [1])

Слѣдовало бы проведеніе подоходнаго налога связать *неразрывно* съ предлагаемымъ увеличеніемъ средствъ городовъ и земствъ. Именно потому, что государственный бюджетъ находится въ настоящее время въ состояніи равновѣсія; именно потому, что платежеспособность населенія съ введеніемъ новыхъ прямыхъ налоговъ окажется почти исчерпанной, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время,—было бы опасно и крайне неразумно затратить со значительнымъ напряженіемъ полученныя средства на иныя цѣли, чѣмъ культурно-производительныя, ведущія къ увеличенію народнаго дохода. Намъ кажется, что подоходный налогъ, какъ и проектируемыя реформы другихъ сборовъ, при такой постановкѣ дѣла пріобрѣлъ бы крупное общественное значеніе, получилъ бы понятный для широкихъ круговъ населенія смыслъ и нашелъ бы горячихъ защитниковъ, за которыми стояло бы общественное мнѣніе. Такой подоходный налогъ, съ опредѣленнымъ культурнымъ назначеніемъ, могъ бы стать и однимъ изъ лозунговъ прогрессивныхъ дѣятелей въ предстоящей избирательной кампаніи.

М. И. Фридманъ.

[1]) Въ запискѣ министерства финансовъ отъ 17 апрѣля 1907 г. говорится о „давно назрѣвшемъ предположеніи о подкрѣпленіи доходныхъ источниковъ органовъ общественнаго самоуправленія путемъ передачи послѣднимъ нѣкоторой доли нынѣшнихъ государственныхъ доходовъ“. Думается, что пора осуществить это предположеніе наступило.

II. Литература и искусство.

1. Волна пошлости.

Насъ захлестнула „волна пошлости“, и г. Пѣшехоновъ пришелъ отъ этого въ ужасъ.

Въ своей статьѣ (*Русское Богатство*, № 3) онъ умѣло подобралъ факты изъ русской „литературной“ жизни, и букетъ получился такой, что голова кружится.

А. В. Пѣшехоновъ, конечно, не претендовалъ на то, чтобы его статья была безстрастнымъ „соціологическимъ“ изслѣдованіемъ. Ну, вотъ какъ пишутъ „изслѣдованія“ о ростѣ проституціи, о вліяніи экономическихъ и соціальныхъ причинъ на это „печальное“ явленіе и т. п. А. В. Пѣшехоновъ не изслѣдуетъ, а бичуетъ современные нравы, онъ призываетъ писательскую братію къ порядку. Онъ утверждаетъ роль „личности въ исторіи“ и надѣется, что, про-

читавъ его статью, хоть кто-нибудь изъ обвиняемыхъ образумится, покается и литературная улица пообчистится.

Цѣль почтенная.

Пошлость, распущенность лѣзетъ во всѣ щели. Улица стала невыносимой. По ней бродятъ пьяные, положительно не знающіе, гдѣ десница, гдѣ шуйца.

„Правая, лѣвая, гдѣ сторона?“

Но цѣли своей А. В. Пѣшехоновъ все-таки не достигнетъ, прежде всего потому, что онъ *мало любитъ литературу*.

Правда общественная близка сердцу А. В. Пѣшехонова. Но *къ правдѣ художественной* онъ слишкомъ равнодушенъ, а потому подлинные писатели, ставящіе правду художественную превыше всего (а въ этомъ они, можетъ быть, совершаютъ такую же ошибку, какъ и А. В. Пѣшехоновъ), просто *не услышатъ* его голоса, не почувствуютъ его бичеваній.

Какъ можетъ подлинный художникъ услышать голосъ Пѣшехонова, когда критикъ-публицистъ валитъ въ одну кучу Сологуба съ какимъ-то Яблочковымъ, Ремизова съ борцомъ Е. Ш., когда онъ злорадствуетъ надъ тѣмъ, что издатель оказалъ медвѣжью услугу Мережковскому, и т. д., и т. д.

Вѣдь если бы Сологубъ умеръ тотчасъ послѣ „Мелкаго бѣса“, его имя даже не было бы упомянуто на страницахъ *Русскаго Богатства*! О Сологубѣ-писателѣ г. Пѣшехоновъ никогда ни одного *серьезнаго* слова не сказалъ, а вотъ что гдѣ-то, кто-то, можетъ быть и неудачно, „вѣнчалъ“ автора „Мелкаго бѣса“—это г. Пѣшехонова очень интересуетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, „Мелкій бѣсъ“, пожалуй, самая крупная вещь за послѣднюю четверть вѣка. Она останется въ исторіи литературы, въ то время какъ повѣсти и романы Башкина, Муйжеля, Дмитріевой, которыми *Русское Богатство* уснащаетъ свои страницы, исчезнутъ, какъ прошлогодній снѣгъ, исчезнутъ, несмотря на всѣ общественныя добродѣтели своихъ авторовъ.

Представимъ себѣ будущаго историка.

Черезъ пятьдесятъ лѣтъ онъ пишетъ исторію нашего времени. Для главы о русской общественности онъ непремѣнно перечтетъ всѣ томы *Русскаго Богатства*. Содержаніе журнала въ этой области значительно и заслуги его неоспоримы.

Но для того, чтобы написать главу о русской литературѣ, будущій историкъ въ *Русское Богатство* даже не заглянетъ. За свое, довольно долгое, существованіе *Русское Богатство* любви къ художественной правдѣ не проявило никакъ.

А потому художники могутъ предъявить „судьѣ“ формальный отводъ: судья, ставящій г-жу Дмитріеву выше Сологуба, для него слишкомъ пристрастенъ.

Вотъ, г. Пѣшехоновъ ужасается, что для современной улицы „Разбойникъ Чуркинъ“—романъ, и „Анна Каренина“—тоже романъ.

Фактъ очень печальный.

Но что писали объ „Аннѣ Карениной“ если не единомышленники г. Пѣшехонова, то во всякомъ случаѣ критики, ставившіе правду общественную выше правды художественной?

Когда „Анна Каренина“ печаталась въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, Скабичевскій писалъ:

Паденіе Анны Карениной—„мелодраматическая дребедень въ духѣ старыхъ французскихъ романовъ, расточаемая по поводу заурядныхъ амуровъ великосвѣтскаго хлыща и петербургской чиновницы, любительницы аксельбантовъ“.

А вотъ что говорилъ П. Ткачевъ въ *Дѣлѣ* о „Войнѣ и мірѣ“:

„Цѣль жизни и значеніе жизни (для Л. Толстого) должны заключаться въ узкомъ эгоистическомъ услажденіи себя половыми отношеніями и въ ихъ вѣнцѣ—семейномъ счастіи, понимаемомъ притомъ въ самомъ грубомъ, почти циническомъ смыслѣ“. (Цитирую по П. И. Бирюкову: „Біографія Толстого“, т. II.)

Когда въ прошломъ году Чуковскій (тоже одинъ изъ обвиняемыхъ) на своемъ рефератѣ въ петербургскомъ литературномъ обществѣ коснулся Скабичевскаго, какъ критика, предсѣдатель, Н. Ф. Анненскій, остановилъ его, замѣтивъ, что Скабичевскій отсутствуетъ по болѣзни, что общественныя заслуги его слишкомъ велики, чтобы въ литературномъ обществѣ могли быть допущены столь рѣзкіе о немъ отзывы.

И правъ былъ Н. Ф. Анненскій, потому что, по сложившимся условіямъ, литературное общество обязано блюсти „традиціи“. Но вѣдь то, что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ, и несмотря на всѣ свои общественныя заслуги Скабичевскій былъ плохой критикъ и во многомъ погрѣшилъ противъ русской литературы.

Цитируя какую-то хулиганскую газету, А. В. Пѣшехоновъ съ ироніей замѣчаетъ: „бунтъ“ кончился, начались „искапія“.

Что касается „бунта“, то г. Пѣшехоновъ знаетъ, когда нужны кавычки и когда не нужны.

Но *исканія* останутся для него въ кавычкахъ во вѣки вѣковъ. Исканія—это признакъ реакціи, хулиганства.

Думается, что это величайшее заблужденіе, и тутъ *Русское Богатство* грѣшитъ не только противъ „истины“ и „красоты“, но и противъ „добра“. Грѣшитъ противъ культуры.

Какъ и большинство „консерваторовъ-прогрессистовъ“, *Русское Богатство* оградило себя непроницаемой таможенной стѣной и начисто запретило ввозъ всякихъ „исканій“. Естественно, что появилась контрабанда.

И пусть г. Пѣшехоновъ не заблуждается. Контрабанда процвѣтаетъ не только въ синихъ и желтыхъ журналахъ, не только среди хулиганской обывательщины. Она пробралась и въ ту цитадель, которую защищаетъ г. Пѣшехоновъ.

Для примѣра укажу на недавнюю полемику въ русской печати за границей. И тамъ началась борьба между традиціями и исканіями. Борьба уродливая, потому что спорящіе не сумѣли поставить ее серьезно. „Искатели“, снабженные контрабандой, т.-е. товаромъ подмоченнымъ и попорченнымъ, слишкомъ грубо и неавторитетно поставили вопросъ. Однако вопросъ поставленъ, и цитадель, которая рада была бы, чтобы никакихъ „исканій“ не было, должна была признаться, что на „Шипкѣ не все спокойно“, что исканія нужны и безъ кавычекъ.

Да, въ литературной нашей жизни завелась нечисть, надо ее всячески уничтожать. Но не только дезинфекціей, а и гигіеной.

Однимъ отрицаніемъ злу не поможешь.

Нельзя правой рукой отвергать всякія исканія, насаждать Дмитріеву и Муйжеля, а лѣвой смѣшивать Сологуба съ грязью. Въ общественномъ смыслѣ, г. Муйжель можетъ быть и безупреченъ, но вѣдь печатающійся въ *Русскомъ Богатствѣ* романъ Муйжеля—*не* литература. Если я хочу знать, какъ наше народничество понимаетъ и оцѣниваетъ вліяніе закона 9 ноября на жизнь деревни, то лучше я буду читать статьи А. В. Пѣшехонова или изслѣдованія К. Р. Качоровскаго. Нудная, сентиментальная публицистика г. Муйжеля мнѣ совершенно не нужна.

Я не знаю, объективенъ ли Бунинъ, не знаю, какіе у него взгляды на аграрный вопросъ и законъ 9 ноября, но твердо знаю, что его романъ „Деревня“—воистину художественное произведеніе, что написано оно не легкомысленно, и притомъ настоящимъ, русскимъ, чеканнымъ языкомъ.

Если бы вмѣсто „Года“ Муйжеля въ *Русскомъ Богатствѣ* была напечатана „Деревня“ Бунина, писанія А. В. Пѣшехонова были бы сильнѣе и дѣйственнѣе, потому что читатели знали бы, что рядомъ съ правдой общественной судьбѣ дорога и правда художественная.

Если бы въ *Русскомъ Богатствѣ*

было удѣлено мѣсто серьезнымъ исканіямъ безъ кавычекъ, можетъ быть, борьба, начавшаяся въ самой цитадели пародничества, приняла бы болѣе культурныя формы и принесла бы пользу идейному росту русской интеллигенціи.

Статья г. Пѣшехонова—образецъ полемики довольно-таки безплодной.

Гнѣвъ—великая, цѣлительная вещь. Но подлинный гнѣвъ никогда не оскорбляетъ. Подлинный гнѣвъ можетъ огорчить, причинить истинное горе, но въ немъ нѣтъ мелочности, нѣтъ оскорбительныхъ издѣвательствъ.

Неужели, если бы былъ живъ Достоевскій, г. Пѣшехоновъ сталъ сравнивать его со Скворцовымъ изъ *Колокола*, сталъ бы третировать его такъ, какъ въ ежедневной газетной полемикѣ третируется субсидируемая черносотенная пресса?

Я не хочу сравнивать современныхъ писателей съ Достоевскимъ, но за ними всетаки есть крупныя литературныя заслуги, которыя прямо не позволяютъ ставить ихъ на одну доску съ борцами или редакторами *Весны*, *Синихъ Журналовъ* и т. д. А это какъ разъ и дѣлаетъ г. Пѣшехоновъ. Это такая же несправедливость, какъ смѣшивать общественныхъ дѣятелей въ одну кучу съ провокаторами.

Когда В. В. Розановъ не нашелъ въ освободительномъ движеніи ничего другого, кромѣ провокаціи, онъ совершилъ такой же грѣхъ, какъ А. В. Пѣшехоновъ, который въ современной литературѣ ничего не нашелъ, кромѣ пошлости.

Д. Философовъ.

2. Театральныя замѣтки.

Московская драматическая сцена. Вторая половина сезона.

Вторая половина сезона въ Маломъ театрѣ началась съ экскурсіи въ область политической сатиры. Къ сожалѣнію, въ качествѣ сатирика выступилъ г. Колышко,—авторъ бойкій даже до развязности, но совершенно не обладающій данными, необходимыми для серьезнаго творчества въ столь отвѣтственномъ литературномъ жанрѣ.

Пьеса г. Колышко—„Поле брани“—не болѣе, какъ безвкусная поддѣлка подъ политическую сатиру.

Авторъ схватилъ и зарисовалъ внѣшніе трюки и пируэты, продѣлываемые на политической сценѣ матадорами третьей Государственной Думы. Что же касается обрисовки внутренняго содержанія политической „брани“, поскольку такая „брань“ означаетъ борьбу, а не ругань, то по этой части нашъ сатирикъ обнаружилъ совсѣмъ убогій запасъ знанія и пониманія того, что онъ берется изображать. Достаточно указать на то, что, по замыслу г. Колышка, крайняя лѣвая партія (эсъ-деки или эсъ-эры) даютъ принадлежащей къ партіи дѣвицѣ „политическое“ порученіе заинтересовать и увлечь собою лидера парламентскаго центра въ надеждѣ такимъ образомъ толкнуть его политическій курсъ влѣво. Ну, скажите пожалуйста, гдѣ у насъ видано что-либо подобное? Возможно ли что-либо, хотя бы отдаленнѣйшимъ образомъ напоминающее такую диспозицію, тамъ, гдѣ даже невинная „чашка чаю“ въ квартирѣ политическаго противника считается смертнымъ грѣхомъ? Не очевидно ли, что г. Колышко писалъ свои „тайны Таврическаго дворца“ по такому же рецепту, по какому во время оно стряпались „тайны мадридскаго двора“ писателями, никогда не видавшими ни двора, ни Мадрида. Стоитъ очень пожалѣть о неудачѣ опыта г. Колышка. Ибо появленіе на сценѣ настоящей политической сатиры, серьезной, умной и колкой,—было бы какъ нельзя болѣе своевременно и желательно.

Отъ этой топорной безвкусицы литературнаго ремесленника Малый театръ перешелъ къ прелестной предсмертной шалости пера маститаго норвежскаго поэта. Комедія Бьёрнстьерне-Бьёрнсона „Когда цвѣтетъ молодое вино“ въ мяг-

кихъ и нѣжныхъ тонахъ развертываетъ передъ нами интимный уголокъ изъ жизни норвежской семьи. Когда цвѣтетъ молодое вино (молодой виноградъ?), старое начинаетъ бродить. И вотъ поэтъ выводитъ передъ нами веселый рой юныхъ дѣвушекъ, беззаботно отдающихся первымъ радостямъ сердца. Это—рамка пьесы, а въ рамку вставлена и картина: два друга, уже щедро посеребренные временемъ, одинъ—вдовецъ-пасторъ, другой—богатый землевладѣлецъ и глава многочисленнаго семейства, начинаютъ чувствовать, что ихъ невольно пьянитъ окружающая атмосфера дѣвической влюбленности. Пасторъ уже влюбленъ въ дочь своего друга, а самъ этотъ другъ томится холодомъ и скукой своего домашняго очага, гдѣ онъ давно уже не находитъ привѣта и ласки послѣ того, какъ его жена перенесла все свое чувство съ мужа на дочерей. Онъ уже было привыкъ къ скукѣ своего существованія, къ одиночеству среди большой семьи. Но вотъ „кругомъ зацвѣлъ молодой виноградъ“, и его старѣющее сердце тоже забродило. Послѣ непріятнаго объясненія съ женой и дочерьми онъ вдругъ рѣшается встряхнуться и помолодѣть, иначе говоря—отправиться потихоньку отъ семьи въ морскую поѣздку съ дочерью пастора. Комедія какъ будто готова перейти въ драму. Но поэтъ хотѣлъ только пошутить и все оканчивается къ общему благополучію. Внезапный отъѣздъ мужа оживляетъ чувства жены, любовь которой и не умирала, а только заволоклась на время пеленой привычки; душа покинутой женщины страстно рвется къ любимому человѣку, а онъ по волѣ судьбы или, что то же, по волѣ автора,—какъ разъ тутъ какъ тутъ. Онъ раздумалъ и не уѣхалъ. Въ послѣдній моментъ его потянуло домой и тамъ его встрѣтила награда въ видѣ вновь улыбнувшагося ему семейнаго счастья.

Я назвалъ эту пьесу шалостью пера. Такое впечатлѣніе получается отъ всего строя пьесы; и слишкомъ симметрично расположенныя интриги двухъ друзей, изъ которыхъ каждый увлекается дочерью другаго, и легкій переходъ отъ едва намѣтившагося конфликта къ веселой развязкѣ; все это нѣсколько отзывается хорошимъ водевилемъ добраго стараго времени. Но это—шалость пера первокласснаго поэта, и потому немудрено, что она доставляетъ эстетическое наслажденіе остроумiемъ діалога, яркими блестками тонкихъ житейскихъ наблюденій, разсыпанныхъ по всей пьесѣ, граціей и поэтической свѣжестью всей вещи въ цѣломъ. Это была лебединая пѣснь маститаго поэта. Уже готовый уйти въ могилу, онъ своей послѣдней пьесой какъ будто послалъ чудную прощальную улыбку чистымъ радостямъ жизни.

Исполненіе было превосходно. Діалоги двухъ запоздавшихъ поклонниковъ юной любви неподражаемо были переданы г.г. Южинымъ и Бравичемъ. Оба артиста великолѣпно оттѣнили: первый—добродушную шутливость прозорливаго скептика, второй — глубокую взволнованность поэтически настроеннаго философа. Въ довершеніе ансамбля роль фру Арвикъ исполнялась г-жею Ермоловой. Въ легкій контуръ роли, эскизно набросанный поэтомъ, артистка вложила серьезное психологическое содержаніе. Рамка не портила картины: веселая толпа счастливыхъ и радостно возбужденныхъ дѣвицъ давала надлежащую сценическую иллюзію.

Затѣмъ была возобновлена „Гроза“ Островскаго. Благодаря статьѣ Добролюбова названная пьеса въ свое время прошумѣла, какъ литературный протестъ противъ „темнаго царства“. Въ наши дни это произведеніе Островскаго, помимо историческаго интереса, очень любопытно еще съ другой стороны,—которая со сцены обнаруживается съ гораздо большей отчетливостью, нежели въ чтеніи. Смотря „Грозу“, начинаешь не только понимать, но и непосредственно ощущать, насколько неправильно рѣзкое противопоставленіе символизма

и реализма въ поэзіи. Кто рѣшится утверждать, что Островскій не былъ бытовикомъ-реалистомъ? Сколько разъ Островскаго упрекали въ чрезмѣрномъ пристрастіи къ бытовому реализму? Въ самое послѣднее время послышались даже голоса, отрицающіе въ виду этого наличность у Островскаго настоящаго поэтическаго вдохновенія... Но смотрите внимательно хотя бы „Грозу“, гдѣ такъ много мѣста удѣлено реалистическому воспроизведенію быта. Быть бытомъ, но въ то же время—какъ глубоко пропитана вся драма символическими элементами! Эти двѣ параллельно растущія грозы—на землѣ и въ небесахъ, среди людей и среди тучъ; эта сумасшедшая барыня со своими заклятіями; эта картина страшнаго суда, играющая столь рѣшительную роль въ исходѣ драмы,—развѣ все это — не поэтическая символика, такъ органически, такъ естественно, такъ плотно переплетающаяся съ обыденными подробностями реальнаго быта? Я не имѣю здѣсь мѣста подробно развить свою мысль и скажу только, что возобновленіе „Грозы“ могло бы послужить хорошимъ предостереженіемъ для тѣхъ, кто склоненъ въ наши дни слишкомъ недооцѣнивать Островскаго, какъ художника, говоря, что Островскій писалъ не столько для литературы, сколько для театральной рампы. Я думаю, что Островскій еще ждетъ настоящаго изученія и что это изученіе покажетъ, какой богатый рудникъ чисто-художественныхъ идей заключается въ произведеніяхъ этого писателя.

Въ роли Катерины чередовались г-жи Пашенная и Найденова. Обѣ исполнительницы играли хорошо, но ни одна не была вполнѣ на высотѣ роли. Г-жа Найденова изображаетъ Катерину женщиной съ душой нѣжной и хрупкой, съ слишкомъ робкими вспышками страсти, съ слишкомъ пригнетенной индивидуальностью. Въ ея изображеніи Катерина — только страдалица и ничего больше. Это—образъ красивый, но—думается—не отвѣчающій замыслу автора. Г-жа Пашенная сильнѣе оттѣняетъ активную страстность Катерины, протестующее начало ея душевнаго строя, но по общему отзыву—артистка проводитъ роль неровно, мѣстами слишкомъ форсируя напряженность чувства, мѣстами спадая съ тона. Великолѣпнаго Тихона далъ г. Яковлевъ. Артистъ дошелъ въ этой роли до той законченности задуманнаго сценическаго образа, при которой уже нельзя ничего ни прибавить, ни убавить. Г-жу Садовскую упрекали за то, что она смягчила суровость Кабанихи. Мы думаемъ, что художественное чутье замѣчательной артистки и на этотъ разъ не обмануло ея. Нѣтъ надобности изображать Кабаниху отъявленной злодѣйкой и звѣремъ. Гораздо ужаснѣе и страшнѣе, что ея дѣйствія, всѣхъ и все давящія, проистекаютъ не столько изъ ея личнаго звѣрства, сколько изъ стихійнаго гнета того изувѣрнаго жизненнаго кодекса, вѣрной хранительницей котораго является Кабаниха. Колоритно сыграла Ѳеклушу г-жа Рыжова.

„Каштелянскій медъ“ Крашевскаго, — комедія добраго стараго времени. Сюжетъ тотъ же, что въ „Тартюфѣ“ Мольера. Мѣсто дѣйствія — помѣщичья усадьба въ древней Польшѣ. На сценѣ — наивныя помѣщицы, преданные слуги, лихой ротмистръ, воякa, забулдыга и весельчакъ, и наконецъ злой геній пьесы, въ концѣ-концовъ посрамленный за свое коварство, польскій Тартюфъ, по первоначальному замыслу автора—духовное лицо, а по передѣлкѣ страха ради цензурнаго—управляющій имѣніемъ наивной провинціальной помѣщицы. Этотъ управляющій—лицемѣрный святоша и по существу блудливый корыстолюбецъ — совсѣмъ опуталъ своимъ вліяніемъ наивную госпожу и уже подготовился къ тому, чтобы прибрать къ рукамъ ея имѣніе, какъ вдругъ пріѣхавшій въ отпускъ со службы ротмистръ при помощи весьма незатѣйливой интриги рветъ всю паути-

ну доморощеннаго Тартюфа, выводитъ его на чистую воду и устраиваетъ такимъ образомъ полное посрамленіе порока и торжество добродѣтели. Какъ полагается въ такихъ случаяхъ, пьеса оканчивается сразу тремя счастливыми свадьбами. Хотя вся пьеса посвящена изображенію человѣческой хитрости, тѣмъ не менѣе это—простодушнѣйшее изъ всѣхъ драматическихъ произведеній. Фабула пьесы доведена до послѣднихъ предѣловъ непритязательной простоты, характеры—элементарны до крайности, мораль—прямолинейна до степени прописной истины. Отъ всего въ цѣломъ вѣетъ ветхой, ветхой старинкой. Но талантъ всегда и во всемъ постоитъ за себя: и вотъ, публика въ теченіе всего представленія весело смѣется; лучшее доказательство того, что эта болѣе чѣмъ незатѣйливая комедійка сдѣлана талантливой рукой. Правда, автора поддерживаютъ исполнители, всѣ безъ исключенія ярко и увлекательно разыгрывающіе свои несложныя роли.

Въ концѣ сезона Малый театръ поставилъ „Кукольный домъ“ Ибсена. Интересъ этого спектакля сосредоточивался на первой серьезной пробѣ новой артистки Малаго театра г-жи Шухминой, выступившей въ роли Норы. Артистка выдержала эту пробу съ полнымъ успѣхомъ, хотя въ обоихъ наиболѣе патетическихъ мѣстахъ роли (тарантелла и уходъ отъ мужа) она не поднялась на тотъ уровень нервной силы, который подсказывается сущностью положенія. Много искусства было вложено артисткой въ изображеніе наивно-беззаботной Норы перваго дѣйствія. Рѣшаюсь сказать, что здѣсь и внѣшней фигурой и общимъ тономъ всего исполненія г-жа Шухмина удачнѣе Коммиссаржевской намѣчаетъ образъ „куколки“ и „птички“, уже тревожимой однако предчувствіемъ трагической сложности жизненныхъ отношеній. Зато чѣмъ ближе надвигается трагическій конфликтъ, тѣмъ быстрѣе блѣднѣетъ образъ новой Норы г-жи Шухминой передъ воспоминаніями о вдохновенной игрѣ Коммиссаржевской. Въ тарантеллѣ г-жа Шухмина вихремъ носится по сценѣ, и ея возгласы—„не могу иначе“—затериваются въ общемъ шумѣ танца. А передъ мысленнымъ взоромъ, какъ живая, стоитъ Коммиссаржевская въ этой сценѣ, танцующая почти на одномъ мѣстѣ, съ лицомъ, все время обращеннымъ прямо къ зрителямъ, причемъ такимъ трагизмомъ вѣетъ отъ страшнаго контраста между веселыми движеніями танца и безысходнымъ ужасомъ, застывшимъ въ широко раскрытыхъ глазахъ Норы, и такой жуткій смыслъ получаютъ тогда ея нетерпѣливыя, поистинѣ страдальческія восклицанія: „не могу иначе!“ Прощальныя объясненія Норы съ мужемъ г-жа Шухмина ведетъ, на нашъ взглядъ, въ слишкомъ докторальномъ, уравновѣшенномъ тонѣ, точно это — лекція многоопытнаго знатока жизни, наставляющаго юношу. Сюда необходимо вложить больше страданія, больше экстаза. Вѣдь это — моментъ героическаго перелома всей жизни Норы, ея первый и послѣдній побѣдоносный поединокъ съ мужемъ, а вовсе не простое profession de foi на основаніи только что пережитаго. Несмотря на эти замѣчанія, выступленіе г-жи Шухминой въ общемъ слѣдуетъ признать ея несомнѣнной сценической побѣдой. Уже одна возможность сопоставленія ея игры съ исполненіемъ Коммиссаржевской показываетъ, какъ серьезны размѣры дарованія новой исполнительницы Норы.

Настоящее обозрѣніе было уже набрано, когда въ завершеніе сезона Малый театръ возобновилъ „Горе отъ ума“. Къ сожалѣнію, я уже не имѣю возможности поговорить здѣсь объ этомъ интересномъ спектаклѣ съ той подробностью, какой онъ заслуживалъ бы. Скажу только, что исполненіе и вся постановка дали картину нарядную, эфектную, расцвѣченную яркими и сочными красками. Это—крупнѣйшій вкладъ въ постоянный репертуаръ Малаго театра.

———

Художественный театръ далъ во вторую половину сезона двѣ новинки—„Miserere“ г. Юшкевича и новую пьесу Гамсуна „У жизни въ лапахъ“.

Пьесу г. Юшкевича обсуждали болѣе съ педагогической, нежели съ эстетической точки зрѣнія. Подымался вопросъ, не опасно ли переносить на сцену изображеніе эпидеміи самоубійствъ среди молодежи, не окажетъ ли въ этомъ случаѣ гипнотизирующая сила театра нежелательнаго воздѣйствія въ смыслѣ психической заразы. Всѣ эти опасенія представляются мнѣ совершенно неосновательными. Въ пьесѣ г. Юшкевича я не вижу опоэтизированія самоубійства. Напротивъ, эпидемія самоубійствъ здѣсь скорѣе заклеймена, какъ продуктъ той малодушной усталости отъ общественной борьбы, которую такъ страстно обличаетъ въ пьесѣ старый Шлойме. Зато эстетическіе дефекты пьесы несомнѣнны и довольно велики. Задача, поставленная авторомъ, очень интересна. Онъ хотѣлъ изобразить широкими мазками психологію различныхъ общественныхъ группъ послѣ краха революціонныхъ надеждъ. „У разбитаго корыта“—такъ можно было бы озаглавить эту пьесу. Революціонный вихрь пронесся и замеръ. Облетѣли цвѣты, догорѣли огни. Тѣ, кто привыкъ ловить рыбку въ мутной водѣ старыхъ порядковъ, потираютъ руки отъ удовольствія; „все тихо, вездѣ тихо“, торжествуя, говорятъ они и празднуютъ свою побѣду подъ веселые звуки музыки. А вчерашніе бойцы за лучшее будущее народа ходятъ съ камнемъ на сердцѣ, съ тупымъ отчаяніемъ въ душѣ. У молодежи политику смѣнила любовь. Но это—любовь мрачная, отравленная тоской и скорбью отъ недавнихъ разочарованій. И въ большинствѣ случаевъ она ведетъ не къ алтарю, а къ могилѣ. На первый взглядъ, передъ нами—какой-то тупикъ, безнадежный и страшный. Но всмотритесь внимательнѣе: въ мрачной картинѣ, начертанной поэтомъ, онъ самъ показываетъ намъ, что это—лишь переходный психологическій моментъ, острый и потому преходящій. „Все спокойно, все замерло“, торжествуя, говорятъ хозяева положенія. Нѣтъ, не все замерло, нѣтъ, спокойствіе лишь призрачно,—отвѣчаетъ поэтъ. Стоитъ сойтись вплотную представителямъ противоположныхъ теченій—и страсти вскипаютъ, и вотъ-вотъ вспыхнетъ новая борьба. Таковъ смыслъ самой интересной сцены во всей пьесѣ, сцены въ кабачкѣ.

Вы видите изъ этого наброска, что пьеса содержательна и любопытна. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ пожалѣть о томъ, что авторъ испортилъ пьесу мертвеннымъ схематизмомъ изображенія. Только двѣ сцены захватываютъ зрителя — въ кабачкѣ и на свадьбѣ. Это какъ разъ—массовыя сцены, и онѣ производятъ впечатлѣніе не только потому, что Художественный театръ развертываетъ здѣсь съ своимъ обычнымъ блескомъ присущіе ему рессурсы по постановкѣ массовыхъ сценъ, но и потому, что у самого автора толпа живетъ, трепещетъ и переливается всѣми многоцвѣтными оттѣнками сталкивающихся общественныхъ теченій. Во всѣхъ прочихъ сценахъ дѣйствуютъ не массы, а отдѣльные персонажи, и вы тщетно боретесь со скукой, несмотря на хорошую игру всѣхъ исполнителей. Вина въ томъ лежитъ на странномъ дефектѣ дарованія г. Юшкевича. У него толпа живетъ какъ индивидуальное существо, а индивидуальныя дѣйствующія лица лишены подлинной жизненности и являются какими-то ходячими схемами. На каждаго изъ нихъ авторъ прилѣпилъ свой ярлыкъ, да на этомъ и покончилъ художественную работу, и ходятъ по сценѣ всѣ эти Зинки, Хавки, Розки, Мироны, Левки и т. д., и т. д., безконечно повторяя каждый все одинъ и тотъ же свой мотивъ, точно шарманки съ однимъ валикомъ. Не мудрено, что въ душу зрителя неуловимо и незамѣтно заползаетъ самая ядовитая для искусства змѣйка—скука. Въ центрѣ пьесы стоитъ красавица Тина. Это уже прямо—не чело-

вѣкъ, а тѣнь, не дѣйствующее лицо, а какая-то безличная мишень для всеобщей влюбленности—и только. Авторъ рѣшительно не сумѣлъ расцвѣтить свой замыселъ живыми человѣческими фигурами. А жаль: замыселъ самъ по себѣ не лишенъ интереса.

Новая продукція Гамсуна „У жизни въ лапахъ“ не прибавитъ новыхъ лавровъ къ его поэтическому вѣнку. Это—перепѣвы весьма поношенныхъ мотивовъ. Драма женщины критическаго возраста, цѣпляющейся за призраки любви, для которой уже прошла пора. „Любви всѣ возрасты покорны“, сказалъ Пушкинъ, но мудро прибавилъ, что лишь „юнымъ дѣвственнымъ сердцамъ ея порывы благотворны, какъ бури вешнія полямъ“. Не трудно понять умомъ справедливость этого желѣзнаго закона природы, но каково примириться съ вытекающими изъ него заключеніями, когда противъ нихъ бунтуетъ и кричитъ все существо человѣка. Отсюда—острая драма фру Юліаны Гиле, героини новой пьесы Гамсуна. Какъ бы ни былъ затасканъ тотъ или иной сюжетъ или мотивъ,—истинное вдохновеніе поэта всегда уловитъ въ немъ какіе-нибудь новые оттѣнки, обогатитъ людей новыми откровеніями. Такихъ откровеній не находимъ въ пьесѣ Гамсуна. Не потому ли для подогрѣванія интереса къ старому сюжету онъ и прибѣгаетъ такъ щедро къ чисто-внѣшнимъ экзотическимъ аксессуарамъ, вродѣ ядовитой змѣи или негра? Но внѣшніе аксессуары никогда не замѣнятъ силы поэтическаго прозрѣнія, и потому изъ-подъ пера Гамсуна вышло на этотъ разъ нѣчто шумное, трескучее, внѣшне-эфектное, но нисколько не захватывающее глубиной содержанія. Вышла не драма, а только представленіе; вышла пьеса, написанная не для литературы, а только для театральной рампы. Художественный театръ правильно уловилъ эту особенность данной пьесы и, рѣшивъ ее поставить, заботливо окружилъ постановку блескомъ и трескомъ внѣшней театральности. Все было ярко, кричаще, броско. Каждая декорація представляла собой цѣлую симфонію. Къ сожалѣнію, цѣльности впечатлѣнія вредило то, что не всѣ исполнители поднялись на ту же степень яркости и шумнаго подъема въ изображаемыхъ ими настроеніяхъ. Г-жа Книппер дала вполнѣ подходящій внѣшній обликъ фру Юліаны, напрасно только подмолодивъ эту „фру“ въ большей мѣрѣ, чѣмъ это вытекаетъ изъ текста пьесы. Но артисткѣ не удалось показать всю жгучую мучительность душевной драмы этой женщины, и потому впечатлѣніе отъ самаго отвѣтственнаго третьяго акта вышло нѣсколько ослабленнымъ. То же нужно сказать и о г. Вишневскомъ: великолѣпный внѣшній образъ и недостатокъ внутренняго подъема при изображеніи душевныхъ страданій исковерканнаго жизнью маэстро. Это—роль для такихъ артистовъ „нутра“, какимъ былъ, напримѣръ, Андреевъ-Бурлакъ, точно такъ же, какъ и роль фру Юліаны и въ особенности ея монологъ въ третьемъ актѣ написаны для артистокъ съ темпераментомъ, потрясающимъ театральную толпу, бьющимъ по нервамъ зрителей, вырывающимся наружу бурнымъ, неудержимымъ потокомъ. Зато всѣ недочеты исполненія различныхъ персонажей были скрашены изумительной по блеску, непринужденной легкости и интересности игрой г. Качалова въ роли набоба Баста. Это—одно изъ лучшихъ созданій высокоталантливаго артиста. Интересны были гг. Лужскій и Хохловъ въ роляхъ старика Гиле и лейтенанта Линума. Уморительную и характерную, хотя и сознательно каррикатурную фигуру далъ г. Баліевъ въ безсловесной роли кузена Теодора. Еще одинъ безсловесный исполнитель имѣлъ шумный успѣхъ у публики, это—красный диванъ съ разноцвѣтными подушками въ третьемъ актѣ. Дивану усердно рукоплескали при открытіи занавѣса еще до того, какъ началось исполненіе третьяго акта.

Въ общемъ, спектакль былъ очень

занимательный, хотя пьеса далеко не стóитъ литературной репутаціи автора „Пана“.

А. Кизеветтеръ.

3. Художественные итоги зимы 1910—1911 гг. (Москва).

Зима 1910—1911 года отличалась особенною многочисленностью картинныхъ выставокъ. Но въ дробленіи этомъ было однообразіе, благодаря участію однихъ и тѣхъ же лицъ во всѣхъ группахъ. По своему духу ядро каждой изъ выставокъ было обособлено и представляло опредѣленный характеръ, но всегда сопровождалось случайной бахромой произведеній, чуждыхъ основному направленію выставки. Бахрома же эта часто отличалась яркостью и пестротой цвѣтовъ, какъ бахрома испанской шали, которая своей эфектностью иногда убиваетъ самый узоръ ткани.

Такъ бахромою „Союза“ были Сарьянъ, Коненковъ, Уткинъ; бахромою „Бубноваго Валета“ — Кандинскій, Явленскій, Ле-Фоконье, Глезъ; бахромою „Міра Искусства“ — Канчаловскій, Машковъ, Лентуловъ, Гончарова; бахромою „Товарищества“—Павелъ Кузнецовъ, Манганари и т. д.

Распадъ „Союза“, возрожденіе „Міра Искусства“, прекращеніе „Золотого Руна“ и „Голубой Розы“, возникновеніе „Бубноваго Валета“—всѣ эти перемѣны флаговъ и боевыхъ значковъ перепутали имена участниковъ и составъ выставокъ. Цѣлью всѣхъ художественныхъ демонстрацій этой зимы было показать публикѣ не группу участниковъ извѣстнаго художественнаго теченія и опредѣлить линіи его береговъ, но и привлечь къ себѣ наибольшее количество интересныхъ гастролеровъ, стать выставкой, во всѣхъ отношеніяхъ яркой и разнообразной. Эта путаница въ размежеваніяхъ сдѣлало то, что нѣкоторые изъ художниковъ, напримѣръ, Сарьянъ и Уткинъ, оказались участниками буквально всѣхъ московскихъ выставокъ и притомъ вовсе не къ своей выгодѣ: Уткинъ какъ бы исчезъ, растворился въ этомъ дробленіи, настолько, что стало невозможнымъ уловить его лицо этого года, а Сарьянъ, хотя утвердилъ себя именно въ этомъ году истиннымъ художникомъ, однако не настолько безусловно, какъ это было бы, ослибъ онъ выставилъ все цѣликомъ въ одномъ мѣстѣ.

Останавливаясь на отдѣльныхъ случаяхъ художественныхъ группировокъ этого года, можно только порадоваться раздѣленію „Союза“ и „Міра Искусства“. Слiяніе петербуржцевъ и москвичей въ залахъ одной и той же выставки было всегда неестественно и мучительно. Отъ такого сопоставленія никто не выигрывалъ: москвичи подчеркивали сдержанность, сухость, опредѣленность петербуржцевъ, а петербуржцы еще болѣе оттѣняли мягкотѣлость, безсистемность, рыхлость москвичей. Теперь, когда это раздѣленіе Петербурга и Москвы произошло, эти различныя культуры опредѣлились и выяснились конечно ярче: „Міръ Искусства“—какъ результатъ метода въ искусствѣ, „Союзъ“—какъ результатъ работы „нутромъ“.

Дорога петербуржцевъ, снова поднявшихъ старое и исполненное уже историческаго смысла знамя „Міра Искусства“, совершенно ясна: они должны стать академіей новаго искусства. Разумѣется, академіей не въ дурномъ (временномъ) смыслѣ, а въ ея истинномъ значеніи хранительницы художественной культуры и установительницы творческихъ методовъ. Кого мы ни возьмемъ изъ петербуржцевъ, составляющихъ ядро „Міра Искусства“— Бенуа ли, Рериха, Сомова, Добужинскаго—и вплоть до самыхъ молодыхъ и начинающихъ — Лукомскаго или Нарбута—вездѣ и у всѣхъ есть и культурность, и методъ. А если мы поставимъ рядомъ Сѣрова, то сразу отличимъ москвича, такъ какъ у него нерѣдко въ одномъ и томъ же портретѣ

рядомъ съ необычайнымъ осуществленіемъ можно встрѣтить дѣтскую ошибку, неожиданный срывъ. Это признаки иного культурнаго теченія, которое роднитъ его и съ Суриковымъ и съ Малявинымъ. Мѣсто Сѣрова скорѣе въ „Союзѣ“, чѣмъ въ „Мірѣ Искусства“. Принципъ отбора лучшаго и лучшихъ, къ которому склоненъ „Міръ Искусства“, не кажется мнѣ вѣрнымъ. Эклектизмъ вкуса и широкая терпимость его главныхъ вдохновителей подсказываетъ имъ желаніе привлечь къ себѣ все наиболѣе талантливое и яркое, но надъ нимъ должно преобладать стремленіе къ болѣе четкому опредѣленію своего историческаго русла. Еслибъ „Міръ Искусства“ былъ русской академіей фактически, то его методъ былъ бы правиленъ; теперь же, когда онъ только культурно-охранительная группа новаго искусства, ему важно собственное утвержденіе, важно не повторять той ошибки, которой былъ его союзъ съ москвичами. Чтобы пояснить свою мысль, я скажу, что, наприм., Богаевскаго или Сарьяна, какъ выразителей опредѣленнаго метода, я бы принялъ какъ основныхъ участниковъ „Міра Искусства“, но, напримѣръ, Машкова и Канчаловскаго, которыхъ цѣню, какъ художниковъ, не принялъ бы; и сомнѣваюсь даже, мѣсто ли тамъ Судейкину, Сапунову и Миліоти. Все это для „Міра Искусства“ тѣ яркія пасмы бахромы, о которыхъ я говорилъ въ началѣ.

Если желаніе привлечь къ себѣ наиболѣе совершенныя проявленія различныхъ теченій мѣшаетъ необходимому самоограниченію „Міра Искусства“, то съ „Союзомъ“ дѣло обстоитъ иначе. Группа „Союза“ образовалась не идейно, а изъ историческаго накопленія авторитетовъ. Въ то время, какъ „Міръ Искусства“ ведетъ все время свой путь по строгой восходящей линіи, главные участники „Союза“ идутъ съ неожиданными подъемами и провалами, а второстепенные являютъ глубокій упадокъ.

„Семейный портретъ“ Малявина съ его трагическимъ и смѣшнымъ срывомъ символиченъ для „Союза“; это образецъ того момента, когда „нутро“ измѣняетъ, а на мѣсто метода подставляются художественныя теоріи. Неслучайно Малявинъ, обѣщавшій этотъ портретъ „Міру Искусства“, перерѣшилъ въ послѣдній моментъ и выставилъ его въ „Союзѣ“. Бахрома „Союза“ еще менѣе обоснована, чѣмъ бахрома „Міра Искусства“. Канчаловскій и Машковъ только не вяжутся съ остальными экспонентами „Міра Искусства“, а Сарьянъ въ „Союзѣ“ убивалъ собою всѣхъ остальныхъ участниковъ, а главнымъ образомъ основное ядро—самихъ главарей „Союза“.

Тѣхъ рѣзкихъ и художественно недопустимыхъ противорѣчій, которыми въ этомъ году отличался составъ „Союза“ и „Міра Искусства“, не было въ „Московскомъ Товариществѣ“ и въ „Бубновомъ Валетѣ“. „Московское Товарищество“ является въ настоящее время выставкой, наиболѣе полно отражающей общую художественную жизнь Москвы. Очень широкая доступность, возведенная имъ въ основной принципъ, гарантируетъ ему постоянный притокъ молодыхъ силъ. Оно могло въ этотъ сезонъ устроить двѣ интересныхъ выставки: „Акварельную“ — осенью и обычную весеннюю. Но „Товариществу“ очень вредитъ хищническая политика „Союза“, въ настоящемъ году перенятая и „Міромъ Искусства“: приглашеніе къ себѣ наиболѣе талантливыхъ участниковъ „Товарищества“. Это постоянно обезсиливало „Товарищество“ и дѣлала его какъ бы переходной ступенью передъ честью быть принятымъ въ „Союзъ“. И мало кто не уступалъ этому соблазну, который усиливался тѣмъ, что до сихъ поръ въ „Третьяковскую галлерею“ пріобрѣтались произведенія исключительно въ „Союзѣ“, а „Товарищество“ неизмѣнно обходилось.

„Бубновый Валетъ“ былъ наиболѣе цѣльной изъ художественныхъ группировокъ этого года, такъ какъ представлялъ изъ себя опредѣленную боевую школу. Онъ осложнилъ себя только за-

лой, отведенной мюнхенцамъ и французамъ, такъ что въ концѣ-концовъ и онъ не обошелся безъ бахромы иного цвѣта, чѣмъ ткань.

Несмотря на такое обиліе художественныхъ выставокъ, чувствовалось все же отсутствіе выставки, соотвѣтствовавшей „Золотому Руну“ или „Голубой Розѣ“. Между „Союзомъ“ и „Товариществомъ“, съ одной стороны, и „Бубновымъ Валетомъ“ — съ другой, былъ хронологическій прорывъ: не получило себѣ отдѣльнаго выраженія то поколѣніе московскихъ художниковъ, которое характеризуется именами Судейкина, Сапунова, Уткина, Пав. Кузнецова, Міліоти и др. Всѣ они разбрелись по отдѣльнымъ выставкамъ, и потому уловить общее измѣненіе ихъ лика стало трудно.

„Московскій Салонъ“, который бы могъ восполнить этотъ ущербъ, именно этого-то и не сдѣлалъ. Онъ задался цѣлью, которой задавались и всѣ другія картинныя выставки этого года: соединить въ своихъ залахъ представителей всѣхъ партій отъ „Передвижниковъ“ до „Валетовъ“, а такъ какъ туда всѣ дали самыя плохія и не характерныя свои вещи, то получился еще одинъ базаръ картинъ, не очень интересный и никому не нужный. Существованіе этого „Салона“ ничѣмъ не можетъ быть оправдано, равно какъ и существованіе выставки „Независимыхъ“.

Изъ всего выше сказаннаго ясно, какое смутное и хаотическое время переживаетъ художественная жизнь Москвы: художники такъ перетасовались въ различныхъ политическихъ комбинаціяхъ, что единственный возможный возвратъ къ нормальнымъ историческимъ группировкамъ представляется лишь при осуществленіи того плана, который пропагандируетъ въ настоящее время К. В. Кандауровъ: устройство всѣхъ картинныхъ выставокъ одновременно въ одномъ и томъ же большомъ помѣщеніи, распредѣливъ непримиримыя художественныя группы отдѣльно по этажамъ и заламъ; тогда „Міръ Искусства“, „Союзъ“, „Товарищество“, „Золотое Руно“, „Бубновый Валетъ“ сгруппируются нормально, не нуждаясь ни въ перебѣжчикахъ, ни въ гастролерахъ, подъ своими старыми флагами, и соединеніе ихъ подъ единой крышей образуетъ единственный возможный для Москвы „Салонъ“.

При этомъ, какъ утверждаютъ, вопросъ о помѣщеніи, такой трудный для каждой отдѣльной выставки, разрѣшается гораздо легче, не говоря уже о той экономіи средствъ, которая окажется при осуществленіи такой комбинаціи. И только тогда можно будетъ опредѣленно говорить о группахъ и школахъ современнаго искусства. Тогда „Міръ Искусства“ будетъ знаменовать, дѣйствительно, методъ и культурную традицію; „Союзъ“—тенденцію „нутра“ и собраніе признанныхъ публикой московскихъ авторитетовъ; „Руно“ или „Роза“ — школу московскихъ идеалистовъ съ декоративными тенденціями; „Валетъ“—крайнія теченія новаго реализма; „Товарищество“—широкій и чуткій воспреемникъ всѣхъ молодыхъ и новыхъ теченій московской художественной жизни, рядомъ съ тѣмъ синтетическимъ теченіемъ живописи, которое, съ одной стороны, находитъ себѣ выраженіе въ Богаевскомъ, съ другой—въ Сарьянѣ.

То же самое нужно сказать о скульпторахъ. Сейчасъ выставляютъ, въ сущности, только три скульптора: Голубкина, Коненковъ и Матвѣевъ. Къ нимъ можно еще присоединить молодого, но обѣщающаго Ленскаго. И сами эти скульпторы разошлись безъ всякой видимой причины по отдѣльнымъ выставкамъ, и произведенія свои они еще дробятъ, выставляя сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Имъ было бы необходимо сосредоточиться на какой-нибудь одной выставкѣ и имѣть свою собственную отдѣльную отъ живописи залу, какъ это обычно и дѣлается на большихъ выставкахъ.

II.

Современное русское искусство за послѣднее десятилѣтіе растеклось столькими рукавами, и былыя тенденціи отдѣльныхъ группъ стали настолько крайними и обостренными, другъ друга взаимно исключающими, что обнять ихъ всѣ единымъ пониманіемъ и принять единымъ вкусомъ крайне трудно. Отъ критика требуется теперь много терпимости и эклектизма. Немыслимо любовь къ Сомову совмѣстить съ любовью, наприм., къ Гончаровой или Лентулову. „Новое“ искусство, оставаясь хронологически еще дѣйствительно *новымъ*, уже породило внутри себя всѣ направленія отъ крайнихъ правыхъ до крайнихъ лѣвыхъ: отъ академіи въ дурномъ смыслѣ („Союзъ“) и академіи въ хорошемъ смыслѣ („Міръ Искусства“) до крайнихъ революціонныхъ группъ, идеалистически-декоративной—„Голубой Розы“ и реалистической—„Бубноваго Валета“. Поэтому единственный критерій для того, кто хочетъ говорить о „новомъ“ искусствѣ во всей его широтѣ, не совершая грубыхъ и несправедливыхъ ошибокъ въ оцѣнкѣ,—это судить только о высотѣ достиженій, принимая безъ протеста справедливость и нужность самыхъ крайнихъ устремленій.

Самымъ неожиданнымъ и радостнымъ явленіемъ этого года былъ, на мой взглядъ, Сарьянъ. Къ сожалѣнію, онъ выставилъ сразу на всѣхъ выставкахъ: и въ „Мірѣ Искусства“, и въ „Союзѣ“, и въ „Товариществѣ“, и въ „Салонѣ“. Это сдѣлало то, что той цѣльности и убѣдительности, которую могли бы имѣть его произведенія, собранныя въ одной залѣ, они не имѣли. Но зато получалась возможность сравнить его съ самыми различными художниками и убѣдиться наглядно въ его силѣ и оригинальности. Лучшее въ Сарьянѣ — то, что его индивидуальность сразу нашла для себя точно соотвѣтствующія формы выраженія, вполнѣ самостоятельныя, очень культурныя и очень увѣренныя. Это—художникъ, нашедшій свой стиль, и это рѣзко отличаетъ его отъ П. Кузнецова, Миліоти, Судейкина, которые изобрѣли себѣ характерный почеркъ, отличающій ихъ отъ другихъ, но не смогли подняться до высоты стиля. Стиль вытекаетъ только изъ всего творческаго существа художника и выражаетъ его цѣликомъ. Появленіе Сарьяна въ то же время отмѣчаетъ грань новаго отношенія къ Востоку. Такого Востока, такого Константинополя еще не знала русская живопись. Да и среди французскихъ оріенталистовъ, гдѣ первенствующее мѣсто занимаетъ искренній, но сантиментальный и старомодный Динэ, не найдется ни одного, который могъ бы сравниться съ Сарьяномъ. Силы Сарьяна не въ его темахъ и не въ полнотѣ *разсказа* о жизни Востока. Но Востокъ встаетъ и говоритъ у него во всемъ: и въ манерѣ класть краску, и въ подборѣ тоновъ, и въ характерѣ мазковъ. Чувствуется, что это видитъ не глазъ посторонняго зрителя-европейца, а глазъ *своего*. Оттого этотъ глазъ и останавливается не на тѣхъ общихъ мѣстахъ, на которыхъ остановился бы глазъ другого художника, а на небольшихъ характерныхъ подробностяхъ. И подборъ этихъ подробностей рождаетъ дѣйствительную галлюцинацію Востока. Будучи самъ человѣкомъ Востока, Сарьянъ говоритъ на своемъ восточномъ живописномъ языкѣ. Въ его живописи странно преобразились и турецкія лубочныя картинки изъ Мекки, и элементы татарскаго цвѣточнаго орнамента, и любимыя Востокомъ тона тканей, ковровъ, изразцовъ, эмалей, персидскихъ миніатюръ. У европейца эти элементы такъ и остались бы элементами, а у Сарьяна они органичны, внутренно и живо слиты, и нѣтъ возможности ихъ отдѣлить и анализировать. Чувствуется, что онъ бѣгло и внятно говоритъ, но никакъ не по-русски, а на какомъ-то опредѣленномъ восточномъ языкѣ, который онъ самъ создалъ. Но этотъ языкъ все же

понятенъ намъ, потому что онъ построенъ на культурныхъ основахъ, выработанныхъ послѣдними десятилѣтіями европейской живописи. Подходъ Сарьяна къ Востоку чисто импрессіонистическій, но у Сарьяна есть чувство рисунка, доведеннаго до высшей простоты, и такое же чувство упрощенія тона. Онъ можетъ однимъ синимъ пятномъ безъ всякихъ деталей облить силуэтъ кувшина, и вѣрность его глаза такова, что кувшинъ этотъ кажется матеріальнымъ и выпуклымъ. Мнѣ кажется, что сейчасъ никто изъ художниковъ не обладаетъ въ такой степени, какъ Сарьянъ, способностью вызывать галлюцинаціи. Иногда при первомъ взглядѣ на его картины глазъ, не привычный къ такой простотѣ манеры, бываетъ ошеломленъ и сбитъ съ пути. Онъ не можетъ сразу дать себѣ отчетъ, чему соотвѣтствуютъ эти коричневыя, черныя или густо-синія пятна. Но только что отведешь глаза отъ непонятной въ первый моментъ картины, какъ тотчасъ же гдѣ-то, внутри глаза, встаетъ галлюцинація восточной улицы, ослѣпляющаго солнца, коричневыхъ лицъ, темно-синихъ, какъ сливы, буйволовъ...

Только два художника въ настоящее время понимаютъ и творятъ югъ—Сарьянъ и Богаевскій, но оба они стоятъ на двухъ полюсахъ современныхъ художественныхъ устремленій. Сарьянъ—аналитикъ, Богаевскій—синтетикъ. Сарьянъ подходитъ къ реальнымъ подробностямъ жизни; Богаевскій вызываетъ видѣнія несуществующихъ священныхъ южныхъ странъ. Сарьянъ ищетъ изображеній конкретнаго; Богаевскій—воплощеній идеальнаго внутренняго міра своей души. И вмѣстѣ съ тѣмъ оба такъ далеко ушли каждый по своей дорогѣ, что концы ихъ путей гдѣ-то переплетаются: конкретности Сарьяна становятся галлюцинаціями, а прекрасные сны Богаевскаго имѣютъ убѣдительность конкретныхъ реальностей.

Напомнимъ путь Богаевскаго за послѣдніе годы. Онъ впервые созналъ себя художникомъ, когда началъ писать безотрадныя, каменистыя пустыни, окружающія Ѳеодосію. Затѣмъ его душа, заблудившаяся въ этихъ пустыняхъ, начала галлюцинировать, точно такъ же, какъ галлюцинируетъ путникъ, томимый жаждой, о ключахъ воды и о большихъ деревьяхъ. Этими призрачными водами и призрачными деревьями Богаевскій и населилъ свою выжженную и скорбную Киммерію. Въ его картинахъ прошлыхъ лѣтъ—въ его „Алтаряхъ“, въ его „Южной странѣ“, въ его „Древней землѣ“—вставали именно эти фата-моргана пустыни. Въ этомъ году онъ далъ рядъ картинъ и акварелей, представляющихъ итоги его путешествія по Италіи. То, что было лишь миражами, теперь стало реализоваться. Но напрасно бы мы искали въ его картинахъ живого пейзажа Италіи. Это та Италія, которую онъ увидѣлъ въ глубинѣ пейзажныхъ фоновъ старыхъ мастеровъ. Его пейзажи отдѣлены отъ насъ прозрачною толщей времени. Мы видимъ ихъ сквозь магическое, но запыленное стекло. Кромѣ видѣнія немыслимыхъ странъ, въ нихъ есть еще потемнѣвшее великолѣпіе драгоцѣнной вещи. Художественная искренность и добросовѣстность заставили его подойти къ итальянскимъ мастерамъ ученикомъ, но не ученикомъ повторяющимъ, а ученикомъ претворяющимъ. Его картина „Подражаніе Мантеньѣ“, пріобрѣтенная Третьяковской галлереей, и акварельный эскизъ къ ней, выставленный въ „Товариществѣ“, являются образцомъ и примѣромъ такого истиннаго ученичества. Этотъ уклонъ къ Италіи представляется мнѣ въ творчествѣ Богаевскаго очень важнымъ, но временнымъ: корни, связывающіе его съ киммерійской областью, въ которой онъ выросъ, слишкомъ крѣпки, и онъ снова вернется къ своей пустынѣ, но уже съ иными возможностями.

И въ смыслѣ метода, и въ смыслѣ природныхъ возможностей Богаевскій

представляетъ противоположность Сарьяну. Богаевскому не даны были отъ природы тѣ чудесныя возможности живописныхъ воплощеній, которыми обладаетъ Сарьянъ, какъ бы безсознательно. Отъ природы въ него были вложена душа художника и великая любовь къ древней южной землѣ. Природнаго, легкаго дара красокъ и линій у него не было. Его первыя картины черны и тяжеловѣсны. Судьба его сходна въ этомъ отношеніи съ судьбой великихъ ораторовъ—Демосѳена и Питта, которые отъ природы были косноязычны и стали великими потому, что волею преодолѣли въ себѣ косноязычіе. Точно такое же косноязычіе преодолѣлъ въ себѣ Богаевскій по отношенію къ колориту и композиціи. И потому слова его звучатъ теперь такъ неотвратимо убѣдительно и къ его дальнѣйшему пути относишься съ такимъ глубокимъ довѣріемъ.

Ни одинъ шагъ не достался ему даромъ, зато ни отъ одной черты, имъ сдѣланной, теперь онъ не отступится.

III.

Послѣ двухъ художниковъ, законченныхъ въ своихъ *достиженіяхъ*, мнѣ хочется говорить о наиболѣе яркихъ *устремленіяхъ* этого года. „Бубновый Валетъ“ былъ самой крайней и самой дерзкой изъ художественныхъ выставокъ этой зимы. Подобно почти всѣмъ первымъ выступленіямъ цѣльныхъ и сильныхъ молодыхъ группъ въ искусствѣ, выступленіе это сопровождалось веселостью, извѣстной долей озорства и глумленіемъ надъ вкусами средней публики. Но такъ какъ всѣ упреки и осужденія, которыя можно было высказать по поводу „Бубноваго Валета“ уже были высказаны художественной критикой, то я могу позволить себѣ, не касаясь недостатковъ, говорить только о томъ, что было тамъ цѣннаго.

Теченіе „Бубноваго Валета“ интересно своимъ отношеніемъ къ *вещности*, къ *предметности* видимаго міра. Импрессіонисты поссорились съ осязаніемъ. Съ эпохи импрессіонистовъ всѣ предметы стали только трамплинами солнечнаго свѣта. Для нихъ перестало какъ бы существовать то вещество, изъ котораго построенъ осязаемый міръ, перестали существовать предѣлы и грани этого вещества. Они сознательно отказались отъ знанія вещей, и стали писать только воздухъ, обнимающій предметы и преломляющій въ себѣ отраженные лучи. По замѣчанію Сизерана, импрессіонисты выѣзжали изъ Парижа съ утреннимъ поѣздомъ, писали весь день этюды и возвращались обратно съ вечернимъ поѣздомъ. Поэтому изъ всѣхъ часовъ дня они чаще всего изображали полдень, и въ пейзажахъ ихъ чувствовалось, что они никогда не проходили по той землѣ, которую писали, а смотрѣли на нее издали.

Реакцію, которая возникла противъ отвлеченно-научныхъ принциповъ теоріи свѣта, принятой импрессіонистами, можно характеризовать слѣдующими словами Поля Клоделя: „Кто не будетъ смущенъ утвержденіемъ принятой теоріи, что цвѣтъ представляется слѣдствіемъ поглощенія всѣхъ красочныхъ лучей, за исключеніемъ того, въ ливрею котораго предметъ одѣтъ? Мнѣ хочется думать именно наоборотъ, что то, что составляетъ видимое качество каждой вещи, и есть ея отличительное и подлинное свойство и что цвѣтъ розы составляетъ ея качество настолько же, какъ ея запахъ. Цвѣтъ — это страсть вещества“.

Научная теорія можетъ утверждать свои логически обоснованныя истины, но внутреннее чувство художника протестуетъ противъ нихъ во имя внутренняго интуитивнаго познанія самой души вещи. Начало этого протеста противъ импрессіонизма можно прослѣдить въ одномъ изъ писемъ Ванъ Гога, гдѣ онъ пишетъ: „Я нахожу, что все, чему я учился въ Парижѣ, ни къ чорту не годно, и опять возвращаюсь къ тому, что мнѣ казалось истиннымъ въ деревнѣ до

знакомства съ импрессіонистами. Меня совсѣмъ не удивило бы, если бы импрессіонисты нашли много недостатковъ въ моей работѣ, которая скорѣе проникнута вліяніемъ Делакруа, чѣмъ ихъ. Вмѣсто точной передачи того, что я вижу передъ собою, я распоряжаюсь красками самовольно. Я хочу прежде всего достигнуть сильнаго выраженія... Поясню мою мысль на примѣрѣ: я рисую знакомаго художника, человѣка, которому снятся великіе сны и который работаетъ, подобно тому, какъ соловей поетъ, потому что его природа такова. Этотъ человѣкъ долженъ быть блондиномъ. Всю любовь, которую я къ нему чувствую, я бы желалъ вложить въ картину. Сперва я нарисую его такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, но это только начало. Этимъ картина еще не окончена. Тогда я начну писать произвольно. Я подчеркну бѣлокурый цвѣтъ волосъ, пущу въ ходъ оранжевую краску, хромовую и матовую лимонно-желтую, а за головой, вмѣсто банальной комнатной стѣны, я изображу безконечность. Сдѣлаю простой фонъ самаго яркаго голубого цвѣта, такъ сильно, какъ это только позволяетъ палитра. Благодаря этому простому сочетанію, бѣлокурая, освѣщенная голова на ярко-голубомъ фонѣ, будетъ производить таинственное впечатлѣніе, какъ звѣзда въ темномъ эѳирѣ".

Этотъ цѣнный психологическій документъ указываетъ начало той реакціи, каторая возникла противъ первичнаго, чистаго импрессіонизма. Тѣ опредѣленныя темныя линіи, которыми Гогэнъ обводилъ свои фигуры, служили показателемъ того, что живопись вновь подходила къ осязательному познанію вещества. Съ одной стороны, Ванъ-Гоговское пониманіе цвѣта, какъ страсти вещества, съ другой стороны, Гогэновское исканіе истиннаго силуэта каждой вещи вернули живопись къ той полнотѣ выразительности, которую она утратила при первыхъ импрессіонистахъ. Съ тѣхъ поръ реалистическое теченіе живописи все больше и больше шло въ сторону характеристики предметовъ посредствомъ наиболѣе простой линіи силуэта и наиболѣе простого и интенсивнаго цвѣта. Въ этихъ упрощеніяхъ пятенъ и въ доведеніи ихъ до послѣднихъ предѣловъ красочной выразительности — больше всѣхъ работалъ Матиссъ. Его вліяніе на „Бубновыхъ Валетовъ" несомнѣнно, хотя оно переплетается у нихъ и съ большой любовью къ Сезанну и съ отдаленными воспоминаніями о Ванъ-Гогѣ. Нужно принять въ соображеніе, что въ то время, какъ во Франціи каждая ступень живописи характеризовалась отдѣльнымъ именемъ и цѣлой эпохой, къ намъ эти имена приходили вовсе не въ хронологически-послѣдовательномъ порядкѣ ихъ эволюціи, но случайно, соотвѣтственно новымъ пріобрѣтеніямъ С. И. Щукина и И. А. Морозова. И хотя французскій импрессіонизмъ и всѣ теченія, пошедшія отъ него, представлены теперь въ Москвѣ, быть можетъ, даже полнѣе, чѣмъ въ Парижѣ, но молодые русскіе художники были, къ сожалѣнію, лишены знанія той логической послѣдовательности, въ которой развивалась живопись послѣдней четверти вѣка, и принимали сразу лишь послѣдніе выводы французскаго искусства, безъ долгаго и поучительнаго пути къ нимъ.

Въ настоящее время послѣднее слово живописнаго реализма въ Россіи представляетъ стремленіе къ самой крайней *вещности*. Предметъ изображенный долженъ быть только тѣмъ предметомъ, который онъ есть, и всѣми своими свойствами утверждать свое собственное существованіе. Живопись должна стать своего рода идеографическимъ письмомъ, знающимъ только одни собственныя имена. Самой характерной и самой наивной картиной „Валета" былъ въ этомъ смыслѣ „Хлѣбъ" Ларіонова. У художника не было никакого замысла иного, кромѣ утвержденія, что хлѣбъ—есть хлѣбъ, что онъ круто замѣшанъ, хорошо пропеченъ и поджаристъ. Эта

тенденція утвержденія вещи самой въ себѣ привела „Валетовъ“ къ тому стилю, который существовалъ въ Россіи давно, со своими опредѣленными традиціями и законами: къ стилю лавочныхъ вывѣсокъ. Что должна дѣлать вывѣска, какъ не провозглашать собственныя имена предметовъ, находящихся внутри лавки? Мелочная лавка провозглашаетъ сахарную голову въ синей рубашкѣ и пирамиды свѣчъ; мясная — провозглашаетъ золотого быка на охровомъ обрывѣ и двухъ коровъ внизу; химическая чистка платья выражается связкой змѣящихся и развивающихся лентъ, пивная— кружкой пива съ пѣной черезъ край и т. д. Къ такимъ же простымъ утвержденіямъ видимаго міра пришли и „Валеты“. Прославившійся „Автопортретъ и портретъ Петра Канчаловскаго“ И. Машкова былъ такою лавочной вывѣской: тамъ было поименовано все, что можно найти въ „Бубновомъ Валетѣ“: Машковъ и Канчаловскій, атлетизмъ, испанскія пѣсни, скрипки, бутылки ликера, цвѣты, піанино, гири, Сезаннъ, Ванъ-Гогъ и Библія.

Въ сущности одинъ Ларіоновъ остался въ предѣлахъ этого лапидарнаго стиля. Остальные очень усложнили его: Гончарова работаетъ въ болѣе сложныхъ формахъ композиціи лубочныхъ картинокъ, Машковъ часто нарушаетъ вывѣсочную упрощенность своими колоритными замыслами, Канчаловскій культивируетъ стиль популярной афиши, Лентуловъ овощную вывѣску трактуетъ, какъ фреску, а религіозныя композиціи, какъ овощную вывѣску. Но все же всѣ они болѣе или менѣе связаны общимъ стилемъ. Если бы они не ограничились одной артистической манифестаціей своихъ живописныхъ устремленій, а примѣнили бы ее къ жизненнымъ потребностямъ города, т.-е. дѣйствительно занялись бы писаніемъ вывѣсокъ для магазиновъ и лавокъ, то они могли бы сыграть дѣйствительно большую историческую роль въ дѣлѣ преображенія лика современной улицы,—еще большую чѣмъ сыграли Шере и другіе художники плакатовъ. Вывѣска гораздо больше опредѣляетъ физіономію улицы, чѣмъ афиша, уже потому, что она всегда виситъ на своемъ мѣстѣ. Въ Парижѣ художниками дѣлались лишь слабыя попытки заняться писаніемъ вывѣсокъ. Помню вывѣску, написанную Вилетомъ для кафе противъ Сенъ-Жерменъ-де-Пре. Истинный стиль вывѣски не былъ разрѣшенъ имъ. У „Валетовъ“ больше данныхъ для того, чтобы осуществить это непривычное, но художественно-необходимое дѣло; они могли бы въ нѣсколько лѣтъ измѣнить красочное лицо улицы. Теперь ихъ картины, выставленныя въ залахъ выставокъ, производятъ на глазъ колючее и рѣжущее впечатлѣніе: слѣдствіе неподобающаго имъ мѣста. А когда Канчаловскій недавно декорировалъ залу купеческаго клуба для бала „Ночь въ Испаніи“, это оказалось великолѣпно. Самыми примитивными средствами, не измѣняя грубой и широкой манерѣ письма, онъ, когда ему дали записать цѣлую залу со всѣхъ сторонъ, создалъ декорацію Испаніи, утонченную въ своей точности и выразительности. Этотъ опытъ указываетъ на то, что „Валетамъ“ надо нести на улицу свое искусство, потому что имъ тѣсно въ комнатахъ и тѣсно рядомъ другъ съ другомъ на картинныхъ выставкахъ. Глазъ требуетъ разбѣга для ихъ художественнаго воспріятія.

Максимиліанъ Волошинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

4. Книга о современномъ театрѣ.

„L'Art théâtral moderne“, par Jacques Rouché. Paris. Ed. Cornely et C-ie. IV+ 80 pp. P. 1910. Pr. 5 fr.

Послѣднее десятилѣтіе отмѣчено цѣлымъ рядомъ разнообразнѣйшихъ опытовъ въ области театра. Экспериментаторы самыхъ различныхъ направленій и вкусовъ какъ бы заключили въ реторты всѣ элементы сценическаго ху-

дожества: драму, актера, декораціи, гримъ, освѣщеніе, архитектуру сцены и театральнаго зданія; начиная съ разныхъ концовъ, руководствуясь въ экспериментахъ своихъ самыми разнообразными побужденіями, не объединенные никакой общей системой, они, конечно, пришли къ самымъ разнообразнымъ выводамъ, гдѣ случайная удача часто становилась закономъ, гдѣ, съ разныхъ сторонъ, выставлялись, какъ аксіомы, положенія, прямо исключающія другъ друга.

Жакъ Руше, директоръ любопытнаго парижскаго „Théâtre des Arts“, дѣлаетъ въ своей книгѣ обзоръ, главнымъ образомъ, тѣхъ исканій, которыя были направлены на выясненіе роли декоративныхъ элементовъ въ искусствѣ сцены и на усовершенствованіе ихъ техники. Отдѣльныя главы его книги посвящены *театру въ Германіи, театру въ Россіи, замысламъ Эдв. Гордона Крейга, Адольфа Аппіа* и, наконецъ, *вопросу о паддугахъ*, вопросу чисто техническому и врядъ ли дѣйствительно важному въ судьбахъ сценическаго искусства.

Говоря объ исканіяхъ современнаго нѣмецкаго театра, Руше прежде всего обращается къ книгѣ Георга Фукса „Die Revolution des Theaters“ (уже появившейся въ русскомъ переводѣ). Богатая наблюденіями и результатами долголѣтняго опыта, она вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько отталкиваетъ той легкостью, съ которой авторъ разыгрываетъ роль соціолога, и нескрываемымъ его стремленіемъ выставить на видъ свои заслуги въ дѣлѣ обновленія театра. Имя Георга Фукса связано, главнымъ образомъ, съ идеей такъ называемой „рельефной сцены“. Этотъ видъ сцены предполагаетъ отсутствіе излишней глубины, и весь ходъ дѣйствія приближаетъ къ рампѣ, т.-е. къ зрителю. „Рампа,—утверждаетъ Фуксъ,—та грань между залой и сценой, гдѣ драматическія тѣлодвиженія актера превращаются въ душевныя движенія зрительнаго зала: здѣсь свершается единеніе публики и актера“. Законы сцены, по мнѣнію Фукса, требуютъ, чтобы тѣ дѣйствующія лица, на которыхъ въ данный моментъ сосредоточивается интересъ драмы, находились въ одной плоскости по отношенію къ публикѣ. Обычная, *глубокая* сцена препятствуетъ выполненію этого требованія. Она же ведетъ къ злоупотребленію численностью статистовъ, при изображеніи толпы, впечатлѣніе которой можетъ быть достигнуто и небольшимъ количествомъ фигурантовъ на рельефной сценѣ.

Фуксъ—сторонникъ упрощенія декоративныхъ средствъ и сохраненія за театромъ „театральности“, освобождающей его отъ необходимости гоняться за неумѣстнымъ на сценѣ реализмомъ. Изъ сподвижниковъ Фукса Руше останавливается, главнымъ образомъ, на художникѣ Фрицѣ Эрлерѣ, вмѣстѣ съ которымъ Фуксъ основалъ въ 1907 г. мюнхенскій „Künstler - Theater“. На этомъ театрѣ Эрлеръ осуществилъ свою постановку „Фауста“, въ которой, по собственному признанію, болѣе всего стремился выдвинуть на первый планъ фигуры и маски исполнителей: „...Центромъ театральнаго зрѣлища,—говоритъ Эрлеръ,—долженъ быть актеръ, а не окружающая его пустыня размалеваннаго холста, и аксессуары, дробящіе текстъ драматическаго произведенія“. Въ описаніи „Deutches Theater“ Рейнгарда Руше, къ сожалѣнію, ограничивается общими мѣстами и стертыми фразами „объ исканіи обобщенныхъ формъ текучихъ линій, связующихъ контуровъ.“ Съ большой тщательностью описываетъ онъ такое, чисто техническое приспособленіе, какъ вращающаяся сцена.

Въ главѣ, посвященной русскому театру, Руше довольно точно набрасываетъ сжатый историческій очеркъ новаторскихъ попытокъ: театръ „Студія“ (которому такъ и не пришлось открыть свои двери публикѣ), театръ Комиссаржевской и Художественный театръ. Той

экспериментальной работѣ, которая шла въ „Студіи“, Руше придаетъ особенное значеніе. Въ непосредственную связь съ ней онъ ставитъ достиженія театра Комиссаржевской. О Художественномъ театрѣ авторъ говоритъ словами Крейга: „Поѣдемте со мною въ Россію и я покажу вамъ театръ, который приведетъ васъ въ восхищеніе... У нихъ стремленіе къ изученію и къ опытамъ. Они живутъ въ театрѣ круглый годъ и цѣлый день. Войдите въ Англіи въ театръ, когда нѣтъ репетиціи, вы застанете плотниковъ, администратора, быть можетъ, директора. Тамъ же, наоборотъ, театръ всегда полонъ работающихъ артистовъ... Всѣ учатся, начиная съ директоровъ и кончая самыми маленькими актерами“... Руше приводитъ описаніе постановки „Синей птицы“ и цѣлый рядъ снимковъ съ этой постановки.

Имя Гордона Крейга не разъ появлялось на столбцахъ нашей ежедневной прессы въ связи съ постановкой „Гамлета“. Это имя всегда было окружено нѣкоторой таинственностью; о замыслахъ Крейга распространялись самыя разнообразныя и мало отчетливыя версіи. Нѣсколько страницъ книги Руше бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на личность и идеи Крейга, хотя и тутъ онъ не выступаетъ съ достаточной ясностью очертаній. Эдвардъ Гордонъ Крейгъ, сынъ знаменитой англійской актрисы Элленъ Терри, всегда вращался въ театральныхъ кругахъ и самъ девять лѣтъ былъ актеромъ. Затѣмъ, разочарованный условіями сценическаго художества, несовершенствомъ и нехудожественностью сценической техники, онъ посвятилъ себя исканію новыхъ возможностей. Какъ и Фуксъ, Крейгъ отвергаетъ реализмъ: „Не реализмъ, а стиль!“ требуетъ онъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи самъ художникомъ и полагая большую важность въ сценической живописи, онъ заявляетъ: „Режиссеръ, даже культурный, но не художникъ, такъ же нуженъ въ театрѣ, какъ палачъ въ больницѣ“.

При постановкѣ драмы Крейгъ прежде всего старается найти отношеніе между сценической рамкой и дѣйствующими лицами и тѣ тона, какіе, по его мнѣнію, „выражаютъ“ данное дѣйствіе. Такъ, Гамлета онъ представляетъ себѣ „душой, помѣщенной въ холодное и безконечное пространство“. Все дѣйствіе „Макбета“ представляется ему разбитымъ на два тона: на тонъ скалы и ея воинственныхъ обитателей и на тонъ тумана и населяющихъ его духовъ. Нельзя сказать, чтобы въ такихъ положеніяхъ таилось достаточно опредѣленное указаніе на нѣкоторое точное сценическое воплощеніе, и этимъ, быть можетъ, и объясняется неудача Крейга съ постановкой „Гамлета“ на сценѣ московскаго Художественнаго театра. Приложенные къ книгѣ Руше эскизы Крейга представляютъ собой образчики любопытной графики, хотя и не лишены дилетантства.

Послѣднія страницы книги Руше посвящены чисто техническимъ вопросамъ, главнымъ образомъ, пріемамъ освѣщенія, найденнымъ Адольфомъ Аппіа, и устраненію „паддугъ“ при помощи купола Фортуни.

„Паддугами“ на языкѣ театральной техники называются тѣ полосы закрашеннаго холста, которыя, будучи протянуты вдоль верхней стороны сцены, должны представлять собою какъ бы продолженіе неба, изображеннаго на „задникѣ“, и закрывать отъ взора сидящихъ въ партерѣ „колосники“ и всякія, вообще, приспособленія, помѣщенныя надъ сценой. Какъ бы хорошо ни были подкрашены паддуги, все же онѣ никогда не даютъ иллюзіи. Чтобы устранить ихъ, декораторы до сихъ поръ прибѣгали къ перепетающимся вѣтвямъ деревьевъ на первомъ планѣ, что, однако, не всегда возможно и вноситъ большое однообразіе въ декоративные замыслы. Эти неудобства устраняются „куполомъ Фортуни“, представляющимъ изъ себя проволочный складной каркасъ (нѣчто вродѣ пролеточнаго „верха“), на

которомъ пневматически натянутъ плотный холстъ. Надлежащимъ способомъ освѣщенный, этотъ сферическій холстъ даетъ довольно полную иллюзію небосвода и представляетъ широкую возможность для панорамныхъ композицій. „Куполу Фортуни“ соотвѣтствуетъ очень сложная и остроумная система освѣщенія, сила и оттѣнки котораго измѣняются вращающимися экранами различныхъ окрасокъ.

Думается, что въ направленіи техническомъ усовершенствованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и усложненіе декоративныхъ пріемовъ можетъ итти безгранично, но врядъ ли въ этомъ—рѣшеніе вопросовъ сценическаго художества. Припоминаются слова Шатобріана: „Точность въ воспроизведеніи неодушевленныхъ явленій возвѣщаетъ упадокъ... Довольствуются маленькими красотами, чувствуя свое безсиліе передъ лицомъ великихъ красотъ; подражаютъ, до обмана, бархату кресла, когда не могутъ написать лицо человѣка, сидящаго въ этомъ креслѣ“ (Essai sur la littérature anglaise). Въ наши дни повсюду чувствуется стремленіе отбросить балластъ сложныхъ приспособленій, тяжелымъ бременемъ легшій на искусство сцены. И любопытно отмѣтить здѣсь, что почти одновременно съ появленіемъ книги Руше и съ его любопытными декоративными попытками на сценѣ „Théâtre des Arts“ („Le carnaval des enfants“ по эскизамъ де-Тома, „Le Sicilien“ по эскизамъ Дреза) въ Парижѣ возникло новое интересное предпріятіе, отрицающее всѣ тѣ достиженія, о которыхъ говоритъ книга Руше: это предпріятіе—„Théâtre sans décors“—театръ безъ декорацій, возникшій по почину Габріэля Бернара и Шарпантье, привлекшихъ къ этому любопытному начинанію Рони-старшаго.

А. Койранскій.

III. Естествознаніе.

О русскихъ работахъ по зоогеографіи.

II.

П. П. Сушкинъ: „Птицы средней Киргизской степи“ (Тургайская область и восточная часть Уральской). Съ 1 хромолитогр. и 7 фототип. М., 1908 г. Ц. 7 р. 50 к.—*В. Н. Бостонжогло:* „Орнитологическая фауна Арало-Каспійскихъ степей“. Съ 2 карт. М., 1911 г. Ц. 2 р. 50 к.

Только что вышедшая работа г. Бостонжогло заставляетъ насъ остановиться не только на ней, но и на работѣ проф. Сушкина, такъ какъ, захватывая смежные районы, та и другая, вмѣстѣ взятыя, позволяютъ довольно ясно представить себѣ, въ какомъ отношеніи интересны Киргизскія степи и Арало-Каспійская область съ зоологической стороны. Прежде всего изслѣдованіе ихъ вызывалось необходимостью связать хорошо изученную зоологически область Урала съ относительно хорошо извѣстнымъ съ той же стороны Туркестаномъ. Тогда какъ Уралъ и сопредѣльныя страны изслѣдовались отчасти мѣстными научными силами, отчасти членами столичныхъ ученыхъ обществъ, изслѣдованіе Туркестана сопровождало постепенное присоединеніе этого края къ Россіи, и только за послѣднее десятилѣтіе въ немъ тоже работаютъ мѣстные изслѣдователи. Такимъ образомъ до Киргизскихъ степей или не доходили, или черезъ нихъ только проѣзжали. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Киргизскія степи, даже въ ихъ восточной части, совсѣмъ не видали натуралистовъ, которые поинтересовались бы ихъ фауной, но то, что до начала девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ нихъ было сдѣлано, было столь мало, что мы съ пол-

нымъ правомъ могли ихъ считать зоологически неизвѣстными. Проф. Сушкинъ посѣтилъ Тургайскую область дважды, въ 94 и 98 г., каждый разъ оставался тамъ около 7 мѣсяцевъ и въ общемъ собралъ до 2000 экз. птицъ.

Обработавъ свои наблюденія вмѣстѣ со всѣмъ литературнымъ матеріаломъ, проф. Сушкинъ далъ объемистый трудъ, столь же богатый по собраннымъ въ немъ частнымъ свѣдѣніямъ, сколько и интересный по общимъ выводамъ. Останавливаясь только на послѣднихъ, мы должны отмѣтить, что авторъ не находитъ возможнымъ объяснить всѣхъ фаунистическихъ особенностей изслѣдованнаго имъ района современными условіями и считаетъ необходимымъ обратиться къ геологическимъ даннымъ. Указывая на удивительное совмѣстное существованіе нѣкоторыхъ сѣверныхъ и южныхъ птицъ, проф. Сушкинъ видитъ въ этомъ пережитки вліянія ледниковаго періода. Эта мысль еще ранѣе высказывалась авторомъ настоящей замѣтки и затѣмъ г. Назаровымъ, но, можетъ быть, Сушкину удалось привести въ ея подтвержденіе наиболѣе детально подобранныя свѣдѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ сообщаются новыя данныя объ ископаемыхъ млекопитающихъ, позволяющія установить большія измѣненія, происшедшія въ потретичное время какъ въ самомъ видѣ страны, такъ и въ ея климатѣ. Распространеніе нѣкоторыхъ птицъ проф. Сушкинъ связываетъ съ распространеніемъ Арало-Каспійскаго моря въ ледниковую эпоху къ сѣверу до 48 параллели. Второй общій вопросъ большой важности, на которомъ останавливается проф. Сушкинъ,—вопросъ о перелетѣ птицъ въ Киргизской степи. Тогда какъ одни зоологи утверждаютъ, что птицы слѣдуютъ во время своихъ весеннихъ и осеннихъ перелетовъ опредѣленными путями, другіе утверждаютъ, что птицы передвигаются лишь въ извѣстныхъ направленіяхъ, но захватывая широкую зону, какъ бы армія, двигающаяся развернутымъ фронтомъ. Авторъ книги справедливо указываетъ, что огромная открытая площадь изслѣдованной имъ мѣстности давала широкій просторъ для наблюденій съ цѣлью провѣрки того и другого взгляда, и приходитъ къ опредѣленному заключенію, что пролетные пути птицъ дѣйствительно существуютъ. Тамъ, гдѣ, казалось бы, ничто не мѣшаетъ птицамъ летѣть, мѣняя направленіе или въ разсыпную, можно было замѣтить, что для особей одного и того же вида, но слѣдующихъ изъ разныхъ частей страны, имѣются свои пролетные пути, пересѣкающіеся въ опредѣленныхъ мѣстахъ, которыя могутъ быть названы узловыми точками. Проф. Сушкинъ собралъ чрезвычайно обильный матеріалъ, не только подтверждающій существованіе пролетныхъ путей, но и выясняющій ихъ направленіе въ изслѣдованной имъ области, и по отношенію къ нѣкоторымъ видамъ даетъ прямо поразительныя наблюденія.

Къ книгѣ приложенъ цѣлый рядъ фотографій, хорошо передающихъ мѣстныя особенности края, гнѣздовыя станціи нѣкоторыхъ птицъ и т. д.

Что касается работы г. Бостонжогло, то она относится къ области, примыкающей къ району изслѣдованій проф. Сушкина съ запада и съ юга; слѣдовательно, это область нижняго Поволжья, р. Урала и степей, разстилающихся у сѣвернаго угла Аральскаго моря. Въ общемъ эта область посѣщалась многократно нашими натуралистами; покойный Карелинъ даже долгое время жилъ въ Гурьевѣ, производя наблюденія въ дельтѣ р. Урала, но, какъ извѣстно, большая часть наблюденій и почти всѣ гурьевскія коллекціи Карелина погибли для науки. Съ другой стороны, многочисленные списки животныхъ разныхъ частей арало-каспійскаго края нуждались въ провѣркѣ на новомъ матеріалѣ, такъ какъ вызывали цѣлый рядъ сомнѣній въ точности опредѣленій. Поэтому работа г. Бостонжогло является весьма желательнымъ и цѣннымъ дополненіемъ къ имѣющимся въ нашихъ

рукахъ свѣдѣніямъ, тѣмъ болѣе что содержитъ и многочисленныя личныя наблюденія автора.

Хотя г. Бостонжогло обработалъ только орнитологическій матеріалъ, но попутно имъ былъ собранъ и другой зоологическій матеріалъ, напр., по рептиліямъ, а также и эмбріологическій. Изслѣдованія г. Бостонжогло начались въ 1904 г., когда онъ дважды, весною и осенью, посѣтилъ дельту Волги. Въ 1905 г. съ конца марта и до половины мая имъ было обслѣдовано сѣверное побережье Аральскаго моря и тянущіяся отъ него къ сѣверу степи, а въ 1907 г., весною и въ началѣ лѣта, Уральская область. Собранныя коллекціи и наблюденія дали возможность автору рецензируемой работы сдѣлать обстоятельную сводку литературнаго матеріала и устранить многія ошибки относительно животнаго населенія юго-восточной Россіи. Что касается личныхъ наблюденій автора, то они во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно интересны, знакомя насъ съ совершенно своеобразными условіями жизни птицъ въ пріаральскомъ краѣ или раскрывая передъ нами роскошныя картины животной жизни въ низовьяхъ и особенно дельтѣ Волги. Но также интересны и общія соображенія автора относительно того мѣста, которое занимаетъ изслѣдованный имъ край въ Палеарктической области. Изученіе орнитологической фауны заставляетъ отнести большую часть арало-каспійскаго края къ сѣверному подраздѣленію Палеарктики и только пустынныя степи причислить къ ея южному отдѣлу. Но на нашъ взглядъ этотъ выводъ не совсѣмъ правиленъ, такъ какъ, беря всю фауну юго-восточной Россіи, мы несомнѣнно увидимъ въ ней примѣсь элемента пустынь. Все дѣло только въ томъ, что здѣсь, конечно, нѣтъ полной пустынной фауны, благодаря съ одной стороны близости полосы степей, съ другой,—обилію рѣчныхъ водъ, а вмѣстѣ съ ними и далеко проникающей къ югу по долинамъ рѣкъ лѣсной растительности. Одну изъ характерныхъ особенностей распространенія животныхъ въ пустыняхъ составляетъ ихъ спорадичное распространеніе, пріуроченное къ оазисамъ того или другого размѣра, того или другого характера, разбросанныхъ то рѣдко, то часто. Пустыни на огромномъ протяженіи могутъ быть почти безжизненны, а въ какомъ-нибудь оазисѣ поразить наблюдателя своимъ сравнительно богатымъ животнымъ населеніемъ. Въ пустынныхъ участкахъ юго-восточной Россіи эта спорадичность животнаго населенія выражена совершенно рѣзко за предѣлами рѣчныхъ долинъ, но составъ животнаго населенія, конечно, не типичный пустынный, особенно что касается птицъ. Не надо также забывать, что юго-восточная Россія изборождена многочисленными пролетными путями птицъ. Здѣсь пролегаетъ широкій путь изъ всей западной Сибири къ Каспійскому и Черному морю и обратно, въ свою очередь складывающійся изъ безчисленной сѣти большихъ и малыхъ пролетныхъ путей. Конечно обильный пролетъ стушевываетъ мѣстный характеръ фауны не только въ то время, когда происходитъ, но и вытекающими изъ него послѣдствіями.

Надо сказать, что г. Бостонжогло и самъ останавливается на вопросѣ о пролетѣ птицъ въ изслѣдованной имъ мѣстности и, въ свою очередь, сообщаетъ много очень цѣнныхъ наблюденій. Особенно замѣчательно чрезвычайно долговременное пребываніе въ пріаральскихъ степяхъ сѣверныхъ видовъ птицъ, въ значительной мѣрѣ пріуроченныхъ на гнѣздовьѣ къ тундрамъ. На первый взглядъ объясненіе столь продолжительнаго пребыванія сѣверныхъ видовъ въ описываемой мѣстности лежитъ просто въ признаніи ихъ здѣсь гнѣздящимися. Но этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ, и объясненіе столь аномальнаго явленія лежитъ въ природѣ той страны, гдѣ дѣйствительно гнѣздятся полярные виды птицъ: въ тундрѣ, съ

ея кратковременнымъ, но быстро развивающимся лѣтомъ, чѣмъ обусловливается чрезвычайная интенсивность въ жизненныхъ явленіяхъ обитателей тундры въ теченіе скоро преходящей полярной весны и лѣта. Г. Бостонжогло заканчиваетъ свою работу также выясненіемъ вопроса о томъ, существуютъ пролетные пути птицъ или нѣтъ. Къ книгѣ приложены двѣ карты: зоологическихъ участковъ края и проходящихъ по немъ пролетныхъ путей птицъ.

Взятыя вмѣстѣ, работы проф. Сушкина и г. Бостонжогло позволяютъ считать орнитологическое изслѣдованіе Киргизскихъ степей и прилежащихъ къ нимъ съ юга участковъ подвинувшимся настолько впередъ, что въ продолженіи здѣсь такихъ же изслѣдованій въ ближайшемъ будущемъ нѣтъ надобности. Теперь надо спускаться южнѣе, особенно въ области Усть-Урта, который фаунистически все еще остается terra incognita, тѣмъ болѣе что низовья Аму въ свою очередь относительно хорошо изслѣдованы. Но не надо забывать, что орнитологическія изслѣдованія не могутъ замѣнить собою вообще фаунистическихъ, и потому, съ удовольствіемъ констатируя фактъ, что заволжская Россія вмѣстѣ съ Уральской и Тургайской областями удовлетворительно изучены въ орнитологическомъ отношеніи, мы не можемъ не высказать пожеланія, чтобы фаунистическое изслѣдованіе этого огромнаго района теперь продолжалось въ другомъ направленіи, тогда какъ орнитологи могли бы съ большей пользой перенести свою дѣятельность въ юго-западную Россію.

М. А. Мензбиръ.

IV. Некрологъ.

А. И. Георгіевскій.—Н. К. Чурлянисъ.—А. И. Манташевъ.—А. К. Крупскій.—Б. В. Матыевичъ-Мацѣевичъ.—К. Я. Крыжицкій.—И. А. Антиповъ.—Е. П. Аквилоновъ.—К. Коронадо.—М. Соколовскій.—Э. Захаріасъ.—Томасъ Рупертъ Джонсъ.—Р. Кекуле фонъ-Страдоницъ.—М. Грейфъ.—Анна Жюдикъ.—О. Пухштейнъ.—І. Бота.—Э. Гезелеръ.—Ф. фонъ-Уде.—Л. Рети.—Э. Крофтсъ.—В. Гёцъ.—Берже.—К. Витковскій.—Б. Риль.—К. де-Смедтъ.—І. Вейверъ.—М. Альтшюллеръ.—М. Беллъ.—К. Нейманъ.—Э. Гельдеръ.—Г. Эспозито.—Э. Ганаузекъ.

Георгіевскій, Александръ Ивановичъ († въ апрѣлѣ 1911 г. на 81-мъ году жизни). Дѣятель русскаго офиціальнаго просвѣщенія. Въ 1854 г. занималъ каѳедру всеобщей исторіи и статистики въ одесскомъ Ришельевскомъ лицеѣ и состоялъ редакторомъ *Одесскаго Вѣстника*, издавалъ Новороссійскій Литературный сборникъ, принималъ близкое участіе въ еврейскихъ органахъ *Разсвѣтъ* и *Сіонъ*. Напечаталъ цѣлый рядъ ученыхъ и популярныхъ работъ и пріобрѣлъ ученую степень магистра всеобщей исторіи. Съ 1866 г. былъ редакторомъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, а съ 1873 года предсѣдателемъ ученаго комитета того же министерства. Одинъ изъ столповъ толстовскаго классицизма, дѣятельный помощникъ гр. Д. А. Толстого и И. Д. Делянова. Составилъ между прочимъ примѣчательную секретную записку о безпорядкахъ въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ свое время въ извлеченіяхъ оглашенную редакціей *Освобожденія*.

Чурлянисъ, Н. К. († въ мартѣ 1911 г.). Художникъ, литвинъ. На выставкѣ Союза русскихъ художниковъ въ 1909 г., вызвала много толковъ и споровъ его большая картина „Rex.“, поражавшая чрезвычайной оригинальностью художественной фантазіи и символикой. На выставкѣ Салона обратили на себя вниманіе его картины „Andante“ и „Allegro“, представляющія какъ бы сочетаніе му-

зыки и живописи. Послѣднимъ его произведеніемъ была мрачная картина „Всадникъ“ на выставкѣ „Міръ искусства“.

Манташевъ, Александръ Ивановичъ († въ апрѣлѣ 1911 г.). Извѣстный нефтепромышленникъ и кавказскій общественный дѣятель.

Крупскій, А. К. (род. въ 1845 г., † въ апрѣлѣ 1911 г.). Профессоръ петербургскаго технологическаго института по каѳедрѣ химической технологіи. Много содѣйствовалъ улучшенію и развитію методовъ преподаванія технологіи. Участвовалъ въ постройкѣ различныхъ химическихъ заводовъ. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ, касающихся химической промышленности въ Россіи и за границей.

Матыевичъ-Мацьевичъ, Бронисла́въ Витольдовичъ (род. въ 1882 г., † въ апрѣлѣ 1911 г.). Штабсъ-капитанъ, извѣстный авіаторъ. Прошелъ теоретическій авіаціонный курсъ въ Парижѣ, а затѣмъ въ школѣ авіаціи Луи Блеріо, гдѣ практически обучался управленію аэропланами. Первый установилъ всероссійскій рекордъ высоты полета въ 1,100 метровъ и на своемъ моноплан Блеріо взялъ „призъ русской женщины“, установивъ всероссійскій рекордъ скорости полета (92 версты). Погибъ во время полета въ Севастополѣ вмѣстѣ со своимъ братомъ Станиславомъ.

Крыжицкій, Константинъ Яковлевичъ (род. въ 1858 г., † въ апрѣлѣ 1911 г.). Замѣчательный художникъ-пейзажистъ. Въ 1889 г. получилъ званіе академика живописи, а въ 1900 г. былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ академіи художествъ. Его картины имѣются въ музеѣ Александра III, въ Третьяковской галлереѣ и въ провинціальныхъ музеяхъ. Окончилъ жизнь самоубійствомъ; подкладка этого, произведшаго сильное впечатлѣніе на общество, событія осталась неясна.

Антиповъ, И. А. (род. въ 1861 г., † въ апрѣлѣ 1911 г.). Горный инженеръ, преподаватель технологическаго института по курсу металлургіи.

Аквилоновъ, Е. П. († въ мартѣ 1911 г.). Протопресвитеръ военнаго духовенства. Въ 1905 г. за сочиненіе „О телеологическомъ доказательствѣ бытія Божія“ удостоенъ степени доктора богословія и назначенъ ординарнымъ профессоромъ Спб. духовной академіи. Перу его принадлежитъ рядъ статей по церковнымъ вопросамъ въ разныхъ духовныхъ журналахъ.

Коронадо Каролина († въ апрѣлѣ 1911 г., 91 года). Популярная испанская писательница. Ея первый сборникъ стиховъ вышелъ 70 лѣтъ тому назадъ. Написала цѣлый рядъ романовъ, повѣстей, драмъ и комедій, которыя въ Испаніи пользуются большой извѣстностью.

Соколовскій, Маріанъ (род. въ 1839 г., † въ мартѣ н. с.). Профессоръ исторіи искусства въ Краковѣ. Уроженецъ русской Польши. Главныя его труды относятся къ исторіи польскаго искусства XV и XVI вѣка. Былъ членомъ Краковской академіи наукъ.

Захаріасъ Эдуардъ (род. въ 1852 г., † въ мартѣ н. с.). Профессоръ и директоръ ботаническаго института въ Гамбургѣ. Извѣстенъ какъ талантливый популяризаторъ естествознанія.

Томасъ Рупертъ Джонсъ (род. въ 1819 г., † въ апрѣлѣ н. с.). Извѣстный геологъ, профессоръ лондонскаго университета и предсѣдатель геологическаго общества.

Кекуле фонъ-Страдоницъ, Рейнгардтъ (род. въ 1839 г., † въ мартѣ н. с.). Профессоръ берлинскаго университета, извѣстный археологъ, выдающійся знатокъ классическаго искусства. Онъ былъ директоромъ отдѣленія античной скульптуры берлинскаго музея, членомъ академіи наукъ и предсѣдателемъ археологическаго общества.

Грейфъ, Мартинъ (род. въ 1839 г., † въ мартѣ 1911 г.). Нѣмецкій поэтъ, настоящее имя котораго было Фридрихъ Германъ Фрей. Его лирическія стихотворенія выдержали нѣсколько изданій и пользуются широкой извѣстностью и популярностью, тогда какъ

драмы его, которымъ самъ авторъ придавалъ главное значеніе, большого успѣха не имѣли и лишены художественной цѣнности.

Жюдикъ, Анна († въ мартѣ 1911 г., 66 лѣтъ). Извѣстная опереточная актриса. Пользовалась огромнымъ успѣхомъ въ концѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ. Нѣсколько разъ выступала въ Петербургѣ и „попала“ въ сатиры Щедрина. Когда потеряла голосъ, то перешла въ комедію, гдѣ также имѣла большой успѣхъ.

Пухштейнъ, Отто (род. въ 1856 г., † въ мартѣ н. с.). Извѣстный археологъ, генеральный секретарь археологическаго института въ Берлинѣ. Участвовалъ въ научной археологической экспедиціи въ Малую Азію, собравшей огромный матеріалъ. Онъ сдѣлалъ также важныя археологическія изслѣдованія въ Нижней Италіи и въ Сициліи и описалъ древніе греческіе храмы въ этихъ мѣстахъ. Большою извѣстностью пользуется его книга о греческомъ театрѣ.

Бота, Іоганнъ (род. въ 1831 г., † въ апрѣлѣ н. с.). Голландскій ученый, извѣстный своими изслѣдованіями въ области электричества (*законъ Бота*), бывшій профессоръ и директоръ политехнической школы въ Дельфтѣ. Сложивъ съ себя эти обязанности, сдѣлался редакторомъ и самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ *Archives néerlandaises des sciences exactes et naturelles*. Былъ кураторомъ лейденскаго университета. Въ политической жизни былъ противникомъ клерикаловъ и сторонникомъ свободной народной школы.

Гезелеръ, Эрнстъ (род. въ 1844 г., † въ апрѣлѣ н. с.). Профессоръ высшей технической школы въ Ганноверѣ. Его работы въ области мостостроительства пользуются большою извѣстностью и за предѣлами Германіи.

фонъ-Удэ, Фрицъ († въ февралѣ 1911 г., 63 лѣтъ). Глава нѣмецкихъ сецессіонистовъ, знаменитый мюнхенскій художникъ. Писалъ картины преимущественно на библейскіе сюжеты, перенося ихъ въ обстановку современной нѣмецкой дѣйствительности. Его называли „идеалистомъ натурализма“. Вначалѣ онъ довольно долго занимался жанромъ и портретами, но славу ему доставили главнымъ образомъ его религіозныя картины, положившія начало новому направленію въ нѣмецкой живописи и вызвавшія толпу подражателей. Онъ изображалъ библейскія сцены въ современной и притомъ простонародной обстановкѣ. Наиболѣе популярныя изъ его картинъ: „Не возбраняйте дѣтямъ приходить ко Мнѣ!...“ (въ лейпцигскомъ музеѣ), „Къ намъ въ гости пожаловалъ Іисусъ!“ (въ берлинской національной галлереѣ), „Нагорная проповѣдь“ и др.

Роти, Луи († въ мартѣ 1911 г., 64 лѣтъ). Извѣстный медальеръ, воскресившій область искусства, которою нѣкогда славилась Франція. Изъ его работъ особенно замѣчателенъ медальонъ съ изображеніемъ возрождающейся Франціи послѣ 1870 г. и разныя медали, между прочимъ медаль въ честь Виктора Гюго, называющаяся „Безсмертіе“.

Крофтсъ, Эрнстъ (род. въ 1847 г., † въ мартѣ н. с.). Англійскій батальный живописецъ. Въ послѣдніе годы писалъ жанровыя картины изъ жизни XVII вѣка.

Гёцъ, Вильгельмъ (род. въ 1844 г., † въ мартѣ н. с.). Профессоръ географіи въ технической высшей школѣ въ Мюнхенѣ. Извѣстенъ своими научными изслѣдованіями въ области экономической географіи на исторической основѣ.

Берже († въ мартѣ н. с., 76 лѣтъ). Профессоръ брюссельскаго свободнаго университета, извѣстный химикъ. Былъ членомъ парламента въ теченіе 15 лѣтъ и считался авторитетомъ въ области школьнаго вопроса. Либеральный политикъ.

Виттковскій, Карлъ (род. въ 1852 г., † въ 1911 г.). Поэтъ-юмористъ и музыкантъ. Его сатирическія стихотворенія печатались въ *Lustige Blätter*. Восторженный поклонникъ Вагнера, онъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ энер-

гично боролся за его идеи и читалъ о немъ публичныя лекціи, подкрѣпляя ихъ демонстраціей его музыкальныхъ произведеній.

Риль, Бертольдъ (род. въ 1858 г., † въ апрѣлѣ н. с.). Профессоръ исторіи искусства въ Мюнхенѣ. Написалъ цѣлый рядъ монографій по исторіи искусства въ Германіи и Италіи.

Де-Смедтъ, Карлъ († въ мартѣ н. с., 78 лѣтъ). Ученый бельгійскій іезуитъ, былъ профессоромъ исторіи церкви, издалъ книгу объ основахъ исторической критики. Президентъ Болландистовъ.

Вейзеръ, Іосифъ (род. въ 1847 г., † въ апрѣлѣ н. с.). Профессоръ живописи въ Мюнхенѣ. Извѣстенъ своими жанровыми картинами изъ 17 и 18 вѣковъ и историческими сценами.

Альтшюллеръ, Морицъ († въ мартѣ 1911 г., 42 лѣтъ). Изслѣдователь исторіи еврейства. Издатель „Monumenta judaica“ и „Orbis antiquitatum“.

Беллъ, Моберли (род. въ 1847 г., † въ апрѣлѣ н. с.). Главный редакторъ газеты *Times*. Писалъ корреспонденціи изъ Египта и въ нихъ, какъ и въ своихъ книгахъ объ Египтѣ, поддерживалъ идею англійской оккупаціи страны.

Нейманъ, Карлъ (род. въ 1856 г., † въ апрѣлѣ н. с.). Президентъ кроатскаго ландтага, докторъ правъ. Принадлежалъ къ независимой кроатской партіи. Былъ вицебургомистромъ въ Эссенѣ.

Гельдеръ, Эдуардъ (род. въ 1847 г., † въ апрѣлѣ 1911 г.). Проректоръ лейпцигскаго университета и деканъ юридическаго факультета. Занималъ каѳедру римскаго права и германскаго гражданскаго права. Извѣстенъ цѣлымъ рядомъ работъ по своей спеціальности.

Эспозито, Гаэтано (род. въ 1857 г., † въ апрѣлѣ н. с.). Итальянскій художникъ. Извѣстенъ своими картинами изъ неаполитанской народной жизни и ландшафтами. Кончилъ жизнь самоубійствомъ.

Ганаузекъ, Эдуардъ († въ апрѣлѣ 1911 г.). Научный спеціалистъ по товаровѣдѣнію, профессоръ коммерческой академіи въ Вѣнѣ, основатель лабораторіи товаровѣдѣнія, послужившей образцомъ для другихъ подобныхъ учрежденій.

Милостивый Государь, Господинъ Редакторъ.

Не откажите помѣстить въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ мое обращеніе къ товарищамъ врачамъ и другимъ лицамъ, изучающимъ минеральныя воды, грязи, морскія купанья, кумысолѣчебницы, климато-лѣчебныя станціи, санаторіи и другія лѣчебныя мѣста Россіи.

Я приступилъ къ составленію книги подъ названіемъ „Курорты Россіи“. Цѣль книги—дать сводку существующихъ въ научной литературѣ матеріаловъ по русскимъ цѣлебнымъ мѣстамъ. Основная идея ея—показать необходимость: 1) изслѣдованія этихъ мѣстъ съ приложеніемъ всѣхъ методовъ точныхъ наукъ и 2) правильной постановки дѣла при живомъ участіи и самодѣятельности общественныхъ организацій.

Книга должна будетъ: 1) служить возможно полнымъ справочникомъ для врачей при назначеніи больному соотвѣтствующаго лѣченія; 2) доставить серьезному читателю популярное изложеніе современныхъ научныхъ воззрѣній на бальнеотерапію и нѣкоторые отдѣлы физіо-терапіи; и 3) дать нѣкоторыя практическія справки и указанія для больныхъ, отправляющихся на воды и т. п.

Для того, чтобы при составленіи книги избѣжать по возможности пробѣловъ въ изложеніи и въ описаніяхъ, я позволяю себѣ обратиться путемъ печати съ покорнѣйшей просьбой къ гг. профессорамъ, преподавателямъ, врачамъ, естествоиспытателямъ и всѣмъ лицамъ, интересующимся указанными вопросами—не отказать прислать мнѣ свои труды, книги и статьи.

Я надѣюсь встрѣтить сочувственный откликъ въ средѣ работниковъ по общему дѣлу отечественной физіотерапіи и заранѣе приношу глубокую благодарность.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи *И. А. Багашевъ*.

Адресъ: Москва, Воздвиженка, гостиница „Петергофъ“, врачу Иннокентію Александровичу Багашеву.

Москва.
2 апрѣля, 1911 г.

Списокъ наиболѣе крупныхъ пожертвованій и ассигнованій на домъ имени И. А. Гончарова въ Симбирскѣ:

Отъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА—1,000 р., отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича—200 р., отъ Симбирскаго Губернскаго Земства—5,000 р., отъ Симбирской Городской Думы—5,000 р., отъ Н. Я. Шатрова—10,000 р., отъ Симбирскаго Купеческаго Общества—500 р., отъ В. Н. Поливанова—428 р. 5 к., отъ Симбирскаго Уѣзднаго Земства—200 р., отъ Симбирской Ученой Архивной Комиссіи—100 р., отъ Симбирскаго дворянства—200 р., отъ Н. П. Пастухова—200 р., отъ Пензенскаго Губернскаго Земства—100 р., отъ М. Ф. Морозовой—500 р., отъ дворянства Области Войска Донского—100 р., отъ директора Тверской гимназіи—70 р. 68 к., отъ Пензенской Городской Управы—50 р., отъ Петербургскаго театральнаго училища—40 р. 22 к., отъ Н. Д. Самосатскаго—37 р. 46 к., отъ Бакинскаго полиціймейстера—32 р. 70 к., отъ Коломенскаго машиностроительнаго завода—30 р. 50 к., отъ Департамента гражданской отчетности—27 р. 70 к., отъ Любавской Городской Думы—25 р., отъ Донского Земельнаго Банка въ Таганрогѣ—25 р., отъ Н. И. Булычева—25 р., отъ Красноярскаго благороднаго собранія—25 р., отъ нѣмецкаго клуба въ Москвѣ—50 р., отъ Русскаго для Внѣшней Торговли Банка въ С.-Петербургѣ—25 р., отъ Владимірской Городской Думы—25 р., отъ Херсонской Городской Думы—25 р., отъ Корсунской Городской Думы—25 р., отъ Охтенскаго порохового завода—26 р. 20 к., отъ Казанскаго военнаго училища—26 р. 1 к., отъ Тифлисскаго Дворянскаго Земельнаго Банка—25 р., отъ Московскаго общества любителей россійской словесности—25 р., отъ Бессарабско-Таврическаго Земельнаго Банка—25 р., отъ Товарищества „А. Кузнецовъ и К°“—25 р., отъ Владимірскаго губернскаго жандармскаго управленія—26 р., отъ начальника юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ—26 р. 80 к., отъ П. Л. Мартынова—30 р., отъ крейсера „Память Азова“—31 р. 50 к., отъ Гомельской библіотеки—35 р. 50 к., отъ И. М. Витовтова—36 р. 80 к., отъ Самарскаго полицеймейстера—39 р. 10 к., отъ Донского Земельнаго Банка въ Екатеринодарѣ—44 р., отъ Могилевской Городской Думы—50 р., отъ V уланскаго полка—50 р., отъ Московскаго дворянства—100 р., отъ М. М. Толстого—100 р., отъ архіепископа Іакова—100 р., отъ Перваго Росс. Страхов. О-ва—100 р., отъ Новгородскаго Губернскаго Земства—100 р., отъ Херсонскаго Земельнаго Банка—50 р., отъ Олонецкаго Губернскаго Земства—50 р., отъ О-ва Волго-Бугульминской ж. д.—100 р., отъ инспект. пар. учил. Камыш. уѣзда—27 р. 30 к., отъ Кирсановской Городской Думы—25 р., отъ Вологодской Городской Думы—50 р., отъ Костромск. дворянства—50 р., отъ Черниговскаго Губернскаго Земства—50 р., отъ Екатеринославскаго Губернскаго Земства—100 р., отъ Херсонскаго Губерскаго Земства—100 р. и отъ И. Е. Цвѣткова—25 р.

Въ общемъ же сумма пожертвованій и ассигнованій уже опредѣляется до 32,000 р.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Май 1911 года.

Содержаніе: I. **Книги:** Исторія литературы и литературная критика.—Исторія, мемуары.—Правовѣдѣніе.—Философія.—Политическая экономія и статистика.—Педагогика и народное образованіе.—Естествознаніе. II. **Книжныя новости.** III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ въ теченіе апрѣля 1911 г.**

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА.

Андрей Бѣлый. 1) Символизмъ. 2) Лугъ зеленый. 3) Арабески.—*С. Шамбинаго.* Трилогія романтизма (Н. В. Гоголь). — *Gustave Lanson.* Manuel bibliographique de la littérature française moderne, T. I, II, III.

Андрей Бѣлый. **Символизмъ. Книга статей. К-во „Мусагетъ“. М., 1910 г. Стр. IV+633. Ц. 3 руб.—Лугъ зеленый. Книга статей. К-во „Альціона“. М., 1910 г. Стр. 247. Ц. 1 руб.—Арабески. Книга статей. К-во „Мусагетъ“. М., 1911 г. Стр. IV+501. Ц. 2 руб. 50 коп.**

Одна за другой вышли три теоретическія книги Андрея Бѣлаго, въ которыхъ собраны его статьи за 9 лѣтъ. По своему плану эти книги образуютъ какъ бы одно цѣлое, и можно было бы предположить, что при своихъ внушительныхъ размѣрахъ онѣ достаточно опредѣляютъ философскій обликъ автора. Однако, надо отмѣтить съ перваго слова, что А. Бѣлый сдѣлалъ все, чтобы затруднить доступъ къ своимъ мыслямъ. Прежде всего онъ загромоздилъ важныя и драгоцѣнныя статьи случайнымъ матеріаломъ, представляющимъ собою перепечатку разныхъ его журнальныхъ замѣтокъ, недоработанныхъ, написанныхъ небрежно, исполненныхъ повтореній и разногласій всякаго рода. Чего отъ А. Бѣлаго можно ожидать въ смыслѣ сосредоточеннаго разсказа о его впечатлѣніяхъ, дѣйствительно пріобрѣтающихъ символическое значеніе, видно изъ его коротенькой, но поразительной статьи о Вл. Соловьевѣ. Такія же памятныя частности есть и въ его „силуэтахъ“ Мережковскаго, Вяч. Иванова, отчасти въ замѣткахъ о Гоголѣ, Чеховѣ, Брюсовѣ. Но на-ряду съ ними напечатана замѣтка о Блокѣ, гдѣ поистинѣ правая страница не знаетъ, что стоитъ на лѣвой, напечатаны случайныя, оборванныя соображенія о Л. Андреевѣ, претенціозная статья о Сологубѣ и т. п. Довольно значительное мѣсто въ книгахъ занимаютъ злободневныя и полемическія замѣтки, которыя ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало бы перепечатывать. Стиль ихъ самъ авторъ осудилъ въ предисловіи. А ихъ содержаніе? Небрежныя строки о Бодлэрѣ, рецен-

зіи на забытыя книги, нескончаемая брань по адресу г. Чулкова, куда болѣе многословная и крикливая, чѣмъ маленькая и явно незначительная книжка самого Чулкова. Невозможно одобрить и размѣщеніе статей, дѣлающее книги А. Бѣлаго безпорядочными тетрадями архива. По существу, его статьи естественно распадаются на четыре отдѣла: вопросъ о формѣ стиха (отдѣльное изслѣдованіе, вошедшее въ „Символизмъ"), статьи философскія (по эстетикѣ съ переходомъ къ метафизикѣ), статьи историко-литературныя и статьи, которыя приходится назвать лирическими (созданная Бѣлымъ прекрасная форма образныхъ размышленій). Но въ книгахъ А. Бѣлаго статьи размѣщены совершенно произвольно, и неизвѣстно почему „силуэтъ" Вяч. Иванова помѣщенъ въ „Арабескахъ", а „силуэтъ" Бальмонта въ „Лугѣ зеленомъ". Неизвѣстно почему статья о „Вѣнкѣ" Брюсова въ одномъ сборникѣ, а объ „Огненномъ ангелѣ" въ другомъ. Такъ же разбиты Чеховъ, Мережковскій. Изъ лирическихъ статей „Лугъ зеленый" открываетъ одноименный сборникъ, а „Фениксъ", „Маска" отнесены въ „Арабески". „Цѣль „Арабесокъ" конкретизировать тѣ общія положенія, которыя я намѣтилъ въ своей книгѣ „Символизмъ", пишетъ авторъ. Но тогда почему же не въ „Симво́лизмъ", а именно въ „Арабески" попала статья „О цѣлесообразности"? Напрасно также А. Бѣлый упорно домогается внѣшней научности, которая совершенно чужда ему. Характерный примѣръ этого—объемистые комментаріи къ „Символизму", разбивающіе вниманіе незначительными частностями, притязательными списками книгъ по различнѣйшимъ отраслямъ знанія, списками случайными, не всегда вѣрными или заимствованными. Но въ этомъ сказалась какая-то роковая черта въ А. Бѣломъ, которой обязаны появленіемъ въ свѣтъ и чертежи въ книгахъ, рѣдко что-либо объясняющіе, но всегда способные запугать читателя. Наконецъ, далеко не вездѣ безупреченъ слогъ (наудачу взятые примѣры, см. „Арабески", стр. 268, 349, 277, 418, 422 и т. д.) и мѣстами ненужно-труденъ языкъ (теоретическія статьи въ „Символизмѣ"). Небрежность доходитъ до того, что въ статьяхъ, самая цѣль которыхъ—точная формулировка, разсыпаны противорѣчивыя заявленія. Въ концѣ-концовъ трудно представить себѣ, на какой кругъ читателей разсчитывалъ авторъ, издавая свои книги, съ такимъ разноцѣннымъ и разнохарактернымъ содержаніемъ. Онъ, повидимому, хочетъ, чтобы его волюмы преодолѣли и гносеологи, и историки литературы, и поэты, интересующіеся техникой своего искусства, и просто читатели съ средне-русскимъ образованіемъ. Но почти съ увѣренностью можно сказать, что не у многихъ достанетъ силъ одолѣть такое количество печатныхъ страницъ, гдѣ цѣнное надо съ трудомъ выбирать изъ груды лишняго! И тѣмъ не менѣе, если у книгъ А. Бѣлаго читатель найдется, онъ будетъ щедро вознагражденъ за свой немалый трудъ и проститъ Бѣлому всѣ тѣ нелѣпости, которыми онъ себя закрутилъ и замучилъ.

Подлинная сила А. Бѣлаго въ лирикѣ, въ лирическомъ постиженіи міра. У него есть счастливая способность связать вѣчные образы Сфинкса, Феникса, Маски съ современностью, съ проблемами, вновь вставшими въ Ницше, въ новой музыкѣ, въ новой общественности. Скорѣе даже не съ проблемами, а міроощущеніемъ, ибо радостная вѣсть, которую онъ несетъ, недоказуема, несводима на понятія. „Любя,

побѣдилъ. Лучезарность съ нами. О, если бы, просіявъ, мы вознеслись. Съ нами покой. И счастіе съ нами". Такова „благая вѣсть" Бѣлаго. Но слѣдя годъ за годомъ совершонный имъ путь, мы видимъ, какъ меркнетъ въ немъ довѣріе къ міру, которое было необходимо для постиженія міра въ золотѣ и лазури. „И летишь крикливой красной ласточкой, рѣжущей пустоту ночей полетомъ и пѣсней весенней"... „Вотъ мы радостно разойдемся, принося вѣсть, что желанная тайна открылась и что воскресъ изъ мертвыхъ Фениксъ Ницше". Такъ пророчествовалъ Бѣлый, но скоро открылось, что радость была не надолго. Не это, конечно, важно—радость или трагедія. Гораздо печальнѣе то, что самый методъ лирическій, довѣрчивый, обновляющій также былъ не надолго. Бѣлаго онъ быстро привелъ къ истерикѣ, къ подозрительности, къ полемическому задору, направленному не на истинныхъ враговъ. Естественно было думать, что для него злѣйшій врагъ—мысль, „превратившая пѣснь земли и неба въ противоестественныя абстракціи". Но Бѣлый повелъ борьбу не съ нею, а съ донкихотовыми мельницами, вродѣ „мистическаго анархизма". И ради чего? Ради механически, раціоналистически понимаемой культуры, ради системы въ понятіяхъ. „Тѣнь идеи—понятіе; но понятіе не идея", такъ очень правильно и смѣло утверждалъ когда-то свою позицію А. Бѣлый. Тѣмъ не менѣе очень скоро понятіе стало его цѣлью, и мы уже видимъ, что онъ проповѣдуетъ „независимую эстетику, какъ точную науку", или еще „эстетику, какъ систему точныхъ экспериментальныхъ наукъ". Искусство всегда было для Бѣлаго исходнымъ пунктомъ всѣхъ его выводовъ. Преданность искусству, безграничная, бездумная, окрыляла его писанія. Но оно никогда не было его цѣлью. „Вмѣсто бездонныхъ образовъ душа проситъ бездонной жизни", писалъ онъ. Но возможна ли теперь бездонная жизнь? не убитъ ли, не погибъ ли безвозвратно этотъ даръ? Съ такимъ положеніемъ не мирится Бѣлый. Во что бы то ни стало онъ ищетъ иной исходъ и думаетъ, что находитъ его въ „эстетикѣ, какъ естественно-научной дисциплинѣ". Совершается невѣроятный переходъ отъ искусства къ противоположному ему естествознанію, отъ лирики и Феникса къ Марбургу, къ современной нѣмецкой логикѣ. Ею замѣняется столь смѣло воскрешенный прежде Бѣлымъ интуитивный методъ, почти достойный эллинской мудрости. Странно только то, что притязанія при этомъ остаются прежнія. Не частныя дисциплины, не отдѣльныя спеціальныя проблемы стремится изучать онъ, но вновь жаждетъ метафизики. Но возможно ли, однако, этимъ именемъ назвать систему формальныхъ, общихъ и пустыхъ понятій?

Такъ, уничтожая другъ друга, борются въ А. Бѣломъ двѣ силы: интуитивная и аналитическая. И въ своихъ книгахъ онъ создалъ не систему, а поражающій искренностью разсказъ немыслимости системы теперь и о пережитомъ имъ кризисѣ, значеніе котораго далеко выходитъ за предѣлы личной судьбы Бѣлаго, который намѣчаетъ скорѣе предѣлы общеобязательнаго кризиса. Разсказъ этотъ тѣмъ болѣе драматическій, что для Бѣлаго онъ—не прояснившаяся разсудочно мысль, а непосредственно пережитая борьба. Этой борьбой объясняется и большинство противорѣчій въ книгахъ Бѣлаго. То онъ восклицаетъ: „Не мѣшало бы чаще совершать паломничество въ Марбургъ!", призываетъ къ „серьезной, какъ музыка Баха, строгости тео-

ріи познанія", даже Гоголю рекомендуетъ „паломничество къ фоліантамъ Беме", то вдругъ на вершинахъ познанія ему открывается, что онѣ—ледяныя, мертвенныя, и самъ Кантъ оказывается всего лишь „геніальнымъ мертвецомъ". Та же антиномія сказывается и въ плоскости простого наблюденія. Гдѣ самъ Бѣлый?—въ его ли словахъ: „городъ—мостъ къ будущему, онъ—радуга, перекинутая отъ земли къ небу" или въ наименованіи города „паразитомъ", „звѣремъ", „смертью", въ восклицаніи: „горе, горе поклонившимся городу!" И если сила интуитивная дала въ книгахъ Бѣлаго напряженно лирическія страницы („Лугъ зеленый", „Фениксъ", „Пѣснь жизни", „Священные цвѣта"), то справедливость требуетъ сказать, что аналитическая сила дала замѣчательное изслѣдованіе о формѣ стиха. Пусть въ конечныхъ выводахъ оно окажется поспѣшнымъ, пусть въ своемъ анализѣ стиха Бѣлый полпути принялъ за цѣлый, важно то, что онъ положилъ начало, у насъ, по крайней мѣрѣ, новой и безспорно важной дисциплинѣ. Впервые у насъ изучается стихъ, какъ самостоятельная область. Историческое значеніе книгъ А. Бѣлаго, какъ свидѣтельства о пройденномъ имъ пути, характерномъ для всего нашего времени, огромно; но изъ архивныхъ грудъ, образующихъ три его тома, извлекаются и отдѣльные, объективно цѣнные фрагменты. Подражая языку самого Бѣлаго, можно сказать: Когда онъ снизойдетъ до того, чтобы изъ своего философскаго и литературнаго архива выработать небольшія сосредоточенныя книги, онѣ будутъ важнымъ явленіемъ. Но пока двери къ идеямъ Бѣлаго полузакрыты. Его отдѣльныя замѣчательныя мысли, начала интересныхъ изслѣдованій, поразительныя частности тонутъ въ массѣ сырого, необработаннаго матеріала.

Борисъ Грифцовъ.

С. Шамбинаго. **Трилогія романтизма (Н. В. Гоголь). М., 1911 г. Стр. 158. Ц. 1 р. 25 к.**

Книгу г. Шамбинаго можно разсматривать, какъ новое доказательство того оживленія, которое наблюдается въ разработкѣ исторіи литературы подъ вліяніемъ кризиса позитивнаго міровоззрѣнія. Общественныя схемы рѣшительно уступаютъ мѣсто новымъ темамъ, плодотворность которыхъ становится особенно ясной при трактованіи старыхъ писателей. Индивидуализированныя, частныя темы, разумѣется, ближе подводятъ насъ къ тайнамъ творчества Гоголя, чѣмъ отвлеченные выводы объ его общественномъ значеніи, и наглядно показываютъ, какъ неосторожно было изучать историко-литературный матеріалъ съ точекъ зрѣнія, ему чуждыхъ. А что можетъ быть болѣе чуждо Гоголю, чѣмъ та точка зрѣнія политической реакціи, съ которой такъ усердно и такъ безплодно пытались Гоголя разсматривать?

„Изображеніе любви у Гоголя", „Гоголь и Римъ"—вотъ два очерка г. Шамбинаго, удача которыхъ всецѣло основана на правильно взятой темѣ. Здѣсь,—въ отношеніи Гоголя къ любви и къ Риму,—едва ли не узелъ его творчества. И если мало понятно, какъ могли до сихъ поръ эти вопросы обходить, то тѣмъ рѣшительнѣе книгу г. Шамбинаго нужно привѣтствовать. Правда, справедливость требуетъ отмѣтить въ его книгѣ налетъ чуждыхъ ему по существу позитивно-общественныхъ тенденцій, которыя доводятъ автора до чудовищнаго отнесенія Ватто къ области „пошлаго", но это частность, мало нарушающая основной тонъ книги,

написанной скромно, просто и дѣловито. И даже въ томъ, что очерки могутъ показаться неоконченными, есть своя правда. Любовь для Гоголя—„отчизна души“, „исканіе своего Отца—вѣчнаго Бога“. Но для божественнаго Эроса смертельна обыденность. Отсюда возникаетъ трагичность „Женитьбы“. Вотъ основныя мысли г. Шамбинаго. Гдѣ онъ останавливается, тамъ собственно и возникаетъ наиболѣе значительное „почему?“ Но г. Шамбинаго только довольствуется постановкой вопроса, отклоняя соблазнъ догадокъ. Такъ же спокойно устанавливаетъ онъ связь между Гоголемъ и поэтомъ молодой Италіи — Сильвіо Пеллико, и проводитъ параллель (менѣе, впрочемъ, убѣдительную) между Гоголемъ и Гойей.

Книга снабжена хорошимъ портретомъ Гоголя и издана тщательно.

Б. Грифцовъ.

Gustave Lanson. **Manuel bibliographique de la littérature française moderne. Tome I. Seizième siècle. P. 1909. Pr. 4 fr.—Tome II. Dix-septième siècle. P. 1910. Pr. 4 fr.—Tome III. Dix-huitième siècle. P. 1911. Pr. 4 fr. Pages XVI+XIV+XVI+926.**

Обращаемъ особое вниманіе на этотъ замѣчательный трудъ Гюстава Лансона, автора извѣстной „Исторіи французской литературы“, профессора парижскаго университета. Въ предисловіи къ первому выпуску своего труда (пока ихъ вышло три; четвертый, заключительный, долженъ появиться въ ближайшемъ будущемъ) авторъ подробно выясняетъ поставленныя имъ себѣ цѣли. По его словамъ, онъ хотѣлъ создать такой справочникъ, въ которомъ были бы указаны систематически всѣ пособія, необходимыя при изученіи исторіи французской литературы за четыре послѣднихъ вѣка, съ XVI по XIX включительно, т.-е. оригинальныя изданія всѣхъ сколько-нибудь выдающихся французскихъ писателей и всѣ важнѣйшія работы о нихъ, появлявшіяся какъ отдѣльными книгами, такъ въ разныхъ сборникахъ и журналахъ. Такимъ образомъ книга Лансона предлагаетъ читателю *избранную* (а не исчерпывающую) библіографію новой французской литературы, но рамки, поставленныя себѣ авторомъ, столь широки, что его справочникъ можетъ оказаться недостаточнымъ лишь при спеціальныхъ изслѣдованіяхъ по отдѣльнымъ вопросамъ: всѣ тѣ, кто ищутъ указаній общихъ, будутъ имъ вполнѣ удовлетворены. Кромѣ того, книга Лансона почти для каждаго писателя указываетъ, гдѣ должно искать болѣе подробныхъ библіографическихъ свѣдѣній о немъ, такъ что, пользуясь ею, не трудно перейти отъ сочиненій общихъ къ болѣе спеціальнымъ. Тридцатилѣтній опытъ Лансона по преподаванію исторіи французской литературы въ парижскомъ университетѣ прекрасно подготовилъ его къ выполненію поставленной имъ себѣ задачи, и его имя уже ручается, что работа сдѣлана добросовѣстно.

Спеціалисты, конечно, укажутъ тѣ или другіе пропуски и ошибки въ отдѣльныхъ частяхъ справочника Лансона, но это совершенно неизбѣжно въ кропотливомъ библіографическомъ трудѣ, исполненномъ однимъ человѣкомъ. Мы, съ своей стороны, также могли бы указать рядъ недоразумѣній въ библіографіи тѣхъ вопросовъ, какими намъ случалось заниматься болѣе подробно. Такъ, наприм., въ библіографіи сочиненій Реми Белло (второстепеннаго поэта XVI вѣка) указано почему-то три отдѣльныхъ изданія его произведеній, вышедшихъ въ XVI вѣкѣ: „Оды

Анакреона" 1556 г., „La Bergerie" 1565 г., „Les Amours" 1576 г., но пропущенъ рядъ другихъ, не менѣе важныхъ: „Ode à Monseigneur de Guyse" 1558 г., „Chant Pastoral de la Paix" 1559 г., „L'Innocence Prisonnière" 1561 г. и др., всего 7 различныхъ названій. Точно такъ же изъ изданій собранія сочиненій Белло названо только 1-е, вышедшее въ 1578 г., но не оговорено, что оно было трижды перепечатано (не безъ измѣненій) въ 1585, 1592 и 1604 гг. (см. библіографію при изд. соч. Белло, подъ ред. А. ванъ-Бевера 1909 г.). Списокъ переводовъ древнихъ авторовъ довольно полонъ у Лансона для XVI и XVII вѣковъ, хотя и здѣсь мы замѣтили пропуски, наприм., перевода Кузэна „Римской исторіи" Ксифилина, Зонары и Зосимы (П., 1686) или Поръ-Роялевскаго изд. Юстина (П., 1693),—но рѣшительно недостаточенъ для XVIII вѣка, гдѣ указано менѣе 70 изданій, тогда какъ, „въ вѣкъ Просвѣщенія", едва ли не всѣ, сколько-нибудь выдающіеся писатели, греческіе и латинскіе, появились во французскомъ переводѣ. Такъ, наприм., пропущены у Лансона: переводъ Лагранжа сочиненій Сенеки (Туръ, „III годъ республики"), Бомеля—мыслей Сенеки (П., 1768), де-Саси—Плинія (П., 1774), переводы аббата Павла (Paul)—Юстина (П., 1774) и Веллея Патеркула (П., 1785), Монго—Геродіана (П., 1784), аббата Жобера—Авсонія (П., 1769), анонимные переводы — Амміана Марцеллина (П., 1784), Корнелія Непота (П., 1771), Санадона—Горація, Бозэ—Саллюстія, Вожела—Кв. Курція, Дасье—Теренція, Вайли—Цезаря, и т. д., и т. д. Изъ переводовъ XVI вѣка сочиненій Агриппы Неттесгеймскаго у Лансона указано три изданія: переводъ трактата „О недостовѣрности познанія" 1582 г. и два перевода трактата „О превосходствѣ женскаго пола" 1530 г. и 1578 г., но пропущено два другихъ перевода послѣдняго трактата: Ліонъ 1537 г. и s. l. 1542 г. Не указаны вовсе появившіеся въ XVI в. французскіе переводы сочиненій Р. Бэкона: „Miroir d'alchimie", Lyon 1557, и „L'admirable puissance de l'art et de la nature", Lyon 1557. Начиная съ XVII вѣка, указанія на переводы ново-латинскихъ авторовъ у Лансона вообще прекращаются, хотя въ XVII и XVIII вѣкахъ появился цѣлый рядъ французскихъ переводовъ сочиненій того же Агриппы, Сведенборга и др. Число подобныхъ примѣровъ можно было бы значительно увеличить, но они ни въ какомъ случаѣ не отнимаютъ громаднаго значенія у составленной Лансономъ библіографіи. Она должна стать настольной книгой для всѣхъ, занимающихся новой французской литературой.

Приведемъ, въ заключеніе, нѣсколько словъ изъ предисловія автора. „Чисто-библіографическая работа,—пишетъ Лансонъ,—вовсе не соотвѣтствуетъ ни моему литературному воспитанію, ни моимъ вкусамъ, которые влекутъ меня скорѣе къ изображенію историческихъ фактовъ и къ эстетической критикѣ текстовъ. Почему же я ее предпринялъ? Потому что никто не хотѣлъ ее исполнить, а было необходимо, чтобы она была сдѣлана. Потому что я профессоръ и хочу подготовить своихъ учениковъ наилучшимъ способомъ, какимъ могу. Потому, наконецъ, что такой трудъ, разъ только онъ будетъ созданъ, другимъ уже легко будетъ усовершенствовать".

Валерій Брюсовъ.

ИСТОРІЯ.

Протоіерей І. П. Кречетовичъ. Крестьянская реформа въ Оренбургскомъ краѣ по архивнымъ даннымъ. Т. I. Подготовка реформы. — *М. К. Любавскій.* Очеркъ исторіи литовско-русскаго государства до люблинской уніи включительно.—Мемуары *гр. Головиной.* 1766—1821 гг.

Протоіерей І. П. Кречетовичъ. **Крестьянская реформа въ Оренбургскомъ краѣ по архивнымъ даннымъ. Т. I. Подготовка реформы. М., 1911 г. Стр. 624.**

Обширное сочиненіе протоіерея Кречетовича представляетъ весьма цѣнное явленіе въ исторіографіи крестьянской реформы 1861 г. въ виду того, что все оно основано на новомъ архивномъ матеріалѣ первостепенной важности. Авторъ разработалъ архивы канцеляріи бывшаго оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернаторства и самарскаго депутатскаго собранія. Тамъ нашлись полные комплекты журналовъ оренбургскаго и самарскаго губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, дѣла спеціальныхъ комитетовъ о казачьихъ крестьянахъ въ оренбургскомъ и уральскомъ казачьихъ войскахъ, дѣла особаго комитета о заводскихъ крестьянахъ Оренбургскаго края и обширная официальная переписка мѣстныхъ властей по вопросамъ, связаннымъ съ крестьянской реформой. Авторъ подробнѣйшимъ образомъ излагаетъ весь этотъ матеріалъ, строго придерживаясь документальной почвы и постоянно приводя, порою даже съ нѣсколько излишней щедростью, обширныя дословныя выписки изъ документовъ. Работы мѣстныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу пересказаны имъ, можно сказать, изо дня въ день, такъ что исторія оренбургскаго и самарскаго комитетовъ извѣстна намъ теперь съ исчерпывающей полнотой. Столь же подробно освѣщена роль оренбургскаго и самарскаго губернаторовъ Барановскаго и Грота въ мѣстныхъ работахъ по крестьянскому дѣлу, такъ же какъ и дѣятельность оренбургскаго генералъ-губернатора Катенина. Большой интересъ представляютъ тѣ главы книги, въ которыхъ показано, насколько крестьянское дѣло въ Оренбургскомъ краѣ осложнялось вопросомъ о горнозаводскихъ крестьянахъ.

Трудъ протоіерея Кречетовича составитъ, такимъ образомъ, солидный вкладъ въ литературу по исторіи крестьянской реформы, и было бы въ высшей степени желательно, чтобы онъ вызвалъ подражателей изъ среды мѣстныхъ изслѣдователей также и въ другихъ районахъ Россіи.

А. Кизеветтеръ.

М. К. Любавскій. **Очеркъ исторіи литовско-русскаго государства до люблинской уніи включительно. М., 1910 г. Стр. 376. Ц. 2 р. 50 к.**

За послѣднее время сильно подвинулось спеціальное монографическое изученіе исторіи литовско-русскаго государства. Диссертаціи профессоровъ Любавскаго, Леонтовича, Довнара-Запольскаго, Лаппы и др., охвативъ громадное количество архивнаго матеріала, пролили много свѣта на внутреннее соціально-политическое строеніе литовско-русскаго государства. Профессору Любавскому пришла счастливая мысль—представить въ сжатомъ сводномъ очеркѣ результаты всѣхъ этихъ изслѣдованій и нарисовать общую картину историческаго развитія литовско-русскаго государства за все время его существованія. Авторъ выпол-

нилъ эту задачу съ полнымъ успѣхомъ. Въ легко усвояемой формѣ, отчетливо и рельефно изобразилъ онъ основные процессы политической, соціальной, экономической жизни Литвы въ періоды ея политической самостоятельности, выразительно оттѣнивъ тѣ особенности литовско-русскаго государства, которыя придаютъ столь высокій научный интересъ его изученію. Взаимодѣйствіе русскихъ, литовскихъ и польскихъ началъ въ складѣ государственныхъ отношеній; сильное развитіе областной особности отдѣльныхъ частей государства, придававшее строю литовско-русскаго государства федеративный характеръ; ограниченіе великокняжеской власти радой и сеймомъ, выдвигавшее на первый планъ въ ряду руководящихъ силъ государственной жизни привилегированное дворянское сословіе—всѣ эти отличительныя черты литовско-русскаго государства обстоятельно изслѣдованы проф. Любавскимъ и наглядно представлены въ ихъ постепенномъ развитіи. Для человѣка, впервые приступающаго къ ознакомленію съ исторіей Литвы, настоящая книга явится очень цѣннымъ пособіемъ. Къ книгѣ приложены и тексты привилеевъ, выданныхъ великому княжеству литовскому и представляющихъ собою основные государственные акты, которыми опредѣлялось содержаніе конституціи литовско-русскаго государства.

А. Кизеветтеръ.

Мемуары графини Головиной. 1766—1821 гг. Предисловіе и примѣчанія К. Валишевскаго. Полный переводъ съ французскаго К. Папудогло. Книгоиздательство „Сфинксъ“. М., 1911 г. Стр. 410. Ц. 2 руб.

Мемуары Головиной были извѣстны до сихъ поръ лишь частично, и только теперь появляются въ полномъ видѣ. Для исторіи русскаго двора за время царствованій Екатерины II, Павла I и Александра I это—весьма важный источникъ. Правда, отзывы графини Головиной о политическихъ событіяхъ описываемой ею эпохи не отличаются цѣнностью и ея сообщенія въ этой области грѣшатъ явными ошибками. Зато исторія чисто придворной жизни той поры со многими интимными и закулисными подробностями, рисующими характеры различныхъ историческихъ лицъ, представлена въ запискахъ графини въ довольно яркихъ краскахъ. Въ этомъ направленіи графиня была очень хорошо освѣдомлена; помимо личныхъ наблюденій она пользовалась при составленіи своихъ мемуаровъ указаніями супруги Александра I Елизаветы Алексѣевны, которая одно время была очень дружна съ графиней Головиной, знала о работахъ послѣдней по сочиненію мемуаровъ и дѣлилась съ ней историческими матеріалами. И въ повѣствованіи графини мы находимъ не мало сообщеній о такихъ фактахъ изъ исторіи придворныхъ отношеній конца XVIII и начала XIX столѣтій, которые не могли входить въ поле зрѣнія прочихъ мемуаристовъ. Вотъ почему опубликованіе полнаго текста этихъ записокъ нельзя не привѣтствовать.

А. Кизеветтеръ.

ПРАВОВѢДѢНІЕ.

П. Matme. Роспускъ парламента на Западѣ.

П. Матте. Роспускъ парламента на Западѣ. Спб., 1911 г. Стр. 276. Ц. 2 р.

Появившаяся недавно въ переводѣ работа *Matter* („La dissolution des assemblées parlementaires“, 1898) посвящена одному изъ наиболѣе интересныхъ и живыхъ вопросовъ конституціоннаго права. Исходя изъ совершенно правильнаго воззрѣнія, что и „дѣйствительная цѣнность правовыхъ нормъ заключается не въ нихъ самихъ, а въ томъ, какъ онѣ проводятся въ жизнь“, *Matme* считаетъ необходимымъ дать теорію института роспуска парламента въ связи съ его исторіей. Въ зависимости отъ того, *какъ* и въ какой политической атмосферѣ производится роспускъ представительныхъ учрежденій, мѣняется и цѣнность этого института и его значеніе. Потому, конечно, роспускъ парламента, произведенный отвѣтственнымъ министерствомъ, существенно отличается отъ роспуска, предпринятаго безотвѣтственнымъ правительствомъ. Въ первомъ случаѣ это есть апелляція къ странѣ, „вполнѣ согласная съ основнымъ принципомъ парламентскаго строя—суверенитетомъ народа“; во второмъ случаѣ—это попытка путемъ роспуска сломить парламентъ, если онъ станетъ на путь оппозиціи. (Можно вспомнить прозвучавшій у насъ лозунгъ: „Беречь Думу“.) Въ первомъ случаѣ мы имѣетъ парламентски-правовое государство, во второмъ—тотъ парламентскій режимъ между старымъ абсолютизмомъ и парламентскимъ правленіемъ, который можетъ быть названъ представительной монархіей“.

Авторъ подробно обрисовываетъ исторію роспусковъ, имѣвшихъ мѣсто во Франціи на всемъ протяженіи ея конституціонной исторіи, и эти страницы вмѣстѣ съ тремя теоретическими главами являются наиболѣе интересной частью книги; гораздо блѣднѣе бѣглыя и суетливыя главы, которыя авторъ посвящаетъ другимъ странамъ Европы и Америки, но и въ нихъ можно найти нѣкоторыя любопытныя замѣчанія. Подводя итоги историческому обзору, авторъ считаетъ, что „число корректныхъ и цѣлесообразныхъ роспусковъ превышаетъ собою число безплодныхъ и недобросовѣстныхъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказывается за сохраненіе этого института во французскомъ правѣ, считая даже необходимымъ предоставить правительству право роспуска сената, дабы увеличить политическое значеніе послѣдняго.

Работа *Matme* не носитъ строго-юридическаго характера; автора гораздо больше (какъ это часто встрѣчается у французскихъ писателей) интересуютъ политическія функціи разсматриваемаго института. Съ нимъ нужно, во всякомъ случаѣ, согласиться въ томъ, что „нѣтъ ничего болѣе угрожающаго для политической свободы и для самого правительства, какъ частое и незакономѣрное примѣненіе права роспуска. Безупречное само по себѣ, право роспуска таитъ въ себѣ огромныя опасности при незаконномъ примѣненіи его къ жизни“... „неконституціонное примѣненіе права роспуска какимъ-нибудь министерствомъ дискредитируетъ эту мѣру въ будущемъ и крайне затрудняетъ пользованіе ею, даже и въ томъ случаѣ, когда примѣненіе было бы нормально. Въ общественномъ мнѣніи страны можетъ сложиться отрицательное отношеніе къ самому

принципу права роспуска, и тогда правительству не легко будетъ итти противъ настроенія народа" (стр. 274, 275). Въ Россіи не приходится особенно настойчиво доказывать этотъ тезисъ.

Переводъ оставляетъ желать лучшаго. Попадаются неудачные выраженія и обороты, неудобные переводы терминовъ. Но это не мѣшаетъ чтенію книги, ибо всегда за отдѣльнымъ невѣрнымъ словомъ легко усмотрѣть вѣрную мысль и догадаться о правильномъ терминѣ.

А. Тагеръ.

ФИЛОСОФІЯ.

К. Форлендеръ. Исторія философіи. Т. I.—*Dr. Robert Reininger.* Philosophie des Erkennens.—*Karl Stumpf.* Philosophische Reden und Vorträge.

К. Форлендеръ. Исторія философіи. Т. I. Авторизованный переводъ съ 2-го нѣм. изд. Подъ ред. проф. В. А. Савальскаго. Спб., 1911 г. Изд. О. Богдановой. Стр. XIV+264. Ц. по подпискѣ за 3 тома 3 р.

Авторъ популярной „Исторіи философіи", первый томъ которой теперь переведенъ на русскій языкъ, — К. Форлендеръ—не можетъ считаться ни оригинальнымъ мыслителемъ, ни самостоятельнымъ изслѣдователемъ. Онъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ пропагандистъ сліянія соціализма съ кантіанствомъ; въ своихъ статьяхъ, посвященныхъ этой темѣ (собраны въ книгѣ „Кантъ и Марксъ", Спб., 1909 г.), онъ популяризировалъ соціально-философскія идеи мыслителей „марбургской школы", Наторпа и Штаммлера, и старался приспособить ихъ къ идеямъ „реформистскаго" крыла марксизма. Эта дѣятельность Форлендера, независимо отъ ея практической безплодности, велась на довольно низкомъ философскомъ уровнѣ и обнаруживала скудость мысли автора. Его учебникъ „Исторіи философіи" является трудомъ гораздо болѣе почтеннымъ. Отсутствіе краткой и популярной общей исторіи философіи ощущалось даже въ нѣмецкой литературѣ, такъ какъ прежніе учебники такого рода уже устарѣли, и Форлендеръ, въ общемъ, довольно удачно восполнилъ этотъ пробѣлъ. Его трудъ, конечно, не отличается никакой оригинальностью, но даетъ удовлетворительную сводку современныхъ результатовъ историко-философскихъ изслѣдованій. Ясность изложенія, умѣлый подборъ литературныхъ указаній дѣлаютъ „Исторію философіи" Форлендера хорошимъ компендіумомъ. Необходимо, впрочемъ, отмѣтить, что тамъ, гдѣ Форлендеръ слѣпо слѣдуетъ историко-философскимъ идеямъ „марбургской" школы, его изложеніе раздѣляетъ всю парадоксальность и несостоятельность этихъ идей. Въ первомъ, нынѣ переведенномъ томѣ, который охватываетъ древнюю и средневѣковую философію, это отражается на изложеніи ученій Платона и Демокрита. Ученіе объ идеяхъ Платона появляется въ учебникѣ Форлендера въ томъ—можно смѣло сказать—фальсифицированномъ видѣ, въ которомъ оно представлено въ извѣстной книгѣ Наторпа. Что касается Демокрита, то достаточно будетъ упомянуть, что Форлендеръ ухитряется найти даже въ немъ „критическаго идеалиста" и отрицать его матеріализмъ. Такого рода, въ лучшемъ случаѣ, мало обоснованныя точки зрѣнія не позволяютъ рекомендовать учебникъ Форлендера, какъ основное пособіе для учащихся: имъ нужно пользоваться съ осторожностью, и онъ можетъ

быть полезнымъ только какъ справочное пособіе на-ряду съ другимъ учебникомъ. Совершенно напрасно, поэтому, редакторъ русскаго изданія, В. А. Савальскій, рекомендуетъ книгу Форлендера именно какъ исторію философіи, написанную съ точки зрѣнія „марбургской“ школы. Какъ бы ни относиться къ систематическимъ философскимъ ученіямъ этой школы, ея историко-философскія работы страдаютъ отсутствіемъ настоящей исторической добросовѣстности и стремленіемъ насильственно вкладывать въ совершенно чуждыя по существу ученія свои собственныя точки зрѣнія. Безусловнымъ недоразумѣніемъ представляется намъ также намѣчаемое г. Савальскимъ въ его предисловіи отождествленіе антропологическаго критицизма проф. А. И. Введенскаго съ „марбургскимъ“ панлогистическимъ идеализмомъ.

С. Франкъ.

Dr. Robert Reininger. **Philosophie des Erkennens. Ein Beitrag zur Geschichte und Fortbildung der Erkenntnisproblems. Leipzig. Verlag von J. A. Barth. 1911. IV+464.**

Въ то время, когда всѣ усилія философской мысли направлены къ выдѣленію проблемы истины изъ проблемы отношенія субъекта къ объекту, авторъ названной книги вновь ихъ связываетъ и притомъ въ наиболѣе элементарной формѣ. Если трансцендентальная теорія познанія требуетъ раскрытія условій возможности даннаго знанія, то это, разсуждаетъ онъ, надо понимать лишь, какъ методологическое требованіе, обращенное къ субъекту, не удовлетворяться найденными предпосылками знанія, а доискиваться далѣе предпосылокъ этихъ предпосылокъ и т. д. безъ конца. Этотъ методъ, проицированный во времени, есть вмѣстѣ съ тѣмъ методъ критической исторіи философіи, гдѣ каждая эпоха должна характеризоваться ея послѣдними предпосылками, которыя въ свою очередь въ слѣдующую эпоху замѣняются предпосылками этихъ предпосылокъ и т. д. Такимъ образомъ, думаетъ авторъ, задача теоріи познанія въ трансцендентальномъ пониманіи совпадаетъ съ задачей ея критической исторіи, и историко-критическій обзоръ философіи съ точки зрѣнія проблемы знанія и есть философія познанія. Конечно, авторъ не имѣетъ въ виду универсально-исторической точки зрѣнія, а просто исторію опредѣленнаго періода съ выдѣленіемъ въ немъ тѣхъ моментовъ, которые имѣютъ систематическое значеніе по отношенію къ какому-нибудь кульминаціонному пункту развитія. И вотъ такую исторію новой философіи съ систематической цѣлью—отъ Декарта и Бэкона до Канта включительно—авторъ и даетъ въ своей книгѣ. Это историческое изложеніе, которому посвящена почти вся книга, добросовѣстное, но ничего новаго не дающее, и должно выяснить, что у Канта логически выведена та же необходимость для теоріи познанія слить мышленіе и бытіе, къ которой съ разныхъ сторонъ до него пришли и раціонализмъ, и эмпиризмъ путемъ метафизическихъ построеній. Заслуга же Канта заключается въ освобожденіи философіи знанія отъ метафизики, хотя въ общемъ и его построеніе въ свѣтѣ трансцендентальнаго метода является также лишь временной гипотезой. О томъ, что и при разборѣ Канта трансцендентальная философія укладывается авторомъ въ рамки отношенія субъекта къ объекту, лучше всего свидѣтельствуетъ то, что существо ея онъ усматриваетъ не только въ созданіи трансцендентальнаго объекта, но еще и въ совпаденіи его, какъ

воплощенія „субъективнаго“ знанія, съ „реальнымъ“ объектомъ. Въ виду всего этого отвѣтственность за названіе историко-философской концепціи въ разсмотрѣнной книгѣ и вообще всего ея содержанія—„философіей познанія“ всецѣло падаетъ на ея автора.

Вен. Гинцбергъ.

Carl Stumpf. **Philosophische Reden und Vorträge. Leipzig. I. A. Barth. 1910. Ss. 261. (Штумпфъ. Философскія рѣчи и доклады.)**

Извѣстный берлинскій психологъ Карлъ Штумпфъ выпустилъ сборникъ своихъ рѣчей и докладовъ. Прекрасный языкъ этихъ рѣчей, доступность и изящество изложенія, жизненность темъ лишній разъ свидѣтельствуютъ, что нѣмецкіе ученые способны соединять основательность спеціальныхъ изысканій съ литературнымъ мастерствомъ въ популяризаціи итоговъ своихъ работъ. Въ книгѣ собраны три статьи на психологическія темы: „Наслажденіе трагедіей“, „Методика психологіи дѣтей“ и „Зарожденіе музыки“, и рядъ философскихъ этюдовъ: „Душа и тѣло“, „Идея развитія въ современной философіи“, „Возрожденіе философіи“, „Объ этическомъ скептицизмѣ“. Изъ психологическихъ работъ особенное значеніе имѣетъ „Зарожденіе музыки“, гдѣ авторъ—какъ извѣстно, спеціалистъ по психологіи звука—даетъ сжатую оцѣнку господствующихъ теорій (Дарвина, Спенсера, Вундта, Бюхера, Валлашека), развиваетъ гипотезу о происхожденіи музыки изъ призывныхъ кличей и намѣчаетъ главныя стадіи въ эволюціи первобытнаго пѣнія и инструментальной музыки. Объ другія психологическія работы также полны интересныхъ мыслей, причемъ этюдъ „Наслажденіе трагедіей“ даетъ тонкій анализъ сложныхъ и многообразныхъ элементовъ, сплетеніе которыхъ приводитъ къ психологически парадоксальному явленію удовольствія отъ созерцанія страданія. Изъ философскихъ работъ укажемъ на рѣчь „Душа и тѣло“, произнесенную на мюнхенскомъ психологическомъ конгрессѣ 1896 г. и въ извѣстномъ смыслѣ положившую начало современной критикѣ психофизическаго параллелизма; рѣчь эта полна остроумныхъ и порою блестящихъ замѣчаній, и основная мысль ея выражена въ юмористическомъ указаніи, что авторъ не въ силахъ признать ученыхъ членовъ конгресса автоматами, какъ того требуетъ теорія параллелизма. Много интересныхъ соображеній содержитъ также статья „Объ этическомъ скептицизмѣ“. Мѣстами, впрочемъ, въ этомъ, какъ и въ другихъ философскихъ этюдахъ, популярность и живость изложенія идутъ въ ущербъ основательности и точности научной мысли. Въ общемъ, однако, сборникъ рѣчей Штумпфа представляетъ чрезвычайно интересную и увлекательную книгу для чтенія, доступную широкимъ кругамъ образованнаго общества.

С. Франкъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

І. М. Кулишеръ. Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы.—*П. И. Куркинъ.* Санитарно-статистическія таблицы.—*И. Е. Ададуровъ.* Подтоварный кредитъ въ коммерческихъ банкахъ. Теорія и практика. Вып. I.

І. М. Кулишеръ. **Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы. Курсъ, читанный въ с.-петербургскомъ университетѣ. Изд. второе, исправленное и дополненное. Спб., 1910 г. Стр. VIII+451. Ц. 2 р. 50 к.**

Въ этомъ трудѣ, котораго первое изданіе было напечатано „на пра-

вахъ рукописи", только какъ учебное пособіе, авторъ дастъ тщательно составленную сводку огромнаго матеріала, накопленнаго наукой по экономической исторіи Западной Европы. Авторъ начинаетъ съ описанія быта германцевъ по Цезарю и Тациту и кончаетъ XVIII вѣкомъ. Чѣмъ больше вчитываешься въ эти пестрыя, перегруженныя фактами страницы, на которыхъ мелькаютъ картины изъ жизни столькихъ народовъ и столькихъ вѣковъ, тѣмъ яснѣе становятся трудности, съ которыми сопряжена поставленная авторомъ задача, и тѣмъ больше убѣждаешься въ его замѣчательной эрудиціи и умѣніи критически пользоваться и владѣть своимъ матеріаломъ. І. М. Кулишеръ самъ указываетъ, что онъ является піонеромъ, ибо „не только на русскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ нѣтъ сочиненія, которое давало бы общій обзоръ всей исторіи экономическаго быта Европы, а не отдѣльныхъ только государствъ въ ту или другую эпоху" (Предисловіе). Дѣйствительно, автору удалось обогатить русскую экономическую литературу новымъ, чрезвычайно полезнымъ типомъ сводки научнаго матеріала, полезнымъ не только для учащихся, но и для всѣхъ, занимающихся экономической наукой. Недостаткомъ книги является отсутствіе широкихъ и достаточно яркихъ историческихъ обобщеній, которыя бы объединяли и одухотворяли приводимый фактическій матеріалъ. Немногія страницы, посвященныя общей характеристикѣ той или другой эпохи, или общей характеристикѣ промышленной или торговой политики за тотъ или другой періодъ,—эти очень немногія страницы производятъ впечатлѣніе слишкомъ бѣглыхъ и слишкомъ блѣдныхъ замѣтокъ. Своеобразіе эпохъ и національностей какъ-то растворяется и исчезаетъ въ морѣ фактовъ. Такъ, экономическую политику новаго времени авторъ характеризуетъ преимущественно какъ перенесеніе на болѣе широкую, національную почву „прежней политики городовъ" (стр. 247, 329 и др.). То *новое, свое,* въ чемъ проявилось творчество меркантилизма и просвѣщеннаго абсолютизма, отступаетъ на задній планъ. Не получитъ читатель сколько-нибудь цѣльнаго представленія и объ общемъ вліяніи церкви и религіи на экономическую жизнь. Мы можемъ узнать изъ „Лекцій", что господство церкви и сила религіозныхъ интересовъ въ средніе вѣка не помѣшали христіанамъ заниматься ростовщичествомъ. Но о положительной роли религіи въ дѣлѣ созданія экономической культуры читатель ничего или почти ничего не найдетъ. Можно указать и на болѣе частные дефекты. Вопросъ о происхожденіи цеховъ получилъ у І. М. Кулишера, какъ мнѣ кажется, не вполнѣ объективное освѣщеніе. Излагая различныя ученія о происхожденіи цеховъ (стр. 134 сл.), авторъ почему-то умалчиваетъ про то направленіе въ наукѣ, которое возводитъ происхожденіе цеховъ къ городскимъ административнымъ органамъ по управленію промыслами и торговлей, которое изображаетъ цехи, какъ созданія муниципальныхъ властей. При этомъ собственная теорія автора, тутъ же имъ излагаемая, согласно которой цехи образовались изъ группъ, связанныхъ не только единствомъ промысла, но и единствомъ происхожденія и даже *родствомъ по крови* (стр. 142), является довольно смѣлымъ новшествомъ; предлагая ее читателямъ, слѣдовало бы оговорить ея новизну, ея изолированность въ научной литературѣ и яснѣе, чѣмъ это дѣлаетъ авторъ, выдѣлить ее изъ „господствующей теоріи свободнаго происхожденія цеховъ", которая, въ сущности, вовсе и не представляетъ какой-нибудь

единой теоріи, а допускаетъ цѣлый рядъ различныхъ рѣшеній данной проблемы. Но указанные недостатки всетаки не могутъ измѣнить общаго, чрезвычайно благопріятнаго впечатлѣнія, получаемаго отъ книги І. М. Кулишера. Объективныя достоинства книги не могутъ не быть признаны и тѣми, кто расходится съ авторомъ, представителемъ исторической школы, по основнымъ методологическимъ и теоретическимъ вопросамъ.

А. Рыкачевъ.

П. И. Куркинъ. **Санитарно-статистическія таблицы. Сборникъ діаграммъ съ объяснительнымъ текстомъ. Изд. комиссіи по распространенію гигіен. знан. об-ва р. в. въ память Н. В. Пирогова. М., 1910 г. 100 листовъ діаграммъ и XIV+154 стр. текста. Ц. 7 р.**

Изданіе это предпринято Пироговскимъ обществомъ съ цѣлью дать лекторамъ народныхъ аудиторій пособіе по вопросамъ гигіены и санитаріи. По первоначальному плану оно должно было обнимать естественное движеніе населенія, болѣзненность, вопросы врачебной помощи и страхованія, затѣмъ—данныя о физическомъ состояніи населенія и вопросы потребительнаго бюджета. Разросшійся объемъ изданія заставилъ, на первый разъ, ограничиться первыми тремя группами вопросовъ, которымъ посвящены шесть „серій“ діаграммъ: І. Населеніе, ІІ. Общая смертность, ІІІ. Дѣтская смертность, ІV. Рождаемость и брачность, V. Болѣзненность и несчастные случаи и VI. Врачебная помощь и страхованіе рабочихъ,—причемъ перечисленные подъ І—V вопросы трактуются подъ двоякимъ угломъ зрѣнія: *біологическихъ* факторовъ и условій *соціальнаго* характера, и освѣщаются данными, касающимися какъ западно-европейскихъ странъ, такъ и въ особенности нашего отечества. Текстъ содержитъ, во-первыхъ, цифры, послужившія основаніемъ для построенія діаграммъ, съ указаніемъ источниковъ, и, во-вторыхъ, краткіе, въ значительной степени носящіе характеръ простыхъ намековъ, указанія или отвѣты на вопросъ: „что показываютъ діаграммы?“

Конечно, подобнаго рода изданіе по цѣли своей заслуживаетъ безусловнаго сочувствія: широкое пользованіе графиками—необходимое условіе распространенія въ массахъ свѣдѣній, требующихъ численнаго выраженія, а между тѣмъ ожидать отъ заурядnаго лектора народной аудиторіи самостоятельной выработки необходимаго числа графическихъ изображеній, конечно, не приходится; такому лектору, въ самомъ дѣлѣ, надо дать въ руки готовый запасъ, изъ котораго онъ могъ бы по мѣрѣ надобности черпать. Въ общемъ съ полнымъ сочувствіемъ слѣдуетъ отнестись и къ самому исполненію намѣченнаго плана, что и естественно, разъ выполненіе его принялъ на себя такой авторитетный спеціалистъ въ данной области, какъ П. И. Куркинъ. Въ частностяхъ однако изданіе Пироговскаго общества не свободно отъ дефектовъ. Первый изъ нихъ—слишкомъ малый, при данной цѣли изданія, форматъ: діаграммы предназначены для показыванія въ народной аудиторіи, а между тѣмъ уже на разстояніи $2^1/_2$—3 саженъ на довольно многихъ листахъ, даже при хорошемъ зрѣніи, можно уловить одни только общія, болѣе или менѣе неясныя очертанія и нѣтъ возможности схватить даже наиболѣе существенныхъ деталей; особенно слѣдуетъ это сказать о тѣхъ листахъ, которые представляютъ собою комбинацію плоскостныхъ съ линейными діаграммами. По самому своему построенію и до-

стигаемымъ результатамъ діаграммы чрезвычайно пестры и очень неравноцѣнны. Многія изъ нихъ по наглядности и цѣлесообразности построенія не оставляютъ желать лучшаго. Но немало и такихъ, которыя далеко не удовлетворяютъ требованію наглядности, особенно если имѣть въ виду умственный уровень обычной публики народныхъ аудиторій.

Составитель сборника исходитъ изъ вполнѣ правильнаго принципа, что способъ построенія долженъ „отвѣчать существу дѣла“ (текстъ, VII), но въ рядѣ случаевъ серьезно погрѣшаетъ противъ этого принципа. Такъ, развитіе земской медицинской помощи (VI, стр. 8) изображено спиральною діаграммою; типъ этотъ, заимствованный, повидимому, у Габальо, у этого автора примѣненъ вполнѣ умѣстно, такъ какъ ему нужно было показать одновременно и погодный ростъ, и помѣсячныя колебанія явленія; у г. Куркина онъ примѣненъ едва ли цѣлесообразно, такъ какъ непрерывный ростъ врачебной помощи гораздо лучше иллюстрировался бы діаграммою на прямой абсциссѣ. И напротивъ: помѣсячное распредѣленіе смертности (II, стр. 13), какъ явленіе, колебанія котораго замыкаются въ кругѣ 12 мѣсяцевъ, само собой напрашивалось на круговую діаграмму, а между тѣмъ г. Куркинъ предпочелъ, въ данномъ случаѣ, прямолинейную абсциссу. Отмѣчу еще діаграмму брачности и хлѣбныхъ цѣнъ (V, стр. 13); послѣднія почему-то изображены плоскостною фигурой; между тѣмъ плоскостная діаграмма умѣстна для изображенія *массъ*, а не *коэффиціентовъ*, какъ цѣны, и самый параллелизмъ брачности и цѣнъ гораздо болѣе бросался бы въ глаза, если бы то и другое было изображено просто ломаными линіями.

Было бы, разумѣется, лучше, если бы изданіе Пироговскаго общества было свободно отъ подобнаго рода дефектовъ. Но, конечно, послѣдніе не умаляютъ значенія и цѣнности этого изданія, которое даетъ массу тщательно подобраннаго графическаго матеріала и будетъ незамѣнимымъ пособіемъ для преподаванія и могучимъ орудіемъ для распространенія правильныхъ представленій по санитарно-гигіеническимъ вопросамъ.

А. Кауфманъ.

И. Е. Ададуровъ. **Подтоварный кредитъ въ коммерческихъ банкахъ. Теорія и практика. Вып. I. Изд. книжн. склада „Коммерческая литература“. Спб., 1911 г. Стр. 84. Ц. 1 р.**

Появленіе работы о подтоварномъ кредитѣ, занимающемъ все болѣе и болѣе видное мѣсто въ операціяхъ банковъ, надо привѣтствовать, если принять во вниманіе сильное развитіе въ частности ссудъ подъ хлѣба въ послѣднее время, общее стремленіе банковъ въ провинціи, гдѣ подтоварный кредитъ особенно необходимъ, и, пожалуй, имѣющее мѣсто нѣкотораго рода увлеченіе нашихъ акціонерныхъ коммерческихъ банковъ такъ называемыми товарными операціями. Между тѣмъ, какъ это констатируетъ и авторъ, „завѣдующіе товарными отдѣлами въ провинціальныхъ отдѣленіяхъ, а часто и сами управляющіе, за рѣдкимъ исключеніемъ, не имѣютъ совершенно необходимой подготовки для сложнаго и отвѣтственнаго товарнаго дѣла“... (стр. 23).

Къ сожалѣнію, разбираемая работа отнюдь ни въ какой мѣрѣ существующаго въ литературѣ пробѣла не восполняетъ. Вся „теорія“ г. Ададурова обнаруживаетъ, что авторъ недостаточно уяснилъ себѣ даже самыя элементарныя понятія теоріи политической экономіи.

Безусловно выше по сравненію съ „теоріей“ стоитъ практическая часть. Здѣсь авторъ приводитъ формы и бланки, примѣняемые при подтоварномъ кредитѣ въ одномъ изъ петербургскихъ банковъ, изъ которыхъ въ связи съ его изложеніемъ можно себѣ составить нѣкоторое представленіе о внѣшнихъ формахъ этихъ операцій. Совершенно излишне авторъ приводитъ тутъ же огромныя выдержки изъ устава кредитнаго и устава торговаго.

И. И. Левинъ.

ПЕДАГОГИКА И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

К. Н. Вентцель. Новые пути воспитанія и образованія дѣтей. — *М. С. Скойтенъ.* Воспитаніе женщины. Вып. I. — *Х. Шоенъ.* Школы на открытомъ воздухѣ. — *Э. Бланжеронъ.* Уроки-прогулки. — Методы первоначальнаго образованія. Ч. I. Русскій языкъ, начальная математика, новые языки, исторія. Составили *Кульманъ, Шохоръ-Троцкій, Петрова, Знаменскій.*

К. Н. Вентцель. **Новые пути воспитанія и образованія дѣтей. М., 1910 г. Стр. 110. Ц. 45 к.** Настоящая книжка представляетъ собственно сборникъ статей, печатавшихся въ журналѣ *Свободное Воспитаніе.* Всѣхъ ихъ четыре: 1) Идеальная школа будущаго и способы ея осуществленія; 2) дѣятельность учителя; 3) какъ бороться съ проступками и недостатками дѣтей; и 4) культура и воспитаніе. Основною статьей, опредѣляющею общее направленіе сборника, является „Идеальная школа будущаго“, на которой мы поэтому и остановимся. Задача ея—намѣтить „новый путь“ воспитанія посредствомъ созданія идеальной „свободной школы“. Разница этой идеальной школы, названной авторомъ „домомъ свободнаго ребенка“, отъ существующихъ въ настоящее время школъ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что въ послѣднихъ сами дѣти не принимаютъ никакого активнаго участія въ строительствѣ школы, тогда какъ въ созданіи предположенной идеальной школы будутъ участвовать сами дѣти, соотвѣтственно чему современная школа главною своей задачею ставитъ развитіе интеллекта, тогда какъ въ „домѣ свободнаго ребенка“ исходною точкою явится развитіе воли дѣтей путемъ ихъ свободной дѣятельности и самостоятельнаго творчества. „Домъ свободнаго ребенка“ долженъ быть педагогической общиной, состоящей изъ дѣтей, руководителей и родителей, которая будетъ стремиться „въ своемъ строѣ возможно болѣе приблизиться къ типу идеальнаго общества и возможно полнѣе осуществить въ своей жизни идеи свободы, братства и справедливости“. Все это, конечно, очень желательно; но нужно бы было указать конкретные примѣры практическаго выполненія этихъ пожеланій, изъ которыхъ можно бы было видѣть, что̀ способствовало удачѣ и неудачѣ попытокъ, дѣлавшихся въ этомъ направленіи. А этого-то въ книжкѣ г. Вентцеля нѣтъ, хотя извѣстно, что такія попытки дѣлались. Правда, въ концѣ статьи „Идеальная школа“ имѣются указанія на многіе опыты устройства свободной школы, но въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ названій этихъ школъ; между тѣмъ, вмѣсто провозглашенія общихъ принциповъ, было бы гораздо интереснѣе изслѣдовать, насколько бывшія попытки устройства свободной школы дѣйствительно отвѣчали тому идеалу, о которомъ говорится въ брошюрѣ.

В. Линдъ.

М. С. Скойтенъ, проф. Брюссельскаго университета, директоръ городской педологической лабораторіи въ г. Антверпенѣ. **Воспитаніе женщины. Перев. съ французскаго д-ра Е. М. Басовой. Выпускъ I Научно-популярной педагогической лабораторіи. 1911 г. Стр. 281. Ц. 1 р. 20 к. Издательство не указано.**

Довольно объемистая книга проф. Скойтена, снабженная спеціальнымъ предисловіемъ самого автора къ русскому ея изданію и предисловіемъ А. П. Нечаева, представляетъ собою интересный трудъ по экспериментальной педагогикѣ. Въ немъ собрано много цѣнныхъ данныхъ по изслѣдованію дѣтей дошкольнаго и школьнаго возраста, приведены образцы различнаго рода методовъ изслѣдованія. Особенно интереснымъ является планъ полнаго психологическаго анализа дѣтской души, основаннаго на измѣреніи умственныхъ способностей ребенка. Авторъ велъ лично изслѣдованія мальчиковъ и дѣвочекъ въ школахъ Антверпена, всѣ его методы изслѣдованія охватываютъ всесторонне жизнь ребенка и вліяніе всѣхъ окружающихъ его условій, въ особенности въ школьной жизни. На основаніи полученнаго опыта онъ рекомендуетъ самымъ настоятельнымъ образомъ измѣнить всю систему обученія въ школахъ. Такъ какъ послѣобѣденныя занятія чрезвычайно утомительны для дѣтей и не продуктивны, то онъ требуетъ полной отмѣны занятій послѣ обѣда (обѣдъ во всей Бельгіи бываетъ въ 12 ч. дня) и замѣны уроковъ играми и прогулками на воздухѣ подъ руководствомъ учителей и учительницъ. Вслѣдствіе того, что послѣ каникулъ ученики снова утомляются такъ же, какъ и до каникулъ, онъ требуетъ, чтобы каникулы были не больше недѣли, но разбросаны по всему году и т. д. Авторъ сознаетъ, что этимъ онъ самъ возстановляетъ противъ себя и родителей и учителей, и школьную администрацію, но онъ думаетъ, что только на основаніи всесторонняго изученія дѣтской души и развитіи педологіи, какъ науки, можно надѣяться на коренное измѣненіе всей системы обученія.

Что же касается собственно воспитанія женщины, о немъ говорится гораздо меньше, чѣмъ можно было ожидать по заглавію книги. Выводы автора, сводящіеся къ тому, что женщина должна быть образованной матерью и хозяйкой,—эти выводы совсѣмъ не вытекаютъ изъ его экспериментальныхъ изслѣдованій.

Къ сожалѣнію, книга Скойтена много теряетъ въ своемъ крупномъ значеніи труда по экспериментальной психологіи вслѣдствіе очень дурно сдѣланнаго перевода, во многихъ мѣстахъ сильно затемняющаго смыслъ.

Л. Френкель-Полтавцева.

Х. Шоенъ. **Школы на открытомъ воздухѣ.** Э. Бланжеронъ. **Уроки-прогулки. Перев. съ французскаго О. Кайдановой. Изд. „Свободнаго Воспитанія". Москва. Годъ не указанъ. Стр. 19. Ц. 15 к.**

Въ послѣднее время во многихъ странахъ возникла мысль прійти на помощь школамъ, въ которыхъ учатся дѣти рабочаго класса и тѣхъ бѣдняковъ, которые ютятся на окраинахъ крупныхъ городовъ. Многія дѣти изъ такой обстановки оказываются неуспѣвающими въ школахъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе слабости здоровья. Мысль нѣсколько улучшить положеніе этихъ несчастныхъ дѣтей осуществлена была впервые въ Шарлотенбургѣ, предмѣстьѣ Берлина.

Школьники малокровные, съ слабымъ сердцемъ или больными легкими отправляются въ школу, устроенную въ ближайшемъ отъ Шарлотенбурга лѣсу. Спеціальный трамвай привозитъ ихъ къ станціи, неподалеку отъ лѣса,—въ 10 минутахъ ходьбы отъ школы. Всѣ занятія происходятъ подъ открытымъ небомъ или подъ навѣсами. Лишь въ очень дурную погоду ученье происходитъ въ закрытомъ баракѣ. Главное вниманіе обращено на питаніе, которое все же вслѣдствіе недостатка средствъ довольно скудно. Результаты получились въ первый же годъ прекрасные, многія дѣти поправились и въ дальнѣйшемъ въ городскихъ школахъ уже не отстаютъ отъ товарищей.

Идея эта нашла себѣ подражаніе во Франціи, Англіи, Америкѣ, Швейцаріи и другихъ странахъ. У насъ въ Россіи такого рода школы могли бы принести большую пользу при тѣхъ тяжелыхъ жилищныхъ условіяхъ, какія существуютъ въ нашихъ крупныхъ городахъ. И притомъ ихъ легко осуществить, напримѣръ, въ Петербургѣ или въ Москвѣ, отправляя дѣтей на поѣздахъ въ ближайшія дачныя мѣстности.

„Уроки-прогулки“ Бланжерона интересны въ томъ отношеніи, что подаютъ совершенно новую мысль и для постановки нашего средняго образованія: замѣнять въ какой-нибудь день въ недѣлю всѣ уроки образовательными прогулками. Несомнѣнно, что среднее образованіе въ нашихъ школахъ дается весьма отвлеченное, и уроки-прогулки могли бы во многомъ способствовать развитію дѣтей. Переводъ сдѣланъ довольно удачно.

Л. Френкель-Полтавцева.

Методы первоначальнаго образованія. Часть I. Русскій языкъ, начальная математика, новые языки, исторія. Составили Н. К. Кульманъ, С. И. Шохоръ-Троцкій, В. К. Петрова и С. Ф. Знаменскій. (Педагогическая академія въ очеркахъ и монографіяхъ. Воспитаніе и обученіе въ семьѣ и школѣ. Подъ общ. ред. проф. А. П. Нечаева.) Стр. 255. Ц. 1 р. 50 к. Напечатано въ Москвѣ.

Большая часть книги (200 стр.) отведена статьямъ гг. Кульмана и Шохоръ-Троцкаго. Первый придаетъ большое значеніе историческому изложенію методики. Истина, что данное состояніе методики есть лишь ступень, что совершенства быть не можетъ, общеизвѣстна. Исторія должна однако приводить къ настоящему, къ послѣднему слову. Въ статьѣ объ обученіи грамотѣ мы этого не находимъ. Въ статьѣ объ объяснительномъ чтеніи авторъ просто излагаетъ свой методъ. Болѣе цѣнны статьи 2-я и 3-я, хотя очень многаго, думается, и изъ нихъ вынести нельзя: нападая на неточность грамматическихъ терминовъ и опредѣленій, авторъ даже не предлагаетъ опредѣленнаго принципа ихъ реформы, возможность обученія правописанію онъ усматриваетъ лишь при реформѣ самаго правописанія.

Статья г. Шохоръ-Троцкаго интересна для тѣхъ, кто не знакомъ съ другими его трудами.

Очень хорошее впечатлѣніе производитъ статья В. К. Петровой; она написана дѣльно, сжато, серьезно и убѣдительно. Положить въ основу обученія языкамъ ознакомленіе съ духомъ и жизнью народа—значитъ осмыслить все дѣло. Библіографія, предлагаемая авторомъ, очень цѣнна.

Хороша и статья С. Ф. Знаменскаго, примыкающаго къ нынѣ господ-

ствующему взгляду на первоначальное обученіе исторіи, какъ на средство дать дѣтямъ вѣрное *представленіе* (образы, картины) о прошломъ своего народа.

Ю. Струве.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Э. Борель. Элементарная математика. — *В. А. Бородовскій.* Поглощеніе бета-лучей радія—*Г. Клейнъ.* Звѣздный міръ.—*Максъ Ферворнъ.* Общая физіологія. Основы ученія о жизни.—*В. Е. Игнатьевъ.* Невидимые враги и борьба съ ними.—*Е. Келлеръ.* Естественная исторія домашнихъ животныхъ.

Э. Борель, проф. Сорбонны. **Элементарная математика. I. Ариѳметика и Алгебра. Перев. съ нѣм. изданія, обработаннаго проф. П. Штеккелемъ подъ редакціей прив.-доцента В. Ф. Кагана съ приложеніемъ его статьи „О реформѣ преподаванія математики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи и Германіи“. Изд. Mathesis. Одесса, 1911 г. Ц. 3 р. Стр. LVI+433.**

Лежащая передъ нами книга проф. Бореля, несомнѣнно, представляетъ громадное значеніе для лицъ, интересующихся вопросами средней школы и постановки въ нихъ различныхъ предметовъ. Русскому изданію (превосходному со всѣхъ точекъ зрѣнія) предпослано предисловіе редактора русскаго перевода прив.-доц. В. Ф. Кагана, извѣстнаго спеціалиста, давно уже борющагося за дѣло реформированія преподаванія математики въ русской средней школѣ. Предисловіе содержитъ въ себѣ краткій историческій очеркъ реформы преподаванія математики во Франціи и Германіи и даетъ программы, установленныя закономъ послѣ 1900 года. Во Франціи такая реформа проведена уже цѣликомъ, въ Германіи же защитники ея проведенія въ жизнь надѣются добиться ея въ теченіе ближайшихъ лѣтъ. Лучшимъ отзывомъ о книгѣ Бореля являются слова проф. Ф. Клейна (F. Klein), помѣщенныя въ предисловіи редактора: „Я очень хотѣлъ бы склонить васъ познакомиться съ новымъ руководствомъ для преподаванія ариѳметики, съ „Курсомъ алгебры“ Бореля. Вы тогда убѣдитесь, что новыя идеи не остаются въ однѣхъ только программахъ...“ (стр. XLV).

Книга заключаетъ въ себѣ кромѣ теоріи массу задачъ, помѣщенныхъ въ концѣ каждой главы.

А. Лѣтникъ.

В. А. Бородовскій. **Поглощеніе бета лучей радія. Юрьевъ, 1910 г.**

Хотя трудъ В. А. Бородовскаго представляетъ спеціальное изслѣдованіе, но авторъ не ограничился только описаніемъ своихъ изслѣдованій, но также довольно обстоятельно изложилъ результаты главнѣйшихъ работъ другихъ ученыхъ.

Авторъ произвелъ свои изслѣдованія подъ руководствомъ корифеевъ науки: проф. Э. Рузерфорда въ Манчестерѣ и Дж. Дж. Томсона въ Кембриджѣ. Онъ поставилъ себѣ цѣлью опредѣлить законности, которыя наблюдаются при прохожденіи β-лучей радія черезъ различныя тѣла, причемъ подробно описалъ методику изслѣдованія, такъ что его книга можетъ служить руководствомъ при подобнаго рода работахъ. Главный выводъ, къ которому привели его изслѣдованія, заключается

въ томъ, что поглощеніе β-лучей, иными словами, электроновъ, испускаемыхъ радіемъ, представляетъ аддитивное свойство, оно зависитъ отъ химическаго состава поглощающей среды, но не отъ ея физическаго состоянія. На основаніи этого онъ вычисляетъ молекулярное и атомное поглощеніе β-лучей радія и показываетъ, что атомное поглощеніе находится въ періодической зависимости отъ атомнаго вѣса. Не останавливаясь на другихъ интересныхъ его выводахъ, укажемъ только, что всѣ они являются хорошо обоснованными.

При чтеніи книги Бородовскаго можно ознакомиться со многими фактами изъ области радіологіи, и поэтому ее можно рекомендовать вниманію всѣхъ, кто интересуется этой новой наукой.

Ив. Каблуковъ.

Г. Клейнъ. **Звѣздный міръ. Переводъ съ нѣмецкаго Н. В. Горкина. Популярная естественно-научная библіотека. Книгоизд-ство „Образованіе“. Спб., 1911 г. Стр. 114. Ц. 60 к.**

Возникшая въ недавнее время „Популярная естественно-научная библіотека“, работающая подъ редакціей профессоровъ: И. И. Бергмана, В. А. Вагнера, Б. Ф. Вериго, И. М. Занчевскаго, А. В. Клоссовскаго и друг., задалась цѣлью „знакомить широкіе круги читающей публики съ современнымъ состояніемъ естествознанія“. (Пред. книгоиздательства). Книгоиздательство „Образованіе“ намѣрено дать въ своихъ изданіяхъ не только популярныя, строго-научныя изложенія того или другого вопроса, но удѣлитъ также мѣсто отдѣльнымъ монографіямъ, касающимся тѣхъ или иныхъ вопросовъ естествознанія, его исторіи и біографіи его дѣятелей.

Къ числу первыхъ выпусковъ этой библіотеки принадлежитъ и „Звѣздный міръ“ проф. Клейна. Въ этой небольшой по объему книжкѣ авторъ даетъ популярный, можно даже сказать, мѣстами поэтическій, но вмѣстѣ съ тѣмъ строго-научный очеркъ современнаго знанія о небесныхъ тѣлахъ, не принадлежащихъ къ нашей солнечной системѣ. Книжка написана знатокомъ своего дѣла; живымъ и образнымъ языкомъ авторъ даетъ отвѣты на самые интересные вопросы, касающіеся звѣзднаго міра: движеніе звѣздъ, двойныя звѣзды, звѣздныя кучи, туманности, млечный путь—все это находитъ себѣ объясненіе на страницахъ труда Г. Клейна. Мы можемъ только повторить заключительныя слова предисловія автора: „пусть эта маленькая книжка расширитъ кругъ друзей великой науки о небѣ“.

А. Лѣтникъ.

Максъ Ферворнъ. **Общая физіологія. Основы ученія о жизни. Пер. съ 5-го нѣм. изд. подъ редакціей, съ предисловіемъ и примѣчаніями профессора московскаго университета Г. А. Кожевникова. Москва, 1910 года. Стр. V+371. Ц. 2 р. 50 к.**

Книга Ферворна, предлагаемая авторомъ въ пятомъ изданіи, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которымъ мѣсто не только въ библіотекѣ ученаго; и спеціалистъ физіологъ, и молодой студентъ, старый, опытный педагогъ и юный учитель народной школы—всѣ найдутъ въ ней неисчерпаемый матеріалъ для размышленій, твердую опору точному знанію и стройную систему тѣхъ знаній, безъ которыхъ трудно теперь обойтись.

Но этого мало: всякій читатель, кто бы онъ ни былъ, получитъ отъ

книги Ферворна и глубокое эстетическое наслажденіе благодаря кристаллической ясности изложенія, блестящему остроумію автора и его глубокой заразительной вѣрѣ въ конечное торжество науки о природѣ.

Пятое, послѣднее, изданіе этой книги не только значительно дополнено по сравненію съ предыдущимъ, но и совершенно переработано. Такой переработкѣ подвергнута особенно интересная и теоретически важная I глава, посвященная теоріи познанія, въ которой на мѣсто причинности поставленъ строго опредѣленный и ясный принципъ научной условности.

Кромѣ того, въ книгу во всей возможной полнотѣ внесенъ весь новый богатый матеріалъ изъ области жизненныхъ проявленій клѣтки, условій ея существованія, вліянія на нее различныхъ раздраженій.

Цѣна книги въ прекрасномъ изданіи, съ массою художественныхъ и научно-точныхъ рисунковъ доступна людямъ даже и не съ большимъ достаткомъ.

В. Муралевичъ.

В. Е. Игнатьевъ. **Невидимые враги и борьба съ ними. М., 1910. 193 стр. Ц. 2 р.** Эта книга входитъ въ первую серію книгъ изданія: Популярный курсъ медицинскаго факультета. Невидимые враги — это болѣзнетворныя бактеріи и другіе паразитные организмы, служащіе источникомъ болѣзней. Разсматриваемая книга имѣетъ въ виду не столько общенаучную цѣль—дать систематическое описаніе различныхъ микроорганизмовъ,—сколько медицинскую, опредѣлить ихъ значеніе въ происхожденіи различныхъ болѣзней. Около половины книги посвящена описанію отдѣльныхъ болѣзней: оспы, водобоязни, дифтерита, холеры, брюшного тифа, возвратнаго и сыпного тифа, чумы, чахотки, наконецъ, маляріи и другихъ болѣзней, производимыхъ животными паразитами изъ типа protozoa, и борьбѣ съ ними. Въ другихъ главахъ дается общее понятіе объ отношеніи болѣзнетворныхъ микробовъ къ заразнымъ болѣзнямъ, о путяхъ зараженія, объ условіяхъ жизни микробовъ въ зараженномъ организмѣ, токсинахъ и антитоксинахъ, объ иммунизаціи и лѣчебныхъ сывороткахъ, а въ отдѣльной главѣ—о бактеріяхъ въ молокѣ, о стерилизаціи и пастеризаціи молока, о молочно-кислыхъ бактеріяхъ и вообще о контролѣ за молокомъ, а также и за мясомъ. И хотя указанія автора по практическимъ вопросамъ гигіены и санитаріи носятъ нѣсколько отрывочный характеръ, но, отдѣльно взятыя, они могутъ быть полезны для широкой публики, такъ какъ изложены достаточно ясно и популярно.

В. Линдъ.

К. Келлеръ. **Естественная исторія домашнихъ животныхъ. Перев. съ нѣмец. подъ редакц. Н. М. Кулагина. М., 1910 г. Стр. 320. Ц. 2 р.**

Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ эволюціонной теоріи, вопросы, касающіеся домашнихъ животныхъ и въ особенности ихъ происхожденія, пріобрѣли въ наукѣ особое значеніе. Указывая на важность изученія домашнихъ животныхъ и на необходимость имѣть систематическое руководство по этому предмету, авторъ особенно выставляетъ на видъ то обстоятельство, что домашнія животныя какъ бы представляютъ собою лабораторію, въ которой уже цѣлыя тысячелѣтія происходитъ экспериментальное изученіе измѣненій животнаго организма. Онъ дѣлитъ свою книгу на два отдѣла; въ первой, общей части онъ

разсматриваетъ вопросы, касающіеся происхожденія и развитія всѣхъ домашнихъ животныхъ. „Домашними животными,—говоритъ Келлеръ,—называются такія, которыя находятся съ человѣкомъ въ продолжительномъ симбіозѣ (сожительствѣ), служатъ ему для опредѣленныхъ хозяйственныхъ цѣлей, правильно размножаются въ такихъ условіяхъ и при этомъ продолжительно или непродолжительно подвергаются искусственному подбору". Въ общей части книги говорится о мѣстѣ и времени происхожденія домашнихъ животныхъ, объ измѣненіяхъ въ ихъ организаціи подъ вліяніемъ одомашненія, приспособляемости и наслѣдственности при племенномъ разведеніи, о возникновеніи новыхъ формъ путемъ скрещиванія, о помѣсяхъ, наконецъ, объ основахъ научной номенклатуры домашнихъ животныхъ. Спеціальная часть книги даетъ описаніе и исторію происхожденія отдѣльныхъ домашнихъ животныхъ, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ, прирученіе и одомашненіе которыхъ теряется во мракѣ доисторическихъ временъ, до страусовъ, уже на нашей памяти сдѣлавшихся домашними животными. Отдѣльныя главы посвящены исторіи собаки, кошки, рогатаго скота и другихъ млекопитающихъ, затѣмъ птицъ и насѣкомыхъ. Многочисленные приводимые авторомъ факты, основанные на наблюденіяхъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ, въ томъ числѣ и въ Россіи, разсмотрѣны съ возможной подробностью и подвергнуты строгой критической провѣркѣ. Переводъ, несмотря на нѣкоторую, мѣстами, тяжеловатость, вполнѣ понятенъ и удобочитаемъ, такъ что изданіе его можно только привѣтствовать, тѣмъ болѣе, что, сколько намъ извѣстно, на русскомъ языкѣ нѣтъ другой книги по этому предмету, которая бы отличалась такимъ же богатствомъ и серьезностью содержанія.

В. Линдъ.

Книжныя новости.

(Вышедшія по 30-е марта 1911 года.)

I. Литература.

§ 1. Беллетристика: а) русская; б) переводная. § 2. Языковѣдѣніе. § 3. Теорія словесности. § 4. Исторія всеобщей литературы. § 5. Исторія русской литературы: а) общія сочиненія; б) монографіи и матеріалы. § 6. Критика; библіографія.

§ 1а. **Абелянъ, А.** Сила убѣжденія. Пьеса въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Мозырь, 1910. 51 стр.

Абрамова, Ан. Царь Саулъ. Поэма въ 5-ти картинахъ. Спб., 1911. 80 стр. Ц. 75 к.

Амфитеатровъ, А. Девятидесятники. Романъ. Ч. I. Спб. 1911. Изд. „Прометей“ Н. Н. Михайлова, 2-е. 3 нен.+292 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Андреевъ, Л. Собраніе сочиненій. Съ портр. авт. и вступ. статьей проф. М. А. Рейснера. Т. II. Спб., 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. 332 стр. Ц. 1 р. 25 к. Т. III. 299 стр. Ц. 1 р. 25 к.

— Океанъ. Трагедія въ 7-ми картинахъ съ рис. Б. Анисфельда. Спб., 1911. Изд. изд. „Прометей“. 142 стр. Ц. 1 р. 25 коп.

Андронъ. Молодые побѣги. (Исканіе облика новаго человѣка.) Романъ. Ч. II. Изъ жизни учащейся молодежи. Спб., 1911. Изд. книжн. магаз. „Наша Жизнь“. 167 стр. Ц. 40 к.

Ан—скій, С. А. и **Стеллинъ.** Смѣхъ и слезы. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Альманахи для всѣхъ. Кн. 5. Спб., 1911. Изд. книгоизд. „Разумъ“ 125+3 нен. стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Анучинъ, В. Сказанія и разсказы. Кн. 1. Сказанія. Спб., 1911. Изд. книжн. маг. П. В. Луковникова, 5-е. 161 стр. Ц. 50 к.

Архиповъ, И. Д. Къ идеалу. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній М., 1911. 264 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Н. И. Б. Собраніе сочиненій. Т. I. Хроника маленькихъ человѣчковъ. Разсказы. Кривой-Рогъ, 1911. 265 стр. Ц. 1 р.

Бангъ, Г. Бѣлый домъ. Странные разсказы. Перев. Я. Сегалъ. (Собр. сочин. Т. IV.) М., 1911. Изд. В. М. Саблина. VI+240 стр. Ц. 1 р.

Бахметевъ, Н. Н. Жизнь—Смерть. Стихотворенія. Спб., 1911. Изд. испр. и доп. 125 стр. Ц. 1 р.

Бертинъ, М. Жить нужно. Разсказы. М., 1911. Изд. книгоизд. „Соврем. Пробл.“. 227+5 нен. стр. Ц. 1 р.

Брянчаниновъ, А. Старины и былины Печорскаго края (въ стихахъ). Харьковъ, 1911. 11+160 стр.

Бѣлая, С. Комедіантъ (Еврей изъ Голты). Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. М., 1911. Изд. С. Разсохина. 68 стр.+1 портр. Ц. 2 р.

Блехъ-фонъ, Ф. Ф. Крестъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М., 1911. 127 стр. Ц. 1 р.

Виноградовъ, А. И. Мои стихи. Вятка, 1911. Изд. автора. 52 стр. Ц. 65 к.

Грибоѣдовъ, А. С. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 107 стр.

Громадовъ, П. „Тайна хутора“. Романъ. Спб., 1911. Изд. т-ва изд. дѣла „Копейка“. 114 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Гуревичъ, Б. Освобожденіе духа (Гашишъ). Современная психоновелла. Съ предисл. проф. Ив. Ал. Сикорскаго. Кіевъ, 1911. Изд. книгоизд. И. И. Самоненко. VII+37+1 нен. стр. Ц. 30 к.

Достоевская Л. Ѳ. Больныя дѣвушки. Современные типы. Спб., 1911. 150 стр. Ц. 1 р.

Достоевскій, Ѳ. М. Собраніе сочиненій. Идіотъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Ч. III—IV. Спб., 1911. Изд. 8-е, т-ва „Просвѣщеніе“. 451 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Дравертъ, П. Подъ небомъ якутскаго края. Стихотворенія. Томскъ, 1911. Изд. К. А. Ш. 37 стр. Ц. 45 к.

Капланъ, М. Я. Разсказы. Спб., 1911. 65+1 нен. стр. Ц. 40 к.

Кашинцевъ, Ѳ. Боли сердца. (Стихотв.) Спб., 1911. 180 стр. Ц. 1 р.

Клейнмихель, М. Стихотворенія. Томскъ, 1911. 19 стр. Ц. 20 к.

Кондратьевъ, Ал. Улыбка Ашеры. Вторая книга разсказовъ. Спб., 1911. 123 стр. Ц. 85 к.

Кохановскій, Вл. Разсказы. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Спб., 1911. Изд. „Освобожденіе". 240 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Крандіевская, А. У свѣжей могилы. Ночь. Дочь народа. Для души. Современная русская литература. № 74—75. Спб. 1911. Изд. книг. „Освобожденіе". 92 стр. Ц. 20 к.

Литературный альманахъ „Наши Дни". Портреты. Литературныя новости. Содержаніе: М. Арцыбашевъ. Отрывокъ изъ письма о Толстомъ. Ал. Рославлевъ. Пѣсни Бальмонта. С. Сергѣевъ-Ценскій. Полубогъ. И. Рукавишниковъ. Приворотъ. А. Ремизовъ. Бѣлая ночь. Вл. Ленскій. Лѣто. Н. Олигеръ. Слово. П. Потемкинъ. Серенада Пьеро. І. Ясинскій. Яркія мгновенія. Л. Андрусонъ. Послѣ дождя. В. Гординъ. Веселая скрипка. Н. А. Карповъ. Изъ цикла „Джунгли". Г. Яблочковъ. Измѣна. Д. Аратовъ. Passionata. С. Семеновъ-Волжскій. На дачѣ. Спб., 1911. 128 стр. Съ портр. Ц. 50 к.

Ломакинъ, Н. Разсказы (юмористическіе). Кн. 2. М., 1911. Изд. 2-е. 254+2 нен. стр. Ц. 1 р.

Макарова-Мирская, А. И. На служеніе Алтаю. (Біографическая повѣсть.) Харьковъ, 1911. Изд. автора (Духовская, 1). VI+321 стр. Съ рис. и портр. Ц. 1 р. 50 к.

Мачтетъ, Г. А. Полное собр. сочин. подъ ред. и съ критико-біограф. очеркомъ Д. П. Сильчевскаго. Т. I. Спб., 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". XLIII+312 стр.

Менделевичъ, А. И. Гримасы жизни. (Посмертное изданіе.) Книга разсказовъ. М., 1911. 227+1 стр.+1 портр. Ц. 1 р.

Мережковскій, Д. С. Полное собраніе сочиненій. Т. II. „Воскресшіе Боги" Леонардо да Винчи. Спб., 1911. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 348 стр. Ц. 18 р. за 15 т.

Миличъ, Е. Легенды, сказанія и вымыслы. Спб., 1911. VII+102+2 нен. стр. Ц. 1 р.

Навроцкій, А. А. (Н. А. Вроцкій.) Степанъ Разинъ. Историческая драма въ 5-ти дѣйствіяхъ и 9-ти картинахъ въ стихахъ. Спб. 1911. 50 стр. Ц. 1 р.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Собраніе сочиненій. Т. I. Сторожевые огни. Романъ. Спб., 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 305 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Одинокій, В. Двадцатый вѣкъ. Стихотворенія. Въ Италіи. (Наброски въ стихахъ.) М., 1911. 88 стр. Ц. 85 к.

Палагинъ, Н. Кровь. (Разсказъ.) Съ пред. И. Е. Рѣшина и „Друга читателя". 1911 г. Вильна, 1911. 32 стр. Ц. 10 к.

Пальгуновъ, С. А. Раба. Драматическій этюдъ въ 1-мъ дѣйствіи. Симферополь, 1911. 13 стр. Ц. 30 к.

Потѣхинъ, П. Б. Собраніе стихотвореній. Съ біограф. очеркомъ. Спб., 1911. Изд. посмертное. IV+648 стр. Съ рис. Ц. 2 р.

Радченко, З. Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Могилевской губ. (Гомельскаго у., Дятловской вол.). (180 пѣсенъ). Спб., 1911. Изд. автора. VII+45+80 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Самойло, Н. И. Генеральша Грознова. Комедія въ 1-мъ дѣйствіи. Могилевъ, 1910. 26 стр. Ц. 1 р.

Святополкъ-Мирскій, Д., кн. Стихотворенія. 1906—1910 г. Спб., 1911. 76 стр. Ц. 80 к.

Селитренниковъ, А. А. Стихотворенія и замѣтки. Спб., 1911. 103 стр. Ц. 75 к.

Сно, Е. Чертополохъ. Юмористическіе разсказы. Спб., 1911. Изд. книгоизд. „XX Вѣкъ". 223+1 нен. стр. Ц. 1 р.

Стражевъ, В. Т. II. Разсказы. 1906—1910. М., 1911. Изд. к-ва „Метели". 105 стр. Ц. 80 к.

Страховъ, С. И. Годичный сборъ мыслей въ стихахъ за 1910 годъ. М., 1911. 31 стр. Ц. 18 к.

Танъ, В. І. Собраніе сочиненій. Т. VII. Духоборы въ Канадѣ. Бѣлая Арапія.— Искатели. (Очерки.) Спб., 1911. Изд. „Просвѣщеніе". 306 стр. Ц. 1 р.

Толстой, Л. Н., гр. Власть тьмы или коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ (1886 г.). Спб., 1911. 96 стр. Ц. 30 к.

— О трудѣ и роскоши и др. разсказы. М., 1911. 191 стр. Ц. 1 р.

— Сочиненія. Дѣтство, отрочество и юность. М., 1911. 421 стр.

Трецекъ, Л. О. Все изъ-за хлѣба. Повѣсть. Содержаніе: I. Все изъ-за хлѣба. II. Противъ самоубійства. III. Жертва убѣжденія. IV. Отверженный. Спб., 1911. 157 стр. Ц. 1 р.

Тэффи, Н. А. Юмористическіе разсказы. Кн. II. Спб., 1911. Изд. „Шиповникъ". 224 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Холодковскій, Н. А. Храмъ природы. (Поэма Эразма Дарвина.) Спб., 1911. 67 стр.

Чулковъ, Г. Сочиненія. Т. I. Разсказы. Спб., 1911. Изд. 2-е „Шиповникъ". 220 стр. Ц. 1 р. 25 к. Т. IV. Стихи и драмы. 237 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Шапиръ, О. Собраніе сочиненій. Т. III. Миражи. Романъ. Спб., 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 522 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Шницеръ, С. Повѣсти и разсказы. Т. II. Спб., 1911. 204 стр. Ц. 1 р.

§ 16. Альманахи молодой еврейской литературы. Подъ ред. С. А. Гибянскаго. Кн. I. Спб., 1911. Изд. „Современная мысль", 2-е. 297 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Баръ, Г. Отцы и дѣти. Пьеса въ 3-хъ д. Перев. съ нѣм. Ѳеодоровича. М., 1911. Изд. С. Ѳ. Разсохина. 77 стр. Ц. 2 р.

Бонифасъ, М. и Бодэнъ, Эд. Милліонъ. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Перев. Л. Урусова. Для общедоступнаго театра. М., 1911. 71 стр. Ц. 15 к.

Верлэнъ, П. Записки вдовца. Пер. С. Я. Рубановича. Вступ. статья В. Брюсова. М., 1911. Изд. „Альціона". XV+144 стр. Ц. 1 р.

Вилье де-Лиль, Аданъ. Жестокіе разсказы. Перев. съ франц. Б. Рунтъ. Подъ ред. и съ пред. В. Брюсова (Унив. б-ка № 137). М., 1911. Изд. 2-е изд. к-ва „Польза". 103 стр. Ц. 10 к.

Гамсунъ, К. Въ когтяхъ у жизни. Драма. Перев. съ норвежск. М. Корецкаго. М., 1911. Изд. „Польза". 154 стр. Ц. 20 к.

Ганссонъ, О. Ангелъ-хранитель. Перев. О. Ф. Войно. (Соврем. б-ка № 21.) М., 1911. Изд. В. М. Саблина. 257 стр. Ц. 50 к.

Гарборгъ, А. У мамы. Перев. Е. Рудневой. (Собр. сочин. Т. II.) М., 1911. Изд. В. М. Саблина. 400 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Гарди, Т. Полное собраніе сочиненій. Т. II. Настоящая женщина (Тессъ Д'Урбервиль). Романъ. Ч. II. Перев. съ англ. Л. П. Никифорова. М., 1911. Изд. к-ва „Соврем. пробл.". 319 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Гейермансъ, Г. Глаза или необычайныя переживанія Іоба. Спб., 1911. Изд. „Вѣст. Иностр. Литературы". 106 стр. Ц. 50 к.

Гейзе, П. Въ раю. Перев. подъ ред. А. Ф. Гретманъ. Пред. Ю. И. Айхенвальда. (Собр. сочин. Т. I.) М., 1911. Изд. Н. Н. Клочкова. V+431 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Гойа, Г. Любовныя звенья. Шесть діалоговъ. Спб., 1911. Изд. книгоиздательства „Союзъ". 125 стр. Ц. 1 р.

Гофмансталь, Г., фонъ. Женщина въ окнѣ. Драматическій этюдъ въ 1-мъ дѣйствіи. Безумецъ и смерть. Пьеса въ 1-мъ дѣйст. Перев. С. Орловскаго. (Унив. б-ка № 68.) М., 1911. Изд. 2-е к-ва „Польза". 51 стр. Ц. 10 к.

Джеромъ К. Джеромъ. Трое въ одной лодкѣ (кромѣ собаки). Перев. съ англ. М. А. Энгельгардтъ. М., 1911. Изд. „Польза". 202 стр. Ц. 20 к.

Золя, Э. Собраніе сочиненій. Т. VII. Западня. Подъ ред. и со вступ. статьями Е. В. Аничкова и Ѳ. Д. Батюшкова. Спб., 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". XII + 582 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Ібсенъ, І. В. Собраніе сочиненій. Т. IV. Эйнаръ, Элькеръ. Перев. Я. Согалъ. М., 1911. Изд. В. М. Саблина. 238 стр. Ц. 1 р.

Ибаньесъ, В. Проклятое поле. Разсказъ. Спб., 1911. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 31 стр. Ц. 8 к.

— Полное собр. сочин. Т. X. Брачная ночь. (Валенсіанскіе разсказы.) Перев. съ испанск. А. Вольтера. М., 1911. Изд. к-ва „Сфинксъ". 228 стр. Ц. 1 р.

Ибсенъ, Г. Кесарь и галилеянинъ. Міровая драма. Императоръ Юліанъ. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Перев. съ норвежск. В. Спасской. (Унив. б-ка № 110—111.) М., 1911. Изд. 2-е к-ва „Польза". 200 стр. Ц. 20 к.

Кончинскій, Т. Серебристыя вершины. Драма въ 5-ти актахъ. Авториз. перев. Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1911. Изд. Е. и И. Леонтьевыхъ. 170 стр. Ц. 1 р.

Майзель, Ад. Мистеріи. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Перев. съ еврейскаго. С. Сом—скаго. Рига, 1911. Изд. Ф. И. Трескиной. 48 стр.

Маннъ, Г. Мечта и жизнь. (Маленькій городъ.) Романъ. Ч. I. Съ пред. автора. Перев. съ нѣм. В. М. Фриче. (Полное собр. сочин. Т. VIII.) М., 1911. Изд. к-ва „Современ. проблемы". 319+1 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Маронъ, В. П. Энеида. Кн. III. Перев. Е. В. Кисельникова. Ревель, 1910. 32 стр.

Мартиновичъ, Н. Малоазійскіе сказки, разсказы и анекдоты. (Изъ матеріаловъ по османскому фольклору.) Изъ журнала „Живая Старина". Вып. III. 1910 г. Спб., 1911. 21+1 нен. стр.

Мирбо, О. Дневникъ горничной. Романъ. Перев. съ франц. Спб., 1911. 286 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Мопассанъ, Гюи-де. Полное собраніе сочиненій. Новые переводы съ послѣдняго (юбилейнаго) изданія. Т. I. Переписка. Пышка и др. разсказы. Перев. С. Городецкаго и Ал. Чеботаревской. Спб., 1911. Изд. „Шиповникъ". 146 стр. Ц. 1 р. Т. XVII. Пьеръ и Жанъ. Романъ. Перев. О. Н. Черносвитовой. 183 стр. Ц. 1 р.

Оду, М. Марія-Клара. Романъ. Предисл. О. Мирбо. М., 1911. 160 стр. Ц. 1 р.

Панси. Эстеръ Ридъ. Повѣсть. Перев. съ англ. М. Д. Полторацкой. Гальбштадтъ, 1911. Изд. „Радуга". 342 + 2 нен. стр. Ц. 75 к.

Реймонтъ, В. Разсказы. Перев. В. Высоцкаго. (Собр. сочин. Т. IV.) М., 1911. Изд. В. М. Саблина. 24 стр. Ц. 1 р.

Рони, Ж. Въ сѣтяхъ жизни. Романъ. Съ крит. очеркомъ Ю. И. Айхенвальда. Перев. съ франц. В. Малахіевой-Мировичъ. (Б-ка „Современныхъ проблемъ". При ближайшемъ участіи Ю. И. Айхенвальда, Ю. А. Весоловскаго, П. С. Когана и В. М. Фриче.) М., 1911. Изд. книгоизд. „Соврем. пробл.". VI+460 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Руссо, Ж.-Ж. Эмиль или о воспитаніи. Перев. съ франц. П. Д. Первова. Съ портр. Руссо и статьей о жизни его и произведеніяхъ. М., 1911. Изд. К. И. Тихомирова. L+756 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Сигеле, Сц. Модная Ева. Перев. съ итал. В. Я. Протопопова. Спб., 1911. 367 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Скоттъ, В. Шотландскій стрѣлокъ. (Квентинъ Дорвардъ.) М., 1911. Изд. И. Д. Сытина. 108 стр.

— Эдинбургская тюрьма. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 108 стр.

Сѣверные сборники издательства „Шиповникъ". Разсказы: Якобсенъ, І. П.: 1) Могенсъ, 2) Пусть розы цвѣтутъ, 3) Лагерлефъ, С.—Семь смертныхъ грѣховъ, 4) Стриндбергъ, А.—Преступникъ, 5) Бангъ, Г.—Четыре бѣса и 6) Ея высочество. Спб., 1911. Изд. „Шиповника". 325 стр.

Товотэ, Г. Безплодная любовь и другіе разсказы. Интересное чтеніе № 5. Спб., 1911. Изд. Гауптъ. 63 стр. Ц. 20 к.

Шоломъ-Алейхемъ. Неунывающіе. Единственный разрѣш. и одобр. авторомъ перев. съ евр. Ю. І. Пинуса. (Полное собр. сочин. Т. V.) М., 1911. Изд. к-ва „Современныя проблемы". 237+III нен. стр. Ц. 1 р.

Шюрэ, Э. Жрица Изиды. Романъ. Полный перев. съ франц. К. Жихаревой. Античная б-ка. Т. III. М., 1911. Изд. „Сфинксъ". 273 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Эверсъ, Г. Г. Одержимые. Необычайные разсказы. Спб., 1911. Изд. А. Ф. Маркса. 291 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Уитманъ, У. Побѣги травы. Перев. съ англ. К. Д. Бальмонта. М., 1911. Изд. книгоизд. „Скорпіонъ". 217 стр. Ц. 1 р. 90 к.

§ 2. **Бимианъ, А. Б.** Популярныя лекціи по русской грамматикѣ. Отдѣлъ синтаксическій. Вып. І. Харьковъ, 1911. 16 стр.

Грунскій, Н. К., проф. Очерки по исторіи разработки синтаксиса славянскихъ языковъ. Т. І. Вып. І—II. Спб., 1911. 169 стр.

Колосовъ, В. А., д-ръ. Международный языкъ эсперанто, его возникновеніе, составъ, строй, значеніе и распространеніе. (Публичная лекція.) Симбирскъ, 1911. Изд. автора. 25 стр. Ц. 15 к.

Щепкинъ, В., проф. Старославянское чтеніе. Пособіе для просеминарія. М., 1911. Изд. ист.-филолог. фак. моск. унив. 28 стр.

§ 3. **Острогорскій, В.** Краткій учебникъ теоріи поэзіи для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. Спб., 1911. Изд. 6-е. 106 стр. Ц. 40 к.

§ 4. **Кранихфельдъ, Вл. П.** Т. Г. Шевченко—пѣвецъ Украйны. Критико-біогр. очеркъ 1861—1911. Спб., 1911. Изд. „Нов. Журнала для Всѣхъ". 96 стр. Ц. 50 к.

Петерсонъ, О. Г. В. Лонгфелло и его произведенія. (Пѣвецъ молодой Америки.) Спб., 1911. Изд. Пост. ком. народн. чтеній. 32 стр. Ц. 12 к.

§ 5а. **Бороздинъ, А. К.** Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Т. І. Спб., 1911. Изд. книгоизд. „Учебникъ", 2-е, доп. VIII+375 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. XXII. М., 1911. Изд. т-ва „Міръ" (Знаменка, 9). 321—374+32 стр.+4 портр.

Коробка, Н. И. Опытъ обзора исторіи русской литературы. Для школъ и самообразованія. Ч. І. Вып. II. Спб., 1911. Изд. т-ва „Петерб. учебн. магазинъ". 136+VI стр. Ц. 60 к.

§ 5б. **Алавердянцъ, М. Я.** Новыя данныя изъ армянской литературы о Нинѣ Александровнѣ Грибоѣдовой (къ біографіи А. С. Грибоѣдова). Отд. отт. изъ „Русской Старины" за 1911 г. Спб., 1911. 14 стр.

Александровичъ, Ю. Исторія новѣйшей русской литературы. 1880—1910 г. Ч. І. Чеховъ и его время. М., 1911. Изд. книгоизд. „Сфинксъ". 288 стр. Ц. 1 р.

Ашевскій, С. Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ. Спб., 1911. VII+328 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Коганъ, П. Бѣлинскій и его время. М., 1911. Изд. „Заря". 151 стр. Ц. 70 к.

Лебедевъ, А. Поэтъ-христіанинъ Н. В. Гоголь въ русской литературѣ и искусствѣ (1829—1908), библіографическая монографія. Вып. II. Саратовъ, 1911. Изд. ред. „Дух. Вѣстн.". 59—242 стр.

Морозовъ, М. Очерки новѣйшей литературы. Спб., 1911. Изд. „Прометей". 254 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Покровскій, В. Иванъ Саввичъ Никитинъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литерат. статей. М., 1910. 16 стр. Ц. 50 к.

Прилуко-Прилуцкій, Н. Г. Корифеи русскаго слова. Вып. XIV. Ал. Толстой. Жизнь и творчество. Спб., 1911. Изд. „Оросъ". 94 стр. Ц. 45 к. Вып. XVI. Державинъ. Жизнь и творчество. 108 стр. Ц. 50 к.

Хоцяновъ, К. Рѣчь о Н. В. Гоголѣ по случаю столѣтія со дня его рожденія (произн. 20 марта 1909 г. въ Псковскомъ кадетскомъ корпусѣ). Псковъ, 1910. 22 стр. Ц. 10 к.

Шахъ-Пароніанцъ, Л. М. Учебные наброски на темы изъ курса исторіи русской словесности. (Историко-литературныя характеристики.) Ч. І. Спб., 1911. Изд. изд-ва „Русская Филологія". 184 стр. Ц. 1 р. 20 коп.

§ 6. **Бѣлинскій, В. Г.** Сочиненія въ 4-хъ томахъ. Съ избр. письмами Бѣлинскаго. Со справ. указ. соч. Бѣлинскаго. Т. І—

IV. Кіевъ, 1911. Изд. Южно-Русск. к-ва Ф. А. Іогансона, 4-е. 746+682+756+667+X стр. съ портр. Ц. 3 р.

Бѣлый, А. Арабески. Книга статей. М., 1911. Изд. Мусагетъ. III+501+12 нен. стр. Ц. 2 р. 50 к.

Додоновъ, В. А. Вербицкая и ея романы: „Ключи счастья" и „Духъ времени". Крит. очеркъ. М., 1911. Изд. „Златоцвѣтъ". 80 стр. Ц. 35 к.

Кузнецовъ, Н. Д. Русская художественная литература въ отношеніи къ вопросамъ религіи. Спб., 1911. 40 стр. Ц. 35 к.

Писаревъ, Д. И. Сочиненія. Полное собраніе въ шести томахъ. Т. V. Спб., 1911. Изд. 5-е, Ф. Павленкова. 572 стр. (въ 2 ст.). Ц. 1 р.

Шестовъ, Л. Собраніе сочиненій. Т. I. Шекспиръ и его критикъ Брандесъ. Спб., 1911. Изд. „Шиповникъ", 2-е. 285 стр. Ц. 1 р. 75 к. Т. VI. Великіе кануны. 314 стр. Ц. 2 р.

II. Философія.

§ 1. Гносеологія, онтологія, этика, философія религіи. § 2. Исторія философіи. § 3. Логика. § 4. Психологія. § 5. Педагогика.

§ 1. **Берманъ, Я. А.** Сущность прагматизма. Новыя теченія въ наукѣ о мышленіи. М., 1911. Изд. книгоизд. „Златоцвѣтъ". XII+240 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Варжанскій, В. О безсмертіи души. Противъ сектантовъ — адвентистовъ. Спб., 1911 17 стр.

Желтовъ, Ф. А. Что есть истина? Братское письмо ко всѣмъ, возлюбившимъ истину. Книги свободомыслящихъ духовныхъ христіанъ, сыновъ свободы, поклоняющихся Отцу въ духѣ и истинѣ, № 15. Спб., 1911. 16 стр. Ц. 4 к.

Крестьянинъ, К. О равенствѣ съ разборомъ писательской дѣятельности гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ, 1911. 96 стр. Ц. 10 к.

Лапшинъ, И. Н. Вселенское чувство. (Свободное знаніе. Собраніе общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русскихъ ученыхъ, подъ ред. проф. Э. Д. Гримма, Н. А. Котляревскаго, прив.-доц. В. Н. Сперанскаго и проф. В. М. Шимкевича). Спб., 1911. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 89 стр.

Ледбитеръ, Ч. Краткій очеркъ теософіи. Перев. съ англ. и предисл. Е. П. Калуга, 1911. 124+6 нен. стр. Ц. 50 к.

Лопатинъ, Л. М. Философскія характеристики и рѣчи. М., 1911. Изд. книгоизд. „Путь". 393 стр. Ц. 3 р.

Остроумовъ, Н. П. Таинственное-непознаваемое, какъ реальная основа религіознаго чувства. (Приложеніе къ журналу „Сотрудникъ Братства св. Гурія"). Казань, 1911. Изд. кружка сестеръ-сотрудницъ братства св. Георгія. 27 стр. Ц. 10 к.

Сергіевъ, І. И., прот. Кронштадтскій. Новое продолженіе книги „Моя жизнь во Христѣ". Выписки изъ дневника за 1906—7 годы. Спб., 1910. 104 стр. Ц. 30 к.

Суворовъ, Н., свящ. Утраченный идеалъ. (Слово любви ко всѣмъ служителямъ церкви.) Спб., 1911. 31 стр. Ц. 50 к.

Эйкенъ, Р. Смыслъ и цѣнность жизни. Пер. съ нѣм. М. М. Тарѣева. Харьковъ, 1911. 121+1 стр. Ц. 80 к.

§ 2. **Радловъ, Э. Л.** Ученіе Вл. Соловьева о свободѣ воли. Спб., 1911. 21 стр.

Смирновъ, К. А. Религіозныя воззрѣнія кн. С. Н. Трубецкого. 1905—1910. Харьковъ, 1911. 24 стр. Ц. 25 к.

Терентьевъ, Н. Д. Отличительныя черты новой европейской философіи сравнительно съ философіей древней и средневѣковой. Казань, 1911. 28 стр.

§ 4. **Нечаевъ, А., проф.** Учебникъ психологіи для среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. Спб., 1911. Изд. 4-е. 151 стр. Съ 31 рис. Ц. 80 к.

§ 5. **Варлаамъ, архим.** О христіанскомъ воспитаніи дѣтей. Полтава, 1911. Изд. 2-е. 39 стр. Ц. 15 к.

Василевскій, М. Н. Нуженъ ли дѣтямъ дѣтскій журналъ. Спб., 1911. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 23 стр. Ц. 15 к.

Зачиняевъ, А. Златоцвѣтъ. Психологическая система обученія. Ч. II. Кн. I. Спб., 1911. Изд. изд-ва „Новая Школа". 176+VII стр. Съ 45 рис. Ц. 60 к. въ папкѣ.

Мейманъ, Э. Какъ учить дѣтей рисовать? Экспериментально-психологическія основы преподаванія рисованія. Спб., 1911. Изд. ред. „Худож.-Педагог. Журнала". 32 стр. Ц. 25 к.

Степанецъ, Б. О практическихъ урокахъ въ учительскихъ семинаріяхъ. (Общая методика.) Вильна, 1911. 24 стр. Ц. 25 к.

Филиппъ, Ж. и Бонкуръ, П. Психическія аномаліи среди учащихся. Пер. со 2 франц. изд. А. Н. Рубакина. Подъ ред. и съ пред. Н. Рубакина, съ прил. списка русскихъ книгъ по патологической психологіи, сост. Н. Рубакинымъ. (Педагогическая б-ка). М., 1911. Изд. Н. И. Тихомирова. III+112+XII стр. Ц. 65 к.

III. Исторія.

§ 1. Археологія, антропологія, первобытная культура. § 2. Всеобщая исторія: а) общія сочиненія и монографіи; б) біографіи, мемуары. § 3. Русская исторія: а) общія сочиненія; б) монографіи; в) біографіи, мемуары; г) матеріалы. § 4. Исторія славянъ. § 5. Современная исторія (записки, очерки). § 6. Исторія религіи и исторія церкви. § 7. Философія исторіи. § 8. Методологія и методика исторіи. § 9. Справочныя изданія по исторіи.

§ 1. **Клингеръ, В.** Животное въ античномъ и современномъ суевѣріи. Кіевъ, 1911. VII+352+II стр.

Мальковскій, В. Народное сказаніе объ исчезнувшемъ храмѣ святого Сергія, бывшемъ нѣкогда близъ деревни Тельцово, Рыбинской волости, Бѣжецкаго уѣзда, и объ иконѣ святителя Николая, Мирликійскаго чудотворца, именуемой по народному преданію „Никола на Бреневѣ или Никола Лаптево". Опытъ историко-археологическаго изслѣдованія. Съ прил. рисунка иконы св. Николая. Тверь, 1911. 32 стр.+1 листъ рис.

Романовъ, Е. Р. Археологическій очеркъ Гомельскаго уѣзда (Могилевской губ.). Вильна, 1910. Изд. Сѣв. зап. отд. русск. геогр. общ. 32 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Титовъ, А. А. Ростовъ Великій въ его церковно-археологическихъ памятникахъ. М., 1911. 153+II стр. Съ рис.

Хомяковъ, М. М. Этнологическая исторія Поволожья по новѣйшимъ литературнымъ даннымъ. (Съ прилож. Мерянскіе черепа коллекціи Бекаревича изъ казанскаго анатомическаго института). Казань, 1911. 36 стр.

§ 2а. **Граціанскій, Н.** Парижскіе ремесленные цехи въ XIII—XIV столѣтіяхъ. Казань, 1911. 347 стр. Ц. 2 р.

Диль, Ш., проф. Византійскіе портреты. Ч. II. Пер. Е. Киричинскаго. Харьковъ, 1911. II+289 стр. Ц. 75 к.

Исторія XIX в. (Западная Европа и внѣевропейскія государства). Подъ ред. Лависса и Рамбо. Перев. съ франц. съ дополнит. статьями П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Т. I. М., 1911. Изд. Бр. А. и И. Гранатъ и К°. XXII+321 стр. Съ портр.

Людовикъ IX. Король подвижникъ. Три чтенія. Историческіе разсказы для народныхъ чтеній и школъ. М., 1911. Изд. Ист. общ. при моск. ун-тѣ, 2-е. 63 стр. Ц. 12 к.

Мемуары Элизы Ожешко. Съ портрет. Э. Ожешко и вступ. статьей сообщившаго эти мемуары Л. Мейэ. Перев. съ польск. W. B. М., 1911. Изд. „Оріонъ". 74 стр. Ц. 60 к.

Мендринъ, В. М. Исторія Сіогуната въ Японіи. Нихонъ Гайси. Сочиненіе Рай Дзіо Сисей. Въ XXII книгахъ. Перев. съ японск. съ прим. и коммент. Книга II. Минамото I. Владивостокъ, 1911. IX+102+6 пен. стр.+1 листъ рис.

Троцкій-Сенютовичъ, П. Н. Прошлое и настоящее Финляндіи. Спб., 1911. 26 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Хвостовъ, М. М., проф. Исторія Римской имперіи. Конспектъ лекцій, чит. въ казанскомъ унив. и на казанскихъ высшихъ женскихъ курсахъ въ 1909 году. Казань, 1911.

§ 3а. **Петрушевскій, А.** Разсказы про старое время на Руси отъ начала Русской земли до Петра Великаго. М., 1911. Изд. В. В. Думнова, 17-е. 352 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

§ 3б. **В. А.** Бородинское сраженіе 26-го августа 1812 г. Краткій историческій опытъ. М., 1911. Изд. Спасо-Бородинск. монастыря. 64 стр. Съ рис.+1 карта.

Аксаковъ, А. П. Отмѣна крѣпостного права на Руси. 1861—1911. Спб., 1911. 31 стр. Съ портр. Ц. 10 к.

Александровъ, А. И., проф. Царь-Освободитель, преобразователь и просвѣтитель Россіи императоръ Александръ II. Казань, 1911. Изд. казанск. общ. трезв., 7-е. 32 стр. Ц. 10 к.

Багалѣй, Д. И., проф. Очерки изъ русской исторіи. Т. I. Статьи по исторіи просвѣщенія. Харьковъ, 1911. III+624 стр. Ц. 3 р.

Вакаръ. 19 февраля 1861 г.—19 февраля 1911 г. Краткій истор. обзоръ дѣятельности крестьянскихъ учрежденій Кіевской губ. за 50 лѣтъ въ связи съ очеркомъ современнаго положенія крестьянскаго дѣла. Кіевъ, 1911. Изд. Кіев. губ. по крест. дѣл. присут. 19 стр.

Валишевскій, К. Полное собраніе сочиненій. Т II. Царство женщинъ. „Екатерина I, Анна, Елизавета. Ихъ интимная жизнь. Полн. перев. съ франц. А. Гретманъ. М., 1911. Изд. книгоизд. „Сфинксъ". 441 стр.+4 листа рис. Ц. 3 р.

Веселовскій, Б. Исторія земства. Т. IV. Спб., 1911. Изд. изд-ва О. Н. Поповой. VIII+696+104+XXIX стр. Ц. 20 руб. за 4 тома.

Вороновъ, А. А. Патріархъ Филаретъ. Спб., 1911. Изд. Постоянной комиссіи народныхъ чтеній, 2-е. 32 стр. Съ портр. Ц. 8 к.

Вѣтринскій, Ч. Крѣпостное право и освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ. Истор. очеркъ. Н.-Новгородъ, 1911. Изд. 2-е, Об-ства распр. нач. обр. въ Н.-Нов-дѣ. 68 стр. Съ портр. Ц. 5 к.

Голубевъ, П. А. Введеніе воли. Разсказъ заводскаго крѣпостного. Вятка, 1911. 28 стр. Ц. 15 к.

Дмитріевъ, Н. 50-тилѣтіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (1861 г. 19 февраля 1911 г.). Одесса, 1911. 42 стр.

Довнаръ-Запольскій, М. В., проф. На зарѣ крестьянской свободы. Публичныя чтенія о крѣпостномъ правѣ наканунѣ раскрѣпощенія и краткій ходъ реформы. Кіевъ, 1911. 238+2 нен. стр.+2 карты. Ц. 1 р.

Долгополовъ, Н. Памяти Л. Н. Толстого. Толстой какъ учитель жизни и педагогъ. Астрахань, 1911. 27 стр. Ц. 15 к.

Кизеветтеръ, А. А. Петръ Великій за границей. М., 1911. Изд. книгоизд. „Школа“, 3-е. 30 стр. съ рис. и портр. Ц. 10 к.

Ковалевскій, А. Освободительная реформа императора Александра II и осуществленіе ея въ предѣлахъ Черниговской губ. (1858—1861 гг.). Юбил. изд. къ 19 февр. 1911 г. Кіевъ, 1911. Изд. автора. XIV+84 стр. Съ 12 лист. портр. и рис. Ц. 75 к.

Мятлева, Т. П. Происхожденіе самобытной русской народности и Россія въ стародавнія времена до образованія русскаго государства. Ч. I. Вып. I—III. Спб., 1910. XXIV+130+2 нен.+III+142+II+71 стр. Съ рис.

Писаревъ, Н., свящ. Крестьянскій вопросъ въ Россіи и рѣшеніе его при императорѣ Александрѣ II въ 1861 году. (Рѣчь, произн. въ торжественномъ собраніи казанской духовной академіи 19 февр. 1911 г.). Казань, 1911. 42 стр.

Сидоровъ, А. Къ пятидесятилѣтію освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. 19 февр. 1861 г. — 19 февраля 1911 г. М., 1911. Изд. Гор. скл. учеб. пос. 40 стр.+1 портр.

Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Кн. II. Т. VI—X. Спб., 1911. Изд. 3-е, тов. „Обществ. Польза“. XI+1726 столб. (въ 2 ст.).

Титовъ, Ѳ. Пр. Пятидесятилѣтіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. (1861 г. — 19 февраля—1911 г.). Кіевъ, 1911. Изд. Кіев. св. Владимірск. бр-ва. 23 стр.

Товаровъ, А. Историческій очеркъ Минской губерніи въ начальную пору существованія русскаго государства (отъ основанія русскаго государства до распространенія господства Литвы). Минскъ, 1910. 42 стр. Ц. 30 к.

Труды московскаго отдѣла Императорскаго русскаго восточно-историческаго общества. Т. I. Росписной списокъ г. Москвы 1634 года. Подъ ред. И. С. Бѣляева. Съ планомъ г. Москвы 1634 г. М., 1911. XL+313 стр. Ц. 4 р.

Шантгай, И. Н. „Прекрасное Россіи упованье“. Краткій очеркъ жизни и царствованія царя освободителя ко дню 50-лѣтія освобожденія крестьянъ (19 февр.—1861 г.—19 февр. 1911 г.). Варшава, 1911. Изд. автора. 27 стр.+1 портр. Ц. 15 к.

Щегольковъ, Н. Историческія свѣдѣнія о городѣ Арзамасѣ. Арзамасъ, 1911. 281 стр. Съ рис.

§ 3в. Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Вып. I. Дневникъ и письма Н. И. Тургенева за 1806—1811 года. (I томъ). Подъ ред. и съ примѣч. Е. И. Тарасова. Спб., 1911. Изд. Академіи наукъ. XXXII+512 стр. Съ 4 табл. Ц. 3 р.

Военскій, К. Отечественная война 1812 года въ запискахъ современниковъ. Спб., 1911. 95 стр.

Заикинъ, А. Апостолъ мира и любви. Левъ Николаевичъ Толстой. Его жизнь и труды. Спб., 1911. Изд. книгоизд. „Смыслъ жизни“. 172 стр. Ц. 1 р.

Колюбакинъ, Б. М. Воспоминаніе графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. Спб., 1911. 123 стр. Съ рис.

Мемуары графини Головиной, урожденной Голицыной (1766 — 1821 гг.). Пред. и прим. К. Валишевскаго. Полный пер. съ франц. К. Папудогло. Съ портр. гр. Головиной и принцессы Луизы Баденской. (Истор. б-ка „Сфинкса“. Т. I). М., 1911. Изд. „Сфинксъ“. 410 стр.+2 портр. Ц. 2 р.

Тарапыгинъ, Ѳ. А. Извѣстные русскіе дѣятели. Краткое ихъ жизнеописаніе. Ред. Б. В. Глинскаго. Вып. VII. Спб., 1911. 24 стр. Съ рис. Ц. 25 к.—Ред. П. П. Аникіева. Вып. XII. 24 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Хирьяковъ, А. М. Жизнь Льва Николаевича Толстого. Спб., 1911. Изд. кн. скл. „Родной міръ“. 79 стр. Ц. 30 к.

Шишкинъ, И. Т. Левъ Толстой. Критико-біограф. очеркъ. Харьковъ, 1911. 16 стр. Ц. 5 к.

§ 3г. Акты и документы, относящіеся къ исторіи кіевской академіи. Отдѣл. III (1796—1869 гг.). Т. I. 1796—1803 гг.). Съ пред., введеніемъ и прим. прот. Ѳ. И. Титова. Кіевъ, 1911. LX+791+1 стр. Ц. 4 р.

Булычевъ, Н. И. Архивныя свѣдѣнія, касающіяся отеч. войны 1812 года по калужской губ. (Калужское дворянское ополченіе). Калуга, 1911. 34+161 стр. Съ рис. и картою.

Миловидовъ, А. И. Распоряженія и переписка гр. М. Н. Муравьева относительно

римско-католическаго духовенства въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Вильна, 1910. 38 стр.

Муравьевъ, А. Н. Памятная записка для будущаго. Изъ бумагъ Андрея Николаевича Муравьева. Спб., 1911. Изд. Общ. ревнит. русс. истор. просвѣщен. 4 стр.

Сборникъ имп. русскаго истор. об-ва. Т. 133. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 г. Подъ ред. К. Военскаго. Т. II. Балтійская окраина въ 1812 году. Спб., 1911. Изд. Имп. русскаго историч. общества. LIII+573 стр.+10 табл. Ц. 5 р.

Сборникъ матеріаловъ по русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг. на балканскомъ полуостровѣ. Вып. 82. Отчетъ по управленію военными сообщеніями дѣйствующей арміи. Спб., 1910. Изд. Воен.-истор. ком. глав. упр. ген. штаба. VII+416 стр. и 3 карты.

Соловьевъ, В. С. Письма. Т. III. Подъ ред. Э. Л. Радлова. Спб., 1911. 336+II стр. Ц. 2 р.

§ 4. **Любченко, Д. Е.** Исторія сокольства. М., 1911. 19 стр. Съ рис.

§ 5. **Буланже, П. А.** Толстой и Чертковъ. М., 1911. Изд. И. Д. Сытина. 19 стр. Съ рис. Ц. 4 к.

Обнинскій, В. Новый строй. Ч. I. Манифестъ 17 октября 1905 г.—8 іюля 1906 г. М., 1911. Изд. „Образованіе“. 157 стр.+6 лист. рис.—Ч. II. Реакція. 163—237 стр.+5 лист. рис., съ портр.

Чертковъ, В. О послѣднихъ дняхъ Льва Николаевича Толстого. Записки. (Изъ №№ 12 и 13 „Русскихъ Вѣдомостей“ за 1911 годъ.) Раненбургъ, 1911. 32 стр.

§ 6. **Жеваховъ, Н. Д., кн.** Святитель Іоасафъ Горленко, епископъ бѣлгородскій и обоянскій. (1705 † 1754). Матеріалы для біографіи. Т. III. Дополнительный. Кіевъ, 1909. Изд. кн. Жевахова. 752+1 нен. стр.+4 листа рис. Ц. 3 р.

Лебедевъ, П. Будда и буддизмъ. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. 55 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Мятлева, Т. П. Исторія русскаго государства и православной церкви. Ч. II. Вып. I—III. Спб., 1911. 187+143+187 стр. Съ рис.

§ 7. **Зѣлинскій, Ѳ.,** проф. Изъ жизни идей.—Научно-популярныя статьи. Т. II. Древній міръ и мы. Спб., 1911. Изд. 3-е. X+416 стр. Ц. 1 р. 80 к.

IV. Политическая экономія и финансы.

§ 1. Политическая экономія; экономія сельскаго хозяйства; промышленность; торговля; кредитное дѣло; исторія политической экономіи. § 2. Статистика. § 3. Финансы и финансовое право. § 4. Городское и земское хозяйство.

§ 1. **Богровъ, В.** Критико-историческій очеркъ теоріи цѣнности. Спб., 1911. 206 стр. Ц. 1 р. 40 к.

Бородинъ, Д. Н. Вопросы экономической жизни въ обсужденіи „Собранія Экономистовъ“. Отчетъ за 20 лѣтъ 19 февр. 1891—19 февр. 1911 г. Т. I и II. Спб., 1911. Изд. „Собранія Экономистовъ“. 411+413+854+XIX стр.

Граціанскій, Н. П. Исторія промышленнаго развитія Западной Европы въ средніе вѣка. Казань, 1911. 40 стр.

Петражицкій, Л. І., проф. Акціи, биржевая игра и теорія экономическихъ кризисовъ. Т. I. Объ акціонерномъ дѣлѣ и типическихъ ошибкахъ при оцѣнкѣ шансовъ неизвѣстной прибыли. Спб., 1911. V+307 стр. Ц. 2 р. 25 к.

Туганъ-Барановскій, М. И. Основы политической экономіи. Спб., 1911. Изд. 2-е, перераб., кн. склада „Право“ XI+512 стр. Ц. 2 р. 75 к.

Чупровъ, А. И., проф. Ученые труды. Часть третья. Вып. II. М., 1911. Изд. университета. 463 стр.+1 портр. Ц. 2 р.

§ 2. Желѣзная промышленность южной Россіи въ 1909 году. Подъ ред. Н. Ф. фонъ-Дитмара. № 390. Харьковъ, 1911. Изд. статистич. бюро сов. съѣзд. горнопромышлен. Юга Россіи. XXXI+95 стр.

Сельскохозяйственный обзоръ по Воронежской губ. Періодъ I. Воронежъ, 1910. Изд. Воронежскаго губ. земства II нен.+76 стр.

Статистическій сборникъ министерства путей сообщенія. Выпускъ 105. Желѣзныя дороги въ 1908 г. Часть II. Спб., 1911. 334 стр.

§ 3. **Аквиляновъ, Н. А.** Размѣры существующаго гербоваго обложенія. Такса гербоваго сбора (по уставу о гербов. сборѣ, по прод. 1906 г.) на 1-е января 1911 года. Казань, 1911. 32 стр. Ц. 30 к.

Мигулинъ, П. П., проф. Русскіе финансы. Курсъ лекцій по финансовому праву для гг. студентовъ и вольнослушателей въ весеннемъ полугодіи 1911 года. Харьковъ, 1911. 1 листъ.

V. Соціализмъ и соціальная политика.

§ 1. Ученіе объ обществѣ (соціологія). § 2. Соціализмъ и соціалъ-демократія; синдикализмъ; анархизмъ и пр. § 3. Рабочій вопросъ; современное положеніе рабочаго класса; фабричное законодательство; страхованіе рабочихъ; забастовки и стачки; рабочіе и профессіональные союзы; кооперації. § 4. Крестьянскій и аграрный вопросы. § 5. Біографіи и воспоминанія.

§ 1. **Хвостовъ, В. М.,** проф. Нравственная личность и общество. Очерки по этикѣ и соціологіи. М., 1911. Издан. Н. Н. Клочкова. VII+230 стр. Ц. 1 р. 35 к.

§ 3. Сводъ отчетовъ профессіональныхъ обществъ за 1906—1907 г. Спб., 1911. 101 стр.

Тотоміанцъ, В. Мощь кооперації. (О потребительныхъ обществахъ.) Спб., 1911. Изд. 4-е, доп., т-ва „Улей". 32 стр. Ц. 10 к.

VI. Правовѣдѣніе.

§ 1. Философія права; общая теорія права. § 2. Исторія права и исторія политическихъ ученій. § 3. Государственное, административное и международное право. § 4. Уголовное, гражданское, торговое право и судопроизводства. § 5. Церковное право. § 6. Тексты законовъ, матеріалы и справочныя изданія.

§ 3. **Гогель, С. К.** Правительствующій сенатъ въ XIX столѣтіи (Оттискъ изъ юбилейной исторіи сената.) Спб., 1911. 208 стр.

Елистратовъ, А. И., проф. Учебникъ русскаго административнаго права. Пособіе къ лекціямъ. Вып. II. М., 1911. 96 — 192 стр. Ц. 75 к.

Катаевъ, М. М. Мѣстныя крестьянскія учрежденіи. (Историческій очеркъ ихъ образованія и нормъ дѣятельности.) Ч. I. Спб., 1911. Изд. Земск. отд. мин. вн. дѣлъ. 128 стр.

Кривощековъ, А. С. Законодательные матеріалы по вопросамъ, относящимся къ поземельному устройству горнозаводскаго населенія. Спб., 1911. Изд. Земск. отдѣла мин. вн. дѣлъ. II+595 стр.

Лондонская декларація о правѣ морской войны. 13/26 февраля 1909 года. Спб., 1911. 28 стр.

Цытовичъ, Н. М., проф. Сельское общество, какъ органъ мѣстнаго управленія. Кіевъ, 1911. VI—233 стр. Ц. 1 р. 60 к. Содержаніе: I. Вопросъ о сельскомъ обществѣ въ эпоху подготовки крестьянской реформы. II. Современное устройство сельскихъ обществъ и его недостатки. III. Проекты реформы сельскаго общественнаго управленія до учрежденія Государственной Думы. IV. Проектъ положенія о поселковомъ управленіи.

§ 4. **Генкинъ, Д. М.** Справки о торговой кредитоспособности (юридическое изслѣдованіе.) Съ предисл. проф. Г. Ф. Шершеневича. М., 1911. Изд. Бр. Башмаковыхъ. VIII+115 стр. Ц. 75 к.

Катаевъ, М. М. Очерки законоположеній о неотчуждаемости надѣльныхъ земель. Спб., 1911. Изд. Земскаго отдѣла мин. вн. дѣлъ. 139 стр.

Люблинскій, П. И. Итоги международнаго конгресса въ Вашингтонѣ. Изъ Жур. Министерства Юстиціи, февраль, мартъ 1911 г. Спб., 1911. 93 стр.

Объ участіи народнаго элемента въ мѣстномъ судѣ. Русская группа междунар. съѣзда криминалистовъ. Протоколъ соедин. засѣданія Спб. юрид. о-ва русской группы междунар. съѣзда криминалистовъ 20 и 21 ноября 1909 года. Спб., 1911. 57 стр.

Производство суда во время плаванія. Записки по законовѣдѣнію морского корпуса. Полковникъ Н. Старкъ. Листъ I. Спб., 1911. 20 стр.

Пусторослевъ, П. П. Телепатія. Публичная лекція. Юрьевъ, 1910. 39+1 нен. стр. Ц. 30 к.

§ 5. **Бенешевичъ, В. Н. М. И. Горчаковъ.** (Некрологъ). Спб., 1911. 19 стр.

Заозерскій, Н., проф. Церковь и государство. Серг. пос., 1911. Изд. Н. М. Елова. 47 стр. Ц. 30 к.

§ 6. **Берентштамъ, М. В. и Новиковъ, В. Н.** Уставъ уголовнаго судопроизводства. Изд. неофиц. Спб., 1911. Изд. III. LXXIII+353 стр. Ц. 80 к.

Бертгольдъ, Г. В. Законъ о душеприказчикахъ по кас. рѣш. правит. сената. (Продолж. книги изд. въ 1896 г.). Сборникъ рѣшеній гражд. кас. департ. Съ сен. разъясн. въ предм. алфав. указ. Пермь, 1911. Изд. Е. А. Кузесъ. 305—352 стр.

— Законъ 14 іюня 1910 года, содержащій въ себѣ Высочайшій указъ 9 ноября 1906 г. о выходѣ изъ общины. Укрѣпленіе земли въ собственность и выдѣлъ къ одному мѣсту, продажа, покупка и залогъ

надѣльной земли. Комментарій. М., 1911. Изд. Юридич. кн. маг. „Право“ Ф. В. Бусыгина. VIII+378 стр. Ц. 80 к.

Горемыкинъ, М. И. Предметный указатель узаконеній и распоряженій правительства по землеустроительнымъ дѣламъ. Спб., 1911. 119 стр.

Громовъ, Н. А. Законы уголовные. Спб., 1911. Изд. Н. К. Мартынова. CCLXXII+1118 стр.

Завадскій, В. Р. Понудительное исполненіе и упрощенное судопроизводство. Законы и прим. къ нимъ. Изд. 4-е, доп. С. В. Завадскимъ. Спб., 1911. Изд. кн. маг. И. И. Зубкова подъ фирмою „Законовѣдѣніе“. 127 стр. Ц. 1 р.

Исаченко, В. А. Русское гражданское судопроизводство. Практическое руководство для студентовъ и начинающихъ юристовъ. Т. II. Судопроизводство охранительное и конкурсное. Спб. 1910—1911. Изд. 3-е, доп. 638+VIII стр. Ц. 3 р. 75 к.

Исаченко, В. Л. Сводъ кассаціонныхъ положеній по вопросамъ русскаго гражданскаго матеріальнаго права за 1866—1910 годы. Спб., 1911. XLIV+868 стр. Ц. 5 р. 50 к.

Новый законъ о комиссіонерахъ и комиссіонныхъ сдѣлкахъ. Спб., 1911. Изд. т-ва „Улей“. 8 стр. Ц. 10 к.

Нюренбергъ, А. М. Сводъ законовъ Россійской Имперіи. Всѣ 16 томовъ, исправленные по продолженію 1906 и 1908 годовъ и дополненные позднѣйшими узаконеніями въ четырехъ книгахъ. Книга пятая. Дополненія. М., 1911. Изд. А. М. Нюренберга. 342 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Пиленко, Ал., проф. Новый законъ объ авторскомъ правѣ. Спб., 1911. Изд. А. С. Суворина. XIV+168 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Плеханъ, И. С. Бюджетные законы. I. Общія смѣтныя правила, изд. съ 22 мая 1862 г. по 8 марта 1906 г. II. Правила составленія смѣты. Съ разъясн. и алфав. предм. указ. Спб., 1911. Изд. юрид. кн. склада „Право“. VIII + 565 + VI стр. Ц. 3 р. 50 к.

Ротенбергъ, Л. М. Полный сводъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената (начиная съ 1866 г.) съ подробнымъ предм. алфав. и постат. указ. за 1868 г. №№ 368—633. Полутомъ 4-й. Екатеринославъ, 1911. Изд. 2-е. 609 — 1088 стр. За 1899 г. №№ 80—116; 1900 и за 1901 г. №№ 1—50. Полут. 61-й. 177—263+273+112 стр. За 1901 г. №№ 50—139 и 1902 г. № 1—126. Полут. 62-й 113—261+286 стр.

— Полный сводъ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента прав. сен. (начиная съ 1866 г.) съ подр. предм. алфав. и постат. указ. за 1871 г. №№ 1838—1929 и за 1872 г. №№ 1—295. Полутомъ 17. Екатеринославъ, 1910. 1685—1777+306 стр. №№ 295—675. Полут. 18-й. 307—706 стр.

VII. Современная общественная жизнь.

§ 1. Публицистика. § 2. Современное освободительное движеніе въ Россіи; біографіи и воспоминанія. § 3. Русскія политическія партіи; Государственная Дума. § 4. Народное образованіе. § 5. Церковь и сектантство. § 6. Національный и инородческій вопросы. § 7. Женскій вопросъ. § 8. Половой вопросъ. § 9. Армія и флотъ.

§ 1. **Аполлонъ.** Новая мірологія и міросозерцаніе. Приглашеніе къ труду и вниманію. М., 1911. 32 стр.

Богдановъ, А. Культурныя задачи нашего времени. М., 1911. Изд. А. Чарушникова и Дороватовскаго. 92 стр. Ц. 60 к.

Глинка, Ѳ. К. Записки хуторянина. Приложеніе къ письму III по адресу своихъ членовъ Госуд. Думы и Госуд. Совѣта. Выкопировка ихъ хуторскихъ записей за время съ 27 февраля по 20 марта 1909 г. По вопросу о программѣ финансированія нашей народной производительности и нашего творчества. Отвѣтъ на вызовъ, сдѣланный по этому вопросу въ „Новомъ Времени“ № 11835. Могилевъ, 1911. 34 стр.

Карницкій, М. Преступленіе Льва Толстого. Соціально-экономическій этюдъ. (Перев. съ франц.) Спб., 1911. 171 стр. Ц. 1 р.

Ковалевскій, П. И., проф. Націонализмъ и національное воспитаніе въ Россіи. Спб., 1911. Изданіе 2-е, доп. 76 стр. Ц. 50 к.

Кривенко, С. Н. Собраніе сочиненій. Внутреннія обозрѣнія, хроника и другія статьи изъ „Отечественныхъ Записокъ“ (1873—1884). Т. I и II. Съ прил. вступ. статьи и портрета. Спб., 1911. LV + 478 + VIII + 456 стр. Цѣна за оба тома 2 р. 50 к.

Куклярскій, Ѳ. Послѣднее слово. Къ философіи современнаго религіознаго бунтарства. Спб., 1911. 100 стр. Ц. 75 к.

И. Л. Правда объ іеромонахѣ Иліодорѣ, Подъ ред. М. Д. Плетнева. М., 1911. Изд. Л. И. Рогозина. IX + 225 стр. + 9 лист. рис. порт. Ц. 1 р. 20 к.

Малининъ, А. А. Отвѣтъ на рѣчь Маклакова объ университетскихъ событіяхъ. М., 1911. 16 стр. Ц. 15 к.

Паперъ, М. Безъ выхода. Трагедія одинокой души. М., 1911. Изд. В. П. Португалова. 36 стр. Ц. 50 к.

Пасхаловъ, К. Земскій вопросъ. Спб., 1911. 38 стр.

Перевозникова, И. П. „Положеніе книжнаго дѣла въ Россіи“ (разсужденіе стараго книжника). Спб., 1911. 72 стр.

Поляки и Евреи. Матеріалы о польско-еврейскомъ спорѣ по поводу законопроекта о городскомъ самоуправленіи въ Польшѣ. Изъ статей и заявленій депутата Грабскаго, Р. Дмовскаго, Н. Дубровскаго, Вл. Жаботинскаго, деп. И. Петрункевича и А. Свѣнтоховскаго. Одесса, 1911. Изд. книгоиз. М. Скозмана. 72 стр.

Самоновъ, А. В. Идеи современной войны. Этюдъ. Спб., 1911. 40 стр. Ц. 30 к.

Севастьяновъ, Вяч. Юридическая помощь населенію. (Докладъ, прочит. въ томскомъ об-вѣ избирателей и обывателей 28 марта 1910 г.) Томскъ, 1910. 32 стр.

Сивачевъ, М. „Прокрустово ложе“. (Записки литературнаго Макара.) Кн. 2-я. (Собр. сочин. Т. II.) М., 1910. Изданіе „Современ. Проблемы“. 250+6 нен. стр. Ц. 1 р.

Струве, П. Patriotica. Политика, культура, религія, соціализмъ. Сборникъ статей за пять лѣтъ (1905—1910 гг.) Спб., 1911. Изд. Д. Е. Жуковскаго. 8+619 стр. Ц. 3 р.

Толстой, Л. Н. I. Послѣднія слова, записанныя Чертковымъ. II. Послѣднія сказанія. III. О евреяхъ. Какъ послѣднее изъ его произведеній, написанныхъ передъ смертью. Харьковъ, 1911. 24 стр. Ц. 10 к.

Челышевъ, М. Алкоголизмъ и школа. Спб., 1911. 106 стр.

§ 4. Воспоминанія народнаго учителя. Спб., 1911. 47 стр. Ц. 35 к.

Ильминскій, Н. Бесѣды о народной школѣ. Вып. I. Казань, 1911. 42 стр.

Кечеджи-Шаповаловъ, М. В. Коммерческое образованіе, его значеніе, задачи, методы и организаціи (въ Россіи и за границей). Спб., 1911. Изд. т-ва „Улей“. 318 стр. Съ рис. Ц. 2 р.

Корененко, К. И. Просвѣщеніе и школы въ Россіи въ XVII вѣкѣ. Историческій обзоръ возникновенія и развитія школъ въ Россіи со времени введенія христіанства до царствованія Петра Великаго. Севастополь, 1911. 30 стр. Ц. 15 к.

Тираспольскій, Г. Л., проф. Новый типъ технической школы. (Изъ отчета о заграничной командировкѣ.) Спб., 1911. 24 стр. Съ рис.

Чарнолускій, В. Настольная книга по народному образованію. Т. IV, дополнит. Систематическій сводъ новыхъ постановленій, распоряженій, справочныхъ свѣдѣній и т. д., составляющій продолженіе томовъ I—III, съ присоединеніемъ двухъ новыхъ отдѣловъ: „Дошкольное образованіе“, „Школьная гигіена, санитарія и архитектура“. Спб., 1911. Изд. т-ва „Знаніе“ (неофиціальное). IV+788 стр. Ц. 5 р.

§ 5. **Кальневъ, М. А.** Нѣмцы и штундо-баптизмъ. По поводу найденнаго протокола одной изъ конференцій штундистовъ, состоявшейся 21—23 мая 1882 года въ нѣмецкой колоніи Рикснау, Таврической губ. Одесса, 1911. Изд. 2-е. 52 стр. Ц. 40 к.

Кругловъ, Ѳ. Старообрядческій расколъ въ 1910 г. Спб., 1911. 27 стр.

Носковъ, Г. Откуда явилась секта баптистовъ на Руси и давно ли она существуетъ по даннымъ самихъ же баптистовъ. (Обличеніе баптистовъ на основаніи св. писанія и ихъ же литературы.) Изд. 3-е. 32 стр. Съ портр. Ц. 5 к. Изд. 4-е. 32 стр. Съ портр. Ц. 5 к. Балашовъ, 1911.

Современное состояніе русскаго баптизма. Записка. Спб., 1911. Изд. М. В. Д. департ. духовн. дѣлъ. 66 стр.

Соловьевъ, В. Россія и вселенская церковь. Пер. съ франц. Г. А. Рачинскаго. М., 1911. Изд. книгоизд. „Путь“. 451 стр. Ц. 2 р. 25 к.

Щукинъ, В. В., свящ. Современность и христіанство. XVI назидательныхъ чтеній. Рига, 1911. 144 стр.

§ 6. **Бернгардъ, Л., проф.** Борьба поляковъ за существованіе въ Пруссіи. Съ пред. П. Б. Струве и вступит. статьей А. С. Изгоева. М., 1911. Изд. П. П. Рябушинскаго. XXVI+584 стр. и 2 карты. Ц. 2 р. 50 к.

Липранди, А. П. и Волынецъ, А. Равноправіе и еврейскій вопросъ. Харьковъ. 1911. 128 стр. Ц. 75 к.

Логуновъ, С. Р. Открытое письмо Валаама русскимъ юдофобамъ. Спб., 1911. 24 стр. Ц. 15 к.

Соловьевъ, В. Русская идея. М., 1911. Изд. книгоизд. „Путь“. 51 стр. Ц. 75 к.

Шёнхерръ, К. Вѣра и Родина. Трагедія одного народа. (Удостоена преміи Гильпардера.) Перев. съ нѣмец. В. Горева. Спб., 1911. 72 стр. Ц. 75 к.

Шмаковъ, А. С. Рѣчь по еврейскому вопросу, произнесенная 12 и 13 февраля 1911 года на VIII съѣздѣ объединенныхъ дворянскихъ обществъ въ С.-Петербургѣ. М., 1911. 49 стр.

§ 7. **Викторинъ, еп.** Понятіе о женщинѣ и бытъ ея у мухаммеданъ и у христіанъ. Казань, 1911. Изд. перев. ком. правосл. миссіон. об-ва. 24 стр.

§ 9. **Незнамовъ, А.** Современная война арміи. Спб., 1911. VII+318 стр. и 4 плана. Ц. 2 р. 50 к.

Семеновъ, Вл. „Флотъ“ и „Морское вѣдомство“ до Цусимы и послѣ. Спб. 1911. Изд. 2-е, посмертное, Вольфъ. 109 стр. Ц. 90 к.

VIII. Искусство.

§ 1. Общія сочиненія; эстетика. § 2. Исторія изобразительнаго искусства; біографіи, переписка. § 3. Исторія русскаго изобразительнаго искусства; біографіи, переписка. § 4. Техника; обученіе искусству. § 5. Музыка. § 6. Драматическое искусство; хореографія. § 7. Прикладное искусство.

§ 1. Вопросы теоріи и психологіи творчества (томъ I). Пособіе при изученіи теоріи словесности въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Статьи: Е. Аничкова, А. Горнфельда, Д. Овсянико-Куликовскаго, Т. Райнова, К. Тіандера, В. Харціева и Б. Лезина. Подъ ред. Б. А. Лезина. Харьковъ, 1911. Изд. 2-е, Б. А. Лезина. IV + 432 стр. + 2 портр. Ц. 1 р. 75 к.

Ганслинъ, Э. О музыкально-прекрасномъ. Опытъ повѣрки музыкальной эстетики. Перев. съ нѣмец. Ларошъ. Съ предислов. переводчика. М., 1911. Изд. П. Юргенсона, 2-е. 162 стр. Ц. 1 р 50 к.

Христіансенъ, Б. Философія искусства. Перев. Г. П. Федотова, подъ ред. Е. В. Аничкова. (Б-ка современной философіи. Выпускъ седьмой.) Спб., 1911. Изд. „Шиповникъ". 289 стр. Ц. 1 р. 75 к.

§ 3. **Грабарь, И.** Исторія русскаго искусства. Вып. VIII. Спб., 1911. Изд. І. Кнебель (Москва). 142 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 60 к.

§ 6. **Евреиновъ, Н.** Крѣпостные актеры. Историческій очеркъ. Спб., 1911. Изд. дирекціи спб. Имп. театровъ. 80 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

IX. Математика и естествовѣдѣніе.

§ 1. Элементарная и высшая математика; механика. § 2. Астрономія, міровѣдѣніе, космографія. § 3. Физика, химія, кристаллографія. § 4. Геологія, минералогія, физическая географія (метеорологія, климатологія). § 5. Біологія, ботаника, зоологія, сравнительная анатомія, палеонтологія, біологическая географія. § 6. Физіологія, психологія, анатомія человѣка; гигіена. § 7. Географія, этнографія, путешествія. § 8. Исторія математическихъ и естественныхъ наукъ; біографіи; общія сочиненія по философіи естествознанія. § 9. Методика естественныхъ и математическихъ наукъ. § 10. Справочныя изданія по естественнымъ наукамъ.

§ 1. **Воронецъ, П. В.** Дифференціальныя уравненія движенія твердаго тѣла по отношенію къ средѣ, имѣющей произвольно заданное движеніе. (Отд. отт. изъ „Сборн. статей, посвящен. проф. Г. К. Суслову"). Кіевъ, 1910. 40 стр.

Гартцъ, В. Ѳ. Новые ряды въ математическомъ анализѣ. Спб., 1910. 40 стр. Ц. 80 к.

Глѣбовъ, Н. Координаты. Математическое извлеченіе. Т. 1. Спб., 1911. 128 стр.

Зиминъ, М. Ѳ. Аналитическая геометрія. Лекціи, чит. въ Алексѣевскомъ донскомъ политехническомъ институтѣ. Ростовъ-на-Д., 1911 г. Изд. В. Чекомасова, 2-е. 348 стр. Съ чертеж.

Крыловъ, Н. М. О разложеніяхъ въ ряды по фундаментальнымъ функціямъ, встрѣчаемыхъ при интегрированіи одного дифференціальнаго уравненія, съ частными производными четвертаго порядка, и о разложеніяхъ по полиномамъ Якоби. Кіевъ, 1911. 103 стр.

Кучменко, П. П. Координаты, практическое ихъ опредѣленіе и примѣненіе въ низшей геодезіи. Владиміръ, 1911. 32 стр. Ц. 50 к.

Фогель, Р., проф. О невозможности трехъ рѣшеній при теоретически полномъ опредѣленіи параболической орбиты. Кіевъ, 1911. 16 стр.

§ 3. **Ипатьевъ, Вл., проф.** Курсъ органической химіи. Спб., 1911. Изд. 3-е, перес. 373 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

Изъ вопросовъ физики. Вып. I. О свѣтѣ. Подъ ред. В. К. Лебединскаго. Спб., 1911. Изд. кн-ства „Физика". VII+178 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Кауфманъ, Г., д-ръ, проф. Радій и явленія радіоактивности. Перев. съ нѣм. С. А. Алексѣева. Подъ ред. В. К. Лебединскаго. Спб., 1911. Изд. „Физика". 112+VIII стр. Ц. 65 к.

Кураевъ, Д. И., проф. Физіологическая химія. Харьковъ, 1911. Изд. книгоизд. В. П. Замѣрцъ и В. Г. Медвѣдева. 122+ +1 нен. стр. Ц. 1 р. 75 к.

Оствальдъ, В., д-ръ. Основы физической химіи. Авториз. пер. А. Г. Коблянскаго. Подъ редак. П. П. фонъ-Веймарна. Спб., 1911. Издан. книгоизд. „Естествоиспытатель". VIII+323—805 стр. Ц. 5 р.

Планкъ, М. Теоретическая физика. Восемь лекцій. Пер. съ нѣмец. И. М. Зан-

чевскаго. Спб., 1911. Изд. „Образованіе“. 157 стр. Ц. 70 к.

Томсонъ, Дж. Дж. Матерія, энергія и эѳиръ. Рѣчь, произнесенная на съѣздѣ британской ассоціаціи въ Виннипегѣ (Канада) въ 1909 г. Перев. С. А. Алексѣева. Подъ ред. С. О. Майзель. Спб., 1911. Издан. кн-ства „Физика“. 56 стр. Ц. 40 к.

Фрёлихъ, Э. Стереохимія ассиметрическаго атома азота. Рига, 1911. 103 стр.

§ 4. **Бергъ, Э. Ю.** Наблюденія надъ плотностью снѣгового покрова за 5 зимъ $1903/_4$ — $1907/_8$ гг. Лѣтописи николаевской главной физической обсерваторіи. Спб., 1911. X+42 стр.

Труды астрономической обсерваторіи Импер. юрьевскаго унив. Т. XXI. Ч. III. **Орловъ, А. Я.** Новыя формулы для опредѣленія элементовъ орбитъ частицъ кометнаго хвоста съ примѣненіемъ къ кометѣ 1908 г. (Morehouse). Опредѣленіе массы системы земля-луна по геодезическимъ измѣреніямъ и наблюденіямъ. **Шенбергъ, Э.** Способъ соотвѣтствующихъ высотъ съ примѣненіемъ къ опредѣленію широты Юрьева весною 1909 г. Юрьевъ, 1910. 70 стр.

§ 5. **Костычевъ, С.** Физіологохимическія изслѣдованія надъ дыханіемъ растеній. Юрьевъ, 1901. 206 стр.

Лункевичъ, В. Подводное царство. (Научно-популярн. библ. для народа, № 19.) Спб., 1911. Изд. В. Яковенко. 80 стр. Съ 66 рис. Ц. 20 к.

Пуріевичъ, К., проф. Изслѣдованія надъ синтезомъ бѣлковъ у низшихъ растеній. Кіевъ, 1911. 19 стр.

Таліевъ, В. И. Основы ботаники въ обще-біологическомъ изложеніи. Ч. II. Харьковъ, 1911. Изд. 2-е. Кн. маг. А. Г. Дредера. 344 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Фабръ. Жуки-навозники. Изложеніе Л. Очаповскаго. Спб., 1911. Изд. вятскаго т-ва. 115 стр. Ц. 35 к.

§ 6. **Ферворнъ, М., д-ръ.** Общая физіологія. Вып. II. Основы ученія о жизни. Разрѣш. и одобрен. авторомъ перев. съ 5 нѣм. издан. І. Я. Ляховскаго и М. Я. Гольденвейзеръ. Съ пред. автора къ русск. изд. Подъ ред., съ предисл. и прим. проф. Г. А. Кожевникова. М., 1911. Изд. кн-ва „Соврем. пробл.“. II+474 стр. Съ рис. Ц. 3 р.

Эдингеръ, Л., проф. Введеніе въ ученіе о строеніи нервной системы. Пер. сочин. „Einführung in die Lehre vom Bau und den Verrichtungen des Nervensystems“. Подъ ред. и съ доп. главы „Общій очеркъ проводящихъ путей мозга“ В. Я. Рубашкина. Спб., 1910. Изд. К. Я. Риккера. 216 стр. Съ рис.+1 таб. Ц. 2 р. 80 к.

§ 7. **Александровъ, Н. С.** Европа. Швейцарія. Лозанна въ XX в. Воронежъ, 1911. 19 стр. Ц. 25 к.

Ивановъ, П. Е. Въ интимныхъ уголкахъ и въ общественныхъ мѣстахъ у японцевъ. (Изъ записной книжки путешественника.) М., 1911. 167 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Иширковъ, А., д-ръ. Болгарія. Переводъ съ болгарскаго К. Мисиркова. Славянская би-ка. Одесса, 1911. Изд. К. П. Мисиркова. VIII+235 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Кедровъ, П. П. (іером. Аверкій). По святой землѣ. (Изъ личныхъ впечатлѣній паломника.) Вильна, 1910. 43 стр.

Лункевичъ, В. Среди снѣговъ и вѣчнаго льда. Научно-популяр. би-ка для народа, № 23. Спб., 1911. Издан. В. Яковенко. 96 стр. Съ 44 рис. Ц. 24 к.

Нечаевъ, А. П. Въ мірѣ брызгъ и пѣны. Изъ поѣздокъ по водопадамъ. Земля и люди. Географ. би-ка, № 2. Жизнь народовъ Россіи. Спб., 1911. Изд. П. В. Луковникова. 60 стр. Съ 28 рис. Ц. 25 к.

Оппенгеймеръ, Ф., д-ръ. Моя поѣздка въ Палестину. Перев. съ нѣм. І. Эпштейна. Вильна, 1910. Изд. Кадима. 40 стр.

Стукаличъ, В. К. Н. Я. Никифоровскій. 1845—1910 гг. Вильна, 1910. Изд. сѣв.-зап. отд. русск. геогр. общ. 32 стр. Ц. 50 к.

Труды общества изслѣдователей Волыни. Т. IV, 1911 г. Житоміръ, 1911. 198+ +7+12+1 нен. стр.+6 табл.

Филатовъ, С. М. Цевельское болото. Матеріалы по изученію восточнаго болотнаго района Псковской губерніи. Псковъ, 1911. Издан. псковскаго губ. земства. 46 стр. Съ 2 табл. Ц. 50 к.

Фольбаумъ, Н. Китай и китайцы. Очерки. М., 1911. 52 стр. Съ рис.

§ 8. **Планкъ, М.** Отношеніе новѣйшей физики къ механистическому міровоззрѣнію. Рѣчь, произн. во второмъ общемъ засѣданіи 82-го съѣзда об-ва германскихъ естествоиспытателей и врачей 23 сент. 1910 года въ Кенигсбергѣ. Пер. съ нѣм. І. Л. Левинтона, подъ редак. „Вѣстника опытной физики и элементарной математики“. Одесса, 1911. Издан. Матезисъ. 42+9 нен. стр. Ц. 25 к.

Святскій, Д. Лѣстница Іакова или сонъ наяву. Библейско-астроном. этюдъ съ пред. Н. Морозова. (Съ рисунками, картами и текстомъ апокрифа „Лѣствица“.) Спб., 1911. 32 стр. Съ 5 рис.

§ 10. Русская математическая библіографія. Вып. I. Списокъ сочиненій по чистой и прикладной математикѣ, напечатанныхъ въ Россіи въ 1908 году, подъ ред. проф. Д. М. Синцова. Одесса, 1910. Изд. Матезисъ. 73+11 нен. стр. Ц. 60 к.

X. Книги для дѣтей.

Аксаковъ, С. Т. Красота природы. Книжка для чтенія на третьемъ году обученія. Б-ка новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Аленушка. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. Библіотека новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1911. Изд. И. Д. Сытина, 4-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Алтаевъ, Ал. За свободу родины. Историческій романъ для юношества изъ временъ паденія Чехіи. Спб., 1911. 257 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

Амичисъ, Э. (де). За матерью (Апеннины и Анды). Приключенія мальчика, уѣхавшаго въ Америку разыскивать свою мать. Перев. съ итал. М. Ватсонъ. Избранная б-ка для семьи и школы. Подъ ред. Л. Кормчаго и Петрова. Спб. 1911. Изд. книгоизд-ва „А. Ф. Сухова". 32 стр. Съ 1 рис. Ц. 15 к.

Андреева, Ю. Много дѣтей, много затѣй. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. Спб., 1911. Изд. 2-е, М. О. Вольфа. 16 стр. Съ 6 карт.

Анненская, А. Н. Своимъ путемъ. Разсказы для дѣтей старшаго возраста. Спб., 1911. Изд. 3-е. 378 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— Свѣтъ и тѣни. Повѣсти и разсказы для дѣтей средняго возраста. Спб., 1911. Изд. 2-е. 475 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Анцевъ, М. В. Двадцать басенъ. Витебскъ, 1910. 57+1 стр. Ц. 30 к.

Ардовъ, Т. Дядя Квакъ. Сказочка. Рисунки В. В. Спасскаго. Б-ка Ступина. М., 1911. Изд. А. Д. Ступина. 29+3 нен. стр.+3 листа рис. Ц. 10 к.

Бегма, О. Бомъ-Бэль, приключенія одной куклы. Разсказъ для малышей. Вильна, 1910. 54 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

Березинъ, Н. Въ Новый Свѣтъ за счастьемъ. Спб., 1911. Изд. „Юнаго Читателя" и вятскаго т-ва. 128 стр. Ц. 40 к.

Бернетъ, Ф. Исторія маленькаго лорда. Повѣсть для юношества. Перев. съ англ. Подъ ред. Е. Сысоевой. Спб., 1911. Изд. Девріена, 6-е. 193 стр. Съ 27 рис.

Бэръ, П. Божій міръ въ бесѣдахъ и картинкахъ. Начальные уроки міровѣдѣнія. Перев. съ франц. Подъ ред. Е. И. Чижова. Годъ первый. М., 1911. Изд. „Посредника", 8-е. 188 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

— Божій міръ въ бесѣдахъ и картинкахъ. Начальные уроки міровѣдѣнія. Перев. съ франц. Подъ ред. Е. М. Чижова. М., 1911. Изд. „Посредника", 9-е. 123+IV стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Вахтеровы, В. и Э. Міръ въ разсказахъ для дѣтей. Первая послѣ букваря книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. М., 1911. Изд. 27-е, И. Д. Сытина. 180+III стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Вашковъ, Е. Иванъ сирота. Сказка въ стихахъ съ рисунками автора. М., 1911. 44 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Вериго, М. Въ лѣсу. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. 2-я книжка. Перев. съ польскаго О. Заремби. „Б-ка новой школы" Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1911. Изд. И. Д. Сытина, 2-е. 31 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Вокругъ свѣта и другіе разсказы. Альманахъ для дѣтей средняго возраста. Пер. съ франц. В. В. Беккеръ. Подъ ред. Е. И. Волгина. М., 1911. 121 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

Волгинъ, Е. Среди чужихъ. Повѣсть для дѣтей и юношества. М., 1911. 120 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

Времена крѣпостного права. Дворня. (Б-ка новой школы. Для старшихъ. № 3). Тулупова, Н. В. и Шестакова, П. М. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. 48 стр. Ц. 4 к.

Времена крѣпостного права. Деревня. Для старшихъ. Б-ка новой школы. Тулупова, Н. В. и Шестакова, П. М. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. 47+1 нен. стр. Ц. 4 к.

Вучетичъ, Н. Г. Красный фонарь, Митина нива и другіе разсказы для дѣтей. Спб., 1911. Изд. 3-е т-ва М. О. Вольфъ. 177 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Герасимовъ, М. Первое знакомство съ физикой посредствомъ общедоступныхъ приборовъ. Руководство для дѣтей средняго возраста. Спб., 1911. 95 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Гофманъ, Фр. Бѣдность—не порокъ. Разсказъ для дѣтей и юношества изъ жизни одного народнаго учителя. Перев. съ нѣм. В. Энгельгардтъ. Спб., 1911. Изд. В. И. Губинскаго. 99 стр. Съ 4 рис. Ц. 45 к.

Гуси-лебеди. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. Б-ка новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1911. Изд. И. Д. Сытина, 4-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Деркачевъ, И. Дѣтскія пѣсенки. Съ рисунками И. С. Панова. Библіотечка Ступина. М., 1911. Изд. А. Д. Ступина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Диккенсъ, Ч. Скряга Скруджъ. Рождественская пѣснь въ прозѣ. Разсказъ для дѣтей. Перев. съ англ. Спб., 1911. Изд. В. И. Губинскаго. 47 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Жуковскій, В. А. Ундина. Старинная повѣсть, изъ Ламоттъ-Фуке. Спб., 1911. Изд. И. Глазунова. 82 стр. Съ рис.

Загоскинъ, М. Н. Брынскій лѣсъ. Историческій романъ изъ первыхъ годовъ царствованія Петра Великаго. (Иллюстрированная биб. соч. М. Н. Загоскина, № 5). М., 1911. Изд. 2-е кн. скл. М. В. Клюкина. 287+1 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Ивинъ, А. (Н. Покровскій). Друзья дѣтей. Сборникъ разсказовъ съ рис. Литвиненко. Биб. маленькаго читателя. М., 1911. Изд. В. С. Спиридонова, 7-е. 78 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Инфантьевъ, П. Собака хозяина горъ. Разсказъ изъ жизни гиляковъ. Земля и люди. Географ. биб. № 10. Жизнь народовъ Россіи. Спб., 1911. Изд. П. В. Луковникова. 39 стр. Съ 13 рис. Ц. 16 к.

— Женитьба Пакангура. Разсказъ изъ жизни камчадаловъ. Земля и люди. Географическая биб. № 11. Жизнь народовъ Россіи. Спб., 1911. Изд. П. В. Луковникова. 27 стр. Ц. 13 к.

Кругловъ, А. В. Счастье. Повѣсть для дѣтей школьнаго возраста. Въ двухъ частяхъ. Спб., 1911. Изд. А. Ф. Девріена, 4-е. 185 стр. Съ 8 рис. Ц. 80 к.

Крѣпостное право и его отмѣна. Книжка для чтенія на третьемъ году обученія. Библіотека новой школы. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1911. Изд. И. Д. Сытина. 62+II нен. стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Кузминская, Т. Изъ жизни крѣпостной дѣвочки (быль). Спб., 1911. Изд. А. С. Суворина. 88 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Лаврентьева, С. Другъ дѣтей.—Е. М. Бёмъ. (Біографическій эскизъ.) Спб., 1911. 18 стр.+1 портр.

Лѣсной, И. Господа Малыши. Книжечка разсказовъ для самыхъ маленькихъ дѣтей. Спб., 1911. Изд. т-ва Вольфъ. 34 нен. стр. Съ рис.

— Маленькіе затѣйники. Книжечка разсказовъ для самыхъ маленькихъ дѣтей. Спб., 1911. Изд. т-ва Вольфъ. 34 нен. стр. Съ рис.

Лѣтомъ. Книжка для чтенія на второмъ году обученія. Б-ка новой школы. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1911. Изд. И. Д. Сытина, 3-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Любичъ-Кошуровъ, І. А. Души живыя. Очерки и разсказы съ рис. худ. Нордберга и А. И. Кланга. М., 1911. Изд. 2-е, Д. П. Ефимова. 56 стр. Съ рис. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к.

Мальчикъ съ пальчикъ. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. Б-ка новой школы. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 4-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

На святкахъ. Книжка для чтенія на третьемъ году обученія. Б-ка новой школы. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1911. Изд. И. Д. Сытина, 3-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 4 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Б-ка для семьи и школы. Береговые пираты. М., 1911. Изд. журн. „Юная Россія". 110 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Нечаевъ, А. П. Чудеса земли, или разсказы о томъ, какія на землѣ происходятъ измѣненія и къ чему они ведутъ. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 131 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Новыя сказки. Золушка. Столикъ накройся. Страшный цырюльникъ. Фея родника. Зеилъ ель Аснамъ. Рыбакъ и Духъ. Спб., 1911. 8 стр.

Оросло, В. Н. Дѣтскія сказки. Т. I. М., 1911. 141 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Осенью. Книжка для чтенія на второмъ году обученія. Б-ка новой школы. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Перелыгинъ, Н. И. Кузнецъ-механикъ. Повѣсть для дѣтей. М., 1911. Изд. Д. П. Ефимова. 32 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

— Черевички. Повѣсть изъ малороссійскаго быта для дѣтей. М., 1911. Изд. Д. П. Ефимова, 2-е. 36 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Погожева, Е. Потерянный мальчикъ Вася. Изъ разсказовъ бабушки. (Общедоступная б-ка Ступина.) М., 1911. Изд. А. Д. Ступина, 7-е. 40 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Про журавля и лебедя. Книжка для чтенія на второмъ году обученія. Б-ка новой школы. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Про лису и про зайца. Книжка для чтенія на второмъ году обученія. Б-ка новой школы. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1911. Изд. 3-е, т-ва И. Д. Сытина. 31 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Про мышь зубастую да про воробья богатаго. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. Б-ка новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1911. Изд. И. Д. Сытина, 4-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Про плутовку лису. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. Б-ка новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1911. Изд. И. Д. Сытина, 4-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Радичъ, В. Богданъ Хмѣльницкій. Истор. очеркъ. Съ рис. П. Ф. Яковлева. М., 1911 Изд. Д. П. Ефимова, 2-е. 159 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Рождественская елка. Книжка для чтенія на второмъ году обученія. Б-ка новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шеста-

кова. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 4 к.

Сальгари, Э. На дальнемъ западѣ. Романъ. Перев. съ итал. М. К. Первухина. М., 1911. 261 стр. Ц. 50 к.

— Человѣкъ огня. Романъ приключеній. Съ рис. А. Делла-Вале. Перев. съ итальянск. Э. К. Пименовой. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 253 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Сборникъ разсказовъ и стихотвореній для дѣтей. М., 1911. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. 20 стр.

Сизова, А. К. Дочь солнца. Тысячу лѣтъ назадъ. Историческая повѣсть въ двухъ частяхъ. Съ рис. И. В. Ферстера. (Б-ка для семьи и школы.) М., 1911. Изд. ред. журн. „Юная Россія“. 94 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Смайльсъ, С. Неутомимый работникъ Томасъ Эдвардъ. Знаменитый натуралистъ башмачникъ. Перев. съ англійск. Избранная б-ка для семьи и школы. Спб., 1911. Книгоизд. А. Ф. Сухова. 44 стр.

Снѣгурка. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. Б-ка новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1911. Изд. И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Солодовниковъ, Д. Д. Въ московскомъ царствѣ. Историческія картинки. Б-ка для семьи и школы. М., 1911. Изд. ред. журн. „Юная Россія“, 3-е. 95 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Среди углекоповъ. Повѣсть изъ жизни англійскихъ рабочихъ. Перев. съ англ. Э. Пименовой. Спб., 1911. Изд. 3-е б-ки Юнаго читателя. 139 стр. Ц. 30 к.

Страшная коза. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. Б-ка новой школы. М., 1911. Изд. И. Д. Сытина, 4-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Суриковъ, И. З. Дѣтскіе годы. Сборникъ стихотвореній. М., 1911. Изд. „Посредника“, 3-е. 31 стр. Ц. 3 к.

Н. Т. Дѣтвора. Сборникъ разсказовъ и стиховъ. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 20 стр. Съ рис.

Твэнъ, М. Принцъ и нищій. Спб., 1911. 64 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Тихомирова, Е. Н. Правда и кривда. Царевна-отгадчица. Двѣ сказки. (Дешевая б-ка для семьи и школы.) М., 1911. Изд. журн. „Юная Россія“, 3-е. 15 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Толстой, Л. Н. Ученіе Христа, изложенное для дѣтей. М., 1911. Изд. „Посредникъ“, 3-е. 96 стр. Ц. 25 к.

— Ученіе Христа, изложенное для дѣтей. Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. М., 1911. Изд. 3-е. 96 стр. Ц. 20 к.

Французъ, К. Э. Два спасителя, изъ разсказовъ бабушки. (Съ нѣмецкаго.) Обработано для юношества. Одесса, 1911. Изд. Juventus. 16 стр. Ц. 7 к.

Шевченко, Т. Г. Маленькій Кобзарь. Избранныя сочиненія. На малороссійскомъ языкѣ и въ переводахъ русскихъ поэтовъ. Составилъ В. Л. М., 1911. Изд. журн. „Семья и Школа“. 32 стр. Съ рис. Ц. 12 к.

XI. Справочныя изданія общія.

§ 1. Энциклопедіи. § 2. Словари. § 3. Библіографическіе справочники.

§ 1. Военная энциклопедія. Подъ ред. В. Ѳ. Новицкаго и др. Вып. II. Алжирскія экспед.—Англо-фр.-кит. война. Спб., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 321—480 стр. Съ рис. и портр.+31 лист. рис. и картой.

Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній. Т. VII. Языкознаніе и исторія литературы. М., 1911. Изд. харьков. об-ва распр. въ нар. грамотн. VIII+612 стр. Съ рис.+1 карта.

Новый энциклопедическій словарь. Т. II. Александръ Ягеллонъ — Антидоръ. Спб., 1911. Изд. Ф. Брокгауза и И. А. Ефрона. 960 столбцовъ (въ 2 ст.)+Съ 23 таблицы, карты, планы и хромолитографіи.

§ 2. Иностранный словарь. Энциклопедія-лилипутъ. Вып. I—II. Бердичевъ, 1911. Изд. И. М. Финѣльштейна. 192+193—384 стр. Ц. по 5 к.

Сеславинъ, Д. И. Словарь русско-англійскій. Коллекція карманныхъ словарей. Кіевъ, 1911. Изд. южно-русск. книгоизд. Ф. А. Іогансона, 3-е. 633 стр. Ц. 60 к.

§ 3. **Вальденбергъ, Д. В.** Справочная книга о печати всей Россіи. 2 части. Спб., 1911. XVI+656 стр. Ц. 3 р.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» въ теченіе апрѣля 1911 г.

Абрамова, А. Царь Саулъ. Спб., 1911 г. Стр. 80. Ц. 75 к.

Авсѣенко, В. Г. Сочиненія. Т. V. Млечный путь. Стр. 417. Т. VI. На распутьи. Стр. 386. Т. VII. Женщины. Стр. 438. Т. VIII. Женщины. Стр. 434. Ц. кажд. тома 1 р. 50 к., въ пер. 2 р. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1911 г.

Алавердянцъ, М. Новыя данныя о Нинѣ А. Грибоѣдовой. Спб., 1911 г. Стр. 14.

Александровъ, Д. Студенческія квартиры въ Кіевѣ. Кіевъ, 1910 г. Стр. 77.

Александровичъ, Ю. Исторія новѣйшей русской литературы. Ч. I. Чеховъ и его время. К-во „Сфинксъ". М., 1911 г. Стр. 288. Ц. 1 р.

Аливконъ. Собр. соч. Кн. I. Лодзь, 1910 г. Стр. 117. Ц. 65 к.

Андронъ. Молодые побѣги. Романъ. II ч. Изд. кн. маг. „Наша жизнь". Спб., 1911 г. Стр. 167. Ц. 40 к.

Андрусонъ, В. И., д-ръ. Крутые ручьи. (Колонія прокаженныхъ.) Спб., 1910 г. Стр. 82. Ц. 60 к.

Астровъ, П. И. „Христосъ" художника И. А. Астафьева. Ц. 20 к. Неотложное дѣло. Рѣчь. Цѣна не обозначена. М., 1911 г.

Ашевскій, С. Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ. Спб., 1911 г. Стр. 328. Ц. 1 р. 25 к.

Б. Н. И. Собраніе сочиненій. Т. I. Хроника маленькихъ человѣчковъ. Кривой Рогъ, 1911 г. Стр. 265. Ц. 1 р.

Багалѣй. Очерки изъ русской исторіи. Харьковъ, 1911 г. Стр. 624. Ц. 3 р.

Бальтрушайтисъ, Ю. Земныя ступени. Элегіи, пѣсни, поэмы. К-во „Скорпіонъ". М., 1911 г. Стр. 212.

Бееръ, Теодоръ. Міровоззрѣніе Эрнста Маха. Перев. съ нѣм. Г. Котляра. Изд-ство „Образованіе". Спб., 1911 г. Стр. 124. Ц. 60 к.

Бердяевъ, Николай. Философія свободы. Изд-ство „Путь". М., 1911 г. Стр. 280. Ц. 2 р.

Бертенсонъ, Л. Б. Страничка къ воспоминаніямъ о Л. Н. Толстомъ. Спб., 1911 г. Стр. 12. Ц. 40 к.

Боргманъ, И. И., подъ ред. Новыя идеи въ физикѣ. Сборникъ № 1. Строеніе вещества. Изд-ство „Образованіе". Спб., 1911 г. Стр. 132. Ц. 60 к.

Бородовскій, В. А. Поглощеніе бэта лучей радія. Юрьевъ, 1910 г. Стр. 203 + VI. Ц. 1 р. 50 к.

Бурже, Поль. Собран. сочин. Т. I. Женское сердце. Пер. гр. М. П. Комаровской. Изд. И. Н. Клочкова. М., 1911 г. Стр. 460. Ц. 1 р. 40 к.

Бѣлавенцева, Ольга. Трагедіи падшихъ. Спб., 1911 г. Стр. 94. Ц. 75 к.

Верлэнъ, Поль. Собраніе стиховъ въ переводѣ Валерія Брюсова. К-во „Скорпіонъ". М., 1911 годъ. Стр. 201. Ц. 2 р.

Веселовскій, Борисъ. Исторія земства. Т. IV. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1911. Стр. 696 + 104 + XXIX. Цѣна за 4 тома 20 р.

Вопросы колонизаціи. Періодич. сборникъ подъ ред. Г. Ф. Чиркина и Н. А. Гаврилова. Спб., 1911. Стр. 530. Ц. 2 р. 50 к.

Всероссійскій студенческій сборникъ. Изд. группы студентовъ Харьковскаго университета. Харьковъ, 1911 г. Стр. 125. Ц. 75 к.

Вѣтринскій, Ч. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. М., 1911 годъ. Стр. 79. Ц. 15 к.

Гаррисъ, Р. Школа адвокатуры. Пер. съ англійскаго П. Сергѣича. Спб., 1911 г. Стр. 280. Ц. 2 р.

Герасимовъ, М. Первое знакомство съ физикой. Спб., 1911 годъ. Стр. 95. Ц. 50 к.

Глѣбовъ, Н. Координаты. Математическое отвлеченіе. Т. I. Спб., 1911 г. Стр. 128. Ц. 2 р.

Городецкій, С., Ремизовъ, А., Карповъ, П., Верхоустинскій, Б., Курловъ, Е., Москвичъ, Ст. Жатва. Первый литературный альбомъ. М., 1911 г. Стр. 180. Ц. 1 р.

Граціанскій, Николай. Парижскіе ремесленные цехи въ XIII—XIV стол. Казань, 1911 г. Стр. 347. Ц. 2 р.

Грекова, Елена. Разсказы. Спб., 1911 г. Стр. 192. Ц. 1 р.

Грифцовъ, Б. Три мыслителя. Изд. В. М. Саблина. М., 1911 г. Стр. 189. Ц. 1 р.

Гуревичъ, Борисъ. Освобожденіе духа. (Гашишъ.) Съ пред. проф. И. Сикорскаго. Изд. И. Самоненко. Кіевъ, 1911 г. Стр. 37. Ц. 30 к.

Groupe parlementaire français de l'arbitrage. Notre visite au parlement Russe avec une notice de M. Henri Fromageot une introduction et des conclusions par M. d'Estournelles de Constant. Librairie Ch. Delagrave. Paris, 1910 г. Стр. 308. 3 f. 50 c.

Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. *Е. И. Поповъ.* Кустовый, плодов. и ягодн. садъ. Ц. 15 к. *И. Л. Елинъ.* Разведеніе плодов. дерев. и ягодн. кустовъ. Ц. 25 к. *П. Костычевъ.* О борьбѣ съ засухами посредствомъ обработки полей и накоплен. снѣга. Ц. 20 к. Какъ сдѣлаться хорошимъ садовникомъ. Ц. 20 к. М., 1911 г.

Довнаръ-Запольскій, М. В., проф. На зарѣ крестьянской свободы. М., 1911 г. Стр. 239. Ц. 1 р.

Достоевская, Л. Ѳ. Больныя дѣвушки. Соврем. типы. Спб., 1911. Стр. 150. Ц. 1 р.

Дѣевъ-Хомяковскій, Гр. Машина-башня. Повѣсть изъ временъ крѣпостн. права. М., 1911 г. Стр. 56. Ц. 45 к.

Жуковскій, В. А. Полное собр. соч. Тт. I, II и III. Подъ ред. съ біограф. очерк. А. С. Архангельскаго. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1911 г. Ц. за 3 тома 3 р.

Ибаньесъ, Бласко. Полн. собр. соч. Т. X. Брачная ночь. К-во „Сфинксъ". М., 1911 г. Стр. 228. Ц. 1 р.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Т. I. 414 стр. Т. II. 520 стр. Спб., 1911 г. Ц. за оба тома 3 р.

Изданія „Посредника". 16 книжекъ разныхъ авторовъ. Цѣны отъ $1^1/_2$ до 3 к. М., 1911 г.

Изданія „Посредника". *Л. Н. Толстой.* Божеское и человѣческое. Повѣсть. Ц. 12 к. Мысли мудрыхъ людей на каждый день. Собраны Л. Н. Толстымъ. Изд. 2-е. Ц. 20 к. *П. Бирюковъ.* Левъ Николаевичъ Толстой. Біографическій очеркъ. Ц. 15 к. М., 1911 г.

Изданія гл. упр. неокл. сбор. и казен. прод. питей. Вып. I. Отчетъ гл. упр. неокл. сбор. и казен. прод. питей 1909 г. Стр. 86+66. Вып. II. Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ 1908 г. Стр. 451+373. Вып. III. Статистика по казен. прод. питей 1909 г. Стр. 67+117. Спб., 1911 г.

Индриксонъ, Ф. Н. Работы по физикѣ для средней школы. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1911 г. Стр. 256. Ц. 1 р. 50 к.

Инфантьевъ, П. Жизнь народовъ Россіи. Женитьба Паканкура. Ц. 13 к. Собака хозяина горъ. Ц. 16 к. Злая кереметь. Ц. 11 к. Мурманскіе зуйки. Ц. 16 к. Дѣти-сироты. Ц. 15 к. Охотники за горбачами. Ц. 14 к. Полярный робинзонъ. Ц. 20 к. Сухая бѣда. Ц. 14 к. Изд. П. В. Луковникова. Спб., 1911 г.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. XXXV. Изд. т-ва бр. А. и И. Гранатъ. М., 1911 г.

Историко-литературная библіотека. Подъ ред. Иванова-Разумника. В. Г. Бѣлинскій. Статьи о Пушкинѣ. Ч. I. Стр. LIV+330. Ц. 35 к. Ч. II. Стр. 469. Ц. 40 к. В. Г. Бѣлинскій. Статьи о Лермонтовѣ. Стр. XXVIII+265. Ц. 30 к. В. Г. Бѣлинскій. Статьи о Державинѣ. Стр. XV+123. Ц. 20 к. А. С. Пушкинъ. Евгеній Онѣгинъ. Стр. LXXXVII+253. Ц. 40 к. Спб., 1911 г.

Калій. Юмористическіе разсказы. Т. II. Спб., 1911 г. Стр. 218. Ц. 1 р.

Канторовичъ, Я. А. Авторское право на литер., музык. и художествен. произведенія. Новый законъ 15 марта 1911 г. Изд. юрид. книж. склада „Право". Спб., 1911 г. Стр. III+424. Ц. 1 р. 50 к.

Каргинъ, Г. А. Очеркъ тридцатилѣтняго хозяйства на черноземѣ. Изд. Н. Н. Клочкова. М., 1911 г. Стр. 112. Ц. 1 р.

Кирѣевъ, П. Г. Борьба съ сельскими пожарами. Ялта, 1911 г. Стр. 51. Ц. 30 к.

Князьковъ, С. Какъ начался расколъ русской церкви. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. Спб., 1911 г. Стр. 109. Ц. 30 к.

Корчемный, Веніаминъ. Казнь. К-во „Сфинксъ". М., 1911 г. Стр. 193. Ц. 1 р.

Корфъ, С. А., баронъ. Государственный строй Канады. М., 1911 г. Стр. 101. Ц. 1 р.

Коцебу, П. А. Политическое, экономическое и военное значеніе присоединенія Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи. Екатеринбургъ, 1911 г. Стр. 521. Ц. 2 р. 50 к.

Коцюбинскій, М. Разсказы. Т. II. Изд. т-ва „Знаніе". Спб., 1911 г. Стр. 262. Ц. 1 р.

Кречетовичъ, І. П. Крестьянская реформа въ Оренбургскомъ краѣ (по архивнымъ даннымъ). Т. I. М., 1911 г.

Кривенко, С. Н. Собраніе сочиненій. Т. I, 478 стр., II, 456 стр. Цѣна за два т. 2 р. 50 к. Спб., 1911 г.

Лазурскій, В. Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ. М., 1911 г. Стр. 102. Ц. 80 к.

Лансонъ, Г. Методъ въ исторіи литературы. Перев. съ фр. М. Гершензона. Изд. т-ва „Міръ". М., 1911 г. Стр. 76. Ц. 40 к.

Лапшинъ, И. И. Вселенское чувство. Библ. „Свободное Знаніе". Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и М., 1911 г. Стр. 89. Ц. 60 к.

Леонтьевъ, К. О романахъ гр. Л. Н. Толстого. М., 1911 г. Стр. 152. Ц. 1 р.

Марголинъ, А. Д. Въ полосѣ ликвидаціи. Очерки. Рѣчи. Кассаціон. жалобы. Спб., 1911 г. Стр. 204. Ц. 1 р. 25 к.

Мендринъ, В. М. Исторія сіогуната въ Японіи. Сочиненіе Рой Дзіо Сисей въ XXII книгахъ. Перев. съ японск. съ примѣч. и дополнен. Тт. I, II. Изд. восточ. института. Владивостокъ, 1911 г.

Мюллеръ, І. П. Моя система для дамъ. Перев. съ рукописи П. Н.—Из-ство „Здоровье и красота". М., 1911 г. Стр. 140. Ц. 1 р.

Нагродская, Е. Аня и др. разсказы. Стр. 192. Ц. 1 р.

Немировичъ-Данченко, В. И. Собр. сочин. Томъ I. Сторожевые огни. Романъ. Книгоизд. т-во „Просвѣщеніе". Спб., 1911 г. Стр. 305. Ц. 1 р. 25 к.

Нечаевъ, А. П. 1) Въ мірѣ брызгъ и пѣны. Ц. 25 к. 2) Пять дней въ лодкѣ. Ц. 20 к. Изд. П. В. Луковникова. Спб., 1911 г.

— Чудеса земли. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1911 г. Стр. 134. Ц. 40 к.

— Чудеса безъ чудесъ. Маленькая физика. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. Спб., 1911 г. Стр. 206. Ц. 75 к.

Никольскій, Н. Древній Израиль. Очерки по исторіи евреевъ въ научн. освѣщеніи. Изд. т-ва „Міръ". М., 1911 г. Стр. 324. Ц. 1 р. 50 к.

Острогорскій, Викторъ. Краткій учебникъ теоріи поэзіи. Изд. 6-е. Спб., 1911 г. Стр. 106. Ц. 40 к.

Пантелѣева, С. В. Изъ пережитаго въ шестидесятыхъ годахъ. Спб., 1911 г. Стр. 40. Ц. 30 к.

Панюринъ, Г. Для дѣтей. Разсказы и сказки. Харьковъ, 1911 г. Стр. 38. Ц. 30 к.

Пеніонжкевичъ, К. Б. Основанія аналитической геометріи. Курсъ дополн. класса реальн. училищъ. Изд. кн. маг. В. В. Думнова. Спб. и М., 1911 г. Стр. 197. Ц. 1 р.

Переселеніе за Уралъ въ 1911 г. Краткая справочная книжка. Изд. переселенческ. управленія. Спб., 1911 г. Стр. 32. Ц. 1 к.

Переселенческое движеніе изъ Харьковской губерніи 1909 г. по даннымъ челябинской и сызранской регистраціи. Изд. харьк. губ. земск. управы. Харьковъ, 1910 г. Стр. 36+86.

Переселеніе крестьянъ изъ Харьков. губ. Вып. IV. Обратное переселеніе и ходачество въ 1904—1908 гг. по даннымъ челябинск. регистр. Харьковъ, 1910 г. Стр. 59+51.

Письма Владиміра Сергѣевича Соловьева. Т. III. Подъ ред. Э. Л. Радлова. Спб., 1911 г. Стр. 336. Ц. 2 р.

Планкъ, Максъ. Теоретическая физика. Пер. съ нѣм. И. М. Занчевскаго. Кн-во „Образованіе". Спб., 1911 г. Стр. 157. Ц. 70 к.

Посошковъ, Иванъ. Книга о скудости и богатствѣ и нѣкоторыя мелкія сочиненія. Съ предисл. А. Кизеветтера. Изд. Н. Н. Клочкова. М., 1911 г. Стр. VII+133. Ц. 1 р.

Porosz, Moriz, д-ръ. Половая жизнь, ея физіологія и патологія. Изд. т-ва „Новое въ медицинѣ". Спб., 1911 г. Спб., 190. Ц. 1 р. 75 к.

Рони - старшій. Борьба за огонь. Авториз. перев. Друзей. Изд. М. Семенова. Спб., 1911 г. Стр. 216. Ц. 1 р.

Русская исторія. Т. III. Кн. 5-я. Изд. т-ва „Міръ". М., 1911 г. Стр. 144.

Сборникъ статей разныхъ авторовъ. Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М., 1911 г. Стр. 419. Ц. 2 р.

Сводъ постановленій моск. области. съѣзда дѣятелей агрономической помощи населенію 21—28 февраля 1911 г. М., 1911 г. Стр. 31.

Святскій, Д. Лѣстница Іакова, или сонъ наяву. Библейско - астроном. этюдъ съ предислов. Ник. Морозова. Спб., 1911 г. Стр. 32. Ц. 30 к.

Сельскохозяйственный обзоръ Вологодской губерніи 1909—1910 гг. Вып. I. Зима и весна. Изд. волог. губ. земск. управы. Вологда, 1911 г. Стр. 76. Ц. 75 к.

Селитренниковъ, А. А. Стихотворенія и замѣтки. Спб., 1911 г. Стр. 103. Ц. 75 к.

Семеновъ, Вл. Флотъ и морское вѣдомство до Цусимы и послѣ. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и М., 1911 г. Стр. 109. Ц. 90 к.

Серао, Матильда. Слушай, часовой. Повѣсти. К-во „Атенеумъ". М., 1911 г. Стр. 308. Ц. 1 р.

Сервантесъ, Донъ-Кихотъ. Сокращ. пер. съ исп. М. Ватсонъ. Изд. „Вятск. т-ва". Спб. Стр. 358. Ц. 1 р.

Сетонъ-Томпсонъ, Э. Разсказы изъ жизни животныхъ. Перев. съ англійск. Бинго и Вулли. Ц. 10 к. Краснопейка. Ц. 13 к. Лобо, король Курумпо. Ц. 20 к. Спрингфильская лисица. Ц. 10 к. Мустангъ-иноходецъ. Ц. 10 к. Рваное ушко. Ц. 13 к. Серебряное пятнышко. Ц. 9 к. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. Спб., 1911 г.

Сильченко, Ис. Не караемыя закономъ убійства. Одесса, 1911 г. Стр. 62. Ц. 40 к.

Смирновъ, К. А. Н. А. Васильевъ и его законъ исключеннаго четвертаго. Спб., 1911 г. Стр. 13.

Смирновъ, П. Среди живой природы и въ кругу хорошихъ людей. Книга для чтенія. Шацкъ, 1911 г. Стр. 786. Ц. 1 р. 50 к.

Соловьевъ, Владиміръ. Русская идея. Из-ство „Путь". М., 1911 г. Стр. 51. Ц. 75 к.

Спекторскій, Е. Понятіе общества въ античномъ мірѣ. Варшава, 1911 г. Стр. 27.

Справочныя свѣдѣнія о дѣятельн. земствъ по сельскому хозяйству. Подъ ред. В. В. Морачевскаго. Вып. XI. Изд. главн. упр. землеустр. и земледѣл. Спб., 1911 г. Стр. 666.

Справочная книжка для ходоковъ и переселенцевъ на 1911 г. Изд. переселенческаго управленія. Спб., 1911 г. Стр. 146. Ц. 7 к.

Стражевъ, Викторъ. Т. I. Стихи. (1904—1909 гг.) Стр. 132. Ц. 1 р. Т. II. Разсказы. Стр. 105. Ц. 80 к. К-во „Метели". М., 1911 г.

Струве, Петръ. Patriotica. Сборникъ статей. Изд. Д. Е. Жуковскаго. Спб., 1911 г. Стр. 619. Ц. 3 р.

Съѣздъ по реформѣ фельдшерскаго и акушерскаго образованія въ Москвѣ 2—6 января 1911 г. Изд. союза об-въ помощн. врачей въ Москвѣ. М., 1911 г. Стр. 231+III. Ц. 1 р.

Танаторъ, С., и Куровскій, Э. Практическое руководство по количественному анализу. К-во „Образованіе". Спб., 1911 г. Стр. 240. Ц. 1 р. 25 к.

Тарасовъ, Н. Г., и Моравскій, С. П. Культурно-историческіе картины изъ жизни западной Европы IV—XVIII вѣковъ. Изд. 2-е. М., 1910 г. Стр. 194. Ц. 1 р. 40 к.

Танъ, В. Г. Собр. соч. Т. VI. За океаномъ. Романъ. Стр. 314. Ц. 1 р. Т. VII. Духоборы въ Канадѣ. Стр. 306. Ц. 1 р. Книгоиз. т-ва „Просвѣщеніе". Спб., 1911 г.

Томпсонъ, Э. С. Разсказы изъ жизни животныхъ. Пер. съ англ. Изд. кн. маг. Г. В. Луковникова. Спб., 1911 г. Стр. 251. Ц. 1 р.

Туганъ-Барановскій, М. И. Основы политической экономіи. Изд. 2-е кн. маг. „Право". Спб., 1911 г. Стр. 512. Ц. 2 р. 75 к.

Фарадей, М. Химическая исторія свѣчи. Популярная естественно-научная библ. № 11. Изд-ство „Образованіе". М., 1911 г. Стр. 144. Ц. 60 к.

Фалѣевъ, Н. И. Атласъ для наглядн. изученія законовѣдѣнія и государственнаго строя Россіи. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1911 г. Стр. 79. Ц. 1 р.

Феддерсъ, Георгій. Этюды и разсказы. Кіевъ, 1910 годъ. Стр. 163. Ц. 75 к.

Хавкина, Л. Б. Библіотеки, ихъ организація и техника. Спб., 1911. Стр. 404. Ц. 3 р.

Хоткевич, Гнат. Камінна душа. Повість. Чернівці, 1911 г. Стр. 376. Ціна 4 корони.

Чарнолусскій, В. Школьная гигіена, санитарія и архитектура. Изд. т-ва „Знаніе". Спб., 1911 г. Стр. 64. Ц. 60 к.

— Настольная книга по народному образованію. Т. IV дополнит. Изд. т-ва „Знаніе". Спб., 1911 г. Стр. 760. Ц. 5 р.

— Земство и народное образованіе. Ч. I и II. Цѣна по 1 р. за часть. Изд. т-ва „Знаніе". Спб., 1911 г. Стр. 345.

— Испытанія на первый классный чинъ и производство въ этотъ чинъ. Системат. сводъ зак., распоряж. правилъ и т. д. Изд. т-ва „Знаніе". Спб., 1910 г. Стр. 88. Ц. 50 к.

Черный, Борисъ. У граней счастья. Кн-ство „Сфинксъ". М., 1911 г. Стр. 288. Ц. 1 р.

Шапиръ, Ольга. Миражи. Романъ. К-во „Просвѣщеніе". Спб., 1911 г. Стр. 522. Ц. 1 р. 50 к.

Шапошниковъ, А. Борьба двухъ теченій въ элемент. алгебрѣ. М., 1911 г. Стр. 24. Ц. 20 к.

— Курсъ элементарной алгебры. Вып. I. М., 1911 г. Стр. 96. Ц. 50 к.

Шевченко, Тарасъ. Кобзарь. Перев. подъ ред. М. Славинскаго. Спб., 1911. Стр. 252. Ц. 90 к.

— Твори. Т. II. Видання В. Яковенка. Кіевъ, 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Эббингаузъ, Г. Основы психологіи. Т. I. Вып. I. Пер. съ нѣм. Г. А. Котляра. Подъ ред. В. С. Серебренникова и Э. Л. Радлова. Спб., 1911 г. Стр. 391.

Эверсъ, Гансъ Гейнцъ. Одержимые. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. Спб., 1911 г. Стр. 291. Ц. 1 р. 25 к.

Юнгъ, Грація Ч. и Юнгъ, У. Т. Первая книжка по геометріи. Пер. съ англ. А. І. Бачинскаго. М., 1911 годъ. Стр. 199. Ц. 50 к.

Юшкевичъ, Семенъ. Собр. соч. Т. VI. Книгоизд. т-во „Просвѣщеніе". Спб., 1911 г. Стр. 364. Ц. 1 р. 25 к.

Ѳедоровъ, А. И. Мой путь. Изд. Н. Клочкова. М., 1911 годъ. Стр. 215. Ц. 1 р. 25 к.

Ѳедосѣевъ, П. И. Изъ-за принципа. Романъ. Изд. 2-е. М., 1911 г. Стр. 270. Ц. 1 р.

XXXV сборникъ т-ва „Знаніе" за 1911 г. Спб., 1911 г. Стр. 142+10+131+10. Ц. 1 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Критическаго обозрѣнія.

I. Книги.

Стр.

Исторія литературы и литературная критика: *Андрей Бѣлый.* 1) Символизмъ. 2) Лугъ зеленый. 3) Арабески. — *С. Шамбинаго.* Трилогія романтизма (Н. В. Гоголь).—*Gustave Lanson.* Manuel bibliographique de la littérature française moderne. Т. I, II, III 189

Исторія: *Протоіерей І. П. Кречетовичъ.* Крестьянская реформа въ Оренбургскомъ краѣ по архивнымъ даннымъ. Т. I. Подготовка реформы.—*М. К. Любавскій.* Очеркъ исторіи литовско-русскаго государства до люблинской уніи включительно.—Мемуары *гр. Головиной.* 1766—1821 гг. 195

Правовѣдѣніе: *П. Матте.* Роспускъ парламента на Западѣ 197

Философія: *К. Форлендеръ.* Исторія философіи. Т. I.—*Dr. Robert Reininger.* Philosophie des Erkennens. — *Karl Stumpf.* Philosophische Reden und Vorträge 198

Политическая экономія и статистика: *І. М. Кулишеръ.* Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы. — *П. И. Куркинъ.* Санитарно-статистическія таблицы. — *И. Е. Ададуровъ.* Подтоварный кредитъ въ коммерческихъ банкахъ. Теорія и практика. Вып. I 200

Педагогика и народное образованіе: *К. Н. Вентцель.* Новые пути воспитанія и образованія дѣтей.—*М. С. Скойтенъ.* Воспитаніе женщины. Вып. I. — *Х. Шоенъ.* Школы на открытомъ воздухѣ. — *Э. Бланжеро.* Уроки-прогулки.—Методы первоначальнаго образованія. Ч. I. Русскій языкъ, начальная математика, новые языки, исторія. Составили Кульманъ, Шохоръ-Троцкій, Петрова, Знаменскій 204

Естествознаніе: *Э. Борель.* Элементарная математика.—*В. А. Бородовскій.* Поглощеніе бета-лучей радія.—*Г. Клейнъ.* Звѣздный міръ.—*Максъ Ферворнъ.*—Общая физіологія. Основы ученія о жизни.—*В. Е. Игнатьевъ.* Невидимые враги и борьба съ ними.—*К. Келлеръ.* Естественная исторія домашнихъ животныхъ 207

II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ въ теченіе апрѣля 1911 года.

Редакторъ-издатель П. Б. Струве.

Съ міру по ниткѣ—несчастнымъ дѣтямъ счастливая жизнь!

Учрежденное мною „Трудовое Убѣжище для безпризорныхъ дѣвочекъ въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, 131, кв. 1, существующее исключительно пожертвованіями добрыхъ людей, въ настоящее время переживаетъ крайне бѣдственное состояніе: притокъ пожертвованій прекратился. Между тѣмъ Убѣжище, какъ прежде, такъ и теперь, испытываетъ острую нужду во всемъ и приходится не только отказывать въ пріемѣ новыхъ несчастныхъ сиротъ, но и нечѣмъ содержать ранѣе принятыхъ дѣвочекъ, которыхъ въ настоящее время въ Убѣжищѣ призрѣвается до 60, въ возрастѣ отъ 5 до 16 лѣтъ. Въ нашей обширной столицѣ такъ много безпризорныхъ выброшенныхъ на улицу дѣвочекъ, которыя нуждаются въ пріютѣ и воспитаніи, и какъ обидно и горько до глубины души отказывать въ призрѣніи этимъ несчастнымъ, изъ которыхъ можно было бы воспитать полезныхъ, честныхъ труженицъ.

Въ мастерскихъ, швейной и цвѣточной, мною учрежденнаго Убѣжища дѣвочки обучаются шитью и изготовленію искусственныхъ цвѣтовъ, и стоитъ только взглянуть на этихъ маленькихъ труженицъ за ихъ работой, какъ сразу же можно убѣдиться, насколько важно въ свое время развить въ нихъ любовь къ честному труду на пользу себѣ и обществу.

Къ крайнему моему прискорбію, за отсутствіемъ у „Трудового Убѣжища“ основного капитала и какихъ-либо постоянныхъ субсидій, съ прекращеніемъ въ настоящее время притока пожертвованій, невозможно поставить это святое дѣло—спасеніе ближняго—на твердое основаніе, и вся моя надежда только на добрыхъ людей.

Въ этомъ безотрадно-горькомъ положеніи, глубоко скорбя душою за несчастныхъ дѣвочекъ, я обращаюсь къ Вамъ, добрые люди, съ моею усерднѣйшею просьбою—оказать безпризорнымъ дѣвочкамъ Убѣжища вспомоществованіе.

За участіе въ горькой судьбѣ глубоко благодарныя сироты будутъ горячо молить Бога за Васъ.

Пожертвованія принимаются деньгами, почтовыми марками, платьями, бѣльемъ, вещами и пищевыми продуктами ежедневно отъ 10 час. утра до 8 час. вечера въ самомъ Убѣжищѣ, С.-Петербургъ, Фонтанка, 131, кв. 1, и на всякое пожертвованіе тотчасъ же выдается квитанція съ печатью Общества. Иногороднимъ высылается почтой. Въ тѣ же часы можно осматривать и Убѣжище.

Никакимъ сборщикамъ по квартирамъ, якобы для нашего Убѣжища, прошу не вѣрить.

Имѣется большой выборъ искусственныхъ цвѣтовъ, а также и передниковъ для хозяекъ и прислугъ.

Учредительница Убѣжища *Татьяна Богородицкая.*

22 января 1911 г.

XLIII г. изд. **ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1911 г.** XLIII г. изд.

НА ЖУРНАЛЫ:

ЮНАЯ РОССІЯ,

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы.

Сорокъ третій годъ изданія.

Журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ городскія, по положенію 1872 г., училища и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Въ годъ **4** р. **50** к. безъ пересылки. **5** р. съ пересылкой. За границу **7** р.

Вышла апрѣльская книга журнала „Юная Россія“ за 1911 г.

Содержаніе: I. Богоматерь. Рисунокъ на отд. листѣ.—II. Гусли-самогуды. (Пѣсенный сказъ.) *А. Коринфскаго.*—III. Береговые пираты. *Вас. И. Немировичъ-Данченко.* Съ рис. Окончаніе.—IV. Озорникъ. Стих. *В. Смирнова.*—V. Пріемышъ. Разсказъ. *Ч. Робертса.* Пер. съ англ. *Р. Рубиновой.* Съ рис.—VI. Сыну. Стих. *Ф. Шкулева.*—VII. Своимъ путемъ. Повѣсть. *К. Баранцевича.* Съ рис. худ. *К. Фридберга.* Продолж.—VIII. Въ татарской неволѣ. Историческій разсказъ *А. Алтаева.* Съ рис. худ. *К. Фридберга.*—IX. Пустыня. *А. Чеглока.* Съ рис.—X. Трехсотлѣтіе смутнаго времени. *В. Алексѣева.* Съ рис.—XI. Утро. Стих. *Е. Нечаева.*—XII. Изъ книгъ и журналовъ. Бѣдуга. Разсказъ. *А. Куприна.*—XIII. Объявленія.

При этой книжкѣ разсылается всѣмъ подписчикамъ книжка безплатнаго приложенія: **Марнъ Твэнъ. Легенды Рейна.** Въ пересказѣ Е. Н. Тихомировой.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВОСПИТАТЕЛЕЙ И НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ.

Сорокъ третій годъ изданія.

1 руб. **75** коп. безъ пересылки. **2** руб. съ пересылкой. За границу **3** руб.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками до 5 листовъ.

Подписная цѣна на оба журнала **6** р. на годъ съ пересылкой, безъ пересылки **5** р.

Вышла апрѣльская книга журнала „Педагогическій Листокъ“ за 1911 г.

Содержаніе: I. Десять лѣтъ въ сельской школѣ. *С. Клода.*—II. Задаваніе уроковъ на домъ. Учит. *Китаева.*—III. Активная педагогика въ начальныхъ школахъ. *В. Линда.*—IV. Счастье народнаго учителя. Стих. *А. Коринфскаго.*—V. Начальныя школы въ Москвѣ по отчету за 1909—10 уч. годъ. *Е. Звягинцева.*—VI. М. Горькій о писателяхъ-самоучкахъ. (Изъ текущей литературы.) *С. С—о.*—VII. Объ улучшеніи матеріальнаго положенія учащихъ въ московскихъ городскихъ начальныхъ школахъ. *С. С—о.*—VIII. Секція средней школы Московскаго Общества Народныхъ Университетовъ. *С. С—о.*—IX. Къ юбилею Н. А. Рубакуна. *С. С—о.*—X. Хроника.—XI. Библіографія.—XII. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію для отзыва.

Адресъ редакціи: Москва, Большая Молчановка, д. № 24.

Издательница Е. Н. Тихомирова. **Редакторъ Д. И. Тихомировъ.**

При журналѣ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“ организованъ книжн. складъ изданій Д. И. Тихомирова: 1) Библіотека для семьи и школы; 2) Учительская библіотека; 3) Учебники Д. И. Тихомирова.

Каталогъ высылается безплатно по первому требованію.

РЫБОЛОВАМЪ-ЛЮБИТЕЛЯМЪ.

ПОЛНЫЕ НАБОРЫ РЫБОЛОВНЫХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ ЛУЧШИХЪ АНГЛІЙСКИХЪ ФАБРИКЪ.

Всѣ наборы уложены въ удобныхъ для переноски деревянныхъ шкатулкахъ. Они содержатъ всѣ необходимыя принадлежности для рыбной ловли: готов. удочки, леска, бичевки, поплавки, крючки, жерлицы, садки, искуствен. приманки и массу др. предметовъ.

Наборъ	№ 1	цѣна	3 руб.
„	№ 2	„	5 руб.
„	№ 3	„	10 руб.
„	№ 4	„	15 руб.
„	№ 5	„	25 руб.

Высылка наложен. платеж. безъ задатка.

Оптово-розничн. складъ рыболовн. принадлежностей:

И. ГЛАЗУНОВЪ, Москва, Столешниковъ пер., № 8.

Каталогъ-безплатно.

ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ ГОСТЕЙ:

ПОЛНАЯ КНИГА

РАСКРЫТІЕ ТАЙНЪ ВОЛШЕБСТВА.

Состав. проф. **Малиненко** по сочиненіямъ знаменитыхъ френологовъ, хиромантовъ и гипнотизеровъ. Содержитъ 50 разн. рис. и болѣе 300 разн. фактическихъ опытовъ, легко испо нимыхъ, какъ-то: вызываніе духовъ, призраковъ, умершихъ изъ загробной жизни. Угадывать чужія мысли. Усыпить и подчинить своей волѣ извѣстное лицо. Избавить человѣка отъ чрезмѣрнаго куренія и пьянства. Узнать—по складу головы, по чертамъ лица, по линіямъ на рукахъ — характеръ, способности, наклонности, здоровье, болѣзнь, счастье или несчастье человѣка. Узнать у совершенно незнакомаго человѣка, сколько въ карманѣ денегъ. Снять съ человѣка нижнюю рубашку, не трогая верхняго платья. Молоко превратить въ кровь. Воду въ вино. Сдѣлать красное вино бѣлымъ иди бѣлое краснымъ. Сжечь нитку и, растеревъ между ладонями показать ее вновь цѣлой. И много другихъ волшебныхъ секретовъ, карточныхъ и другихъ фокусовъ помѣщено въ этой книгѣ.

Книга стоитъ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к., съ наложеннымъ плат. 1 р. 85 к.

Въ премію прилагаются безплатно волшебно-фокусныя карты.

Книжный магазинъ А. С. Балашова.

Адресъ: Москва, Трубная ул., д. № 13.

Курсы газетной техники.

1-е въ Россіи. Сущ. 6-й годъ. Лично и **ЗАОЧНО** подготов. лицъ обоего пола въ сотрудники. Спец.: фельетоны, статьи, разсказы, корресп., стеногр. и пр. Выд. свид. рек. ред. Прежн. курс. работ. въ газет. на жалов. Подр. за 7-к. м. Лекціи и матер. Леон. Андреева, Амфитеатрова, Куприна. Одесса, Преображенская, д. Рус., № 2, Чивонибару.